Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

МАЙ. 1904.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 5.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

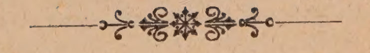
МАЙ. 1904.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 мая 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1902 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1903 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

СРЕДИ РАБОЧИХЪ.

(Очерки съ натуры).

I.

Нѣсколько разъ, еще зимой, въ январѣ „навѣдывался“ я къ управляющему и каждый разъ слышалъ отъ него одно и тоже:

— Погоди, работы нѣтъ. Навѣдайся весной,—возьму...

Пришла, наконецъ, и весна... Стояли послѣдніе дни апрѣля... Было тепло... Снѣгъ стаялъ вездѣ давнымъ давно, и дни были солнечные, ясные съ плавающими по прозрачно-лазурному небу облаками, съ ослѣпительно блестящими краями и грузными, какъ горы...

Въ рощахъ трещали прилетѣвшіе дрозды, куковали кукушки... Надъ полями, трепеща крылашками и точно захлебываясь отъ радости, тирликали жаворонки; по болотамъ и низкимъ мѣстамъ жалобно кричали, точно плакали, чибисы... Изрѣдка, въ прозрачной лазури, высоко-высоко, пролетали журавли, оглашая воздухъ своимъ характернымъ крикомъ, нагоняющимъ на душу какую-то непонятную грусть...

— Приходи, братъ, перваго мая!..—дождался я, наконецъ, приглашенія отъ управляющаго,—да только смотри, другъ ситный, будешь пьянствовать, прогоню и разсчета не дамъ... У меня—держи ухо востро...

— Да ужъ будьте покойны, — сказалъ я, оглядывая его кругленькую, маленькую, точно надутый пузырь, фигурку и мысленно посылая его къ чорту,—будьте покойны...

— Ну, ладно... смотри... Жалованья десять цѣлковыхъ... харчи наши... по праздникамъ не работать... ну, и... ноги, руки, талія и такъ далѣе... однимъ словомъ... съ Богомъ ступай... не задерживаю!..

II.

Перваго мая, раннимъ утромъ, я былъ на мѣстѣ... На площадкѣ, противъ оконъ квартиры управляющаго, нѣсколько человѣкъ рабочихъ запрягали въ „фуры" лошадей, собираясь куда-то ѣхать...

Я сѣлъ на ступеньки крыльца и сталъ ждать, когда проснется и выйдетъ „самъ"...

Рабочіе, запрягавшіе лошадей, кричали на нихъ, громко ругались и смѣялись... Огромный тупорылый боровъ шатался по площадкѣ, ковыряя своимъ пятакомъ землю, и отрывисто хрюкалъ, точно кашлялъ. Сизый, хохлатый селезень, потѣшно переваливаясь, бѣгалъ за бѣлой уткой, которая громко, отчаянно кричала, убѣгая отъ него: ахъ! ахъ! ахъ!.. Двѣ собаки, красавецъ понтеръ и шаршавая, грязная дворняга, лежали въ тѣни и ловили зубами мухъ... Множество куръ, всевозможныхъ породъ, бродили по площадкѣ. Пѣтухи въ задоръ, другъ передъ дружкой, то и дѣло пѣли, стараясь перекричать одинъ другого. Изъ конюшни слышно было, какъ ржали лошади и кричали кучера, убирая ихъ... Около открытыхъ дверей погреба двѣ бабы пахтали масло, вертя колесо съ боченкомъ, въ которомъ переливалась и шлепала сметана...

Когда рабочіе, наконецъ, запрягли и съ трескомъ уѣхали куда-то, къ бабамъ подошелъ высокій, широкоплечій, сутуловатый мужикъ и сталъ что-то говорить, вѣроятно, смѣшное: бабы громко засмѣялись...

Постоявъ около бабъ, мужикъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, глядя на меня изъ-подъ нависшихъ бровей маленькими, непріятно злобными, глазами.

— Здорово!.. ты что сидишь?

— Ничего,—сказалъ я.

— Къ самому?.. наиматься?—опять спросилъ онъ и сѣлъ рядомъ со мной на ступеньку крыльца.

— Да,—отвѣтилъ я.

Мужикъ помолчалъ немного, скосивъ глаза, оглядѣлъ меня съ ногъ до головы и произнесъ, растягивая слова, точно пропѣлъ:

— Та-а-а-къ... а до этого ты гдѣ жилъ?..

— Дома.

— А чей ты?.. аткеда?.. дальній?..

— Нѣтъ.

— Стало быть, тутошней губерніи?

— Да.

— Та-а-а-къ!—пропѣлъ онъ опять.—Грамотный?..

— Маракую.

Онъ опять помолчалъ и вдругъ, какъ-то скрививъ тонкія губы въ усмѣшку, произнесъ:

— Работать-то, я гляжу, ты, парень, не того...

— Что такъ?...

— Да такъ ужъ... гдѣ вамъ... чаи распивать вы мастера, московскіе-то... жалованье дарма получать... избалованный народъ... да!.. А тутатко, братъ, работать надыть... Водочку чай сосешь, какъ медвѣдь лапу... ась?..

— А тебѣ какое дѣло?..

— Мнѣ-то?.. да такъ... нарядчикъ я тутошній... н-да!.. не люблю лодарей... Я тутатко шестой годъ живу... Самъ князь меня обожаетъ... такъ-то, другъ!... Нарядчикъ я!—опять внушительно произнесъ онъ и, нахмуривъ и безъ того хмурыя брови, уставился на меня, вѣроятно, отыскивая, такъ сказать, на моемъ лицѣ впечатлѣніе отъ своихъ словъ.

Я промолчалъ и свернулъ папироску.

— Вотъ куришь,—началъ опять онъ,—а дома, поди, ребятенки пищатъ... н-да... баловство... не люблю я... бѣсу потѣха... тьфу!..—Онъ плюнулъ и вдругъ, торопливо поднявшись, шепотомъ произнесъ:—Самъ идетъ... вставай!..

III.

На крыльцо, хлопнувъ стеклянной дверью, вышелъ „самъ“. Одѣтъ онъ былъ въ какую-то сѣрую куртку съ синимъ воротникомъ и большими блестящими пуговицами. На головѣ фуражка съ двумя козырьками, — спереди и сзади; рабочіе называютъ такіе головные уборы по своему: „здравствуй и прощай“. Свѣтлыя брюки были заправлены за голенища блестяще вычищенныхъ сапогъ... Сильный запахъ духовъ сирени шелъ отъ него, какъ отъ цвѣтущаго куста... Кругленькое румяное лицо лоснилось, точно отполированное... Въ одной рукѣ онъ держалъ тросточку съ набалдашникомъ въ видѣ головы какого-то мудреца, а въ другой — дымящуюся сигару..

Увидя его, нарядчикъ, сдернулъ съ головы картузъ и, какъ-то изгибаясь, глядя на него заискивающими, точно у провинившейся собаки, глазами и самъ похожій на собаку, крадущуюся подъ тетерева, сказалъ:

— Съ добрымъ утромъ, баринъ... здравствуйте! все ли здоровы-съ?..

— Здорово, Егоръ!—кивнувъ головой, отвѣтилъ „самъ“.— Ну, что... а?.. какъ...—И, увидя меня, онъ воскликнулъ:—А-а, пріятель, пришелъ!..

Онъ остановился и глядѣлъ на меня, попыхивая сигарой и стуча тросточкой о перилы крыльца.

— Пришелъ, а?..—повторилъ онъ и, обернувшись къ нарядчику, добавилъ:—вотъ, Егоръ, новый рабочій... а?..

— Слушаю-съ!—сказалъ Егоръ.—Да только,—продолжалъ онъ,—осмѣлюсь вамъ доложить, баринъ: будетъ ли онъ работать-то?..

— А что?..

— Жиденекъ-съ... А главная причина: тутошній, московскій... Сами изволите знать,—народецъ!.. скандалисты... пьяницы. Сказать опять ничего нельзя: того гляди, норовятъ въ рыло-съ... грѣхъ одинъ... набалованный народъ, необузданный... прямо надо говорить: никакого трепету нѣтъ... все не такъ, да не эдакъ... „Харчи плохи“, „на работу рано будишь“... Матершинники тоже—наказанье Господне!.. сказать ничего нельзя: „чортъ“‘ „дьяволъ“, только тебѣ и званья... Народъ только развращаютъ... смутьяны!.. По моему, осмѣлюсь доложить, не надо брать его,—онъ кивнулъ на меня,—дальняго бы какого... а между прочимъ, воля ваша-съ...

— Такъ какъ же быть? — вопросительно глядя на меня, произнесъ „самъ“ и добавилъ:—слышишь, а?..—И, видя, что я молчу, онъ нахмурился и, застучавъ тросточкой по перильцамъ, продолжалъ, возвышая голосъ:—У меня чтобъ тихо!.. Его слушать!—указалъ онъ сигарой на нарядчика.—А то къ чорту! Приведу урядника... связать прикажу... выдеру!.. разсчета не дамъ... хамы!.. идіоты!.. смѣютъ разговаривать!.. Молчать!—закричалъ онъ весь красный и видя, что я и то молчу, обратился къ нарядчику и сказалъ:

— Чуть что,—за урядникомъ... За прогулъ и вообще,—снова обратился онъ ко мнѣ,—за порчу инструмента, за лѣнь—вычетъ... двойной!.. понялъ... а?..

— Понялъ!—отвѣтилъ я.

— Остаешься?

— Остаюсь.

— Егоръ, поставь его на дѣло!.. рабочіе уѣхали?

— Такъ точно.

— Я пойду въ конюшню... Какъ нога у Стрѣлки?

— Полегше.

— Ну, поставь его!—опять сказалъ онъ, кивнувъ на меня,—а коли что, къ чорту...

Онъ сошелъ съ крыльца и направился, помахивая тросточкой, черезъ площадку къ конюшнѣ...

IV.

— Ну, пойдемъ!—сердито хмурясь, произнесъ нарядчикъ и добавилъ со злостью и презрѣніемъ:—работники!.. дери васъ деромъ...

Онъ повелъ меня къ какому-то деревянному строенію, какъ оказалось послѣ, банѣ, и, подойдя къ ней, сказалъ, указывая на камни, „голыши“, сваленные въ кучу, а также разбросанные вдоль забора:

— Вотъ эти каменья таскай... Бери-ка-сь! Пойдемъ, укажу на кое мѣсто... Ну, шевелись, неча думать-то...

Я взялъ два камни и пошелъ за нимъ. Камни были тяжелые и нести ихъ было неловко. Я прижималъ ихъ къ груди, боясь выронить, и мысленно ругался.

Нарядчикъ долго шелъ вдоль забора и, наконецъ, свернувъ налѣво, въ ворота, подвелъ меня къ какой-то избѣ.

— Складывай здѣся... куфню поправляютъ, — пояснилъ онъ, указавъ на работавшихъ около избы плотниковъ,—печку тоже новую класть станутъ... камень-то этотъ подъ нее и пойдетъ въ буть... Торопиться надо... князь скоро пріѣдетъ — жить на лѣто...

Бросивъ камни и обтеревъ рукавомъ рубашки потъ, я оглядѣлся кругомъ.

Налѣво отъ кухни, шагахъ въ тридцати, стоялъ старый, потемнѣвшій отъ времени, барскій домъ... Огромные липы и тополи росли около него, раскинувъ вѣтки по крышѣ, точно щитъ. Домъ этотъ лицевой стороной, гдѣ была терраса, выходилъ въ садъ. Садъ этотъ, видимо, былъ красой имѣнія: безконечныя аллеи тянулись къ югу отъ самаго дома внизъ, подъ гору. Верхушки деревьевъ переплетались между собою, представляя тѣнистые, могучіе своды... Чрезъ темную чащу лишь кое-гдѣ пробивалась въ аллеяхъ узкая полоса солнечнаго свѣта. Длинными рядами и цѣлыми купами стояли столѣтніе дубы, липы, тополя... Тутъ же росли въ изобиліи лиственницы, пихты, ели и сосны, гордо возносившія свои темно-зеленые кроны кверху надъ другими деревьями... Серебристая кора рѣдкихъ березъ, какъ бѣлыя привидѣнія, мелькала кое-гдѣ въ чащѣ.

По низу дико и прихотливо разрослась заросль... Кусты сирени, волчьихъ ягодъ, орѣшника, вереска раскидывали безпорядочно-прихотливо свои вѣтки, перепутанныя, представлявшія мѣстами почти непролазную одичалую чащу.

Въ лѣтніе знойные дни въ этомъ саду царила непробудная мертвая дремота. Изрѣдка только гдѣ-то высоко, надъ

вершинами деревьевъ, пронзительно крикнетъ ястребъ и снова все тихо...

Не то было весной, когда только что начинали шумѣть по оврагамъ говорливые ручьи, и высоко надъ землею проносились угольники журавлей. Весь садъ былъ полонъ веселымъ гамомъ птичьихъ голосовъ...

На опушку прилетѣли уже въ свои старыя гнѣзда горластые грачи, и крики ихъ раздавались по саду съ утра до ночи... За ними послѣдовали скворцы, потомъ сѣрыя трещетки, дрозды... Садъ ожилъ. Все въ немъ пѣло, чирикало, свистало и щебетало на разные голоса, стараясь перекричать другъ друга. А по утреннимъ и вечернимъ зорямъ и во всю короткую майскую ночь, въ кустахъ, по берегамъ огромнаго садоваго пруда раздавались чудныя соловьиныя трели. Въ тихія весеннія ночи казалось порой, что подъ эти трели, при таинственномъ лунномъ свѣтѣ, по аллеямъ сада бродятъ тѣни давно умершихъ „сіятельныхъ" людей и тоскуютъ, и плачутъ, вспоминая прежнее величіе...

Постоявъ немного, я снова направился къ банѣ за камнями и когда возвратился назадъ, то одинъ изъ плотниковъ усмѣхнулся и сказалъ, обращаясь къ товарищамъ:

— Гляди, ребята, вотъ почему и лошади-то нонѣ дешевы... на себѣ, вишь, таскаетъ... эхъ, ты, голова! И охота тебѣ?

Я промолчалъ.

„Почему, въ самомъ дѣлѣ, не перевезти камни сразу на лошади?"—думалъ я, однако, про себя, и тотъ же вопросъ предложилъ попавшемуся навстрѣчу нарядчику.

Онъ ехидно захикикалъ и сказалъ:

— Вишь ты!.. Лошадь! А тебѣ тогда что же дѣлать?.. Зачѣмъ животну зря мучить?.. Таскай, парень, таскай... не сумлѣвайся.

— Да вѣдь время даромъ теряемъ!—сказалъ я.

— А ужъ это, братъ, не твоя забота... Ѣшь — что поставятъ, дѣлай—что заставятъ... Помалкивай... а не хошь—какъ хошь... Слыхалъ, что самъ давича сказалъ: „къ чорту!" больше ничего!

Онъ засмѣялся и зашагалъ отъ меня прочь...

V.

Этой дурацкой и утомительной работой я занимался до самаго обѣда, т. е. до 12-ти часовъ дня. У меня болѣла спина, руки и грудь, а главное, разбирала злость на нарядчика, который очевидно глумился надо мной, испытывая

мое терпѣніе и вымещая свою досаду на „тутошнихъ“, т. е. московскихъ рабочихъ.

Ровно въ 12 часовъ позвонили къ обѣду.

Къ большой избѣ, стоявшей поодаль отъ другихъ построекъ, потемнѣвшей съ виду, шли со всѣхъ концовъ люди... Здѣсь были рабочіе мужики, и плотники, и конюха, и садовники, и бабы-пололки, и бабы-скотницы.

Вмѣстѣ съ другими я тоже вошелъ въ кухню. Все здѣсь было грязно, черно, покрыто копотью, паутиной и наполнено какимъ-то особеннымъ гадкимъ запахомъ.

Налѣво отъ входной двери разлеглась огромная печь, занимавшая полъ-избы, грязная и ободранная, съ бѣгающими по ней тараканами... Направо, въ углу стояла койка ночнаго сторожа и передъ ней висѣла люлька; въ люлькѣ барахталось и визжало живое существо, завернутое въ грязныя тряпки, отъ которыхъ шелъ непріятный острый запахъ... Подальше, начиная отъ передняго угла, гдѣ виднѣлись покрытые копотью и паутиной образа, стоялъ длинный, широкій и необыкновенно грязный столъ со скамьями по обѣ стороны... Въ заднемъ углу за печкой были нары, на которыхъ валялась разная рухлядь: армяки, полушубки и т. п.

На стѣнѣ, между оконъ, неподалеку отъ образовъ висѣлъ загаженный мухами портретъ Ивана Кронштадтскаго и картинка, на которой былъ изображенъ чортъ, державшій въ рукахъ пьяницу, съ надписью внизу: „водка есть кровь сатаны“... Тутъ же висѣлъ листъ бумаги, на которомъ крупными буквами старательно было написано: „ругаться матерно строго воспрещается“... Бумага эта была скрѣплена собственноручной подписью „самого“: „Карлъ Ивановичъ Бергъ, ученый управитель“...

Мнѣ пришлось сѣсть съ краю, рядомъ съ какимъ-то парнемъ, молодымъ, румянымъ, съ шапкой густыхъ волосъ, похожихъ на трепанный ленъ.

Когда всѣ кое-какъ торопливо и безпорядочно размѣстились, „стряпка“, краснощекая, гладкая, бойкая бабенка, жена ночного сторожа, крикнула отъ печки:

— Всѣ, што-ли-чка?..

— Всѣ!—отвѣтилъ нарядчикъ и, взявъ ковригу хлѣба, сталъ рѣзать ее на ломти... Стряпка поставила передъ нимъ деревянный большой, грязный кружокъ, три огромныхъ похожихъ на лоханки чашки, ножикъ, сдѣланный изъ косы, и, подойдя къ печкѣ, гдѣ стоялъ на шесткѣ большой чугунъ со щами, достала желѣзной вилкой, похожей на вилы, объ двухъ рожкахъ, кусокъ чего-то длиннаго, дымящагося, съ виду напоминавшаго портянку. Со словами: „посторонись...

ошпарю!..“ она шлепнула передъ нарядчикомъ это „что-то“ на деревянный кружокъ...

Нарядчикъ всталъ, засучилъ рукава и, взявъ въ правую руку ножъ, началъ рѣзать это что-то на мелкіе куски.

— Ну ужъ и солонинка!—сказалъ одинъ изъ рабочихъ, сидѣвшій по другую сторону стола напротивъ нарядчика,—за непочтеніе къ родителямъ жрать ее... Истинный Господь.. маханина это...

— Поболѣ да потухлѣе!—сказалъ другой.

— Сойдетъ!—сказалъ опять первый съ горечью:—свиньямъ да рабочимъ все годится.

— А дома-то, небось, коклетки жрешь?—вскинувъ на него глазами, произнесъ нарядчикъ и, облизавъ языкомъ грязные пальцы на лѣвой рукѣ, опять принялся „крошить“.

— Да тебѣ-то что ни дай—все сожрешь,—отвѣтилъ первый рабочій.—Извѣстно, Рязань косопузая! Вы дома-то у себя ашметкомъ свиную болтушку хлебаете!

— На меня нонѣ ни одна собака еще не лаяла,—сказалъ нарядчикъ,—ты вотъ первый затявкалъ...

— Самъ ты собака! виляешь хвостомъ передъ самимъ...

— Отстань, жулье московское!

— Какъ тебя не лаять-то, чортъ! тебя бить надо... плачешь, да бьешь...

Нарядчикъ промолчалъ и, раздѣливъ приблизительно поровну на три кучки накрошенную солонину, разложилъ ее по чашкамъ.

Стряпка, дожидавшаяся, пока онъ кончитъ эту процедуру, взяла чашки и понесла ихъ къ печкѣ, чтобы налить щей, запахъ которыхъ, кислый и противный, наполнилъ уже все помѣщеніе кухни... Щи были очень плохія, черныя, отдававшія горечью.

Ѣли молча, точно сердясь на что-то. Слышалось чавканье, стукъ ложекъ... Когда чашки со щами опорожнились больше, чѣмъ на половину, нарядчикъ постучалъ о край и сказалъ:

— Таскай совсѣмъ.

Начали „таскать“ совсѣмъ... Солонина была съ сильнѣйшимъ „душкомъ“, до того жесткая, что не было никакой возможности разжевать ее и приходилось глотать кусками.

Послѣ щей подали гречневую кашу съ растопленнымъ и совершенно тухлымъ свинымъ саломъ... Каша была не проваренная и некрутая, бѣлая цвѣтомъ, похожая на „размазню“. Ее ѣли молча и не всѣ: ужъ очень отвратительно пахло саломъ!

Тѣ, кто ее ѣлъ, молча „вылѣзли“ изъ-за стола и, не выходя изъ кухни, стали курить.

Я тоже „вылѣзъ" и, сѣвъ около койки ночного сторожа, сталъ приглядываться къ народу и прислушиваться къ разговорамъ.

VI.

Ко мнѣ подошелъ парень, сидѣвшій рядомъ со мной за столомъ, и, глядя на меня большими прекрасными глазами, похожими на васильки, сказалъ, улыбаясь пухлыми розовыми губами:

— А ты чей?.. откеда?, дальній, а?..

Я поглядѣлъ въ его доброе лицо и, тоже улыбнувшись, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не дальній... Здѣшній...

— А я рязанскій!—проговорилъ онъ и повторилъ радостно:—да, рязанскій... Данковскаго уѣзду.

— Голодъ у васъ тамъ былъ,—сказалъ я, чтобы сказать ему что нибудь.

— Былъ!—опять радостно воскликнулъ парень и, помолчавъ, прибавилъ:—жуть!.. Да ты-то почемъ знаешь?..

— Знаю... слыхалъ...

— О-о-о!.. грамотный, что-ли?

— Грамотный...

— Я тоже грамотный!—съ видимой гордостью и сдѣлавъ серьезное лицо, сказалъ онъ.

— И чего ты, Тереха-Воха, врешь!—вступился въ нашъ разговоръ пожилой долгобородый мужикъ, сидѣвшій на скамьѣ у стола не подалеку отъ насъ.—Какой ты грамотный? „Вотчю" по складамъ читаешь!..

— Ладно!—весело воскликнулъ парень,—толкуй кто откуль... Какъ ни какъ, а все поболѣ твоего знаю.

— Мы не хвалимся,—отвѣтилъ мужикъ,—гдѣ намъ! Насъ не учили... Водку, небось, лакаешь здорово, а?.. -спросилъ онъ вдругъ у меня и, не дожидаясь моего отвѣта, продолжалъ:— Ахъ, ребята, ребята, не пейте вы, главная причина, водку... ядъ это... кровь сатаны... На что и грамота, коли водку жрешь... А ужъ ежели пьешь,—такъ пить-то надо умѣючи... Вотъ я вамъ разскажу, какое чрезъ нее дѣло произошло.

Онъ всталъ съ мѣста, пересѣлъ къ намъ, утеръ губы рукавомъ рубашки, встряхнулъ длинными, лѣзшими на глаза, волосами и началъ:

— Жила, видите ли вы, други милые, баба одна и былъ у ней мужъ, къ примѣру сказать, хучъ вотъ такой, какъ ты... И пилъ онъ, прямо надо говорить, мертвой чашей... Ладно! а-а-тлично! Ужъ что только она съ нимъ не дѣлала— пьетъ и шабашъ. Ладно! Вотъ и научи ее одна старушонка

бабу-то эту, какъ сдѣлать, чтобы, значитъ, отвадить его отъ вина... Возьми ты, баитъ, желанная, съ трехъ упокойниковъ, въ то, значитъ, самое время, когда ихъ обмываютъ, воды этой самой, подай ему испить... какъ рукой, баитъ, сыметъ!.. Ладно, извѣстно, баба такъ баба и есть... дура... достала этой самой воды... песъ ее знаетъ, гдѣ она раздобылась!.. исхитрилась, дала ему испить, пьяному... Ну, ладно!.. испилъ онъ этой самой воды и потянуло его, значитъ, ко сну... спать захотѣлъ... Говоритъ женѣ: пойдемъ спать на вышку. Ладно! Пошли спать... По утру встаютъ домашніе: нѣтъ молодыхъ... не идутъ съ вышки, а ужъ время. Завтракъ на дворѣ... Что такоича за оказія, говоритъ свекровь... пойти, баетъ, поглядѣть... Влѣзла туды... глядь, анъ тамъ вотъ какой грѣхъ вышелъ.

Разсказчикъ помолчалъ, обвелъ глазами всѣхъ слушателей и продолжалъ:

— Съѣлъ онъ, значитъ, жену-то свою... обгладалъ какъ есть, до чиста! Взяли его... связали... туды-сюды... пято-десято... а онъ и говоритъ: я, говоритъ, не одинъ ѣлъ... Насъ, говоритъ, трое ѣло... Д-да! вотъ оно какое дѣло-то... Баба мнѣ это одна разсказывала.

— Заливаетъ твоя баба, Устинъ, здорово! — сказалъ кто-то.

— Вотъ те и заливаетъ... Не заливаетъ, а истинная правда. Не вѣрите вы. Умные больно стали...

Онъ помолчалъ немного, набилъ табакомъ глиняную трубку, покурилъ и заговорилъ опять.

— Въ грамотѣ то что проку? Учатъ учатъ, а правды все нѣтъ... грѣха не прохлебаешь! Возьмемъ, къ примѣру сказать, волость, судъ тоись нашъ... Каки порядки? Кто дѣломъ правитъ?.. писарь... человѣкъ грамотный, ученый... Ладно... а-а-тлично!—а что толку? Опять предсѣдателевъ взять... ворочаютъ, какъ имъ вздумается... Кто виноватъ,—по ихнему выходитъ правъ... сухъ изъ воды вылѣзетъ... Сдѣлалъ угощенье, задобрилъ судей-то праведныхъ... залилъ имъ глотки—неправда на правду и перекинулась... Такъ-то!..

— Ты семейный?—спросилъ я.

— А то какъ же... хресьянинъ я... дома только мало живу... Всю жизнь по людямъ... да нонѣ и по людямъ-то плохо стало... Умножилось народу, тѣснота! Хозяева нашимъ братомъ, прямо надо говорить, какъ мочалкой трутъ... Въ деревнѣ жить—не у чего... Земли нѣтъ. Тяжелыя времена подошли! И грамота твоя ничего не помогаетъ... Какая грамота, коли жевать нечего... Не до нея! Сытому-то, родной, и молиться гоже...

Онъ замолчалъ и затѣмъ воскликнулъ.

— Десятина на душу! вертись, какъ хошь... нанялъ бы,

да негдѣ... а тутъ подати: хучъ роди, а давай... А гдѣ ихъ взять?.. житье не дай Богъ!..

Онъ махнулъ рукой и замолчалъ...

VII.

Я вышелъ изъ кухни и пошелъ къ крыльцу дома, въ надеждѣ увидать управляющаго. Но его не было: пока мы обѣдали, онъ уѣхалъ куда-то. Отъ нечего дѣлать я подошелъ къ погребу, гдѣ подъ навѣсомъ, на низенькой скамейкѣ, сидѣла какая-то пожилая баба съ ребенкомъ на рукахъ... Ребенокъ пищалъ безостановочно, настойчиво, жалобно, точно котенокъ, выкинутый въ канаву... Баба сидѣла, склонившись къ нему лицомъ, и не дѣлала никакихъ попытокъ унять его крикъ... Казалось, она спала, и въ ея позѣ было что-то жалкое, пришибленное, робкое... Я спросилъ, почему она не хочетъ покормить ребенка грудью или дать соску, чтобы онъ затихъ.

— Да онъ, батюшка, не съ голоду блажитъ,—заговорила она, точно проснувшись, и съ какимъ-то испугомъ взглянула на меня,—такой ужъ онъ мозглявый съ роду... скулитъ тебѣ и скулитъ... Ни дня, ни ночи спокою нетути... Болѣзнь такая,— пояснила баба,—старость собачья... таетъ, ровно свѣчка... Ты глянь-кось на него... Страсти Господни!..

— Что жъ ты не лѣчишь его!—взглянувъ на ребенка, почти съ испугомъ воскликнулъ я.

— Какъ, родной, не лѣчить... лѣчили!.. пытали мы съ нимъ мыкаться.. Что ни что дѣлали... запекали...

— Запекали?..

— Да, баушка запекала... Поутру затопили печку... Взяла баушка его, положила на хлѣбну лепешку да до трехъ разовъ и совала въ печку горячую.

— Ну, и что же?

— Ничего... толку-то ничего нѣтути... И не мретъ. Не беретъ Господь... Не беретъ и не беретъ!.. У другихъ вонъ, посмотрѣть, мрутъ, а на этого и смерти-то нѣту... Притка его знаетъ, что таперича съ нимъ и дѣлать...

— Ты что жъ,—здѣсь живешь?—полюбопытствовалъ я,— аль къ мужу пришла?

— Какой, батюшка, къ мужу... нѣтути! мужъ мой дома въ деревнѣ... Къ невѣсткѣ я пришла... У приказчика здѣшняго, у самаго, значитъ, у набольшого въ кухаркахъ она живетъ... Ну вотъ поживу у ней тутотко недѣльку, погощу... болѣ-то не велятъ: самъ-то туды, сюды... сама строгая, разстрогая,—нѣмцы, извѣстно... Дома-то мы, родной, какъ тебя

звать не знаю, бѣдно живемъ.. почитай, ѣсть нечего... Дай Богъ здоровья молодой... выручаетъ... три цалковыхъ вотъ обѣщала... ей только и дышемъ... Да и ей-то гдѣ взять: дѣло бабье... Тамотко, въ деревнѣ-то, у ней еще есть ребеночекъ по самому году... Сироты остались... Наказанье Божье! О, Господи Исуси!

— А вѣдь я думалъ,—твой ребенокъ-то,—сказалъ я.

— Что ты, что ты, батюшка, Господь съ тобой!—воскликнула она съ испугомъ,—на кой они мнѣ, прости Господи, лядъ!.. и безъ нихъ тошнехонько! Внучекъ это мой... апосля покойника сынка остался... У меня вѣдь сына-то нонѣ передъ масляницей убило...

— Какъ убило?—спросилъ я, дивясь тому равнодушно-мертвому тону, съ какимъ она произнесла эти слова, и глядя въ ея моргающіе, слезящіеся глаза.

— Убило, батюшка, убило деревомъ... Господу, знать, такъ угодно!.. Пошелъ это онъ въ рощу,—начала она, совсѣмъ повернувшись ко мнѣ,—не одинъ пошелъ... четверо ихъ пошло... двѣ значитъ пары... Лѣсъ они таматко подрядились валить двѣнашникъ, на барской дворъ... Ну ладно... отвели имъ на каждую, значитъ, пару по полосѣ... Ну, и Господь знать, такъ ужъ вышло: повалила другая-то пара елку, и пошла она прямехонько на мого Сережку... Братишка-то Колька извернулся... успѣлъ какъ-то... ухляснуло его, значитъ, только, а мой не успѣлъ... прямо ему вотъ по этому по самому мѣсту хватило вершиной... весь черепъ снесло!.. словно корова языкомъ слизнула... Какъ ткнулся, такъ Господу душеньку и и отдалъ... Крови-то вышло... Царица небесная, Матушка!

Она помолчала, высморкалась пальцами и продолжала.

— Пошло это дѣло по суду... Нарядили караулъ... Мы тутатко тоже... я, старикъ, молодая... безъ души стали! Ревмя ревемъ! Легко ли, самъ суди: кормилецъ вѣдь... ростили, ходили, ночей не досыпали, куска не доѣдали... Ну, ладно... лежитъ это онъ въ лѣсу... сутки лежитъ, другіе лежитъ... а морозъ-то, Господи Исуси! замерзъ онъ весь, значитъ, аки сосулька... Молодуха катается коло его... реветъ бѣлужиной... На третьи сутки прибылъ становой, дохтуръ... перетащили его въ сторожку... Опосля этаго, милый человѣкъ, учали его потрошить... Бѣлое его тѣло пластать... Заступница!!. Вина, вишь въ емъ, искали, пьянъ, значитъ, не былъ ли... А онъ отъ роду въ ротъ не бралъ... Дохтуръ рукава засучилъ по локоть... Цыгарка въ зубахъ. По брюху-то какъ звѣздорѣзнетъ кулакомъ, инда духъ вышелъ... „Эка, баитъ, малый то былъ, свекла“... Ну, знамо, ничевошенько не нашли.. Зашили опять на скору руку... готово дѣло! принимайте! можете теперь хоронить...

Она опять высморкалась и продолжала:

— Привезли мы его домой... обмыли, обрядили. Вѣришь Богу, родной, какъ тебя звать не знаю, народъ-то весь плачетъ, на насъ глядя... жалко! Каждый по себѣ мѣритъ... Ну, похоронили... поминки сдѣлали!.. телку огульную продали... до пьяна народъ-то напоили... Хучь пѣсни пѣть... Ахъ, батюшки,—перебила она сама себя,—никакъ меня кличатъ!..

Съ крыльца въ открытую стеклянную дверь звали ее.

— Мамка, мамка!.. иди обѣдать... оглохла, что ли?!.

Баба вскочила и торопливо, почти бѣгомъ пошла къ крыльцу.

Я всталъ и, ожидая, когда позвонятъ на работу, пошелъ бродить по имѣнію.

VIII.

Имѣніе было большое, но на половину запущенное, съ какими-то развалившимися постройками, поросшими крапивой.

Когда-то, въ годы еще не столь отдаленные, оно процвѣтало.

Всюду виднѣлись мѣста бывшихъ строеній: груды кирпича, часть стѣны, полуразвалившаяся башня и т. п.

Но и теперь еще многое уцѣлѣло отъ прежняго величія. Все это, уцѣлѣвшее, было сложено изъ огромнаго кирпича, не такого, какъ дѣлаютъ теперь, легкаго и мелкаго, а прочнаго, фунтовъ по 18-ти вѣсомъ въ каждомъ. Уцѣлѣли амбары, рига, конюшня, скотный дворъ и какіе-то два полукруглые флигеля, называвшіеся богадѣльней, гдѣ доживали на покоѣ, дожидаясь смерти, человѣкъ пять-шесть бывшихъ „подлыхъ людишекъ"...

Видъ этихъ уцѣлѣвшихъ построекъ былъ какой-то страшный, тяжелый и мрачный... Отъ нихъ такъ и вѣяло стариной и ужасомъ крѣпостного права!..

Въ особенности гадко выглядывали флигеля съ какими-то потемнѣвшими, загаженными, мрачными окнами, съ крышей, мѣстами провалившейся, поросшей отъ древности какимъ-то мелкимъ плотно приставшимъ, точно приклееннымъ къ тесницамъ, похожимъ на бархатъ мохомъ, съ крыльцами, на которыя вели сгнившія ступеньки, съ холодными, похожими на склепы, сырыми сѣнями.

Двѣ огромныя, корявыя березы росли около этихъ флигелей и точно заслоняли ихъ отъ бурь, протягивая надъ крышами свои длинныя вѣтви... На вершинахъ этихъ березъ грачи вили свои гнѣзда и грачиные крики съ утра до ночи придавали еще болѣе унылый видъ старымъ флигелямъ...

Подъ окнами, близъ крыльца, на низенькой скамейкѣ, сидѣли и грѣлись на солнышкѣ два сѣдыхъ древнихъ старца безъ фуражекъ, въ длинныхъ старомодныхъ сюртукахъ... Они о чемъ-то перекидывались словами, и оба сидѣли, упираясь на палки съ набалдашниками...

Когда я проходилъ мимо, одинъ изъ нихъ, вдругъ застучалъ палкой объ землю и закричалъ:

— Шапку... шапку... про-про-хвостъ!..

Я остановился, не понимая, и съ удивленіемъ глядѣлъ на эти типичныя „халуйскія“ фигуры.

— Шапку долой!.. кланяйся!—опять закричалъ старикъ,—ахъ ты, прохвостъ! шатается тутъ...

Я невольно засмѣялся... Какой далекой, далекой стариной вѣяло отъ этихъ старцевъ!..

Видя, что я смѣюсь, старикъ совсѣмъ обозлился и, приподнявшись съ мѣста, замахнулся на меня палкой и закричалъ визгливымъ голосомъ, шамкая беззубымъ ртомъ и брызгая слюной:

— Не видишь, подлецъ, кто передъ тобой?.. голова отвалится,—поклониться-то... вольница поганая!..

Я отошелъ отъ нихъ и, услыша звонокъ, призывавшій на работу, отправился снова таскать камни...

IX.

Работу кончили поздно вечеромъ. Всѣ рабочіе, опять по звонку, отправились на кухню ужинать... Было часовъ около десяти... Въ кухнѣ было полутемно и поэтому пришлось зажечь лампу. Сѣли за столъ, стряпка подала щей... Щи были остывшія, почти совсѣмъ холодныя, разбавленныя водой, противныя... Нѣкоторые попробовали, но, хлебнувъ ложку-другую, бросили и сидѣли, насупившись, усталые, голодные и злые... Одинъ только нарядчикъ молча и рѣдко хлѣбалъ, сурово сдвинувъ брови и не глядя ни на кого... Что-то упрямое, злобное и вмѣстѣ съ тѣмъ затаенное и рабски подлое было въ его фигурѣ. Всѣ видѣли и отлично понимали, что дѣлаетъ это онъ намъ „на зло“, дѣлаетъ въ угоду „самому“... Но никто не рѣшался высказать это вслухъ, боясь быть завтра же прогнаннымъ.

— Давай кашу!—крикнулъ кто-то.

— Нѣту каши!—отозвалась кухарка,—кашникъ какой! И такъ хорошъ... За обѣдомъ жралъ... Кака тебѣ еще каша... Чай знаешь: не полагается...

— Да какого самдѣли чорта!—закричалъ вдругъ сидѣвшій съ краю, въ переднемъ углу, широкоплечій, черный съ

суровымъ лицомъ, съ засученными по локоть жилистыми руками, мужикъ, какъ я узналъ послѣ,—кузнецъ.—Не жрамши намъ быть! Аль мы за ради Христа здѣсь живемъ?... Идемте къ самому!

Онъ всталъ и вылѣзъ изъ-за стола.

— Идемте!—опять крикнулъ онъ и обвелъ всѣхъ глазами. Но никто не двинулся съ мѣста.

— Тьфу!—плюнулъ кузнецъ,—дьяволы! ахъ вы, злая рота! трусы!.. Я одинъ пойду... мнѣ наплевать,.. разсчетъ давай... аль я себѣ хлѣба не добуду... дьяволы!..

Онъ вышелъ, сильно хлопнувъ дверью и громко ругаясь.

—Ишь, ловкачъ!—усмѣхнувшись, вымолвилъ нарядчикъ,—харчи вишь нехороши... Кто я! безъ него-то, диви, людей нѣтъ... Сто человѣкъ на его мѣсто, только свисни... Кузнецъ! мастеровой!.. Ха! Не такимъ сшибали рога-то...

Никто не отвѣтилъ. Всѣ сидѣли молча и ждали.

Минутъ черезъ двадцать пришелъ кузнецъ и привелъ съ собой „самого“.

— Что такое, а?—закричалъ „самъ“ визгливымъ голосомъ, весь красный, съ выкатившимися глазами,—что такое?.. Егоръ, а?.. Встать!—вдругъ пронзительно завизжалъ онъ на насъ,—в-в-стать!!.

Мы всѣ, какъ школьники, поднялись и стояли въ неудобныхъ позахъ, тѣснясь въ узкихъ проходахъ между столомъ и скамейками.

— Ну, что такое?

— Жрать нельзя... падаль!—угрюмо произнесъ кузнецъ.— Собака жрать не станетъ... сбѣсится!..

— Молчать!—завизжалъ управляющій,—не у тебя спрашиваютъ... Егоръ, объясни...

— Я, баринъ, докладывалъ вашей милости,—началъ нарядчикъ, выйдя изъ-за стола и стоя передъ „самимъ“ на вытяжку,—какой народъ: все не такъ да ни этакъ... Люди ѣдятъ, ничего... а имъ, вишь, плохо... Извольте спросить у другихъ...

Управляющій обвелъ насъ всѣхъ глазами и спросилъ:

— Кто недоволенъ харчами, говорите... ну, кто?

Всѣ молчали, опустивъ головы... Что-то унизительное, гадкое и жалкое было въ этихъ опущенныхъ головахъ.

— Кто?—опять повторилъ управляющій.

— Да вы попробуйте!—сказалъ я, не вытерпѣвъ.

— Что?—спросилъ управляющій, сдѣлавъ большіе глаза и дернувъ головой кверху точно лошадь, которую неожиданно ударили по мордѣ.

— Вонъ онѣ щи въ чашкѣ, попробуйте,—снова повторилъ я.

— Какъ ты сказалъ? повтори!—сказалъ „самъ“ послѣ продолжительнаго молчанія, во время котораго я чувствовалъ, что всѣ глаза устремлены на меня.

Я хотѣлъ еще разъ повторить сказанное и уйти, но въ это время къ управляющему подскочила кухарка и затораторила, какъ сорока:

— Баринъ, батюшка, врутъ они... шти какъ шти... холодныя малось—только и всего... Не диво что холодныя: сколько часовъ стоятъ... печка-то выстыла... За обѣдомъ давеча сколько слопали... Добавила водицей, знамо... только и всего... шти какъ шти... хучъ кому хлебать...

— Ну, что-жъ вы?—обратился къ намъ управляющій и, помолчавъ, сказалъ:—Кому не нравится, можете убираться къ чорту!... завтра разсчетъ... Я найду такихъ, кому будетъ нравиться.—И повторивъ еще разъ:—Къ чорту!—торопливо вышелъ изъ кухни.

Всѣ молчали... Нарядчикъ опять забрался на старое мѣсто и началъ хлебать щи... Кузнецъ дрожащими пальцами вертѣлъ папироску.

— Ловко!—сказалъ онъ,—вотъ такъ ловко!—И, обратившись къ нарядчику, крикнулъ:—А все ты, чортъ сѣрый, глотъ!... погоди, дьяволъ, погоди!..

— Не грозись! — спокойно произнесъ нарядчикъ, — не страшно...

— Погоди!—опять повторилъ кузнецъ.—Сволочь... бабникъ, чортъ!.. А ты, шкура барабанная,—набросился онъ на кухарку,—чего егозишь... хвостомъ-то вертишь... сво-о-о-лачь!..

— Отъ сволочи слышу!—огрызнулась кухарка.

— Трепалка... язва... у-у-у, убить тебя мало! Кабы тебя на мои зубы... Дуракъ мужъ-то глядитъ... не видитъ...

— Чего не видитъ - то? чего не видитъ - то?—завизжала кахарка,—сказывай!

— Чего... чего... Трепло!.. снюхались... потрафили другъ дружкѣ... го, го, го!.. а мужъ то дуракъ... Эхъ вы, дьяволы!.. тьфу!..

Онъ плюнулъ и ушелъ изъ кухни на улицу.

— Слышали, люди добрые?!—закричала кухарка, обращаясь къ намъ—будьте свидѣтели!..

— Не трещи, не трещи, дура, лахудра! — заговорилъ ночной сторожъ, ея мужъ, — заплевала... Правда - то, видно, бѣльмы колетъ...

— Молчи, гнилой песъ... туда-же?...

— Робята!—закричалъ вдругъ кто-то изъ рабочихъ, перебивая перебранку,—что-жъ намъ не жрамши быть? Валяй на пятнадцати винтахъ!.. давай воды... кроши хлѣба!

Всѣ дружно и торопливо принялись крошить руками

хлѣбъ; наполнили этимъ крошевомъ чашки, налили въ каждую изъ ушата холодной воды, посолили, „пустили“ въ каждую чашку по ложкѣ чернаго горькаго „постнаго“ масла, и шурцовка „на пятнадцати винтахъ“ была готова!..

— Валяй, робята...

IX.

Поужинавъ, рабочіе начали располагаться спать. Кто полѣзъ на нары, кто устроился на скамейкахъ... Я сидѣлъ и искалъ глазами мѣста, гдѣ бы можно было приткнуться на ночь. Мѣста не находилось, а на грязномъ полу ложиться не хотѣлось, да и подостлать было нечего.

Изъ этого критическаго положенія вывелъ меня веселый парень, Тереха-Воха.

— Юфимъ,—кричалъ онъ кому-то, — идемъ, что-ли!—И, обратившись ко мнѣ, прибавилъ: — пойдемъ и ты съ нами!

— Куда?

— Въ сарай спать... тоже! А тутъ,—продолжалъ онъ, скаля бѣлые, какъ снѣгъ, зубы,—жуть! Клопъ... У тебя покрыться-то нѣту?.. Наплевать... забота! моимъ кафтаномъ покройся, а я полушубкомъ... Юфимъ!..—опять закричалъ онъ.

— Да иду, иду, лѣшай! торопила!.. и куды гонитъ... диви на пожаръ.

И съ этими словами къ намъ изъ за печки вышелъ старый, сѣдобородый, высокій и худой рабочій.

— Ну, Тереха-Воха, ѣдемъ! — сказалъ онъ и ласково добавилъ:—Рязань косопузая...

— Вотъ и онъ съ нами,—сказалъ Тереха, кивнувъ на меня.—Вновѣ... жалко!..

— Не трожь идетъ, — сказалъ Юфимъ, — мѣста хватитъ.

Мы вышли изъ хаты и направились къ сараю, стоявшему поодаль отъ другихъ строеній... Это было огромное, старинное строеніе, крытое желѣзомъ, со сквозными, расположенными другъ противъ друга воротами такъ, чтобы можно было въѣзжать въ сарай съ возомъ съ одной стороны и, скинувъ возъ (въ сарай убиралось сѣно), выѣхать порожнёмъ въ другія ворота.

Въ сараѣ было темно и пахло клеверомъ... Мужики смѣло, а я осторожно ступая, боясь споткнуться и упасть въ потьмахъ, прошли на извѣстное, облюбованное ими раньше мѣсто въ углу и опустились на землю. Я сдѣлалъ тоже.

— Пошарь руками кругъ себя,—сказалъ мнѣ Тереха,—пособирай ошурковъ... подложь подъ себя... кафтаномъ прикройся... Да, правда, не холодно... благодать!. Ворота что жъ не прикрыли, а?... Закрыть, что-ли, дядя Юфимъ, а?

— Не трожь открыты,—сказалъ Юфимъ и добавилъ:—Ночь то теперича съ воробьиный шагъ... На хозяйскую руку тянетъ... Ну, правда, и нашему брату почетъ другой... А дай-ка вотъ лѣто придетъ, мѣсяцъ іюль—хозяину въ рыло плюй... Нужны мы тогда!

Онъ помолчалъ и добавилъ:

— Чу, какъ на рѣкѣ лягушки кричатъ... рады теплу.

— А грому вотъ еще не слыхать... знать, не было еще,—сказалъ Тереха.

— Былъ!—произнесъ Юфимъ,—я слышалъ... намедни ночью... Ты спалъ...

Они замолчали... Въ открытыя ворота смутно бѣлѣло что-то, похожее на туманъ. Гдѣ-то далеко подъ горой, на рѣкѣ ухала выпь... Гдѣ-то, тоже далеко, звонили въ сторожевой колоколъ.

— Кто это кричитъ, а?—спросилъ Тереха.—Дядя, Юфимъ, слышь?..

— Птица... выпь...

— Что-жъ она какъ-страшно, словно стонетъ... жуть!

— Стало быть, такъ ей надо.

Они опять помолчали довольно долго. Потомъ Юфимъ сказалъ:

— Завтра праздникъ, не работать.—И обратился ко мнѣ:—Землякъ!... слышь что ли, спишь?

— Нѣтъ!—сказалъ я.

— Денегъ готовь,—продолжалъ онъ,—на гудуху... въ винополію завтра пойдемъ...

— Это зачѣмъ же?

— А затѣмъ... порядокъ здѣся такой заведенъ: какъ, значитъ, новый придѣлился,—четвертную съ него... Ничего, братъ, не попишешь... Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не пойдешь... А деньги нарядчикъ дастъ... опосля зачтетъ... Эхъ, хе, хе!—зѣвнулъ онъ,—аль уснуть, что-ли?

— Не хотца чтой-то,—сказалъ Тереха и добавилъ:—ты разсказалъ бы, дядя Юфимъ, что-нибудь... пра, ей Богу...

— Про что разсказывать-то... Нечего разсказывать... все переговорено... Спи-ка.

— Въ деревню бы теперь, домой,—вздохнувъ, произнесъ Тереха.—Живы-ль, нѣтъ ли... писемъ не шлютъ...

— Чего ты таматко не видалъ?—сказалъ Юфимъ,—небось, тамъ и жрать-то неча... Знаю я вашу сторону... сѣрый народъ... не даромъ говорится: Рязань косопузая... косопузая и есть.

— А ты нѣшто былъ въ нашей сторонѣ?—воскликнулъ Тереха.

— Ты спроси, гдѣ я не былъ,—отвѣтилъ Юфимъ и, по-

молчавъ, произнесъ:—Н-н-да... Всего было... О, Господи помилуй!.. Тереха ты Воха, ничего-то ты, братъ, не смыслишь... большой ты малый, а дуракъ дуракомъ и уши холодныя... проведетъ тебя всякій, дурака, да выведетъ... Простъ ты!... А простота-то хуже воровства... Женить тебя, дурака, надо.

— Подняться, дядя Юфимъ, нечѣмъ... нужда.. жуть!... а жениться деньги нужны... успѣю еще...

— Успѣть-то успѣешь, а всетаки..

— А ты, дядя Юфимъ, женатый, а?—спросилъ Тереха-Воха.

— А тебѣ что?

— Такъ я.

— Былъ женатъ... Э, да что съ тобой... спи!..

— Померла, знать, жена-то?—спросилъ Тереха.

— Померла... да...—тихо отвѣтилъ Юфимъ и вдругъ совсѣмъ какимъ-то другимъ, сердитымъ голосомъ почти крикнулъ:—Убили ее!.. не своей смертью померла... Двое дѣтей было,—продолжалъ онъ торопливо и тихо,—ухай дакали, прирѣзали, какъ овецъ...

— Какъ же это дѣло-то было?—съ дрожью въ голосѣ шепотомъ спросилъ Тереха и жалобно, какъ ребенокъ, началъ просить:—разскажи, дядя Юфимъ... Дяденька, золотой... разскажи...

— Отстань!—сердито сказалъ Юфимъ,—чего присталъ... Чисто махонькій...

— Да разскажи... любопытно... какъ такъ.. дяденька Юфимъ, а?

— Тебѣ, дураку, любопытно,—видимо сердясь, заговорилъ Юфимъ,—а у меня, може, сердце кровью обливается, какъ вспомню... Любопытнаго, братъ, мало... Дуракъ ты... да и я не уменъ.

Онъ завозился въ потьмахъ, что-то шаря, и, немного погодя, вдругъ чиркнулъ по коробкѣ спичкой и сталъ закуривать трубку. Слабый трепетный свѣтъ спички освѣтилъ его лицо, нахмуренныя сѣдыя брови, бороду, Тереху, лежавшаго навзничъ, подложивъ подъ голову руки, то мѣсто, гдѣ мы лежали, стѣну и вдругъ погасъ... Въ сараѣ сразу стало какъ будто темнѣе, глуше и тоскливѣе, чѣмъ было прежде.

X.

— Я въ тѣ поры въ лѣсникахъ жилъ,—тихо и какимъ-то глухимъ, сдавленнымъ голосомъ заговорилъ Юфимъ,—отъ Москвы недалеча, верстахъ въ сорока, лѣсъ стерегъ. Сторожка въ лѣсу стояла... мѣсто глухое, отъ деревень далече,

отъ экономіи далече, дороги нѣтъ... глухое мѣсто! Жалованья получалъ я десять цѣлковыхъ да два пуда муки... Покосъ тоже, травы накашивалъ, корову держалъ, поросенка выкармливалъ... ну, опять, грѣшнымъ дѣломъ случалось, когда елочку аль тамъ сушинку каку спустишь, по знакомству, по человѣку глядя... Хорошо жилъ, однимъ словомъ, нужды не видалъ. Работа легкая, деньжонки, прямо надо говорить, водились... Накосишь, бывало, за лѣто сѣна, на коровенку оставишь, а излишекъ продашь... Опять на грибахъ на бѣлыхъ копѣйку хорошую зашибалъ... гриба этого сила была! А то вотъ еще рыжики солилъ, волнушки, что придется... Москва все жретъ... Господишки, случалось, на охоту пріѣзжали,— опять доходъ. Пойдетъ это у нихъ гульба, пьянство... самоваръ за самаваромъ, только успѣвай ставить... Здорово на чай попадало! Деньги у нихъ, извѣстно, не мозольныя,—гулевыя!.. что имъ, чертямъ... Управляющій обожалъ меня... потрафлялъ я ему всячески... Ну, и все ладно было... Да!.. Ружьишко тоже у меня водилось... Случалось, рябца сшибешь, аль тамъ тетерю, зайца ему снесешь... Сичасъ тебѣ за это банку да, окромя того, полтинникъ въ зубы... Такъ то вотъ... да!

Онъ замолчалъ и началъ раскуривать трубку, чмокая губами.

— Ну, извѣстно,—началъ онъ опять, раскуривъ,—не одинъ жилъ: съ бабой, съ женой... двое дѣтей, мальчишки... Одному, старшему, семой годъ шелъ, а другому четыре исполнилось, на пятый... Одного Ванюшкой звали, другаго Васькой... Утѣха, парень, была, а не ребята!.. Бывало, идешь это съ обхода, встрѣчаютъ, кричатъ: „тятька идетъ, тятька идетъ“! А то, бывало, по осени, вечера это долгіе, на улицѣ тьма, холодъ, вѣтеръ... Лѣсъ это шумитъ... елки скрипятъ, словно кричитъ кто-то, а въ хатѣ у насъ тоже: огонекъ, печку махоньку затопимъ, картошки сваримъ... теплынь!.. ребятишки на мнѣ такъ и виснутъ... „Тятя, тятя... миленькій, хорошенькій, поиграй съ нами“... Жена тутъ сидитъ, шьетъ, либо еще что дѣлаетъ... Крикъ это съ ребятами подыму, возню... Ужъ жена, бывало, скажетъ: „да полно-ка тебѣ, диви, махонькой“... а сама смѣется... любо ей... Эхъ, Тереха-Воха, вспомнишь это!!.

Онъ опять помолчалъ.

— Чѣмъ я Создателя прогнѣвилъ,—не знаю, а только наслалъ онъ на меня бѣду лютую, все равно какъ, скажемъ, на Іова многострадальнаго... Эхъ, Терешка, и теперь вотъ сердце кровью обливается, какъ вспомню... Ну, а тогда-то что было, и выразить тебѣ, родной, не могу... Вотъ оно какъ дѣло-то вышло.. Слушай-ка да дивись на людей... Богъ имъ

судья!.. Осень стояла о ту пору... октябрь мѣсяцъ... снѣгу еще не было... выпадалъ онъ, да таялъ... такая-то скверная погода стояла, не приведи Богъ! Встанешь, бывало, по утру, посмотришь: ахъ, чтобъ те! смерть идти не охота, а идти надо, потому время такое: зима на носу, самое воровство... А подъ Москвой народъ, знаешь, какой... не Рязань ваша... Онъ те за монетку отца зарѣжетъ, а украсть ему все одно, что плюнуть.. Ну, ладно... А обходъ у меня былъ агромадный!.. Бывало, выйдешь по утру чѣмъ свѣтъ, а назадъ придешь, почитай, къ вечеру... устанешь до смерти.. Хлѣба съ собой бралъ... закусишь, бывало, въ лѣсу... Ходишь, глядишь, не украли ли гдѣ... Ладно... А о ту осень шибко воровство пошло вездѣ по деревнямъ: то, глядишь, въ амбаръ влѣзли, то со двора лошадь угнали, то ограбили пьянаго на дорогѣ... страсть, голова! А этой самой „злой роты“ развелось—сила! Не успѣваютъ подавать православные... а на чередъ, почитай, каждый день водятъ...

— Сталъ я, братецъ ты мой, опасаться за своихъ... Уйдешь это, бывало, а самъ думаешь: какъ бы спаси Богъ, грѣха не случилось... Заберутся, думаю, какіе-нибудь хахали... меня нѣтъ... а ея дѣло бабье... придушатъ, вотъ тебѣ и весь сказъ... ищи апосля...

— Сталъ я и ей говорить: ты, говорю, баба, запирайся тутъ безъ меня покрѣпче... не пускай никого. „Авось Богъ милосливъ, говоритъ, сколько годовъ живемъ, и слуху нѣтъ... Я, смѣется, коли кто придетъ грабить,—кочергой зашибу“... Веселая была бабочка!.. Царство небесное... пресвѣтлый рай!..

— Успокоитъ, бывало, меня этакъ вотъ... Ну, думаю, ладно. Кто въ самомъ дѣлѣ къ намъ въ эдакую глушину пойдетъ... свои не пойдутъ, а чужіе ежели кто,—тѣмъ и вовсе дороги нѣтъ... Нѣшто заблудится какой... Хорошо, братецъ ты мой... да!.. Эхъ-хе-хе!..

— ...Въ саму Казанску это дѣло случилось... Утро было, какъ сейчасъ гляжу, холодное... вѣтеръ это... дождь, снѣгъ... Всталъ я рано... напился чаю... пошелъ въ обходъ и сабаку, словно грѣху такъ быть, съ собой взялъ... думаю: не столканетъ ли гдѣ зайчишку... Иду это лѣсомъ... тоска, понимаешь, напала на меня... Чтой-то, думаю, Господи Іисусе!.. не случилось ли, думаю, спаси Богъ, чего... Не воротиться-ли?.. Думаю такъ, а самъ иду все... Вдругъ будто закричалъ кто... аль показалось мнѣ, что закричалъ, только еще болѣ на сердцѣ у меня не спокойно стало...

— Ну, хорошо... иду и думаю: не пойду седни кругъ всего лѣсу... обойду половину... Наплевать, думаю, чего ужъ оченно то радѣть... да и праздникъ нонѣ... Ладно... Обошелъ, значитъ что надо, вижу: по моему, время ужъ много... за обѣдъ пе-

ревалило... Пойду скорѣй домой, думаю... И пошелъ назадъ... Подхожу къ сторожкѣ, вижу издали: дверь настежь! Господи Іисусе, что такое?!. Затряслись, парень, и руки, и ноги... Иду... гляжу въ окно... не видать ребятишекъ. Бывало, какъ иду, они въ окнѣ сидятъ... стучатъ въ раму... смѣются... Царица Небесная, думаю, Матушка!.. Взошелъ это на порогъ... заглянулъ въ избу... опустились у меня руки... захолодало сердце... страсть!.. Лежитъ, вижу, Терешенька, баба моя, коло печки внизъ ничкомъ... ткнулась въ полъ носомъ... а кровь-то кругомъ... лужа! Бросился было я къ ней да и вспомнилъ вдругъ: а дѣтки-то?! Испугался.. свѣту не взвидѣлъ... закричалъ не своимъ голосомъ: Ванька! Васька! гдѣ вы? гляжу: нѣтъ... Заглянулъ въ каморку за переборку... кровать тамъ у насъ стояла... а они, гляжу, оба на полу около кровати... одинъ внизъ ничкомъ... другой сидитъ, головка запрокинулась... зубки ощарены... а крови-то!..

— Жуть!—воскликнулъ вдругъ Тереха и торопливо, боясь очевидно, что Юфимъ перестанетъ говорить, запросилъ:—Ну, ну, дядюшка, Юфимъ... ну, ну!..

— Закричалъ я тутатко опять не своимъ голосомъ,—продолжалъ Юфимъ,—рѣшился разсудку... хватаю ихъ, цѣлую... кличу... плачу... самъ весь въ крови сталъ... а кровь-то какъ клей, такъ къ рукамъ и липнетъ... Выскочилъ изъ каморки къ женѣ... гляжу: собака вошла, кровь лижетъ... Осатанѣлъ я вдругъ.. Ахъ ты, такая сякая!.. Схватилъ ружье, за ней!.. очумѣлъ, самъ не свой... Она отъ меня... я—бацъ въ нее!.. Бросилъ ружье... побѣжалъ... бѣгу, кричу: караулъ! караулъ! Прибѣжалъ на барской дворъ... прямо къ самому... въ ноги ему... кричу это... плачу... въ крови весь... Перепугался онъ до смерти... Разсказалъ я ему кое-какъ... изъяснилъ... Ну, сейчасъ это народъ сбили... Кто верхомъ, кто какъ... пошла канитель.

Онъ примолкъ.

— Ну, ну, дядя, Юфимъ, ну, ну!—опять заторопилъ его Тереха,—пымали, что ль, кто убивалъ-то?..

— Нѣтъ, братъ, не пымали... Какъ въ тучку канули... Въ вѣдомостяхъ въ тѣ поры объ этомъ пропечатано было... Пытали искать... да нѣтъ: пропалъ злодѣй, ушелъ... Ушелъ отъ людского суда... Отъ Божьяго не уйдетъ... найдетъ его Господь!... Такъ-то вотъ, Тереха-Воха, поживи съ мое!..

— Какъ же ты опосля этаго, а? жилъ-то?

— Какъ люди живутъ, такъ и я жилъ... У меня, братъ, карактеръ крѣпкій... вотъ что... А, одначе, отстань отъ меня, трепло!.. Спать надо...

— Жуть!—опять воскликнулъ Тереха.—И какъ это руки поднялись на младенцевъ... ангельскія душеньки... Жуть!

Юфимъ ничего не отвѣтилъ.

— И какъ это ты...—опять, помолчавъ, воскликнулъ Тереха. — Я бы, кажись, обмеръ... Дядя Юфимъ, спишь? — И видя, что Юфимъ не отвѣчаетъ, громко зѣвнулъ.—Господи, Царица Небесная!..

Черезъ минуту онъ захрапѣлъ...

— Чисто ребенокъ малый! — проворчалъ потихоньку Юфимъ.—Господи, помилуй насъ грѣшныхъ...

Я всталъ, подошелъ къ открытымъ воротамъ и сѣлъ на порогѣ... Короткая майская ночь проходила... Было еще темно, но уже на востокѣ занималась узкая, точно изъ стали, полоска зари... Въ воздухѣ стояли какіе-то странные, таинственные звуки... Звуки эти то рождались, то таяли, то вновь оживали... Въ прозрачной синевѣ далекаго бездоннаго неба дрожали, погасая, рѣдкія звѣзды... Гдѣ-то вдали, за рѣкой, кричала какая-то птица протяжно и жалобно.

Заря разгоралась... Дѣлалось съ каждой минутой свѣтлѣе... Надъ рѣкой поднялся туманъ... Съ крикомъ пролетѣли утки... Птички проснулись, зачирикали и запѣли... Гдѣ-то въ деревнѣ пастухъ хлопалъ кнутомъ, и гдѣ-то громко перекликались пѣтухи...

Я вошелъ въ сарай, легъ и вскорѣ тоже уснулъ.

XI.

Проснулся я поздно. Яркіе солнечные лучи врывались въ открытыя настежь ворота и тянулись, играя въ пыли, разноцвѣтными узкими полосами сквозь щели сарая. На балкахъ глухо ворковали голуби, бѣгая другъ за дружкой... На землѣ, подъ остатками почернѣвшаго клевера, пищали мыши.

Мнѣ не хотѣлось вставать... Такъ хорошо, тихо и мирно было въ сараѣ... Я лежалъ, смотрѣлъ, слушалъ. Въ открытыя ворота видны были березы... Молодые маленькіе листочки тихо трепетали и шушукались, точно говоря про что-то хорошее... Сквозь сѣтку вѣтвей и листочковъ виднѣлось голубое необозримое небо, по которому изрѣдка, какъ корабли, тихо и величаво проплывали облака...

Ко мнѣ въ сарай доносились съ поля торопливыя пѣсни жаворонковъ, изъ рощи крики грачей...

Рядомъ, за стѣной сарая, въ кустахъ бузины, тараторили, дрались, чирикали воробьи... Въ селѣ, за рѣкой звонили къ обѣднѣ...

— Пора, однако, вставать!—подумалъ я и только было хотѣлъ сдѣлать это, какъ въ сарай вбѣжалъ Тереха и еще отъ воротъ закричалъ:—Вставай скарѣича! Дѣло есть! Меня за тобой мужики послали... иди на кухню.

— Что такое?—спросилъ я.

— Что!.. четвертную съ тебя... порядокъ здѣсь такой... Я самъ тоже ставилъ... ничего не попишешь... Вставай!

— Денегъ нѣтъ,—сказалъ я, идя за нимъ на кухню.

— Не горюй объ деньгахъ... Хошь, я дамъ? У меня есть... а то нарядчикъ дастъ... эва! не пропадутъ... Изъ жалованья вычтутъ.

На кухнѣ собрались всѣ рабочіе. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли за столомъ, лѣниво и нехотя, точно по обязанности допивая чай; иные курили; остальные просто сидѣли или лежали, дожидаясь обѣда.

Кухарка въ своемъ углу, противъ печки, въ грязной лоханкѣ мыла ложки и что-то пѣла тоненькимъ голоскомъ...

— Садись—гость будешь... Вина купишь—хозяинъ будешь,—сказалъ мнѣ суровый съ виду кузнецъ и отодвинулся немного на скамьѣ, давая мнѣ мѣсто.—Вотъ что, другъ ситный,—продолжалъ онъ,—гудуху станови!.. Ребята!—обратился онъ къ рабочимъ,—какъ намъ?.. Здѣсь пить аль на село дойдемъ? Таматко нонѣ престолъ... праздникъ...

— Какъ хотите,—отвѣтилъ Юфимъ,—по мнѣ хошь въ село... Чайку таматко кстати полакали бы въ трактирѣ.

— Тащиться за семь верстъ киселя хлебать,—проворчалъ нарядчикъ,—кто пойдетъ-то? Много-ль пьющихъ-то?..

— Кто пойдетъ,—не твое дѣло... Ты, извѣстно, не пойдешь.

— Да ужъ извѣстно: не товарищъ я вамъ, пьяницамъ.

— Молчи, сволочь!..

— Собака, гадъ!—произнесъ злобно нарядчикъ и, вставъ, вышелъ за дверь.

— Не любишь, кобель!—кривя усмѣшкой тонкія, сухія губы, сказалъ, сидя на своей койкѣ, чахоточный сторожъ, мужъ кухарки.—Не ндравится... собака!.. чортъ!... Извѣстно,—въ село пойдемъ,—продолжалъ онъ,—ужли здѣся... нонѣ праздникъ.

— Куда те идтить,—крикнула отъ печки кухарка,—сиди, Ерема, дома... По трактирамъ тоже... издыхать пора! На погостѣ твое мѣсто!

— У-у-у, дьяволъ!—закричалъ сторожъ,—убью! у-у-у, чтобъ тебя!...

Онъ началъ ругаться скверными словами, злобно сверкая огромными глазами, какъ-то необыкновенно страшно выдѣлявшимися на его худомъ, желтомъ, точно заостренномъ книзу лицѣ.

— Будетъ вамъ. Ну васъ къ чертямъ!—закричалъ кузнецъ.—Ужо наругаетесь!.. Кто на село пойдетъ, говори!.. а то мы одни уйдемъ, дери васъ чортъ: Рязань косопузая!.. Деньги есть?—обратился онъ ко мнѣ.

— Нѣтъ.

— Врешь?. смотри, братъ, душу вышибу... Эхъ,—продолжалъ онъ,—у чорта этаго,—онъ кивнулъ на дверь, куда вышелъ нарядчикъ,—спрашивать — легче на ножикъ идти!.. Можетъ есть у кого, — не пропадутъ вѣдь: пачпортъ-то въ конторѣ, не сбѣжитъ... Получка придетъ,—на, получай деньги... а то, коли что, я отдамъ...

— У меня, дяденька, есть,—отозвался Тереха,—я ему давича сказывалъ: возьми, молъ!

— Молодчина Тереха-Воха,—похвалилъ кузнецъ.—Давай, братъ!.. А ты пойдешь съ нами?

— Пойду!—весело отозвался Тереха,—а то какъ же, знамо... тамъ, чать, весело... дѣвки...

— Вотъ что, братцы,—заговорилъ опять, получивъ съ него деньги, замѣтно повеселѣвшій кузнецъ.—Кто пойдетъ, такъ, значитъ, айда сейчасъ... обѣда ждать нечего,—невидаль!.. Опять нонѣ винополія только до трехъ торгуетъ, народу, чай, страсть, опять же идти пять верстъ... Часъ пройдешь... айда, значитъ,—неча ждать... А ты пьешь водку-то?—обратился онъ ко мнѣ.—Пойдешь съ нами?

— Пожалуй,—сказалъ я.

— Ну, и ладно... идемъ!.. Кто желаетъ?..

„Желающихъ“ оказалось только пять человѣкъ, не считая меня... Остальные,—какъ я послѣ узналъ, все дальніе, рязанскіе, калужскіе—остались. Они сидѣли молча, хмурые и какъ будто чего-то боявшіеся.

Пока желающіе идти „сряжались“, т. е., кто надѣвалъ сапоги, кто смѣнялъ рубашку,—въ избу вошелъ нарядчикъ, и, сѣвъ, быстро окинулъ глазами всѣхъ насъ... Гадкая, злая усмѣшка кривила его губы.

— Никакъ и ты, Сопля, идешь?—обратился онъ къ сторожу.—А ночью-то за тебя кто же стеречь станетъ, а?

— Тебя не заставятъ!—огрызнулся сторожъ.

— То-то, молъ,—произнесъ нарядчикъ и, обратившись къ кухаркѣ, сказалъ:—какъ у тебя... упрѣло?.. похлебать бы,—и, не глядя ни на кого, заговорилъ:—поутру коли что, кто на работу не выдетъ,—самому доложу...

— Докладывай, чортъ!—крикнулъ кузнецъ,—ну, айда, робята! Счастливо оставаться!—поклонился онъ оставшимся въ кухнѣ.—Наплевать!.. губа толще, брюхо тоньше... Трогай, бѣлоногай...

XII.

Мы прошли мимо оконъ квартиры управляющаго, прошли имѣніемъ, спустились подъ гору къ рѣкѣ, перешли по мосту на ту сторону и вошли въ молодой частый, мелкорослый березнякъ.

Узкая дорога, изрѣзанная колеями, наполненными жидкой грязью, вилась по лѣсу.

Мы шли гуськомъ... Впереди всѣхъ шагалъ высокій, съ тонкой шеей, качающійся на ходу, ночной сторожъ, Сопля; за нимъ кузнецъ, за кузнецомъ — широкоплечій, чернобородый, безъ сапогъ, въ одной рубашкѣ, мужикъ Михайло по прозвищу Культяпка; за Культяпкой плелся, наклоня голову, дядя Юфимъ, а за нимъ—Тереха и я.

Солнце перевалило за полдень, когда мы вышли, наконецъ, изъ лѣсу въ поле и увидали вдали, на горѣ, село съ бѣлою церковью и золоченымъ крестомъ, который ярко сверкалъ на солнышкѣ...

Полемъ дорога просохла: идти было хорошо и весело. Жаворонки то и дѣло взвивались съ земли кверху, трепеща крылышками, пѣли свои часто-болтливыя пѣсни и, какъ камушки, вдругъ падали на землю... Въ воздухѣ стояла та особая, чуткая майская тишина, въ которой каждый звукъ слышется какъ-то особенно отчетливо и ясно...

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ селу, цѣли нашего путешествія, оттуда, навстрѣчу намъ, доносились крики и пѣсни.

Наконецъ, мы пришли туда... Село „гуляло"... На улицѣ толпа дѣвокъ въ разноцвѣтныхъ платьяхъ водила хороводъ, крича дикими голосами что-то непонятное и безконечно-тягучее... Не подалеку отъ хоровода стояли двѣ палатки, въ которыхъ бойко шла торговля „гостинцами".

Пьяные мужики и бабы попадались намъ на встрѣчу; толпа, человѣкъ въ пятнадцать, молодыхъ ребятъ, съ гармошками и бубнами съ трензелемъ, неистово крича, разгуливала по дорогѣ, среди села, изъ одного конца въ другой.

Въ каждой избѣ, въ открытыя окна, виднѣлись сидѣвшіе за столами нарядно одѣтые гости. Они закусывали и пили водку.

Вслѣдъ за шедшимъ впереди Соплей, мы направились къ трактиру и „винополіи", стоявшимъ рядышкомъ на краю села, немного поодаль отъ мужичьей стройки.

Около трактира, на вывѣскѣ котораго были намалеваны чайникъ на подносѣ, чашки и надпись: „Не ходи туда, здѣсь лучше"—было особенно шумно...

Дверь „винополіи“ не стояла на петляхъ. Оттуда то и дѣло выскакивали фигуры съ полбутылками, бутылками, сотками въ рукахъ и тутъ же, у крыльца, вышибая пробки ладонью правой руки, пили водку прямо изъ горлышка или же изъ заранѣе приготовленной чайной чашки...

Нѣсколько человѣкъ пьяныхъ уже валялось около колоды, гдѣ привязываютъ и кормятъ лошадей, уткнувшись головами въ навозъ.

Какой-то малый, здоровый, высокій, съ красной шеей и налитыми кровью, страшными глазами, засучивъ рукава красной рубашки, ругался скверными словами, вызывая себѣ „любака“, т. е. охотника съ нимъ подраться.

Около этого парня вертѣлся маленькій рыжебородый мужиченко, плача пьяными, обильными слезами, старался ухватить парня за руку и кричалъ:

— Василь Ягорычъ, пере-е-е-е-стань!.. по-о-лно... оставь!.. н-н-н-нехорошо... Василь Ягорычъ! Христо-о-о-мъ Богомъ прошу...

Изъ трактира неслись на улицу дикіе крики и пѣсни... Всѣ напившіеся около „винополіи“ шли туда пить чай и вообще проводить время... Трактирщикъ, злобный, уже не молодой мужикъ, прежде, до казенной продажи, торговавшій водкой, вмѣстѣ со своимъ „половымъ“ выпроваживалъ то и дѣло черезчуръ пьяныхъ гостей вонъ за дверь, смазывая предварительно имъ для потѣхи затылки горчицей...

— Черти!—оралъ онъ,—какой отъ васъ барышъ... чашки только воруете... Сидитъ за пятачокъ-то цѣлый день... Канителься съ вами!..

Совсѣмъ пьяный, оборванный нищій, точно выкупанный въ грязи, съ подбитыми глазами и содранной переносицей, съ мѣшкомъ за плечами и корзинкой въ рукахъ, выпихнутый изъ трактира, споткнулся и упалъ навзничъ, раскинувъ руки и крѣпко ударившись затылкомъ объ землю... Корзинка полетѣла, и изъ нея посыпались въ стороны кусочки чернаго и бѣлаго хлѣба.

— Во какъ у насъ!—крикнулъ нищій и сталъ было подниматься.—Во какъ!—повторилъ онъ и упалъ снова.

Какая-то краснощекая, обтрепанная, пьяная „гулящая“ бабенка, дико хохоча, подскочила къ нищему и сѣла ему на лицо...

Видѣвшіе это загоготали...

— Марфушка, что ты, чортъ! Задушишь, дьяволъ!.. Встань!.. Ахъ, дуй тя горой!..

Два какихъ-то парня, повидимому изъ фабричныхъ, въ пиджакахъ, жилеткахъ, „при часахъ“, оба испитые, блѣдные, какъ смерть, затѣяли ссору, которая перешла въ драку...

Одинъ изъ нихъ, потрезвѣе и посильнѣе, толкнулъ другого въ грудь... Тотъ, какъ снопъ, повалился на землю навзничъ и со всего маху, при паденіи, ударился затылкомъ объ острый уголъ крыльца... Брызнувшая кровь сразу смочила ему волосы и потекла по щекамъ отъ висковъ къ страшно кривившемуся въ одну сторону рту... Онъ началъ ерзать по землѣ руками, какъ заяцъ, у котораго перешибли заднія ноги, стараясь подняться... Изъ перекосившагося рта показалась пѣна... Онъ что-то бормоталъ, и въ горлѣ у него булькало, какъ въ бутылкѣ... Одинъ глазъ залился кровью. . другой, побѣлѣвшій, дико вращался, безсмысленно и страшно...

Толкнувшій его парень нисколько, повидимому, не испугался; наблюдавшіе эту сцену хотя и обратили на нее вниманіе, но, повидимому, только съ смѣшной стороны... Одинъ только трактирщикъ, которому сказали про это, вышелъ на крыльцо, посмотрѣлъ и произнесъ:

— Убрать бы его, ребята, отъ грѣха.

— Кой чортъ ему дѣется... встанетъ!

— Отвѣчай тутъ за васъ!—крикнулъ трактирщикъ и продолжалъ, обращаясь къ стоявшимъ около мужикамъ:—Самдѣли, ребята, отволоките его хучь отъ крыльца-то мого подалѣ... Чортъ съ нимъ! Подохнетъ, — не у меня напился... Вонъ, къ винопольке-то, будь она проклята, бросьте... Сдѣлайте милость, уберите... Иванъ, будь другъ, убери... Безобразіе!..

Ушибленный истекалъ кровью... Онъ лежалъ навзничъ, разиня ротъ, и тяжело сопѣлъ носомъ... Все лицо его было залито кровью. На него противно и жалко было смотрѣть.

Обступившіе его дѣлали различнаго рода замѣчанія: „Ишь налакался, дьяволъ“... „Дѣло праздничное“... „Смотри, не сдохъ бы“... „Ни черта, сойдетъ“... „Кровью изойдетъ“... „Небось, не изойдетъ... запечется“... „А намъ-то какое дѣло! наплевать! на то и праздникъ“...

— Иванъ, убери, сдѣлай милость!—опять сказалъ трактирщикъ.

Черноволосый, здоровый мужикъ нагнулся и нехотя подхватилъ ушибленнаго подъ мышки; тотъ что-то заболталъ, какъ тетеревъ на току, и задергалъ ногами.

— Да ну, дьяволъ, упирайся!—крикнулъ мужикъ и поволокъ его отъ трактира въ сторону.—Полбутылки съ тебя за это!—крикнулъ онъ трактирщику.

— На сотку дамъ!—отвѣтилъ трактирщикъ,—зайди!..

XIII.

Мы взяли четверть водки и, отойдя въ сторонку, сѣли подъ березами на той сторонѣ дороги, противъ казенки.

— Жуть!—воскликнулъ Тереха.

— Что, братъ: не по вашему, видно?—усмѣхаясь, произнесъ дядя Юфимъ,—учись, братъ... гляди... помни... Не Рязань, братъ, здѣсь косопузая... есть на что посмотрѣть.

Кузнецъ, молча, съ необыкновенно серьезнымъ лицомъ вытащилъ заранѣе приготовленнымъ гвоздемъ пробку и досталъ изъ кармана тоже заранѣе приготовленную чашку съ отбитой ручкой или, какъ онъ выражался, „аршинъ".

— Ну, а какъ же насчетъ... закусить-то?—спросилъ онъ.

— Надо бы чего нибудь взять, — сказалъ Культяпка,— пальцемъ не закусишь.

— А ты языкомъ,—сказалъ Юфимъ и, поднявшись съ земли, прибавилъ:—пойду въ трактиръ... возьму таматко чего нибудь...

Онъ скоро пришелъ назадъ, неся въ сѣрой бумагѣ изрѣзанную на куски селедку и фунта два чернаго хлѣба.

— Пятіалтынный сгладилъ за селедку-то,—сказалъ онъ, кладя ее на землю и усаживаясь самъ,—притка его расшиби! грабители, черти!.. Два фунта хлѣба... всего на двадцать монетъ... Мотри, робята, расходъ поровну.

— Да ужъ знамо! — отвѣтилъ кузнецъ и спросилъ.—Ну что-жъ... дернемъ аль погодимъ?

— Чего ждать!—радостно воскликнулъ Культяпка,—посуда чистоту любитъ... Давай, давай... душа горитъ!..

— У тебя завсе горитъ... Пьяницы мы съ тобой Культяпка, горькіе.

— Ладно!.. толкуй, кто откуль... а ты, самдѣли, не томи, сыпь!..

Кузнецъ взялъ „гудуху" въ обѣ руки, налилъ въ „аршинъ" водки и кивнулъ Культяпкѣ.

— Соси!..

Культяпка, морщась, выпилъ и началъ плеваться.

— Горько, а пьешь,—сказалъ онъ,—бросать надо!

— Брось, а я подыму!—сказалъ Юфимъ, тоже выпивая.

„Аршинъ" обошелъ всѣхъ... Стали закусывать... Не чищенная, ржавая селедка затрещала на зубахъ... Кожу съ кусковъ обрывали руками и бросали на землю... Грязь текла по рукамъ... Запахъ селедки, рѣзкій и противный, ударялъ въ носъ. Но на все это не обращали вниманія, а ѣли, громко чавкая и изрѣдка утирая ротъ или рукой, или грязнымъ

Культяпкинымъ картузомъ, который онъ любезно предложилъ на общую пользу, какъ вещь, которая больше ни на что не годится.

— Сыпь по другой!—сказалъ Культяпка,—глядѣть на нее, что ли: небось,—не дѣвка.

Кузнецъ сталъ „обносить" по другой.

— Я не стану,—сказалъ Тереха,—будетъ!

— Что такъ?

— Много мнѣ... будетъ.

— Ну будетъ, такъ будетъ... твое дѣло!

— Ишь онъ съ одной-то чашки, гляди, запьянѣлъ,—сказалъ Юфимъ,—ишь рыло-то какое стало.

„Рыло" у Терехи дѣйствительно все покраснѣло, налилось кровью, а глаза весело сверкали и лоснились, точно ихъ покрыли лакомъ... Онъ глядѣлъ на насъ, скаля бѣлые, какъ снѣгъ, зубы.

— Будя мнѣ! —опять повторилъ онъ,—угощайтесь! Я такъ посижу, на народъ погляжу... Чудно гуляютъ больно!.. У насъ такъ не гуляютъ...

— А какъ же у васъ... лучше?..

— У насъ,—заговорилъ онъ, еще больше оживляясь и сверкая прекрасными глазами,—не такъ... у насъ безобразья этого нѣту... А чтобъ у насъ дѣвки, какъ вотъ здѣшнія, безстыжія... спаси Богъ! Тутъ вонъ какъ... матерно все... на каждомъ словѣ! при дѣвкахъ... тьфу! Жуть! на что хуже!

— Вѣрно, братъ!—угрюмо произнесъ кузнецъ, на котораго выпитая водка, повидимому, нагнала еще большую суровость,—вѣрно, другъ, сволота здѣсь, болотина, тина!.. Попалъ сюда, то и жди затянетъ...

— А ты наливай, знай!—сказалъ Культяпка,—затянетъ!.. толкуй съ нимъ!—Нечто онъ что смыслитъ: деревня необузданная, косопузая Рязань... Ахъ, въ ротъ те!—воскликнулъ онъ.—А вѣдь закуска-то вся... Дядя Юфимъ, есть деньги-то, а?.. давай!..

— Да ужъ видно такъ тому и быть!—сказалъ захмѣлѣвшій Юфимъ и полѣзъ въ карманъ.—Накось, родной, какъ те звать-то забылъ,—обратился онъ ко мнѣ, подавая деньги,—сходи, возьми за пятіалтынный селедку... выбирай изъ кадки-то, котора поболѣ... ну, хлѣба фунтъ, да спроси: нѣтъ ли, молъ, огурца соленаго... Поди, нѣту... Ну, одначе, спроси на счастье... можетъ, есть...

Я взялъ деньги, пошелъ къ трактиру и уже хотѣлъ было войти на крыльцо, какъ вдругъ парень съ красной шеей, искавшій себѣ „любака", подскочилъ ко мнѣ и закричалъ:

— Ты кто такой, а?.. откеда?.. куда идешь?

Не обращая на него вниманія, я двинулся дальше.

— Стой!—неистово заоралъ опять парень,—кто ты такой?.. какую ты имѣешь полную праву ходить здѣсь?.. имѣешь видъ?.. Кажи видъ!..

— Какой видъ?—спросилъ я.

— Ну, коли не видъ, такъ пачпортъ... Кажи, а то въ морду!

— Василь Ягорычъ!.. Василь Ягорычъ!. Полно... брось, говорю, сукинъ ты сынъ, не для праздника будь сказано... оставь!..—упрашивалъ его все тотъ же рыжебородый мужиченко.—Ну, чего тебѣ? видишь, чай: человѣкъ вновѣ... ну, пришелъ на праздникъ... Престолъ вѣдь,—великій день!.. Вникни, стерва ты безпокойная, тьфу!

— Ступай ты къ лѣшему!—закричалъ на него парень и опять заоралъ на меня:—хошь къ урядпику, а? хошь?.. ты може бродяга, воръ!.. дамъ вотъ въ хлебово,—будешь помнить!.. Что у тебя въ рукѣ? кажи! деньги?..

— Отстань отъ меня!—крикнулъ я,—какое тебѣ дѣло!

— Нѣтъ, врешь, не пущу!.. Врешь, братъ!.. Купи половинку—пущу, а то въ морду... Айда въ казенку!

— Нѣтъ, братъ, въ казенку я съ тобой не пойду!—сказалъ я.—Пусти!

— Врешь!—заоралъ опять парень,—пойдешь... почему такое ты со мной не пойдешь, а? да я тебя ра-а-а-зражу на двѣ половины! Кто я... не знаешь?.. въ морду хочешь, сволочь!.. айда за мной!.. сыпь!

— Маркелка!—обратился онъ къ рыжебородому,—айда! пьемъ, значитъ...

— Василь Ягорычъ, брось! —снова началъ упрашивать мужикъ,—не хорошо!.. противу людей стыдно!

— Ну, пойдемъ!—сказалъ я, видя, что отъ него не отвяжешься.

— Ты куда же это?—спросилъ онъ.

Я подвелъ его и его товарища къ своимъ и объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Выпить тебѣ охота?—спросилъ кузнецъ, поднявшись на ноги, и, окинувъ его своими страшными глазами, повторилъ:—выпить? Можно!

— Мишухъ,—кивнулъ онъ Культяпкѣ,—насыпь... поднесу...

Культяпка молча, съ улыбкой на тонкихъ губахъ, налилъ чашку и, подавая ее парню, сказалъ:

— На, родной, выкушай на доброе, на здоровье.

Парень взялъ отъ него чашку, подержалъ немного и сказалъ:

— Съ праздникомъ! желаю здравствовать!..

— Пей, пей!—сказалъ кузнецъ.—Пей, небось...

Парень поднесъ чашку ко рту и сталъ „сосать“ водку...

Въ это время кузнецъ, съ перекосившимся отъ злобы лицомъ наблюдавшій за парнемъ, размахнулся вдругъ правой рукой и со всей силы ударилъ кулакомъ по донышку чашки...

Парень крикнулъ „ахъ!“ и, какъ снопъ, упалъ навзничъ на землю.

Чашка разбилась... Парень, обливаясь кровью и какъ-то чмокая, заерзалъ по землѣ, стараясь встать.

— Вотъ тебѣ!—крикнулъ кузнецъ и ударилъ его еще сапогомъ въ бокъ,—на, пей!..

— Кара-а-а-улъ!..—закричалъ товарищъ парня,—караулъ!.. Убили!..

Видя это, Культяпка схватилъ четвертную и торопливо, обращаясь къ намъ, сказалъ:

— Ну, ребята, утекай скорѣича отъ грѣха, а то пропишутъ по первое число!.. Хучь бы водку-то не отняли!..

— Караулъ! убили!—взывалъ между тѣмъ мужиченко,—братцы, нашихъ бьютъ!

Нѣсколько человѣкъ мужиковъ и гуляющихъ парней бросились къ намъ.

Видя это, Культяпка подхватилъ чертвертную подъ мышку и побѣжалъ отъ мѣста происшествія подъ гору по вспаханному полю, къ виднѣвшимся въ дали кустамъ.

— Держи его!—закричалъ кто-то:—Уйдетъ дьяволъ Уйдетъ и вино унесетъ... держи!..

Нѣсколько человѣкъ бросились за нимъ вдогонку, а остальные окружили насъ, и началось побоище... Насъ били, и мы били.

Помню, какъ страшно кричалъ кузнецъ и какъ страшно онъ билъ... Помню, какъ сшибли съ ногъ длиннаго Соплю... какъ волокли по землѣ дядю Юфима...

Страшно, свирѣпо, отвратительно...

XIV.

Сильно избитые, оборванные, мы съ Терехой вырвались кое какъ, наконецъ, изъ этой свалки и, позорно бросивъ кузнеца, Юфима и Соплю на произволъ судьбы, побѣжали съ поля сраженія подъ гору, къ кустамъ по тому направленію, куда удралъ Культяпка.

Пробѣжавъ немного, мы оглянулись и, видя, что никто не гонится, пошли шагомъ.

Я посмотрѣлъ на Тереху. По лицу у него текла кровь, губа распухла, красная рубаха, надѣтая для праздника, была растерзана и висѣла клочьями...

Онъ шелъ и плакалъ, хлюпая то и дѣло носомъ.

— Что ты?—спросилъ я.

— Черти!—отвѣтилъ онъ,—идолы! Меня-то за что били?.. Рубаху-то вонъ, гляди... жуть!.. неужли у васъ завси такъ-то празднуютъ?...—задалъ онъ вопросъ, утирая слезы разорваннымъ рукавомъ рубашки.

— Бываетъ хуже!—сказалъ я.

— Что-жъ теперича-то, а?—воскликнулъ онъ, когда мы вошли въ кусты и, остановившись, услыхали крики въ селѣ...—Дядю-то Юфима... жуть!.. А здорово кузнецъ бьется!—черезъ минуту уже весело воскликнулъ онъ.—Какъ полыхнетъ—такъ съ ногъ! Какъ полыхнетъ—такъ съ ногъ... Сила, сичасъ померетъ, жуть!.. Авось вырвутся какъ нибудь!..

Я ничего не отвѣтилъ и шелъ молча, думая про себя: если я брошу это мѣсто, то куда же мнѣ идти, и лучше ли будутъ люди и жизнь въ другомъ мѣстѣ?.. Вырвусь ли я когда нибудь изъ этой страшной тьмы?..

За лѣсомъ, на опушкѣ, около рѣчки, въ виду имѣнія, насъ встрѣтилъ Культяпка.

— Слава Богу,—ухмыляясь и поглаживая лѣвой рукой бороду, радостно заговорилъ онъ:—идете... здравы, невредимы... а гдѣ жъ тѣ-то?..

— Лупцуютъ ихъ таматко!—сказалъ Тереха,—а мы убѣгли...

— Ахъ, въ ротъ те шило!—воскликнулъ Культяпка,—въ отдѣлку попали, знать... Ужо, гляди, придутъ чище хрусталя... А за мной, похоже, тоже гнались,—продолжалъ онъ,—да нѣтъ, шалишь!.. Главная причина—не убѣгъ бы я, кабы не водка... Себя-то не жалко—наплевать, пущай бьютъ! Ее-то, матушку, думаю, отнимутъ, да слопаютъ... деньги плочены! сберегъ въ цѣлости... Чеколдыкнете, что-ль, съ устатку-то, а? Она у меня упрятана въ кусточкахъ.

Мы пошли за нимъ къ мѣсту, гдѣ онъ спряталъ четвертную, и, придя усталые и злые, сѣли. Водки еще было много.

— Вы, братцы, не подумайте, что я выпилъ одинъ,—сказалъ Культяпка, показывая ее,—истинный Христосъ, не пилъ. Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, коли вру! ей-Богу! глаза лопни!.. Ахъ, въ ротъ те шило! изъ чего-жъ пить-то?.. разбили вѣдь чашку-то... И чашка-то скотницы Васены: заѣстъ теперича!.. Погоди, робята; правда, не горюй... Голь на думки хитра: я изъ бересты сварганю...

Онъ живо вскочилъ съ мѣста и, осмотрѣвъ нѣсколько штукъ березъ, выбралъ, наконецъ, такую, которая, по его примѣтамъ, годилась въ дѣло, ухитрился какъ то зубами содрать кусокъ бересты и ловко сдѣлалъ изъ нея ковшичекъ, или „фунтикъ“, по формѣ похожій на тѣ «фунтики», въ которые

обыкновенно въ мелочныхъ лавченкахъ завертываютъ товаръ.

— Гоже! — воскликнулъ Тереха, — молодца ты, Михайло!

— А закусимъ кислицей! — засмѣялся Культяпка и продолжалъ:—ладно... Намъ тутъ не дуетъ. Гляди, скоро и наши подойдутъ. Не убьютъ ихъ, чай, до смерти.

Онъ налилъ въ „фунтикъ“ водки и сталъ обносить. Мы выпили, закусили щавелемъ и, выбравъ мѣсто, гдѣ посуше и откуда было видно дорогу, легли на землю.

— Погодить надо, — сказалъ Культяпка, — придутъ, всѣ вмѣстѣ въ имѣнье пойдемъ... Вотъ чортъ-то обрадуется,— нарядчикъ-то нашъ... дери его деромъ... вотъ кого бить-то надо, а не насъ...

Мы немного полежали молча.

— Ай еще выпить по махонькой?... какъ скажите?—предложилъ Культяпка.—Скучно!...

— Надо оставить тѣмъ,—сказалъ я.

— Знамо... неужъ не оставимъ... есть еще... глядика-сь!— онъ поднялъ бутыль кверху и поболталъ.—Грызется, матушка. Бутылочка моя, превкусненькая, — запѣлъ онъ тоненькимъ голоскомъ,—ты тогда нехороша, когда пустенькая!.. Налью я, а?...

— Какъ знаешь!—сказалъ Тереха.

Культяпка обнесъ еще по фунтику и, крѣпко заткнувъ пробку, положилъ „гудуху“ въ сторонкѣ подъ кустъ.

— Покурить таперь,—сказалъ онъ, доставая засаленный кисетъ и вертя папироску.—А ты, землякъ, куришь? — спросилъ онъ, глядя на меня. —Да ты откуда, а?.. Чтой-то словно я тебя гдѣ видалъ... быдто лицо знакомое...

— Не знаю,—сказалъ я,—наврядъ...

— О!.. ну такъ, такъ—такъ...—Онъ легъ навзничъ и, плюнувъ, сказалъ: — На небушкѣ-то какъ чисто, ни одного облачка... А что, взаправду,—продолжалъ онъ, помолчавъ:—неужто, ребята, опосля смерти наши души на небо пойдутъ, а?..

— Дядя Михайло! А что у тебя жена молодая?—не отвѣчая на его вопросъ, почему-то вдругъ спросилъ Тереха.

— А что тебѣ?.. Аль насчетъ того хошь, а?.. Старая, братъ,— продолжалъ онъ, помолчавъ, и не то съ грустью, не то съ досадой добавилъ:—дура, братъ, у меня баба.

— А дѣти у тебя есть-ли?—опять спросилъ Тереха.

— Дѣтьми я, братъ, закидаю!

— А много-ль?

— Семеро живы, да никакъ штукъ пять, а то и больше примерло...

— Бѣдно живете?..

— Что говорить!... У меня изба-то вся съ рыбій хвостъ...

Полу и того нѣтъ, земляной... другъ на дружкѣ спятъ ребятишки-то... повернуться негдѣ... Бѣдно, братъ, да!

— Кто-жъ у тебя хозяйствуетъ?—опять спросилъ Тереха,—чай тоже землю держишь? хресьянствуешь?..

— Я, другъ, не хресьянинъ.

— О-о-о!—удивился Тереха.—Кто-же ты?.. Холуй?..

— Холуй и есть,—засмѣялся Культяпка,—мѣщанинъ я!—добавилъ онъ.

— Что жъ ты въ деревнѣ дѣлашь-то?

— А ничего, — живу! Плачу въ міръ три бумажки въ годъ за мѣсто... болѣ ничего...

— А велико-ль мѣсто?

— А какъ избѣ встать... вовсе мало... Да что, — тѣснятъ православные, прижали, какъ ужа вилами... Курицу держать и ту не моги... плохо!..

— Ахъ ты, горюнъ!—сочувственно произнесъ Тереха-Воха и покачалъ головой,—жалко мнѣ тебя, дядя Михайло, истинный Господь... Зачѣмъ же ты, чудачина, женился-то, а?..

— А шутъ меня знаетъ, зачѣмъ? Да коли правду баить—по пьяному дѣлу все, да съ жиру... съ жиру то, другъ, и собака бѣсится... Жилъ я въ тѣ поры въ кучерахъ...

— Въ кучерахъ!.. о-о-!—съ недовѣріемъ воскликнулъ Тереха, перебивая его.

— Въ кучерахъ,—продолжалъ Культяпка,—а ты что жъ не вѣришь?.. думашь, вру... Э, другъ,—да я этихъ разныхъ должностей-то во сколько на своемъ вѣку произошелъ, — у плѣшиваго на головѣ столько волосъ нѣтъ... ей-Богу... Кѣмъ только не былъ!—воскликнулъ онъ.—Царица Небесная, Матушка!... Кучеромъ былъ, за лакея былъ, водоливомъ на рѣкѣ Шекснѣ былъ, синизаторомъ былъ, — съ бочками ѣздилъ... за дворника былъ, за коновала и то разъ былъ... ей-Богу!..

— О-о-о?! Какъ такъ?...

— Какъ да какъ... все такъ! — Нужда-то, братъ, и попа скоблитъ. Жрать захочешь,—поневолѣ, что и не умѣешь, скажешь умѣю... Да, другъ... такъ то!

— Да ты, дядя Михайло, можетъ, врешь?

— Чего мнѣ врать. Мало ли со мной случаевъ было... всего! Пожилъ, братъ, посрамилъ добрыхъ людей... попилъ винца съ хлѣбцемъ. Кабы не женатъ былъ да не дѣтишки, нешь сталъ бы я работать! Будь она проклята, работа-то эта!.. Гнись, гнись... тьфу! съ утра до ночи, какъ волъ, а все нѣтъ ничего! Посмотришь, ей Богу, на нищаго, и то завидки берутъ... Кой ему рожонъ! Настрѣляетъ за день-то кусковъ копѣекъ на сорокъ, а то и болѣ—вечеромъ въ трактиръ... Сичасъ это въ казенкѣ половиночку раздавитъ, потомъ—въ трактиръ: чайку, бараночекъ, посидитъ, закуситъ,—все по хорошему. А ноче-

вать къ десятскому: „давай фатеру"... А мы что, когда просвѣтъ-то видимъ, а?.. Не женись, братъ Терешка, не совѣтую... жениться, братъ, по нынѣшнимъ временамъ все одно, что съ колокольни прыгнуть... ей-Богу!.. Врагу тоись злому не посовѣтую!.. Будь она проклята, эта самая женитьба...

— Намъ нельзя не жениться,—сказалъ Тереха.—Наше дѣло не такое... Наше дѣло хозяйское... А ты подаешь женѣ-то?..

— Ужли нѣтъ! все туда, — въ эту яму не напасешься хламу... Семь ртовъ! самъ ты посуди: семь! по кусочку ежели, семь кусочковъ! По другому—четырнадцать... н-да, другъ!.. Вериги несу на себѣ, вродѣ какъ угодникъ какой, ей-Богу!.. Вспомнишь, какъ прежде жилъ,—продолжалъ онъ, помолчавъ,—сердце мретъ... такъ вотъ и заноетъ, истинный Господь!.. Жалко... Хорошо жилъ... Тятенька съ маменькой любили меня... маменька особливо... она-то, покойница, меня и изгадила, избаловала... Бывало: такой-сякой, миленькій, хорошенькій... Что захочу—давай! Тятенька-то въ садовникахъ жили у генерала Ковригина... ну, жалованье получали, извѣстно. И все у насъ было: корова тамъ, свинью держали... Однимъ словомъ, какъ люди, хорошо жили, говорить нечего.

— Меня въ ученье отдавали тоже,—опять, помолчавъ, продолжалъ онъ:—въ портные къ нѣмцу Фирару, Богданъ Богданычу... Ну коли живъ, подохъ бы скорѣе, а коли померъ—дери его черти на томъ свѣтѣ... Эдакаго пса невидывалъ я—да, похоже, и не увижу... Въ тѣ поры, не то что теперь въ мастерскихъ-то, просто было!.. Теперь хозяинъ не моги крикнуть, а въ тѣ поры разговоръ былъ короткій! Ужъ и били же меня! эхъ ма!..

— Жуть!—воскликнулъ Тереха.

— Жуть, братъ!—повторилъ Культяпка,—такого бою ни одна лошадь не видывала: печка одна на мнѣ не была... Убѣгъ я. Тятинька было меня опять къ нѣмцу хотѣли, а я говорю: удавлюсь! Маменька вступилась: „не отдамъ дитё"... А напрасно! Теперь вотъ подумаю: напрасно! потерпѣть бы мнѣ... Ну, били,—за-то выучили бы, человѣка бы сдѣлали... Все родители виноваты: потворство это, баловство... Такъ ничему и не выучили... Всю жизнь теперь и треплись, какъ подолъ бабій... ей-Богу! То за то схвачусь, то за это... Набалованный я человѣкъ... У меня и мѣста хорошія были, и жить бы, анъ нѣтъ!.. водочка! Ротъ-то у меня дрянной... Да и лѣнивъ я.. Работа эта проклятая для меня все одно, что ножъ вострый... смерть! Лежать бы мнѣ вотъ эдакъ постоянно... аль бы идтить куда... чтобы, значитъ, ни конца, ни краю не было... Н-да!.. Эхъ ма!.. Ну что жъ они, черти, не идутъ долго... Неужли ихъ все бьютъ?..

Онъ замолчалъ... Молчали и мы... За рѣчкой, въ полѣ, радуясь теплу и солнцу, не смолкая, тирликали жаворонки. Въ лѣсу трещали дрозды, гдѣ-то свисталъ скворецъ. Множество птичьихъ голосовъ неслось отовсюду. Гдѣ-то далеко куковала кукушка...

— Хорошо, братцы,—воскликнулъ вдругъ Культяпка,—тепло... гоже! Вотъ бы такъ-то завсе полеживать, а? Хорошо богачамъ! Вотъ бы...

И, недоговоривъ того, что хотѣлъ сказать, онъ прислушался и воскликнулъ:

— Стойте-ка!.. Идутъ! Во кузнецъ оретъ, его голосъ... Идутъ, вѣрно.

XV.

Мы ждали, глядя на дорогу... Крупный разговоръ, ругательства съ каждой минутой слышались все ближе, и вотъ, наконецъ, изъ лѣсу показались три фигуры безъ картузовъ. Впереди шелъ, махая руками, длинный Сопля; за нимъ разсказывавшій что-то и ругавшійся кузнецъ, а сзади, понуря голову, плелся дядя Юфимъ.

Они шли, не видя насъ, и уже миновали то мѣсто, гдѣ мы лежали...

Тогда Культяпка, все время съ улыбкой слѣдившій за ними, крикнулъ:

— Эй, земляки! аль загордѣли? знаться уже не хотите, а?

„Земляки“ остановились и оглянулись. Увидя насъ, они сильно обрадовались и свернули съ дороги. Пока они шли къ намъ, Культяпка схватилъ четвертную и, поднявъ надъ головой, держалъ ее, весело улыбаясь...

— Есть?—вымолвилъ кузнецъ, любовно окидывая глазами бутыль, въ которой плескалась водка.

— Хватитъ!—воскликнулъ Культяпка,—ну, а вы какъ?

— Чай, самъ видишь!—угрюмо отвѣтилъ кузнецъ и еще угрюмѣе добавилъ, обернувшись къ намъ:—Вы что жъ это, дьяволы, убѣжали?!.

— Отдѣлали насъ въ отдѣлку!—произнесъ дядя Юфимъ и плюнулъ.—Будь они прокляты! Провалиться бы имъ тамъ скрозь землю и съ селомъ-то вмѣстѣ... Слава Богу, хучь водку-то не отняли... Смерть бы таперича безъ нея...

— На-а-а-а ливай, штолича, — сказалъ Сопля, трясясь всѣмъ тѣломъ, — па-а-а-гуляли! — злобно добавилъ онъ и вдругъ закашлялся долгимъ мучительнымъ кашлемъ...

— Чашка-то тамъ осталась,—сказалъ Культяпка, наливая въ фунтикъ водки,—жалко до смерти... скотницына чашка-то,—заѣстъ!..

— Чортъ съ ней! — сказалъ кузнецъ, жадно выпивая водку.—Ловко отдѣлали!—продолжалъ онъ,—во-какъ, гляди: жилетку на клочки, рубашка—во!..

Онъ распахнулъ разорванную съ ворота до подола красную рубашку, подъ которой было голое, покрытое синяками тѣло.

— Ловко, а?.. Да погоди!—закричалъ онъ вдругъ, сверкая глазами.—Не уйдешь!.. нѣтъ, братъ, не уйдешь!..

Дядю Юфима и Соплю тоже очевидно сильно били: на тѣхъ тоже все было изорвано и болталось клочьями...

— Озорной народъ,—сказалъ Юфимъ,—разбойники! Попало мнѣ, за дѣло, видно: не ходи, старый чортъ!

Они стали пить водку и по мѣрѣ того, какъ пили, становились веселѣе... Намъ съ Терехой не подносили.

— А тебѣ, Мишухъ, спасибо,—говорилъ Юфимъ послѣ второго фунтика.—Уберегъ! Во время-то она дороже каменнаго моста...

— Эхъ, и утекалъ я съ ней, голова!—воскликнулъ Культяпка,—ногъ подъ собой не чуялъ... Не зналъ, что подо мной: земля аль нѣтъ!..

Всѣ смѣялись... Дядя Юфимъ и кузнецъ стали припоминать отдѣльные эпизоды боя, воодушевляясь все больше и больше...

Длинный Сопля сначала было тоже принималъ участіе въ этихъ разговорахъ, но потомъ какъ-то сразу насупился, замолчалъ и очевидно сталъ думать о другомъ.

— А она-то таматко... чай, съ нимъ, съ чортомъ финтитъ,— вдругъ совершенно неожиданно воскликнулъ онъ, вращая страшными, побѣлѣвшими глазами и собственно не обращаясь ни къ кому изъ насъ.—И такъ, чай, и эдакъ повернетъ... тьфу!.. будь ты проклята!..

— Да ты про кого это?—спросилъ Юфимъ.

— Про жену, вотъ про кого!—закричалъ Сопля.

— Кто про что, а ты все про это! — засмѣялся Культяпка.—Мы думали—свѣже, а это все тѣ же... Подумаешь, забота какая! Да наплевать!

— Что мнѣ дѣлать-то съ ней?!—закричалъ опять Сопля, обводя всѣхъ насъ мутными глазами.—А?.. убить шкуру...

— Плохъ, братъ, ты, коли съ бабой не совладаешь,— сказалъ, усмѣхаясь, Культяпка, видимо стараясь раздразнить Соплю:—гдѣ баба начало, тамъ голова мочало...

— Братцы мои! друзья неоцѣненные!—захлюпалъ сторожъ пьяными слезами.—Вѣдь я съ ней сколько живу-то, а?.. десять годовъ прожилъ... десять, а?—Вникните! А на старости лѣтъ—не хорошъ сталъ!

— Она баба молодая, гладкая,—опять сказалъ Культяпка:—

въ ней кровь играетъ, а ты—ишь какой шкилетъ... тебя вонъ соплей перешибешь пополамъ...

— Перешибешь...—какъ эхо, повторилъ Сопля и, помолчавъ, завопилъ:—Убью!.. не дамъ надъ собой мытариться... погоди ужо!.. Я те, я те!..

— А и взаправду,—угрюмо произнесъ кузнецъ,—надо бы этому чорту, нарядчику нашему, бока память!.. Выискался какой: кто я?!

— Народъ-то больно у насъ не дружный, — отвѣтилъ Культяпка,—гдѣ ужъ! — Одинъ такъ, а десятеро эдакъ... И сейчасъ съ язычкомъ къ самому... Ты еще рта не раскрылъ, а ужъ тамъ все извѣстно.

— Братцы мои, — между тѣмъ нылъ сторожъ, — десять годовъ, а?.. десять! А таперича, а?.. нехорошъ сталъ, другого захотѣла... Я, вишь-ли, не хорошъ ей: красиваго надо, здоро-о-о-ваго... А я нешто не здоровъ... Я здоровъ, худъ только!... Нешто я не справляю законъ.

— У тебя, братъ, чахотка!—сказалъ Культяпка.

— Кака така чахотка?

— Кака, кака!—передразнилъ его Культяпка и, безжалостно глумясь надъ нимъ, продолжалъ: — Болѣсь така, неизлѣчимая: сохнетъ человѣкъ, сохнетъ, сдѣлается, аки вотъ эта былинка сухая... страсть глядѣть! Ну, и того, крышка!.. Много народу она жретъ, и ничѣмъ ты ее не возьмешь: нѣтъ супротивъ ея силы! Вотъ у тебя она самая... Гдѣ ужъ тебѣ съ женой... тебѣ помирать скоро...

— Типунъ тебѣ на языкъ!—закричалъ сторожъ и сдѣлался еще страшнѣе:—чортъ, паршивый! издыхай самъ! — можетъ, ты напередъ издохнешь... Сволочь... пра, сволочь... воръ!..

— А ты не очень, братъ! На меня еще собака не лаяла... воръ!—Что я у тебя укралъ, а?..

— Бросьте!—крикнулъ кузнецъ, — какого чорта схватились!..

— А что жъ онъ мнѣ смерть-то прочитъ? — закричалъ сторожъ, —надсмѣхается!... Аль я дешевле его стою?.. Нищій, обормотъ!..

— Чего ужъ!—усмѣхаясь, сказалъ Культяпка:—баба что хочетъ, то и дѣлаетъ... Погоди,—она скоро на тебѣ верхомъ ѣздить станетъ. И будешь возить...

— На мнѣ... верхомъ?!

— А что жъ ты думаешь? Вотъ приди-ка ужо, какихъ она тебѣ надаетъ, за милую душу!.. на кой ты ей!.. Она, чай, тамъ за это время съ нарядчикомъ: и чаекъ, и бараночки... Пожалте, чего угодно! Ты думаешь, ребеночекъ-то въ люлькѣ твой качается? Нако-ся, выкуси... твой!.. былъ твой да свиньи съѣли... А онъ-то сдуру качаетъ... Качай, братъ, качай!..

Онъ говорилъ эти язвительныя слова, а сторожъ сидѣлъ и слушалъ... На него страшно и жалко было смотрѣть. Широко открытые глаза остановились на одной точкѣ, точно застыли, посинѣвшія губы тряслись, на щекахъ выступили красныя пятна... Все его тощее тѣло дрожало; пальцами правой руки онъ царапалъ землю, точно стараясь схватить что-то.

Намъ всѣмъ было неловко, совѣстно, гадко...

— Полно тебѣ, -- сказалъ, наконецъ, дядя Юфимъ: — пожалѣть человѣка надо!.. Вишь, онъ и такъ отъ Господа убитъ... Эхъ ты! какое тебѣ дѣло до чужого тѣла?.. А ты плюнь на него,—обратился онъ къ Соплѣ, — не слушай: собака лаетъ—вѣтеръ носитъ...

Но сторожъ не слушалъ его словъ. Онъ вдругъ вскочилъ съ мѣста и, какъ бѣшеный, вращая огромными глазами и тряся кулаками, закричалъ:

— Убью! Истинный Господь! я... погоди... вотъ увидишь... со мной!...

Онъ не договорилъ и, махнувъ рукой, повернулся и быстро зашагалъ отъ насъ по дорогѣ въ имѣніе.

— Ну вотъ надѣлалъ, братъ, ты дѣловъ,--сказалъ дядя Юфимъ, обращаясь къ Культяпкѣ:—пойдетъ таперича скандалъ, драка. Эхъ, не хорошо!..

Культяпка засмѣялся.

— Все одно, — сказалъ онъ, — и безъ меня было бы. Не первый снѣгъ на голову... Ну что-жъ,—перемѣнилъ онъ рѣчь,—допивать, что ли, а?..—и видя, что никто не отвѣчаетъ, молча сталъ наливать въ фунтикъ водку...

XVI.

Въ имѣніе мы пришли къ вечеру и прямо направились на кухню ужинать.

Здѣсь уже отужинали, по случаю праздника и не дожидаясь насъ и предполагая, вѣроятно, что мы придемъ пьяные.

Сторожъ, связанный по рукамъ и ногамъ, съ разбитымъ лицомъ и мокрыми лоснящимися и слипшимися на лбу волосами, лежалъ навзничъ на своей кровати и, широко открывъ ротъ, спалъ тяжелымъ пьянымъ сномъ, мыча и выкрикивая что-то...

Злая, заплаканная, съ подбитымъ глазомъ, стряпка, бормоча что-то себѣ подъ носъ, вѣроятно ругаясь, швырнула намъ на столъ хлѣба, ложекъ, плеснула въ чашку щей, кинула наши „пайки“ солонины и, сказавъ: „жрите!“—ушла въ свой уголъ...

— Жрутъ-то, чай, свиньи да ты съ ними, — сказалъ кузнецъ,—а мы кушаемъ... Что, аль влетѣло?!..

— А тебѣ какое дѣло?—огрызнулась кухарка,—ты знай себя да вали подъ себя... Оглянися, сватъ, на свой задъ...

— За дѣло, — продолжалъ кузнецъ, — такъ и надо! Кабы на мои зубы, я-бъ вамъ обоимъ съ хахалемъ-то головы сорвалъ... И грѣха не было бы...

— Съ какимъ съ такимъ хахалемъ,—завизжала кухарка, выскакивая на средину кухни, — сказывай, а?.. ты видѣлъ, что-ль? Сказывай!..

— А ты, смотри, не ударь!—злобно улыбнувшись, съ презрѣніемъ сказалъ кузнецъ и вдругъ громко крикнулъ:—Отвяжись отъ меня...

И онъ обругалъ ее позорнымъ словомъ. Кухарка громко заплакала и завопила, обращаясь къ намъ:

— Будьте свидѣтели!

Въ это время дверь отворилась, и въ избу вошелъ нарядчикъ.

— Хлѣбъ да соль! — сказалъ онъ, садясь на лавку и словно не замѣчая плачущую кухарку.

Мы молчали. Нарядчикъ быстро окинулъ насъ своими острыми изъ-подъ нависшихъ бровей глазами и прибавилъ:

— Ну, какъ погуляли?..

Но видя, что мы опять молчимъ, онъ обратился къ стряпкѣ и, сурово хмуря брови, какъ-то особенно грубо и зло крикнулъ:

— Ты чаво это, а?..

— Да какъ-же, — завизжала стряпка, — всякой, прости Богъ, жуликъ придетъ, лаетъ, страмитъ... Аль я взаправду какая-нибудь... За что онъ меня такимъ словомъ обозвалъ?.. Какой такой у меня хахаль, а?.. сказывай! Ну, ну!.. а-а-а! небось, пришилъ, пристегалъ языкъ-то... Испугался?..

— Какъ не испугаться, — произнесъ кузнецъ,—кабы эта страсть да къ ночи... гм!.. Какой хахаль-то?—продолжалъ онъ, улыбаясь,—а вонъ сидитъ.—Онъ указалъ пальцемъ на нарядчика,—аль не узнала?.. Шкура!—продолжалъ онъ.—Тоже: кто я!.. мужа-то извела, подлая... у-у-у, сволочь!..

— Что-жъ это такоича!—закричала кухарка, ударяя себя руками по бедрамъ,—люди добрые, а?.. Егоръ, что-жъ ты молчишь-то, а?.. уйми его!

— Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ,—стараясь быть спокойнымъ, отвѣтилъ нарядчикъ,—надъ тобой, дурой, смѣются, а ты думаешь взаправду... Вонъ давѣ, — продолжалъ онъ и кивнулъ головой на кровать, гдѣ спалъ пьяный сторожъ, — этотъ чортъ прибилъ... бѣлены объѣлся... На меня тоже къ

рылу съ кулачьями лѣзетъ... Пожалуй, сердись... Коли на всякую сволочь сердится—сердца не хватитъ!

— Самъ-то ты, сволочь,—сказалъ кузнецъ и швырнулъ ложку по столу.—Взлупку вотъ тебѣ дать!—добавилъ онъ, вылѣзая изъ-за стола...

— Что же... зачѣмъ дѣло стало? — сказалъ нарядчикъ, поднимаясь съ мѣста,—дай!..

— И дождешься когда-нибудь...

— Эхъ ты, пьянчуга... тьфу!..—съ презрѣніемъ глядя на кузнеца, плюнулъ нарядчикъ и пошелъ къ двери,—говорить-то съ тобой мускуротно,—добавилъ онъ, обернувшись.—Злая рота!..

Онъ вышелъ и такъ хлопнулъ дверью, что затряслась стѣна, и проснулся пьяный сторожъ.

XVII.

Онъ заворочался, задрыгалъ ногами, точно ихъ сводила судорога, замычалъ и, повернувшусь набокъ въ нашу сторону, обвелъ насъ всѣхъ мутными, страшными, съ кровяными жилками на бѣлкахъ, глазами.

— А мы вотъ отужинали,—сказалъ дядя Юфимъ, подходя къ нему.—Вставалъ бы и ты, а?.. Дакось я тебя распутаю... ишь связали.

— Не хочу ужинать,—испить дай!—промычалъ сторожъ, глядя на жену.—Ла-а-а-худра!..

— На, жри, подавись! — сказала кухарка, подавая въ ковшѣ воду.—Проснулся гулена, пьяница, разбойникъ...

Сторожъ припалъ сухими губами къ ковшу и жадно пилъ, глядя на жену поверхъ ковша.

— Что говоришь?—переспросилъ онъ, напившись и облизывая кончики усовъ.

— Ничаво!—огрызнулась кухарка и пошла было отъ него прочь.

— Подавись, а?.. подавись?—дико, какъ-то захлебываясь, вдругъ закричалъ сторожъ и со всего размаха швырнулъ въ нее ковшемъ. Ковшъ ударилъ ее въ спину и покатился по полу...

— Ты драться, сволочь! — завизжала кухарка, обернувшись къ нему,—ты драться... Ка-а-а-раулъ!—вдругъ неистово закричала она, видя, что мужъ слѣзъ съ постели и идетъ къ ней.—Ка-а-а-раулъ!..

Она выставила руки впередъ и пятилась къ печкѣ...

— Свого зовешь!—рычалъ сторожъ, задыхаясь отъ злобы и стараясь схватить ее за волоса,—свого зовешь, а?..

Наконецъ, ему удалось схватить ее лѣвой рукой за шиворотъ...

— А-а-а,—зарычалъ онъ, — подавись?.. мужъ законный подавись, а?.. Вре-е-е-шь, стерва, не выскочишь!.. вре-е-е-шь!— Захлебываясь и совершенно озвѣрѣвъ отъ злобы, съ пѣной въ углахъ рта, онъ ударилъ ее кулакомъ по лицу и при этомъ какъ-то ухнулъ, точно филинъ ночью гдѣ нибудь въ лѣсной трущобѣ, страшно и глухо...

Баба дико закричала и вцѣпилась ему зубами въ руку. Сторожъ поволокъ ее за волосы и вдругъ, споткнувшись обо что-то, упалъ вмѣстѣ съ нею на полъ.

— Ка а-а-раулъ!—взвыла опять баба, — православные, помогите!.. на комъ крестъ есть... а-а-ай!.. убьетъ... Ка-а-а-раулъ!..

Мужъ сидѣлъ на ней верхомъ и страшно билъ ее обѣими руками, стараясь попадать по лицу, которое она прятала отъ него, изгибаясь, стараясь вырваться.

— Разнять надыть!—сказалъ Юфимъ:—какъ бы чего не вышло: въ свидѣтели еще притянутъ... Ишь, сцѣпились, ахъ, дуй васъ горой! чисто, сичасъ умереть, псы... Разнять надыть.

— Не надо!—закричалъ кузнецъ, видимо съ удовольствіемъ наблюдавшій за ходомъ драки,—не наше дѣло... По дѣломъ...

— Свои собаки дерутся,—чужая не приставай,—въ тонъ ему поддакнулъ Культяпка и закричалъ:—Въ торецъ-то ее полыхни!.. о, го, го! бей, не робѣй!..

Между тѣмъ, озвѣрѣвшій мужикъ пересталъ бить ее кулаками, а, нагнувшись и вцѣпившись ей руками въ волоса, принялся кусать и грызть ее сзади, за шею, похожій на стараго, чахлаго злобнаго волка.

— Заткни ей глотку-то!—крикнулъ кузнецъ, — ишь, дьяволъ, оретъ! Диви—рѣжутъ...

— Пойдемъ, робята, отседа,—сказалъ Юфимъ,—дѣло то складнѣе будетъ... Кузнецъ, пойдемъ!—не наше дѣло, дери ихъ чортъ!

Онъ всталъ и торопливо пошелъ къ двери. Мы съ Терехой бросились за нимъ... Кузнецъ вышелъ послѣднимъ и, плотно прихлопнувъ дверь, сказалъ:

— Будетъ помнить!

— Не убилъ-бы грѣшнымъ дѣломъ,—сказалъ Юфимъ.

— Чортъ съ ней!.. собакѣ собачья и смерть...

Я посмотрѣлъ на Тереху, на немъ лица не было. Онъ поймалъ мой взглядъ и, вздрогнувъ, произнесъ:

— Жуть!..

— Во-какъ, братъ, женъ-то учатъ,—хлопнувъ его по плечу,

весело воскликнулъ Культяпка,—учись, братъ, Тереха-Воха... учись, родной... го, го, го!..

XVIII.

Изъ кухни, между тѣмъ, доносились дикіе крики: „караулъ"... „батюшки"... „православные"...

Около кухни, кромѣ насъ, никого не было. Всѣ остальные рабочіе, какъ оказалось, вмѣстѣ съ нарядчикомъ ушли подъ гору, за имѣніе, ловить бреднемъ въ такъ называемомъ „скотномъ" прудѣ карасей, и прекратить эту сцену было некому...

Мы всѣ отошли въ сторонку, подальше отъ избы, и сѣли на бревнахъ.

Покурилъ бы табачку,
Нѣтъ бѣлой бумажки...

—тоненькимъ голоскомъ запѣлъ Культяпка. — Гармошку бы теперь.

Ты, гармошка-флеичка,
Поиграй маненичко...
Поигралъ, потѣшился,
Погулялъ, понѣжился...

— Брось!—сказалъ кузнецъ,—ни складу, ни ладу!—и, помолчавъ, тихо произнесъ:—Все бьетъ...

— Въ азартъ взошелъ!—сказалъ Культяпка.

Въ это время дверь изъ кухни вдругъ отворилась настежь, сильно ударившись объ стѣну, и на крыльцо, а съ крыльца на землю, кубаремъ скатилась растрепанная, простоволосая и избитая кухарка, а за ней съ полѣномъ въ рукахъ Сопля.

Съ криками: „караулъ", „убилъ" кухарка пустилась бѣжать... Сопля побѣжалъ было за ней, но, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, остановился и изо всей силы швырнулъ полѣномъ ей въ догонку...

Оглянувшаяся на бѣгу, баба присѣла, и полѣно пролетѣло надъ ней... Вѣроятно, она не разъ продѣлывала такъ и раньше, и, вѣроятно, подобныя сцены были ей не вдиковинку... Мужъ крикнулъ вдогонку скверное ругательство, жена отвѣтила тѣмъ же и, сдѣлавъ гадкую непристойность, отъ которой Культяпка покатился со смѣху, побѣжала дальше и скрылась гдѣ-то за амбарами...

— Иди къ намъ!—закричалъ Культяпка:—эй, воинъ! иди сюда... побаловалъ да и за щеку...

Сопля подошелъ... Мы всѣ съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ уставились на него...

На немъ лица не было и смотрѣть на него было страшно... Бѣлый, какъ бумага, худой, съ пѣной по угламъ рта, трясущійся отъ неостывшей злобы, въ изорванной рубашкѣ, изъ-подъ которой выглядывала тощая, поросшая волосами грудь,—онъ былъ противенъ, жалокъ и ужасенъ...

— Усталъ, родной, а? — сочувственно произнесъ дядя Юфимъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ и молча сѣлъ, низко опустивъ голову.

— Ну, жисть,—глухо произнесъ онъ, помолчавъ:—да... Сибирь...—Онъ поднялъ голову, обвелъ насъ страшными глазами и опять нагнулся,—хучь давись... да и не миновать!..

— Эхъ ты!—воскликнулъ Культяпка,—изъ-за бабы-то? Го! плюнь ты на нее да ногой разотри...

— Плюнь!—передразнилъ его сторожъ:—хорошо тебѣ говорить-то!... да... а ты встань на мое мѣсто... попробуй... Мнѣ ужъ что, — продолжалъ онъ и голосъ его задрожалъ слезами:—мнѣ нешто любовь ея таперича нужна? мнѣ хучь бы ува-ува-женье, мнѣ... — онъ вдругъ заплакалъ и затявкалъ, какъ щенокъ.—О-о-о-бидно мнѣ...

И вдругъ онъ заревѣлъ такъ, что намъ стало жутко . .

. . . .

Мы долго сидѣли молча, слушая его тявканье... Солнце садилось... Огромный яркій дискъ его прятался вдали за буграми и, наконецъ, пропалъ. Стало смеркаться. Съ поля пригнали скотину. Бабы скотницы начали доить коровъ, крича на нихъ и стуча ведрами... Изъ-подъ горы, громко разговаривая, смѣясь и крича, возвращались съ рыбной ловли рабочіе. Недалеко отъ насъ, на березѣ сидѣлъ около скворешника скворецъ и пѣлъ... Онъ то свисталъ, то, обернувшись къ заходившему солнцу, трепеталъ крылышками и что-то часто, часто тирликалъ, то принимался кричать, какъ галченокъ, то подражалъ ржанью поросенка... Въ лугахъ кричали чибисы, крякали гдѣ-то утки, несмолкаемая торопливо-радостная болтовня жаворонковъ доносилась съ поля...

— Н-да!—произнесъ, наконецъ, молчавшій, какъ и всѣ мы, кузнецъ,—дѣла подумаешь, а?.. Изъ за какого дерьма, изъ-за бабы... тьфу!..

— Думай не думай, а жить надыть!—стараясь казаться веселымъ, крикнулъ Культяпка:—ничего не подѣлаешь...—И, помолчавъ, добавилъ: — Знать, и нарядчикъ съ ними рыбу ловилъ...

— А что?—спросилъ кузнецъ.

— Да вишь вонъ,—Волчокъ бѣжитъ... завсе съ нимъ,—

выкормокъ... и хитрая жъ, голова, собаченка!..—Онъ вдругъ свиснулъ и громко крикнулъ:—Волчекъ, Волчекъ! Сукинъ сынъ, подь сюда! Исй, исй!.. „Исй“—это значитъ „поди сюда“ по господски,—пояснилъ онъ.

Бѣжавшая въ сторонѣ изъ-подъ горы небольшая собаченка остановилась, послушала и побѣжала въ нашу сторону. Какъ-то изгибаясь, махая пушистымъ хвостомъ и недовѣрчиво-робкими глазами оглядывая насъ, она подползла на брюхѣ, тихонько повизгивая, къ Культяпкѣ и вдругъ около его ногъ перевернулась на спину.

— Ахъ ты, подлецъ!—перекатывая ее съ боку на бокъ ногой, заговорилъ Культяпка,—сукинъ ты сынъ!.. мм-а-а-шенникъ! жрать, видно, захотѣлъ, а?.. злая шельма... ишь хвостомъ-то сучитъ. Что, а?.. что, зла-а-я рожа...

— Tepexa-Воха, — вскочивъ вдругъ съ мѣста и какъ-то сразу оживившись, торопливо вполголоса заговорилъ кузнецъ:—сбѣгай, другъ, скорѣича на кухню, принеси топоръ.— Тамъ онъ гдѣ-нибудь у порога... Скорѣича бѣги!

Tepexa, не интересуясь, зачѣмъ вдругъ понадобился топоръ, всталъ и торопливо пошелъ къ избѣ.

— Ты что это?—спросилъ Юфимъ.

— Погоди, увидишь!—скверно какъ-то посмѣиваясь, произнесъ кузнецъ.—Давай скорѣй!—крикнулъ онъ возвращавшемуся съ топоромъ Терехѣ.

Tepexa подошелъ и отдалъ топоръ. Кузнецъ взялъ его, пощупалъ большимъ пальцемъ правой руки лезвіе и сказалъ Культяпкѣ:

— Ну-ка, Мишь, подложь-ка хвостъ-то на бревно, а его подержи чутокъ за шиворотъ... Я въ моментъ!.. злѣе будетъ... Вонъ у пастуховъ у зубцовскихъ всѣ собаки... хвосты рублены... Клади!..

— Бросьте, ребята, не ладно это, не дѣло... жалко,—сказалъ Юфимъ.

— Мы люди, да и то насъ небольно-то жалѣютъ,—пробурчалъ кузнецъ.

— Ну, какъ знаете, ваше дѣло!—сказалъ дядя Юфимъ и, махнувъ рукой, отвернулся въ сторону. — А только,—добавилъ онъ,—блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ...

Между тѣмъ, Культяпка взялъ Волчка за голову и, зажавъ его голову между ногъ, весело крикнулъ:

— Сопля, бери-ка его, сукина сына за хвостъ... за конецъ за самый... клади на шестерину-то, тяни къ себѣ, а я къ себѣ, а ты руби... сразу отскочитъ...

Сопля охотно согласился и, ругаясь скверными словами, злой и страшный, схватилъ Волчка за хвостъ и сдѣлалъ такъ, какъ училъ Культяпка.

Волчекъ потихоньку повизгивалъ, точно ребенокъ, начинающій плакать и моргать небольшими умными глазками, не дѣлая никакихъ усилій вырваться.

— Вмазывай!—крикнулъ Культяпка.

Кузнецъ взмахнулъ топоромъ, какъ-то особенно крякнулъ, перекосилъ ротъ въ сторону и ударилъ...

Отрубленный хвостъ по самую „рѣпицу“ остался въ рукахъ Сопли.

Культяпка разжалъ ноги и пустилъ Волчка.

Сначала, вѣроятно, не сразу почуя боль, Волчекъ молчалъ, потомъ какъ-то неожиданно сразу раздался пронзительный не визгъ, а какой-то необыкновенно жалобный вопль, и собаченка, катаясь по землѣ, обливаясь кровью, оглядываясь назадъ, дѣлая усилія поймать остатокъ хвоста, побѣжала прочь...

— Эхъ, ребята! — произнесъ дядя Юфимъ и всталъ съ мѣста,—за что?.. нѣшто тварь виновата... безсловесная она... Эхъ!—онъ опять махнулъ рукой и пошелъ прочь по направленію къ сараю, гдѣ мы спали...

— Брось хвостъ-то подъ бревна! — торопливо и ни на кого не глядя, сказалъ кузнецъ.—Да расходись кто куда... Коли самъ спроситъ: не знаемъ, молъ... Ишь оретъ, чортъ, за версту слыхать... Терешка, броська топоръ на мѣсто... оботри кровь-то объ траву...

Тереха понесъ топоръ... Я пошелъ за нимъ. Онъ отворилъ дверь, швырнулъ топоръ и, сойдя съ крыльца, сказалъ:

— Ну, и народъ, Павлычъ, а?.. жуть!..

С. Подъячевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 гг.

VII.

Вопросъ о вотчинной власти.—Измѣненія во взглядахъ правительства на этотъ вопросъ со времени составленія Позеновской программы.—Отказъ отъ вотчинной власти комитетовъ, составившихъ выкупные проекты.—Постановленія самарскаго комитета.—Для какихъ имѣній нужно было главнымъ образомъ сохраненіе вотчинной власти?—Точка зрѣнія петербургскаго комитета.—Постановленія прочихъ комитетовъ.—Объемъ вотчинной власти по ихъ проектамъ.—Постановленія костромскаго, воронежскаго и орловскаго комитетовъ. Постановленіе харьковскаго, рязанскаго и калужскаго комитетовъ.—Вопросъ о вотчинной власти въ связи съ вопросомъ о преобразованіи уѣзднаго и губернскаго управленія.—Меньшинство въ комитетахъ и ихъ значеніе въ крестьянской реформѣ.—Присутствіе сословнаго интереса въ основаніяхъ ихъ постановленій.—Тверское большинство и наиболѣе либеральное меньшинство другихъ комитетовъ.—Менѣе либеральное меньшинство.—Меньшинство вовсе не либеральное.—Анализъ постановленій нижегородскаго меньшинства.—Заключеніе. Взглядъ на дальнѣйшую судьбу трудовъ губернскихъ комитетовъ.

Хотя вопросъ о вотчинной власти считался по преимуществу вопросомъ административнымъ и юридическимъ и въ качествѣ таковаго разсматривался въ Петербургѣ въ *административномъ и юридическомъ* отдѣленіяхъ редакціонныхъ коммиссій, однако въ дѣйствительности онъ находился въ тѣснѣйшей связи съ экономической стороной крѣпостныхъ отношеній. Правительство, какъ извѣстно, сначала вовсе не думало одновременно съ отмѣной личнаго крѣпостного права уничтожить вотчинную власть помѣщиковъ. Въ рескриптахъ, наоборотъ, прямо упоминалось объ удержаніи вотчинной полицейской власти въ рукахъ помѣщиковъ. Это удержаніе, при всей неподготовленности министерства внутреннихъ дѣлъ и при всей непродуманности его начинаній, проектировалось, однако же, далеко *не случайно*, а было, наоборотъ, въ несомнѣнной логической связи съ экономической стороной предложенныхъ основаній реформы. Разъ крестьянская земля оставлялась въ собственности помѣщиковъ и отдавалась крестьянамъ лишь въ безсрочное пользованіе за обязательныя повинности, разъ

сохранялась барщина, которая лишь постепенно должна была замѣняться оброкомъ, помѣщикъ, конечно, не могъ быть лишенъ власти надзора за хозяйственными распоряженіями крестьянина. Необходимость сохраненія этой власти подкрѣплялась отсутствіемъ въ уѣздахъ полицейскихъ властей, которымъ можно было бы поручить взысканіе оброковъ и наблюденіе за правильнымъ отбываніемъ повинностей. Многія частныя лица и нѣкоторые губернскіе комитеты, понимая все неудобство такого положенія и предвидя, что крестьяне не удовлетворятся такимъ, въ сущности, номинальнымъ освобожденіемъ и едва ли будутъ охотно выполнять возложенныя на нихъ повинности, предлагали, при помощи единовременнаго и обязательнаго выкупа повинностей, ликвидировать сразу и окончательно всѣ крѣпостныя отношенія. Но правительство выкупъ отвергло. Оно оставляло крестьянъ временно крѣпкими землѣ и, облагая ихъ обязательными повинностями, само понимало, что крестьянъ не легко будетъ заставить исправно отбывать эти повинности. Отсюда логически вытекало и оставленіе вотчинной полиціи помѣщикамъ; отсюда же явилась и мысль о необходимости крѣпкой власти на мѣстахъ и чрезвычайныхъ полномочій мѣстнымъ властямъ—мысль, которой Ростовцевъ крѣпко держался вначалѣ. Когда Ростовцевъ воспринялъ идею выкупа и понялъ его осуществимость и выгодныя стороны, онъ сталъ совершенно иначе относиться и къ вотчинной власти, и къ чрезвычайнымъ полномочіямъ. Все это ярко выразилось въ его извѣстныхъ письмахъ и запискахъ, напечатанныхъ въ „Матеріалахъ редакціонныхъ коммиссій", и въ результатѣ привело къ сильному измѣненію правительственной программы. Это измѣненіе правительственной программы получило свое оффиціальное выраженіе въ журналахъ главнаго комитета 26 октября и въ особенности 4 декабря 1858 года. Въ редакціонныхъ коммиссіяхъ эти журналы были положены въ основу ихъ работъ, наравнѣ съ высочайшими рескриптами. Редакціоннымъ коммиссіямъ, при самомъ открытіи ихъ работъ, Ростовцевъ въ особомъ предложеніи сообщилъ свои мысли и основанную на нихъ новую программу рѣшенія крестьянскаго вопроса, въ которой на первый планъ выставлено было освобожденіе крестьянъ съ землей, при чемъ, „конечной развязкой освобожденія предложено было считать выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщика" и рекомендовалось избѣгнуть по возможности регламентаціи срочно-обязаннаго періода или сократить „переходное состояніе", барщину же уничтожить черезъ три года и дать освобожденнымъ крестьянамъ *самоуправленіе* въ ихъ сельскомъ быту *).

Соотвѣтственно новымъ взглядамъ Ростовцева, воспринятымъ черезъ него и государемъ, въ журналѣ главнаго комитета, утвер-

*) Семеновъ. н. с., I, стр. 99.

жденномъ 4 декабря 1858 г., было, между прочимъ, изложено: „Власть надъ личностью крестьянина, по исполненію или по нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества, сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ. При опредѣленіи подробностей устройства міра и учрежденій, посредствомъ которыхъ онъ долженъ дѣйствовать, а также отношеній міра къ помѣщику, обратить вниманіе: а) на постановленія по этому предмету, изложенныя въ сводѣ законовъ, и б) на IX главу программы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ, сообразивъ: *можетъ ли эта глава оставаться въ прежней силѣ, или слѣдуэтъ ее измѣнить*“ *).

Редакціонныя коммиссіи, составленныя главнымъ образомъ изъ людей, искренно расположенныхъ къ реформѣ, ухватились за это постановленіе главнаго комитета и въ результатѣ упразднили вотчинную полицейскую власть. Но губернскіе комитеты не имѣли въ виду этого измѣненія правительственной программы, потому что журналъ главнаго комитета, утвержденный 4 декабря, *имъ сообщенъ не былъ*. При томъ къ этому времени многіе изъ нихъ уже заканчивали свои занятія. Имъ пришлось по вопросу о вотчинной власти руководствоваться всецѣло рескриптами и программой, IX глава которой не только предрѣшала сохраненіе вотчинной власти, но и намѣчала въ общихъ чертахъ ея устройство и содержаніе. При томъ же комитеты имѣли въ виду въ своихъ проектахъ, согласно той же программѣ, лишь срочно-обязанное положеніе, оставлявшее крестьянъ временно крѣпкими землѣ, принадлежащей на правѣ собственности помѣщикамъ, и за которую крестьяне обязывались отбывать опредѣленныя повинности. Для поддержанія такого положенія и обезпеченія въ немъ своихъ правъ и интересовъ многимъ помѣщикамъ не только представлялось необходимымъ сохраненіе въ полномъ объемѣ вотчинной власти, но имъ казалось даже необходимымъ полученіе особыхъ полномочій, въ родѣ права вызова военныхъ командъ и чрезвычайное усиліе полицейской власти на мѣстахъ. Выше мы уже говорили, что многіе изъ нихъ представляли себѣ срочно-обязанное положеніе — и не безъ основанія — своего рода осаднымъ положеніемъ. Все это необходимо принять во вниманіе при оцѣнкѣ постановленій губернскихъ комитетовъ по вопросу о вотчинной власти.

Поэтому никакъ нельзя удивляться, что лишь немногіе комитеты, проявившіе особую инидіативу въ дѣлѣ крестьянской реформы, отступили отъ данной имъ въ руководство правительственной программы по вопросу о вотчинной власти и отказались отъ нея совершенно или дали ей не то содержаніе и устройство, какія предполагались составителями программы. Это были

*) Тамъ же, стр. 81.

по преимуществу тѣ комитеты, которые желали выкупа: *тверской, калужскій, смоленскій, харьковскій,* отчасти *рязянскій* и меньшинство *владимирскаго* и *новгородскаго.* Такія же постановленія содержались въ выкупныхъ проектахъ *пензенскаго* и *саратовскаго* комитетовъ.

Самарскій комитетъ также совершенно отказался за все самарское дворянство отъ вотчинной власти надъ сельскими обществами и отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла крестьянъ, но при этомъ онъ сохранилъ многія вотчинныя права помѣщиковъ подъ видомъ *хозяйственной распорядительной власти* въ барщинныхъ имѣніяхъ. По обоимъ самарскимъ проектамъ помѣщику было предоставлено широкое право „домашней расправы" надъ барщинными крестьянами, которыхъ онъ могъ подвергать собственною властью за проступки, учиненные *во время нахожденія ихъ на господской обязательной работѣ,* за дерзость и ослушаніе противъ самого владѣльца, управляющаго имѣніемъ, распорядителя работъ или нарядчика, за порчу, растрату или покражу ввѣреннаго имъ господскаго имущества, какъ то: сѣмянъ, орудій, лошадей, рабочаго и домашняго скота, за небрежность въ работѣ и дурное исполненіе заданныхъ имъ уроковъ, *тѣлесному наказанію* розгами: мужчинъ до 20 ударовъ, а женщинъ до 10, кромѣ беременныхъ и недавно родившихъ, которыя, вмѣсто тѣлеснаго наказанія, облагались по самарскимъ проектамъ штрафомъ не свыше 75 коп. серебромъ (а по проекту меньшинства не свыше 50 коп.). При этомъ требовалось со стороны вотчиннаго начальства лишь соблюденіе слѣдующихъ правилъ: а) наказаніе производится въ присутствіи одного изъ старшинъ и записывается въ штрафную книгу, съ обозначеніемъ въ ней года, мѣсяца и числа, имени и лѣтъ наказаннаго, его вины, числа ударовъ, именъ присутствующаго старшины и лицъ, употребленныхъ для наказанія; б) строго воспрещалось вотчиннику, или тому лицу, которымъ присуждается наказаніе, приводить его собственноручно въ исполненіе, или наносить побои провинившимся крестьянамъ; всѣ такія дѣйствія разсматривались, какъ противозаконное самоуправство; в) мужчины и женщины, подвергаемые тѣлесному наказанію, могли отъ него освободиться, внеся въ тотъ же день въ господскую контору денежный штрафъ, по назначенію вотчинника или его повѣреннаго, не свыше одного рубля серебромъ. При этомъ въ употребленіи предоставленной ему власти наказывать крестьянъ, вотчинникъ подлежалъ отвѣтственности передъ уѣзднымъ присутствіемъ, по жалобамъ, на него принесеннымъ, *лишь въ случаѣ превышенія мѣры наказанія или нарушенія правилъ, для оныхъ предписанныхъ.* Вовсе не подлежали вотчиной расправѣ должностные крестьяне, обществомъ избранные, *и всѣ перешедшіе на оброкъ* *).

*) «Матеріалы редакціон. коммиссій», т. VII. гл. IX, стр. 69.

Эту систему Ю. Ѳ. Самаринъ провелъ и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, гдѣ на защиту ея онъ потратилъ не мало краснорѣчія. Замѣчательно, что при этомъ его поддерживали главнымъ образомъ члены-эксперты изъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ и наиболѣе либеральные **). Обоснованіе этого постановленія въ самарскомъ комитетѣ и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ чрезвычайно характерно. Оно ясно показываетъ, какую силу имѣли въ сужденіяхъ губернскихъ комитетовъ по вопросу о вотчинной власти чисто хозяйственныя соображенія.

Комитеты, основывавшіеся въ своихъ постановленіяхъ по этому предмету не на хозяйственныхъ интересахъ, а на особыхъ, исторически сложившихся, привилегіяхъ дворянства, или просто исполнявшіе требованія по этому пункту данной имъ въ руководство правительственной программы, не обосновывали своихъ постановленій съ такой обстоятельностью, какъ это сдѣлалъ самарскій комитетъ. И впослѣдствіи ихъ депутаты не отстаивали въ редакціонныхъ коммиссіяхъ постановленій своихъ комитетовъ съ такой настойчивостью, какъ Самаринъ или какъ они же сами отстаивали свои постановленія по вопросамъ надѣленія крестьянъ землей и обложенія ихъ повинностями. И. И. Иванюковъ отмѣтилъ въ своей книгѣ, что по вопросу о прекращеніи вотчинной власти помѣщиковъ депутаты перваго приглашенія, т. е. отъ первыхъ 21 комитета, представившихъ свои проекты ранѣе остальныхъ, очень слабо нападали или совсѣмъ не нападали на постановленія редакціонныхъ коммиссій, хотя эти постановленія весьма существенно измѣнили по этому вопросу рѣшенія большинства губернскихъ комитетовъ; тогда какъ, напротивъ, депутаты 2-го приглашенія весьма сильно обрушились на эти постановленія редакціонныхъ коммиссій. Г. Иванюковъ объясняетъ эту разницу въ поведеніи тѣхъ и другихъ главнымъ образомъ тѣмъ, что вторые явились въ Петербургъ въ минуту реакціи въ правительственныхъ сферахъ, когда у нихъ явилась надежда поколебать и даже вовсе сложить въ архивъ всѣ постановленія редакціонныхъ коммиссій; тогда какъ первымъ пришлось дѣйствовать въ моментъ, когда Ростовцевъ былъ еще живъ и пользовался наибольшимъ вліяніемъ. Но не меньшее значеніе имѣло тутъ, вѣроятно, другое обстоятельство. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что депутаты 1-го приглашенія принадлежали въ большинствѣ къ комитетамъ промышленныхъ оброчныхъ губерній, въ которыхъ большая часть помѣщиковъ не была заинтересована въ сохраненіи барщины и въ обезпеченіи правильнаго ея отбыванія; тогда какъ депутаты 2-го приглашенія принадлежали почти всѣ къ комитетамъ такихъ губерній, гдѣ помѣщичье хозяйство держалось главнымъ образомъ на барщинѣ и гдѣ отказаться отъ нея вдругъ нельзя было безъ потря-

*) Семеновъ, н. с., т. I, стр. 243 и т. II, стр. 548.

сенія помѣщичьихъ интересовъ. Изъ 36 депутатовъ, которые подписали рѣзкое осужденіе постановленій редакціонныхъ коммиссій по вопросу объ упраздненіи вотчинной полицейской власти помѣщиковъ, принадлежали: 3 къ *курскому* комитету, по 2 къ *пензенскому*, *казанскому*, *орловскому*, *екатеринославскому*, *таврическому*, *оренбургскому*, *донскому*, *смоленскому*, *вологодскому*, *пермскому*, *могилевскому*, *минскому* и *витебскому* и по одному къ *тульскому*, *калужскому*, *херсонскому*, *виленскому*, *гродненскому*, *ковенскому* и *олонецкому* комитетамъ. Изъ комитетовъ, стоявшихъ за сохраненіе вотчинной власти изъ побужденій сословно-правового, а не экономическаго характера, особенно выдается *петербургскій* комитетъ, который, въ силу своихъ аристократическихъ тенденцій, ставилъ вопросъ о сохраненіи вотчинной власти и вообще вотчинныхъ правъ дворянства на первый планъ и съ этой точки зрѣнія разрѣшалъ, какъ мы видѣли, и поземельный вопросъ въ духѣ феодальнаго эмфитевтическаго права. Въ „обзорѣ основаній" своего проекта комитетъ этотъ утверждалъ что „при новомъ устройствѣ отношеній между крестьянами и помѣщиками, послѣдніе должны удержать за собою право попечительнаго наблюденія надъ дѣйствіемъ сельскихъ должностныхъ лицъ и производствомъ суда и расправы. Подобная власть, по мнѣнію комитета, никогда и ни въ какомъ случаѣ не проявляется въ видѣ личнаго произвола и не можетъ повести къ нарушенію предоставляемыхъ крестьянамъ правъ; между тѣмъ удержаніе ея будетъ имѣть благодѣтельныя послѣдствія для самихъ крестьянъ. При томъ, если бы дворянство устранило себя отъ всякаго участія въ крестьянскомъ управленіи, то немедленно представилась бы необходимость соединить крестьянскія общества съ общими правительственными властями и потребовалось бы привести ихъ въ правильное между собою сообщеніе, что повлекло бы за собою значительные для крестьянъ расходы и неизбѣжное развитіе формальности и письменности. Напротивъ того, оставляя за помѣщиками право наблюденія надъ судами и расправою въ крестьянскихъ обществахъ, представляется возможность, безъ отступленія отъ общихъ, нынѣ существующихъ административныхъ началъ устроить внутреннее крестьянское управленіе совершенно просто, положивъ въ основаніе онаго не только законъ письменный, но и мѣстные обычаи" *).

Эти соображенія, пущенныя въ ходъ петербургскимъ комитетомъ, развивались и многими другими.

Изъ остальныхъ губернскихъ комитетовъ большая часть при составленіи IX главы проектовъ придерживалась программы и, слѣдуя ея указаніямъ, назначала помѣщиковъ имѣній, составлявшихъ цѣлое сельское общество, начальниками этихъ обществъ, а

*) «Матеріалы редакціон. ком-сій», 2-е изд., т. II, ч. II, стр. 297.

если въ составъ сельскаго общества входило два или болѣе имѣнія, то владѣльцамъ ихъ предоставлялось избрать изъ своей среды одного въ начальники общества. Мелкопомѣстныя же имѣнія (менѣе 21 души) присоединялись къ сосѣднимъ крупнымъ имѣніямъ. Содержаніе вотчинной власти помѣщиковъ, въ качествѣ начальниковъ обществъ, было также намѣчено въ главныхъ чертахъ въ программѣ, и большая часть комитетовъ лишь развивала ея указанія, руководствуясь въ то же время привычными въ тогдашней помѣщичьей средѣ представленіями о существѣ этой власти, а отчасти и тѣми опасеніями упорнаго неповиновенія и своеволія крестьянъ послѣ объявленія воли, которыя были распространены среди дворянства почти повсемѣстно. По этимъ проектамъ начальникамъ обществъ предоставлялась сильная власть надъ крестьянскимъ населеніемъ и болѣе или менѣе широкое вмѣшательство въ сферу крестьянскаго самоуправленія, въ видѣ права просмотра и отмѣны приговоровъ схода, права утвержденія и увольненія крестьянскихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, права наказанія крестьянъ (штрафами, арестами и розгами) за неповиновеніе и грубость, а иногда и за другіе проступки и, наконецъ, права высылки изъ предѣловъ имѣнія и передачи въ распоряженіе правительства лицъ, виновныхъ въ нѣкоторыхъ повторныхъ преступленіяхъ, въ оскорбленіи помѣщика и членовъ его семьи, и даже просто упорныхъ недоимщиковъ, а по нѣкоторымъ проектамъ также право сдачи послѣднихъ въ рекруты. Нѣкоторые изъ этихъ комитетовъ предоставляли помѣщикамъ право наблюденія за посторонними лицами на территоріи ихъ имѣнія, при чемъ помѣщикъ могъ арестовать всякаго нарушителя порядка и спокойствія, не смотря на званіе его и должность, и выслать его изъ предѣловъ имѣнія или передать въ распоряженіе земской полиціи, содержа до того времени подъ стражей не болѣе трехъ дней.

Изъ общаго числа комитетскихъ проектовъ предоставляли помѣщику званіе и права начальника общества — 35 и, сверхъ того, 9 проектовъ меньшинства разныхъ комитетовъ *). Въ этомъ числѣ мы считаемъ и проекты костромского и воронежскаго комитетовъ, которые, хотя и не дѣлали помѣщиковъ обязательно начальниками обществъ, но предоставляли за то каждому помѣщику всѣ тѣ вотчинно-полицейскія права, которыми по проектамъ другихъ комитетовъ пользовались начальники сельскихъ обществъ. *Костромской* комитетъ объяснилъ, что онъ не устанавливаетъ для помѣщиковъ обязательнаго принятія званія начальника обществъ, потому что это сопряжено съ извѣстными обязанностями въ отношеніи надзора за ходомъ крестьянскаго управленія. Поэтому, не желая стѣснять помѣщиковъ, по большей части не живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, комитетъ этотъ лишь предоставлялъ имъ, буде

*) Срав. *Скребицкій*, н. с., т. I, стр. 587 и слѣд.

они пожелаютъ, принимать на себя званіе начальниковъ сельскаго общества, но тогда они уже обязывались жить въ имѣніи и исполнять нѣкоторыя обязанности сельскаго старшины.

Къ числу комитетовъ, сохранявшихъ помѣщику значительную степень вотчинной власти, принадлежалъ въ сущности и *орловскій* губернскій комитетъ, хотя онъ не учреждалъ должности начальника сельскаго общества и даже проектировалъ передачу всѣхъ полицейскихъ и судебно-полицейскихъ функцій выборнымъ „мирнымъ судьямъ". Здѣсь, видимо, восторжествовали идеи С. И. Мальцева *). Отнесясь съ одинаковымъ презрѣніемъ и къ „*лапотному*" суду крестьянъ, и къ господству чиновничьей бюрократіи, этотъ комитетъ мечталъ о водвореніи независимой и несвязанной никакими формальностями дворянской юрисдикціи, которая отправлялась бы избранными дворянскимъ собраніемъ „мирными судьями". Комитетъ этотъ „считалъ необходимымъ выставить на благоусмотрѣніе правительства тотъ принципъ, что съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости слѣдуетъ поручить управленіе народомъ и соединенные съ нимъ судъ и расправу не бездомнымъ скитальцамъ, пріѣзжающимъ на кормленіе, а лучшимъ людямъ, взятымъ изъ той же мѣстности и способнымъ внушить къ себѣ довѣріе народа, сколько по независимому своему общественному положенію, столько же и по превосходству умственнаго и нравственнаго своего образованія. На этихъ людяхъ будетъ,—заявлялъ комитетъ,—по всей вѣроятности, основана вся судьба крестьянской реформы, а можетъ быть, и все дальнѣйшее развитіе нашего отечества" **).

Однако, замѣна начальниковъ сельскихъ обществъ „мирными судьями" нисколько не помѣшала орловскому комитету надѣлить помѣщиковъ въ ихъ имѣніяхъ такими же правами, какія другими комитетами предоставлялись начальникамъ обществъ ***). Предсѣдатель этого комитета В. В. Апраксинъ, будучи впослѣдствіи членомъ редакціонныхъ коммиссій, сильно нападалъ на постановленія послѣднихъ, клонившіяся къ упраздненію вотчинной власти ****).

Изъ комитетовъ, учреждавшихъ званіе начальника общества, наибольшій объемъ карательной и полицейской власти предоставилъ помѣщикамъ *екатеринославскій* комитетъ. По проекту этого комитета помѣщикъ могъ нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ, а также виновныхъ въ важныхъ проступкахъ противъ

---

*) *Скребицкій*, I, 400 и 619. Срав. «Матеріалы редакц. коммиссій», т. VII, гл. IX, стр. 48—50. Большинство и меньшинство комитета въ этомъ отношеніи были между собой вполнѣ солидарны.

**) *Скребицкій* I, 400.

***) «*Матеріалы* редакц. ком-сій», VII, гл. IX, стр. 49.

****) *Семеновъ* «Освоб. крестьянъ». I, стр. 629 и 847 (Засѣданіе редакціонныхъ коммиссій 29 авг. 1859 г. и особое мнѣніе В. В. Апраксина).

него, его семейства и собственности, предоставлять безъ согласія общества, но съ утвержденія мѣстнаго присутствія,—въ распоряженіе правительства, заключать въ смирительные дома, въ арестантскія роты и др. исправительныя заведенія *).

Комитеты: *харьковскій*, *смоленскій*, *калужскій*, *рязанскій*, *саратовскій* и *тверской*, а также меньшинство *владимірскаго* и *новгородскаго* совершенно отступили въ своихъ проектахъ отъ програмы, при чемъ первые пять комитетовъ и новгородское меньшинство сохранили въ нихъ нѣкоторыя черты вотчинной власти и привилегій дворянскаго сословія. Тверской же комитетъ и меньшинство владимірскаго и калужскаго комитетовъ отказались отъ всякой вотчинной власти, признавая гражданскую равноправность освобожденныхъ крестьянъ съ дворянами. При этомъ тверской комитетъ и владимірское меньшинство проектировали *всесословную* волость съ волостнымъ собраніемъ, состоящимъ изъ помѣщиковъ и представителей крестьянскихъ обществъ, съ выборнымъ волостнымъ предводителемъ или волостнымъ попечителемъ во главѣ, а калужское меньшинство проектировало подчиненіе какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, соединенныхъ въ сельскія общества, непосредственно выборному всесословному уѣздному хозяйственному комитету. Саратовскій комитетъ для срочно-обязаннаго положенія проектировалъ выбранныхъ дворянствомъ изъ своей среды волостныхъ попечителей, которыхъ надѣлялъ нѣкоторой долей вотчинной власти; по *выкупному* же проекту онъ признавалъ полную самостоятельность освобожденныхъ крестьянъ и предполагалъ, такъ же, какъ и тверской, всесословное волостное устройство. Замѣчательно, что и *пензенскій* комитетъ, назначавшій помѣщиковъ по проекту срочно-обязаннаго положенія начальниками сельскихъ обществъ,—по *выкупному* проекту признавалъ полную самостоятельность освобожденныхъ крестьянъ.

Харьковскій комитетъ находилъ неудобнымъ присвоивать помѣщикамъ званіе начальниковъ обществъ, „потому, во-1-хъ, что это званіе послужило бы помѣщикамъ новымъ поводомъ къ продолженію, хотя и въ другой формѣ, прежняго произвола, а во 2-хъ, что въ Харьковской губерніи 2/3 крестьянъ принадлежитъ богатымъ помѣщикамъ, которые большею частью не живутъ въ своихъ имѣніяхъ. При частомъ же неизбѣжномъ отсутствіи владѣльцевъ изъ своихъ помѣстій, мѣста управляющихъ займутъ лица, которыя, не имѣя прежней отвѣтственности, изъ видовъ корысти, сойдутся съ сельскими властями, разными поборами раззорятъ крестьянъ и доведутъ, какъ ихъ, такъ и помѣщиковъ, до самыхъ гибельныхъ послѣдствій“ **). Этотъ комитетъ проекти-

*) «Матеріалы редакц. коммиссій», VII, гл. IX, стр. 46.
**) «Матеріалы редакц. коммиссій», 2-е изд. т. II, стр. 302.

ровалъ для административнаго управленія срочно-обязанными крестьянами особыхъ уполномоченныхъ, выбранныхъ по одному на уѣздъ (и по два помощника каждому) дворянами изъ своей среды.

Почти также разсуждало меньшинство *2-хъ членовъ рязанскаго* комитета. По его мнѣнію, „власть помѣщика, которая была до сихъ поръ почти неограниченною и основывалась на произволѣ, невозможно преобразовать, и она будетъ постоянно, по старой памяти, преступать законъ и возвращаться къ старымъ началамъ. Такую власть, по мнѣнію означеннаго меньшинства, гораздо легче вовсе упразднить, перенеся ее отъ помѣщиковъ на все дворянское сословіе, предоставивъ ему право мѣстнаго управленія". *Большинство рязанскаго* комитета, предоставляя крестьянскимъ обществамъ самоуправленіе подъ главнымъ завѣдываніемъ мирового судьи въ округѣ, также находило, что предоставленіе помѣщикамъ начальства надъ обществомъ невозможно: „ибо всякая власть есть сила, но какая же сила оставляется правительствомъ за помѣщиками?" Находя, что по правительственной программѣ вся власть переносится на мірскія самоуправляющіяся общества, комитетъ не желалъ возлагать на помѣстное дворянство отвѣтственности за ходъ дѣлъ въ этихъ обществахъ и за исправное отбываніе ими государственныхъ повинностей. Онъ предоставлялъ, однако же, помѣщику „попеченіе о живущемъ на его земляхъ населеніи, а также надзоръ за дѣйствіями сходовъ и начальственныхъ въ обществѣ лицъ". При этомъ комитетъ объяснялъ, что такой надзоръ не будетъ стѣснителенъ для обществъ, а попеченіе понималось имъ скорѣе „какъ нравственная обязанность, чѣмъ государственная" *). По этому проекту, такъ же, какъ и по проекту меньшинства 3-хъ членовъ того же комитета, проектировалось соединеніе сельскихъ обществъ въ округи, во главѣ которыхъ стоялъ бы мировой судья по выбору помѣщиковъ изъ дворянъ и другихъ землевладѣльцевъ, получившихъ образованіе не ниже средняго, и подъ предсѣдательствомъ этого мирового судьи особый судъ присяжныхъ, избранныхъ обществами изъ своей среды **).

Большинство *калужскаго* комитета, стоявшее вообще за выкупъ и рѣзко возражавшее противъ необходимости срочно-обязаннаго положенія, тѣмъ не менѣе составило, по требованію правительства, на ряду съ выкупнымъ, и срочно-обязанный проектъ. По этому послѣднему помѣщикамъ предоставлялись права начальниковъ сельскихъ обществъ, и, сверхъ того, назначались волостные попечители изъ дворянъ и мировые судьи. Впрочемъ, большинство калужскаго комитета и въ выкупномъ проектѣ, не назначая

---

*) Тамъ же, стр. 305.

**) Тамъ же, стр. 306.

уже помѣщиковъ начальниками обществъ, предоставляло, однако же, дворянству особыя права и преимущества по участію въ волостномъ, уѣздномъ и губернскомъ управленіи. При этомъ калужское большинство исходило изъ того взгляда, что „крестьяне наши еще недостаточно приготовлены къ самоуправленію; чувство уваженія къ собственности и святости законовъ въ нихъ еще не развито до той степени, чтобы они могли управляться сами собой, не нуждаясь ни въ чьей опекѣ“. Съ другой стороны, комитетъ принялъ въ соображеніе, „что передача помѣщичьей власти въ руки мѣстной полиціи не будетъ соотвѣтствовать ожиданію крестьянъ и не оградитъ ихъ отъ произвола; что самоуправство чиновниковъ слѣдовало бы замѣнить управленіемъ, соотвѣтствующимъ духу народа, которому предоставить выборъ себѣ попечителя изъ мѣстныхъ дворянъ, ему извѣстныхъ, пользующихся его довѣріемъ“...

„Съ этою цѣлью дворянство, не отказываясь отъ принадлежащаго каждому помѣщику древняго вотчиннаго права суда и расправы, передаетъ это право всему сословію дворянъ каждаго уѣзда, кромѣ правъ и обязанностей полицейскихъ, которыя переходятъ къ чинамъ уѣздной полиціи; а потому комитетъ постановилъ, чтобы должности мировыхъ судей и начальниковъ волостей были замѣщены изъ лицъ, принадлежащихъ къ мѣстному потомственному дворянству, по выборамъ, въ которыхъ должны участвовать и другія сословія“ *)...

Меньшинство калужскаго комитета было противъ введенія волостей и упраздняло вотчинную власть помѣщиковъ не только при выкупномъ, но и при срочно-обязанномъ положеніи. „Наши оброчныя имѣнія, въ которыхъ не живутъ помѣщики,—писали члены меньшинства,—управляются издавна сами собой по мѣстнымъ обычаямъ и преданіямъ. Такое самоуправленіе сродно народу нашему: незнакомые еще съ другими интересами и правами кромѣ имущественныхъ, крестьяне ревниво дорожатъ ими и высоко цѣнятъ свое право голоса на міру. Каждая изъ этихъ отдѣльныхъ единицъ, каждый міръ имѣетъ что-то особенное въ своей замкнутой средѣ и дорожитъ своей самостоятельностью. Всѣ элементы, его составляющіе, сроднились между собой: каждый міръ имѣетъ свои особенныя отличія, свои преданія“...

„Уваженіе къ обычаямъ народа,—писали они тамъ же,—казалось намъ особенно важнымъ въ настоящее время, когда измѣняются глубоко вкоренившіяся отношенія двухъ сословій. Крестьяне, какъ всѣ люди, близкіе къ природѣ, глубоко привязаны къ старымъ понятіямъ своимъ. Освобожденные отъ подчиненія помѣщичьей власти, еще не успѣвъ свыкнуться съ новымъ своимъ

---

*) *«Обзоръ основаній»* выкупного проекта калужскаго большинства, стр. 11 и 12.

положеніемъ, они были бы страшно поражены насильственнымъ соединеніемъ своихъ сельскихъ обществъ въ чуждыя ихъ понятіямъ волости".

„Учрежденіе волостныхъ попечителей изъ дворянъ,—продолжали члены того же меньшинства,—представлялось намъ мѣрою совершенно непримѣнимою и вредною. Не говоря о томъ, что кругъ дѣйствій ихъ будетъ безпрерывно совпадать съ кругомъ дѣйствій другихъ уѣздныхъ властей—судебной и полицейской; не говоря о трудности, часто даже невозможности найти нужное число дворянъ, желающихъ и способныхъ занять эту должность,—учрежденіе ея казалось намъ противорѣчіемъ коренному принципу совершаемаго преобразованія. При отсутствіи въ народѣ нашемъ здравыхъ понятій о правахъ и обязанностяхъ должностныхъ лицъ, при отсутствіи гласности, при неразвитости общественнаго мнѣнія, сопряженной съ таинственною административной обрядностью,—волостной попечитель будетъ въ глазахъ крестьянъ тѣмъ же бариномъ, изъ подъ власти котораго едва выходятъ они; но бариномъ, мало знакомыхъ съ ними, не заинтересованнымъ въ развитіи ихъ благосостоянія, связаннымъ съ ними только должностью своею. Управленіе этого барина, сходное съ управленіемъ нынѣшнихъ окружныхъ начальниковъ государственныхъ крестьянъ, будетъ тяжкимъ гнетомъ для народа и можетъ только привести къ гибельному противопоставленію сословій".

Поэтому члены меньшинства калужскаго комитета предполагали предоставить крестьянъ мірскому самоуправленію, указывая, что тѣ изъ нихъ, которые привыкли къ опекѣ помѣщиковъ и нуждаются въ ней, будутъ сами обращаться съ просьбами о совѣтѣ или покровительствѣ къ тѣмъ изъ сосѣдей дворянъ, отъ которыхъ будутъ ожидать помощи. „Такія естественныя и дружескія отношенія сословій должны, — по замѣчанію составителей этого проекта,—возвысить нравственное вліяніе дворянства, и послужатъ къ упроченію общественнаго благоустройства" *).

Но дворянству, взамѣнъ отходившей отъ него крѣпостной власти, авторы этого проекта предполагали предоставить преимущественное право участія въ мѣстной администраціи. „Уѣздные хозяйственные комитеты и губернскія присутствія, завѣдывающіе хозяйствомъ губерніи, открываютъ,—писали они, — дворянству обширный кругъ дѣйствій для охраненія мѣстныхъ интересовъ и предстательства за нихъ предъ правительствомъ. Это важное право ходатайства въ пользу мѣстныхъ интересовъ придастъ дворянству въ глазахъ всѣхъ жителей такое значеніе, какимъ оно никогда не пользовалось" **).

Какъ большинсто, такъ и меньшинство калужскаго комитета

---

*) *«Обзоръ основаній»* проекта калужскаго меньшинства. стр. 51—57.

**) Тамъ-же, стр. 55.

связали вопросъ о вотчинной власти съ вопросомъ объ организаціи мѣстнаго уѣзднаго и губернскаго управленія. Въ проектахъ того и другого содержатся предположенія объ учрежденіи уѣздныхъ хозяйственныхъ комитетовъ и губернскихъ комитетовъ о земскихъ повинностяхъ, для завѣдыванія земскими повинностями и вообще хозяйственными дѣлами губерніи. Это зародышъ будущихъ земскихъ учрежденій. Уѣздные хозяйственные комитеты соотвѣтствовали бы по своимъ функціямъ нынѣшнимъ уѣзднымъ земскимъ управамъ; губернскіе комитеты должны были имѣть общія и постоянныя присутствія, при чемъ первыя соотвѣтствовали бы нынѣшнимъ губернскимъ земскимъ собраніямъ, а вторыя губернскимъ управамъ. Всѣ эти учрежденія должны были состоять изъ выборныхъ дворянскаго, крестьянскаго и городского сословій. Сохранялось сословное представительство, но всѣ три сословія должны были быть представлены равномѣрно, при чемъ дворянству давалось лишь то преимущество, что во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ предсѣдатели должны были выбираться изъ числа мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ. Проектируя эти учрежденія, калужскій губернскій комитетъ вышелъ совершенно изъ предѣловъ, данной въ руководство комитетовъ программы. Правительство не только не включило вопросъ о преобразованіи уѣзднаго и губернскаго управленія въ программу занятій губернскихъ комитетовъ, но даже прямо разъяснило (циркуляромъ 20 марта 1858 года за № 42), что „комитеты изъ дворянъ-помѣщиковъ *могутъ не входить* въ сужденія о сихъ важныхъ, но *касающихся не мѣстнаго, а общаго въ имперіи устройства, предметахъ*“, такъ какъ правительство по этимъ вопросамъ учредило особую коммиссію изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ *).

Но такъ какъ въ этомъ циркулярѣ не было категорическаго запрещенія комитетамъ обсуждать этотъ вопросъ, а выражено было лишь желаніе правительства рѣшить его силами одной бюрократіи, то нѣкоторые комитеты коснулись его въ своихъ проектахъ и обзорахъ ихъ основаній, видя въ участіи дворянства въ уѣздномъ и губернскомъ управленіи наиболѣе удобное и цѣлесообразное средство вознаградить его такимъ образомъ за потерю вотчинныхъ правъ, которая не могла не отозваться на положеніи дворянства въ государствѣ. Такъ разсуждали преимущественно тѣ комитеты, которые ясно понимали невозможность примиренія идеи самоуправленія крестьянскихъ обществъ, состоящихъ изъ свободныхъ гражданъ, съ идеею опеки и зависимости ихъ отъ помѣщиковъ, необходимо связанной съ удержаніемъ вотчинной власти. Это были, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ тѣ комитеты, которые стремились избѣжать срочно-обязаннаго положенія и, не будучи матеріально заинтересованы въ сохраненіи барщины, же-

*) Сборникъ постановленій, вып. I, стр. 67.

лали полной и единовременной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній при помощи выкупа.

Изъ этихъ предположеній, безспорно, наиболѣе замѣчательны предположенія тверского губернскаго комитета. Мы не будемъ, однако же, ихъ здѣсь излагать, такъ какъ общество русское достаточно съ ними знакомо по распространенной среди читающей публикѣ книгѣ Г. А. Джаншіева, который съ достаточной подробностью изложилъ эту часть трудовъ тверского губернскаго комитета *).

Вышеприведенныя постановленія калужскаго комитета были въ значительной мѣрѣ подражаніемъ тверскому. Впослѣдствіи въ редакціоныхъ коммиссіяхъ эти мысли отстаивались депутатами многихъ губернскихъ комитетовъ. Въ борьбѣ этихъ послѣднихъ съ бюрократическимъ началомъ созрѣло и получило ясную и твердую формулировку то общественное ученіе, которое и до нынѣ составляетъ основу нашего земскаго либерализма. Но изложеніе этой борьбы и вообще судьбы трудовъ губернскихъ комитетовъ, связанной съ исторіей дальнѣйшаго хода крестьянской реформы, выходитъ за предѣлы настоящаго изслѣдованія. Мы имѣетъ въ виду въ ближайшемъ будущемъ посвятить этому предмету особую работу. Теперь же намъ представляется необходимымъ остановиться подробнѣе на содержаніи и значеніи проектовъ *меньшинства* разныхъ губернскихъ комитетовъ, которыхъ до сихъ поръ мы касались лишь вскользь.

Въ обществѣ нашемъ очень распространено мнѣніе, что проекты меньшинства дали правительству необходимую точку опоры и позволили ему съ внѣшнимъ правдоподобіемъ утверждать, что крестьянская реформа совершилась согласно съ великодушными намѣреніями самого дворянства. Изъ обозрѣнія проектовъ губернскихъ комитетовъ по самымъ существеннымъ пунктамъ реформы мы дѣйствительно видѣли, что на основаніи ихъ мудрено было бы утверждать что реформа совершилась согласно намѣреніямъ самого дворянства **). Дворянство, въ лицѣ мыслящихъ своихъ представителей, во многихъ мѣстахъ понимало невозможность дальнѣйшаго сохраненія крѣпостного строя и не стояло за его сохраненіе, но то направленіе, въ какомъ совершилась реформа, отнюдь не соотвѣтствовало видамъ и намѣреніямъ большинства губернскихъ комитетовъ. При всемъ разнообразіи сужденій и взглядовъ, положенныхъ въ основаніе проектовъ различныхъ губернскихъ комитетовъ, мы видѣли, что всѣ они, *не исключая и*

---

*) «Эпоха великихъ реформъ», стр. 173—179 (7-е изд.).

**) Составитель «Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостн, состоянія въ Россіи» разсказываетъ, что, когда графъ Адлербергъ взглянулъ на первый § проекта положенія, составленнаго редакціонными коммиссіями, и увидѣлъ, что въ немъ было сказано, что крѣпостное право упраздняется по желанію дворянства, то бросилъ книгу и воскликнулъ: «съ перваго слова ложь, остального не стоитъ читать!» «Матеріалы», III, стр. 101.

самыхъ либеральныхъ, относились къ реформѣ съ точки зрѣнія сословныхъ помѣщичьихъ интересовъ, а нѣкоторые намѣревались даже сдѣлать изъ реформы выгодную для дворянства аферу.

Въ сущности, иначе и не могло быть, потому что люди, исходившіе не изъ дворянскихъ интересовъ, чистые идеалисты, едва-ли могли бы имѣть какой либо успѣхъ въ сословныхъ дворянскихъ комитетахъ, при рѣшеніи вопроса, отъ котораго зависѣла судьба и всего сословія, и отдѣльныхъ его представителей. Среди нихъ были, разумѣется, лица, воспитанныя на либеральныхъ принципахъ, выработанныхъ жизнью всего человѣчества, но они имѣли успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, когда имъ удавалось связать свои идеалы съ дворянскими интересами. Чтобы уяснить себѣ это, достаточно вспомнить, какъ и почему послѣдовательный либералъ А. М. Унковскій добился торжества своего проекта въ тверскомъ *губернскомъ комитетѣ*... „Не воображайте,—писалъ впослѣдствіи самъ А. М. Унковскій Джаншіеву,—что я мечталъ *лишь объ устройствѣ однихъ крестьянъ* на лучшихъ и наиболѣе выгодныхъ для нихъ условіяхъ, хотя бы *при сохраненіи того же порядка* (общаго управленія). Такимъ альтруистомъ я не былъ, да и другихъ такихъ не зналъ. Да и не могъ я быть имъ, будучи представителемъ дворянства. Какъ я, такъ и всѣ ближайшіе сотрудники мои, да, наконецъ, и вся примкнувшая къ намъ впослѣдствіи лучшая и наиболѣе разумная часть дворянства, составлявшая большинство въ Тверской губерніи, готова была на значительныя, не только личныя, но и сословныя пожертвованія, *но не иначе, какъ при условіи уничтоженія крѣпостного права не для однихъ крестьянъ, но для всего народа*" *).

Здѣсь Унковскій имѣетъ въ виду общечеловѣческіе и при томъ не матеріальные интересы всего народа и въ томъ числѣ образованнаго класса; выше мы видѣли, какъ важно было для тверскихъ помѣщиковъ совпаденіе гуманныхъ идей Унковскаго съ ихъ матеріальными интересами, что выражено было съ полной рельефностью въ адресѣ новоторжскихъ дворянъ **). Самъ Унковскій и его ближайшіе сотрудники: Головачевъ, Бакунинъ, Европеусъ — были сознательные и послѣдовательные либералы. Всѣ они были воспитаны на гуманныхъ идеяхъ сороковыхъ годовъ ***). И другіе члены губернскихъ комитетовъ не были чужды этихъ идей и во всякомъ случаѣ не были равнодушны къ суду общественнаго мнѣнія объ ихъ собственной дѣятельности. Это заставляло ихъ дѣлать уступки духу времени и соотвѣтственнымъ образомъ маскировать и мотивировать свои побужденія и взгляды ****).

*) Джаншіевъ: «А. М. Унковскій», стр. 133.

**) См. выше, гл. III.

***) Унковскій былъ близокъ въ юности къ кружку Петрашевскаго, и одинъ изъ его сотрудниковъ, Европеусъ, былъ членомъ этого кружка.

****) Современный публицистъ, констатируя, что принципы свободы всюду

Но всетаки даже и у наиболѣе прогрессивныхъ членовъ губернскихъ комитетовъ не послѣднимъ стимуломъ ихъ рѣшеній былъ сословный помѣщичій интересъ.

Впрочемъ, кромѣ тверского комитета, либерально настроеннаго большинства не было ни въ одномъ губернскомъ комитетѣ. Правда въ секретной запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ, представленной Государю передъ пріѣздомъ въ Петербургъ депутатовъ 1-го приглашенія, въ числѣ искреннихъ сторонниковъ крестьянской реформы были перечислены харьковскій и кіевскій комитеты; но аттестація, данная въ этой запискѣ различнымъ проектамъ, показываетъ лишь недостаточное изученіе трудовъ губернскихъ комитетовъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Министерство оцѣнивало труды губернскихъ комитетовъ съ своей предвзятой точки зрѣнія, причемъ главную роль въ этой оцѣнкѣ играло согласіе или несогласіе того или иного проекта съ видами самого министерства. Сверхъ того, на редактора этого доклада Н. А. Милютина не остались безъ вліянія отголоски происходившихъ въ средѣ губернскихъ комитетовъ между членами различнаго направленія стычекъ и схватокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя приняли размѣры крупныхъ общественныхъ скандаловъ. Такъ, большинства самарскаго и рязанскаго комитетовъ были причислены въ этой запискѣ къ сонму наиболѣе ярыхъ противниковъ реформы, главнымъ образомъ потому, что въ этихъ комитетахъ происходили жаркія схватки съ членами отъ правительства Ю. Ф. Самаринымъ и А. И. Кошелевымъ, которые проводили взгляды, казавшіеся министерству наиболѣе правильными.

Между тѣмъ большинство самарскаго губернскаго комитета, именно въ результатѣ всѣхъ преній и схватокъ, въ концѣ концовъ, приняло почти всѣ предложенія Ю. Ф. Самарина наравнѣ съ меньшинствомъ, и это послѣднее отдѣлилось отъ него лишь по вопросу о нормахъ надѣла въ нѣкоторыхъ изъ уѣздовъ Самарской губерніи, при чемъ вообще нормы, проектированныя большинствомъ этого комитета, въ сравненіи съ нормами другихъ комитетовъ, нельзя не признать довольно щедрыми. Конечно, проектъ самарскаго большинства нельзя признать либеральнымъ во всѣхъ его частяхъ, потому что по этому проекту, не признававшему необходимости сохраненія вотчинной власти, въ то же время въ барщинныхъ имѣніяхъ помѣщикамъ предоставлялись огромныя права надъ личностью бывшихъ ихъ крѣпостныхъ; но по этой же

одержали верхъ надъ «отжившей рутиной», утверждаетъ, что «люди, прежде никогда ничего не читавшіе, начали въ это время учиться, начали слѣдить за литературой, знакомиться съ «фантазіями молодости» и сознавать, что безъ этихъ фантазій, трудно жить въ нынѣшнемъ свѣтѣ». (Передовая новогодняя статья въ № 1 «Сѣверной Пчелы» за 1860 г. — приведено въ «Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣп. состоянія», т. II, стр. 336).

причинѣ нельзя было бы признать либеральнымъ и проектъ самарскаго меньшинства, который министерство готово было особенно превозносить. Точно также и большинство рязанскаго комитета вовсе не проявило себя въ проектѣ своемъ такимъ отъявленнымъ противникомъ реформы, какимъ выставляетъ его секретный докладъ министерства. По своему отношенію къ вопросу о вотчинной власти и объ организаціи будущаго уѣзднаго управленія и суда, проектъ этотъ можетъ быть скорѣе причисленъ къ числу болѣе либеральныхъ проектовъ,—гораздо либеральнѣе проекта нижегородскаго меньшинства и даже симбирскаго меньшинства 5 членовъ. Постановленія большинства рязанскаго комитета въ этой части вполнѣ солидарны съ постановленіями 1-го меньшинства того же комитата (т. е. съ проектомъ кн. Волконскаго и Сафонова) и не особенно существенно разнятся съ проектомъ второго рязанскаго меньшинства, составленнымъ А. И. Кошелевымъ и Д. Ф. Самаринымъ. Самъ Кошелевъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что впослѣдствіи, встрѣтившись въ редакціонныхъ коммиссіяхъ съ депутатами большинства и 1-го меньшинства рязанскаго комитета Ѳ. С. Офросимовымъ и кн. С. Н. Волконскимъ, онъ безъ особыхъ затрудненій успѣлъ придти съ ними къ соглашенію по самымъ кореннымъ вопросамъ реформы и, между прочимъ, по вопросу о размѣрахъ надѣла *). Очевидно, что этого не могло бы случиться, если бы Офросимовъ (предводитель большинства въ комитетѣ) былъ завзятымъ врагомъ реформы. Въ глазахъ же Милютина и Соловьева большинство рязанскаго комитета получило репутацію крѣпостниковъ вслѣдствіе громкой исторіи его съ Кошелевымъ, о которой мы въ своемъ мѣстѣ упоминали *).

Харьковскій комитетъ признанъ былъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ однимъ изъ наиболѣе либеральныхъ за свой выкупной проектъ. Но при этомъ министерство не обратило вниманія на размѣръ проектированнаго имъ надѣла, безусловно недостаточнаго для удовлетворенія нуждъ харьковскихъ крестьянъ. Еще менѣе

---

*) *«Записки А. И. Кошелева»*, стр. 117. «На первомъ совѣщаніи депутатовъ у гр. Шувалова...—разсказываетъ Кошелевъ, — встрѣтившись съ рязанскими кн. Волконскимъ и Ѳ. С. Офросимовымъ, я протянулъ имъ руку, и они были этимъ очень довольны и тотчасъ послѣ засѣданія пріѣхали ко мнѣ. «Здѣсь,—сказали они мнѣ,—мы не должны расходиться въ нашихъ мнѣніяхъ» «Это вполнѣ зависитъ отъ васъ — отвѣтилъ я имъ, — вамъ извѣстны мои убѣжденія, и я отъ нихъ, конечно, не отступлю ни на шагъ. Положимте въ основу мой проектъ, и намъ не трудно будетъ высказывать мнѣнія, которыя не будутъ противорѣчить одно другому».—«На это мы вполнѣ согласны»—сказали оба мои прежніе оппоненты; и дѣйствительно, во все время нашего пребыванія въ Петербургѣ, значительныхъ разногласій между нами не было; съ этого времени мы даже такъ сблизились, что впослѣдствіи въ земскихъ собраніяхъ, почти постоянно дѣйствовали сообща».

**) См. выше, гл. IV.

основанія было признавать либеральнымъ проектъ кіевской коммиссіи, такъ какъ здѣсь и надѣлъ положенъ былъ недостаточный, и въ отношеніи вотчинной власти приняты были постановленія отнюдь не либеральныя, а совершенно въ духѣ Позеновской программы. Что касается либерализма меньшинства многихъ губернскихъ комитетовъ, то и тутъ установившееся мнѣніе едва ли можетъ быть принято безъ весьма значительныхъ поправокъ. Прежде всего необходимо замѣтить, что проекты меньшинства чрезвычайно разнообразны, и хотя почти каждое меньшинство въ своемъ комитетѣ составляло своего рода парламентскую лѣвую, однако эти лѣвыя между собой по направленію были далеко не однородны. Нѣкоторыя изъ нихъ, по сравненію не только съ меньшинствами, но даже съ большинствами другихъ комитетовъ, оказываются отнюдь не либеральными. При этомъ, сравнивая проекты различныхъ губерній, необходимо не упускать изъ виду мѣстныхъ условій и обстоятельствъ: многое, что казалось верхомъ либерализма въ однихъ комитетахъ, принималось въ другихъ безъ разговоровъ, какъ вещь общепризнанная, да и признаки справедливаго и добросовѣстнаго отношенія къ интересамъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ были различныя. Въ губерніяхъ черноземныхъ партія крѣпостниковъ или, какъ ихъ называли въ то время, плантаторовъ мечтала о безземельномъ освобожденіи крестьянъ и всячески старалась урѣзать надѣлы даже на время срочно-обязаннаго періода. Притомъ, въ большей части этихъ губерній, а въ нѣкоторыхъ и нечерноземныхъ, гдѣ распространена была барщина, помѣщики стремились къ удержанію сильной вотчинной власти надъ крестьянами. Въ губерніяхъ нечерноземныхъ-промышленныхъ главнымъ вопросомъ, разжигавшимъ помѣщичьи аппетиты, являлись—полученіе выкупа за отмѣну личнаго крѣпостного права, высокая оцѣнка усадебъ и повышеніе повинностей за отводимый надѣлъ.

Разсматривая проекты членовъ меньшинства различныхъ комитетовъ съ точки зрѣнія отношенія ихъ къ этимъ кореннымъ вопросамъ реформы, мы можемъ признать, изъ числа 21 проекта, представленныхъ этими меньшинствами, лишь 3 или 4 дѣйствительно либеральными и 6 или 7 составленными съ желаніемъ болѣе или менѣе соблюсти интересы крестьянъ. Въ остальныхъ же 11 проектахъ сословные помѣщичьи интересы проглядываютъ почти столь же ясно, какъ и въ проектахъ большинства.

Наиболѣе либеральными меньшинствами можно признать калужское, владимірское 1-ое (6 членовъ) и рязанское 2-ое (двухъ членовъ отъ правительства). Въ составъ калужскаго меньшинства входили: возвращенные въ 1856 г. изъ Сибири декабристъ Петръ Николаевичъ *Свистуновъ* и петрашевецъ Николай Сергѣевичъ *Кашкинъ*; правовѣдъ одного изъ выпусковъ конца сороковыхъ годовъ, князь Андрей Васильевичъ *Оболенскій* и еще два

помѣщика съ университетскимъ образованіемъ: *А. А. Муромцевъ* и *А. П. Племянниковъ*. Кромѣ П. Н. Свистунова, въ Калугѣ жили въ это время и находились въ близкомъ общеніи съ прогрессивными членами комитета еще два декабриста: Евг. Петров. *Оболенскій*, съ которымъ велъ въ это время переписку Я. И. Ростовцевъ, и Г. С. *Батенковъ*, извѣстный сотрудникъ Сперанскаго *). Въ самыхъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ членами меньшинства находился и тогдашній калужскій губернаторъ В. А. *Арцимовичъ*, участіе котораго въ реформахъ освободительной эпохи достаточно извѣстно русской читающей публикѣ **). Безъ сомнѣнія, сношенія со всѣми этими лицами не могли не отразиться самымъ благопріятнымъ образомъ на работахъ просвѣщеннаго и благомыслящаго меньшинства калужскаго комитета. По содержанію своему проектъ калужскаго меньшинства тѣсно примыкаетъ, какъ мы видѣли, къ проекту тверского большинства.

Во владимирскомъ комитетѣ образовалось два меньшинства: первое изъ 6, второе изъ 5 членовъ. Въ первомъ предводительствовалъ Д. П. *Гавриловъ*, впослѣдствіи одинъ изъ немногихъ депутатовъ, отнесшихся одобрительно къ проектамъ редакціонныхъ коммиссій и осуждавшій лишь постановленія ихъ относительно сохраненія тѣлеснаго наказанія, уничтоженія котораго Гавриловъ требовалъ, опираясь на постановленія всего владимирскаго комитета. Во второмъ меньшинствѣ предводительствовалъ *И. С. Безобразовъ*, также бывшій впослѣдствіи депутатомъ въ Петербургѣ, но изъ числа нападавшихъ на постановленія редакціонныхъ коммиссій и осуждавшихъ ихъ за бюрократическое отношеніе ко многимъ вопросамъ реформы. Въ постановленіяхъ перваго меньшинства видно больше вниманія къ нуждамъ и интересамъ крестьянъ; въ постановленіяхъ второго—больше стремленія къ коренному преобразованію всего государственнаго строя и къ раціональному устройству управленія и суда для всѣхъ сословій.

Составителемъ проекта 2-го рязанскаго меньшинства былъ извѣстный публицистъ и общественный дѣятель, *А. И. Кошелевъ*, взгляды котораго на реформу, выработанные имъ совершенно самостоятельно, подробно изложены выше. А. И. Кошелевъ былъ одинъ изъ видныхъ писателей славянофильской группы, но отъ Самарина и кн. Черкасскаго онъ отличался тѣмъ, что у него было

---

*) Присутствіе нѣкоторыхъ декабристовъ и петрашевцевъ въ Твери тверскіе крѣпостники пытались выставить, какъ опасный симптомъ, бросающій тѣнь на работы тверского комитета. Джаншіевъ: «А. М. Унковскій», стр. 89.

**) Въ нынѣшнемъ году въ память В. А. Арцимовича издается его семьей особый сборникъ воспоминаній и статей о его дѣятельности, въ томъ числѣ и объ участіи его въ подготовленіи и введеніи крестьянской реформы въ Калужской губерніи.

больше точекъ соприкосновенія со взглядами Унковскаго, съ которымъ онъ съ самаго начала сходился въ способахъ рѣшенія крестьянскаго вопроса гораздо больше, нежели Самаринъ и въ особенности Черкасскій. Съ представителями большинства и 1-го меньшинства своего рязанскаго комитета Кошелевъ разошелся главнымъ образомъ по вопросу о нормахъ надѣла; въ отношеніи же къ вотчинной власти и къ устройству уѣзднаго управленія и суда между ними не было принципіальнаго разногласія.

Въ секретной запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ, о которой мы уже упоминали, однимъ изъ наиболѣе либеральныхъ проектовъ признанъ былъ также проектъ тульскаго меньшинства, предводимаго кн. *Черкасскимъ*. Либерализмъ этого проекта выдѣлялся особенно ярко, при сравненіи его съ крѣпостническимъ проектомъ большинства того же комитета. Но, самъ по себѣ, проектъ тульскаго меньшинства не былъ вполнѣ безукоризненъ съ точки зрѣнія интересовъ тульскихъ крестьянъ. Отъ проекта большинства онъ выгодно отличался совѣстливой оцѣнкой усадебъ и упраздненіемъ (впрочемъ не совсѣмъ полнымъ) вотчинной власти, а также опредѣленіемъ весьма умѣренной нормы повинностей. Но въ отношеніи размѣра надѣловъ онъ, хотя и былъ болѣе благопріятенъ для крестьянъ, нежели проектъ большинства, но все же не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ для многоземельныхъ имѣній, въ которыхъ предположено было отводить крестьянамъ лишь по двѣ десятины на душу и дозволялось лишь по желанію помѣщиковъ увеличивать этотъ надѣлъ до $2^1/_2$ десятинъ. Между тѣмъ въ Тульской губерніи, при крѣпостномъ правѣ, *средній* размѣръ надѣла былъ 2. 6 десятинъ на душу, а въ имѣніяхъ многоземельныхъ онъ далеко превосходилъ эту норму. Вообще вопросъ о надѣлѣ былъ особенно важнымъ вопросомъ въ Тульской губерніи. Изъ-за него въ средѣ самого меньшинства комитета произошелъ расколъ, причемъ изъ первоначальнаго меньшинства вышелъ сперва одинъ членъ, а затѣмъ еще 3 члена, такъ что изъ 10 членовъ въ немъ осталось лишь 6, и князь Черкасскій, чтобы не остаться въ концѣ концовъ самъ-другъ съ П. Ф. Самаринымъ, сдѣлалъ въ первоначальномъ своемъ проектѣ уступку въ отношеніи нормы надѣла. Самъ онъ первоначально проектировалъ норму въ $2^1/_2$ десят. на душу—тоже для многихъ имѣній не вполнѣ достаточную *). Не особенно либеральны были также постановленія этого меньшинства, касавшіяся увольненія дворовыхъ, которые въ теченіе срочно обязаннаго періода могли быть увольняемы лишь за весьма значительную плату—до 150 руб. съ человѣка (плата регулировалась соотвѣтственно возрасту дворcваго, его спеціальнымъ познаніямъ и числу оставшихся до конца срочно-обязан-

*) «Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго», I, стр. 307 (письмо Черкасскаго къ Самарину отъ 20 февр. 1859 г.).

наго періода обязательныхъ лѣтъ службы). Тульское меньшинство пріобрѣло въ глазахъ министерства внутреннихъ дѣлъ нѣсколько преувеличенную репутацію либеральныхъ защитниковъ реформы вслѣдствіе той громкой борьбы, которую оно вело съ крѣпостническимъ большинствомъ тульскаго комитета. Та же причина увеличивала въ глазахъ министерства заслугу въ дѣлѣ освобожденія меньшинства самарскаго и 2-го меньшинства рязанскаго комитетовъ.

Къ числу искреннихъ сторонниковъ радикальнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса въ либеральномъ духѣ принадлежали въ разныхъ комитетахъ еще отдѣльные члены, не представившіе особыхъ проектовъ, но выразившіе письменно свои отдѣльныя мнѣнія по многимъ важнѣйшимъ вопросамъ реформы. Таковы были взгляды, подробно изложенные членомъ саратовскаго комитета *А. П. Равинскимъ* въ двухъ обстоятельныхъ запискахъ по вопросу о надѣленіи крестьянъ землей и о составѣ крестьянскихъ усадебъ, при чемъ онъ твердо стоялъ на почвѣ дѣйствительнаго улучшенія быта крестьянъ и сохраненія существующаго ихъ землепользованія. Таковы же были взгляды члена *новгородскаго* губернскаго комитета *В. А. Владимирскаго*, искренняго поклонника и послѣдователя идей Унковскаго и постановленій тверского большинства *).

Изъ остальныхъ меньшинствъ, искренно расположенныхъ въ пользу реформы, одни считали, что цѣлью реформы должно быть, главнымъ образомъ, улучшеніе матеріальнаго быта крестьянъ, и поэтому стремились обезпечить ихъ *матеріальное благосостояніе*, ставя на второй планъ ихъ *правовое положеніе*. Эти меньшинства приняли постановленіе о сохраненіи крестьянамъ существующаго надѣла или объ отводѣ имъ надѣла въ размѣрѣ, достаточномъ для ихъ нуждъ и болѣе или менѣе близкомъ къ существовавшему ранѣе, а равно объ обложеніи этого надѣла возможно умѣренными повинностями. Окончательнымъ исходомъ реформы, по проекту этихъ меньшинствъ, являлся выкупъ отведенныхъ крестьянамъ надѣловъ въ ихъ собственность. Таковы были проекты мень-

*) Въ письмѣ отъ 10 февраля 1859 года В. А. Владимирскій писалъ Унковскому: «Позвольте мнѣ, незамѣтному участнику въ обновленіи жизни крестьянъ, душевно поздравить Васъ съ достойнѣйшимъ окончаніемъ вашего *Положенія*; управляемый вами комитетъ выработалъ его превосходно, даже и для напрасно сѣтующихъ дворянъ, которые забыли мудрую пословицу: «стерпится—слюбится». Вы какъ искусный операторъ, сразу отрѣзали *крѣпостной ракъ*, разъѣдавшій тѣло Россіи, не мучая ее многими пріемами. Почетъ вамъ отъ друзей человѣчества и просвѣщенія. Я жадно читалъ ваши журналы. Сколько ума вамъ послала судьба въ одномъ вашемъ комитетѣ. Счастливцы вы (экономистка она!)! Позвольте же себялюбиво позаимствоваться имъ и покорнѣйше просить васъ о приказаніи выслать мнѣ экземпляры вашего положенія и вашей отвѣтной записки въ защиту вашихъ убѣжденій» Джаншіевъ, н. с., стр 118.

шинства *самарскаго* комитета и 5 членовъ *симбирскаго*; сюда же можно отнести проектъ и второго *симбирскаго* меньшинства. Другіе, наоборотъ, центральнымъ пунктомъ реформы считали освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и устраненіе всякихъ слѣдовъ помѣщичьей власти, земельному же обезпеченію крестьянъ придавали гораздо меньше значенія. Такого рода проекты были составлены *новгородскимъ* меньшинствомъ, раненбургскими членами *рязанскаго* комитета (кн. Волконскимъ и Сафоновымъ) и *черниговскимъ* меньшинствомъ.

Проекты меньшинствъ *витебскаго, курскаго, московскаго, орловскаго, тамбовскаго* и *вологодскаго* комитетовъ мало чѣмъ отличались отъ проектовъ большинствъ тѣхъ же комитетовъ и, во всякомъ случаѣ, основывались не столько на желаніи добросовѣстно удовлетворить нужды крестьянъ, сколько на стремленіи такъ или иначе спасти и отстоять интересы помѣщиковъ.

Особаго разсмотрѣнія заслуживаетъ проектъ меньшинства *нижегородскаго* комитета, членамъ котораго было, какъ мы видѣли, объявлено особое Высочайшее благоволеніе за то, что они въ мнѣніяхъ своихъ *„руководствовались началами человѣколюбія и государственной пользы.“* Это Высочайшее одобреніе относилось, однако же, не къ окончательнымъ результатамъ трудовъ нижегородскаго меньшинства, а лишь къ тому направленію, которое поддерживало это меньшинство въ борьбѣ съ оппозиціоннымъ по отношенію къ правительственной программѣ большинствомъ нижегородскаго комитета; въ секретной запискѣ о комитетскихъ проектахъ Ланской уже не упоминаетъ о нижегородскомъ меньшинствѣ. Это умолчаніе объясняется тѣмъ, что меньшинство это въ представленномъ имъ проектѣ далеко не оправдало возлагавшихся на него надеждъ: проектъ его оказался по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ реформы еще менѣе либеральнымъ, нежели проектъ крѣпостническаго нижегородскаго большинства. Либеральныя фразы, которыми былъ прикрашенъ обзоръ принятыхъ меньшинствомъ основаній, вовсе не согласовались съ принятыми имъ постановленіями, которыя были насквозь проникнуты сознаніемъ матеріальныхъ помѣщичьихъ выгодъ и интересовъ. Такъ, по вопросу о вотчинной власти нижегородское меньшинство объясняло въ „обзорѣ“, что, по мнѣнію его, „при новомъ положеніи крестьянъ, на помѣщиковъ не можетъ и не должна быть возлагаема исполнительная и административная власть въ сельскихъ обществахъ, потому что съ одной стороны, *помѣщикъ лицо независимое, живущее, гдѣ захочетъ, занимающееся, чѣмъ ему угодно,* а съ другой—крестьяне и помѣщики будутъ составлять двѣ коммерчески-условливающіяся между собой стороны, и было бы несправедливо отдать одну изъ нихъ подъ прямое полицейское управленіе другой“. Казалось бы, прямой выводъ отсюда тотъ, что помѣщику не должно быть предоставляемо никакой власти надъ

крестьянскими обществами. „Поэтому,—писали члены нижегородскаго меньшинства,—крестьяне, *по ихъ внутреннему хозяйственному управленію*, должны управляться сами собой, міромъ. Помѣщикамъ же не слѣдуетъ назначать никакой *обязательной* дѣятельности, тѣмъ болѣе, что помѣщикъ можетъ быть больнымъ, неспособнымъ, находиться въ отсутствіи, *такъ-какъ теперь едва пятая, а иногда десятая часть помѣщиковъ живетъ въ селеніяхъ*. Ему должно быть предоставлено право быть во всемъ почетнымъ добровольнымъ помощникомъ уѣзднаго присутствія; право наблюденія, чтобы земская полиція въ употребленіи своей власти и крестьяне въ управленіи своемъ и обязанностяхъ дѣйствовали добросовѣстно и правильно *). Въ результатѣ такихъ, на первый взглядъ гуманныхъ и благонамѣренныхъ соображеній, меньшинство нижегородскаго комитета постановило, что „если помѣщикъ *пожелаетъ* быть *начальникомъ общества*, поселеннаго на его землѣ, то заявляетъ о томъ уѣздному присутствію и *вступаетъ* въ предоставленныя сему званію права. Помѣщикъ можетъ *передать* права начальника общества лицу, имѣющему одинаковыя съ нимъ сословныя права **). Такимъ образомъ, помѣщикъ освобождался отъ всякихъ *обязанностей*, но ему предоставлялись значительныя вотчинныя *права*. Оказывается, слѣдовательно, что соображенія о несправедливости подчиненія крестьянъ полицейской власти помѣщиковъ помѣщены были въ „обзорѣ основаній“ лишь какъ полезное украшеніе, а существеннымъ мотивомъ было нежеланіе стѣснять помѣщиковъ непріятными обязанностями. Это тотъ же мотивъ, которымъ руководился и наиболѣе крѣпостническій изъ комитетовъ нечерноземныхъ губерній—костромской.

По всѣмъ вѣроятіямъ, еще неожиданнѣе было для читателя узнать, что нижегородское меньшинство, которое съ такимъ благородствомъ ратовало противъ выкупа личнаго крѣпостного права и противъ повышенной оцѣнки усадебъ, постановило гораздо больше урѣзать крестьянскіе надѣлы, нежели само крѣпостническое большинство. Замѣчательно, что въ *промысловыхъ имѣніяхъ*, гдѣ надѣлъ не имѣлъ большого значенія ни для крестьянъ, ни для помѣщика, оно постановило, согласно съ постановленіемъ большинства, оставить крестьянамъ существующій надѣлъ; въ имѣніяхъ же *земледѣльческихъ*, гдѣ весь бытъ крестьянъ и все ихъ благосостояніе зависитъ прежде всего отъ размѣра ихъ землепользованія, нижегородское меньшинство проектировало въ *многоземельныхъ* и *среднеземельныхъ* имѣніяхъ отвести лишь по $1^1/_4$ десятины на душу, тогда какъ по проекту большинства размѣръ надѣла въ этихъ имѣніяхъ былъ опредѣленъ отъ 2 до 3 деся-

---

*) «Матеріалы редакціонныхъ коммиссій», изд. 2-е, т. II, ч. II, стр. 297.
**) Матеріалы редакц. коммиссій», 1-ое изд., т. I, гл. IX, стр. 1.

тинъ на душу *). На первый взглядъ это кажется необъяснимою непослѣдовательностью со стороны либеральнаго меньшинства. Я же думаю, что здѣсь не было непослѣдовательности, и что, наоборотъ, въ постановленіяхъ этого меньшинства отразились съ замѣчательной точностью именно тѣ дворянскіе интересы, которыми оно руководствовалось отчасти сознательно, отчасти, быть можетъ, и безсознательно.

Разница въ проектахъ меньшинства и большинства Нижегородскаго комитета обусловливалась, какъ мнѣ кажется, вовсе не тѣмъ, что одни руководствовались эгоистическими матеріальными соображеніями, а другіе альтруистическими идейными, а тѣмъ, что мѣстныя условія, а слѣдовательно, и интересы у тѣхъ и другихъ были неодинаковы. Дѣло въ томъ, что въ составѣ большинства входили, главнымъ образомъ, депутаты *промышленныхъ оброчныхъ* уѣздовъ, а въ составъ меньшинства депутаты земледѣльческихъ хлѣбородныхъ уѣздовъ **). Въ первыхъ для помѣщиковъ главный интересъ заключался въ томъ, чтобы получить выкупъ за отмѣну личнаго крѣпостного права или, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько вознаградить себя высокой оцѣнкой усадебъ; размѣръ же земельнаго надѣла въ этихъ мѣстностяхъ не имѣлъ въ глазахъ помѣщиковъ большого значенія. Наоборотъ, въ хлѣбородныхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ Нижегородской губерніи весь вопросъ сводился къ тому, чтобы, прикрѣпивъ крестьянъ къ землѣ сравнительно льготной уступкой имъ усадебъ, отвести имъ надѣлъ настолько недостаточный, чтобы обезпечить себѣ постоянныхъ съемщиковъ помѣщичьихъ земель или дешевыхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ для воздѣлыванія господскихъ полей.

На примѣрѣ Нижегородскаго комитета можно съ особенною ясностью видѣть, какое значеніе имѣли матеріальные интересы помѣщиковъ при образованіи партій въ губернскихъ комитетахъ.

Мы прослѣдили дѣятельность губернскихъ комитетовъ въ разныхъ мѣстахъ Европейской Россіи и разсмотрѣли ихъ постановленія по важнѣйшимъ вопросамъ крестьянской реформы. Мы

*) Тамъ же, гл. V, стр. 1.

**) Члены меньшинства были: 2 депутата ардатовскаго уѣзда, два—княгининскаго, два — васильскаго, одинъ — лукояновскаго, одинъ — арзамасскаго, одинъ—макарьевскаго, два члена отъ правительства и губернскій предводитель, который сильно колебался. Ср. *Скребицкій*, I стр. 895. Изъ этихъ членовъ меньшинства болѣе искренними либералами были, повидимому, *А. И. Карамзинъ* (сынъ исторіографа), его письма къ *Н. А. Милютину* въ «Русск. старинѣ» за 1899 г. № 2, стр. 270. *А. Н. Эшманъ* (срав. его письмо къ *Самарину* въ «Матеріалахъ для біографіи кн. Черкасскаго) и члены отъ правительства: *А. Х. Штевенъ* и *Г. Н. Нестеровъ*. Когда Штевенъ выбылъ, его замѣнилъ декабристъ *И. А. Анненковъ*.

имѣли при этомъ въ виду не только изложить ходъ дѣлъ въ самихъ губернскихъ комитетахъ, но и выяснить внутреннюю связь рѣшеній, принятыхъ въ различныхъ комитетахъ и образовавшихся въ нихъ направленій, съ предшествовавшимъ движеніемъ въ дворянской средѣ и въ правительственныхъ сферахъ и съ мѣстными условіями, вліявшими на образованіе и развитіе тѣхъ или другихъ интересовъ и связанныхъ съ ними идей и убѣжденій.

Ходъ крестьянской реформы съ окончаніемъ работъ губернскихъ комитетовъ далеко еще не завершился. Труды губернскихъ комитетовъ поступили въ Петербургѣ въ открытыя 4 марта 1859 г. при главномъ комитетѣ редакціонныя коммиссіи. Эти коммиссіи были образованы подъ предсѣдательствомъ Я. И. Ростовцева, отчасти изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, отчасти изъ помѣщиковъ, взятыхъ, главнымъ образомъ, изъ числа членовъ губернскихъ комитетовъ. Неоднократно упоминавшійся нами тверской депутатъ *А. А. Головачовъ* въ письмѣ къ Джаншіеву, напечатанномъ въ его книгѣ, утверждалъ, что въ составъ редакціонныхъ коммиссій не былъ приглашенъ „ни одинъ изъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ, защищавшихъ мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землей *). Это утвержденіе не вѣрно. Многіе члены редакціонныхъ коммиссій изъ числа депутатовъ губернскихъ комитетовъ были несомнѣнными защитниками освобожденія крестьянъ съ землей. Къ числу таковыхъ принадлежали: Самаринъ, Татариновъ, кн. Черкасскій, Галаганъ, Тарновскій, Желѣзновъ и др. Но вѣрно то, что не были приглашены самые рѣшительные сторонники обязательнаго выкупа, какъ Унковскій, Головачовъ и даже Кошелевъ. Ихъ планы казались правительству черезчуръ радикальными, а, главное, авторы ихъ представлялись людьми слишкомъ независимыми и несклонными подчиниться правительственной программѣ. Боязнь дворянской оппозиціи, какъ крѣпостнической, такъ и радикальной, была сильно присуща главнымъ заправиламъ крестьянскаго дѣла, Ростовцеву и Милютину, и этимъ объясняется многое въ дальнѣйшемъ ходѣ крестьянскаго дѣла. Въ редакціонныхъ коммиссіяхъ проекты губернскихъ комитетовъ подверглись существенной передѣлкѣ, при чемъ ими пользовались, главнымъ образомъ, какъ матеріаломъ, очень мало считаясь съ выраженною въ нихъ *волею* дворянства. Поэтому, проектамъ меньшинствъ не только было придано одинаковое значеніе съ проектами большинствъ, но на нихъ редакціонныя коммиссіи обратили преимущественное вниманіе.

Къ трудамъ губернскихъ комитетовъ министерство внутреннихъ дѣлъ и наиболѣе вліятельная часть членовъ редакціонныхъ коммиссій отнеслись съ осужденіемъ, которое отчетливо выразилось въ вышеупомянутой секретной запискѣ Ланского, представ-

---

*) *Г. А. Джаншіевъ*, «Эпоха великихъ реформъ», стр. 152, примѣчаніе.

ленной государю въ 1859 году. Авторъ записки при этомъ упустилъ изъ виду или сознательно игнорировалъ, что само правительство дало комитетамъ ту программу, которую они болѣе или менѣе точно выполнили въ своихъ проектахъ и что нѣкоторымъ изъ нихъ само же министерство внутреннихъ дѣлъ мѣшало проявить собственную инициативу, хотя бы эта инициатива клонилась въ сторону либеральнаго рѣшенія вопроса.

Но постановленія редакціонныхъ коммиссій въ свою очередь, подверглись суровой, хотя въ практическомъ отношеніи довольно безплодной критикѣ депутатовъ губернскихъ комитетовъ, вызванныхъ въ Петербургъ. Еще лѣтомъ 1858 г., когда открылись засѣданія первыхъ губернскихъ комитетовъ, государь лично посѣтилъ тѣ губерніи, въ которыхъ комитеты уже дѣйствовали *). Въ рѣчи тверскому дворянству (и впослѣдствіи костромскому) государь сказалъ, между прочимъ: „когда ваши занятія кончатся, тогда положенія комитета поступятъ, черезъ министровъ, на мое утвержденіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній, въ главномъ комитетѣ...“ Это заявленіе государя произвело тогда на всѣ комитеты огромное впечатлѣніе и дворяне повсемѣстно были увѣрены, что ихъ выборные представители будутъ допущены къ участію въ окончательномъ рѣшеніи вопроса въ главномъ комитетѣ. Когда государь выразилъ это намѣреніе тверскому дворянству, редакціонныя коммиссіи не существовали еще даже въ проектѣ, и потому естественно, что мѣстомъ окончательнаго обсужденія реформы и составленія общаго Положенія и государю, и членамъ губернскихъ комитетовъ представлялся главный комитетъ. Но прежде чѣмъ губернскіе комитеты закончили свои занятія, многое измѣнилось во взглядахъ и въ отношеніи къ нимъ высшаго правительства, которое въ это время успѣло составить себѣ окончательный планъ реформы, не вполнѣ согласный съ рескриптами и съ программой данной губернскимъ комитетамъ. Въ то же время довѣріе правительства къ трудамъ губернскихъ комитетовъ, вслѣдствіе проявившагося въ нѣкоторыхъ изъ нихъ *) духа оппозиціи, значительно поколебалось. Уже тотчасъ по возвращеніи государя изъ путешествія по губерніямъ, текстъ высочайшаго повелѣнія о вызовѣ

---

*) Эта поѣздка и произнесенныя государемъ рѣчи имѣли немаловажное вліяніе на исходъ дѣла, парализуя интриги и сплетни, распускавшіяся высокопоставленными крѣпостниками (М. Н. Муравьемымъ, гр. Закревскимъ, Бутковымъ и др.) и поддерживая повсемѣстно увѣренность въ непоколебимомъ намѣреніи правительства довести на этотъ разъ дѣло до конца. Текстъ этихъ рѣчей напечатанъ у Татищева: «Императоръ Александръ II», т. I, стр. 335—340.

**) Въ Петербуггскомъ, Нижегородскомъ, Рязанскомъ и другихъ.

депутатовъ былъ редактированъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя значительно измѣняли смыслъ сказанныхъ государемъ словъ. Въ циркулярѣ министра отъ 5 сентября 1858 г. за № 164 было выражено, что „государь императоръ, признавая необходимымъ опредѣлить порядокъ разсмотрѣнія положеній объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, которыя будутъ составлены губернскими комитетами, высочайше повелѣть соизволилъ: предоставить каждому губернскому дворянскому комитету, по составленіи въ немъ проекта, избрать, по своему усмотрѣнію, и прислать въ С.-Петербургъ двухъ членовъ *для представленія высшему правительству всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проекта*". Такимъ образомъ, мѣра участія депутатовъ губернскихъ комитетовъ въ окончательномъ рѣшеніи вопроса значительно умалялась. Они являлись уже не *депутатами*, съ рѣшающимъ или, по крайней мѣрѣ, хоть совѣщательнымъ голосомъ, а простыми экспертами, которые должны были только отвѣчать на поставленные имъ вопросы. Къ этому впослѣдствіи и свелась ихъ роль въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, а въ главный комитетъ они и вовсе не призывались.

Опасаясь сплоченной оппозиціи депутатовъ дворянства, правительство вызвало ихъ не одновременно, а въ два пріема и въ Петербургѣ не дозволило имъ даже имѣть между собою правильныя оффиціальныя совѣщанія, чѣмъ депутаты были крайне обижены и отчего склонность ихъ къ оппозиціи редакціоннымъ коммиссіямъ только усилилась.

Однако, депутаты губернскихъ комитетовъ не безъ борьбы позволили оттѣснить себя отъ непосредственнаго участія въ рѣшеніи крестьянскаго дѣла. Составленныя ими мнѣнія и записки и поданные ими адресы представляютъ любопытный эпизодъ въ ходѣ крестьянской реформы и являются важнымъ историческимъ документомъ для новѣйшей исторіи русскаго общества. Въ запискахъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ, на ряду съ односторонними мнѣніями и взглядами, продиктованными сословными помѣщичьими интересами, разсыпано много здравыхъ идей и вѣрныхъ понятій, достойныхъ истинно государственныхъ людей. Въ то же время эти записки такъ полно отражаютъ стремленія и взгляды, господствовавшіе въ русскомъ обществѣ эпохи реформъ, — что они безъ сомнѣнія заслуживаютъ самостоятельнаго изслѣдованія и подробнаго изображенія.

А. А. Корниловъ.

За счастьемъ и правдой.

(Очерки и наблюденія русскаго путешественника.)

I.

На перепутьи всемірной торговли.—Разговоръ на палубѣ.—Матросъ-юніэнистъ.

Едва ли не самая непріятная сторона путешествія въ Америку, это — необходимость выдержать утомительный, а для непривыкшихъ къ морю, порой, даже мучительный переѣздъ черезъ Атлантическій океанъ, протяженіемъ свыше 3000 морскихъ миль, или около 5800 верстъ. Чтобы по возможности сократить переѣздъ, — слѣдуетъ избрать пунктомъ отправленія одинъ изъ портовъ, ближайшихъ къ берегамъ Америки: Ливерпуль, Саутгемптонъ, Гавръ *).

Такъ именно думалъ поступить и я, когда совершенно неожиданно мнѣ представился случай отправиться изъ Одессы въ Рот-

---

*) Для обитателя Восточной Европы тѣмъ легче послѣдовать такому совѣту, что, по географическимъ условіямъ, выборъ порта отправленія лишь очень слабо отразится на общихъ издержкахъ путешествія. Такъ напр., билетъ III кл. изъ Одессы въ Нью-Іоркъ или Балтимору (т. наз. „шифскарта“) стоитъ, при слѣдованіи чрезъ Бременъ или Гамбургъ, почти столько же, какъ и чрезъ Гавръ,—около 100 руб. со взрослаго пассажира. Въ отдѣльности желѣзнодорожный билетъ III кл. изъ Одессы въ Гамбургъ стоитъ 17 руб.; въ Бременъ—19 руб.; въ Роттердамъ около 22 руб.; въ Антверпенъ—24. Параллельно съ этимъ измѣняется (падая) и проѣздная плата чрезъ океанъ: въ Нью-Іоркъ изъ Гамбурга билетъ между-палубнаго пассажира (Steerage ticket-zwischendeck) стоитъ: на почтовыхъ пароходахъ (переходъ 11—12 сутокъ)—70 руб. 50 коп.; на скорыхъ (около $5^1/_2$ сутокъ)—75 руб.; изъ Бремена: на почтовыхъ (10—11 сутокъ)—67 руб.; на скорыхъ ($5^1/_2$ сутокъ)—72 руб. Изъ портовъ этихъ въ Америку почтовые пароходы отходятъ 3 раза въ недѣлю. Билетъ III кл. въ Нью-Іоркъ изъ Роттердама (11—12 дней) стоитъ 54 руб. изъ Антверпена—62 руб. Черезъ два послѣднихъ пункта, какъ будто, выгоднѣй слѣдовать, за то голландскіе и бельгійскіе пароходы ходятъ значительно медленнѣе своихъ французскихъ, въ особенности же — нѣмецкихъ собратовъ; кромѣ того, для пассажировъ III кл. на нихъ меньше и удобствъ. Небольшая экономія въ издержкахъ досадно возмѣщается продолжительностью и неудобствами пути.

тердамъ на борту англійскаго „cargo“ (грузового корабля). Это нѣсколько удорожало стоимость путешествія, за то представляло и нѣкоторыя немаловажныя преимущества. Дѣло въ томъ, что изъ иностранныхъ языковъ я владѣлъ, да и то плоховато, лишь французскимъ, какъ извѣстно, мало употребительнымъ въ Америкѣ. Двухнедѣльное пребываніе на борту англійскаго корабля обѣщало мнѣ и время на ознакомленіе съ англійскимъ языкомъ, и нѣкоторую разговорную практику. Послѣдствія показали, что я не ошибся: къ концу перехода я могъ, напр., уже сносно разбирать печатное и довольно успѣшно схватывалъ общій смыслъ обращенной ко мнѣ разговорной рѣчи...

Въ пасмурный, дождливый вечеръ 23 октября мы прибыли въ Роттердамъ, выдержавъ въ Бискайскомъ морѣ (нормальный переходъ 30—36 часовъ) свирѣпую трехдневную бурю, послѣдствія которой я чувствовалъ очень живо: я долженъ былъ отказаться отъ ужина и поспѣшилъ на палубу, какъ только тамъ улеглась обычная суета причала.

Мы стояли у мертваго якоря, среди бухты. Съ трехъ сторонъ вокругъ, сквозь частую сѣтку вновь зарядившаго мелкаго дождя, мелькали огни. Слѣва ихъ было такое множество, будто густой ворохъ искръ изъ какого то гигантскаго горна внезапно остановился и замеръ въ полетѣ. Прямо напротивъ и, частью, вправо огни тѣснились узкой полосой къ самой водѣ, разбѣгаясь по ней въ дрожавшихъ и прыгавшихъ въ волнѣ отраженіяхъ.

За однообразнымъ ли шелестомъ дождя, или за нѣкоторой отдаленностью отъ города, сюда совсѣмъ не долеталъ уличный шумъ. Такая же угнетающая тишина стояла по всей бухтѣ и на самомъ кораблѣ; лишь за бортомъ, булькая и шипя, переливалась въ безпорядочномъ ритмѣ волна, да вѣтеръ, порывами налетавшій откуда-то сверху, шуршалъ и свистѣлъ въ снастяхъ и заставлялъ сердито дребезжать большой круглый фонарь, качавшійся подъ реей, на половинѣ высоты передней мачты.

По палубѣ, при этомъ, взадъ и впередъ перебѣгало круглое пятно тускло освѣщеннаго имъ пространства, за предѣлами котораго предметы пропадали, точно проваливались въ яму. Уныніемъ вѣяло отъ этого колеблющагося, ненадежнаго свѣта, подстать захандрившей природѣ...

Фонарь перебросилъ лучъ свѣта черезъ груду канатовъ, аккуратно сложенныхъ у кубрика, и я разглядѣлъ на бакѣ широкую, коренастую фигуру моего знакомца, Джемса Сэйлора. Онъ былъ одѣтъ въ венсерадѣ *), съ капюшономъ на головѣ, и отбывалъ вахту. Этотъ смуглолицый, длинно-

*) Венсерада — мекинтошъ, непромокаемый плащъ съ капюшономъ. На англійскихъ корабляхъ такими плащами снабженъ весь экипажъ, безъ исключенія.

усый, съ голубыми глазами и свѣтлыми, желтоватыми волосами шотландецъ походилъ скорѣе на обожженнаго горячимъ южнымъ солнцемъ степняка-хохла и былъ большой любитель „чу-то-бакко“... Это спресованный въ небольшіе, очень плотные кирпичики желтовато-коричневый табакъ. Маленькими ломтиками, исподволь, пихаютъ этотъ табакъ за щеку и... жуютъ иной разъ цѣлыми часами. Джемсъ не предавался табачной жвачкѣ только тогда, когда спалъ, ѣлъ или курилъ. Даже присутствіе начальства въ этомъ его нисколько не стѣсняло. Впрочемъ, это еще ничего: на „Горнтонѣ“, кажется, всѣ матросы предавались этой некрасивой привычкѣ; помнится, даже у элегантнаго мистера Роунэта, старшаго офицера, порой, очень подозрительно отвисала щека. Но вотъ что было дѣйствительно непріятно: во время разговора Джемсу ничего не стоило мимо самаго вашего носа выбросить яйцевидный желтоватый плевокъ, одинъ видъ котораго могъ отбить аппетитъ и у сильно проголодавшагося человѣка. Чувствительно шероховатъ онъ былъ и еще кое въ чемъ: обойти упорнымъ молчаніемъ почему-либо не понравившійся ему вопросъ или, завязавъ разговоръ, безъ всякихъ извиненій, по внезапно пришедшей въ голову надобности, юркнуть въ кубрикъ—все это Джемсъ относилъ къ области свободы личнаго поведенія, до котораго никому нѣтъ дѣла! Словомъ, это былъ далеко не изящный западно-европейскій простолюдинъ, общая неуклюжесть котораго еще рѣзче оттѣнялась парадоксальнымъ стремленіемъ — употреблять въ разговорѣ отмѣнно учтивыя выраженія. Меня привлекала къ нему его снисходительность къ моему варварскому brocken english—ломанному англійскому языку, да рѣдкая догадливость, съ какой онъ налету, чуть не съ полуслова, схватывалъ смыслъ моихъ фразъ. Многія изъ нихъ, въ особенно затруднительныхъ случаяхъ, онъ самъ и заканчивалъ въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Разумѣется, я очень дорожилъ этимъ снисходительнымъ собесѣдникомъ.

— Отвратительный вечеръ, Джемсъ, не правда ли? — началъ я, подходя къ нему.

— Мокрая ночь, сэръ, мокрая ночь! — отвѣчалъ онъ безразличнымъ тономъ человѣка, привыкшаго ко всякой погодѣ.

Мы немного помолчали.

— Не желаете ли, однако на берегъ?.. Юнга внизу мигомъ скричитъ лодку,—услужливо предложилъ Джемсъ и поднялъ руку, чтобъ постучать о крышу кубрика.

— Благодарю васъ, не надо...

Какъ ни тянуло меня на берегъ,—вѣдь я уже семнадцать дней не чувствовалъ подъ ногами привычной твердой почвы,—перспектива спускаться подъ дождемъ по веревочному, переброшенному за бортъ трапу, совсѣмъ мнѣ не улыбалась.

— Отчего такъ тихо на палубѣ?—спросилъ я,—развѣ мы не сегодня подтянемся къ пристани?

— Смѣю полагать, здѣсь, на рѣкѣ, и выгружаться будемъ... Быть можетъ, угодно взглянуть за корму: тамъ—четыре баржи. Завтра еще подойдутъ...

У меня вырвался жестъ разочарованія.

— Здѣсь, сэръ, мѣста мало; склады дороги, — продолжалъ матросъ,—расходы на складъ, позволю себѣ замѣтить, были бы очень обременительны. И надобности нѣтъ: нашъ грузъ, напр., шелъ еще въ морѣ, а уже былъ проданъ, перепроданъ и распредѣленъ баржами, куда требуется...

— А вглубь страны?

— И вглубь страны также. Навѣрное, изволили замѣтить, какое множество каналовъ отходитъ въ обѣ стороны отъ рѣки, начиная отъ самаго Маасъ-Луи?

Дѣйствительно, помнится, не прошло и часу послѣ того, какъ мы вошли въ устье рѣки, въ красивыхъ пологихъ откосахъ ея узорчато выложенныхъ разноцвѣтными камушками береговъ стали открываться какія-то выемки, съ уходившею въ пасмурную даль стальной полосой неподвижно спокойной воды. Я было принялъ ихъ за доки. Тутъ были и широкія, какъ самъ Маасъ, и узкія, какъ проселочная дорога. Обрамленныя высокими дамбами, покрытыми вѣчно зеленѣющей нѣжной травой, обсаженныя аккуратно подстриженными стройными рядами деревъ, онѣ даже въ такой ненастный, осенній вечеръ имѣли мечтательно-веселый, иныя—почти праздничный видъ.

— Ихъ тутъ больше, чѣмъ улицъ,—пояснялъ между тѣмъ Джемсъ.—Многоводная сторона, сэръ! По каналамъ-то ваше зерно и попадетъ въ страну и пойдетъ прямо на мельницы, чуть что не въ ротъ добрымъ голландцамъ.

— Удивительный народъ,—сказалъ я.

Джемсъ поглядѣлъ на меня съ недоумѣніемъ.

— У себя дома и ворона хозяйка! — сентенціозно произнесъ онъ.

Свистокъ боцмана прервалъ нашу бесѣду. Съ возгласомъ „yes!“ Джемсъ, не спѣша, зашагалъ ему навстрѣчу. А я направился на ютъ, размышляя о томъ, почему и Джемсъ, и другіе мои корабельные знакомые такъ не любятъ голландцевъ, о которыхъ у насъ, русскихъ, составилось такое выгодное представленіе, основанное на популярныхъ книжкахъ и на газетныхъ извѣстіяхъ. Мистеръ Роундетъ, корабельный офицеръ, презрительно называлъ ихъ „кондитерами“, старшій механикъ, веселый малый и острякъ, окрестилъ „бобрами“, а кто-то назвалъ даже — „шоколаднымъ кромпетомъ“ *). Вообще изъ всѣхъ, до сихъ поръ слышанныхъ

*) Кромпетъ, родъ печеній, похожихъ на блины, кажется, изъ аррорут-

мною отзывовъ, у меня складывалось представленіе о народѣ замкнутомъ, негостепріимномъ, несообщительномъ. Говорили, что туристу, если онъ не богатъ, рискованно даже углубляться въ эту страну,—можно насидѣться голодомъ, а въ иномъ мѣстѣ не найти и ночлега. Въ колоніяхъ—все въ томъ же положеніи, какъ и сто лѣтъ назадъ: вся промышленность въ земледѣліи и садоводствѣ; торговля не хочетъ знать требованій времени: льнетъ къ добывающей промышленности, пренебрегаетъ мануфактурой. Голландцы,—говорили мнѣ,—лавочники, а не купцы; населеніе колоній — съ одной стороны пришлецы, несущіе съ собой лишь жажду обогащенія, съ другой — невѣжественные, полудикіе туземцы — рабочій скотъ, за которымъ господствующему классу и въ голову не придетъ признавать какіе-нибудь нравственные интересы или права на развитіе. Отсюда типичный характеръ этихъ колоній: громадныя помѣстья, щедро одаренныя природой, но эксплоатируемыя самымъ примитивнымъ способомъ. Въ культурномъ отношеніи жизнь голландскихъ колоній врядъ-ли многимъ выше испанскихъ, какъ извѣстно, стяжавшихъ себѣ крайне незавидную репутацію. И, не смотря на все это—самодовольство, граничащее съ китайскимъ!

Эти черты, думается, ни въ комъ не возбудятъ симпатій. Справедливость, однако, требуетъ не забывать, что добрые сосѣди не всегда безпристрастные свидѣтели, а потому многое тутъ, вѣроятно, преувеличено, иное и совсѣмъ, быть можетъ, не вѣрно. Тѣмъ не менѣе и мнѣ, предубѣжденному поклоннику энергіи этого страннаго народа, по зрѣломъ обсужденіи, чувствовалась всетаки доля правды въ этихъ отзывахъ. Нельзя, напр., не признать, что умные, энергичные и дѣятельные для себя и у себя дома, голландцы за послѣднія два столѣтія ровно ничего не внесли въ общую сокровищницу человѣчества: въ наукѣ, философіи искусствѣ, политикѣ у нихъ только громкое, славное прошлое и незамѣтное, довольно безцвѣтное настоящее. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, преемники и замѣстители Спинозы, Гуго Гроція, Левенгука, Рембрандта, Ванъ-Дика, Янсена? Торговля проложила тутъ свои широкіе пути, и люди жаднаго шумнаго торжища затоптали тропы, проложенныя людьми мысли и высокаго чувства. Узкій, сухой разсчетъ легъ здѣсь въ основу благополучія. Народъ-хозяинъ, народъ-купецъ доволенъ собой и своей судьбой; внѣ торговли теперь, кажется, ничто уже его глубоко не волнуетъ и не интересуетъ. Даже геройская защита буровъ могла возбудить въ ихъ домовитыхъ и порядливыхъ родичахъ одно лишь чисто платоническое сочувствіе.

Такъ размышляя, шагалъ я по юту. Дождь, между тѣмъ, пересталъ

ной муки; довольно вкусное и очень распространенное въ Англіи дешевое лакомство.

и изъ-за тумана стали выплывать очертанія города, которыя становились все яснѣе.

На правомъ берегу рѣки открылся десятокъ двухъэтажныхъ домовъ заурядной европейской архитектуры. Чуть не цѣпляясь за покатыя крыши, надъ ними ползли сизоватыя клочья густыхъ облаковъ. На набережной, довольно широкой, было свѣтло, какъ днемъ; можно было даже различить сиреневые кусты, росшіе передъ верандой какого-то, должно быть, богатаго дома, двумя крылами, каждое въ шесть оконъ, выходившаго на рѣку. Влѣво отъ него, черезъ шоссированную гладкую и чистую дорогу, шла выложенная широкими плитами ходовая полоса, огибавшая затѣмъ какой-то большой, вѣроятно, публичный садъ, огражденный низенькой узорной рѣшеткой, съ открытыми, безъ дверецъ, проходами. Сквозь листву, уже замѣтно порѣдѣвшую, проглядывали тамъ и сямъ фонари. Ни по улицѣ, ни на набережной за цѣлые полчаса не показалось ни души,—передо мной лежала точно декоративная картина, какъ на театрѣ, когда „сцена на время остается пуста".

Я перешелъ къ правому борту. Вдали смутно маячили какія то длинныя одноэтажныя зданія; вправо отъ нихъ сѣрѣли постройки, похожія на полуцилиндры, положенные на землю плоскостью разрѣза. Небо, быть можетъ, въ силу контраста съ яркоосвѣщенной сѣверной стороной, было тутъ черно, какъ чернила. Тѣмъ эффектнѣе порою вырѣзались на немъ багровыя пламенныя полосы, какъ бы съ усиліемъ прорѣзавшія мглу... То спѣшилъ поѣздъ, глухо и часто постукивая по стыкамъ рельсъ, словно торопясь и боясь опоздать къ отходу одного изъ гигантовъ пароходовъ.

Въ общемъ видъ Роттердама ночью мало импонировалъ; какъ то не вѣрилось даже, что предъ нами городъ, у котораго перекрещиваются торговые пути міра, городъ, гдѣ въ каждую данную минуту находится столько товаровъ, сколько иной континентальный центръ, хотя бы и столичнаго ранга, не видитъ у себя и за цѣлый годъ.

Пробило двѣ стклянки—десять часовъ. Джемсъ, смѣнившійся съ вахты, подошелъ ко мнѣ, облокотился о перила и сталъ молча глядѣть на суетливо перебѣгавшіе подъ бортомъ блики береговыхъ огней. Я внимательно всматривался въ даль, но никакъ не могъ разглядѣть столь обычныхъ у насъ портовыхъ сооруженій—мола, крановъ, пакгаузовъ. Я чувствовалъ, что это послѣдній городъ старой Европы, который я вижу передъ долгой разлукой, и на немъ лежалъ уже чужой, какъ будто не европейскій отпечатокъ.

— Джемсъ, много разъ вы бывали въ Россіи? —какъ-то невольно спросилъ я, уносясь мыслью къ оставленой родинѣ.

— О, я плаваю уже тридцать лѣтъ, — произнесъ онъ, вмѣсто прямого отвѣта.

— А слыхали вы про кого-нибудь изъ нашихъ знаменитыхъ людей?

Онъ искоса взглянулъ на меня и процѣдилъ безразлично, снова опуская голову:

— Въ вашей громадной странѣ, безъ сомнѣнія, не мало очень достопочтенныхъ людей... Я думаю!

— Вотъ, именно, я и желалъ бы знать, слыхали ли вы про кого нибудь изъ этихъ достопочтенныхъ людей?

— А позвольте спросить, про стараго Биля вы слышали? — пытливо бросилъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Еще бы не слыхать о Гладстонѣ! Слыхалъ и о Чемберленѣ, и о Розберри, о Черчилѣ и всѣхъ другихъ, покинувшихъ старика въ самую трудную и важную минуту его политической жизни...

Матросъ медленно повернулся; маленькіе глазки его то быстро вскидывали на меня рѣзкій взглядъ, то снова прятались подъ навѣсъ густыхъ, мохнатыхъ бровей. Мнѣ показалось, что онъ немного сердится на что-то. Но черезъ минуту Джемсъ сказалъ спокойно, раскуривъ свою коротенькую трубку, обдавшую насъ обоихъ цѣлыми облаками крѣпкаго, сладковатаго дыма, свойственнаго мерилэндскому табаку.

— Предположимъ, сэръ, — началъ онъ издалека:—вы имѣете друга и... и очень уважаете его, очень его уважаете... Обязаны ли вы слѣдовать всякому его благородному поступку и помогать ему?

— Полагаю... Какъ же иначе?

— А если вамъ ясно, что на другой же, на третій день этотъ поступокъ окажется вреднымъ для его же собственныхъ благородныхъ цѣлей?

— Не думаю, чтобы это было такъ по отношенію къ Гладстону.

— О, сэръ, въ этихъ дѣлахъ никто—будь онъ самый умный, самый благородный въ мірѣ,—не гарантированъ отъ ошибокъ, и самая просвѣщенная партія не сможетъ миновать иного закоулка. . Поэтому у насъ, пока одна партія управляетъ, другая наблюдаетъ, замѣчаетъ ея ошибки,—чтобы исправить ихъ, когда сама будетъ у власти. Только такимъ путемъ... только такимъ путемъ, говорю я, сэръ, и можетъ получиться дѣйствительно хорошее управленіе...

— Но вѣдь другая партія—это противники. Это уже совсѣмъ иное дѣло...

— Это одно и то же, сэръ,—перебилъ онъ наставительнымъ тономъ—одно и то же: друзья поняли, что послѣ гомруля Патрикъ *) станетъ добиваться полнаго отдѣленія: великодушіе на него не подѣйствуетъ... Гладстонъ!.. Въ цѣлой Англіи, да что...

*) Кличка ирландцевъ у англійскаго простого люда.

въ Англіи!—въ цѣломъ свѣтѣ не найти болѣе ясныхъ мозговъ, но и старый Биль можетъ ошибаться. Въ этомъ дѣлѣ онъ сталъ перегружать... А перегружать—это все равно, что плыть въ корытѣ: либо опрокинешься, либо совсѣмъ потонешь!

— Какъ же это во всю свою жизнь онъ ни разу не потопилъ Англіи?

— Иныя времена, сэръ, иныя дѣла... Я и самъ въ тѣ годы вотировалъ за него,—возразилъ Джемсъ грустно-уступчиво.

— Развѣ вы—избиратель?—вырвалось у меня.

Онъ улыбнулся.

— У меня въ Инвернесѣ небольшой коттеджъ. Тамъ живетъ моя сестра, потому что у нея много дѣтей и больной мужъ, а я холостъ и хожу въ море. Это не мѣшаетъ мнѣ быть избирателемъ. Я даже такъ думаю: никто не вправѣ отказываться отъ своихъ правъ и обязанъ лично пользоваться ими. Да, я такъ думаю, сэръ...

— Къ какой же партіи принадлежите вы теперь?

— Отдаю свой вотъ (голосъ) юніэнистамъ: не хочу, чтобъ наша страна забыла свое имя...

Мелкимъ взмахомъ руки онъ какъ бы подтвердилъ свою мысль и затѣмъ, мѣняя сразу и позу, и тему разговора, вѣжливо спросилъ у меня:

— А позволительно ли мнѣ спросить, къ какой партіи, сэръ, благоволите принадлежать вы сами?

— У насъ, Джемсъ, нѣтъ партій...

— Развѣ вы совсѣмъ не интересуетесь дѣлами вашей страны?

— Не то, Джемсъ... но... мы составляемъ какъ бы одну семью... Межъ нами, правда, есть различія,—племенныя, расовыя, вѣроисповѣдныя; тѣмъ не менѣе, всѣ мы—дѣти одного общаго отечества... Такъ, вотъ, мы...

— Понимаю, сэръ, вполнѣ понимаю: всѣ ваши и общія, и мѣстныя дѣла всегда въ наилучшемъ порядкѣ, и вамъ не о чемъ заботиться...

Я пристально поглядѣлъ на него и хотѣлъ продолжать разговоръ, но Джемсъ, кивнувъ головой, задумался, помолчалъ и потомъ сказалъ:

— Доброй ночи, сэръ, доброй ночи!.. Надѣюсь, я не сказалъ ничего непріятнаго?..

— О, нѣтъ, благодарю васъ за бесѣду.

— Доброй ночи!..

Спускаясь въ свою каюту, я еще разъ оглянулся на берегъ. Городъ все болѣе выступалъ изъ-подъ свѣтлой туманной дымки. На кубрикѣ нашего парохода виднѣлась неподвижная фигура „избирателя“ Джемса.

II.

Роттердамъ и его бытъ.—Странное знакомство.—Чудеса порта.—Ловцы человѣковъ.

— Ну, теперь мы можемъ заняться и вашими дѣлами,—на слѣдующее утро, сейчасъ послѣ чаю, сказалъ мнѣ нашъ старичокъ-капитанъ, взявшій на себя обязанности моего добровольнаго казначея.

— Вотъ ваши капиталы... Нельзя сказать, чтобы это было большое богатство и, напримѣръ, до Клондайка едва-ли хватитъ.

— Сэръ, я не мечтаю о Клондайкѣ...

— О, во всякомъ случаѣ для человѣка, желающаго пробить себѣ въ Америкѣ дорогу трудомъ, этихъ средствъ на первое время недостаточно... Итакъ, у васъ 21 фунтъ *); изъ нихъ имѣю удержать за проѣздъ сюда $3^1/_2$ фунта; на билетъ до Нью-Іорка пойдетъ $5^1/_2$ фунтовъ... Кстати: ближайшій пароходъ отойдетъ во вторникъ; на три—четыре дня, полагаю, вамъ не зачѣмъ брать номеръ въ гостиницѣ, не правда ли?

— Съ вашего разрѣшенія...

Онъ ласково кивнулъ мнѣ головой.

— Будемъ продолжать. Одинъ фунтъ размѣняю вамъ на голландскую монету: такой суммы на карманные расходы, я думаю, предостаточно,—конечно, для того, кто не намѣревается пустить на берегу пыль въ глаза. Не забывайте только, что, какъ и вездѣ, тутъ близъ порта все втрое дороже... Ну, остальные одиннадцать фунтовъ я, на вашемъ мѣстѣ, обмѣнялъ бы уже въ Нью-Іоркѣ: небольшая потеря на курсѣ, за то меньше ненужныхъ тратъ **). А это—что?... Индійскія рупіи?.. Напрасно: они ходятъ только въ Индіи... Впрочемъ, ихъ сколько у васъ?.. Только четыре? Хорошо: получайте въ обмѣнъ...

Пока я укладывалъ деньги группами, по ихъ назначенію, живой старичокъ-капитанъ бочкомъ выбрался изъ-за стола и, перебирая разомъ по двѣ ступеньки, былъ уже на палубѣ.

Вслѣдъ за капитаномъ поднялся на палубу и я. Не смотря на раннюю пору,—не было еще и семи часовъ,—тутъ, судя по замѣтно уменьшившейся глубинѣ посадки судна, давно уже кипѣла работа: громыхали лебедки, шуршало зерно, шлепали объемистые короба, одинъ за другимъ вылетавшіе изъ трюмной пасти и грузно опрокидывавшіеся въ плоскія чашки широкихъ желобовъ, тянувшіяся сюда изъ глубины стоявшей подъ бортомъ

*) Около 200 рублей.

**) На океанскихъ пароходахъ, курсирующихъ между Старымъ и Новымъ свѣтомъ, охотно принимается и американская монета.

парохода красиво раскрашенной баржи. Зерно бѣжало по этимъ желобамъ непрерывной золотистой струей, падавшей у баржевого люка на особаго устройства шлюзы, положенные такимъ образомъ, что, по желанію, ихъ легко вращать на вертикальной оси, отчего зерно распредѣляется равномѣрно по всему трюму. Наша традиціонная „арфа“, *) разумѣется, отсутствовала, такъ же какъ и наши „арфисты“, медленно задыхающіеся въ ѣдкой зерновой пыли, черные отъ почти никогда не смываемой грязи, босые, оборванные, оголодавшіе и озлобленные. Вокругъ, въ короткихъ парусинныхъ курткахъ, узкополыхъ шляпахъ, крѣпкихъ, съ толстыми подошвами, башмакахъ, сновали десятка три коренастыхъ крѣпышей, правда, запыленныхъ, съ возбужденными отъ напряженія лицами, но, всетаки, ничѣмъ не напоминавшихъ нашихъ портовыхъ оборванцевъ. Они сновали дѣловито и беззвучно, не бранясь, не толкая другъ друга. Косые лучи солнца, какого-то блѣднаго, холоднаго, точно это не солнце, а нѣсколько лунъ лили свой безстрастный свѣтъ,—благодаря значительной влажности воздуха, разсѣивались, почти не давая тѣней, и непривычная картина получила странное меланхолическое освѣщеніе...

Городъ, который я видѣлъ вчера, въ ночномъ туманѣ, и теперь былъ слегка задернутъ влажною дымкой. Его строенія напомнили мнѣ тѣ игрушечные домики, съ крутыми кровлями и коротенькими дымовыми трубами, которые лѣтъ тридцать назадъ у насъ дарили дѣтямъ на елку... И толпились они на площадкѣ такъ же тѣсно, точно игрушки. Воображеніе невольно рисовало на этихъ узкихъ улицахъ суетню и давку...

Подъ бортомъ нашего „Горнтона“ давно уже колыхалась лодочка,—настоящая орѣховая скорлупа—коротенькая съ высокими, загнутыми внутрь бортами. Въ ней, изрѣдка поглядывая кверху, не собирается ли кто изъ пароходныхъ на берегъ, стоялъ рослый перевозчикъ, худощавый малый, съ плоскимъ лунообразнымъ лицомъ, въ странномъ нарядѣ: бѣлой, какъ снѣгъ, рубахѣ, съ широкимъ отложнымъ воротникомъ, и какой-то кацавейкѣ, украшенной большими выпуклыми стеклянными пуговицами. Когда я спустился въ лодку, парень молча кивнулъ головой и, работая единственнымъ весломъ съ кормы, отчалилъ по темносѣрой, плавно колыхавшейся глади къ берегу, временами оглядываясь, словно опасался, что я сбѣгу. Такое вниманіе объяснилось, увы, далеко нелестнымъ для меня образомъ.

Когда, минуты три спустя, лодочка подошла къ пристани, и я вручилъ перевозчику установленную здѣсь плату за перевозъ съ середины рейда, пятнадцать центовъ **), онъ лѣниво сунулъ

*) Арфа—большое четвероугольное проволочное рѣшето для просѣва зерна при нагрузкѣ.

**) Около 8—9 копѣекъ.

серебряную монету въ карманъ своей безрукавки и важно, почти не открывая рта, проговорилъ по англійски:

— Еще!

Я далъ еще 10 центовъ.

Онъ даже не взглянулъ, лишь встряхнулъ монету на ладони, проворчавъ:

— За такую плату я перевожу только пароходныхъ: еще!

— Вѣдь и я съ парохода...

— Вы—пассажиръ... Еще!

Тутъ лодка какимъ-то непонятнымъ для меня способомъ незамѣтно обернулась носомъ, гдѣ я стоялъ, въ сторону рейда.

— Но я не могу сойти! —вскричалъ я, взбѣшенный. — А! хорошо: везите обратно!

Парень нагло взметнулъ водянисто-сѣрыми глазами, но лодку, всетаки, привелъ въ надлежащее положеніе.

Въ раздраженіи покидая лодку, я быстро взбѣжалъ по небольшой лѣстницѣ на набережную и почти наткнулся здѣсь на удивительно свѣжаго розощекаго старца. Право, такіе румяныя щеки въ иныхъ странахъ трудно встрѣтить и у дѣвушекъ; я былъ пораженъ и невольно оглянулся, когда этотъ сѣдой юноша, по костюму и манерѣ курить очень напоминавшій нашего нѣмца-колониста, легкой, плавной походкой подошелъ къ моему перевозчику и, повидимому, сталъ ему выговаривать. По крайней мѣрѣ, тотъ отрицательно качалъ головой, разводилъ руками, какъ бы оправдываясь. Въ это время изъ углового прохода въ оградѣ парка вышелъ какой-то стройный господинъ, съ виду также нѣмецъ, но уже въ обще-европейскомъ платьѣ. Онъ также направился къ перевозчику, который вдругъ поспѣшно сталъ грести вглубь бухты.

Ближайшей аллеей парка я направился въ городъ. Послѣ дождя здѣсь было холодно и сыро.

У противоположнаго угла парка остановилъ мое вниманіе фонарь съ ярко-красными стеклами и надписью на нихъ Fire. Фонарь этотъ былъ выше другихъ, а на высотѣ полутора аршинъ отъ земли, на столбѣ его былъ укрѣпленъ продолговатый ящикъ, съ узенькой щелью, вмѣсто принятой у насъ скважины замка. Встрѣтивъ, квартала два дальше, другой такой же высокій фонарь и также на перекресткѣ, я понялъ, что они имѣютъ отношеніе къ пожарной сигнализаціи.

Система пожарной сигнализаціи Роттердама, кромѣ этихъ фонарей, обслуживается особой телефонной сѣтью, разговорные аппараты которой—помимо аппаратовъ частныхъ абонентовъ телефоннаго общества—находятся во всѣхъ аптекахъ, а также въ ящикахъ, которые я замѣтилъ на столбахъ. На выходной двери каждаго дома, съ ея внутренней стороны, на особомъ крючкѣ виситъ ключикъ отъ пожарнаго телефона. Въ случаѣ пожара въ

домѣ, вы схватываете ключикъ, бѣжите къ ближайшему фонарю, отмыкаете ящикъ съ телефоннымъ аппаратомъ, при чемъ фонарь наверху самъ собой зажигается, и передаете въ телефонъ адресъ загорѣвшагося дома. Такъ какъ здѣсь и въ пожарномъ дѣлѣ, какъ во всякой иной административной функціи, признаны несомнѣнныя преимущества децентрализаціи, то, вмѣсто 5—6 такъ называемыхъ „пожарныхъ частей“, существуетъ въ десять больше, хотя и мелкихъ, пожарныхъ обозовъ. Они расположены въ шахматномъ порядкѣ рѣшительно по всему городу. Благодаря этому, на пожаръ здѣсь являются со сказочной быстротой, а стало быть, и успѣшность работы далеко оставляетъ за собой истинно адскій трудъ нашихъ пожарныхъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, могутъ подѣлать тысячные огнегасители, если, за дальностью разстояній, имъ приходится прибывать на пожаръ нерѣдко уже тогда, когда большая часть зданія въ огнѣ?..

Люди, которыхъ я увидѣлъ на улицахъ Роттердама, выйдя изъ парка, поразили меня необыкновенно нѣжнымъ. бѣлорозовымъ цвѣтомъ лица. И это не только у юношей, но также—и пожалуй еще больше—у стариковъ. Казалось, съ годами, обитатели этой сырой, туманной страны становятся юнѣй, щеки ихъ розовѣй: совсѣмъ игрушечные купидоны. Я сталъ искать глазами традиціонную фигуру уличнаго полисмена: мнѣ казалось забавнымъ увидѣть такого же амурчика подъ суровой полицейской каской. Но, увы! глазъ нигдѣ не встрѣчалъ пока этой фигуры. Не было также и дворниковъ у воротъ, можетъ быть, впрочемъ, потому, что здѣсь не было также и захожихъ дворовъ, въ нашемъ смыслѣ. Крохотная, большею частью не имѣющая непосредственнаго сообщенія съ улицею, площадка служитъ, главнымъ образомъ, для снабженія свѣтомъ и воздухомъ внутреннихъ покоевъ зданія да для просушки бѣлья. Дома здѣсь, большею частью, особняки или же сдаются по этажамъ. Кладовыхъ, сараевъ и т. п. службъ нѣтъ: провизія, топливо ежедневно доставляются по заказу изъ лавокъ и складовъ. За отсутствіемъ воротъ, здѣсь за то очень часты двери на улицу—то, что у насъ именуютъ параднымъ крыльцомъ. Только, опять таки, онѣ никогда не служатъ рамкой для величественной фигуры швейцара—таковыхъ должностныхъ особъ здѣсь также не знаютъ совсѣмъ: двери эти всегда заперты, а жильцы, для открыванія ихъ, снабжены плоскими пластинчатыми ключиками, легко укладывающимися въ жилетный карманъ. Такой ключикъ отличается очень затѣйливой вырѣзкой бородки, благодаря чему нежеланному и нежданному ночному гостю врядъ ли возможно отомкнуть дверь отмычкой или подобраннымъ ключемъ. Это мелочь, конечно, но сколько въ ней удобства!..

За однимъ изъ поворотовъ, на сравнительно широкой, обсаженной высокими тополевидными деревьями улицѣ, наткнулся я

на постройку дома, у котораго стѣны были еще не готовы, но за то крыша была вполнѣ закончена и сверкала яркою зеленою краской.

Постройки ведутся здѣсь вообще довольно своеобычно. На фундаментъ устанавливается прочный желѣзный или стальной остовъ, состоящій изъ угловыхъ столбовъ и перекладинъ, соотвѣтствующихъ этажамъ дома и чердачной площадкѣ; на желѣзныхъ балкахъ укрѣпляется крыша, а затѣмъ, изъ особаго рода плитокъ несгораемаго дерева, настилаются полы этажей, и въ то же время кладутся изъ кирпича стѣны. Система эта заимствована голландцами у американцевъ и еще не вошла въ общее употребленіе, но уже много принесла пользы. При обиліи въ этой странѣ тумановъ и дождей, въ особенности въ приморскихъ частяхъ, такая система позволяетъ защищать постройку отъ вліянія атмосферной влаги, не прерывая при томъ работъ ни на часъ. И постройки выходятъ прочныя и сухія.

— О, эти к-канальи! — вдругъ раздалось по-нѣмецки у меня за спиной, когда, свернувъ еще разъ, я вошелъ въ какую-то малолюдную улицу, ведшую, повидимому, къ центру. Я невольно обернулся.

Въ двухъ-трехъ шагахъ позади, размашистой походкой шагалъ тотъ самый, свѣтлорусый съ клинообразной бородкой, господинъ, при видѣ котораго такъ поспѣшно уплылъ на своей лодкѣ мой возчикъ. Замѣтивъ, что я обернулся, онъ вѣжливо приподнялъ шляпу, легко въ припрыжку поровнялся со мною и что-то заговорилъ пріятнымъ груднымъ голосомъ.

— Къ сожалѣнію, я не говорю по нѣмецки,—отвѣтилъ я по-французски.—Чему я обязанъ?..

— Извините, мосье, я, кажется, васъ обезпокоилъ?—продолжалъ незнакомецъ уже по-фрацузски, щеголяя прекраснымъ произношеніемъ.—Простите, но эти негодяи перевозчики способны вывести изъ всякаго терпѣнія...

Эта повышенная впечатлительность незнакомца показалась мнѣ нѣсколько неестественной, тѣмъ болѣе, что прошло уже болѣе часу со времени моего столкновенія съ лодочникомъ, и горечь, имъ вызванная, во мнѣ самомъ успѣла совершенно улечься.

Словно угадывая мои мысли, незнакомецъ продолжалъ:

— А я, знаете ли, успѣлъ даже съѣздить на тотъ берегъ: гнался за вашимъ перевозчикомъ. Нѣтъ, этого не слѣдуетъ оставлять безнаказаннымъ!.. Этакую-же пренаглую штуку продѣлалъ онъ со мной въ прошлое воскресенье!.. Но я, можетъ быть, затрудняю васъ?..

— Нѣтъ, пожалуйста..

— Мнѣ нужно было, знаете, этакъ подъ вечеръ въ Рейнсгавенъ—это одна изъ гаваней въ Роттердамѣ.—И вотъ, пользуясь сходствомъ именъ, онъ завезъ меня вверхъ по рѣкѣ, въ какой-

то Рейкіавекъ, что ли. –И вѣдь какъ хитры эти канальи: просто чутьемъ угадываютъ иностранца.. Вотъ вѣдь и съ вами тоже...

И онъ окинулъ меня внимательнымъ взглядомъ. Я отвѣчалъ, что отчасти и самъ виноватъ: садясь въ лодку, не справился предварительно о платѣ.

— Это мало помогло бы!—возразилъ онъ съ живостью:—эти пираты всегда найдутъ къ чему придраться! Да, плохо здѣсь новичку-иностранцу, въ особенности, если онъ одинокъ..

— А вы здѣсь одни?—полюбопытствовалъ я изъ вѣжливости.

— Да. И представьте, — мнѣ никогда еще не приходилось выѣзжать въ совершенно незнакомый городъ, гдѣ нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ. А вотъ тутъ, въ Роттердамѣ –рѣшительно никого: ни души! Какъ-то странно даже: въ городѣ свыше 300 тысячъ жителей, и все это чужое и чуждое вамъ и желающее оставаться чужимъ и чуждымъ...

Голосъ незнакомца, очень гибкій и мягкій, прекрасно отражалъ въ себѣ содержаніе рѣчи: за минуту предъ тѣмъ въ немъ слышалось негодованіе, теперь уже дрожала грусть, отвѣчавшая моему собственному, хотя и затаенному, настроенію. Мало-помалу безыскусственная, какъ мнѣ казалось, сообщительность незнакомца стала вызывать во мнѣ сочувствіе, и я шагалъ рядомъ съ нимъ по улицамъ, совсѣмъ позабывъ о своемъ твердомъ рѣшеніи избѣгать уличныхъ знакомствъ въ незнакомомъ городѣ, гдѣ такъ легко наткнуться на людей, закидывающихъ свои удочки на неопытныхъ чужеземцевъ.

Онъ охотно и много говорилъ о себѣ, лишь изрѣдка и въ самой деликатной формѣ ставя вопросы. Родомъ онъ изъ Саксоніи, гдѣ и воспитывался; прибылъ сюда всего недѣлю назадъ (въ другой разъ онъ сказалъ: двѣ недѣли, но тогда я не замѣтилъ противорѣчія), въ надеждѣ получить мѣсто субъ - агента Мангеймской пароходной компаніи въ одномъ изъ городковъ по Маасу, въ районѣ Роттердамскаго отдѣленія главной конторы; за жалованьемъ онъ не гонится, а потому надѣется, что хлопоты его вскорѣ увѣнчаются успѣхомъ. Онъ давно уже мечталъ поселиться среди иноплеменниковъ: куда спокойнѣй и правильнѣй течетъ жизнь! Съ своей стороны, я сообщилъ ему, что ѣду въ Америку, а сейчасъ направляюсь на почту,—отправить заказное письмо и купить нѣсколько открытокъ съ мѣстными видами. Онъ сообщилъ съ живостію, что и самъ идетъ на почту... Тутъ въ нашемъ концертѣ прозвучала нѣсколько фальшивая нотка: раньше онъ торопился въ контору Мангеймскаго О-ва, а проходя по городу, я случайно замѣтилъ. что она находится недалеко отъ Мааса, въ большомъ красивомъ домѣ съ башнями, замѣтными изъ парка, стало быть,—въ противоположной части города. Этого было достаточно, чтобы во мнѣ шевельнулась и точно кольнула меня недовѣрчивость: подъ первымъ благовиднымъ предлогомъ

я рѣшилъ свернуть въ сторону и тѣмъ прервать неожиданное знакомство.

Когда мы, такимъ образомъ, разставались на перекресткѣ, на выразительномъ, серьезномъ лицѣ господина Карла Артура Брауэнсбергера—такъ онъ мнѣ отрекомендовался—отразилось столько огорченія, что я невольно спросилъ себя: „Неужели я оскорбилъ его? Э, вздоръ: десятиминутное уличное знакомство!.. Кого и къ чему оно обязываетъ?“—такъ, минуту спустя, утѣшалъ я себя, шагая по какому-то невзрачному кривому переулку, сообщавшемуся—помощью коротенькаго старенькаго мостика, высоко, по кошачьи, выгнувшаго свою спину, — съ миніатюрной, точно для театральной сцены устроенной площадью. Чернобурой змѣей по окраинѣ ея изгибался узкій, но всетаки судоходный каналъ: какъ разъ въ этотъ моментъ, осторожно отпихиваясь шестомъ отъ стѣнъ, розощекій, простодушнаго вида подростокъ проводилъ по каналу груженую, сажени въ полторы длиною, лодку. Съ перваго взгляда, казалось, что она непремѣнно застрянетъ, не обернется; но нѣтъ: минуты черезъ двѣ подростокъ и его лодка благополучно исчезли за поворотомъ.

Вся поверхность площадки врядъ ли превышала сто двадцать, сто тридцать квадратныхъ саженъ. Выходившіе на нее дома были старинной голландской архитектуры, — высокіе, въ два и три этажа, но узкіе,—въ три-четыре окна, а, помнится, одинъ домъ былъ всего въ два окна... Кверху фасады домовъ оканчивались, большею частью, высокимъ треугольнымъ фронтономъ, съ далеко выдававшейся надъ нимъ закраиной крыши, отъ чего престарѣлыя зданія эти имѣли видъ сошедшихся поболтать, да такъ и задумавшихся старушекъ. Два-три дома были побольше, съ роскошными зеркальными стеклами въ окнахъ Я присѣлъ на скамейку, подъ развѣсистой ивой и сталъ наблюдать уличныя сцены.

Изъ-за круглаго приземистаго зданія—не то уличнаго цирка, не то звѣринца, сплошь оклееннаго какими-то афишами, показалась небольшая телѣжка, нагруженная жестянками или коробами, повидимому, очень легковѣсными, такъ какъ шествующая позади женщина лишь изрѣдка подталкивала телѣжку, которая катилась легко, какъ бы сама собою. Женщина шла медленно, какъ человѣкъ, покончившій съ дѣлами, которому некуда торопиться. Она была въ передникѣ и чепцѣ, изъ-подъ котораго съ висковъ свѣшивались, отходя въ стороны, какія то мѣдныя, ярко блестящія пружины. Вслѣдъ за этой телѣжкой, изъ другой улицы выкатилась такимъ же порядкомъ еще одна, за нею еще, и еще, и еще... Всѣ онѣ собрались у сквера, и у всѣхъ обладательницъ этихъ телѣжекъ были такія же странныя спирали на вискахъ...

Это крестьянки изъ сосѣднихъ деревень, возвращающіяся послѣ продажи привезенныхъ ими сельскихъ продуктовъ. Спирали—ста-

ринная національная принадлежность женскаго головного убора. Большею частью, онѣ дѣлаются изъ полированной мѣди, у лицъ же по богаче—даже изъ золота. Впрочемъ, нерѣдко попадаются съ золотыми украшеніями этого рода и женщины, сравнительно бѣдно одѣтыя, напоминая тѣмъ наше Закавказье, гдѣ иной бѣднякъ недѣлями голодаетъ, чтобы имѣть возможность пріобрѣсть серебряный съ чернью поясъ. Говорятъ,—это остатокъ обычаевъ, предшествовавшихъ еще римскимъ временамъ,—обычаевъ, перенятыхъ пришлыми германскими племенами у коренныхъ, невѣдомой расы, обитателей страны...

Не оставляя своихъ мѣстъ за телѣжками, женщины у сквера завели оживленный разговоръ, довольно негармоничный для непривычнаго уха: очень ужъ много двойныхъ *а*, двойныхъ *э*, двойныхъ *о*. Кумушки, надо полагать, приблизительно одинаковы всюду, а потому и мои сосѣдки, поздоровавшись, тотчасъ же перешли къ судаченью. По крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ вскорѣ принялась что-то высчитывать по пальцамъ, негодующе энергичными жестами указывая въ сторону, откуда пришла, а прочія съ живымъ интересомъ слѣдили за ея рѣчью, то и дѣло издавая односложныя восклицанія, точно подавая реплики... Проходившіе мимо горожане не обращали на нихъ никакого вниманія, но мнѣ эта группа показалась очень своеобразной и интересной.

Вдругъ откуда-то раздался громкій лай. Я оглядывался кругомъ, но собаки нигдѣ не было видно. Между тѣмъ, на лай первой собаки отозвался откуда-то другой собачій голосъ, къ нему присоединился третій, четвертый, и вскорѣ звонкіе голоса кумушекъ совершенно потонули въ дружномъ и громкомъ собачьемъ хорѣ. Оказалось, что подъ телѣжками, въ пространствѣ между колесъ, помѣщались четвероногіе возчики, которыхъ, очевидно, возмутила пустая болтовня ихъ хозяекъ, и они заявили свой протестъ противъ скучной остановки. Волей неволей женщинамъ пришлось оставить бесѣду и приняться водворять порядокъ. Но это было дѣло нелегкое, и кумушки, не взирая на неутоленную жажду общенія, кончили тѣмъ, что разъѣхались съ видимымъ неудовольствіемъ.

Интересно, что, лишь только, слегка позванивая и побрякивая, телѣжки двинулись въ путь, сѣрые и пѣгіе возчики ихъ, должно быть, въ сознаніи серьезности и важности исполняемой ими обязанности, немедленно же замолкли, чего нельзя сказать про ихъ хозяекъ, продолжавшихъ обмѣниваться полногласными репликами уже на довольно значительномъ разстояніи...

Къ почтамту я добрался уже къ часу пополудни, если не позже. Вопреки ожиданіямъ, я и здѣсь не нашелъ „толпы“, тѣсноты и давки, хотя чистая, очень свѣтлая, съ мозаичнымъ поломъ, зала почтамта (принимая во вниманіе, что въ Роттердамѣ, всетаки, свыше 300 тыс. жителей) могла бы быть и побольше. Впро-

чемъ, въ этомъ, сравнительно, небольшомъ (200 — 220 кв. саж.) залѣ я насчиталъ цѣлыхъ шесть окошечекъ для пріема корреспонденціи и еще больше—для выдачи ея и продажи знаковъ почтовой оплаты... Это устраняетъ давку, тѣсноту и потерю времени. Въ самыхъ дверяхъ почтамта, при выходѣ, я столкнулся лицомъ къ лицу съ моимъ недавнимъ собесѣдникомъ.

— Какая пріятная встрѣча!—проговорилъ онъ слегка нараспѣвъ, наклонивъ нѣсколько набокъ голову и протягивая мнѣ обѣ руки.—Ну, что? Справились?.. Нужно, вотъ, и мнѣ отправить письмецо, — заговорилъ онъ скороговоркой, не претендуя на отвѣтъ.—А! брошу вечеромъ въ почтовый ящикъ на станціи: не важно; гораздо пріятнѣе побесѣдовать съ такимъ же одинокимъ здѣсь человѣкомъ, какъ самъ...

— Мнѣ очень непріятно, мосье, но въ Роттердамѣ я останусь лишь до вторника, а мнѣ еще нужно хорошенько осмотрѣть этотъ любопытный городъ,—сказалъ я;—поэтому врядъ ли смогу, при быстрой ходьбѣ, оказаться пріятнымъ собесѣдникомъ.

— О, это ничего не значитъ: я и самъ хорошій ходокъ, даже на Альпы взбирался, какъ же! Вы не были въ Швейцаріи?.. Жаль! Въ цѣлой Европѣ не найти такого чуднаго уголка... Или, вотъ, еще въ Оверни... Тамъ тоже можно усталому человѣку отдохнуть, не прибѣгая къ тюремному режиму разныхъ санаторій... Удивительно, знаете, какъ охочи люди придумывать себѣ разныя путы. Казалось бы, вотъ—солнце, вотъ—чистая вода, вотъ—чистый воздухъ, вотъ—простая, здоровая пища; есть у тебя средства и досугъ—отдыхай, возстановляй свои силы! Нѣтъ, человѣкъ просится подъ команду, въ неволю къ модной системѣ и удивляется потомъ, что результаты не соотвѣтствуютъ его ожиданіямъ..

Такъ сыпалъ онъ замѣчаніями и сужденіями бывалаго, умнаго человѣка. Я слушалъ молча и все холоднѣй; меня не оставляла мысль: что̀, собственно, нужно отъ меня этому назойливому господину? Послѣдовательно отклонилъ я рядъ его предложеній — закусить, выпить, осмотрѣть вмѣстѣ „богатый“ роттердамскій музей: о, тамъ есть на что посмотрѣть,—онъ самъ побывалъ тамъ уже пять разъ.

Когда я выразилъ удивленіе, что за такой короткій срокъ онъ, человѣкъ ищущій мѣста, успѣлъ побывать цѣлыхъ пять разъ въ музеѣ, отдавая этому развлеченію, конечно, не одинъ часъ своего времени, господинъ Карлъ Артуръ Брауэнсбергеръ, ни мало не смутившись, возразилъ, что въ Роттердамѣ онъ уже не впервые. Тутъ у меня окончательно созрѣло рѣшеніе отвязаться: торопливо взглянувъ на часы и пробормотавъ, что къ $2^1/_2$ часамъ меня ждутъ по дѣлу на нашемъ пароходѣ, я чуть не бѣгомъ пустился къ пристани. Онъ, всетаки, не отставалъ, какъ присяжный конвоиръ или соглядатай. Только въ концѣ улицы, идущей вдоль парка къ набережной, спутникъ мой остановился подъ предлогомъ, что не

хочетъ вспугнуть моего перевозчика, котораго-де онъ теперь окончательно призналъ и котораго онъ вечеркомъ непремѣнно задержитъ при помощи полицейскаго.

Съ мѣста, гдѣ мы теперь стояли, перевозчикъ былъ, дѣйствительно, отлично виденъ: онъ стоялъ, красиво опершись о весло, у самой пристани, возлѣ небольшой лѣстнички, но съ нимъ рядомъ стоялъ также нашъ пароходный офицеръ, мистеръ Роунэтъ, разговаривавшій неподалеку съ плотнымъ господиномъ въ клеенчатомъ плащѣ, въ такой же каскѣ прусскаго образца и бѣлыхъ, облегавшихъ мускулистую ладонь, перчаткахъ... Мнѣ показалось, что моего спутника остановила эта группа.

— Завтракали?—былъ первый вопросъ мистера Роунэта, когда я поспѣшно подошелъ къ лодкѣ, въ которую онъ уже сталъ спускаться.

— Нѣтъ.

— Такъ позавтракайте въ городѣ: мистеръ Сейгорнъ на берегу, мистеръ Гоксъ и я завтракали; кажется, и стюартъ *) отпросился... Если хотите хорошо и не дорого поѣсть,—ступайте черезъ мостъ: въ первомъ же кварталѣ, рядомъ съ аптекой, сносный ресторанъ.

Съ легкимъ кивкомъ онъ усѣлся въ лодку, а я направился къ виднѣвшемуся вправо красивому большому мосту черезъ Маасъ.

Если вы спросите любого интеллигентнаго роттердамца, съ какого момента считаетъ онъ новѣйшую исторію родного города, онъ, вѣроятно, отвѣтитъ: съ построенія большого моста черезъ Маасъ.

И онъ будетъ въ значительной степени правъ: только съ устройствомъ этого замѣчательнаго сооруженія Роттердамъ, не смотря на близость Лондона и Гамбурга, могъ повліять на направленіе путей міровой торговли такимъ образомъ, что самъ оказался на ихъ перепутьи.

Еще недавно биржа Роттердама съ волненіемъ ожидала, какой „шлюсъ" соблаговолитъ установить телеграмма изъ Лондона. Теперь биржи Лондона, Вѣны, Парижа, самого Нью-Іорка **) даютъ заключительныя цѣны лишь по полученіи телеграммъ изъ города, пріютившагося у плотины на устьяхъ рѣчушки Ротты (Damam Rotte). И все это, какъ подтверждаютъ и англичане, связано съ постройкой хотя и красиваго, но вовсе не монументальнаго моста черезъ Маасъ.

На этомъ стоитъ остановиться. Прежде торговля Роттердама довольствовалась „Старой Гаванью", каналами да пристанями у праваго берега Мааса. Здѣсь,—правда, тѣсновато, но уютно, —

*) Стюартъ экономъ, онъ же прислуживалъ на „Горнтонѣ" за столомъ.

**) О нашихъ биржахъ не стоитъ упоминать: мы должны брать, что даютъ, въ торговомъ концертѣ довольствуясь лишь партіей слушателя.

засѣли всѣ конторы, склады, банки, верфи. Голландецъ ѣлъ свой кусокъ хлѣба съ масломъ, оставаясь дома, въ своемъ старомъ Роттердамѣ, упорно съ самаго начала своего существованія, т. е. съ XIII столѣтія, пребывавшемъ въ предѣлахъ своего историческаго треугольника *) и ближайшихъ его окрестностей. На „тотъ“, т. е. на южный берегъ ѣздили или для прогулки, или по разнымъ дѣламъ, связаннымъ съ поставкою для городского населенія сельскихъ продуктовъ. И все это казалось незыблемымъ, неизмѣннымъ: вѣдь, шутка сказать,—столѣтія освятили такой порядокъ!

Но вотъ построили мостъ, и для всѣхъ стало ясно, что не только движеніе вызываетъ къ жизни пути сообщенія (какъ это думаютъ, напр., у насъ), а въ еще большей степени хорошіе пути сообщенія пораждаютъ самое движеніе. Вотъ нѣсколько характерныхъ въ этомъ отношеніи цифръ **). Въ первые дни по открытіи Маасскаго моста, зоилы съ иронической улыбкой насчитывали едва сотни прохожденій по немъ. Но уже 7 марта 1899 г. прослѣдовало по мосту 53,735 пѣшеходовъ, 2,810 ручныхъ телѣжекъ, 3,814 одноконокъ, 880 двуконныхъ грузовыхъ телѣжекъ, 140 кэбовъ и 1,082 повозочекъ и телѣжечекъ, везомыхъ собаками. Около этого времени, уже и самый городъ перебросился частью на лѣвый берегъ рѣки...

А затѣмъ новый мостъ сталъ однимъ изъ звеньевъ въ цѣпи причинъ, обусловившихъ невиданный ростъ города.

Такъ, практика судоходства, требуя разведенія моста для пропуска судовъ и тѣмъ часто нарушая, вошедшую уже въ потребность населенія, непрерывность сообщенія по мосту, привела къ сознанію необходимости прорыть въ противоположномъ берегу новый каналъ и перебросить черезъ него новую пару мостовъ (я забылъ сказать, что, вскорѣ послѣ сооруженія моста для пѣшеходовъ и экипажей, параллельно ему, былъ устроенъ другой желѣзнодорожный мостъ въ четыре пролета). Тамъ образовалась новая обширная гавань, или, по здѣшнему,—грузовой докъ Конингсгавенъ, снабженный широкими набережными, желѣзнодорожной станціей (здѣсь проходитъ желѣзнодорожный путь на Бельгію и Францію), обыкновенными и особаго устройства кранами, угольными элеваторами (coaltips), помощью огромныхъ коробовъ вздымающими ежеминутно на воздухъ и перегружающими пудовъ по 100—120 угля. Партіонные товары, перегружавшіеся раньше на рейнскія суда, а затѣмъ, сообразно глубинѣ фарватера, разгружавшіяся въ другія, мельче сидящія, стали теперь выгружаться непосредственно въ спеціально приспособленныя къ неглубокимъ водамъ суденушки, что разомъ же

---

*) Старый Роттердамъ весь цѣликомъ помѣщался въ треугольникѣ образуемомъ дельтою Ротты.

**) Данныя эти и большую часть послѣдующія заимствую изъ сборника Вилькинсона „Rotterdam and Amsterdam commercially considered“.

дало громадную экономію въ накладныхъ расходахъ и, въ свою очередь, усилило приливъ грузовъ и капиталовъ, перенесенныхъ сюда изъ другихъ, вышележащихъ рейнскихъ портовъ.

Конингсгавена вскорѣ оказалось недостаточно: въ помощь ему построили еще двѣ гавани—Спурвегавенъ и Биннегавенъ, со всѣми приспособленіями, изъ коихъ замѣчательны многоэтажные казенные пакгаузы, занимающіе цѣлый огромный кварталъ въ длину. Въ свою очередь, это отразилось новымъ приливомъ грузовъ и капиталовъ, а въ результатѣ всего привело къ феноменальному развитію пароходства: въ настоящее время болѣе восьмидесяти регулярныхъ пароходныхъ линій связываютъ Роттердамъ съ портами всѣхъ частей свѣта.

Здѣсь мы наталкиваемся на чрезвычайно характерный и знаменательный фактъ, говорящій въ пользу того мощнаго и чреватаго будущимъ общественнаго теченія, которое извѣстно подъ именемъ стремленія къ муниципализаціи средствъ производства, распредѣленія и путей сообщенія. Дѣло въ томъ, что требовавшіяся все въ большихъ и большихъ размѣрахъ затраты капитала привели владѣвшую на правахъ аренды роттердамскими гаванями компанію Соединенныхъ Капиталовъ (Joint Stock Company) къ банкротству: случайно, или по чьему то дружескому плану, въ кассу общества были на громадную сумму предъявлены требованія платежей и—именно тогда, когда почти всѣ средства Компаніи были вложены въ новыя, еще не законченныя портовыя сооруженія, и требовалось время, чтобы реализировать суммы изъ доходовъ предпріятія. Крахъ вышелъ громадный, тяжело отразившійся на дѣлахъ многихъ лицъ и торговыхъ учрежденій. И вотъ, въ это самое время (1879 г.) муниципалитетъ беретъ на себя главное управленіе и надзоръ надъ гаванями, ихъ учрежденіями и сооруженіями и блистательно ведетъ его до сихъ поръ, все больше и больше расширяя предпріятіе и не признавъ нужнымъ пріостанавливать работы даже въ самое неудобное для нихъ тревожное время.

Такъ, еще не разсѣялась пыль отъ крушенія помянутой Компаніи, еще не улеглись охватившіе биржу финансовые страхи, колебанія и опасенія,—какъ уже была сооружена новая гавань—Складочная или Энтрекотгавенъ — съ громаднѣйшими муниципальными пакгаузами и гидравлическими кранами мощной силы, для непрерывной, быстрой выгрузки и разгрузки товаровъ. Здѣсь не стоятъ за расходами... Наплывъ все новыхъ и новыхъ грузовыхъ партій не замедлилъ показать, что и тогдашній портъ не въ силахъ удовлетворять максимуму спроса на погрузочныя средства; между тѣмъ, тутъ не признаютъ портовымъ обычаемъ, чтобы пришедшее съ грузомъ или за грузомъ судно чуть не по

недѣлямъ ждало очереди пристать къ набережной *). Рѣшено было снабдить рѣку нѣсколькими десятками занумерованныхъ якорей или буевъ, ошвартовавшись у которыхъ, пароходы съ зерномъ и т. п. грузомъ, при помощи пловучихъ приспособленій, и выгружаютъ свой грузъ непосредственно въ предназначенныя для того рѣчныя суда. Быстрота разгрузки у буевъ достигла уже такихъ размѣровъ, что пароходъ съ грузомъ въ 300 т. пудовъ „оборачивается“, какъ здѣсь говорятъ, въ теченіе $4^1/_2$—5 дней.

Въ 1866 г. съ Роттердамомъ слилась въ административную единицу ближняя деревня Дельфсгавенъ. Погрузочныя средства порта вскорѣ снова отстали отъ спроса, и вотъ, въ 1887 г. сооружается муниципалитетомъ новая гавань (Рейнсгавенъ), гораздо большая, чѣмъ каждая изъ предыдущихъ. Теперь эта гавань, съ водной поверхностью до 35 десятинъ,—самая шумная, самая людная и самая „оборотистая“ изъ многочисленныхъ гаваней города. „Въ Рейнсгавенѣ, говорятъ голландцы, куютъ деньги“.

Хотя, съ переустройствомъ Рейнсгавена, вмѣстимость порта вновь увеличилась, но и этого хватило не надолго: въ 1896 году должны были устроить еще двѣ гавани — Паркгавенъ и Катэндрехтгавенъ. Къ этому времени Роттердамъ поглотилъ еще два пригородныхъ селенія Чарлуй и Кралингенъ, съ ихъ гаванями; но ненасытная алчность Меркурія требовала у суши все новыхъ жертвъ: приступлено было къ сооруженію обширнѣйшаго изъ искусственныхъ прѣсноводныхъ судовмѣстилищъ въ свѣтѣ,— возникъ Маасгавенъ, съ водной поверхностью свыше 75 десятинъ, при глубинѣ въ 28 ф. Сооруженіе этой гавани сопряжено было съ чувствительными затрудненіями: до 4,000 разной величины обиталищъ пришлось разрушить раньше, чѣмъ могли приступить къ выемкѣ почвы. Наконецъ, 13 марта 1900 г., былъ вынутъ первый комъ, работы быстро и побѣдно двинулись впередъ... Входъ въ эту гавань теперь совершенно свободенъ и не загроможденъ никакими постоянными или раздвижными мостами; вмѣщаетъ она одновременно до 60 океанскихъ судовъ, изъ коихъ 27 могутъ помѣститься у самой набережной...

Боюсь, я надоѣлъ читателю этимъ длиннымъ описаніемъ чудесъ чудеснаго порта. Но, право же, оно не лишено нѣкоторой назидательности. Особенно для насъ, привыкшихъ во всѣхъ такихъ дѣлахъ идти въ хвостѣ путейской и финансовой бюрократіи, является нѣкоторое искушеніе противопоставить этому иниціативу и энергію людей, не вѣдающихъ и не желающихъ знать ни покровительственныхъ тарифовъ, ни благопріятствующихъ ста-

*) За каждый день простоя сверхъ нормы грузовладѣльцемъ уплачиваются т. н. сталійныя, ложащіяся, очевидно, бременемъ, на самый грузъ. Сталійныя колеблются отъ 300 до 500 рублей въ сутки.

вокъ, ни всякихъ иныхъ помочей и, тѣмъ не менѣе, зарабатывающихъ куда больше нашего, не взирая на то, что и вся-то ихъ страна съ головою спрячется въ любую изъ нашихъ губерній средней величины, и что численностью они занимаютъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ Европѣ.

Наконецъ, нельзя умолчать и о томъ, что когда Роттердамскій портъ заполненъ кораблями,—а это случалось уже, и не разъ,—то въ немъ вмѣщается столько судовъ всякаго размѣра и типа, сколько никогда не собирается одновременно во всѣхъ портахъ нашего отечества, вмѣстѣ взятыхъ. Нельзя не сказать также, что въ то время, какъ въ главномъ по отпуску нефтяныхъ продуктовъ нашемъ портѣ, Батумѣ, имѣлось всего три казенныхъ резервуара, общей вмѣстимостью 800 тыс. пудовъ, въ Роттердамѣ (въ юго-западномъ углу порта) уже готовы были муниципальные резервуары на 1.000.000 пудовъ; что въ то время, какъ въ томъ же Батумѣ для нагрузки (что гораздо легче выгрузки) керосиномъ парохода вмѣстимостью въ 250 тыс. пудовъ требуется никакъ не меньше двухъ, а то и трехъ сутокъ, здѣсь, помощью усовершенствованныхъ портовыхъ приспособленій, пароходъ въ 300 тыс. пудовъ освобождается отъ своего жидкаго груза въ 16—18 часовъ. Въ настоящее время портъ этотъ обладаетъ 13 мощными гидравлическими, 29 электрическими, 52 паровыми, передвигающимися вдоль набережной, по рельсамъ, и 5 такими же плавучими кранами, при 3 желѣзнодорожныхъ элеваторахъ, способныхъ принять, очистить и нагрузить ежедневно по 525 вагоновъ непосредственно изъ судовъ *).

Только при этихъ условіяхъ, да еще при помощи своего дѣйствительно чуднаго морского канала, около 32 верстъ длиною (при рытьѣ котораго было вынуто чудовищное количество 3,782,000,000 пудовъ земли),—и можетъ Роттердамъ, возбуждая одобреніе во всемъ искусившихся англичанъ, поглотить и переварить такую непостижимую, все возрастающую массу грузовъ. Развитіе движенія продолжается съ такою интенсивностью, что въ настоящее время уже представленъ по принадлежности проектъ устройства совсѣмъ новаго порта въ нѣсколькихъ верстахъ ниже по каналу, близъ деревушки Наалдуикъ,—исключительно для перегрузки изъ океанскихъ пароходовъ въ рейнскія суда, для чего будетъ устроенъ въ гавани громадный молъ, по одну сторону котораго будутъ становиться океанскія суда, а по другую и соотвѣтственно—рейнскія, причемъ, помощью особыхъ, американской системы, электрическихъ крановъ, „партіонный" грузъ всякаго рода (кромѣ наливныхъ) будетъ хоботомъ крана подниматься изъ пароходнаго трюма, переноситься черезъ молъ и погружаться въ соотвѣтствующія рейнскія суда, уже и теперь

*) The Cyren and Chipping. 1899—1890.

дающія Роттердаму до 100 тыс. приходовъ въ годъ. Что же будетъ тогда?...

Всѣ приведенныя выше цифры тѣмъ поразительнѣе, что и Роттердамъ, и вся континентальная Голландія, кромѣ молочныхъ продуктовъ, полотна, кружевъ да сигаръ (послѣднія — съ участіемъ обильной фальсификаціи), ничего почти не производитъ. Стало быть, тѣмъ выше чисто торговыя способности населенія, при своей сравнительной малочисленности, силою ума и свободной предпріимчивости сумѣвшаго стать на перепутьи всемірной торговли... Тѣмъ болѣе обидно за страны, считающія себя богатыми лишь потому, что дѣйствительно велики ихъ естественные ресурсы, да велика (но нигдѣ въ мірѣ, всетаки, не безпредѣльна) выносливость населяющаго ихъ народа...

Но возвращусь къ своимъ похожденіямъ.

Уже свечерѣло, когда я добрался до пристани. Тамъ болталась на легкой зыби та самая лодченка, которая перевозила меня утромъ: я узналъ ее по узору изъ множества бѣлыхъ фестоновъ на каймѣ, вдоль борта; но перевозчикъ былъ другой, — какой-то приземистый старикъ. Когда подъ бортомъ парохода я далъ ему такіе же 15 центовъ, какими думалъ заплатить за перевозъ его коллегѣ сегодня утромъ, старикъ даже пробормоталъ что-то въ благодарность и предупредительно поддержалъ мнѣ трапъ, помогая взобраться...

На слѣдующій день, проснувшись въ бодромъ и даже нѣсколько приподнятомъ настроеніи, я направился въ знаменитый Роттердамскій пассажъ. Это довольно большое двухэтажное зданіе, выходящее на двѣ параллельныя улицы. Въ пассажѣ — всѣ новинки свѣтскаго обихода съ ревнивой торопливостью выставляются одновременно съ тѣмъ, какъ онѣ появляются въ Парижѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ. За берлинскими модами Роттердамъ, кажется, не особенно гоняется: голландцы недолюбливаютъ нѣмцевъ. Всѣ эти articles de Paris и fashion objects, соблазнительно красующіяся на глазахъ у прохожихъ, кажутся именно только выставленными на показъ: большая часть торговыхъ помѣщеній пассажа очень малопомѣстительна, и у многихъ торговцевъ главные магазины разсѣяны, по старинкѣ, по разнымъ улицамъ и маленькимъ площадямъ Истъ-Сайда, т. е. „восточной стороны" города.

При всемъ блескѣ выставленныхъ въ немъ товаровъ, пассажъ импонируетъ меньше, чѣмъ я ожидалъ: незамѣтно въ немъ того артистическаго вкуса, съ какимъ, напримѣръ, французы умѣютъ даже залежалый. вышедшій изъ моды товаръ показать въ красивой группировкѣ съ его лучшей стороны. Голландецъ, по натурѣ и по воспитанію,—типичный оптовый торговецъ; его энергію, его

предпріимчивость мало привлекаетъ мелочная торговля: даже первоклассные articles de Paris онъ ухитряется обставить какъ-то такъ, будто старается выдвинуть побольше образцовъ для привлеченія оптоваго покупателя.

Въ Пассажѣ, между прочимъ, удивилъ меня разнохарактерный свистъ, немолчно переливавшійся съ одного конца на другой. Свистъ этотъ отличался притязаніями на музыкальность, даже, порой, на виртуозность; не всякая колоратурная пѣвица осилила бы тѣ рулады, какія по временамъ прокатывались по пассажу. Свистали чуть не всѣ наличные представители непрекраснаго пола: и дѣти, и юноши, и многіе взрослые, свистали безъ малѣйшаго стѣсненія и безъ чьего либо вмѣшательства: вотъ прошелъ тучный полисменъ, не обративъ никакого вниманія: свистъ нимало не уменьшился. Это удивило меня тѣмъ болѣе, что голландцы вообще молчаливы и мало сообщительны, а я привыкъ къ тому, что свистъ выражаетъ нѣкоторую экспансивность и удаль.

Сейчасъ же за пассажемъ, на стѣнѣ одного дома мнѣ бросилась въ глаза громадная иллюстрированная, въ краскахъ, афиша, на которой я увидѣлъ русскія одежды, русскія бороды, русскія избы и даже... русскихъ „полисменовъ", въ невѣроятныхъ кепи и съ невѣроятными усами. „Чѣмъ это, думаю, заинтересовали добрыхъ голландцевъ мои соотечественники?"

Однимъ изъ главныхъ персонажей пьесы оказался нѣкій Владиміръ, сынъ „боярина", имѣвшій какое-то отношеніе къ Сибири: это выразительное слово красовалось на афишѣ въ нѣскольких мѣстахъ, и мнѣ удалось узнать впослѣдствіи, что это была одна изъ боевыхъ пьесъ сезона; сюжетъ ея „взятъ цѣликомъ изъ современной русской дѣйствительности": Хорошо помню, что это была изумительная ерунда.

Едва я отвернулся отъ афиши, какъ меня внезапно поразилъ окликъ:

— Куда это вы такъ торопитесь?

Передо мной опять стоялъ вездѣсущій господинъ Карлъ-Артуръ Брауэнсбергеръ.

Я, дѣйствительно, почему-то шелъ быстро, но изъ чувства противорѣчія, вызваннаго досадой на нежеланную встрѣчу, отвѣтилъ почти грубо:

— Я вовсе не тороплюсь.

— О, тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! — съ сіяющимъ лицомъ подхватилъ Брауэнсбергеръ. — Стало быть, хоть сегодня, наконецъ, мы погуляемъ вмѣстѣ... Нѣтъ, на этотъ разъ вы не отвертитесь!— живо сказалъ онъ, замѣтивъ мое нетерпѣливое движеніе.—И слышать не хочу!.. На сегодня вы мой... да, да, рѣшительно—мой!.. Тѣмъ болѣе, что... Вы, можетъ быть, спросите, чѣмъ это я такъ обрадованъ?.. Вы вѣдь замѣтили: я сегодня просто въ восторгѣ!

— Не имѣю чести быть знакомымъ съ вами настолько близко, чтобы..—началъ было я, но онъ живо перебилъ меня:

— Ахъ, вотъ вы какъ!.. Не ожидалъ... Впрочемъ, сегодня я рѣшительно не способенъ обижаться. Я готовъ обнять весь міръ: ко мнѣ пріѣхала кузина, и я... Ну да, — я непремѣнно васъ познакомлю съ нею: красавица, умна, начитана, — въ особенности по современнымъ вопросамъ, и при томъ — ни чопорности, ни жеманства!.. Отлично говоритъ на четырехъ языкахъ, болтаетъ даже по-польски... Панъ муве по-польску? — неожиданно выпалилъ онъ съ комичной гримасой и разсмѣялся дробнымъ жемчужнымъ смѣхомъ, при чемъ его сине-голубые глаза просто плясали.

Я вслушивался въ его слова, смотрѣлъ въ сверкающіе глаза этого страннаго человѣка и думалъ: „неужели этотъ открытый, почти дѣтскій смѣхъ, этотъ ясный взглядъ—прикрываютъ только зауряднаго мошенника... Нѣтъ, положительно на этотъ разъ онъ искренно обрадованъ чѣмъ-то и дѣлится со мною настоящею, непритворною радостью.“

Осторожность, однако, еще разъ взяла верхъ,—и я отвѣтилъ:

— Дня черезъ два, вы знаете, я уѣзжаю, и никогда уже не буду въ Роттердамѣ. Къ чему же на такое короткое время безпокоить молодую особу новымъ знакомствомъ?

— Какъ!? Вы отказываетесь отъ знакомства, хотя бы мимолетнаго, съ такой красавицей? — изумился онъ: — да вы хоть взгляните!

Онъ быстро, точно у него это было приготовлено, вынулъ изъ бокового кармана вложенный въ какой-то картонный складень кабинетный портретъ молодой дѣвушки въ изящномъ туалетѣ. Это была, дѣйствительно, рѣдкая красавица во вкусѣ Маккарта: гордый, смѣлый овалъ лица; строгая, „германская“ линія словно точенаго носа и высокаго чистаго лба, роскошная, густая вьющаяся свѣтлорусая шевелюра, мужественно крѣпкій, цѣломудренно развитый бюстъ... Нѣсколько портила только меланхолически улыбающаяся складка умѣренно полныхъ губъ: въ ней, какъ и во взглядѣ большихъ сѣрыхъ глазъ, подъ тонкими, изогнутыми дугою бровями, сквозило какое-то привычное пренебреженіе преждевременно искусившейся женщины...

Я невольно залюбовался, чувствуя на себѣ пытливый взглядъ моего страннаго пріятеля.

— Ну, что?.. Какова! И вы дерзнете отказаться отъ подобнаго знакомства?.. Да вѣдь самъ Маккартъ добивался этой чести!.. Сестра позировала для его „Охоты Діаны“.

— Развѣ ваша сестра обыкновенно живетъ въ Вѣнѣ?

Онъ замялся.

— То-есть... временно всетаки бывала: гостила у тетки... О знаете ли, великосвѣтская дама эта ея тетушка!

— Кто же, всетаки, эта красавица: сестра ваша, или кузина?

— Кузина, кузина!.. Я обмолвился потому, что часто называлъ ее сестрою въ дѣтствѣ... Ну, идемъ? Даю слово не ревновать... Но пока зайдемте вотъ хоть въ эту обитель... Великолѣпнѣйшее, знаете-ли, пиво!

И онъ уже велъ меня подъ руку по направленію къ „обители“.

— Видите-ли, — безпомощно суетился я, въ досадѣ на свое слабоволіе, — я чуть было не забылъ: мнѣ еще нужно обмѣнять деньги...

— И прекрасно, здѣсь же и деньги вамъ обмѣняютъ, хозяина я отлично знаю: человѣкъ достойный всякаго уваженія. Для пріятелей онъ готовъ обмѣнять и деньги...

— Позвольте, но я предпочитаю обмѣнять въ банкирской конторѣ!..—почти лепеталъ я, чувствуя, что меня охватываетъ какой-то гипнозъ.

Но господинъ Карлъ Артуръ Брауэнсбергеръ, съ твердой, хотя и дружеской настойчивостью, уже тащилъ меня къ дверямъ „обители“.

— Нѣтъ, нѣтъ,—говорилъ онъ: — Что вы, какъ можно — въ банкирской конторѣ!.. Вы еще не знаете здѣшнихъ мѣнялъ,—архимошенники: дадутъ вамъ денегъ изъ такого искуснаго сплава, что и не отличите отъ настоящихъ: и звенятъ, и тяжеловѣсны, и блестятъ... Нѣтъ, нѣтъ... Я рѣшительно не допущу этого. Пожалуйте, вотъ сюда...

При послѣднихъ словахъ онъ уже подвелъ меня, подъ руку, ко входу въ пивную, а я шелъ за нимъ, какъ во снѣ... Узенькая стеклянная дверь не позволила намъ войти рядомъ; онъ оставилъ мою руку и вошелъ первый.

— О... Артуръ, Артуръ!..—раздались отрывистыя восклицанія, какъ только онъ показался на порогѣ; за ними, судя по интонаціи голоса, послѣдовали на голландскомъ языкѣ какіе-то вопросы.

Я видѣлъ, что восклицанія и вопросы относятся къ моему пріятелю, но тотъ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ ихъ: не глядя по сторонамъ, онъ прошелъ небольшую, съ низко нависшимъ потолкомъ, залу, и потребовалъ у стойки двѣ кружки пива.

Хозяинъ, толстѣйшій, почти безъ шеи голландецъ, съ остатками сѣдыхъ щетинистыхъ волосъ на вискахъ и надъ окраиной выпуклаго лба, привычнымъ взглядомъ оглядѣлъ меня съ головы до ногъ, какъ будто этому достойнѣйшему человѣку нужно было тутъ же вывести обо мнѣ какое-нибудь заключеніе. Нескрываемое любопытство замѣтно было и на лицахъ нѣкоторыхъ изъ посѣтителей. Ихъ тутъ было человѣкъ двадцать, и они сидѣли по трое и по четверо за маленькими деревянными столами, уставленными кружками съ пивомъ.

По общему виду народъ этотъ напоминалъ приказчиковъ безъ

мѣста, мелкихъ спекулянтовъ неопредѣленной національности и т. п. праздношатающійся людъ, въ надеждѣ на Фортуну снующій возлѣ гаваней въ любомъ изъ портовыхъ городовъ міра.

Публика эта, повидимому, сразу же признала во мнѣ „чужака". Я замѣтилъ перемигиваніе, и какой-то заинтересованный шепотъ зашелестѣлъ по залу, отвратительно дѣйствуя на мои нервы.

Пока хозяинъ цѣдилъ для насъ пиво, тяжело всѣмъ корпусомъ опираясь о стоявшій предъ аппаратомъ табуретъ, пріятель мой, довольно бѣгло говорившій и по-голландски, объяснилъ ему, что отъ него требуется въ этомъ случаѣ и услуга мѣнялы. Тотъ, показалось мнѣ, даже затрясся не то отъ торопливой услужливости, не то отъ затаеннаго смѣха.

— О, да!.. о, да!..—забормоталъ онъ по-французски...—О, да, да, сію минуту!.. Прикажу сію минуту... для друзей Фристель Гоомъ всегда готовъ постараться!.. Сію минуту...

Все это время я чувствовалъ себя въ самомъ невыносимомъ положеніи, точно меня, не смотря на мой четвертый десятокъ, поставили въ уголъ... Но тутъ на выручку явилась неожиданная мысль: Фристель Гоомъ отдавалъ торопливыя приказанія относительно обмѣна какому-то подслѣповатому слугѣ, — а у меня въ кошелькѣ только полфунта стерлинговъ,—всѣ остальныя деньги я благоразумно оставилъ на кораблѣ!..

Съ смѣшаннымъ чувствомъ, въ которомъ, помнится, была даже доля стыда передъ моимъ пріятелемъ,—я бросилъ на прилавокъ деньги за пиво и, ни на кого не глядя, быстро вышелъ на улицу. Въ сосѣднемъ переулкѣ мелькнулъ вагонъ конки. Не справляясь, куда именно онъ идетъ, я вспрыгнулъ въ вагонъ, далъ кондуктору положенные 5 центовъ ($2^3/_4$ к.) и очнулся только тогда, когда вагонъ, къ моему благополучію, остановился у ограды парка.

— Кто онъ?.. Что за человѣкъ?.. Какъ я могъ поддаться ему?— думалъ я, все еще волнуясь. Въ преднамѣренности его поведенія теперь уже нельзя было сомнѣваться, но что же ему было нужно?

Этотъ вопросъ я предложилъ капитану Сейгорну, которому разсказалъ всю исторію, вернувшись на пароходъ.

— Просто плутъ и ничего болѣе, — отвѣтилъ онъ съ спокойною флегмой.

— Вы думаете, что это простой мошенникъ? Но на что же онъ разсчитывалъ?.. Вѣдь надо быть уже слишкомъ наивнымъ, чтобы дать себя обобрать среди бѣла дня.

— О, не говорите,—оживился капитанъ:—не всѣ одинаково осторожны, да и вы, вотъ, позволили же завлечь себя въ какой то притонъ?.. А это для нихъ былъ уже первый шагъ къ поживѣ... Они ничѣмъ не рисковали: не одинъ, такъ другой, кто-нибудь да клюнетъ... Лѣтъ пять тому назадъ, я помню, подцѣпили меха-

ника съ парохода „Черри“, завлекли въ игорный домъ... А бѣдный Мэтью Грей никогда и не игралъ въ карты...

— Какъ же могло это случиться?

— Увязался за какой-то шведкой, что-ли; красавица пригласила его къ себѣ... Ну, и довольно.. не поскользнешься, такъ и не упадешь!.. А вамъ не предлагали дамскаго общества?

— Даже портретъ показывали...

— Ну, вотъ, видите!—Капитанъ разсмѣялся.

— Но я не допускаю, чтобы...

— Ахъ вы!.. Спросите лучше у мистера Роунэта, какъ его на прошломъ Рождествѣ пригласили на вечеръ въ день рожденья одной милой дѣвицы. А у этой невинной барышни оказался игорный домъ... По всѣмъ портамъ этого добра довольно, а по большимъ портамъ этимъ занимаются даже люди съ положеніемъ въ обществѣ, съ именемъ: въ Антверпенѣ недавно судили за мошенничество отставного полковника... Будьте осторожны и на борту „Статтэндама“, потому что есть аферисты, промышляющіе охотой на простаковъ и на океанѣ: такъ и ѣздятъ взадъ и впередъ... Покойной ночи!

— Покойной ночи, сэръ!

И мы разошлись по каютамъ.

III.

NASM. — Домъ эмигрантовъ и его тюремные порядки. — Еще встрѣча съ ловцами человѣковъ. — Визитація и пріемъ добровольныхъ узниковъ консуломъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ.—Отъѣздъ.

На слѣдующій день, распростившись съ добрѣйшимъ мистеромъ Сейгорномъ, причемъ мы—совсѣмъ не по-англійски—расцѣловались, и на глазахъ у милаго старика блеснули слезы; раскланявшись съ остальными, я отправился на южный берегъ рѣки взять билетъ и перебраться въ Домъ Эмигрантовъ Нидерландско-Американскаго Почтово-пароходнаго Общества или Общества „NASM“, какъ оно себя величаетъ, образуя такое имя изъ инипіаловъ голландскаго названія фирмы: Neederlandsch-Americansch Stoomvaart Maatschappij.

Въ конторѣ этого Общества любезно и очень охотно, въ особенности—предполагая въ васъ будущаго пассажира I или II класса, дадутъ вамъ всѣ нужныя свѣдѣнія объ О-вѣ и, пожалуй, снабдятъ брошюркой съ недурными цинкографіями, изъ которой вы получите свѣдѣнія о неоспоримыхъ заслугахъ „Общества“ передъ публикой и даже передъ человѣчествомъ. Такъ, вы узнаете, между прочимъ, что сказанное „Общество“ возникло еще въ 1872 году и что, хотя дѣла его расцвѣтаютъ все больше и пышнѣе, развиваясь съ каждымъ годомъ (почему флотилія съ того

времени не только количественно увеличилась, но, въ отношеніи удобствъ для публики, выражаетъ собой послѣднее слово комфорта, даже роскоши),—тѣмъ не менѣе, „Общество" не сочло нужнымъ обзавестись ни однимъ отличающимся „сумасшедшею скоростью" пароходомъ, „на что такъ падки рекламирующія себя чужестранныя общества". О нѣтъ. Наше общество не пожелало ступить на этотъ путь!... Дирекція его—въ принципѣ противъ современныхъ рекламно-быстроходныхъ судовъ, исходя изъ того неоспоримаго убѣжденія, что хотя, правда, есть еще не мало охотниковъ до головоломной скорости, но все же еще больше на свѣтѣ благоразумныхъ людей, которые всегда и совершенно резонно предпочтутъ пріѣхать нѣсколькими днями позже (эти „нѣсколько дней", нужно замѣтить, почти удваиваютъ время переѣзда),—за то совершить этотъ путь въ полной безопасности. Брошюра перечисляетъ, на сколько частей дѣлится водонепроницаемыми перегородками тотъ или другой принадлежащій обществу пароходъ, сколько на каждомъ изъ нихъ работающихъ, независимо отъ главной машины, помпъ, подчеркиваетъ, что наружная оболочка пароходнаго остова заключаетъ въ себѣ, какъ яйцо въ скорлупѣ, вторую, также водонепроницаемую оболочку и т. д. Затѣмъ перечисляются удобства классныхъ помѣщеній, ихъ роскошь, дешевизна...

Наконецъ, какъ доказательство отеческаго попеченія „Общества" о несчастныхъ, принужденныхъ судьбою искать новаго отечества,—рекомендуется „Домъ Эмигрантовъ" — чистое, свѣтлое, сухое, удобное зданіе, въ которомъ переселяющіеся найдутъ полную возможность отдохнуть передъ труднымъ переѣздомъ, оставаясь на полномъ содержаніи „Общества" и внѣ опасности подвергнуться аттакѣ мошенниковъ,—„спеціально занимающихся уловленіемъ простаковъ-мужичковъ, съ робкой довѣрчивостью отзывающихся на всякое ласковое слово, хотя бы то было слово профессіональнаго хищника". Затѣмъ, въ брошюркѣ коротко говорится, что правомъ на такое же попеченіе пользуется и тотъ, кто возьметъ steerage ticket, то есть билетъ „межпалубнаго пассажира", непосредственно въ самомъ Роттердамѣ.

Я поступилъ именно такъ: взялъ steerage ticket и направился къ сказанному „Дому", уединенно, совсѣмъ на отлетѣ, высящемуся въ полуверстѣ отъ южнаго конца Маасскаго моста. Въ рукахъ у меня былъ довольно тяжелый чемоданъ и узелъ съ постелью. Естественно, я искалъ возможности поскорѣе избавиться отъ ноши, а потому, открывъ широкую многостекольную входную дверь дома, поспѣшно направился къ другой такой же, открывавшей вверху небольшой широкой лѣстницы доступъ въ самое убѣжище.

— Что нужно?—послѣдовалъ строгій окликъ изъ выходив-

шихъ въ переднюю боковыхъ дверей, которыхъ, второпяхъ, я совсѣмъ было не замѣтилъ.

Хотя мой внѣшній видъ и самое назначеніе этого „Дома“ достаточно ясно говорили, что именно мнѣ „нужно“, я всетаки попросилъ у грознаго незнакомца указать мнѣ помѣщеніе пассажировъ третьяго класса: въ святомъ невѣдѣніи, я не считалъ себя „эмигрантомъ“, а думалъ, что льгота эмигрантовъ—пользоваться пансіономъ въ этомъ домѣ—просто „распространяется“ и на взявшихъ steerage ticket, короче сказать, я не зналъ, что всѣ, кромѣ „классныхъ“ пассажировъ, зачисляются попросту въ „эмигранты“. Это мое невѣдѣніе вопрошавшему меня господину (въ фуражкѣ съ позументами) показалось, кажется, обиднымъ для „Общества“, и, отчеканивая каждое слово, онъ повторилъ:

— Ну, такъ что же нужно?

— Мнѣ нужно поскорѣй сложить куда-нибудь свои вещи. Вотъ билетъ—я пассажиръ III класса!

Стараясь выговорить возможно правильнѣе, я, должно быть, чрезмѣрно占 поналегъ на трудное въ произношеніи „third“—„третій, третьяго. Господинъ въ фуражкѣ—былъ ли онъ вообще такого придирчиваго нрава, или только сегодня былъ не въ духѣ,—заблагоразсудилъ сдѣлать видъ, будто слово „third“ (третій)—понялъ, какъ „first“—(первый). Иронически кланяясь и осклабляясь, онъ заговорилъ нараспѣвъ и въ носъ:

— Позвольте, сэръ, въ такомъ случаѣ, просить васъ въ гостиницу „Европа“, или въ „Англійскую“, или въ „Парижскій Отель“, или... гмъ!.. Для такихъ, сэръ, важныхъ особъ у насъ, сэръ, всегда на готовѣ аппартаменты въ первоклассныхъ отеляхъ,—со всѣмъ комфортомъ, сэръ, смѣю васъ увѣрить...

— Прекратите ваше глумленіе! — вскричалъ я, дрожа отъ гнѣва,—покажите мнѣ комнату, вы обязаны это сдѣлать!

Господинъ въ фуражкѣ сдѣлалъ испуганные глаза и, быстро повернувшись на каблукѣ, одной ногой толкнулъ зачѣмъ-то въ ступеньку лѣстницы, а другой въ дверь, откуда только что вышелъ.

— Эй, Джо-онъ!.. Эй, Джо-онъ!.. Скорѣй, скорѣй сюда!—заоралъ онъ, приложивъ руку ко рту, во все горло, хотя, повидимому, контора состояла не больше, какъ изъ двухъ комнатъ.—Поторопись: ты обязанъ!. Господинъ пассажиръ третьяго класса требуетъ строжайшимъ образомъ. Поторопись и...

Тутъ, понизивъ голосъ до обыкновеннаго разговорнаго тона и съ дѣланной важностью указывая на мой чемоданъ, онъ уронилъ скороговоркой:

— И брось, парень, эту штуку въ кладовую!

Не успѣлъ я расширить ротъ для протеста, какъ величественный представитель Общества NASM выпалилъ прежнимъ безцеремонно-оскорбительнымъ тономъ:

— Нельзя, нельзя у насъ натаскивать всякаго хламу въ помѣщеніе!.. Покажи ему дорогу!—Съ этими словами господинъ въ фуражкѣ, небрежно кивнувъ служителю въ мою сторону, вышелъ на улицу.

Веснущатый, блѣдножелтый Джонъ, очень напоминавшій оголодавшаго ирландца, одной рукой выхватилъ у меня мой чемоданъ, а другой нажалъ кнопку у двери.

— Сейчасъ же позовите сюда завѣдующаго!—вскричалъ я.

— Завтра придите, пораньше, теперь завѣдующій уже спитъ, —насмѣшливо играя глазами, отвѣчалъ и второй представитель благодѣтельно пекущагося о несчастныхъ „Правленія“.

Тутъ въ верхнихъ дверяхъ показался сонно-угрюмый, сгорбленный человѣкъ. Усталымъ, мягкимъ, почти плачущимъ голосомъ и скромными манерами своими, онъ, какъ будто, старался загладить безчинное поведеніе сослуживцевъ.

— Войдите сюда, прошу васъ!—проговорилъ онъ почти участливо.—Позвольте спросить, какой вы національности: я обязанъ это знать...

— Русскій!

— Жаль, сэръ, что въ „Домѣ“ еще нѣтъ никого изъ вашихъ соотечественниковъ. Еще подъѣдутъ, впрочемъ. Пожалуйте!

Пройдя большую казарменнаго вида залу, уставленную длинными рядами столовъ со скамейками, я поднялся за моимъ путеводителемъ въ верхній этажъ, гдѣ оказалась зала еще большаго размѣра, но обставленная такъ, какъ мнѣ еще не доводилось видѣть. Начать съ того, что въ ней было всего два стула и небольшой окрашенный въ сѣрую краску деревянный столъ, стоявшій у углового окна, направо. Затѣмъ, вдоль одной изъ стѣнъ—той, что была безъ оконъ—шли какіе-то, окрашенные въ свѣтлосѣрый же цвѣтъ, чуланчики. Такіе же чуланчики занимали большой квадратъ по срединѣ комнаты, оставляя лишь небольшое пространство для прохода вдоль стѣнъ съ окнами. Комната была съ очень высокимъ потолкомъ, такъ что межъ верхнимъ краемъ стѣнъ чуланчиковъ и самымъ потолкомъ оставалось аршина по два, если не больше, свободнаго пространства.

Пройдя по темноватому корридору мимо чуланчиковъ, изъ-за стѣнъ которыхъ доносился сдержанный говоръ, старикъ подошелъ къ двери № 24 и толкнулъ ее вкось. Дверь безшумно отодвинулась вбокъ, за стѣну, открывая пространство около трехъ аршинъ въ длину и аршина полтора въ ширину, очень слабо освѣщенное свѣтомъ, отражавшимся отъ потолка. По обѣ стороны этого тюремнаго корридорчика въ нумерѣ 24 были нары, въ три яруса, окрашенныя все въ тотъ же свѣтлосѣрый, ультра-практичный, но очень противный, цвѣтъ. На нарахъ лежали соломенные матрацы, съ такими же подушечками.

— Войдите, будьте любезны,—словно съ сожалѣніемъ, про-

говорилъ глухимъ, подавленнымъ голосомъ мой проводникъ.—О, здѣсь сухо, чисто и тепло,—добавилъ онъ, насколько могъ веселѣе, замѣтивъ мою нерѣшительность.—Не безпокойтесь!

„Не безпокойтесь! — думалось мнѣ: — хорошо, если я въ этомъ карцерѣ проведу ночь въ одиночествѣ... А что, если въ компаніоны дадутъ мнѣ какого-нибудь артиста изъ тѣхъ, что „промышляютъ на уловленіи эмигрантовъ?“

Съ этой точки зрѣнія являлось, очевидно, самымъ безопаснымъ,—занять одну изъ верхнихъ коекъ... Взобрался я на нее по узенькой лѣстницѣ, окрашенной въ ту же противную краску и... не нашелъ тамъ ничего успокоительнаго: отъ верхней койки сосѣдняго чуланчика отдѣляла меня лишь сѣрая же деревянная рѣшетка, всего въ аршинъ вышины. Достаточно было бы выждать, пока сосѣдъ покрѣпче уснетъ, и тогда—стоитъ просунуть руку въ рѣшетку, обшарить, что понравится, и передать дальше: всѣ камеры имѣли другъ съ другомъ столь же удобное верхнее сообщеніе. „Надо, по крайней мѣрѣ, деньги свои сдать на храненіе въ кассу“ — рѣшилъ я послѣ этой рекогносцировки и съ этой цѣлью спустился внизъ. Въ упомянутой выше, уставленной столами залѣ, вдоль глухой стѣны шелъ невысокій прилавокъ. За нимъ теперь стояла полная, уже пожилая, женщина въ чистомъ красивомъ передникѣ. Я обратился къ ней сначала по-французски, а потомъ по-англійски. По французски она не поняла, а на англійское обращеніе отвѣтила, что не уполномочена принимать что-либо отъ пассажировъ; нужно сдать деньги въ контору.

Въ дверяхъ конторы я столкнулся съ веснущатымъ Джономъ. На соотвѣтственную просьбу мою, онъ указалъ на того же господина съ широкимъ позументомъ на фуражкѣ, который только-что оказалъ мнѣ такой привѣтливый пріемъ. Въ понятной досадѣ, я повернулъ оглобли и ушелъ со своими капиталами въ неютную камеру № 24.

Въ этотъ день, кромѣ легкаго завтрака на пароходѣ, у меня ничего не было во рту; день, между тѣмъ, клонился къ вечеру, аппетитъ давалъ себя чувствовать. Однако же, уходить въ городъ, въ ресторанъ, — было нерезонно: благоразуміе требовало оставаться въ „Домѣ“, чтобы получить возможность хоть сколько-нибудь оріентироваться насчетъ свойствъ ожидавшихся товарищей по камерѣ: часамъ къ четыремъ съ половиною долженъ былъ прійти „сквозной“ *) поѣздъ, на которомъ, навѣрное, прибудутъ и кандидаты въ образцовую тюрьму „Общества“...

Итакъ, я рѣшилъ подождать, а въ ожиданіи попробовалъ было купить что-либо изъ кухни „Дома“, приватно.—„Нельзя, это не ресторанъ!“ Безплатно же, т. е. въ счетъ произведенной уже

*) То-есть сообщающійся съ поѣздами, приходящими къ голландской границѣ изъ Германіи и Швейцаріи.

платы за билетъ „съ продовольствіемъ и пансіономъ въ Домѣ“, высокопопечительное „Общество“ кормитъ лишь послѣ того, какъ получится свѣдѣніе изъ кассы главной конторы. Таковое свѣдѣніе обо мнѣ еще не получено.

Объяснивъ мнѣ все это, дама съ достоинствомъ колыхнула станомъ и опустила глазки. Изъ этого я понялъ, что „аудіенція кончена“.

Несолоно хлебавши, поплелся я снова наверхъ. Старикъ-служитель — тотъ, что говорилъ плачевнымъ голосомъ, догналъ меня на лѣстницѣ: онъ былъ посланъ сжалившейся надъ моей безпомощностью дамой. Старикъ сообщилъ мнѣ, что если я пожелаю, могу „сѣсть на свободный паекъ“.

— Что это значитъ? — Не понимаю...

— Иной разъ не всѣ, видите ли, выходятъ къ столу: иные отдыхаютъ съ дороги, иные въ городѣ, по дѣламъ; такъ остаются у насъ неизрасходованныя порціи. Госпожа экономка и вамъ можетъ подарить одну.

Я отказался отъ подарка, даже не поблагодаривъ за предложеніе: слишкомъ ужъ густо накоплялась во мнѣ горечь въ этомъ „попечительномъ“ домѣ...

Поѣздъ дѣйствительно привезъ не одну сотню „эмигрантовъ“. Въ мою камеру попали три молодыхъ поляка и два русина; изъ русиновъ одинъ, помоложе, оказался молчаливымъ, какъ рыба, а другой былъ какъ будто глуховатъ: онъ не отвѣчалъ на обращенные къ нему вопросы, а самъ, наоборотъ, постоянно просилъ объяснить ему то или другое, то и дѣло повторяя вопросы и наводя скуку. Оба казались очень простодушными и, во всякомъ случаѣ, не внушали никакихъ опасеній.

Оставивъ одного изъ русинъ спящимъ, а другого укладывающимся спать, я направился въ городъ. Сейчасъ же возлѣ „Дома“ я столкнулся съ поляками, которые ходили куда-то и уже возвратились обратно. Они были въ затрудненіи: одинъ изъ нихъ, родомъ изъ Львова, направлялся въ Монтреаль, гдѣ двоюродный братъ его имѣлъ небольшую торговлю. Въ день отъѣзда онъ получилъ извѣстіе, что братъ все распродалъ и переѣхалъ въ Скрентонъ, въ Пенсильванію — „Это совсѣмъ другое государство, совсѣмъ другая республика!“—повторялъ мнѣ галичанинъ, сверкая черными, глубоко подъ нависшимъ лбомъ сидѣвшими глазами. Между тѣмъ, сбираясь въ дорогу, онъ перевелъ свои капиталы—нѣсколько сотъ талеровъ—на Монтреаль. Въ Вѣнѣ онъ просилъ сопровождавшаго ихъ партію агента эмиграціонной конторы помочь перевести его талеры на Скрентонъ; ему обѣщали обладить все въ Роттердамѣ, а по пути агентъ сдалъ партію другому, ничего, конечно, не сдѣлавъ.

— Въ конторѣ всѣ говорятъ: „придите заутра!“ — А я думаю такъ, что и заутра ничего не будетъ — Одинъ нѣмецъ сегодня сказалъ: „здѣсь не банкирская контора!“—Ахъ, сто дьяблувъ его дзяцькѣ!—заключилъ онъ.

Мнѣ и самому казалось, что изъ ходатайства его передъ конторою ничего не выйдетъ, но мнѣ не хотѣлось передавать имъ свое пессимистическое настроеніе, и я промолчалъ. За то парни, съ своей стороны, оказались очень сообщительны: одинъ изъ нихъ ушелъ отъ военной службы, а другой, — совсѣмъ еще мальчикъ на видъ,—пріѣхалъ изъ Кѣлецкой губерніи по „лиценціи“, погостить къ сестрѣ, жившей замужемъ въ Прусской Польшѣ, да столкнулся тамъ со свойкомъ, собиравшимся отъ прусской воинской повинности уходить въ Америку. Агентъ эмиграціонной конторы, примѣтивъ юношу изъ Россіи, сталъ рисовать ему американскія фабрики такими обольстительными красками (механика—страсть юноши), что малый не устоялъ: не смотря на отговоры сестры и зятя, онъ отписалъ домой да такъ и двинулся,—безъ денегъ, въ чемъ стоялъ, даже безъ теплаго верхняго платья.

— Какъ же вы пройдете на берегъ?—спросилъ я — Вѣдь въ Америкѣ каждый пассажиръ третьяго класса долженъ предъявить властямъ 30 долларовъ, въ доказательство того, что у него есть на что жить, пока пріищетъ себѣ работу... Иначе не пустятъ на берегъ...

— Ужъ и не знаю самъ, не знаю самъ... — безпомощно разводя руками, отвѣчалъ юноша. — Только назадъ, домой, я ни за что не вернусь!

И въ глазахъ его блеснулъ огонекъ такой скорбной рѣшимости, будто онъ только-что убѣжалъ изъ тюрьмы, и за нимъ по пятамъ гнались преслѣдователи...

Мнѣ стало жаль его.

— Развѣ—простите нескромный вопросъ,—такъ ужъ скверно жилось вамъ на родинѣ?—спросилъ я бѣднягу.

— Э!—крякнулъ онъ, махнулъ рукой и отвернулся. Очевидно, существовала какая-то иная причина его поступка...

— Я предлагалъ ему,—замѣтилъ вскользь галичанинъ,—показать за него свои доллары,—не хочетъ.

— Деньги должны быть собственныя, — твердо сказалъ мальчикъ...—Моя братова живетъ въ Бруклинѣ: замужъ вышла за другого,—братъ померъ... Я писалъ ей: „приходи взять Олеся“ **)... Ну, да какъ, нибудь сдѣлается!.. Хуже не будетъ ни мнѣ, ни род-

¹) Пограничные жители пользуются отъ мѣстнаго начальства свидѣтельствами на краткосрочное пребываніе за-границей.

**) Лица, не располагающія тридцатью долларами, но имѣющія въ Америкѣ родственниковъ, могутъ быть выпускаемы въ страну по заявленію послѣднихъ, что принимаютъ тѣхъ на свое попеченіе.

нымъ... А скажите, пане: шоколадъ тутъ очень дешевъ?.. Я шоколадъ люблю ужасно...

Я разсмѣялся.

— Позвольте мнѣ угостить васъ: увидите, что здѣсь шоколадъ и очень дешевъ, и къ тому же необыкновенно вкусенъ.

Мы вошли въ уютную кондитерскую, такую маленькую, какія, кажется, бываютъ въ одной только Голландіи. Шоколадъ намъ подали чудесный и взяли за четыре стакана этого напитка, два стакана молока и два превкусныхъ пирожныхъ, всего 35 центовъ *).

Въ „Домъ" вернулись мы немногимъ позднѣе десяти, но уже нашли входныя двери на замкѣ, а Джона, отперашаго намъ послѣ добрыхъ пяти минутъ ожиданія,—въ самомъ строго-начальственномъ настроеніи духа.

— Если явитесь такъ поздно въ другой разъ,—не отопру, сказалъ онъ сердито:—тутъ не гостинница! Ступайте себѣ, когда такъ, въ отель!..

Я тоже разсердился и сказалъ Джону, что мнѣ необходимо еще разъ выйти сейчасъ же, и что я посмотрю, какъ онъ не отопретъ мнѣ. Джонъ смирился и выпустилъ меня черезъ какую-то боковую калитку. Идти мнѣ никуда не было нужно и, пройдясь по улицѣ, я вернулся въ „домъ". Джонъ на этотъ разъ уже не ворчалъ, а мои компаніоны преисправно храпѣли на своихъ жесткихъ ложахъ. Заснулъ и я, запрятавъ подальше подъ матрацъ кошелекъ и часы.

Слѣдующій день былъ днемъ „визитаціи".

Первымъ явился, въ сопровожденіи безмолвнаго секретаря, какой-то бритый сановникъ NASM'а. На всякія заявленія и претензіи „эмигрантовъ" господинъ этотъ только мычалъ да бросалъ на разныхъ языкахъ: „о, хорошо, хорошо!.. о, хорошо, хорошо!.." Произносилъ онъ это чисто механически, при чемъ случалось, что обращавшемуся къ нему по-нѣмецки онъ отвѣчалъ по-голландски, а просьба на польскомъ языкѣ вызывала французскій отвѣтъ. Это производило до такой степени опереточное впечатлѣніе, что на свои предполагавшіяся претензіи я просто махнулъ рукой, вытребовавъ къ себѣ лишь чемоданъ.

За опереточнымъ администраторомъ явился докторъ-консультантъ „Общества". Этотъ господинъ оповѣстилъ о своемъ приходѣ за цѣлый часъ до визита, и все это время никого не выпускали изъ „Дома". Попробовалъ было я пробиться на улицу, хоть на пять минутъ,—опять безъ особенной надобности, а просто, чтобы почувствовать себя свободнымъ,—но это не удалось. Администрація придумала простѣйшее средство противъ подобныхъ покушеній: выходныя двери оказались на замкѣ, а въ конторѣ, въ передней—ни души, точно перемерли. На всѣ требованія, обращен-

*) Около 20 копѣекъ.

ныя къ служителямъ, — тѣ отвѣчали одно: „Не знаемъ, у кого ключъ!“ А полная дама, распоряжающаяся въ столовой: „это не мое дѣло, въ „Домѣ“ у меня—все есть“...

Что касается самой толпы эмигрантовъ, число которыхъ къ этому времени успѣло уже возрасти до нѣсколькихъ сотъ, то къ подобному режиму они относились совершенно пассивно:—такъ, стало быть, и требуется,—чѣмъ тутъ еще волноваться?.. Почему это требуется и дѣйствительно-ли этого требуетъ само дѣло, а не пренебреженіе къ правамъ живого груза — этимъ вопросомъ никто не задавался, по крайней мѣрѣ, вслухъ.

Наконецъ, явился и докторъ — высокій, черный, сумрачный, сухой, со взглядомъ и пріемами полицейскаго Восточной Европы. Не кивнувъ, хотя бы ради приличія, головой, не снимая котелка, онъ хриплымъ баскомъ проворчалъ по-французски:

— Становитесь въ ряды!

Служителя тотчасъ же передали команду по-нѣмецки, по-голландски, по англійски, кажется, даже по-итальянски, а одинъ выкрикнулъ на какомъ-то загадочномъ языкѣ:

— Тонвиссъ!—вѣроятно, подражая нашему „становись“.

Вторая команда была:

— По одному—корридоромъ!

Полиглоты-служители перевели и это, — а выкрикивавшій на неизвѣстномъ нарѣчіи гаркнулъ только одно слово:

— Кар-рдооръ!

Послышался густой, гудящій топотъ ногъ, будто большая фабрика разомъ пошла въ ходъ. За шумомъ едва можно было расслышать приказъ снимать шляпы. Многіе, должно быть, и вовсе не разслышали его или просто не хотѣли, въ особенности дамы. Съ такихъ мрачный представитель гуманнѣйшей науки безцеремонно сдергивалъ головной уборъ собственноручно. Замѣтивъ это, большинство задолго до своей очереди покорно обнажило головы, хотя въ залѣ было не топлено. Дамы, конечно, продолжали упорствовать въ своемъ традиціонномъ правѣ, и подходили къ доктору въ шляпкахъ. Мрачный эскулапъ съ большимъ наслажденіемъ запускалъ въ такія вольнодумныя шевелюры свою желтую костлявую пятерню и ерзалъ ею, рѣшительно портя прически... Иная обладательница кокетливо возведенной куаферной постройки, правда, обдавала его негодующимъ взглядомъ, но свѣтило науки озаряло уже слѣдующаго и еще слѣдующаго, ни однимъ жестомъ не проявляя смущенія, колебанія или раскаянія. Инымъ эскулапъ давалъ и легкіе шлепки по лопаткамъ, по спинѣ, не стѣсняясь ни возрастомъ, ни поломъ. Толпа ничѣмъ не реагировала на эти пріемы „медицинскаго изслѣдованія“, а иной разъ прорывались шуточки надъ потерпѣвшими, особенно женщинами. Скверно чувствуешь себя въ подобныхъ обстоятельствахъ и невольно сознаешь,

что международная, разобщенная толпа—престранное и малосимпатичное, хотя и до крайности смиренное животное.

Описанные пріемы изслѣдованія имѣли, повидимому, цѣлью установить, не страдаетъ ли кто изъ эмигрантовъ накожной болѣзнью, слѣпотой или иными недугами. Вызвано же все это запрещеніемъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ привозить къ нимъ людей, страдающихъ заразительными болѣзнями, крупнымъ органическимъ порокомъ, душевно-больныхъ и хилыхъ. Такое запрещеніе относится, впрочемъ, лишь къ междупалубнымъ пассажирамъ, т. е. лицамъ малоимущимъ, которыя могли бы стать заокеанскому обществу въ тягость; и если подобный запретный грузъ случайно окажется на пароходѣ, пришедшемъ въ одинъ изъ портовъ Соединенныхъ Штатовъ, то онъ немедленно задерживается въ спеціальномъ помѣщеніи и съ первымъ же обратнымъ пароходомъ того же „общества", за счетъ послѣдняго, направляется вспять въ Европу...

Въ дополненіе къ описаннымъ, врядъ ли научнымъ и врядъ ли цѣлесообразнымъ, манипуляціямъ, означенный эскулапъ пускалъ въ ходъ еще пронзительный взглядъ своихъ, очень непривлекательныхъ, маленькихъ глазъ. Иные предъ этимъ инквизиторскимъ взглядомъ опускали глаза долу; тогда раздавался характерный лаконическій французскій возгласъ:

— Не угодно ли кверху!

Служителя переводили, порой даже прекомично иллюстрируя приказъ на своихъ собственныхъ персонахъ,—сами обращая очи горѣ.

Осмотръ продолжался часа три, три съ половиной и окончился только къ обѣду. Кажется, что вся описанная дѣятельность врача-консультанта была „Обществу" полезной въ одномъ только отношеніи: зала, при всей своей помѣстительности, очевидно, не смогла бы предоставить одновременно мѣсто для обѣда и половинному числу проголодавшихся узниковъ. А извѣстно: голодный человѣкъ — сердитый человѣкъ, — и даже смиренная международная толпа могла бы причинить обществу непріятности...

На обѣдъ дали недурной гороховый супъ, — конечно, безъ мяса—съ картошкой въ мундирахъ, вмѣсто хлѣба... А на второе рисовый пудингъ, со сливами, тоже довольно вкусный, хотя скорѣе похожій на полужидкую кашу. Насытиться даже очень помѣстительному желудку было можно. Прислуживалъ, разумѣется, цѣлый рой расторопныхъ служителей, а за прилавкомъ распоряжались четыре дамы.

Послѣобѣденное время большинство эмигрантовъ провели въ городѣ; ушелъ туда и я купить на дорогу какихъ-нибудь закусокъ, чтобы хотя немного разнообразить пароходное меню, не обѣщавшее особыхъ кулинарныхъ тонкостей. Возвращался я одинъ уже передъ вечеромъ, и вотъ, передъ самымъ „Домомъ", судьба

послала мнѣ еще одну оригинальную встрѣчу, и я имѣлъ случай передъ оставленіемъ стараго свѣта еще разъ полюбоваться обаятельной особой г-на Брауэнсбергера. Я уже подходилъ къ дому, когда изъ ближайшаго переулка вышелъ какой-то молодой человѣкъ въ коротенькомъ легкомъ пальто и въ картузѣ... Да: въ картузѣ! Онъ держалъ руки въ карманахъ, вбиралъ шею и голову въ плечи, какъ будто ему было очень холодно, и, подойдя ко мнѣ, спросилъ на самомъ скверномъ французскомъ языкѣ:

— Скажите, гдѣ тутъ „Домъ Эмигрантовъ?"

— Онъ передъ вами,—замѣтилъ я съ удивленіемъ—и вы даже вышли изъ-за его угла. Взгляните: надъ зданіемъ флагъ, а на немъ громаднѣйшими буквами—„NASM".

— Да, правда, — небрежно уронилъ онъ, поднявъ глаза на надпись и флагъ,—но вѣдь я не здѣшній...

Дальше я ничего не могъ разобрать въ его рѣчи: онъ перемѣшивалъ французскія слова съ нѣмецкими, а то и голландскими.

— Онъ не говоритъ по-нѣмецки!—услышалъ я вдругъ хорошо мнѣ знакомый твердый голосъ. Живо повернувшись, я увидѣлъ передъ собой Карла Артура Брауэнсбергера и, признаюсь, почувствовалъ что-то въ родѣ испуга.

Онъ внимательно оглядѣлъ меня, но не поклонился. Я тоже не поклонился.

— Тотъ самый?—спросилъ у него по-нѣмецки незнакомецъ въ картузѣ.

— Да, тотъ самый!—отвѣчалъ г-нъ Брауэнсбергеръ совершенно непринужденно, какъ-будто между нами никогда ничего не происходило.

Тутъ молодой человѣкъ, уже гораздо болѣе правильнымъ французскимъ языкомъ, принялся убѣждать меня взять мѣсто на готовящемся къ отходу знакомомъ имъ пароходѣ, правда, грузовомъ и имѣющемъ прибыть въ Нью-Іоркъ дней черезъ пятнадцать. Пароходъ „NASM'а" дѣлаетъ этотъ рейсъ въ 11—12 сутокъ, но, во первыхъ,—убѣждалъ меня незнакомецъ,—тотъ снимается сегодня, стало быть, имѣетъ цѣлыя сутки фору, а во-вторыхъ,—плата за проѣздъ, считая тутъ же и столъ — отличный столъ, за это онъ ручается—вдвое ниже, нежели на пароходахъ „NASM'а".

Мой бывшій пріятель, повидимому, относился къ этимъ увѣщаніямъ довольно безнадежно, но все же присоединилъ и свой голосъ, какъ-то небрежно глядя по сторонамъ:

— Да, конечно, на грузовыхъ пароходахъ плавать куда спокойнѣе, нежели на почтово-пассажирскихъ.

Я воспользовался первою паузой, чтобъ объяснить, что уже запасся билетомъ на пароходъ „Общества".

Молодой человѣкъ не видѣлъ въ этомъ никакой помѣхи: перепродать билетъ очень легко. Это принесетъ, правда, нѣкоторый убытокъ, но потеря съ лихвой вознаградится низкой цѣной би-

лета на голландскомъ „cargo“ (грузовомъ кораблѣ), не говоря уже объ обильномъ и разнообразномъ столѣ.

Я рѣшительно отказался и отъ этой выгодной комбинаціи. Тогда молодой человѣкъ просилъ рекомендовать кого-нибудь изъ приходящихъ въ „Домъ“ и не успѣвшихъ еще запастись билетомъ. Мой отвѣтъ: „ни одного знакомаго“ заставилъ господина Брауэнсбергера пристально взглянуть на молодого человѣка и медленно отвернуться...

— Безполезно... Мнѣ пора...—проговорилъ онъ, какъ бы про себя.

Съ этими словами онъ окинулъ меня пристальньнымъ взглядомъ и ушелъ, не поклонившись. Слѣдомъ за нимъ, еще глубже вобравъ голову въ плечи, ушелъ и молодой человѣкъ въ картузѣ, всетаки на прощанье кивнувъ мнѣ головой.

Нѣсколько минутъ я неподвижно смотрѣлъ имъ вслѣдъ и видѣлъ, какъ мой странный незнакомецъ, пройдя саженъ сто отъ мѣста, гдѣ мы стояли, обернувшись въ мою сторону, небрежно приложилъ руку къ шляпѣ. Я оставался попрежнему неподвижнымъ: меня и интриговала, и еще болѣе оскорбляла непонятная властность этого человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ я, если не сознавалъ, то чувствовалъ, что мой милый вдумчивый мистеръ Сейгорнъ все таки не совсѣмъ правъ, считая г-на Брауэнсбергера зауряднымъ мошенникомъ, какіе встрѣчаются сотнями въ портахъ. Мое впечатлѣніе было гораздо сложнѣе, и я сознавалъ, что даже и въ этотъ разъ мнѣ было бы не такъ легко отдѣлаться отъ его гипнотизирующей власти, если бы наша встрѣча происходила не у самыхъ дверей попечительнаго NASM'а.

Вечеромъ, часовъ съ десяти, по камерамъ „Дома“ сталъ усердно ходить вышеупомянутый скорбный старикъ-служитель, предлагая прекратить всякіе разговоры, по той совершенно основательной причинѣ, что ночь намъ дана для сна, а не для того, чтобъ другимъ мѣшать спать. На него сначала не обращали вниманія, но, такъ какъ онъ свою жалостную физіономію сталъ являть каждыя пять минутъ, то его попросили оставить публику въ покоѣ. Тогда онъ со слезами въ голосѣ объявилъ, что, къ великому прискорбію своему, долженъ позвать завѣдующаго.

Пять минутъ спустя, по корридорамъ горделиво прошелъ знакомый намъ господинъ съ позументомъ на фуражкѣ; и вслѣдъ затѣмъ всюду потушили огни, оставивъ на всю громадную залу единственную лампу, въ глубинѣ, надъ лѣстницей; прочія были не только потушены, но и убраны вонъ изъ помѣщенія. Это произвело свое дѣйствіе: международная толпа, очевидно, нашла это въ порядкѣ вещей: безъ всякихъ споровъ, толковъ и претензій, всѣ легли спать, а часовъ въ 11 уже поголовно спали.

———

— Не уходите сегодня въ городъ: съ одиннадцати часовъ васъ будетъ принимать консулъ!—возглашали на слѣдующее утро на разныхъ языкахъ служители-полиглоты.

— А до одиннадцати можно?—вопрошали непосѣды и смутьяны.

— Не уходите сегодня—и т. д., не удостаивая отвѣтомъ, повторяли сурово герольды. И опять, какъ и намедни, двери оказались на запорѣ, въ конторѣ и въ передней—ни души...

И опять эти суровыя мѣры были, въ сущности, преждевременны: не только къ одиннадцати, но и къ часу дня незамѣтно было никакого движенія событій. Публика стала было уже отчаяваться, какъ вдругъ, протискиваясь сквозь толпу, на середину залы вышелъ какой-то очень блѣдный и очень свѣтлорусый молодой человѣкъ, прочитавшій по принесенному имъ списку фамиліи 28 узниковъ, оставленныхъ дирекціей до слѣдующаго этапа.. то бишь до слѣдующаго парохода, имѣющаго отойти ровно черезъ недѣлю. Въ числѣ оставленныхъ было и три поляка изъ моей камеры. Галичанинъ попробовалъ было умильно-робкимъ тономъ попросить,—нельзя ли, молъ, какъ-нибудь...

— Мѣста нѣтъ! — прикрикнулъ бѣлобрысый представитель NASM'а, оборвавъ его на полусловѣ.—Становитесь въ рядъ!—скомандовалъ онъ, приподнимаясь на цыпочки, чтобы его лучше было слышно.

— Зачѣмъ, позвольте узнать?..

— Некогда, некогда разговаривать: въ рядъ... Выходите съ вещами!..

— Въ рядъ, съ вещами! Выходите съ вещами! — залопотали служителя.

Медленно, будто нехотя, заколыхалась разнокалиберная армія нужды и неудовлетворенности. Задніе пробовали было двинуться въ обходъ, но служителя, какъ настоящіе привычные конвойные, тотчасъ же приняли нужныя мѣры: стали стѣной перпендикулярно къ запретному направленію пути...

Съ угла „Дома Эмигрантовъ" уже можно было разглядѣть, что голову колонны поглощаетъ разверстая пасть громаднаго амбара изъ волнистаго оцинкованнаго желѣза, протянувшагося по ту сторону улицы, параллельно набережной. Что это за новое переселеніе? Служителя не хотѣли или не могли отвѣчать на вопросы: все ихъ вниманіе было поглощено тѣмъ, чтобы кто-нибудь изъ этого людского стада не отбился или не замѣнилъ себя другимъ *)... Какой-то молодой грекъ или армянинъ пожелалъ на минутку шмыгнуть въ ближайшій переулокъ купить у разнощика яблоковъ; онъ получилъ за это такой суровый окрикъ отъ

*) Лицо, обладающее запретнымъ недостаткомъ, можетъ на визитацію эскулапа послать замѣстителя и затѣмъ обмѣняться съ нимъ мѣстами.

нашихъ сторожей, точно и впрямь былъ арестантъ, да еще лишенный всякихъ правъ. Мнѣ было досадно, обидно и больно, но въ толпѣ и на этотъ разъ никто, видимо, не возмутился, не удивился даже.

И то сказать: девять десятыхъ изъ присутствующихъ вѣроятно были теперь мыслями за тридевять земель, среди обстановки, въ которой расцвѣтало ихъ дѣтство, гдѣ бѣдняги слышали изъ милыхъ устъ послѣднія ласковыя слова прощанія... Приведется ли еще когда услышать знакомый, любящій голосъ?..

Въ амбарѣ, по лѣвую руку отъ входа, за небольшимъ барьеромъ, возсѣдалъ какой-то серьезный пожилой господинъ въ цилиндрѣ; за нимъ, сзади, верхомъ на стулѣ, красовался нашъ недавній истязатель, мрачный докторъ, а за узенькой конторкой, немного поодаль, въ толстѣйшемъ драповомъ пальто и также въ цилиндрѣ, стоялъ съ карандашемъ въ золотой оправѣ какой-то высокій, бритый, сѣдоватый господинъ, полный, въ золотыхъ очкахъ... Это и былъ консулъ Соединенныхъ Штатовъ.

— Ваше имя?.. Мѣсто „назначенія?"... Лѣта?... Занятіе?..— на томъ или иномъ изъ трехъ главныхъ европейскихъ языковъ вопрошаетъ господинъ за барьеромъ.

— Ваше имя?.. Лѣта?.. Мѣсто назначенія?.. Занятіе?.. — безстрастно роняетъ консулъ. Оба записываютъ отвѣты въ соотвѣтственныя рубрики лежащихъ передъ ними списковъ. Иногда, съ благосклоннымъ кивкомъ головы, консулъ проситъ снять на минуту шляпу, и внимательно испытующій взглядъ его обращается на обнаженную голову эмигранта. Тотъ смущается. Чего это они ищутъ такъ усердно въ волосахъ?.. Большинство угрюмо молчитъ.

Процедура пріемки занимаетъ добрыхъ два съ половиной часа. За это время въ амбарѣ скопляется уже вся масса отправляющихся. Становится тѣсно, жарко, душно. Консулъ разстегиваетъ свое толстѣйшее пальто, господинъ за барьеромъ снимаетъ цилиндръ, отираетъ потъ.

Наконецъ, является опереточный администраторъ, раскланивается съ консуломъ, беретъ у господина, что за барьеромъ, списокъ и обмѣнивается таковымъ съ консуломъ. Только теперь процедура пріемки считается законченной.

Скоплявшееся со вчерашняго дня чувство обидной досады отъ этого не становится менѣе острымъ: нестерпимо сознавать, что всѣ эти предосторожности, всѣ эти унизительныя церемоніи относятся къ вамъ только потому, что вы заплатили за билетъ съ продовольствіемъ $5^1/_2$ фунтовъ, а вотъ, еслибы вы взяли билетъ 2-го класса (за $9^1/_2$ фунтовъ), тогда все это было бы не нужно, и никто не имѣлъ бы права смотрѣть на васъ, какъ на арестанта, и осматривать, какъ барана, предназначеннаго къ стрижкѣ или на бойню...

Вотъ, наконецъ, мы и на пароходѣ. Тѣмъ же порядкомъ, что и раньше, и такіе же полиглоты, но уже пароходные, предлагаютъ слѣдовать внизъ, въ помѣщеніе эмигрантовъ. Здѣсь всѣ спѣшатъ занять койку повыше (онѣ въ два яруса, по обѣ стороны идущаго вдоль каюты прохода) и, по возможности, — рядомъ съ соотечественниками. Меня стюартъ направляетъ въ уголъ близъ двери, въ нижній ярусъ. Темновато, за то слышится русинская рѣчь...

Размѣстивъ свои вещи, я вышелъ на палубу. Погода портилась: съ юга плыли сѣросвинцовыя облака, временами набѣгалъ холодный вѣтеръ. Городъ терялся въ дымчатомъ туманѣ.

Вотъ и 5 часовъ—моментъ отхода. Прогудѣлъ, потрясая воздухъ, исполинскій гудокъ-ревунъ. Съ главнаго мостика, гдѣ стоятъ капитанъ и лоцманъ, раздается тончайшій свистокъ — приказъ вахтенному офицеру на второй площадкѣ приготовить палубную команду. Въ отвѣтъ—трель, на которую боцманъ съ палубы отвѣчаетъ громкимъ „йиа"!

Снова свистокъ, другой, снова трели въ отвѣтъ и протяжное „йиа" съ палубы. Слышится какой-то прерывистый звонъ, какъ будто кто перебираетъ струны гигантской мандолины, — берегъ дрогнулъ и поплылъ впередъ. Два-три новыхъ сигнала — берегъ остановился, затѣмъ рѣшительно поплылъ назадъ. Вначалѣ, кажется, плыветъ ближняя полоса, но вотъ она увлекаетъ за собой все болѣе отдаленные предметы, двинулся назадъ и весь городъ.

На палубѣ масса народу; говору почти не слышно, тѣмъ болѣе—смѣха: всматриваются въ прибрежныя диковинныя селенія, игрушечно-красивыя зданія, чудовищно-искусно оборудованные грузовые доки и верфи. Всматриваются усердно, но, кажется, заняты совсѣмъ не этимъ: лица, большею частью, суровыя, молчаливыя; глаза избѣгаютъ встрѣчи со взглядомъ сосѣда.

— А знаете, сколько у нихъ этихъ каналовъ, — тоненькимъ теноркомъ спрашиваетъ по-французски стоящаго въ двухъ шагахъ отъ меня рослаго, коренастаго румына какой-то безусый, бѣлобрысый молодой человѣкъ неопредѣленной національности.

Румынъ мычитъ и еще усерднѣе всматривается въ даль.

— Свыше 2000 миль...

— Ммм...

— Вонъ тамъ строятъ новый докъ, — милліонное сооруженіе!

— Ммм...

— А вотъ тамъ, возлѣ Маасслюиса, будутъ строить...

— Ахъ, да пусть себѣ строютъ, пусть себѣ строютъ!—громкимъ шепотомъ прорывается румынъ, сдвигая густыя, черныя брови.

Словоохотливый молодой человѣкъ сконфуженно взглядываетъ на его сумрачное лицо и также умолкаетъ.

Тихо; самый вѣтеръ притихъ, словно прислушивается къ тому, что рвется теперь изъ груди этихъ неподвижно застывшихъ, каждый со своей думой, людей. Слышится только нѣжный, серебристый плескъ воды, изрѣдка — свистъ и односложные звуки команды. Громадный корабль, не дрогнувъ, какъ привидѣніе, плавно скользитъ по затканной гладью поверхности рѣки съ зачарованной группой людей на борту. Проходятъ минуты — ни звука...

П. Владыченко.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

---

* * *

Чтò со мною сдѣлалъ этотъ воздухъ вешній!
Солнце, всюду солнце!.. Сердце—какъ въ бреду...
Залетали птицы надъ родной скворешней,
Къ милымъ старымъ соснамъ полемъ я иду.
Синяго простора надо мной сіянье,
Узкая тропинка въ лѣсъ бѣжитъ змѣей...
Тихо—тихо таетъ грусть воспоминанья,
И встаетъ надежды отблескъ золотой.
И зовутъ, и манятъ сосны, зеленѣя,
Разлилась широко голубая даль...
Я сама не знаю, чтò въ душѣ сильнѣе—
Новая ли радость, старая-ль печаль?..

Г. Галина.

Рабочій вопросъ и фабричное законодательство въ Россіи.

(*Окончаніе.* *)

—

IV.

Въ чемъ заключается содержаніе закона 2 іюня 1903 года?

„При несчастныхъ случаяхъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности владѣльцы предпріятій обязаны вознаграждать рабочихъ за утрату долѣе, чѣмъ на три дня, трудоспособности отъ тѣлеснаго поврежденія, причиненнаго имъ работами по производству предпріятія, или происшедшаго вслѣдствіе таковыхъ работъ". Отъ обязанности вознаграждать рабочихъ и членовъ ихъ семействъ (если послѣдствіемъ несчастнаго случая была смерть) владѣлецъ предпріятія освобождается „только въ томъ случаѣ, если докажетъ, что причиною несчастнаго случая были злой умыселъ самого потерпѣвшаго или грубая неосторожность его, не оправдываемая условіями и обстановкою производства работъ". Вознагражденіе самихъ потерпѣвшихъ производится въ видѣ *пособія* — со дня несчастія по день возстановленія трудоспособности или признанія утраты ея постоянною,—въ размѣрѣ половины заработка потерпѣвшаго и *пенсіи*, назначающейся въ случаяхъ постоянной утраты трудоспособности: при полной ея утратѣ—въ размѣрѣ $^2/_3$ годового содержанія потерпѣвшаго, а при неполной — въ уменьшенномъ размѣрѣ, соотвѣтственно степени ослабленія трудоспособности; кромѣ того, предприниматель обязанъ возмѣщать потерпѣвшему расходы по лѣченію впредь до излѣченія или прекращенія лѣченія. Въ случаѣ же смерти потерпѣвшаго, послѣдовавшей немедленно за несчастнымъ случаемъ, или же во время лѣченія, или же не позднѣе двухъ лѣтъ со дня несчастнаго случая, если лѣченіе было прекращено ранѣе, владѣлецъ пред-

*) См. Рус. Бог. кн. IV, 1904.

пріятія обязанъ 1) уплатить на погребеніе (30 руб. на взрослаго и 15 руб. на малолѣтняго) и 2) выдавать пенсіи: а) вдовѣ, въ размѣрѣ одной трети годового содержанія умершаго, пожизненно; б) дѣтямъ обоего пола: законнымъ, узаконеннымъ, усыновленнымъ и внѣбрачнымъ, а равно воспитанникамъ и пріемышамъ, до достиженія ими 15-лѣтняго возраста, каждому—въ размѣрѣ одной шестой при жизни одного изъ родителей и одной четвертой круглымъ сиротамъ; в) родственникамъ въ прямой восходящей линіи, пожизненно, каждому — въ размѣрѣ одной шестой, и г) братьямъ и сестрамъ, круглымъ сиротамъ, до достиженія ими 15-лѣтняго возраста, каждому—въ размѣрѣ одной шестой. Общая совокупность пенсій вышеназваннымъ членамъ семейства рабочаго не должна превышать $^2/_3$ годового его содержанія. По взаимному соглашенію сторонъ, пенсіи могутъ быть замѣняемы единовременными выдачами въ размѣрѣ десятикратнаго годичнаго пенсіоннаго платежа (для малолѣтнихъ пенсіонеровъ—по числу лѣтъ, въ теченіе которыхъ они имѣютъ право на пенсію). Размѣръ вознагражденія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется порядкомъ, указаннымъ въ законѣ; фабричный инспекторъ (для горной промышленности—окружный) является той инстанціей, которая провѣряетъ правильность состоявшагося между сторонами соглашенія или приводитъ ихъ къ соглашенію, а при несогласіи между ними даетъ заключеніе о правѣ потерпѣвшаго на вознагражденіе и о размѣрахъ послѣдняго. Въ такого рода случаяхъ потерпѣвшіе должны искать вознагражденія судомъ, при чемъ для предъявленія исковъ о назначеніи вознагражденія полагается двухлѣтній срокъ. Пенсіи и пособія не могутъ быть обращаемы на пополненіе казенныхъ и частныхъ взысканій, причитающихся съ вознаграждаемыхъ рабочихъ или ихъ семействъ; право на вознагражденіе не можетъ быть закладываемо, отчуждаемо или инымъ образомъ передаваемо Настоящія правила примѣняются къ вознагражденію не только рабочихъ, но и служащихъ, обязанныхъ присутствовать при производствѣ работъ и получающихъ годового содержанія не свыше 1,500 руб.

Вотъ, что говоритъ новый законъ. Не трудно видѣть, что по существу своему онъ приближается къ соотвѣтствующимъ западноевропейскимъ актамъ объ отвѣтственности предпринимателей и рѣшительно отличается отъ примѣнявшихся до сихъ поръ нормъ гражданскаго права. Потерпѣвшіе не должны доказывать чьей бы то ни было вины; они имѣютъ право на вознагражденіе въ силу самого факта тѣлеснаго повреждения, „причиненнаго имъ работами по производству предпріятія или происшедшаго вслѣдствіе таковыхъ работъ“. Этого права они лишаются въ извѣстныхъ. указанныхъ закономъ, случаяхъ, доказательство которыхъ составляетъ уже дѣло владѣльцевъ предпріятія. Тогда какъ основное начало прежняго права фактически гласило: владѣлецъ

предпріятія безотвѣтственъ, пока потерпѣвшіе не докажутъ своего права, новый законъ внесъ принципъ — владѣлецъ отвѣтственъ, пока онъ не докажетъ противнаго. Но стоитъ ближе присмотрѣться къ новымъ правиламъ, и станетъ яснымъ, какое ограниченное примѣненіе получилъ новый принципъ, какъ слабо обезпечивается новымъ закономъ дѣйствительное полученіе потерпѣвшими слѣдующаго имъ вознагражденія, какая значительная масса рабочихъ остается внѣ его дѣйствія.

Владѣлецъ предпріятія свободенъ отъ отвѣтственности, если докажетъ, что причиной несчастнаго случая были злой умыселъ самого потерпѣвшаго или грубая неосторожность его. Не слѣдуетъ прежде всего думать, что безотвѣтственность наступаетъ только въ этихъ случаяхъ. Если сравнить законъ съ различными его проектами, то окажется, что къ числу причинъ, освобождающихъ предпринимателя отъ обязанности вознаградить потерпѣвшихъ, относилось и дѣйствіе непреодолимой внѣшней или стихійной силы и преступленіе или проступокъ лицъ, къ промышленному предпріятію непричастныхъ. Не можетъ быть, однако, никакого сомнѣнія, что и нынѣ, хотя законъ объ этомъ прямо не говоритъ, предприниматель не отвѣчаетъ за дѣйствіе стихійной силы и за дѣйствія третьихъ лицъ. Мы, дѣйствительно, знаемъ изъ представленія министра финансовъ государственному совѣту, что „несчастные случаи, обязанные своимъ происхожденіемъ проявленію высшихъ стихійныхъ силъ, должны исключать какую бы то ни было отвѣтственность предпринимателей“. Законодатель счелъ излишнимъ упоминать объ этомъ, такъ какъ находилъ подобный выводъ естественно вытекающимъ изъ текста закона („работами или вслѣдствіе работъ“); кромѣ того, крайняя трудность точнаго опредѣленія понятія стихійной силы могла бы повести къ тому, что подъ дѣйствіе этой силы подводились бы случаи, несомнѣнно требующіе вознагражденія. Въ виду этого и сочли нужнымъ не вводить въ новый законъ ссылки на дѣйствіе стихійныхъ силъ, какъ на условіе, исключающее отвѣтственность, а предоставить оцѣнку этихъ исключительныхъ происшествій суду. Что касается дѣйствій третьихъ лицъ, то, такъ какъ о нихъ говорилось во всѣхъ проектахъ, неупоминаніе въ законѣ, вѣроятно, должно быть объяснено тѣмъ, что исключеніе это также предполагалось само собою понятнымъ. Въ пользу правильности нашего пониманія говоритъ самая редакція закона о вознагражденіи тѣлесныхъ поврежденій, причиненныхъ *работами* по производству предпріятія или происшедшихъ *вслѣдствіе* таковыхъ работъ: ни подъ одну изъ терминологическихъ категорій закона не подойдутъ разсмотрѣнныя двѣ группы случаевъ. Иначе и не можетъ быть. Разъ законопроектъ 1893 года и проектъ 1901 г., говоря объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи, причиненные *во время или вслѣдствіе* производства, исключали отвѣт-

ственность за дѣйствія стихійной силы и непричастныхъ къ производству лицъ, то это ограниченіе объема отвѣтственности и подавно имѣетъ мѣсто въ законѣ, поставившемъ на смѣну термины „*работами или вслѣдствіе работъ*". Въ первоначальной редакціи понятіемъ времени привносился новый признакъ, расширявшій предѣлы отвѣтственности для всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые не вызывались дѣйствіемъ стихійной силы и третьихъ лицъ и въ то же время не были слѣдствіемъ производства; теперь фактъ несчастія, происшедшаго *во время* производства, уже не считается обстоятельствомъ, создающимъ отвѣтственность предпринимателя, предѣлы отвѣтственности сужены, и, слѣдовательно, предѣлы безотвѣтственности, во всякомъ случаѣ, не могутъ быть менѣе ограничены, чѣмъ въ первоначальныхъ редакціяхъ закона *).

Уже внѣшняя перемѣна, произведенная замѣной словъ „во время или вслѣдствіе" словами „работами или вслѣдствіе работъ", позволяетъ судить о сознательной тенденціи законодателя къ ограниченію предѣловъ отвѣтственности предпринимателей. Мы показали, что новый законъ, въ сущности, освобождаетъ владѣльцевъ предпріятія отъ обязанности вознагражденія потерпѣвшихъ, если тѣ докажутъ, что причиной несчастія было дѣйствіе стихійной силы природы, преступленіе или проступокъ третьихъ лицъ, непричастныхъ къ производству, злой умыселъ самого потерпѣвшаго или грубая неосторожность его, не оправдываемая условіями и обстановкою производства работъ. Устанавливая безотвѣтственность въ этомъ широкомъ объемѣ, законъ сильно подорвалъ значеніе идеи т. н. профессіональнаго риска, положенной въ его основу. Пусть предприниматели не отвѣчаютъ за

---

*) Ни одно законодательство не даетъ столько простора административной интерпретаціи предѣловъ безотвѣтственности предпринимателей, какъ наше. Швейцарскій законъ 1881 г. исключаетъ высшую силу, дѣйствія третьихъ лицъ, собственную вину потерпѣвшихъ; въ новѣйшихъ актахъ вмѣсто перечисленія случаевъ безотвѣтственности, положительно опредѣляются случаи отвѣтственности: предприниматель отвѣчаетъ за несчастіе „при исполненіи работъ или вслѣдствіе работъ" (французскій законъ 9 апр. 1898), „при работѣ" (итальянскій—17 марта 1898), „вслѣдствіе и во время работъ" (англійскій—1897), вызванное „самимъ производствомъ, его условіями или орудіями производства" (датскій—7 янв. 1898). Наше законодательство самымъ неудачнымъ образомъ примѣняетъ оба способа положительный и отрицательный -для опредѣленія предѣловъ отвѣтственности. Насколько неудачна редакція закона, сколько недоразумѣній вызоветъ она, можетъ показать слѣдующій примѣръ. Изъ объяснительной записки министерства финансовъ ясно видно, что потерпѣвшіе рабочіе не лишаются права на вознагражденіе и „въ тѣхъ случаяхъ, которые происходятъ по винѣ соработниковъ, такъ какъ въ выборѣ себѣ товарищей по работѣ рабочіе, въ большинствѣ случаевъ, не болѣе властны, нежели въ выборѣ распорядителей работъ". Между тѣмъ, юристъ г. Нолькенъ, основываясь на текстѣ закона, пришелъ къ выводу, что законъ исключаетъ отвѣтственность препринимателя за дѣйствія соработниковъ (см. *Право*, 1903, № 30, стр. 1865).

дѣйствіе стихійной силы или непричастныхъ къ дѣлу лицъ, но какимъ образомъ и почему законъ освободилъ ихъ отъ вознагражденія за несчастія, вызванныя „грубой неосторожностью" потерпѣвшаго? Весь смыслъ законодательства объ отвѣтственности въ томъ и заключается, что вопросъ о вознагражденіи принципіально отдѣляется отъ вопроса о виновности и не ставится въ зависимость отъ послѣдняго. Потерпѣвшій рабочій вознаграждается потому, что съ нимъ случилось несчастіе, отъ котораго онъ не уберегся, а слѣдовательно, и не могъ уберечься: вѣдь элементъ сознательности выдѣленъ въ категорію „злого умысла", предполагающаго со стороны потерпѣвшаго извѣстный разсчетъ на полученіе пенсіи. Законодательство объ отвѣтственности, дѣлая вознагражденіе независимымъ отъ виновности потерпѣвшаго или предпринимателя, разсматривая несчастіе, какъ результатъ производственныхъ условій, нигдѣ не признаетъ за потерпѣвшимъ полнаго вознагражденія за понесенные убытки, но это ограниченіе матеріальныхъ правъ рабочаго только тогда и можетъ имѣть оправданіе, если за качественнымъ ихъ пониженіемъ послѣдуетъ количественное расширеніе вознаграждаемыхъ случаевъ. Въ этомъ увеличеніи „количества" за счетъ „качества" и заключается весь соціально-политическій смыслъ выдвинутаго жизнью законодательства; ни во французскомъ, ни въ итальянскомъ законахъ мы не найдемъ безотвѣтственности предпринимателя за грубую неосторожность потерпѣвшаго. Защитники ex officio нашего фабричнаго законодательства ссылаются на дальнѣйшія слова закона, освобождающаго-де отъ обязанности вознаграждать не всякую вину, а грубую неосторожность, не оправдываемую условіями и обстановкою производства работъ. Но чѣмъ отличается эта „неоправдываемая" неосторожность отъ всякихъ другихъ видовъ неосторожности, что образуетъ конститутивныя ея особенности? На этотъ вопросъ нельзя дать никакого отвѣта, потому что фактически и теоретически понятія эти едва ли могутъ быть точно разграничены, а между тѣмъ, неопредѣленность термина неизбѣжно должна привести къ тому, что безъ вознагражденія останутся многіе рабочіе, ставшіе жертвой самой обыкновенной неосторожности. Пусть не говорятъ, что и европейскія законодательства выдѣляютъ грубую неосторожность. Да, французскій законъ 1898 года, въ случаѣ несчастія, вызваннаго непростительной ошибкой потерпѣвшаго, предоставляетъ право понизить размѣръ слѣдующаго по общимъ правиламъ вознагражденія; но вѣдь, во первыхъ, отъ уменьшенной пенсіи еще далеко до полной потери ея, а, во-вторыхъ, принципъ этотъ во французскомъ законодательствѣ уравненъ, въ интересахъ рабочихъ, другимъ справедливымъ началомъ: если будетъ обнаружена непростительная ошибка хозяина или его замѣстителей, то размѣры вознагражденія могутъ быть повышены

до полнаго ущерба, причиненнаго потерпѣвшему. Составители закона отлично сознавали всю несправедливость ссылки на вину или неосторожность самого рабочаго, какъ на обстоятельство, лишающее потерпѣвшаго правъ на вознагражденіе или же уменьшающее размѣры его, а равно и на вину или небрежность предпринимателя, какъ на основаніе, могущее усиливать отвѣтственность послѣдняго. „Цѣлесообразность исключенія изъ новаго закона ссылки на вину, въ какой бы формѣ и съ чьей бы стороны она ни проявилась, была признана и представителями нашей промышленности въ происходившихъ по этому дѣлу совѣщаніяхъ. Дѣйствительно, съ установленіемъ такого порядка, по которому обнаруженіе вины или неосторожности самого рабочаго влекло бы за собою лишеніе его права на вознагражденіе или же вліяло бы на размѣръ послѣдняго, вызывалась бы по справедливости необходимость предоставленія рабочимъ права требовать полнаго возмѣщенія причиненныхъ имъ убытковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ установлена вина или же упущеніе со стороны предпринимателя... При растяжимости понятія вины или неосторожности вообще и чрезвычайной трудности выясненія истинныхъ причинъ несчастія въ частности, порядокъ этотъ создалъ бы почву, благопріятную для развитія сутяжничества, которое, умаляя въ сильной степени значеніе и достоинство самого закона, повело бы къ обостренію отношеній между нанимателями и рабочими". Министерство финансовъ приводило затѣмъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ соображеній, истинность и убѣдительность которыхъ стоитъ выше всякихъ сомнѣній. Нельзя упускать изъ виду,— говорило оно,—что нарушеніе рабочими правилъ предосторожности, въ которомъ можно усмотрѣть вину или неосторожность, весьма часто проистекаетъ исключительно отъ недостатка вниманія или разсѣянности, зависящихъ отъ физической усталости, малой умственной развитости и иныхъ, тому подобныхъ, причинъ *). Неосторожность или вина являются всегда, безъ всякихъ исключеній, однимъ изъ факторовъ несчастія, тогда какъ другимъ остается кроющаяся въ условіяхъ производства опасность; наконецъ, самая неосторожность рабочихъ едва ли не въ большинствѣ случаевъ является слѣдствіемъ условій работъ: находясь постоянно въ опасной обстановкѣ, рабочіе невольно привыкаютъ къ ней, а эта привычка ослабляетъ ихъ бдительность, и безъ того ослабленную естественнымъ утомленіемъ ихъ. При относительной умѣренности проектированныхъ министромъ финансовъ вознагражденій, угроза лишить неосторожнаго рабочаго права на

---

*) Количество увѣчій зависитъ не только отъ времени дня, какъ это доказала и оффиціальная русская „Статистика несчастныхъ случаевъ", но и отъ грамотности рабочихъ: такъ, на промыслахъ Балахно-Сабунчинскаго района среди грамотныхъ было увѣчныхъ 33%, а среди неграмотныхъ 67% (*Нефтяное Дѣло*, 1902, № 4, „Матеріалы къ статистикѣ поврежденій").

вознагражденіе имѣла бы слишкомъ малое значеніе по сравненію съ присущимъ человѣку чувствомъ самосохраненія. Въ виду всего этого министерство пришло къ выводу, что основаніемъ отвѣтственности предпринимателя долженъ служить лишь фактъ несчастія, независимо отъ того, былъ ли онъ послѣдствіемъ ошибки, неосторожности или небрежности нанимателя или самого рабочаго; при подобной перестановкѣ вопроса съ юридической почвы на экономическую, гражданская отвѣтственность предпринимателей превратилась бы въ простую обязанность вознаграждать рабочихъ во всѣхъ случаяхъ, причина которыхъ кроется или связана съ условіями производства, и потому-то рѣшено было назвать законъ объ отвѣтственности „правилами о вознагражденіи“.

Что можно было бы возразить противъ подобной аргументаціи, или что̀ еще сказатьвъ доказательство справедливости основной мысли? Кому не ясно, что всякое упоминаніе въ законѣ о неосторожности рабочаго разрушаетъ все принципіальное его значеніе и низводитъ законъ на степень ухудшеннаго гражданскаго права объ отвѣтственности? И, дѣйствительно, ни въ законопроектѣ 1893 г., ни въ проектѣ 1901 г. не было и рѣчи о неосторожности, и только въ самую послѣднюю минуту, по неизвѣстнымъ соображеніямъ (очевидно, изъ неумѣренной жалости къ интересамъ капитала), вопреки всей убѣдительной аргументаціи составителей законопроекта, какъ deus ex machina, появилась въ законѣ грубая неосторожность, сохранивъ за нимъ, тѣмъ не менѣе, прежнее названіе правилъ о вознагражденіи. Къ несчастью, „грубая неосторожность, не оправдываемая условіями и обстановкою производства“, даетъ, не смотря на оговорку, такое широкое поле для произвольнаго ея толкованія, что трудно себѣ представить, какой случай неосторожности не подойдетъ подъ это понятіе. Чтобы составить себѣ хотя приблизительное представленіе, какъ сильно подрываетъ грубая неосторожность практическое значеніе правилъ для рабочихъ, укажемъ на данныя германской статистики: имѣвшіе мѣсто въ 1897 году несчастные случаи съ рабочими, занятыми въ промышленности, были вызваны въ 17,30% случаяхъ виной предпринимателя, въ 29,74%—виной рабочихъ и въ 10,14%—виной тѣхъ и другихъ и, наконецъ, въ 42,82%—производственными условіями; въ сельскомъ хозяйствѣ (по даннымъ за 1891 г.) первыя три группы случаевъ составляли 18,61%, 24,99% и 23,39% *). Такъ какъ новый нашъ законъ не обращаетъ никакого вниманія на вину предпринимателя, и, слѣдовательно, случаи совмѣстной вины предпринимателя и рабочаго должны разсматриваться, какъ еслибы они были вызваны еди-

*) „Unfallstatistik“, статья Zacher'a въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, Bd. VII, 270.

ноличной виной рабочаго, то, съ точки зрѣнія нашего законодательства, до 40% несчастныхъ случаевъ могутъ быть подведены подъ понятіе разныхъ видовъ неосторожности, въ томъ числѣ и грубой.

Уже по тѣмъ ограниченіямъ, которымъ подверглось основное положеніе закона объ отвѣтственности предпринимателей, можно понять, что новый законъ не устанавливаетъ отвѣтственности за профессіональныя болѣзни рабочихъ. Хотя и въ этихъ случаяхъ связь съ условіями производства такъ же безспорна, какъ и въ несчастныхъ случаяхъ, даже болѣе безспорна, потому что профессіональныя заболѣванія всего меньше можно приписывать неосторожнымъ дѣйствіямъ рабочихъ,—тѣмъ не менѣе, новый законъ не счелъ нужнымъ обезпечить ихъ отъ одного изъ ужаснѣйшихъ бичей профессіональной жизни. И въ этомъ пунктѣ наблюдается рѣшительный регрессъ.

По законопроекту 1893 г. владѣльцы предпріятій обязаны были вознаграждать рабочихъ „въ случаѣ смерти, увѣчья и *другихъ поврежденій въ здоровьи (профессіональныхъ болѣзней)*“, въ полномъ согласіи съ швейцарскимъ закономъ 1881 года. Съ этимъ согласились въ то время и соединенные департаменты государственнаго совѣта. Но и много позже, въ 1900 году, соединенные департаменты промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи проводили ту же точку зрѣнія; они исходили изъ того положенія, что крайне неблагопріятныя условія нѣкоторыхъ производствъ неминуемо приводятъ къ преждевременному изнашиванію организма и сокращенію продолжительности жизни, что явленіе это общеизвѣстно въ заводской и фабричной практикѣ и при современномъ состояніи прикладныхъ знаній не поддается пока устраненію, что потому профессіональныя заболѣванія, по справедливости, должны быть приравнены къ увѣчьямъ. И, не смотря на все это, министерство финансовъ, отказалось отъ этого начала подъ тѣмъ предлогомъ, что практическое осуществленіе отвѣтственности предпринимателей за профессіональныя заболѣванія „представило бы чрезвычайныя затрудненія“, породило бы „рядъ трудно разрѣшимыхъ недоразумѣній“ и даже „было бы несправедливо“. Такъ были исключены и профессіональныя заболѣванія рабочихъ изъ числа обстоятельствъ, создающихъ отвѣтственность предпринимателей. Къ сожалѣнію, оба намѣченныя нами явленія — сокращеніе объема отвѣтственности за несчастные случаи и исключеніе профессіональныхъ болѣзней — печальныя сами по себѣ, пріобрѣтутъ еще болѣе регрессивный смыслъ, если напомнить, что появившіяся непосредственно передъ закономъ 2 іюня 1903 г. временныя правила 15 мая 1901 г. о пенсіяхъ рабочимъ казенныхъ горныхъ заводовъ и рудниковъ провели самую широкую защиту интересовъ рабочихъ. Правила эти, распространяющія свое дѣйствіе прибли-

зительно на 37000 человѣкъ, вознаграждаютъ рабочихъ (или ихъ семьи) за смерть, увѣчья и *профессіональныя болѣзни*, полученныя *во время* или вслѣдствіе работы, и лишаютъ права на вознагражденіе въ *одномъ* только случаѣ, если единственною причиною увѣчья или болѣзни является злой умыселъ потерпѣвшаго; мало того, подобно практикѣ германскаго обязательнаго страхованія, въ случаѣ смерти потерпѣвшаго, вызванной злымъ его умысломъ, „*члены его семьи имѣютъ право на полученіе пенсіи на общемъ основаніи*". Такъ какъ редакція временныхъ правилъ („во время") позволяетъ отнести къ вознаграждаемымъ случаямъ и несчастія отъ стихійныхъ силъ, дѣйствія третьихъ лицъ, то казенные горнорабочіе имѣютъ право на вознагражденіе абсолютно во всѣхъ случаяхъ, кромѣ одного—злого умысла, не повлекшаго за собой смерти потерпѣвшаго. По сравненію съ подобной постановкой принципа во временныхъ правилахъ, новый законъ 2 іюня 1903 г. пріобрѣтаетъ значеніе слабой и нерѣшительной попытки, возбуждающей невольный вопросъ: ужели по отношенію къ представителямъ одного и того же рабочаго класса могутъ быть допустимы двѣ различныя юридическія нормы, ужели частные предприниматели не были бы обязаны отвѣчать за несчастія съ рабочими и профессіональныя ихъ заболѣванія въ томъ же объемѣ, какъ и казна?

Но пойдемъ дальше, къ тѣмъ статьямъ закона, которыми устанавливаются размѣры пенсій, и мы снова найдемъ въ нихъ явные слѣды тенденціи къ ограниченію правъ рабочихъ, будемъ ли мы сравнивать законъ съ его проектами или другими законодательными актами. Мы уже знаемъ, что пенсія потерпѣвшимъ (или ихъ семьямъ) назначается въ видѣ извѣстной доли годового ихъ содержанія. По законопроекту 1893 г. потерпѣвшій получалъ пенсію въ размѣрѣ *полнаго* послѣдняго годового содержанія, но во всѣхъ дальнѣйшихъ проектахъ и въ законѣ она сведена была къ двумъ третямъ. Доли членовъ семьи (въ случаѣ смерти потерпѣвшаго) въ законѣ были незначительно повышены въ сравненіи съ тѣмъ, что предполагалось прежде, — вдовы или вдовца съ 30% до $^1/_3$, дѣтей — съ 15% до $^1/_6$, родителей — съ 15% до $^1/_6$, общая сумма пенсій всѣмъ этимъ лицамъ — съ 60% до $^2/_3$; но за то другими нормами, установленными въ законѣ, это увеличеніе было уничтожено. Въ то время какъ въ законопроектѣ и дѣйствующихъ у насъ обществахъ взаимнаго страхованія, при опредѣленіи годового содержанія потерпѣвшихъ, поденный заработокъ умножался на 280 (въ уставѣ Иваново-Вознесенскаго общества — „не менѣе 280"), въ законѣ рабочій годъ принятъ въ 260 дней, другими словами, годовое содержаніе уменьшено въ немъ почти на мѣсячный окладъ. Для увѣчныхъ малолѣтнихъ пенсія вычисляется не по годовому содержанію взрослыхъ „того же рода работъ", какъ это было въ законопроектѣ

1893 г., а по заработной платѣ „чернорабочихъ". Такимъ образомъ, размѣръ пенсій сталъ во всякомъ случаѣ ниже, чѣмъ прежде предполагалось (доли членовъ семьи увеличены въ общей сложности на $9^2/_3$%, доля же самого потерпѣвшаго уменьшена на $33^1/_3$%, а такъ какъ число несчастныхъ случаевъ, заканчивающихся смертью, несравненно меньше, чемъ число увѣчій, сопровождающихся потерей трудоспособности, то внесенныя въ законъ измѣненія долей въ общемъ итогѣ клонятся къ явной выгодѣ предпринимателей). Какъ далеко, однако, закону 2 іюня до временныхъ правилъ 1901 г.! Казенные горнорабочіе имѣютъ право: вдова (или вдовецъ при нетрудоспособности его) на половину пенсіи, малолѣтніе—на одну треть; пенсія, назначенная работницѣ вслѣдствіе увѣчья или болѣзни, не прекращается вступленіемъ ея въ бракъ, тогда какъ по закону 2 іюня въ подобномъ же случаѣ пожизненная пенсія замѣняется единовременной выдачей въ размѣрѣ тройной годичной пенсіи. Рабочее годовое содержаніе опредѣляется не фиктивное, а дѣйствительное—по среднему годовому заработку въ послѣдніе три года. Для казенныхъ горнорабочихъ нѣтъ и того крайне серьезнаго ограниченія въ давностномъ срокѣ, которому подверглись всѣ остальные рабочіе: тогда какъ первые лишаются права на пенсію только въ томъ случаѣ, если они въ теченіе *десяти лѣтъ* не подали прошенія о назначеніи пенсіи, вторымъ для предъявленія исковъ о назначеніи вознагражденія положенъ *двухлѣтній* срокъ, исчисляемый при томъ для потерпѣвшихъ *со дня несчастнаго случая*. Ограниченіе это, грозящее рабочимъ огромнымъ ущербомъ, глубоко несправедливо и не можетъ быть оправдано никакими соображеніями; наоборотъ, тотъ фактъ, что наши рабочіе плохо освѣдомлены о своихъ правахъ, что несчастные случаи сплошь и рядомъ порождаютъ длящіяся заболѣванія, удаляющія моментъ выздоровленія на многіе мѣсяцы, давалъ бы право ожидать для рабочихъ не только не сокращенной, но удлиненной давности, особенно въ виду обширности нашей территоріи и значительнаго распространенія отхожихъ промысловъ. Составители законопроектовъ полагали, что сохраненіе общаго давностнаго срока (10-лѣтняго) чрезвычайно затруднило бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ возстановленіе на судѣ во всѣхъ подробностяхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ несчастный случай, но едва ли соображеніе это было правильнымъ: почему, въ такомъ случаѣ, въ нашемъ общемъ законодательствѣ не примѣняются такіе же сокращенные давностные сроки для такихъ дѣяній, какъ убійство, относительно котораго возстановленіе на судѣ всѣхъ подробностей является, пожалуй, еще болѣе затруднительнымъ? Вѣдь при изслѣдованіи несчастныхъ случаевъ всегда почти имѣются на лицо объективныя данныя въ видѣ извѣстнаго техническаго устройства предпріятія.

Съ изданіемъ законовъ о спеціальной отвѣтственности предпри-

нимателей, построенныхъ на принципѣ профессіональнаго риска, самымъ кореннымъ образомъ измѣнилась роль суда. Разъ не надо доказывать чьей либо вины, а достаточно одного подтвержденія факта несчастья, судебный процессъ становится излишнимъ; мѣсто суда можетъ замѣнить и другое учрежденіе, лишь бы оно было компетентно и приспособлено къ рѣшенію тѣхъ немногихъ вопросовъ, которыхъ неизбѣжно придется коснуться при выясненіи правъ потерпѣвшаго. Такъ и поступили многія европейскія государства. Новымъ закономъ 2-го іюня также установленъ новый порядокъ осуществленія потерпѣвшими своихъ правъ; но, къ сожалѣнію, порядокъ этотъ вызываетъ рядъ очень серьезныхъ сомнѣній. Потерпѣвшимъ предоставляется двоякаго рода возможность: или обратиться къ суду, или заключить съ предпринимателемъ соглашеніе о видѣ и размѣрѣ причитающагося имъ вознагражденія, свидѣтельствуемое фабричнымъ инспекторомъ (или окружнымъ инженеромъ). Первый способъ, по идеѣ законодателя, является какъ бы исключеніемъ; нормальнымъ же признается свидѣтельствованіе соглашенія у фабричной (горной) инспекціи, которая провѣряетъ его со стороны соотвѣтствія съ закономъ и отказываетъ въ засвидѣтельствованіи соглашенія, если признаетъ его явно и существенно нарушающимъ настоящія правила. Если добровольнаго соглашенія между сторонами не послѣдуетъ, то по обращенію одной изъ нихъ къ фабричному инспектору, тотъ разъясняетъ имъ права и обязанности согласно требованіямъ закона и условіямъ настоящаго случая и такимъ образомъ пытается достигнуть соглашенія; если и тутъ соглашенія не послѣдуетъ, или инспекція откажетъ въ засвидѣтельствованіи, потерпѣвшему предоставляется искать судомъ. Чтобы склонить стороны къ нормальному разрѣшенію спора, въ законѣ установлены извѣстныя невыгоды для владѣльца предпріятія, который бы вздумалъ не свидѣтельствовать соглашенія у инспекціи (ст. 38), и для потерпѣвшихъ въ случаѣ предъявленія ими иска помимо предварительнаго обращенія къ инспекціи (ст. 40). Разъ инспекторъ найдетъ соглашеніе отвѣчающимъ требованіямъ закона и засвидѣтельствуетъ его, соглашеніе признается равносильнымъ мировой сдѣлкѣ, заключенной на судѣ, и такъ какъ (по ст. 1366 Уст. Гр. Суд.) дѣло, прекращенное такою сдѣлкой, „почитается *навсегда оконченнымъ*, и какъ тяжущіеся, такъ и наслѣдники ихъ не могутъ возобновить сего дѣла“, то ясно, какое огромное юридическое значеніе имѣетъ актъ свидѣтельствованія инспекціей. Засвидѣтельствованное соглашеніе представляетъ увѣчнымъ очень важную привилегію: въ виду возможности уклоненія предпринимателей отъ уплаты увѣчнымъ выговореннаго сдѣлкой вознагражденія и необходимости въ такомъ случаѣ обращенія къ суду, законъ для огражденія интересовъ увѣчныхъ допустилъ понудительное исполненіе по засвидѣтельствованнымъ инспекціей актамъ, правда въ ограниченномъ

размѣрѣ—лишь при требованіяхъ до 300 рублей и при посредствѣ однихъ лишь земскихъ начальниковъ и городскихъ судей (но не мировыхъ судей и уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ). Съ другой стороны, закономъ предоставлены извѣстныя льготы увѣчнымъ и въ случаѣ обращенія ихъ къ суду: дѣла о вознагражденіи увѣчныхъ производятся въ порядкѣ сокращеннаго судопроизводства, по искамъ допускается предварительное исполненіе судебныхъ рѣшеній безъ истребованія отъ потерпѣвшихъ обезпеченія, потерпѣвшіе пользуются правомъ бѣдности безъ признанія за ними сего права судомъ.

Итакъ, центральной фигурой всего этого порядка является фабричный (или горный) инспекторъ. Но пригодна ли инспекція для той важной роли, которая ей поручена? Прежде всего возникаетъ сомнѣніе, какимъ образомъ фабричные инспектора, заваленные массой работы, справятся съ новой и многотрудной обязанностью. Если вспомнить, что производимая небольшимъ штатомъ 214 участковыхъ инспекторовъ работа измѣряется во всемъ, что относится къ ихъ обязанностямъ, десятками тысячъ (котловъ, посѣщеній, разобранныхъ жалобъ, засвидѣтельствованныхъ документовъ, обнаруженныхъ правонарушеній и т. д.), то невольно должно явиться опасеніе, что фабричная инспекція не сможетъ отнестись къ новой своей функціи съ той внимательностью, которая здѣсь безусловно необходима. Вѣдь при 25.000 несчастныхъ случаевъ или, вѣрнѣе, при 75—100.000 случаяхъ, каждому инспектору придется разобрать не десятки, а сотни соглашеній, въ отдѣльныхъ же, наиболѣе развитыхъ, промышленныхъ районахъ—еще больше, между тѣмъ всякая невнимательность, при неизбѣжной спѣшности работы, должна тяжело отозваться на матеріальной судьбѣ увѣчныхъ. Конечно, изъ подобнаго положенія есть выходъ—необходимо увеличить число фабричныхъ инспекторовъ; но пока этого нѣтъ, рабочіе слишкомъ реально будутъ чувствовать на себѣ всю тяжесть создаваемаго новымъ закономъ порядка. Допустимъ, однако, что штатъ инспекціи будетъ приноровленъ къ числу увѣчныхъ, но и тогда останется одно очень серьезное возраженіе. Засвидѣтельствованное инспекціей соглашеніе навсегда оканчиваетъ дѣло о вознагражденіи. Ясно, что, предоставляя дѣйствіямъ инспекціи такую огромную юридическую силу, законъ долженъ былъ бы представить потерпѣвшимъ извѣстныя гарантіи въ томъ, что инспекція дѣйствительно отнесется къ своему дѣлу съ полнымъ знаніемъ и безпристрастіемъ, что засвидѣтельствованіе инспекціей не отвѣчающаго обстоятельствамъ даннаго случая соглашенія будетъ по требованію увѣчныхъ вновь пересмотрѣно или обжаловано въ опредѣленномъ порядкѣ. Къ несчастію, никакихъ гарантій законъ не далъ увѣчнымъ. Во второмъ случаѣ то или иное рѣшеніе вопроса не представляло бы никакихъ затрудненій—это дѣло чисто техническое, но въ первомъ законъ

и не могъ бы дать никакой гарантіи. Дѣйствительно, вопросъ вѣдь сводится къ тому, какія основанія были предполагать, что фабричная инспекція болѣе всѣхъ другихъ органовъ или учрежденій окажется способной, даже еслибы у ней была полная къ тому физическая возможность, къ выполненію судебно-нотаріальной функціи, осуществляемой, при томъ, безапелляціонно? *) Если держаться точки зрѣнія г. Литвинова-Фалинскаго, что „обращеніе къ столь авторитетному, въ разрѣшеніи различнаго рода споровъ между нанимателями и рабочими, посреднику, какимъ является фабричный инспекторъ, вполнѣ можетъ отвѣчать интересамъ каждой изъ сторонъ“, **) тогда, конечно, не приходилось бы ставить и вопроса. Но едва ли удовлетворитъ кого-нибудь подобное вульгарное и лишенное всякой доказательности утвержденіе. Исторія института фабричной инспекціи въ Россіи даетъ право къ совершенно обратнымъ заключеніямъ. Не новая мысль о томъ, что “все наше фабричное законодательство вызывалось главнѣйшимъ образомъ интересами сохраненія общественнаго порядка“, ***) какъ нельзя лучше подтверждается и на всемъ развитіи правомочій института фабричныхъ инспекторовъ. Пока фабричная инспекція была подчинена одному лишь министерству финансовъ, отъ нея почти исключительно требовался надзоръ за исполненіемъ фабричныхъ законовъ, и хотя одностороннее покровительство интересамъ капитала, проводившееся во всей политикѣ министерства финансовъ, неизбѣжно должно было отразиться и на характерѣ дѣятельности чиновъ инспекціи, но все же подобное направленіе умѣрялось личными качествами фабричныхъ инспекторовъ перваго призыва и публичностью ихъ дѣятельности. Но по мѣрѣ того, какъ агитація предпринимателей противъ инспекціи приводила къ такимъ важнымъ результатамъ, какъ прекращеніе публичности отчетовъ ****), а функціи фабричныхъ инспекторовъ усложнялись совершенно посторонними ихъ назначенію обязанностями, институтъ фабричныхъ инспекторовъ сталъ рѣшительно мѣнять свою физіономію. Что бы ни говорили,—фактъ возбужденія инспекціей преслѣдованія противъ предпринимателей по 920 протоколамъ при... 31438 правонарушеніяхъ (1901) съ до-

---

*) Законъ не исключаетъ возможности оспаривать мировое соглашеніе (слѣдовательно, и актъ, засвидѣтельствованный инспекціей), но лишь на указанныхъ въ законѣ основаніяхъ: за отсутствіемъ свободной воли одной изъ сторонъ, за противозаконностью цѣли сдѣлки и т. д.

**) Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ, Спб. 1903, стр. 49.

***) *М. Александровъ.* Фабричная инспекція въ Россіи. *Промышл. и Здоровье,* 1903, кн. 8, стр. 8.

****) Съ появленіемъ „Свода отчетовъ“ дѣло не измѣнилось: сводныя сухія цифры ничего не говорятъ; только отчеты отдѣльныхъ инспекторовъ могли бы разъяснить истинную роль фабричной инспекціи, степень примѣненія предпринимателями закона и т. д.; только такіе отчеты могли бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывать давленіе на дѣйствія предпринимателей и инспекціи.

статочной опредѣленностью свидѣтельствуетъ о новѣйшей тенденціи въ жизни фабричнаго надзора. Съ другой стороны, основной характеръ дѣятельности долженъ былъ измѣниться параллельно все усиливавшейся зависимости фабричныхъ инспекторовъ отъ другихъ вѣдомствъ, завершившейся Высочайшимъ Повелѣніемъ 30 мая 1903 „о порядкѣ и предѣлахъ подчиненія чиновъ фабричной инспекціи начальникамъ губерній и о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ во внутренней организаціи ея“. Отнынѣ фабричные инспекторы, находясь въ вѣдѣніи министерства финансовъ, „дѣйствуютъ подъ руководствомъ губернатора (градоначальника, оберполиціймейстера)“, которымъ предоставляется даже право „требовать отъ чиновъ фабричной инспекціи представленія очередныхъ и срочныхъ докладовъ по дѣламъ инспекціи“, а „въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ отмѣнять противорѣчащія закону и интересамъ общественнаго порядка распоряженія чиновъ фабричной инспекціи“ (ст. 5). Такимъ образомъ, фабричная инспекція была низведена на степень подчиненной губернскому начальству полицейской власти; законъ окончательно закрѣпилъ за ней то положеніе, которое намѣчалось уже въ наказѣ чинамъ инспекціи 11 февраля 1900 г. (на губернскомъ начальствѣ лежитъ общій надзоръ за распорядкомъ на фабрикахъ и заводахъ, осуществляемый при содѣйствіи фабричныхъ присутствій, чиновъ фабричной инспекціи и полиціи). Спрашивается теперь, можно ли не опасаться, что сведенные къ роли чиновъ полиціи фабричные инспектора окажутся не подходящими для той серьезной и отвѣтственной функціи, къ которой они призваны закономъ 2-го іюня? Техническія свѣдѣнія, которыми обладаютъ многіе изъ инспекторовъ, имѣютъ, конечно, значеніе для нѣкоторыхъ сторонъ ихъ дѣятельности, но они не могутъ замѣнить собой тѣхъ данныхъ, безъ которыхъ нельзя и представить себѣ фабричнаго инспектора въ роли вершителей права по дѣламъ объ увѣчьяхъ. Для правильнаго разрѣшенія этой новой задачи безусловно необходима извѣстная юридическая опытность, потому что новый законъ своими многочисленными, то явно выраженными, то молчаливо подразумѣваемыми ограниченіями идеи профессіональнаго риска ставитъ фабричныхъ инспекторовъ въ необходимость, чуть ли не на каждомъ шагу, примѣнять юридическую интерпретацію. Самый принципъ опредѣленія правъ увѣчныхъ волей единоличнаго административнаго органа не даетъ никакихъ гарантій въ правомѣрности его дѣйствій; закономъ создается какъ бы новый видъ земскихъ начальниковъ со смѣшеніемъ административныхъ и судебныхъ функцій, но безъ отвѣтственности за неправильныя рѣшенія. Для правильной постановки вопроса необходимо было бы создать такія формы, при наличности которыхъ не возникало бы нынѣ основательныхъ опасеній, что фабричная инспекція склонна будетъ снисходительно относиться къ

интересамъ предпринимателей. Съ этой цѣлью слѣдовало бы создать извѣстное представительство отъ предпринимателей и рабочихъ, и тогда, можно быть увѣреннымъ, дѣятельность административнаго учрежденія получила бы совершенно иное направленіе. Такъ, напр., поступили въ Даніи. Рѣшеніе всѣхъ притязаній увѣчныхъ подлежитъ, на основаніи закона объ отвѣтственности предпринимателей, особому совѣту (Arbeiterversicherungs-Rat), который состоитъ изъ трехъ назначаемыхъ королевской властью членовъ (изъ нихъ одинъ долженъ быть врачемъ), *двухъ представителей отъ работодателей и двухъ отъ рабочихъ.* Совѣту подлежитъ не свидѣтельствованіе соглашеній между предпринимателемъ и рабочимъ, въ которомъ уже должно сказаться извѣстное преобладаніе перваго, а рѣшеніе вопроса о правѣ увѣчнаго, возбуждаемаго при томъ даже не по иниціативѣ послѣдняго: предприниматель обязанъ увѣдомить совѣтъ о происшедшемъ у него несчастіи, и все дальнѣйшее производство уже течетъ независимо отъ воли той или другой стороны. Такая постановка вопроса и такой составъ „совѣта“ исключаютъ всѣ тѣ опасенія, которыя неизбѣжны при передачѣ функцій судьи фабричному инспектору. Законъ 2-го іюня не представляетъ даже гарантій, что основной для выясненія права документъ—протоколъ о несчастномъ случаѣ—не будетъ составленъ во вредъ рабочему, тогда какъ по Временнымъ Правиламъ 1901 года протоколъ (или какъ онъ зовется въ правилахъ—дознаніе) составляется при участіи не только полицейской власти и представителя отъ заводоуправленія, но и члена горнозаводскаго попечительнаго приказа, т. е. рабочаго.

Не выдерживаетъ никакого сравненія установленный нашимъ закономъ порядокъ и съ тѣми, которые приняты въ другихъ странахъ, введшихъ у себя законы объ отвѣтственности предпринимателей. Во Франціи, напр., искъ о вознагражденіи возбуждается администраціей, и въ теченіе 5 дней со дня полученія документовъ объ увѣчьи разсматривается предсѣдателемъ гражданскаго суда, который выступаетъ въ роли разъяснителя закона и склоняетъ стороны къ соглашенію; иначе дѣло черезъ очень короткій срокъ разсматривается судомъ въ упрощенномъ порядкѣ; въ теченіе двухъ недѣль рѣшеніе можетъ быть обжаловано. Въ Англіи дѣла о вознагражденіи рѣшаются третейскимъ судомъ черезъ избираемыхъ сторонами—посредниковъ или судью графства. Такимъ образомъ, въ каждомъ изъ этихъ трехъ государствъ, созданы извѣстныя гарантіи въ томъ, что интересы обѣихъ сторонъ будутъ одинаково представлены, что рѣшеніе будетъ постановлено лицомъ или учрежденіемъ, независимымъ, близко знакомымъ съ правомъ, что неправильное рѣшеніе, гдѣ оно постановляется единолично, можетъ быть отмѣнено. При такихъ условіяхъ становится очевиднымъ, какимъ огромнымъ недостаткомъ страдаетъ нашъ законъ, какой серьезной опасностью угрожаетъ онъ пра-

восудію, облечивъ единоличную административную власть безапелляціонными судебными полномочіями и остановивъ свой выборъ на такомъ органѣ, вся дѣятельность котораго исключаетъ возможность безпристрастнаго отношенія къ порученному дѣлу. Единственное достоинство новаго порядка—введеніе сокращеннаго судебнаго производства для дѣлъ объ увѣчьяхъ — не связано съ новой функціей фабричной инспекціи и могло бы имѣть мѣсто и при всякой другой организаціи.

Всякій законъ имѣетъ цѣну лишь постольку, поскольку имъ достигается конечная его цѣль. Къ сожалѣнію, правила 2-го іюня, не давая гарантій, что права увѣчныхъ будутъ опредѣлены въ точномъ согласіи съ закономъ, не представляютъ увѣчнымъ никакого обезпеченія и въ томъ, что они получатъ причитающееся имъ вознагражденіе. Въ этомъ заключается самая слабая сторона закона. Законъ возлагаетъ матеріальную отвѣтственность на владѣльцевъ предпріятія, въ которомъ произошло несчастіе; слѣдовательно, все будущее несчастныхъ калѣкъ зависитъ отъ матеріальнаго благополучія предпринимателя, и если въ его дѣлахъ произойдетъ крахъ, всѣ права увѣчныхъ мигомъ превратятся въ пустой звукъ. Если владѣлецъ предпріятія состоятеленъ, то и въ этомъ случаѣ право увѣчныхъ зависитъ отъ доброй его воли; сколько мытарствъ придется пережить имъ, прежде чѣмъ они получатъ свою пенсію! Чтобы понудить владѣльца къ платежу, въ законѣ установлена одна только карательная мѣра—пеня въ размѣрѣ. . . 1% въ мѣсяцъ, и только при шестимѣсячной просрочкѣ онъ обязуется обезпечить платежи страхованіемъ. Но какими мѣрами можно понудить предпринимателя къ страховкѣ — объ этомъ въ законѣ нѣтъ никакихъ указаній, потому что... его и нельзя понудить. Въ одной изъ болѣе раннихъ редакцій закона, при неисполненіи предпринимателемъ этой обязанности, фабричный инспекторъ входилъ въ судъ съ прошеніемъ объ объявленіи владѣльца предпріятія несостоятельнымъ должникомъ; при такой угрозѣ можно было быть увѣреннымъ, что предприниматели дѣйствительно выполнили бы свое обязательство, но теперь, за неимѣніемъ въ законѣ какой бы то ни было карательной статьи, исполненіе требованій закона предоставлено доброй волѣ каждаго владѣльца, его порядочности и совѣстливости. Ровно никакого значенія по тѣмъ же основаніямъ не имѣетъ и обязательство страхованія въ случаѣ добровольнаго закрытія предпріятія. Такъ какъ обязанность по вознагражденію увѣчныхъ составляетъ чисто личное, а не вещное право, то и при продажѣ предпріятія другому лицу всѣмъ увѣчнымъ, имѣющимъ требованія къ предпринимателю, грозитъ опасность умереть съ голоду: законъ говоритъ, что при добровольномъ отчужденіи предпріятія обязательства „могутъ быть возложены на новаго владѣльца“, если же такого соглашенія о переходѣ обязательствъ нѣтъ,

то владѣлецъ обязанъ застраховать увѣчныхъ или, вѣрнѣе,—такъ какъ законъ нашъ не грозитъ, подобно итальянскому, штрафомъ въ 4.000 лиръ за нестрахованіе рабочихъ,—ничего не обязанъ сдѣлать. Надо ли говорить, что, въ случаѣ несостоятельности предпріятія, всѣ заботы законодателя, выражающіяся въ причисленіи требованій увѣчныхъ къ долгамъ перваго разряда, не могутъ имѣть почти никакого практическаго значенія. Такимъ образомъ, ни въ одномъ случаѣ законъ, въ сущности, не обезпечиваетъ за потерпѣвшими реальнаго вознагражденія: все оно въ правахъ, льготахъ,—словомъ, въ одной лишь мечтѣ. Не трудно, конечно, понять, что подобнаго рода отношеніе къ нуждамъ увѣчныхъ могло возникнуть только при неумѣренномъ покровительствѣ интересамъ капитала. Необезпеченность увѣчныхъ неизбѣжно связана съ принципомъ индивидуальной отвѣтственности, и если ужъ рѣшено было отдать ему предпочтеніе передъ другими, необходимо было обставить этотъ принципъ извѣстными гарантіями въ пользу потерпѣвшихъ. Практика европейскихъ государствъ показываетъ, что нежелательныя послѣдствія индивидуальной отвѣтственности могутъ быть въ значительной степени обезврежены. Чтобъ обезпечить увѣчныхъ отъ нищеты и горя, стоило только послѣдовать примѣру Италіи или Франціи. Въ Италіи законодатель постановилъ, что предприниматели обязаны застраховать своихъ рабочихъ отъ всѣхъ предусмотрѣнныхъ въ законѣ несчастныхъ случаевъ, предоставляя имъ произвести страхованіе въ любомъ изъ учрежденій—въ коммерческихъ, или страховыхъ обществахъ, или въ національной страховой кассѣ, въ фабрично-заводской кассѣ или въ обществахъ взаимнаго страхованія; отвѣтственнымъ остается отдѣльный предприниматель, но онъ безусловно обязанъ перенести свой рискъ на страховое учрежденіе. Еще оригинальнѣе разрѣшила задачу Франція: не признавъ возможнымъ обязательное страхованіе, законъ создалъ особаго рода государственную гарантію въ видѣ спеціальнаго фонда (fonds Spécial de garantie), образуемаго изъ поступленій добавочнаго налога въ 4 сантима со всѣхъ промышленныхъ предпріятій (т. е. 4% надбавки къ патентному сбору) и въ 5 сантимовъ съ гектара горной разработки; если несчастный случай влечетъ за собою смерть или постоянную потерю трудоспособности, то вознагражденіе потерпѣвшимъ уплачивается изъ фонда гарантіи „національной рентной кассы на случай старости"; касса эта взыскивается потомъ съ отдѣльнаго предпринимателя или страховаго учрежденія, въ которомъ были застрахованы потерпѣвшіе. И у насъ, слѣдовательно, было возможно создать извѣстное обезпеченіе увѣчнымъ, и если этого не сдѣлано, то объ этомъ можно только глубоко пожалѣть. Защитники новаго закона, конечно, ссылаются на добровольное страхованіе рабочихъ, какъ на неизбѣжное послѣдствіе, но вѣдь и во Франціи подобное страхованіе было

широко распространено, и законодатель, тѣмъ не менѣе, не счелъ возможнымъ обойтись безъ серьезнаго къ нему корректива.

Но законодатель не счелъ возможнымъ даже эти ограниченныя, по своему содержанію и практическому значенію, нормы примѣнить ко всѣмъ категоріямъ рабочихъ. Уже изъ самаго названія закона слѣдуетъ, что сфера его примѣненія ограничивается фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленностью. Сопоставляя Высочайше утвержденное 2-го іюня 1903 г. мнѣніе государственнаго совѣта съ законопроектами, нетрудно замѣтить, что внѣ дѣйствія новыхъ правилъ остались заведенія ремесленной, строительной, сельскохозяйственной промышленности, мастерскія и иныя промышленныя заведенія частныхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій и, наконецъ, предпріятія казенныхъ управленій. Поскольку рѣчь идетъ о послѣднихъ, нельзя особенно жалѣть объ изъятіи ихъ изъ сферы дѣйствія новаго закона. Для казенныхъ горнорабочихъ, какъ мы знаемъ, изданы образцовыя Временныя правила 1901 года; что же касается рабочихъ остальныхъ вѣдомствъ, то хотя къ нимъ и можетъ быть примѣненъ законъ 2-го іюня *), но послѣдуетъ ли это въ дѣйствительности, сказать съ увѣренностью нельзя: насколько можно судить по оффиціальнымъ матеріаламъ, соотвѣтствующія министерства находили для себя болѣе подходящимъ примѣненіе временныхъ правилъ, а не закона 2-го іюня. Въ такомъ именно смыслѣ въ свое время высказывались министерства Двора и Удѣловъ, военное, морское (послѣднее—по особымъ основаніямъ), и надо думать, что для рабочихъ этихъ вѣдомствъ рано или поздно будутъ примѣнены Временныя правила 1901 г. Совсѣмъ иное соціально-политическое значеніе имѣетъ это изъятіе для многочисленныхъ отраслей частной промышленности: по отношенію къ нимъ, очевидно, не рѣшились примѣнить законъ 2-го іюня, изъ опасенія непосильныхъ для промышленности жертвъ. Хотя закону 2-го іюня очень далеко до идеала, но все же онъ совершеннѣе того „общаго основанія законовъ гражданскихъ", на которомъ должны обосновывать свои притязанія всѣ эти сотни тысячъ рабочихъ, оставшихся теперь за бортомъ. Почему были допущены такія широкія исключенія, мы этого не знаемъ. Фактъ тотъ, что даже въ проектѣ 1901 года ремесленная промышленность ставилась наряду съ фабрично-заводской. Министерство финансовъ съ большой убѣдительностью доказывало, въ опроверженіе опасеній относительно обременительности

*) Согласно п. XVI Выс. утв. 2-го іюня 1903 г. мнѣнія Госуд. Совѣта положено „поручить подлежащимъ министрамъ и главноуправляющимъ войти въ Госуд. Совѣтъ въ теченіе года со дня введенія въ дѣйствіе настоящаго узаконенія съ представленіями о распространеніи правилъ на предпріятія казенныхъ управленій, а равно на мастерскія и иныя промышленныя заведенія частныхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій".

для заведеній ремесленныхъ требованій новаго закона, что послѣднія и въ настоящее время несутъ отвѣтственность передъ потерпѣвшими рабочими на общемъ основаніи гражданскихъ законовъ, и потому, въ данномъ случаѣ, дѣло сводилось бы лишь къ замѣнѣ однихъ обязательствъ другими, въ спеціальномъ законѣ указанными; хотя новымъ порядкомъ расширяются случаи отвѣтственности, но за то „значительно" ослабляется высота вознагражденій; къ тому же, несчастные случаи въ ремесленныхъ заведеніяхъ „чрезвычайно рѣдки". Все это было безусловно вѣрно, и... тѣмъ не менѣе, интересы капитала снова одержали верхъ надъ интересами потерпѣвшихъ рабочихъ. Между тѣмъ, исключеніе ремесленныхъ рабочихъ имѣетъ важное значеніе, потому что установленныя главнымъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіемъ нормы для разграниченія фабричной (подчиненной надзору инспекціи) отъ нефабричной, ремесленной, промышленности позволяютъ относить къ первой лишь тѣ заведенія, у которыхъ имѣется не менѣе 20 рабочихъ. Всѣ остальныя заеденія подойдутъ подъ понятіе ремесленной промышленности, и, слѣдовательно, десятки, если не сотни тысячъ рабочихъ останутся при прежнемъ правовомъ порядкѣ *). Строительные рабочіе исключались изъ круга дѣйствія новыхъ правилъ уже въ проектѣ 1901 г., хотя многочисленныя катастрофы, происходящія въ большихъ городахъ при постройкѣ многоэтажныхъ зданій и убивающія однимъ ударомъ десятки неповинныхъ въ алчности строителей жертвъ, требовали бы самой рѣшительной защиты интересовъ строительныхъ рабочихъ. И куда бы мы ни обратились — къ Франціи, Италіи или Швейцаріи (не говоря уже объ Австріи и Германіи съ ихъ обязательнымъ страхованіемъ), — всюду мы найдемъ въ законахъ объ отвѣтственности и въ строительныхъ промыслахъ. Къ мастерскимъ частныхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ компаній, вѣроятно, вскорѣ будутъ примѣнены правила закона 2-го іюня (см. прим. 1); но за то огромная масса рабочихъ въ сельско-хозяйственной промышленности абсолютно исключена изъ сферы дѣйствія новаго закона. Трудно понять, почему законодатель выдѣлилъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ особое положеніе. Жизнь показываетъ, что число несчастныхъ случаевъ, съ рабочими, за-

*) По инструкціи, изданной къ примѣненію новаго закона, органы надзора составляютъ списки заведеній, на которыхъ распространяются правила 2-го іюня. Но „ремесленныя заведенія, подчиненныя надзору фабричной инспекціи, въ означенные списки не вносятся". Такимъ образомъ ремесленныя заведенія, даже подчиненныя надзору инспекціи, не подлежатъ дѣйствію новыхъ правилъ объ отвѣтственности предпринимателей. Чтобы судить о томъ, какое огромное значеніе имѣетъ это постановленіе инструкціи, достаточно вспомнить слѣдующія цифры: изъ 18.279 заведеній, подчиненныхъ фабричной инспекціи, 7.224 занимали работой менѣе 20 рабочихъ каждое. Слѣдовательно, на всѣ эти 7.224 заведенія не распространяется законъ 2-го іюня!

нятыми при сельскохозяйственныхъ машинахъ, изъ года въ годъ возрастаетъ. Во многихъ мѣстахъ земствами собранъ богатый матеріалъ, иллюстрирующій степень распространенія увѣчій въ сельскомъ быту. Министерство земледѣлія издало для подвѣдомственныхъ ему учрежденій обязательное постановленіе по огражденію рабочихъ при работахъ на сельскохозяйственныхъ машинахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вошло въ сношеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о предоставленіи земскимъ учрежденіямъ права издавать подобныя обязательныя постановленія. Обычное представленіе о земледѣліи, какъ наименѣе опасномъ производствѣ, объясняющееся только тѣмъ, что сельскохозяйственныя предпріятія не сосредоточиваютъ значительныхъ рабочихъ массъ и удалены другъ отъ друга на большія разстоянія, въ дѣйствительности оказалось ложнымъ, какъ только были собраны точныя статистическія данныя. Въ Германіи и Австріи многіе высказывались противъ страхованія сельскохозяйственныхъ рабочихъ на томъ именно основаніи, будто эта категорія тружениковъ рѣдко подвергается несчастнымъ случаямъ, и когда, тѣмъ не менѣе, страхованіе распространилось и на нихъ, то вскорѣ же пришлось убѣдиться въ недостаточности первоначально назначенныхъ страховыхъ ставокъ и въ необходимости значительнаго ихъ повышенія. Въ 1899 г., по даннымъ германской статистики, на 1.000 застрахованныхъ въ промышленности приходилось 7,39 вознагражденныхъ несчастныхъ случаевъ, а въ сельскомъ хозяйствѣ—4,58; въ томъ числѣ смертныхъ случаевъ въ промышленности (на 1.000 застрахованныхъ)—0,72 и въ сельскомъ хозяйствѣ—0,23. Изъ этихъ данныхъ видно, что сельское хозяйство далеко не представляетъ для рабочихъ той степени безопасности, которая позволяла бы относиться совершенно безразлично къ вопросу объ обезпеченіи увѣчныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Но приведенныя цифры относятся къ сельскому хозяйству въ тѣсномъ смыслѣ, въ „сельскохозяйственной же промышленности", которая въ значительной своей части включена въ Германіи въ группу промышленности, процентъ несчастныхъ случаевъ значительно выше: такъ, мукомольное производство занимало въ Германіи, по даннымъ 1897 года, второе мѣсто по числу несчастій. Между тѣмъ, у насъ значительная группа такъ назыв. предпріятій сельскохозяйственной промышленности абсолютно исключена изъ сферы дѣйствія новаго закона. Къ такимъ предпріятіямъ отнесены сельскохозяйственныя заведенія, „находящіяся внѣ городскихъ поселеній, въ предѣлахъ собственныхъ или арендуемыхъ имѣній и земель и служащія для переработки продуктовъ собственнаго и частью мѣстнаго сельскаго или собственнаго лѣсного хозяйства",—заводы кирпичные, черепичные, гончарные, известе-обжигательные, крахмальные, смолокуренные, маслодѣльни, сыроварни и т. п. съ числомъ наемныхъ рабочихъ не свыше двадцати, хотя бы они и употреб-

ляли механическіе двигатели; лѣсопильни, имѣющія не болѣе одного рамнаго станка, мельницы—водяныя, вѣтряныя и приводимыя въ движеніе механическими двигателями, имѣющія не болѣе четырехъ жерновыхъ поставовъ или одного вальцоваго, сукновальни, шерсточесальныя машины (не болѣе одного постава), маслобойни (не свыше 10 рабочихъ или 3 ручныхъ прессовъ), предпріятія сельскохозяйственнаго винокуренія и нѣкоторыя другія. Словомъ, огромное число рабочихъ въ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ съ несомнѣннымъ промышленнымъ характеромъ, не говоря уже о рабочихъ при сельскохозяйственныхъ машинахъ, остались внѣ дѣйствія закона 2-го іюня. Результатъ этотъ не покажется неожиданнымъ, если вспомнить, какое приниженное юридическое состояніе создано въ Россіи сельскохозяйственнымъ рабочимъ Положеніемъ о наймѣ на сельскохозяйственныя работы. Освобождая владѣльцевъ сельскохозяйственныхъ предпріятій отъ спеціальной отвѣтственности, законодатель, очевидно, руководился тѣми же соображеніями, въ силу которыхъ въ свое время счелъ нужнымъ освободить ихъ и отъ платежа государственнаго промысловаго налога.

V.

Таковъ законъ 2-го іюня 1903 года. Съ какой бы стороны мы ни подошли къ нему—со стороны ли объема отвѣтственности предпринимателей, сферы примѣненія новыхъ правилъ, размѣровъ вознагражденія или способа обезпеченія потерпѣвшихъ,—мы должны будемъ признать его неудовлетворительнымъ. Не нужно удаляться вглубь теоретическихъ разсужденій или въ область западноевропейской практики: достаточно сравнить законъ 2-го іюня съ Временными правилами 15-го мая *), чтобы воочію убѣдиться въ многочисленныхъ дефектахъ, какъ основного его принципа, такъ и деталей. Не давая потерпѣвшимъ сколько-нибудь прочныхъ гарантій въ томъ, что они дѣйствительно получатъ даже то скромное вознагражденіе, которое имъ полагается, законъ въ то же время оставилъ для сотенъ тысячъ рабочихъ старый порядокъ, со всѣми его еще болѣе значительными недостатками. Неудовлетворительность закона 2-го іюня должна быть ясна всякому, хотя бы изъ сравненія его съ первоначальной редакціей законопроекта 1893 г. Надо быть оптимистомъ ex officio, въ родѣ

*) По поводу Временныхъ правилъ 15-го мая „Извѣстія министерства земледѣлія“ писали: „Вполнѣ естественно, что тѣ же начала признаются отнынѣ желательными и для заводовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Въ этомъ законѣ, несомнѣнно, слѣдуетъ видѣть тѣ вѣхи, по коимъ суждено идти нашему будущему законодательству“ (№ 33, 1901, стр. 651).

г. Литвинова-Фалинскаго *), чтобы отважно (въ 1902 году) заявлять — „продолжительная разработка способствовала совершенству законопроекта", или невѣжественнымъ и заинтересованнымъ въ дѣятельности страховыхъ обществъ человѣкомъ, чтобы радоваться закону, находить, что „все имъ предусмотрѣно", что нѣтъ почти обстоятельствъ, „при которыхъ потерпѣвшіе могли бы лишиться опредѣленнаго имъ вознагражденія", и горевать только объ одномъ, какъ бы „законъ не послужилъ поводомъ къ... нравственной порчѣ широкой массы народа" **). Еще болѣе легкомысленно заявлять, что „на примѣрно такихъ же началахъ" ***), что и законъ 2-го іюня, построены Временныя правила 15-го мая; „примѣрность" эта такъ же далека отъ истины, какъ далеко закону 2-го іюня до германскаго закона объ обязательномъ страхованіи.

Было бы, конечно, глубоко несправедливо не видѣть въ новомъ законѣ извѣстнаго прогресса въ сравненіи съ общимъ гражданскимъ правомъ, не признавать за нимъ значенія мѣры, до нѣкоторой степени благопріятной интересамъ рабочихъ. Скажемъ больше: еслибы законъ появился двадцать лѣтъ тому назадъ, мы должны были бы его привѣтствовать, какъ крупный актъ русскаго законодательства по рабочему вопросу. Но въ томъ-то и дѣло, что жизнь значительно опередила законъ и, отвѣчая на запросы времени, выработала такія формы обезпеченія увѣчныхъ, въ сравненіи съ которыми многое въ новомъ законѣ покажется намъ и устарѣлымъ, и недостаточнымъ. Что сказали бы мы о законѣ, который санкціонировалъ бы 12-ти часовой рабочій день, когда на практикѣ уже установился 10-ти часовой? Что новаго дастъ законъ 2-го іюня тѣмъ рабочимъ, которые уже застрахованы въ обществахъ взаимнаго страхованія? Пока страхованіе не признано обязательнымъ, все значеніе закона 2-го іюня заключается только въ томъ, что онъ формулировалъ уже установившуюся въ жизни идею, ввелъ идею профессіональнаго риска, какъ основаніе отвѣтственности предпринимателей, опредѣлилъ права увѣчныхъ рабочихъ въ видѣ пенсіонныхъ (или единовременныхъ) платежей

*) См. Литвиновъ-Фалинскій въ „Страховомъ Обозрѣніи", 1902, кн. 9.

**) П. Гринбергъ, „Страховое Обозрѣніе", 1902, кн. 10, стр. 591, 592.

***) *Литвиновъ-Фалинскій.* Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ, Спб. 1903, стр. 27. Кстати необходимо отмѣтить одну характерную особенность многочисленныхъ, но повторяющихъ другъ друга „трудовъ" г. Литвинова-Фалинскаго: почти всѣ его „собственныя" разсужденія представляютъ дословную перепечатку изъ оффиціальныхъ, но не опубликованныхъ матеріаловъ. Конечно, особенность эта придаетъ большую практическую цѣнность приводимой въ книгѣ мотивировкѣ, но вѣдь болѣе чѣмъ странно выдавать чужія разсужденія за свои, тѣмъ болѣе, что „разсужденія" г. Литвинова имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они являются изложеніемъ мнѣнія законодателя. Не лучше ли было бы, еслибы г. Литвиновъ цитировалъ въ кавычкахъ оффиціальные матеріалы и не вводилъ бы тѣмъ въ заблужденіе читателей. Во всякомъ случаѣ, усвоенный г. Литвиновымъ пріемъ не можетъ быть названъ литературнымъ.

и тѣмъ поставилъ извѣстный предѣлъ торгамъ и обирательствамъ, практиковавшимся до сихъ поръ при каждомъ удобномъ случаѣ, упростилъ порядокъ назначенія вознагражденія и облегчилъ положеніе рабочаго-истца въ судѣ.

Но если несомнѣнны нѣкоторыя выгоды для рабочихъ, то также безспорны и нѣкоторыя „неудобства“ закона для предпринимателей. Если взять всю промышленность, какъ одно цѣлое, то общій итогъ матеріальныхъ жертвъ, возложенныхъ на нее съ введеніемъ новаго закона, фактически долженъ нѣсколько увеличиться. Теоретически, этого не должно бы быть: пусть число несчастныхъ случаевъ, вознаграждаемыхъ по правиламъ 2-го іюня, увеличилось въ сравненіи съ прежнимъ, но вѣдь размѣры вознагражденія значительно понизились, и еслибы число вознаграждаемыхъ случаевъ возрасло на половину, то и тогда общій расходъ остался бы безъ измѣненій *). Но этотъ теоретическій разсчетъ былъ бы вѣренъ при одномъ лишь условіи—еслибы и прежде владѣльцы предпріятій, въ предѣлахъ требованій гражданскаго права, уплачивали всѣмъ потерпѣвшимъ и въ полномъ размѣрѣ причиненныхъ увѣчьемъ убытковъ; но этого и не было. Пользуясь юридическимъ невѣжествомъ рабочаго, неопредѣленностью его правъ и матеріальной его безпомощностью, длительностью и дороговизной процесса, предприниматели и страховыя общества съ удобствомъ примѣняли всяческія средства къ тому, чтобы уменьшить число вознаграждаемыхъ несчастій и заставить потерпѣвшаго или его семью примириться съ тѣмъ, что дадутъ, и въ этомъ направленіи добились блестящихъ результатовъ. Теперь многое измѣнилось или, по крайней мѣрѣ, должно измѣниться. Ни предприниматели, ни страховыя общества не имѣютъ уже прежняго простора для примѣненія благовидныхъ своихъ операцій. Большая опредѣленность права и извѣстный контроль со стороны фабричной инспекціи должны будутъ повести къ тому, что число вознаграждаемыхъ несчастій и размѣры дѣйствительнаго вознагражденія станутъ ближе къ установленнымъ нынѣ правовымъ

*) Конечно, мы сдѣлали произвольное допущеніе; быть можетъ, число вознаграждаемыхъ по закону случаевъ увеличится въ значительно большей пропорціи, и тогда весь нашъ разсчетъ можетъ обернуться не въ пользу предпринимателей. Во всякомъ случаѣ моментъ этотъ наступитъ не раньше, чѣмъ число вознаграждаемыхъ увѣчій увеличится на половину. Дѣйствительно, если годовой заработокъ рабочаго—a и число вознаграждаемыхъ увѣчій (возьмемъ для простоты несчастные случаи, оканчивающіеся смертью или полной инвалидноттью) —b, то расходъ промышленности до введенія новаго закона будетъ равенъ ab; при вознагражденіи въ $^2/_3\ a$ общій расходъ ab будетъ достигнутъ только при числѣ увѣчій $\frac{3}{2}b$ ($^2/_3 a \cdot x = ab$ или $x = a{:}b\,\frac{2a}{3} = \frac{3ab}{2a} = \frac{3b}{2}$), т. е. при ростѣ числа вознаграждаемыхъ увѣчій на половину.

нормамъ, чѣмъ это было до сихъ поръ (требованія закона, какъ мы разъясняли выше, *полностью* и теперь не будутъ осуществлены), и въ конечномъ счетѣ потребуютъ отъ промышленности, взятой въ цѣломъ, нѣсколько большихъ расходовъ. По тѣмъ же соображеніямъ передъ владѣльцами предпріятій должна была возникнуть въ большей степени, чѣмъ прежде, необходимость обезпечить себя отъ неравномѣрныхъ, иногда значительныхъ расходовъ по вознагражденію увѣчныхъ (при массовыхъ, напр., катастрофахъ). Единственнымъ средствомъ къ избавленію себя отъ подобнаго риска является страхованіе, частное или взаимное. Но акціонерныя страховыя общества, пользуясь моментомъ, недостаточнымъ распространеніемъ у насъ взаимнаго страхованія, не замедлили значительно поднять тарифъ *).

Разумѣется, у страховыхъ обществъ были къ тому извѣстныя основанія: нельзя уже теперь выдавать потерпѣвшимъ произвольное вознагражденіе, какъ прежде, потому что, во-первыхъ, условія страхованія должны соотвѣтствовать требованіямъ закона, во-вторыхъ, заключаемыя страховыми обществами сдѣлки о вознагражденіи должны подлежать такому же свидѣтельствованію фабричныхъ инспекторовъ, какъ и соглашеніе между предпринимателемъ и потерпѣвшимъ. Какъ бы то ни было, повышеніе тарифа акціонерными компаніями заставило нѣкоторыхъ немедленно же приспособиться къ новому порядку и приступить къ учрежденію обществъ взаимнаго страхованія. Появились извѣстія о возникающихъ обществахъ въ Москвѣ (уже утвержденъ „Россійскій взаимный страховой союзъ", распространяющій свои операціи на цѣлый рядъ губерній), въ Лодзи, въ Кіевѣ, Вильнѣ, Варшавѣ и другихъ городахъ.

Но наряду съ этимъ стало обнаруживаться и иное теченіе. Вмѣсто того, чтобы пойти навстрѣчу требованіямъ закона и въ той или иной формѣ обезпечить своихъ рабочихъ, промышленники нашли болѣе удобнымъ повалить самый законъ: въ промышленныхъ кругахъ открылась рѣшительная и энергичная кампанія противъ введенія въ дѣйствіе новыхъ правилъ съ 1 янв.

---

*) Такимъ образомъ, у насъ повторилось буквально то же самое, что происходило въ свое время во Франціи наканунѣ введенія въ дѣйствіе закона 1898 года. Страховыя общества подъ предлогомъ расширенія отвѣтственности подняли страховую премію до 10, 11 и даже 15% заработной платы. Дороговизна частнаго страхованія заставила предпринимателей подумать о созданіи другихъ болѣе выгодныхъ для себя формъ, но такъ какъ къ осуществленію ихъ по разнымъ соображеніямъ они всетаки не приступали, а между тѣмъ опасность матеріальнаго риска отъ несчастныхъ случаевъ, въ особенности для мелкихъ предпринимателей, становилась болѣе чѣмъ вѣроятной, то предприниматели повели энергичную кампанію противъ закона и потребовали его пересмотра или, по крайней мѣрѣ, отсрочки, мотивируя просьбу необходимостью подготовиться къ осуществленію страхованія. См. *Zacher*, Heft IVa, S.S. 19—20, 22.

1904 г. Въ разныхъ мѣстахъ и подъ разными предлогами, съ энергіей, заслуживающей лучшаго примѣненія, предприниматели возбудили рядъ ходатайствъ объ отсрочкѣ на одинъ годъ новаго закона. Первымъ застрѣльщикомъ выступилъ съѣздъ металлозаводчиковъ сѣвернаго и прибалтійскаго районовъ, представившій министру финансовъ докладную записку съ ходатайствомъ „объ отдаленіи срока введенія означеннаго закона до 1-го янв. 1905 года, т. е. до того времени, пока всѣ подготовительныя мѣры будутъ приняты и урегулированы усиліями и стараніями правительственныхъ чиновъ и представителей промышленности“. За нимъ послѣдовало петербургское общество для содѣйствія улучшенію и развитію фабрично-заводской промышленности (не смѣшивать съ обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ!), просившее, кромѣ того, о созывѣ совѣщанія изъ представителей разныхъ промышленныхъ районовъ для обсужденія „порядка введенія закона 2-го іюня“, и, наконецъ, XXVIII съѣздъ горнопромышленниковъ Юга Россіи. Коммиссія и члены этого съѣзда, въ оправданіе своего пожеланія, указывали, что предприниматели не успѣли достаточно ознакомиться съ новымъ закономъ, что его введеніе можетъ породить массу недоразумѣній, вредно отразиться на интересахъ промышленности, что фабричная инспекція не подготовлена къ примѣненію закона и т. д. Хотя отдѣльные ораторы протестовали противъ подобнаго ходатайства, хотя представитель министерства внутреннихъ дѣлъ предупреждалъ, что „подобное ходатайство можетъ быть понято рабочими, какъ желаніе владѣльцевъ предпріятій воспрепятствовать проведенію новаго закона въ жизнь“, а фабричные инспектора заявляли о своей ознакомленности съ закономъ и полной подготовленности къ его осуществленію, съѣзду всетаки удалось провести свое *). Помимо того, господа горнопромышленники стали подкапываться и подъ самыя основанія закона, принявъ резолюцію ходатайствовать объ „освобожденіи предпринимателя отъ отвѣтственности въ случаѣ отказа потерпѣвшаго рабочаго отъ лѣченія“ **). Случилось то,

---

*) На съѣздѣ раздавались рѣчи, блестяще иллюстрирующія наше утвержденіе, что для многихъ промышленныхъ „дѣятелей“ заботы о благѣ рабочихъ и восторгъ передъ обязательнымъ страхованіемъ—одно лицемѣріе. „Насъ напрасно запугиваютъ (?!) закономъ,—говорилъ инженеръ г. Ясюковичъ, одинъ изъ организаторовъ общества для продажи издѣлій русскихъ металлургическихъ заводовъ, представляющаго въ сущности синдикатъ. *Мы люди, видѣвшіе виды.* Намъ необходимо ходатайствовать объ отложеніи закона. Изъ насъ никто еще ничего не сдѣлалъ, чтобы воспринять законъ. *Для рабочихъ же будетъ лучше.* И теперь рабочіе, получившіе увѣчье, могутъ искать свои права судомъ. Для нихъ существуетъ право бѣдности: двери суда открыты для нихъ“... (Цитируемъ по харьковскимъ газетамъ). Такими рѣчами гг. горнопромышленники, во всякомъ случаѣ, выдали себѣ свидѣтельство о бѣдности.

**) „Предприниматели стали агитировать противъ закона и въ другой формѣ.

чего можно было ждать. Повторилась та же компанія, которую въ свое время предприниматели повели противъ закона 2-го іюня 1897 года о продолжительности рабочаго времени на фабрикахъ и заводахъ, и которая закончилась отмѣной правилъ о сверхурочныхъ работахъ, въ корнѣ подорвавшей практическое значеніе закона. Ободренные подобной удачей, предприниматели и на этотъ разъ рѣшили попытаться задержать примѣненіе закона объ отвѣтственности и выдвинули цѣлый арсеналъ аргументовъ, разсчитанныхъ на то, чтобы устрашить и правительство перспективой всевозныхъ бѣдствій. По обычной тактикѣ своей предприниматели почти не говорили о вредныхъ послѣдствіяхъ закона для своихъ личныхъ интересовъ, выставляя на первый планъ интересы... рабочихъ и государства. Введеніе въ дѣйствіе новаго закона съ 1 янв. 1904 г.—говорилось въ докладной запискѣ Совѣта съѣздовъ металлозаводчиковъ сѣвернаго и прибалтійскаго районовъ и повторялось на съѣздѣ южныхъ горнопромышленниковъ—„а) лишитъ промышленниковъ возможности своевременно оградить себя отъ случаевъ слишкомъ неравномѣрной, тяжелой и непосильной матеріальной отвѣтственности; б) застанетъ представителей правительственнаго надзора и медицинскаго персонала мало подготовленными къ примѣненію новыхъ правилъ и къ спокойному проведенію закона въ жизнь; в) не представитъ достаточной гарантіи въ обезпеченіи потерпѣвшихъ рабочихъ или ихъ семействъ въ малыхъ предпріятіяхъ и г) породитъ много недоразумѣній между обѣими заинтересованными сторонами, что отразится на значительномъ увеличеніи споровъ и возбужденіи исковъ и претензій, а все это вызоветъ крайне опасное обостреніе отношеній между рабочими и администраціей предпріятій“. Законъ 2-го іюня—говорили они въ заключеніе—„не можетъ дать рабочему классу полнаго и безусловнаго обезпеченія отъ послѣдствій несчастныхъ случаевъ, и единственнымъ кореннымъ рѣшеніемъ этого вопроса слѣдуетъ признать принципъ общаго для всѣхъ обязательнаго государ-

Управленіе александровскаго южно-россійскаго завода въ Екатеринославѣ—читаемъ въ „Южной Россіи“ — нашло, что семейства умершихъ рабочихъ злоупотребляютъ великодушіемъ заводской администраціи и требуютъ выдачи пенсій и пособій даже въ тѣхъ случаяхъ, когда смерть рабочихъ произошла не отъ травматическихъ поврежденій, а какъ послѣдствіе какой-нибудь внутренней болѣзни. Чтобы оградить себя отъ такихъ посягательствъ Александровскій заводъ пожелалъ производить въ своей больницѣ вскрытіе всѣхъ умершихъ рабочихъ, чтобы заручиться доказательствами того, что онъ не виноватъ въ смерти, которая могла произойти отъ какихъ-нибудь внутреннихъ осложненій. Найти какія-нибудь опороченныя внутренности у рабочихъ было бы, конечно, не особенно трудно, и тогда заводъ могъ бы, съ покойною совѣстью, отклонять всѣ домогательства семействъ умершихъ рабочихъ. Необычайная просьба Александровскаго южно-россійскаго завода была представлена черезъ екатеринославское врачебное отдѣленіе на разсмотрѣніе медицинскаго департамента, который отклонилъ претензію завода, указавъ на несоотвѣтствіе ея дѣйствующему законодательству“.

ственнаго страхованія, расходы по которому въ то же время будутъ представлять вполнѣ равномѣрное и справедливое обложеніе промышленности". Вся эта аргументація въ высшей степени характерна и по тому „искусству", съ какимъ предприниматели соединили въ одно интересы свои, рабочихъ и государства, придавъ такимъ образомъ вопросу одно общеполитическое значеніе, и по тому удивительному выводу, который они сдѣлали изъ нея. Законъ 2-го іюня не обезпечиваетъ рабочихъ и въ этомъ отношеніи уступаетъ закону о государственномъ страхованіи, говорили промышленники. Но въ такомъ случаѣ всякій имѣлъ бы право сказать имъ: „почему же вы въ свое время не приняли мѣръ для защиты интересовъ рабочихъ, почему съ присущей вамъ энергіей, вы не ходатайствовали передъ правительствомъ о необходимости скорѣйшаго введенія страхованія въ то время, когда законъ былъ только проектомъ и всѣ ваши замѣчанія принимались съ готовностью". Но въ томъ и заключалось все лицемѣріе представленнаго ходатайства, что всѣ трогательныя заботы о рабочемъ были—простой отпиской, которая должна была затормазить осуществленіе даже скромнаго по своимъ требованіямъ закона. Предприниматели убоялись нѣкоторыхъ матеріальныхъ жертвъ и порѣшили, во чтобы то ни стало, подорвать законъ, и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ тотъ неожиданный выводъ, къ которому они пришли въ своемъ ходатайствѣ: изложивъ всѣ свои соображенія противъ закона 2-го іюня, съѣздъ „въ виду этого" постановилъ просить министра не о введеніи обязательнаго страхованія, какъ это неизбѣжно вытекало изъ всего предшествующаго, а объ... „отдаленіи срока введенія закона до 1 января 1905 года"... Такимъ неожиданнымъ оборотомъ они выдали всѣ свои скрытые планы. Какъ было не желать прежнихъ правовыхъ нормъ, когда подъ ихъ защитой можно было платить рабочему за оба вышибленныхъ глаза... три рубля *).

По счастію, агитація предпринимателей закончилась для нихъ пораженіемъ. Въ оффиціозномъ органѣ министерства финансовъ (*Торгово-Промышленная Газета*, № 270, 1903) было категорически заявлено, что „законъ обязательно вступитъ въ силу съ 1 января 1904 г.", ходатайства же предпринимателей „оставлены министерствомъ финансовъ безъ послѣдствій". Послѣ такого категорическаго заявленія всѣ опасенія за судьбу закона стали изизлишни.

Защищая новыя правила отъ нападокъ со стороны предпринимателей и настаивая на необходимости осуществленія ихъ въ жизни съ 1 янв. 1904 г., мы ничуть не желали сказать, что совершенство закона 2-го іюня стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

---

*) *Д. П. Никольскій.* Къ характеристикѣ горнозаводскаго дѣла на Уралѣ въ санитарномъ отношеніи. *Промышленность* и *Здоровье*, 1902, кн. 2, стр. 24.

Наоборотъ, все наше изслѣдованіе должно было показать, что законъ этотъ представляетъ слабую и нерѣшительную попытку защитить интересы увѣчныхъ, не достигаетъ и не можетъ достигнуть своей конечной цѣли, если только не считать таковою... охрану интересовъ капитала. Мы отрицательно относились ко всѣмъ критическимъ оцѣнкамъ закона, исходившимъ изъ промышленныхъ круговъ только потому, что не вѣрили и не вѣримъ въ искренность ихъ восторговъ передъ обязательнымъ страхованіемъ и хулы по адресу новаго закона. Чтобы дискредитировать какое-нибудь новшество, всегда существовало—и понынѣ существуетъ—два пріема: можно опорочить новый порядокъ, или сравнивая его со старымъ, которое въ такихъ случаяхъ надѣляется небывалыми совершенствами, или противопоставляя ему еще болѣе совершенный, но далекій отъ современности идеалъ, въ разсчетѣ на то, что пока осуществится этотъ идеалъ, все останется по старому, и тѣ, кому дорога эта старина, тѣмъ временемъ вдоволь наловятъ рыбы въ мутной водѣ. Предприниматели наши избрали второй путь. Они хорошо понимали, что, высказывая теоретическія симпатіи обязательному страхованію, они ничѣмъ не рискуютъ: если на выработку закона 2-го іюня ушло слишкомъ двадцать лѣтъ, то сколько же времени понадобится тяжелоходному бюрократическому механизму, чтобы вызвать къ жизни обязательное страхованіе. Вотъ почему вѣнцомъ практическихъ желаній предпринимателей являлась отсрочка закона 2-го іюня сначала на годъ, а затѣмъ .. и навсегда.

Законъ 2-го іюня, не обезпечивая потерпѣвшихъ рабочихъ, страдаетъ непоправимыми недостатками, и можно только порадоваться, что представители организованныхъ интересовъ предпринимателей заявили объ этомъ во всеуслышаніе. Примѣненіе закона должно повлечь за собою извѣстныя жертвы и со стороны предпринимателей, но какъ онѣ ничтожны въ сравненіи съ тѣми страданіями, которыя неизбѣжно выпадутъ на долю живыхъ „отбросовъ“ производства: сколько мукъ они переживутъ, сколько слезъ прольютъ, прежде чѣмъ фабричная контора выброситъ имъ нѣсколько рублей; сколько натерпятся они страха, что вотъ-вотъ предпріятіе рухнетъ и своимъ банкротствомъ увлечетъ безслѣдно и ихъ жалкіе гроши. На законъ 2-го іюня мы должны смотрѣть, какъ на временную переходную мѣру, которая—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше—должна уступить свое мѣсто обязательному страхованію. Только съ осуществленіемъ этого страхованія будутъ устранены всѣ недостатки, составляющіе сущность законовъ объ индивидуальной отвѣтственности. Еслибы въ промышленныхъ кругахъ были болѣе распространены истинныя представленія объ этой формѣ обезпеченія увѣчныхъ, они давно бы провели ее въ жизнь въ своихъ же собственныхъ интересахъ. Правда, кругъ вознаграждаемыхъ несчастныхъ случаевъ значительно здѣсь

расширяется, но за то организація взаимнаго страхованія сберегаетъ массу расходовъ, хотя бы по тому одному, что она не разсчитана на полученіе прибылей, подобно частному акціонерному страхованію. Въ то время какъ въ Германіи и Австріи стоимость обязательнаго страхованія рабочихъ не достигаетъ 2% заработной платы, повышая издержки производства всего на $^1/_4$—$^1/_2$%, въ Россіи акціонерное страхованіе, вознаграждавшее рабочихъ жалкими крохами, обходилось въ 1898 году въ $1^1/_2$%, теперь же послѣ новыхъ и значительныхъ повышеній русскаго тарифа дороговизна нашего частнаго страхованія должна была стать исключительной. Оно и понятно: тогда какъ въ Германіи расходы по всей системѣ обязательнаго страхованія составляютъ всего 10—12%, въ акціонерныхъ обществахъ уходило на расходы и дивиденды въ Россіи, по даннымъ 1898 года, почти 50% всѣхъ собранныхъ премій (по подсчету С. Прокоповича за 1902 годъ указанныя двѣ статьи поглощали всего 21,6%), во Франціи 30—40%. До изданія закона 2 іюня, предприниматели, искренне или неискренне высказываясь въ пользу обязательнаго страхованія, представляли себѣ его, какъ мечту изъ прекраснаго далекаго, ни къ чему ихъ не обязывающую, и не подозрѣвали, что вскорѣ наступитъ время, когда сама жизнь заставитъ ихъ организовать обезпеченіе увѣчныхъ на новыхъ основаніяхъ. Еслибы дѣло шло только объ интересахъ рабочихъ, они не сдѣлали бы никакихъ усилій въ этомъ направленіи; но теперь, когда законъ 2 іюня сталъ фактомъ, когда неравномѣрность обложенія, какъ слѣдствіе этого закона, становится для отдѣльныхъ предпріятій чѣмъ-то реальнымъ и грозитъ неравенствомъ условій конкурренціи, промышленники сами поймутъ всѣ преимущества обязательнаго страхованія, тѣмъ болѣе, что расходы при этой системѣ могутъ быть, какъ и всякій налогъ на промышленность, съ удобствомъ извлечены изъ потребительскихъ кармановъ *) Но одного этого сознанія, даже еслибы оно стало общераспространеннымъ, все же мало. Сколько бы преимуществъ ни представ-

*) Предпринимателямъ особенно улыбается мысль, что при обязательномъ страхованіи расходы упадутъ на обывателя. „При ближайшемъ изученіи вопроса становится яснымъ, что промышленникъ, служащій лишь посредникомъ между рабочей силой, какъ производителемъ, и населеніемъ, какъ потребителемъ, долженъ быть и въ данномъ случаѣ (т. е. при вознагражденіи увѣчныхъ) только передаточной инстанціей, назначеніе которой состоитъ въ собраніи со всего населенія нѣкоторой дани для обезпеченія рабочаго. Иначе говоря, какъ и всякій налогъ, расходы по обезпеченію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, естественно, должны будутъ рано или поздно быть перенесены почти всецѣло на потребителя, такъ какъ сама промышленность, особенно въ настоящее время, не имѣетъ никакой возможности вынести этотъ расходъ только на своихъ плечахъ". (Изъ докладной записки съѣзда балтійскихъ и сѣверныхъ металлозаводчиковъ, см. *Горнозаводскій Листокъ*, 1903, № 26, стр. 6405). Какое странное разсужденіе!

ляло взаимное страхованіе предпринимателями рабочихъ, все же оно требуетъ изъ года въ годъ расходовъ, и разъ страхованіе не предписано закономъ, успѣхи его будутъ тормазиться эгоистическими интересами предпринимателей. Примѣръ Франціи приводитъ именно къ этому заключенію. Не смотря на то, что агитація противъ закона 1898 г. о вознагражденіи увѣчныхъ оправдывалась неподготовленностью предпринимателей, не успѣвшихъ·достановить своего выбора на извѣстной формѣ страхованія, въ дѣйствительности распространеніе страхованія не сдѣлало почти никакихъ успѣховъ, по крайней мѣрѣ за 3 года, протекшихъ со времени примѣненія закона: кто прежде не страховалъ, тѣ и потомъ не страховали своихъ рабочихъ; не увеличилось не только коммерческое, но и взаимное страхованіе. И что особенно характерно: мелкая промышленность, существованію которой законъ, по всеобщему мнѣнію, грозилъ гибелью и единственнымъ выходомъ для которой считалось страхованіе, рѣшительнымъ образомъ опровергла всѣ предсказанія — она попрежнему не думаетъ страховать рабочихъ *).

При такихъ условіяхъ, единственнымъ рѣшеніемъ вопроса можетъ быть лишь признаніе обязательности страхованія законодательной властью. Только въ этомъ случаѣ интересы рабочаго класса будутъ сполна удовлетворены. Недостаточность вновь созданнаго порядка и необходимость обязательнаго страхованія хорошо сознавались и въ правительственныхъ сферахъ. При обсужденіи законопроекта одно изъ министерствъ опредѣленно высказалось, что „цѣль, съ которою проектированъ законъ — матеріальное обезпеченіе рабочихъ и ихъ семействъ на случай неспособности къ труду или смерти — по глубокому его убѣжденію, могла бы быть достигнута съ большимъ успѣхомъ путемъ введенія обязательнаго страхованія рабочихъ подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ правительства; проектированный законъ, по мнѣнію этого вѣдомства, является „лишь скромной попыткой вмѣшательства правительственной власти въ дѣло обезпеченія рабочихъ“. Еще опредѣленнѣе выразило свой взглядъ другое вѣдомство. По его мнѣнію, изданіе закона объ отвѣтственности явилось бы для горнопромышленныхъ предпріятій безразличнымъ мѣропріятіемъ, „запоздалымъ актомъ, не отвѣчающимъ современному положенію дѣла“; среди владѣльцевъ и рабочихъ горныхъ и горнозаводскихъ предпріятій, какъ и въ правительственныхъ горныхъ сферахъ, идея обязательнаго государственнаго страхованія давно уже назрѣла и имѣетъ самое широкое распространеніе; для обезпеченія увѣчныхъ представляется необходимымъ изданіе закона объ обязательномъ государственномъ страхованіи, со включеніемъ въ него причинъ, дающихъ право на

*) Cp. Zacher, Heft IVa, S. 38.

вознагражденіе за профессіональныя болѣзни. И дѣйствительно, если законъ 2 іюня слабо ограждаетъ интересы фабричныхъ рабочихъ, то въ горныхъ и горнозаводскихъ предпріятіяхъ, гдѣ каждый годъ происходятъ душу раздирающія катастрофы, гдѣ профессіональная опасность работъ достигаетъ своего максимума, гдѣ сама жизнь давно уже заставила предпринимателей и рабочихъ организовать кассы, законъ объ индивидуальной отвѣтственности пріобрѣтаетъ значеніе мѣры именно безразличной. Признавая вмѣстѣ съ названными вѣдомствами огромную важность обязательнаго страхованія рабочихъ, мы съ рѣшительностью должны были бы возразить противъ идеи *государственнаго* страхованія: по всѣмъ условіямъ русской общественной жизни, съ ея слабо развитой частной инціативой и широкимъ распространеніемъ государственнаго хозяйства, по всѣмъ особенностямъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, непосредственно затрагивающаго интересы однихъ лишь представителей капитала и труда, передача страхованія въ руки государства, замѣна союзовъ взаимнаго страхованія, пользующихся публично-правовымъ положеніемъ, штатомъ безучастныхъ къ дѣлу и незаинтересованныхъ во всей экономической сторонѣ организаціи чиновниковъ, явилась бы съ культурно-политической точки зрѣнія мѣрой, отрицательное вліяніе которой съ избыткомъ перевѣсило бы положительныя стороны института обязательнаго страхованія. По счастію, государственное страхованіе, повидимому, и не входитъ въ планы законодательной власти. Высочайше утвержденнымъ 2-го іюня 1903 года мнѣніемъ государственнаго совѣта (отдѣлъ XVIII) *) министру финансовъ поручено въ теченіе пяти лѣтъ со дня введенія въ дѣйствіе настоящаго узаконенія войти въ установленномъ порядкѣ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о введеніи обязательнаго страхованія утратившихъ трудоспособность рабочихъ и служащихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Рѣшеніе это имѣетъ такую огромную принципіальную важность, что мы готовы были бы сказать: въ немъ все оправданіе закону 2 іюня 1903 года.

М. Лунцъ.

---

*) Ср. статью бар. Нолькена въ *Правѣ*, 1903, № 27.

СОТРУДНИЦА.

Романъ ***Люсьена Мюльфельда.***

Переводъ съ французскаго В. Кошевичъ.

(*Окончаніе.*)

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

(Дневникъ Маріи Бруте).

16 августа, полночь.

Сегодня вечеромъ я пріѣхала въ Малагетту. Я не видала стараго барона: ему нездоровится, и онъ не выходитъ изъ своихъ комнатъ. Г. Эртель, попрежнему, корректенъ и любезенъ. Не успѣла я пріѣхать, какъ онъ прислалъ мнѣ свои извиненія и букетъ розъ черезъ камердинера Веньямина.

Онъ припомнилъ, что я обожаю кошекъ и велѣлъ принести ко мнѣ двухмѣсячнаго котеночка, вѣсомъ, пожалуй, съ унцію, смотрящаго на міръ громадными зелеными глазами. Лакей сказалъ мнѣ, что этого звѣрька нашли на прошлой недѣлѣ и назвали „Пирожкомъ“, въ честь пирожка, утащеннаго имъ въ самый день его водворенія. „Пирожокъ“— весь въ черныхъ и сѣрыхъ полоскахъ, точно зебра, а на ощупь мягокъ, какъ пухъ. Онъ еще не умѣетъ мяукать, а пищитъ на манеръ летучей мыши, когда проситъ плошку съ золою для своихъ надобностей...

Я здѣсь не ради „Пирожка“ и даже не ради барона, а ради Женевьевы. Она выѣхала за мною на станцію въ каретѣ. Было холодно. Въ половинѣ августа! Какое скучное, дождливое, вѣтряное лѣто! Женевьева куталась въ какой-то коричневый зипунъ, очень безобразный, придававшій ей видъ старухи. Бѣдныя мы! Прошла для насъ счастливая пора, когда бываешь хорошенькой безъ подготовки!

Она была рада моему пріѣзду. Слишкомъ рада. Когда по-

катилось наше ландо, она заставила себя сказать веселымъ тономъ: „Какъ мило мы проведемъ эти каникулы вдвоемъ, пока Альберъ и Поль путешествуютъ холостяками!..“ Я ее знаю: когда она становится столь сообщительной, значитъ, на душѣ у нея неладно...

Завтра потолкуемъ.

Иду спать съ „Пирожкомъ“, который уже улегся калачикомъ на моей постели.

17 августа.

Ради разнообразія шелъ дождь, такой же проливной, какъ и вчера. Невозможно носъ высунуть изъ дому. Г. Эртель все еще не выходилъ. День тянулся долго. „Пирожокъ“ много спалъ. Мы съ Женевьевой расположились въ гостиной, гдѣ просидѣли и утро, и послѣ обѣда, и вечеръ. Ей нужно было кое-что высказать. Пришлось вызывать ее на откровенность. Оно не трудно: стоитъ заговорить о ея мужѣ. Она и не замѣчаетъ, что я преднамѣренно подбираюсь къ этой темѣ, съ цѣлью дать ей возможность облегчить свою душу. Дипломатіи требуется не много: самая умная женщина оказывается наивной, когда влюблена.

Она высказала мнѣ весьма опредѣленно то, о чемъ я приблизительно догадывалась.

Когда Телье получилъ неожидачное для него извѣстіе, что Бернскій интернаціональный Союзъ Бѣлаго Креста, почетными членами котораго состоятъ всѣ монархи, назначилъ ему, за его законъ объ общественной гигіенѣ, первую награду, выдаваемую въ десять лѣтъ разъ,—то Женевьева умолчала о томъ обстоятельствѣ, что сама она, при помощи Пеллера, старика Коверлошера, Кодри и Улышныхъ, приготовила ему этотъ сюрпризъ. Она не взяла себѣ свою долю счастья, а стала ждать, чтобы ей дали ее.

Долго придется ей ждать...

Настало время торжествъ въ Бернѣ, гдѣ онъ долженъ былъ получить свою награду, золотую медаль, и стать предметомъ чествованія на парадныхъ обѣдахъ и подъ всякими соусами. Женевьева уже готовила дорожныя платья. Но, въ расцвѣтѣ его славы, она чувствовала его столь далекимъ отъ себя, даже когда онъ былъ съ нею, что осуществила одну свою странную фантазію: она поставила ловушку чувству Телье, подвергла его испытанію. Она притворилась, будто утомлена и вновь страдаетъ неврастеніей и робко предложила ему оставить ее дома. Въ эту минуту она, со всѣмъ напряженнымъ вниманіемъ любви, всматривалась въ лицо мужа. Какъ она надѣялась прочесть на немъ разочарованіе! Какую бы это доставило ей радость! Но нѣтъ... Телье остался равнодушнымъ. Онъ даже призналъ, что

Женевьева поступаетъ очень умно. Онъ не сталъ лгать и ни словомъ не выразилъ сожалѣнія, что проведетъ безъ нея такой знаменательный день. Испытаніе привело къ незыблемымъ выводамъ... Женевьева перестала собираться въ путь.

Затѣмъ, какъ бы поворачивая ножъ у себя въ ранѣ, она дѣятельно занялась сборами Телье, посовѣтовала ему пригласить съ собою Поля. Альберъ, который любитъ проводить время съ Полемъ, ухватился за эту мысль. Такъ какъ юный Мишель этимъ лѣтомъ путешествуетъ по Скандинавіи, чтобы изучить шведскій языкъ, на которомъ, повидимому, должны говорить всѣ великіе математики, то въ послѣднюю минуту Женевьева испугалась перспективы одиночества, хотя бы и съ глазу на глазъ со своимъ крестнымъ. Послѣ того какъ Альберъ, третьяго дня, увезъ моего мужа, дѣлая его свидѣтелемъ своего благополучія, она попросила меня пріѣхать къ ней, чтобы излиться передо мной въ уединеніи.

Я пріѣхала, милая моя бѣдняжка; но что могу я для тебя сдѣлать? По крайней мѣрѣ, буду тебя слушать со всѣмъ участіемъ преданнаго сердца.

18 августа.

Я очень огорчена слишкомъ прямолинейнымъ испытаніемъ, которое позволила себѣ Женевьева, повергнутая теперь его результатами въ довольно странное уныніе. Это была неудачная выдумка. Какъ будто любовь ея, уже не юная, но вѣчно тревожная, вѣчно надѣющаяся, захотѣла въ одинъ прекрасный день узнать, на что ей можно разсчитывать! Совершенно напрасно! Можно прожить долго-долго, до самой старости, въ двусмысленномъ положеніи, не выясняя его!.. Зачѣмъ она съ нимъ не поѣхала? Она какъ будто нарочно удалила его, чтобы упиться страданіями, причиняемыми ей характеромъ Альбера, который она называетъ „отчужденнымъ". Эта разлука, которой Женевьева себя подвергла, имѣетъ для нея жестокое символическое значеніе. Она никогда еще не соглашалась безъ возмущенія или сердечнаго горя, чтобы между нею и нимъ была воздвигнута преграда; а вотъ теперь сама добилась того, что онъ очутился по ту сторону границы родного края...

Однако, ея прекрасное лицо выражаетъ покорность, разсѣянность и благосклонность. Послѣ послѣднихъ своихъ хлопотъ касательно Бѣлаго Креста, которыми она такъ плохо оградила интересы своего сердца, она по какой-то причинѣ— можетъ быть, отъ усталости?—примирилась со своею участью. Она не притворяется передо мною; а я не замѣчаю въ ней озлобленія. Но то, что я вижу, хуже: упадокъ духа, апатія, глубокое и ясное разочарованіе. Она чувствуетъ, что все

кончено; что поздно уже брать свою долю счастья, поздно добиваться того, чтобы съ нею дѣлился мыслями человѣкъ, являющійся единственнымъ предметомъ ея думъ. Это я привожу ея подлинныя слова, которыя она повторила мнѣ не разъ... Но развѣ для нея возможно было счастье? Недоразумѣніе не является ли неизбѣжнымъ, когда женщина съ такою мужскою настойчивостью любитъ мужчину, принимающаго ея любовь съ почти женскою мягкостью? Право, не знаю. Я не очень умна и совершенно неопытна по отношенію къ такимъ возвышеннымъ и непреодолимымъ страстямъ... А Женевьеву я стараюсь отвлечь отъ мыслей о томъ, чего ей не хватаетъ и тоска по чемъ ее мучитъ. Я припоминаю вслухъ все то, что она въ своей жизни сдѣлала умнаго, ловкаго, значительнаго. Мнѣ хочется вызвать въ ней сознаніе, что совѣсть ея можетъ быть удовлетворена: я подробно излагаю исторію ея плодотворной дѣятельности. Когда я кончаю свою хронику, то читаю во взглядѣ ея благодарность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, недовѣріе.

— Спасибо, Мари. Хотя бы все это и было вѣрно, но оно не имѣетъ значенія. Къ чему бы мы ни пришли въ жизни, къ какимъ бы ни прибѣгали средствамъ,—хотя бы даже, какъ ты говоришь, были причиною созданія альтруистическихъ плановъ, полезныхъ трудовъ, почестей, громкой репутаціи,—но если изъ всего этого мы не можемъ извлечь единственнаго блага, намъ желательнаго, намъ естественно чувствовать себя самыми несчастными изъ смертныхъ...

И она улыбнулась. Такое спокойствіе въ разочарованіи меня озадачило. Не преувеличиваетъ ли она тяготу своего положенія? Не слишкомъ ли строго судитъ свою судьбу?

— Ты хорошо знаешь, Женевьева, что тебѣ можно позавидовать: ты красива, добра и сильна духомъ...

— Что же я этимъ выиграла?

Я завожу свой акафистъ или панегирикъ сначала. Она выиграла то, что ничего не загрязнила ни въ себѣ, ни вокругъ себя.

— Ты была вдохновительницей полезнаго дѣла...

— Которое вышло изъ предѣловъ моего вліянія.

— И орудіемъ счастья для человѣка...

— Который обходится безъ меня.

Она стоитъ на своемъ. Но я не унываю. Развѣ не утѣшительно сознавать себя первопричиною знаменитости и благополучія любимаго человѣка? Она запнулась. Я со страхомъ ждала отвѣта. Наконецъ, она уступила:

— Нужно же, чтобы у меня осталось хоть что нибудь.

Но тотчасъ же прибавила:

— Только *я*—не сестра милосердія! На свѣтѣ есть дру-

гія радости, кромѣ самоотверженія. А это—хлѣбъ жесткій и сухой...

* * *

Подали чай. Прыжки „Пирожка", ужаснаго обжоры, положили конецъ бесѣдѣ. Я соображала про себя, что Женевьева, при ея чувствительности, могла бы подвергнуться другому, худшему разочарованію. Но, благодаря Бога, въ ней не менѣе гордости, чѣмъ любви, и нѣкоторыя опасенія даже не приходятъ ей въ голову. А между тѣмъ, по словамъ Поля, когда-то въ диллетантскую пору своей молодости, живя безъ почестей, безъ желаній, безъ отвѣтственности, Альберъ былъ свободнѣе и довольнѣе, чѣмъ теперь; тогда его даровитость, проявляемая безкорыстно, вызывала единодушныя похвалы товарищей, не боявшихся въ немъ соперника. Тиріонъ,—это воплощенное злоязычіе,—говоритъ, что онъ сталъ „человѣкомъ выдающимся", но что „выдающіеся люди"—явленіе обычное и, всетаки, не выше посредственности... Безъ сомнѣнія, и Тиріонъ, и даже Поль могутъ ошибаться. Вѣроятно, Женевьева права. Какъ бы то ни было, она чужда сомнѣній. Она слѣпо увѣрена въ заслугахъ и благополучіи своего мужа и убѣждена, что создала ихъ она. Этого ей достаточно, чтобы покориться судьбѣ.

Завтра увидимъ г-на Эртеля. Женевьева разсказала мнѣ, почему онъ не показывается. Ему слѣдуетъ беречь силы, которыхъ у него немного, бриться самому для него утомительно. Между тѣмъ цирюльникъ изъ Эрменвилье отлучился на четыре дня, и баронъ почелъ невѣжливымъ показаться мнѣ небритымъ. Напрасно крестница его просила не церемониться со старинной пріятельницей. „Какое заблужденіе!" —возразилъ онъ. „Наоборотъ, именно съ друзьями надо быть какъ можно вѣжливѣе. Корректность есть первое доказательство дружбы".

Сегодня вечеромъ получились двѣ пріятныя телеграммы изъ Берна. Парадные обѣды начались. Французскій посланникъ долженъ возложить на Тенье командорскую ленту... И это Женевьева знала заранѣе... Бѣдная моя Женевьева!

„Пирожокъ" очень меня любитъ. Но у него болятъ зубы, а, можетъ быть, и животъ.

II.

Марія Бруте просыпается въ комнатѣ, уже залитой золотымъ свѣтомъ солнца. Она спѣшитъ насладиться яркимъ днемъ и уводитъ гулять Женевьеву. Вскорѣ онѣ усаживаются на берегу пруда. Рыбы играютъ, пуская пузыри. Легкій вѣтеръ шевелитъ траву, какъ бы затѣмъ, чтобы лучше просушить ее до утра.

Прудъ имѣетъ округлыя, мягкія и пріятныя очертанія почки. Въ немъ отражаются ярко-зеленыя деревья, сѣроватый тополь, два красивыхъ бука и одинъ изъ тѣхъ клёновъ, листья которыхъ кажутся испачканными въ бѣлую и зеленую краску. На другомъ берегу два испуганныхъ рыжихъ барана кидаются къ своему загону. Они неловко толкаются и имѣютъ такой видъ, будто съ нихъ сейчасъ соскочатъ ихъ толстые шерстяные шаровары. Тепло. Душа Маріи, гладкая, какъ прудъ, удовлетворяется тѣмъ, что отражаетъ окружающую природу, тогда какъ Женевьева читаетъ письмо отъ Мишеля, изъ Упсалы, состоящее изъ трехъ любезно, умно и остро написанныхъ страницъ. Г-жа Телье съ гордостью передаетъ письмецо Маріи.

— Я не разъ упрекала себя въ томъ, что недостаточно отдавалась этому ребенку. Но могъ ли онъ стать еще лучше? Былъ ли бы онъ совершеннѣе, если бы я держала его на уздѣ?

Г-жа Бруте соглашается: особенно при воспитаніи мальчиковъ, единственнымъ средствомъ воздѣйствія долженъ служить примѣръ. Для Мишеля было достаточно видѣть передъ собою образцы добродѣтели, энергіи, любезности. Женевьева вспоминаетъ, что когда-то совѣщалась съ монсиньоромъ Компаньономъ о горестяхъ воображаемой пріятельницы, составлявшей копію съ нея самой.

Священникъ посовѣтовалъ, въ видѣ отвлекающаго средства, чтобы она усерднѣе и пристальнѣе занялась воспитаніемъ своихъ дѣтей. Однако, не можетъ же она раскаяваться, что не держала на привязи такого добраго и прямодушнаго юношу! Слишкомъ мелочныя материнскія заботы, бредущая ощупью педагогика являются для матери времяпрепровожденіемъ, но никуда негодны для дѣтей. Г-жа Броунъ смотрѣла на воспитаніе своихъ дочекъ, какъ на нѣкое непрерывное священнодѣйствіе; несмотря на это, одна вышла дрянью, а другая—дурой...

Въ мозгу г-жи Телье воскресаютъ отрывки этой давнишней бесѣды. „Пусть займется дѣлами милосердія“,—предла-

галъ аббатъ Компаньонъ: — „посѣщая несчастныхъ, сближаясь съ ними“... Это легко сказать, но какъ, на самомъ дѣлѣ, исполнить? Нуждающіеся въ помощи предпочитаютъ приходить за нею сами, и вторженіе въ ихъ жилища выйдетъ весьма нескромнымъ. Сосѣди выбѣгаютъ на пороги глядѣть на пріѣзжую барыню. Женевьева не можетъ себѣ представить, какъ она стала бы выходить изъ кареты у какого нибудь дома въ Ла-Шапельскомъ кварталѣ: ея роскошь въ связи съ ролью раздавательницы милостыни, показалась бы оскорбительной, почти наглой. Такъ какъ же? Ѣхать на конкѣ, замаскироваться скромною обывательницею? Вышла бы смѣшная комедія, годная для вдовъ-діакониссъ, о которыхъ говорилъ Фелисьенъ Коссе. Кромѣ того, неужели видъ больныхъ или умирающихъ съ голоду можетъ отвлечь человѣка отъ его собственныхъ печалей? Наконецъ, нельзя быть сострадательной по заказу. Къ этому надо имѣть непреодолимое призваніе, какъ у старухи Лэнъ, которая со своей филантропіей едва не попала въ бѣду...

— Мари, говорила я тебѣ о приключеніи г-жи Лэнъ?

— Никогда!

— Вообрази себѣ, что на нее напала исправительная полиція! Ты знаешь, что она предсѣдательствуетъ въ обществѣ „Козочка“, гдѣ безплатно вскармливаютъ неимущихъ младенцевъ козьимъ молокомъ. На козахъ появилась какая-то эпидемія: ребята стали умирать, какъ мухи. Родители подняли крикъ, прокуратура возмутилась, и стоило большого труда замять дѣло.

Г-жа Бруте не могла удержаться отъ смѣха при мысли, что мамаша Лэнъ стала жертвою своего учредительски-благотворительнаго рвенія.

Становятся сильнѣе и зной, и яркость дня. Приходится искать убѣжища, гдѣ посвѣжѣе: подъ платаномъ, мѣняющимъ кору, Марія присаживается искать четырехлистаго трилистника. Мысли Женевьевы вертятся все на томъ же. Ни материнство... ни благотворительность; къ какому же „отвлекающему“ слѣдовало ей прибѣгнуть? Если она плохо провела свою ладью, то лучше ли управилась бы на ея мѣстѣ другая? Эта самая лужайка напоминаетъ ей фуляровую матерію горошкомъ—одно изъ платьевъ Генріетты Кодри. Бѣдная Генріетта скончалась внезапно. Она умерла также, какъ жила: безъ предварительныхъ размышленій. Никакое горе не нарушило гармоніи ея души. Она была убѣждена, что въ ея платьяхъ, визитахъ, катаньяхъ, чаяхъ, первыхъ представленіяхъ и теннисѣ заключается „веселье“. Есть такая барыня, которая въ „*Эпохѣ*“, послѣ объявленій о корсетахъ, ведетъ рубрику: „Великосвѣтская хроника“. Матеріалъ этой

хроники удовлетворялъ наивную Генріетту. Быть недалекой— сущее благодѣяніе небесъ! Симона Деэ будетъ тоже въ восторгѣ отъ своего существованія, какъ этотъ розовый флоксъ, эта лиловая георгина и всѣ глупые цвѣты въ этомъ цвѣтникѣ...

Крикъ радости! Г-жа Бруте отыскала четырехлистый трилистникъ и преподноситъ его въ даръ: его пошлютъ Мишелю.

Марія избѣгаетъ длинныхъ паузъ, благопріятствующихъ раздумью Женевьевы. Она старается развлечь ее.

— Ты видѣла Фисжановъ передъ отъѣздомъ изъ Парижа?

— Нѣтъ. Гдѣ они нынче лѣтомъ?

— Въ Булони. Безсмертная красота восхищаетъ все взморье своими дѣтскими костюмчиками.

— Въ самомъ дѣлѣ, сколько ей лѣтъ?

— Всѣ уже сбились со счета... Ихъ тамъ видѣлъ Кодри и разсказалъ Полю. Повидимому, Фисжанъ относится къ женѣ довольно скверно. Когда въ Казино даются концерты, онъ прячется гдѣ-нибудь за драпировкой и слушаетъ, что говорится въ публикѣ, а при разборѣ одежды передаетъ ей все съ точностью. „Видишь этого господина, который беретъ свое пальто? Ну, такъ онъ назвалъ тебя старой муміей!“ Мужъ мститъ теперь за то, что такъ долго былъ лишь „супругомъ красавицы Фисжанъ“. Онъ радуется ея одряхлѣнію...

— Бѣдная женщина!

Женевьева жалѣетъ и эту женщину, бывшую когда-то знаменитой и никогда не любившую ничего, кромѣ своей красоты, вѣроятно, чтобы избѣжать разочарованій. Но она не приняла въ соображеніе, что время разрушаетъ все. Что за печальный, кукольный конецъ! Коссета увѣряетъ, будто г-жа Фисжанъ терзается угрызеніями по поводу того, что во всю жизнь отвергала любовь, а теперь давно уже поздно измѣнить тактику... Ибо, если можно всегда отстать отъ порока, то наступаетъ время, когда оказываешься точно замурованною въ добродѣтели. Надо отдать справедливость Коссетѣ, что сама она никогда не замуровывалась...

— Мари, думаешь ли ты, что Коссета счастлива?

— Охъ, нѣтъ!..

— Однако, она сдѣлала все возможное, чтобы избѣжать скуки, той скуки, какая порождается однообразіемъ...

— Да она вовсе не такъ безнравственна! Она скорѣе сентиментальна. Ея мечтою было пріобрѣсти вѣрнаго друга. Она стремилась къ ея осуществленію и, ради этого, не отступала ни передъ какими жертвами. Ее считаютъ непостоянной, но она только того и желала, что привязаться къ кому либо. Только мужчины относятся къ ней легко. Нуайель говорилъ, что они смотрятъ на нее, какъ на крас-

ную орденскую ленточку: всѣ хотятъ ее имѣть, но, какъ скоро получили, оставляютъ безъ вниманія. Коссетѣ не повезло. Она вступала въ дружескія связи разъ двадцать, и даже начинала ихъ съ конца; не ссорилась ни съ кѣмъ и, при всемъ томъ, не сохранила ни одного друга.

— Да, твоя правда... Какъ мало счастливыхъ видишь вокругъ!..

Обѣ женщины констатируютъ это, но не унываютъ. Онѣ называютъ другія имена, чтобы отвергнуть или подтвердить это замѣчаніе.

— Софія Тиріонъ?..—говоритъ Марія.--Можетъ быть, весело быть не очень доброй?..

Съ этимъ Женевьева не согласна. Софія важничаетъ, какъ мужичка, взятая замужъ „бариномъ“. Но зависть грызетъ ее, распаляетъ ей печень и окрашиваетъ пурпуромъ носъ. Г-жа Телье ни въ чемъ не завидуетъ ни Фанни Коссе, ни Софіи Тиріонъ. Скорѣе, ей жаль, что она чужда страсти къ многочисленнымъ мелкимъ благодѣяніямъ, свойственной г-жѣ Пеллера.

— Пеллера—вотъ идеальное супружество...

— Весьма своеобразное,—возражаетъ г-жа Бруте.—Въ немъ роль мужчины играетъ жена... Да, она всю жизнь по мелочамъ тратитъ себя на ближнихъ. Но знаемъ ли мы, не скрывается ли разочарованіе подъ этимъ рвеніемъ, или не проистекло ли послѣднее изъ перваго? Нѣтъ ли здѣсь тайны? Одна г-жа Башеленъ могла бы отвѣтить на это.

— Ахъ, Мари! Ты назвала ту, кого мы пропустили,—ту, которая въ бракѣ знала всѣ прелести любви...

Въ голосѣ Женевьевы зазвучала завистливая грусть. Г-жа Бруте знаетъ достаточно, чтобы отвѣтить слѣдующее:

— Эта пара тоже не всегда жила въ томъ полномъ согласіи, которымъ мы любовались. Коверлошеръ сообщилъ мнѣ когда-то, что съ Башеленомъ, въ его молодые годы, ладить было не легко и что супруги даже едва не разстались. Гармонія возстановилась тогда, когда прошло несчастье. Сынъ, разорившій ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ спасъ ихъ союзъ: они стали дѣлиться горемъ. Очень возможно, что необходимо огорченіе, чтобы люди тѣснѣе жались другъ къ другу...

Г-жа Телье сдѣлала выводъ:

— Горе тайное или явное... горе раньше или позже...

— Да, Женевьева. Каждой досталась или достается своя доля печали. Если жизнь сносна, если она еще не стала нестерпимой, то нечего жаловаться...

По мнѣнію Женевьевы, Марія черезчуръ скоро утѣшается въ чужихъ бѣдахъ.

— Нечего жаловаться, моя милая... Да тебѣ на что и жаловаться?

— На что?..

Марія Бруте умолкаетъ. „На что?..“ Женевьева черезчуръ долго не ставила этого вопроса, и Марія привыкла изливать душу только въ своихъ тетрадкахъ.

Привязанность обѣихъ женщинъ взаимна и беззавѣтна; однако, въ ихъ бесѣдахъ всегда говорила о себѣ только одна; другая лишь подавала ей реплики. Марія не привыкла быть откровенной, и ей было бы стыдно заговорить о себѣ. Но она замѣчаетъ, что въ эту минуту Женевьева видитъ въ ея сдержанности умолчаніе о счастьи, которое скрывается, чтобы не оскорбить ближняго. Тогда состраданіе побуждаетъ ее высказать то, о чемъ она никогда не разсчитывала сообщать. Она смотритъ въ землю, на которой концомъ зонта въ сотый разъ чертитъ все ту же дугу.

— На что мнѣ жаловаться?... Есть женщины, которыя плачутся на то, что ихъ любятъ меньше или не такъ, какъ имъ хочется. Можно не плакать, но нечему и радоваться, если нечего было терять, такъ какъ ничего никогда и не было...

Женевьева изумлена. По ея мнѣнію интимная жизнь Бруте вся состояла изъ покоя, безхитростной привязанности, добродушія... Ей извѣстно, что Марія была взята безъ приданаго, слѣдовательно—по любви...

— Послушай, Женевьева: жила была дѣвица, моя пріятельница... Вообрази себѣ, что родители ея были богаты, что дѣлами ихъ завѣдывалъ нотаріусъ, имѣвшій, разумѣется, кліентовъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ молодой человѣкъ, небогатый, но образованный, прекраснаго характера и съ нѣкоторымъ успѣхомъ начавшій свою карьеру. У нотаріуса возникъ проектъ женить этого юношу на дѣвицѣ; родители одобрили этотъ планъ. Женихъ и невѣста не питали другъ къ другу отвращенія, но хотѣли получше узнать другъ друга, прежде чѣмъ окончательно дать слово. Произошло нѣчто въ родѣ негласной и неокончательной помолвки. Въ это время отецъ моей подруги, занимавшійся торговлей, потерпѣлъ большіе убытки отъ банкротства одной фирмы. Женихъ былъ человѣкъ честный: въ тотъ самый день, какъ онъ узналъ о разореніи, онъ оффиціально попросилъ руки моей пріятельницы. Правда, онъ и прежде имѣлъ въ виду жениться на ней не ради денегъ; но еще не былъ и влюбленъ, и вообще ничто въ его душѣ, какъ и въ ея, еще не опредѣлилось. Думаю, что еслибы дѣла пошли своимъ чередомъ, то между ними, какъ людьми не очень склонными къ романтизму, состоялся бы бракъ по дружбѣ и по соотвѣтствію обще-

ственнаго положенія. Когда же наступило бѣдствіе, она стала думать лишь о томъ, какъ бы облегчить родителей, а онъ — какъ бы не отвернуться въ неблагопріятный моментъ. Состоялся бракъ: ни по любви, ни по разсчету, а по обязанности. Жизнь ихъ такъ и пошла. Онъ выказалъ себя добрымъ; она была ему благодарна. Они вѣрны другъ другу, справедливы, благосклонны; а къ чувствамъ болѣе яркимъ принудить себя нельзя. Она скоро поняла, что онъ предпочелъ бы невѣсту со средствами, чтобы меньше работать. Онъ раздражался расходами не изъ скупости, но потому, что каждая лишняя трата означала для него прибавку труда. Эта женщина обожаетъ дѣтей: онъ ихъ не далъ ей, не имѣя желанія трудиться ради нихъ. Во всемъ прочемъ она можетъ быть имъ довольна. Они приближаются къ старости. Никогда они другъ другу не измѣняли, но никогда другъ друга и не любили...

Такое открытіе смутило Женевьеву. Какъ могла Марія скрыть отъ нея все это? Какъ не догадалась она сама? Она чувствуетъ себя преступною, что такъ носилась съ собою и была такъ невнимательна къ пріятельницѣ. Она краснѣетъ. Ее укоряетъ совѣсть за эгоизмъ. Она обнимаетъ г-жу Бруте. Но той стало бы стыдно, еслибъ она узнала, что люди огорчаются изъ-за нея: она этого не стоитъ...

— Какъ смѣшно, что мнѣ пришло въ голову разсказать тебѣ эту старую повѣсть!.. Это потому, что ты меня упрекнула, будто мнѣ легко не жаловаться... Ты видишь: я не захватила себѣ львиной доли счастья...

Сердце г-жи Телье внезапно раскрылось для глубокаго состраданія. Нѣтъ, въ такомъ бракѣ еще менѣе стоитъ жить, чѣмъ въ какомъ угодно иномъ!

Женевьева обдумала всѣ мелочи, какими могла бы наполнить свою жизнь.

Вокругъ себя она видитъ женщинъ въ тщетномъ, жалкомъ, безмолвномъ отчаяніи. Она не жалѣетъ, что не была совсѣмъ иной. Она не видитъ судьбы, на которую желала бы смѣнить свою. Но мысль о чужихъ несчастіяхъ не наводитъ на нее унынія. „Видъ болѣе тяжкихъ скорбей облегчитъ ея собственныя...“ когда-то предрекъ аббатъ Компаньонъ. Женевьева и не замѣчаетъ, что предсказаніе священника осуществляется, хотя при помощи иныхъ скорбей, чѣмъ тѣ, которыми страдаютъ въ посѣщаемыхъ благотворительницами подвалахъ... Она чувствуетъ себя бодрой. Душа ея укрѣпилась.

Г-жа Телье проголодалась. Пора домой. Теперь Марія Бруте поглощена своими думами, а Женевьева непосредственно воспринимаетъ теплые тона неба, камешковъ, травы. Мимо-

ходомъ, рука ея гладитъ блестящій стволъ сикоморы, къ пальцамъ прилипаетъ нѣжный мохъ, покрывающій дерево, точно пылью пастели рѣзкаго и очаровательнаго зеленаго цвѣта. Она слѣдитъ за пьянымъ шмелемъ, летающимъ надъ пучкомъ индѣйской гвоздики, жужжа, нюхая, выбирая. Она улыбается тому, что онъ остановился на цвѣткѣ, такомъ же коричневомъ, какъ и самъ онъ, подобралъ подходящій бархатъ къ своему плюшевому туловищу.

III.

Записка отъ Фанни Коссе принесла въ Малагетту самую неожиданную новость: Гортензія Эмаръ собралась развестись съ мужемъ. Вѣтреная Коссета не сообщала никакихъ подробностей, а написала только, что живописецъ Эмаръ покинулъ кровъ супружескій, весьма ему надоѣвшій. Она склонна думать, что онъ вернулся къ своей матери.

Это извѣстіе цѣлый день служитъ темою для бесѣды. Г. Эртель принимаетъ въ ней участіе. Онъ, наконецъ, выбритъ. За послѣдніе двадцать лѣтъ въ баронѣ незамѣтно никакой перемѣны, кромѣ возрастающей слабости зрѣнія. Онъ спозаранку причислилъ себя къ старикамъ. Можно себя старить, какъ можно и молодить. Г. Эртель вѣжливъ до кокетства. Его гамаши сверкаютъ безукоризненной бѣлизной.

Сидятъ за домомъ, на террасѣ, которую баронъ велѣлъ пристроить ко второму этажу и по которой онъ, прямо изъ своихъ комнатъ, попадаетъ въ липовую аллею, идущую по отлогому спуску. Такимъ образомъ, онъ можетъ ходить гулять въ паркъ безъ подъемовъ и спусковъ по лѣстницамъ, которые теперь запрещены ему. На террасѣ устроена бесѣдочка.

Г-жа Телье читаетъ письмо Коссеты къ своему крестному, любопытство котораго возбуждено разводомъ Эмаровъ. Онъ извиняется за свои разспросы:

— Я изучаю нравы вашей эпохи.

Это его любимая забава: онъ притворяется человѣкомъ другихъ временъ, чтобъ относиться къ современности съ наивнымъ удивленіемъ и насмѣшливой почтительностью. Г. Эртель видалъ Гортензію Броунъ дѣвочкой; но разберешь ли мимоходомъ характеръ молодой дѣвицы? Женевьева напоминаетъ ему, что г-жа Броунъ считала себя безподобной воспитательницей, и что Гортензія была, въ общемъ, хорошо воспитана.

— Что ты подъ этимъ разумѣешь?—спрашиваетъ г. Эртель.—Ее, конечно, учили географіи, литературѣ, игрѣ на

рояли, благотворительности, танцамъ и манерамъ. Все это, особенно теперь, очень полезно знать. Все это очень часто можетъ пригодиться. Но, по нашимъ временамъ, было бы выгоднѣе, если бы она была пріучена покоряться судьбѣ. Г-жа Бруте, думаете ли вы, что ей преподавали покорность судьбѣ?

Г-жа Бруте не знаетъ; по ея мнѣнію, всѣ мамаши надѣются, что ихъ дочкамъ не понадобится эта добродѣтель.

— Въ самомъ дѣлѣ?—изумляется г. Эртель, точно услышавъ нѣчто совсѣмъ новое.—Какъ печальна подобная несообразительность! Возможно ли, чтобы матери были столь непредусмотрительны? Или, можетъ быть, имъ самимъ такъ благопріятствуетъ счастье, что онѣ уже не ждутъ для дѣтей своихъ ни разочарованій, ни неудачъ?

Г-жу Бруте забавляютъ медленныя, странныя или несовременныя разсужденія барона. Она спрашиваетъ его, можно ли научиться покорности иначе, какъ посредствомъ горькаго опыта.

— Очевидно,—отвѣчаетъ г. Эртель,—лишь превратность обстоятельствъ, нарушая наше благополучіе, можетъ выказать это качество. Но для этого надо обладать имъ заранѣе; иначе его не окажется. Эта добродѣтель придавала нашимъ матерямъ много прелести. Я уже замѣтилъ, что ею нѣсколько пренебрегаютъ и что она вышла изъ употребленія. Въ настоящее время рѣшено, что каждый, во что бы то ни стало, какою бы ни было цѣною, создастъ себѣ высшую степень счастія. Отсюда слѣдуетъ, что безполезно учить покорности тѣхъ, кому суждено быть или казаться счастливыми. Есть разныя такія старинныя заблужденія, которыя теперь отмѣнены...

Женевьева слушаетъ, прикрывши вѣками выражающіе нетерпѣніе глаза. Она признается, что не озаботилась сдѣлать изъ Мишеля человѣка, покорнаго судьбѣ.

— Я имѣлъ въ виду только дѣвочекъ,—потихоньку продолжаетъ г. Эртель.—И при томъ, развѣ нашъ мальчикъ не находился подъ христіанскимъ руководствомъ епископа Фрежюсскаго? Я слишкомъ уважаю этого пастыря, чтобы предполагать, будто онъ заставлялъ его учить катехизисъ въ зубрежку, безъ комментаріевъ. А вѣдь религія проповѣдуетъ смиреніе. Нетрудно дать понять ребенку, что быть смиреннымъ значитъ: сознавать свою слабость, не величаться передъ самимъ собою своими воображаемыми качествами, понимать себя, какъ созданіе Божіе, находящееся во власти Творца, планы Котораго и даже заботы Котораго о насъ не всегда намъ понятны. Можно воспитывать въ юныхъ душахъ скромность...

Марія Бруте объясняетъ барону, что Гортензія Броунъ никогда не была скромна, что ее изводило честолюбіе.

Она была,—такъ полагаетъ Марія,—наивной пародіей на Женевьеву. Но тогда какъ Женевьева, помимо ближайшей цѣли, имѣла въ виду благородный, полезный людямъ идеалъ, являлась орудіемъ любви, — маленькая Эмаръ проявляла лишь тщеславіе, жадность, деспотизмъ.

— Зависть,—сказала г-жа Бруте,—зависть владѣла Гортензіей. Она играла роль берейтора и хотѣла ударами арапника добиться, чтобы Эмаръ доскакалъ до таланта, до славы. Наконецъ, ея старанія, должно быть, вывели изъ себя живописца, и онъ сбѣжалъ...

— Видите! — съ торжествомъ замѣтилъ г. Эртель. — Эта молодая дама наказана за недостатокъ скромности.

Женевьева думаетъ, что скорѣе за глупость, за безтактность. Сухая молоденькая Эмаръ не внушаетъ ей сожалѣнія; но теоріи крестнаго раздражаютъ ее.

— Да, — говоритъ она. — Очень мило, разумѣется, быть смиренной, покорной, имѣть сознаніе своего ничтожества. Но надо, чтобы чувства эти были искренни. Есть женщины, которымъ свойственно стремиться къ счастію и въ которыхъ смиреніе было бы лицемѣріемъ. Есть женщины, сильныя духомъ. Бываетъ, что безо всякой своей вины онѣ становятся жервами этой силы, имъ прирожденной и, безъ сомнѣнія, развитой тѣмъ воспитаніемъ, какое дается нашимъ дѣтямъ, да, признаться, давалось и намъ.

Рѣчь идетъ о Гортензіи Эмаръ; но г-жа Телье думаетъ, можетъ быть, кое о комъ, чья судьба ей ближе къ сердцу.

— Гортензія погрѣшила грубостью, отсутствіемъ доброты, тактичности; я за нее и не заступалась. Но будь она умнѣе и обладай болѣе любящимъ сердцемъ, была ли бы она счастливѣе? На что направила бы она свою дѣятельность? Ни на что. Тогда зачѣмъ эмансипировали и оживили ея мысль? Молодая Эмаръ одарена душою мелкою; хорошо! Но допустимъ противоположное: представимъ себѣ, что кротко и безъ заднихъ мыслей она взялась бы храбро трудиться на пользу мужа. Можетъ быть, это вышло бы выгодно для Эмара. Но былъ ли бы онъ благодаренъ ей? Сомнѣваюсь. Между тѣмъ, ей желательно, чтобы ея рвеніе пошло кому-нибудь на пользу. Она, отъ чистаго сердца, считала его за качество положительное. Съ самаго дѣтства она слыхала почти не менѣе похвалъ за иниціативу и энергію, чѣмъ за умѣніе играть на роялѣ!.. И вотъ ее бросаютъ въ объятія господина, который ненавидитъ музыку и приходитъ въ ужасъ, проснувшись рядомъ съ мыслящей женщиной...

(Изъ стыдливости, Женевьева старается скрыть, что подразумѣваетъ себя; примѣръ съ роялемъ удачно выбранъ, такъ какъ Альберъ музыкальнѣе своей жены).

...Рояль можно запереть на ключъ, но сколько нибудь замѣтную духовную жизнь не спрячешь подъ сурдинку. Страшно досадно для господина, мечтавшаго о женитьбѣ на куклѣ. Ему преподнесли не куклу, которая благонравно сидѣла бы на своемъ мѣстѣ, была бы всему покорна и вполнѣ удовлетворена своею незначительностью. Нѣтъ! эта не признаетъ себя низшимъ существомъ... Какая жалость!

Она закончила, смѣясь.

— Все по-дурацки устроено, крестный, не правда ли?

— Почти все,—соглашается крестный.—Но, если я хорошо тебя понялъ, ты именно подтверждаешь мои мнѣнія!

Сначала онъ дѣлаетъ два-три замѣчанія: Женевьева упомянула о „низшемъ существѣ"; но г. Эртель вовсе не увѣренъ, что честолюбивая умница непремѣнно выше простой и миролюбивой женщины. Онъ склоненъ даже думать, что въ большинствѣ случаевъ, подобныхъ Эмаровскому, энергія жены проистекаетъ изъ эгоизма, хотя бы та и воображала, будто самоотвергается ради преуспѣянія мужа. Но, въ сущности, онъ согласенъ съ Женевьевой и выражаетъ это яснымъ и кроткимъ тономъ:

Во всѣ времена люди создавали себѣ миражъ, будто живутъ въ такъ называемую „переходную" пору. Между тѣмъ, какая же пора не составляетъ перехода между предшествовавшей и грядущей? Иллюзія эта пріятна: она позволяетъ ужасно презирать прошлое и страшно много ждать отъ будущаго. Но эта мысль, что живешь какъ бы на поворотѣ исторіи, теперь мнѣ кажется наиболѣе умѣстною, ибо никогда не критиковали такъ много и не разрушали такъ мало, какъ именно теперь. Все подвергается сомнѣнію, но все продолжаетъ существовать. Основываются на принципахъ, которые, въ то же время, объявляются устарѣвшими. Дѣйствуютъ немного нелогично...

— Бракъ, въ томъ видѣ, какъ онъ у насъ сохранился, есть обычай весьма древній. Но такъ какъ извѣстно время его возникновенія, то можетъ наступить и время его прекращенія. Дальнозоркіе люди увѣряютъ даже, что установленіе это замѣтно клонится къ упадку. Они усматриваютъ на горизонтѣ появленіе свободнаго союза,—т. е., полагаю, союза двухъ лицъ, независимыхъ и равныхъ. Проницательность этихъ пророковъ не мѣшаетъ тому, что передъ священниками и мэрами заключается столько же браковъ, сколько и доселѣ.

И вотъ, происходитъ фактъ, довольно странный. Муж-

чины продолжаютъ смотрѣть на женитьбу по-старинному, какъ на обязательство, тѣмъ болѣе выгодное, что сами же они опредѣлили всѣ его подробности, имѣя въ виду собственныя удобства. А дѣвушекъ воспитываютъ уже такъ, какъ будто предназначаютъ ихъ къ союзамъ свободнымъ, къ сожительствамъ, въ которыхъ не главенствуетъ никто.

Я пораженъ этою непослѣдовательностью, которая, можетъ быть, менѣе замѣтна вамъ, потому что вы любимы мужьями; а любовь, какъ и учтивость, сглаживаетъ всѣ шероховатости. Но взгляните попристальнѣе даже на супружество влюбленныхъ, повѣнчанныхъ лишь вчера и начинающихъ свой медовый мѣсяцъ: жена уже увѣрена, что она — равная; мужъ уже убѣжденъ, что онъ — глава. Пока надо сознаться, что правда на его сторонѣ, если вѣрить законамъ, мэру и современнымъ нравамъ.

Но къ этой правдѣ никто не подготовляетъ новобрачную. Въ старину, женщины были почтительны, чувствуя себя въ вассальной зависимости отъ сильнѣйшаго. Ихъ первою добродѣтелью считалось послушаніе. Къ нему ихъ пріучали въ добродушно-строгихъ монастыряхъ. Тамъ ихъ еще учили шитью и благочестію, и оттуда выходили дивныя женщины, выходили и потаскушки, но не бывало вѣчно возмущенныхъ или непонятыхъ натуръ.

Воспитаніе молодыхъ дѣвицъ подвинулось по пути прогресса, какъ и все прочее. Прогрессъ выражается въ перемѣнѣ, и самой радикальной. Дѣвочекъ не учили ничему; теперь ихъ учатъ всему.

Я старъ, утомленъ жизнью и ворчливъ; но я не чуждъ безпристрастія. Не отрицаю, что новый методъ проникнутъ духомъ искренности и либерализма. Либерализма — да! Но предусмотрительности — нѣтъ! Воспитаніе ведено мудро въ томъ случаѣ, если субъектъ, который ему подвергался, оказывается хорошо подготовленнымъ къ ожидающей его участи. Пока общимъ правиломъ является замужество, задача въ томъ, чтобы подготовить къ нему дѣвушку. Но педагогъ объ этомъ и не думаетъ. Поборникъ индивидуализма, онъ учитъ ее дѣйствовать и думать по-своему, а не подчиняться мыслямъ и дѣйствіямъ того незнакомца, который завтра станетъ ея мужемъ. Именно такъ: съ нею поступаютъ, какъ будто брака уже не существуетъ. Ее снабжаютъ оружіемъ, которое годно для самостоятельной, одинокой борьбы за жизнь, но которое, въ супружествѣ, послужитъ лишь для нанесенія ранъ, если она жестока, или для самоистязанія, если она добра. И она вступаетъ въ супружество, лишенная тѣхъ добродѣтелей, которыя необходимы, чтобы мирно жить въ немъ, терпѣливой уступчивости, послушанія, стремленія скорѣе

прятаться, чѣмъ выставляться, умѣнья довольствоваться малымъ и той чистосердечной, чуждой горечи, покорности судьбѣ, которою вѣетъ отъ улыбающейся наивности...

Мели Руссо, дочь садовника Кадара, является за Женевьевой, потому что ребенокъ ея „реветъ, точно оселъ", а она не умѣетъ ему помочь. За отсутствіемъ доктора, она обращается къ его женѣ, которая „должна понимать дѣло!" и уводитъ ее въ „рабочую".

Оставшись съ г-жею Бруте, г. Эртель хвалитъ воспитаніе, которое получила Мели: садовникъ Руссо, женившись на ней въ прошломъ году, сдѣлалъ выборъ болѣе удачный, нежели живописецъ Эмаръ. Вновь выступаетъ на сцену Эмаровскій разводъ. Марія приписываетъ скандалъ и бѣгство Эмара его раздражительной артистической натурѣ. Г. Эртель съ этимъ несогласенъ.

Купецъ, чиновникъ, офицеръ или врачъ точно также не вынесли бы ея злобнаго усердія. Тяжеле всего для мужа, вѣроятно, было отвращеніе къ тѣмъ невысокимъ или пустымъ цѣлямъ, къ достиженію коихъ она его толкала. Кромѣ того, можно связать человѣку руки, но нельзя приставить ему крылья. Въ каждомъ изъ насъ только и есть цѣннаго, что наша собственная воля. А что мы дѣлаемъ не по собственному рѣшенію, что намъ навязано извнѣ, то не идетъ въ счетъ...

Женевьева возвращается. Г. Эртель умолкаетъ. Онъ углубляется въ поглаживаніе липоваго листа, душистаго и сочнаго. Всѣ успокоились за дочку Руссо: у нея болѣли зубы. Боль, вѣроятно, перешла отъ „Пирожка": въ ихъ возрастѣ это заразительно.

IV.

Дождь заперъ въ библіотекѣ обѣихъ женщинъ и самого хозяина. Онѣ были бы рады почитать. По стѣнамъ высятся полки, набитыя путешествіями и мемуарами. Но глаза барона Эртеля уже не позволяютъ ему забыться за книгою. Чтобы не дать ему скучать, и Женевьева съ Маріей занимаются лишь рукодѣльемъ. Сообразно модѣ этого года, ихъ иголки выводятъ по бѣлой канвовой ткани лиловые, черные и желтые узоры шелковистою синелью. Работа эта производится машинально и не мѣшаетъ разговаривать. Послѣ обычныхъ прелюдій, посвященныхъ погодѣ, переходятъ, за неимѣніемъ другихъ новостей, опять же къ разводу Эмаровъ.

— Оба они были богаты?—спрашиваетъ баронъ.

Но еще не дождавшись отвѣта, онъ уже разсыпается

своимъ хрустальнымъ размѣреннымъ смѣхомъ, изъ приличія прикрывая губы рукою.

— Я смѣюсь тому, что самъ впалъ въ ошибку, которую не разъ мысленно порицалъ въ другихъ: поинтересовался чужими деньгами. Это немножко глупо. Я понимаю, что деньги употребляются нами ежедневно. Но мало ли ежедневныхъ фактовъ, о которыхъ не принято упоминать въ обществѣ!

Женевьева съ пріятельницей соображаютъ, каковы могли быть средства обѣихъ семей, жившихъ въ роскоши.

— Это не улучшаетъ ихъ положенія, — заявляетъ г. Эртель.—Деньги—вещь непріятная, такъ какъ бываетъ скверно, когда они есть, также какъ когда ихъ нѣтъ. Вторая бѣда въ наше время болѣе бросается въ глаза: если такъ много толкуютъ о золотѣ, такъ это потому, что оно теперь является единственною непререкаемою силою. Власть его не нова: богатство старо, какъ міръ. Но въ другіе вѣка могущество его находило себѣ противовѣсъ въ преимуществахъ, даваемыхъ знатностью, геніальностью, геройствомъ. Теперь же тѣ, у кого нѣтъ денегъ, считаютъ себя лишенными всего и не заблуждаются...

Марія Бруте вспоминаетъ о своей домашней жизни, стѣсненной и часто омрачаемой заботами о деньгахъ.

Но,—продолжаетъ г. Эртель,—еще тяжеле бѣдствія, причиняемыя излишествомъ денегъ. Эмары отъ него страдали, сами того не сознавая. Они жили въ роскоши: какое несчастье!

Слушательницы возмущаются парадоксальностью этого разсужденія, но старикъ не уступаетъ:

Четѣ богачей такъ же трудно попасть на небо, какъ верблюду пройти сквозь игольное ухо: это извѣстно. Но для нея небесное блаженство все таки еще достижимѣе, чѣмъ счастье на землѣ.

Г-жа Телье удивлена. Улыбка застываетъ на ея лицѣ, точно ее дразнятъ. Баронъ продолжаетъ:

— Можно утверждать не изъ добродѣтели, но на основаніи опыта, что здѣсь, на землѣ, нѣтъ прочнаго и длительнаго счастья, кромѣ радости исполненнаго долга. Первымъ же долгомъ всякой твари является добываніе пищи, а счастье состоитъ въ ея поглощеніи. Одно это существенно. Все прочее—забава. Только въ игру мы вкладываемъ всю душу: это уже смѣшно.

Женевьева плохо усваиваетъ афоризмы крестнаго, которые напоминаютъ ей проповѣди толстовцевъ или салютистовъ... Развѣ нѣтъ людей не корыстолюбивыхъ и не бѣдныхъ, которые въ деньгахъ не нуждаются и заботятся о предметахъ другого рода, болѣе чистыхъ, болѣе духовныхъ?...

— Это—несчастіе,—возражаетъ г. Эртель.—Имъ чужды естественный трудъ, состоящій въ отысканіи средствъ къ жизни, и естественная радость нахожденія таковыхъ. Они не знаютъ, куда дѣть руки, и начинаютъ ими драться. Есть люди, къ числу которыхъ принадлежалъ и я,—избавленные соціальными привилегіями отъ труда бороться за жизнь. Они имѣютъ наивность этому радоваться! Но нельзя безнаказанно отмѣнять вѣковыя обязательства. Привычка къ труду уже усвоена расою, и то же усиліе направляется къ инымъ цѣлямъ. Избавленные отъ заботы о поддержаніи жизни создаютъ себѣ заботы въ области чувства,—столь легкія для бѣдныхъ, столь тяжкія для богатыхъ. Придумываютъ потребность въ любви вмѣсто потребности въ хлѣбѣ и воображаютъ, будто возможно обезпечить безпрерывное удовлетвореніе этого новаго голода, какъ и голода желудка. Да; они поневолѣ повторяютъ усилія предковъ и также болѣзненно гнутъ спину надъ эфемерной задачей: продолжаютъ нести проклятіе за первородный грѣхъ; и тѣ самые, кто награжденъ всѣми благами, оплакиваютъ недостижимость отвлеченнаго рая.

Ни Женевьева, ни Марія не отвѣчаютъ г-ну Эртелю.

На однообразный ли дождь или на тяжкія воспоминанія обращенъ его столь ясный взоръ? Г-жа Бруте аккуратно располагаетъ свои синели. Иголка Женевьевы запинается и дѣлаетъ невѣрный стежокъ.

V.

Необходимость сдѣлать нѣсколько покупокъ для себя и Женевьевы побудила г-жу Бруте поѣхать въ Парижъ. До самаго вечера крестница и крестный остаются вдвоемъ. Такое уединеніе имъ пріятно. Они любятъ Марію, привѣтливую, преданную, скромную; но, каковы бы ни были совершенства посторонняго лица, оно все же является посторопнимъ, чужимъ, нарушающимъ семейную непринужденность. У Женевьевы точно такъ же нѣтъ тайнъ отъ Маріи, какъ и отъ г. Эртеля; можетъ быть, съ Маріей она даже откровеннѣе, и, однако, не рѣшается заговаривать о себѣ при нихъ обоихъ. Общая имъ всѣмъ троимъ стыдливость удерживаетъ ихъ въ предѣлахъ салонныхъ разговоровъ; говорится только о другихъ, даже личныя чувства выражаются тономъ равнодушія.

Сегодня Женевьева и г. Эртель отдыхаютъ, оставшись вдвоемъ. Старикъ сидитъ въ курильной, прилегающей къ его комнатѣ. Г-жа Телье не разстается съ нимъ. Изъ украшеннаго лентами мѣшечка она вытащила канву и синель.

Сидя за письменнымъ столомъ, баронъ читаетъ какія-то старыя бумаги. Женевьева не знаетъ, почему всегда, когда они остаются другъ съ другомъ, между ними водворяется безпокойное молчаніе.

— Узнаешь ты этотъ почеркъ, Женевьева?

Она узнаетъ письмо, написанное ею же въ болѣе раннемъ возрастѣ: аккуратныя буквы, правильныя строчки, ровныя поля. Она уже не написала бы такъ чисто: вѣдь этой запискѣ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ десять. Г-жа Телье прочитываетъ число: уже пятнадцать лѣтъ!.. Слова, изъ которыхъ нѣкоторыя подчеркнуты, бросаются ей въ глаза: „Я довольна... Онъ поправляется... Въ его дѣятельности нашлось мѣсто и для меня, совсѣмъ рядомъ съ нимъ... Господь хочетъ, чтобы я вновь пріобщилась къ жизни мужа при помощи разума и полезнаго труда... Любовь отъ этого не проиграетъ...“

Пятнадцать лѣтъ! Ей тогда было двадцать девять... Немногихъ лѣтъ оказалось достаточно, чтобы привести ее къ порогу старости. Ибо зрѣлость не существуетъ, и человѣкъ старъ, какъ только перестаетъ видѣть предъ собой безпредѣльныя перспективы.

„Есть мѣсто и для меня... Я вновь пріобщаюсь къ жизни мужа... Любовь...“ Какъ живо бѣгало перо по этому листку, тогда новому и чистому! Женевьева вспоминаетъ низкую гостиную на бульварѣ Гаусмана, гдѣ она писала крестному, когда полагала, что можно вылечить отъ ослабленія любви, какъ отъ насморка, и воображала, будто открыла двѣ чудесныхъ панацеи: Трудъ и Славу...

Г-жа Телье сострадательно улыбнулась надъ своимъ юношескимъ бредомъ. Какъ она тогда не догадалась о неизлечимости столь обыденнаго страданія? Когда женщина утратила все, что было безусловнаго въ любви къ ней мужчины, не тщетны ли, не безплодны ли всѣ ея усилія вернуть прошлое? Женевьева думаетъ объ Альберѣ, о Бернѣ, о празднествахъ. Ахъ! Даже при наилучшихъ намѣреніяхъ, осуществляемыхъ благороднѣйшими путями и при неугасающей бодрости ума, какъ безсильно страстное упорство женщинъ въ борьбѣ съ мимолетностью чувствъ мужчинъ!..

— О чемъ задумалась, моя прекрасная мечтательница?

— Мечтательница? Это—я-то, крестный?.. Вы смѣетесь!.. Въ мои лѣта только гувернантки-шотландки высматриваютъ изъ-за пенсне, не ѣдетъ ли прекрасный рыцарь!.. И въ самомъ дѣлѣ, была ли я когда-нибудь мечтательной? Вспомните, что въ былыя времена вы, напротивъ, упрекали меня въ ужасной практичности, въ карьеризмѣ?..

Г-нъ Эртель остановилъ ее движеніемъ руки:

— Ты увѣряешь себя, будто не была романтична, потому что не вздыхала по Линдорѣ; но что это доказываетъ? Мечтателемъ можно назвать всякаго, кто создалъ себѣ мечту и желаетъ ее осуществить въ жизни, кто построилъ воздушный замокъ и желаетъ въ немъ поселиться. Мечтать можно не объ однихъ поцѣлуяхъ. Эти листочки, перечитанные мною не разъ, разсказали мнѣ о твоихъ химерахъ, о твоихъ грезахъ, обо всей твоей утопіи. Ты была честолюбива только ради любви. Ты даже придумала довольно хитрую махинацію. Только еще не изобрѣтенъ такой механизмъ, которымъ воскрешались бы исчезнувшія иллюзіи, или чинились лопнувшіе мыльные пузыри...

Крестный и крестница думаютъ заодно. Но Женевьева, которая лишь недавно доведена опытомъ до такихъ мыслей, дѣлаетъ попытку вернуться къ оптимизму:

— Однако, достиженіе женщиною счастья не должно бы заключать въ себѣ ничего чудеснаго. Въ самомъ дѣлѣ! Взять молодую дѣвушку (я точно читаю рецептъ изъ поваренной книги)... Разумѣется, не идіотку, не урода. Она встрѣчаетъ человѣка, который ей нравится. Хорошо!.. Но никто не понравится нечаянно: значитъ, онъ желалъ ея любви. Почему бы ему и впредь не находить радости — единственной своей радости, — въ безграничной привязанности, которой онъ желалъ добиться и которую получилъ? Тогда наслажденіе этой женщины состояло бы въ томъ, чтобы выражать свою любовь, которою она даетъ счастье... Развѣ въ такой комбинаціи есть что-нибудь волшебное?... Какъ ты думаешь, Пирожокъ?

Пирожокъ, войдя въ окно, влѣзаетъ на г-жу Телье и выпускаетъ когти, ища твердой точки опоры для скачка на этажерку.

— Ты меня царапаешь, Пирожокъ: ты не согласенъ со мной; ты полагаешь, что въ любви всегда одинъ честенъ, а другой обманщикъ, одинъ любитъ, а другой позволяетъ себя любить... нѣсколько времени?

— Это—невѣрный взглядъ,—возражаетъ г. Эртель.—Память моя слаба, но въ мои лѣта лучше всего помнишь свою молодость. Въ ту пору я видалъ, конечно, плохо подобранныя пары; но знавалъ и супруговъ прелестныхъ, восхитительныхъ, пренебрегавшихъ обманомъ. Однако, они плакали и безъ измѣнъ! Вотъ бѣда: два огня вспыхиваютъ сразу, потомъ одинъ начинаетъ гаснуть... Этотъ фактъ объясняется очень простыми сравненіями. Нагрѣй два чистыхъ металла до одинаковой степени и вынь изъ горна: черезъ минуту одинъ будетъ еще жечь, а другой останется лишь теплень-

кимъ. Есть ли два человѣка, одаренныхъ совершенно одинакимъ аппетитомъ? Нѣтъ; одинъ уже сытъ, а другой — еще голоденъ. Какъ же можетъ быть одинаковой ихъ потребность въ любви?

— Но каждый требуетъ отъ другого не болѣе, чѣмъ самъ даетъ...

— А если „другой" не такъ богатъ? Или если его сокровища иного сорта? Вѣдь, замѣть: каждый хочетъ уплаты тою же монетою. Преданность и уваженіе не принимаются взамѣнъ пламенной страсти. Какъ будто, порывы двухъ существъ даже къ добру могутъ выразиться тожественными движеніями?! Ты сама сказала: отъ любимаго существа требуется какъ разъ то, что ему дается. Если оно платитъ иначе, мы возмущаемся и скорбимъ.

Женевьева не стала опровергать этихъ истинъ; но ей неясны были ихъ несправедливыя причины. Она плохо понимала, что именно роковымъ образомъ нарушаетъ равновѣсіе между двумя самыми любящими людьми. Когда возникаетъ диссонансъ?

— Мнѣ кажется, Женевьева, что это начинается съ самаго начала. Правда, тогда каждая душа звучитъ такъ полно, что не слышитъ сосѣдку. Но сразу можно предвидѣть чепуху. Это вытекаетъ изъ природы вещей. Развѣ можно, чтобы единая мысль помѣщалась одновременно въ двухъ головахъ? Наивный бредъ! Мы не властны надъ собственнымъ чувствомъ, а хотимъ властвовать надъ чувствомъ другого! Эта нелѣпость прелестна, напоминаетъ о веснѣ, о непорочности; но она нелѣпа. Тѣмъ хуже тому, кто первый замѣтитъ это!..

Г-жа Телье весело дѣлаетъ выводъ:

— Въ концѣ концовъ, изъ двухъ влюбленныхъ властвуетъ только одинъ, но именно тотъ, кто уже не любитъ!

И прибавляетъ въ полголоса:

— Чаще всего это—не жена!

— Дѣйствительно,—соглашается г. Эртель, — ибо союзъ брачный, называемый въ высокомъ стилѣ „узами" и „цѣпями", нѣсколько похожъ на порабощеніе. А мужчина болѣе, чѣмъ женщина, дорожитъ свободою по разнымъ причинамъ, изъ которыхъ главною является самолюбіе. Онъ краснѣетъ при мысли, что любой встрѣчный сочтетъ его порабощеннымъ. Сердце свободное признается болѣе интереснымъ, нежели сердце, хранящее вѣрность. Всѣ мужчины разсуждаютъ на манеръ того Коринѳянина, котораго имя я забылъ и который кокетливо заявилъ: „Я обладаю Лаисою, но не нахожусь въ ея обладаніи." А если Лаиса его любила?.. Бѣдная Лаиса!

Несчастіе Лаисы мало трогаетъ г-жу Телье. По отношенію къ куртизанкѣ такая сдержанность кажется ей естественной. Но въ бракъ соглашается вступить только тотъ, кто желаетъ союза на всю жизнь; зачѣмъ же люди женятся и выходятъ замужъ по взаимной любви, если не хотятъ, чтобы чувства ихъ шли параллельно?

— Параллельными будутъ такія чувства, которыя не встрѣтятся никогда,—возражаетъ баронъ:—такія чувства, дѣйствительно, не пострадаютъ отъ столкновеній. Но послѣ свадьбы приходится встрѣчаться каждый день, а иногда и сталкиваться... Бросивъ игру словами, выражу увѣренность, что бракъ—вещь прекрасная, но что лучшаго ничего нельзя выдумать для быстраго разочарованія мечтателей!

— Ахъ, ахъ, крестный! восклицаетъ Женевьева.—Это—сужденіе холостяка...

— Который очень хотѣлъ бы ошибиться... но говоритъ правду. Женитьба была бы прелестна, будь она длительна. Но увы! нельзя жить въ женитьбѣ, надо жить въ супружествѣ. Женитьба есть поступокъ; его можно совершить въ порывѣ увлеченія: ибо для поступка достаточно немногихъ минутъ. А супружество есть состояніе, даже состояніе длительное, продолжающееся и послѣ пробужденія отъ всякихъ грезъ. Супружеская жизнь совсѣмъ не то, что женитьба; а всѣ женихи смѣшиваютъ одно съ другимъ! Какое плачевное заблужденіе! Какой источникъ разочарованій! И какъ разумно было бы писать крупными буквами на свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ новоженамъ священникомъ или мэромъ: „Бываетъ, что вступаютъ въ бракъ по любви, но не бываетъ чтобы жили въ бракѣ по любви.“

— Или еще, предлагаетъ Женевьева:—„Вниманіе! Господа, иллюзіи о вѣчности чувства строго воспрещены...“

Нигилизмъ крестнаго отчасти нравится г-жѣ Телье. Онъ утѣшаетъ ее въ неудачѣ, доказывая, что ея участь съ нею дѣлитъ весь свѣтъ. Въ крышкѣ рабочаго ящичка есть зеркальце: она видитъ въ немъ себя, неважно причесанную, съ очками на носу, взятыми взаймы у барона: она тоже начинаетъ страдать дальнозоркостью.

— Какая я страшная!

И шутливо продолжаетъ:

— Я это говорю, но не думаю... Самыя прочныя наши иллюзіи—это тѣ, которыя касаются насъ самихъ...

Но вновь поддавшись меланхоліи, она говоритъ:

— Возмущаемся перемѣною чувствъ, невѣсомыхъ и непрочныхъ, а не замѣчаемъ, какъ мѣняются черты, которыя казались намъ не подлежащими перемѣнѣ, когда мы вну-

шали другимъ эти чувства. Почему же душа мужчины должна быть неизмѣннѣе тѣла женщины?

Итакъ, ея бѣда весьма обыкновенна... Однако, Женевьева боится обмануть себя ложнымъ утѣшеніемъ. Правдоподобно ли, чтобы ни одна женщина не достигла осуществленія желаній, такихъ, какія питала когда-то она? На письменномъ столѣ крестнаго стоитъ экранъ съ потретами ея семьи. Взоръ г-жи Телье останавливается на фотографіи ея матери:

— А мама была счастлива?

Г. Эртель отвѣчаетъ уклончиво, что не знаетъ, и мѣняетъ разговоръ:

— О! супружескую жизнь бранить не за что. Есть множество славныхъ женъ, которымъ прекрасно живется со славными мужьями. Благодѣтельница-жизнь надѣлила ихъ другими заботами, непохожими на горести мечтателей.

— Вы въ этомъ увѣрены, крестный? Неужели вы не видали браковъ, до конца гармоничныхъ, согласныхъ и, притомъ, проникнутыхъ чувствомъ?

— Нѣтъ. Я видалъ людей, вступившихъ въ бракъ по склонности и не расходившихся. О нихъ говорилось, что они продолжаютъ любить другъ друга. Не вникая въ этотъ вопросъ, они оставались увѣренными во взаимной влюбленности; во всякомъ случаѣ, изъ доброжелательства и по принятому обыкновенію, женщины продолжали называть любовью довольно нѣжную дружбу, уваженіе, взаимное желаніе добра, нѣкоторую фамильярность, привычку дѣлить кровъ и пищу, совмѣстную привязанность къ дѣтямъ, внѣшній видъ счастья, доброе товарищество, спокойствіе...

— Сниманіе пѣнокъ съ домашней похлебки!..—умозаключила Женевьева. — Роль неважная для сотрудницы, не лишенной чувства и ожидавшей иного...

— Да съ чего ты взяла, что онѣ считали себя на правахъ товарищей?.. Онѣ и не были сотрудницами: это были спутницы.

— Спутницы для путешествія въ пассажирскомъ поѣздѣ и по плоской мѣстности?

— Когда путь предстоитъ однообразный, то многіе любятъ совершать его вдвоемъ.

— Совершенно вѣрно!.. Зависитъ отъ вкуса... Но, крестный, что за обманщики эти художники и поэты! Откуда берутъ они все то, что восхваляютъ? Весь ихъ лиризмъ—лишь надувательство.

— Не говори этого, Женевьева: искусство божественно именно потому, что увѣковѣчиваетъ краткія минуты упоенія.

— Минуты, да!.. думаетъ Женевьева. Столь лучезарный моментъ ея вступленія въ бракъ былъ лишь минутой упоенія,

а послѣдовавшая за нимъ супружеская жизнь есть похмѣлье, безконечное похмѣлье... Женевьева перестаетъ осуждать, понимаетъ, начинаетъ любить тѣхъ, которыя, изъ отвращенія къ еле-подкрашенной виномъ водицѣ, предались страсти къ запрещеннымъ винамъ.

— Крестный! Тѣ скромныя „спутницы", о которыхъ вы мнѣ говорили, можетъ быть, въ старости упрекали себя за то, что не рѣшились, очертя голову, на какое-нибудь грандіозное безуміе...

Такое предположеніе, какъ будто, вспугиваетъ старика, предавшагося своимъ воспоминаніямъ:

— Не бываетъ,—слышишь ты?—не бываетъ этихъ грандіозныхъ безумствъ. Это нелѣпо! Это невозможно, такъ какъ бываешь вдвоемъ! Все равно, что желать, чтобы двѣ химеры шли въ ногу! „Безуміе"! Да, вѣдь, кто-нибудь излѣчивается отъ него первымъ и терзаетъ другого...

Внезапная вспышка старика озадачила г-жу Телье.

— Не горячитесь, крестный, и не опасайтесь за меня: я уже благополучно вышла изъ возраста безумія!

— Не жалѣй объ этомъ, дитя мое. Знаешь: мы разсуждаемъ, ораторствуемъ, придираемся, жалуемся на ближнихъ и на жизнь — и все это не имѣетъ значенія: это—забава... Одно только важно: въ старости быть довольнымъ собою и своею безупречною жизнью. Смертельную скорбь причинить недолго! Даже безъ злобы, по легкомыслію, по необдуманности можно оставить по себѣ развалины... Никто не знаетъ о нихъ, кромѣ самого виновника,—но и то уже слишкомъ!.. Ты счастлива, Женевьева, если не причинила зла...

— Да, вѣдь, и вы тоже, крестный: вы добрѣе всѣхъ на свѣтѣ!

Голосъ г-на Эртеля окрѣпъ:

— И я тоже... Какъ день-то уменьшился!

Да, спускается ночь. Г-жа Телье наклоняется надъ изнанкою канвы, чтобы закрыть синелевыя шелковинки. Ей не видно глазъ крестнаго, глазъ утомленныхъ, а можетъ быть, затуманенныхъ, обращенныхъ на экранъ съ портретами...

Мюзотта, было время, когда ты удовлетворяла свою похоть. Но тогда ты убѣгала изъ дому...

VI.

Въ Грецѣ Женевьева и Марія замѣтили вывѣску лавченки: „Писчебумажные, галантерейные и кондитерскіе товары". Это множественное число имѣло очень важный видъ. Въ лавчонкѣ пахло пригорѣлой луковой похлебкой. Продав-

щица вся вспотѣла, отыскивая лиловыя чернила, тетрадку и катушки шелка. При возвращеніи въ Малагетту, на станціи, продавщица въ книжномъ кіоскѣ кланяется барынямъ изъ помѣстья. Г-жа Телье беретъ у нея нѣсколько газетъ, иллюстрированныхъ журналовъ и только что вышедшую книжку: „Краткое руководство для вступающихъ въ Парижское общество".

Возвращаясь домой, пробѣгаютъ газеты, которыя, несмотря на каникулы и лѣто, очень интересны. Съ морскихъ береговъ и съ курортовъ люди извѣщаютъ вселенную о томъ, что играютъ между собою въ карты, пострѣлявши голубей. Предсѣдатель совѣта министровъ уѣхалъ на югъ, чтобы обнять свою мамашу. Перечисляются дамы полусвѣта, собравшіяся на взморьѣ въ Нормандіи. Одинъ беллетристъ печатаетъ рядъ статей о живописцахъ, отдыхающихъ въ деревнѣ. Его собратъ, побуждаемый соревнованіемъ, описываетъ каникулы пѣвцовъ.

Каждый листъ представляетъ собою чашу, наполненную до краевъ ради утоленія жажды къ рекламѣ. Нѣкоторыя имена попадаются повсюду; Женевьева соображаетъ, какъ на нихъ должны нападать въ томъ кругу, гдѣ, однако, значеніе лицъ измѣряется ихъ извѣстностью. Издалека и въ былое время этотъ самый кругъ представлялся ей въ видѣ избраннаго общества, почти въ видѣ массонскаго братства, блаженно счастливаго и достойнаго восхищенія. Надъ толпою она видѣла въ своемъ воображеніи группу избранниковъ, нѣчто въ родѣ пританея справедливо привилегированнаго, куда Альберъ достоинъ имѣть доступъ. Поэтому она подозрѣвала въ немъ порывы нетерпѣнія, свойственные великому человѣку, сосланному въ маленькій городокъ, замкнутому въ тѣсномъ кругѣ собратьевъ и товарищей. Она представляла себѣ, что на высотахъ извѣстности должно дышаться свободнѣе. А теперь Женевьевѣ извѣстно, насколько узокъ этотъ мірокъ, гдѣ всѣ болѣе или менѣе знаютъ другъ друга, всѣ шумятъ и щеголяютъ смѣшными чертами, порождаемыми жизнью напоказъ.

Въ этомъ отношеніи очень назидательна та новенькая золотообрѣзная книжка, которую только что купили на желѣзнодорожной станціи: „Краткое руководство для вступающихъ въ общество". Въ немъ перечислены „Парижскія знаменитости" съ благосклонно краткимъ, а иногда и насмѣшливымъ объясненіемъ, чѣмъ каждая прославилась. Марія Бруте, которая перелистываетъ книжку, показываетъ своей пріятельницѣ двѣ строчки:

„*Альбертъ Телье*: „Объ излечимости чахотки"; санаторій.

Гигіена: законъ Телье. Членъ Сената, Академіи и великосвѣтскаго круга. Очень симпатиченъ".

Женевьева просматриваетъ этотъ списокъ, удобный для иностранцевъ и новичковъ въ парижскомъ обществѣ. То тутъ, то тамъ она прочитываетъ.

„Бенда-Барбе": высшая филантропія, нѣкогда — фабрика консервовъ.

„Кодри": Депутатъ. Бывшій министръ въ духѣ „ежовыхъ рукавицъ". Остроуменъ и привлекателенъ.

„Гаррисъ": Жокей, первый въ скачкахъ съ препятствіями.

„Герцогъ д'Эстутевиль": Стариннаго рода и пишетъ старинную музыку,

„Дора Лизеронъ": Опереточная звѣздочка. Самая маленькая ножка въ Парижѣ.

„Графъ Улыгинъ": Русскій аристократъ. Катаетъ разныхъ государей на своей яхтѣ. Соціалистъ. Очень симпатиченъ.

„Цесслеръ": Основатель ипподромовъ и Казино. Большія и малыя лошади.

„Фелисьенъ Коссе": Изъ сорока „Безсмертныхъ". Послѣдній изъ *блестящихъ* собесѣдниковъ...

Такой перечень занимаетъ до тридцати страницъ, заключая въ себѣ маркизовъ и каррикатуристовъ, проповѣдниковъ и антикваріевъ, двухъ аэронавтовъ, одну хиромантку — знаменитостей всѣхъ парижскихъ округовъ и сферъ.

— Посчитаемъ,—сказала г-жа Телье.—Сосчитать очень недолго: есть таблица всѣхъ собственныхъ именъ. Въ книжкѣ ихъ около четырехсотъ.

— Четыреста, душа моя!... Менѣе половины населенія Греца. Это —великій Городъ-Свѣточъ!... Да наоборотъ: это— жалкій городишко, самое мелкое мѣстечко!... Какъ же не быть ему сущимъ захолустьемъ: мелочнымъ, сплетничающимъ и злобнымъ?

Да, злобнымъ... Женевьева задумалась о „городишкѣ". Сейчасъ Марія опять упоминала о г-жа Эмаръ и о ея разводѣ. Вѣдь Гортензія Эмаръ была въ отчаяніи отъ невозможности проникнуть именно въ этотъ странный „городишко". Повидимому, она плохо изучила его нравъ. Но г-жа Телье знаетъ, какъ искусно дѣлается въ немъ зло подъ личиною добра. Она помнитъ рѣчи, которыми произносящіе ихъ старались очернить въ ея глазахъ друзей, безукоризненныхъ и любимыхъ. Она испытала участіе непрошенныхъ доброжелателей, щедрыхъ на полезныя предостереженія и благосклонно передающихъ вамъ всѣ клеветы, распускаемыя на вашъ счетъ, всѣ сплетни, выдумки, съ именами ихъ авторовъ. Тутъ уже васъ не пощадятъ: не пропустятъ ничего. А состраданіе еще хуже. Женевьева ясно представляетъ

себѣ гримасы пріятельницъ, которыя беззаботно выслушиваютъ о васъ Богъ знаетъ что, а потомъ, чтобы доказать свою къ вамъ дружбу и чтобы вамъ передали, какъ онѣ за васъ заступались, возражаютъ кротко и вѣжливо: „Да нѣтъ же... да нѣтъ... Вы заходите слишкомъ далеко!... Да если бы и такъ, то я этого и знать не хочу.... Я люблю ее такою, какъ она есть....“ Что за осиное гнѣздо — этотъ поселочекъ избранниковъ!

Г-жа Телье забавляется чтеніемъ „Руководства“. Ко всѣмъ, кто въ немъ поименованъ, она равнодушна, а нѣкоторыхъ презираетъ.

— Въ сущности, живя въ этомъ „городишкѣ“, Маша, думаешь только объ одномъ: какъ бы выставиться въ наилучшемъ свѣтѣ передъ тѣми, кого ничуть не уважаешь. Какое шутовство! И большинство людей платитъ вамъ взаимностью въ неуваженіи. Они знаютъ ваше имя и лицо, смутно знаютъ, что вы дѣлаете, а узнать больше—имъ не интересно. Ибо „городишко“ избранныхъ даже не городокъ, а рядъ отдѣльныхъ поселковъ, враждебно смотрящихъ другъ на друга: тутъ поселокъ аристократіи, поселокъ богатаго купечества, поселки политическихъ дѣятелей, ученыхъ, финансистовъ. . Есть поселокъ католическій... Есть поселокъ клубистовъ и спортменовъ... Еще поселокъ художниковъ... Есть полупоселокъ полусвѣта! Вы возбуждаете любопытство, но не вызываете восторга, ни даже простого вниманія у тѣхъ, кто принадлежитъ къ чужой слободкѣ, Слобода къ слободкѣ относится съ полнымъ пренебреженіемъ! Или, вѣрнѣе, съ полнымъ незнаніемъ! Каверлошеръ, изучившій сотни анатомическихъ трактатовъ, признавался мнѣ, что никогда не дочиталъ ни одного романа. Онъ похлопывалъ по желтенькой книжкѣ, говоря: „А трудно, должно быть, читать такія исторіи!...

По мнѣнію Маріи, Каверлошеръ, въ данномъ случаѣ, является исключеніемъ, даже болѣе рѣзкимъ, чѣмъ „эклектикъ“, любящій всѣ разнородныя слободки и бывающій во всѣхъ.

— Эклектики?...—сказала Женевьева.—Къ этому разряду принадлежалъ покойный Нуайель и будетъ принадлежать маленькій Кретьенъ. Я знаю этотъ типъ кочевника, перебѣгающаго каждый вечеръ изъ кружка въ кружокъ, въ каждомъ дружески ругая сосѣдній, безъ церемоній, безъ риска, съ твердымъ знаніемъ той истины, что у клубистовъ вполнѣ безопасно продергивать врачей, а у фабрикантовъ — глумиться надъ художниками...

Г-жа Бруте признается, что великосвѣтское общество ее конфузитъ. Она радуется, что ничѣмъ не знаменита и можетъ

сидѣть у себя въ уголкѣ. Однако, пессимизмъ Женевьевы кажется ей чрезмѣрнымъ: вѣдь и въ большомъ свѣтѣ не всѣ же злы.

— Твоя правда: попадаются премилые люди. Но развѣ ты не замѣчала, что остальные дѣлаютъ все, чтобы внушить намъ отвращеніе къ нимъ, а ихъ удалить отъ насъ? Вотъ, помнишь ли, какъ г-жа Броунъ познакомила меня съ женою скульптора Кардиналя, хорошенькой и милой? Мы понравились одна другой; а г-жа Броунъ вышла изъ себя. Она не успокоилась до тѣхъ поръ, пока насъ почти не поссорила. Если ты у кого-нибудь въ салонѣ сблизишься съ пріятною особою и навѣстишь ее или позовешь къ себѣ, хозяйка того дома будетъ на тебя дуться, точно ты ее обокрала... Точно также, если кому нибудь весело или нужно бывать у тебя, то всѣ твои завсегдатаи такъ и сомкнутся, чтобы помѣшать возникновенію новой пріязни; всѣ средства будутъ пущены въ ходъ, лишь бы возстановить тебя противъ новаго лица. Ты—собственность твоихъ знакомыхъ: они стоятъ вокругъ тебя на стражѣ и сплачиваются тѣснѣе, чтобы отражать каждый набѣгъ, чтобы не допустить вторженія свѣтскаго пролетаріата! Комично это...

„Общество“ съ его „руководствомъ“, и интригами, и сплетнями, кажется Женевьевѣ далекимъ, мелкимъ, смѣшнымъ, когда она вспоминаетъ о немъ подъ тѣнью вѣковыхъ вязовъ, колоссальныхъ, темныхъ, тихихъ и тѣнистыхъ. Послѣ пыльной дороги, гуляющія радостно погружаются въ лѣсную свѣжесть.

Какъ умно создано дерево!—говоритъ Марія.—Защищаетъ и отъ солнца, и отъ дождя. Полезно, какъ большой зонтъ, и даже красивѣе!

— Какое совпаденіе!... Я думала, въ одно время съ тобою, Маша, о полезности деревьевъ и о томъ, что они должны бы служить убѣжищемъ... Тогда людей можно бы оставить. Но люди не оставили бы васъ. Они не выпустятъ своей добычи: не дозволятъ жить внѣ ихъ круга. Со злости, что вы отъ него ускользаете, „общество“ приписало бы ваше удаленіе непріятнымъ причинамъ: разоренію или безумію. Ибо изобрѣтательность сплетниковъ безпредѣльна.

— Именно, правда,—сказала Марія.—Если дичишься, то отъ нищеты или полоумія. Если оказываешься общительной, привѣтливой, гостепріимной, твои же гости назовутъ тебя пустой, тщеславной или карьеристкой. И чтобы не расточить черезчуръ щедро свою благодарность, они будутъ, съ полнымъ ртомъ, находить, что ты ихъ кормишь плохо!

— Что дѣлать?—закончила Женевьева.—Злорѣчіе придаетъ столько прелести бесѣдѣ.

По размокшимъ отъ дождей аллеямъ г-жа Телье идетъ непринужденно, слегка согнувшись, медленно и довольно тяжеловѣсно. Въ этотъ часъ, живи она тамъ же, гдѣ г-жа Броунъ и г-жа Фисжанъ, или Коссета, она шагала бы, конечно, по досчатой пристани гдѣ-нибудь на взморьѣ. Въ воображеніи она видитъ себя тамъ, нарядную по-неволѣ, улыбающуюся по обязанности, идущую увѣренной походкой и съ тѣмъ видомъ, какой нужно принимать въ незнакомой перешептывающейся толпѣ, среди которой проходишь, глядя прямо передъ собой, стараясь не поворачиваться ни направо, ни налѣво, чтобы не видѣть зависти и не слышать завистливыхъ рѣчей. Хотѣлось бы заткнуть себѣ уши и надѣть шоры.—Это мечта страуса!—думаетъ Женевьева и смѣется.

— О чемъ ты думаешь?—спрашиваетъ Марія.

— Я думаю о томъ состояніи самообороны, въ которомъ мы всегда находимся по отношенію къ ближнему, о томъ инстиктивномъ, но постоянномъ наблюденіи за собственной физіономіей, осанкой. Это точно щитъ, точно маска... Ее надѣваютъ не изъ каприза, а изъ предосторожности, чтобы не наткнуться на острія, которыя бы поранили нашу чувствительность. Мы точно заковываемся въ латы и никому не открываемъ, гдѣ слабый пунктъ вооруженія. Къ чему? Насъ только стали бы удачнѣе лягать...

Но проходивъ уже недѣлю безъ этихъ свѣтскихъ латъ, г-жа Телье яснѣе представляла себѣ ихъ тяжесть. Какая тягота фигурировать въ маленькомъ спискѣ четырехсотъ парижанъ! Какъ утомительно сосредоточивать на себѣ взоры и сужденія! Какъ оглушительно быть предметомъ всеобщей болтовни! Тебя такъ рвутъ на части, что перестаешь принадлежать себѣ; ищешь себя, не находя, и можешь кончить тѣмъ, что станешь заимствовать у другихъ мнѣніе о самой себѣ!...

Впрочемъ мнѣніе это было бы не такъ уже ложно: свѣтская броня придаетъ свою форму тому, кто въ нее закованъ, и въ концѣ концовъ становишься такою, какой видитъ тебя свѣтъ. Нужна какая-нибудь случайность, уединеніе, чтобы возродилась внутренняя жизнь. Такое счастье бываетъ кратковременнымъ: завтра вновь вернешься въ кругъ избранниковъ, въ его духоту и тѣсноту, и заживешь жизнью „городишки" знаменитостей... Женевьева Телье испускаетъ глубокій вздохъ тоски по большому городу, которымъ пренебрегала когда-то, по большому городу, гдѣ можно жить безвѣстной, трудолюбивой, скромной, никѣмъ не тревожимой!

Увы! туда уже не вернешься, разъ оттуда удалившись! Лишь въ мечтахъ можно убѣжать изъ „городишки". Но какъ очаровательны всѣ грезы, которыя даютъ иллюзію бѣгства

оттуда! Женевьева припоминаетъ похлебку съ сыромъ и лавочницу въ Грецѣ, хлопочущую среди своихъ писчебумажныхъ, галантерейныхъ и кондитерскихъ товаровъ.

— Ахъ, Мари, Мари! Бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что я бросила бы все, если бы имѣла возможность завести маленькую лавочку и трудиться въ ней по десяти часовъ въ день, чтобы заработать себѣ похлебку на обѣдъ.

VII.

(Дневникъ Маріи Бруте).

28 августа.

Сегодня утромъ мы съ Женевьевой шли изъ Греца по лѣсной тропинкѣ, сокращающей дорогу, но очень узенькой и мокрой. Женевьева шла впередъ; я—за нею. Меня поразила ея утомленная походка; мнѣ стало ее жалко. Видна была не одна физическая усталость. Женевьева мнѣ казалась измученной и душевно. Мы говорили мало; ея долгія паузы и короткія фразы выражали безконечное утомленіе свѣтомъ, его суетою, его злобою. Я думала про себя, что люди не выказали ей такого особаго недоброжелательства; можетъ быть, не отдавая себѣ въ томъ отчета, она обвиняетъ весь міръ за то, что осталась одна въ Малагеттѣ, а не находится въ Бернѣ?.. Но я не возражала ей. Да и по правдѣ сказать, я не знаю ничего заразительнѣе ея меланхоліи, кроткой, иронической, почти веселой, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, такой грустной! Въ концѣ концовъ, я не меньше ея позавидовала лавочницѣ въ Грецѣ, трудолюбивой и подвижной, менѣе истощенной, чѣмъ мы, много разсуждающія и не работающія....

Мы вернулись. Мели Руссо, жена садовника, бѣжитъ къ намъ навстрѣчу съ карточкой и письмомъ.

— Барыня, пріѣхалъ фотографъ!

На карточкѣ значится, что владѣлецъ ея—г. Октавъ Піо, инженеръ искусствъ и мануфактуръ. Письмо—отъ Антонина Піо, рекомендующаго своего племянника, Октава, которому поручено снять нѣсколько видовъ Малагетты и, если это не сочтется за нескромность, также г-жу Телье. Его посылаетъ „Большая Иллюстрація“ по случаю празднествъ Бѣлаго Креста. Кажется, онъ ждетъ въ билліардной.

Но дороги грязны, и мы всѣ вымазаны. Женевьева хочетъ сначала пройти къ себѣ въ уборную.

— Поди, прими его, Мари; я сейчасъ выйду.

Она и не думаетъ о томъ, что я—не чище ея.... Впрочемъ, мнѣ это—все равно.

Обрѣтаю инженера искусствъ и мануфактуръ сидящимъ паинькой на стулѣ. Я дала бы ему семнадцать лѣтъ. Онъ сообщаетъ мнѣ, что вышелъ изъ Центральной Школы и что дядя Антонинъ беретъ его къ себѣ „по дѣламъ печати". Но дядя Антонинъ строгъ въ области профессіональныхъ знаній, и г. Октавъ Піо теперь проходитъ стажъ при „Большой Иллюстраціи". Сейчасъ, пока онъ здѣсь, одинъ изъ его коллегъ работаетъ въ Бернѣ. Всѣ журналы послали туда корреспондентовъ. Но „Большая Иллюстрація" особенно желаетъ дать читателямъ страницы живыя и каррикатурныя: видъ деревенскаго дома, гдѣ живетъ д-ръ Телье, изображеніе его супруги... Подписчики любятъ подробности жизни интимной, семейной....

Является Женевьева. Да она ли это? Во всякомъ случаѣ, это—уже другая женщина. Для такого преображенія довольно было четверти часа. Она—въ большой соломенной шляпѣ цвѣта маиса и свѣтломъ, простомъ, веселенькомъ платьѣ. На ногахъ—ботинки бѣлой кожи. На груди—букетикъ красной гвоздики. Меня она озадачила, а на питомца искусствъ и мануфактуръ нагнала робость.

До слишкомъ яркаго полуденнаго свѣта онъ хочетъ снять нѣсколько видовъ. Ему совѣтуютъ—видъ пруда. Онъ туда бѣжитъ, обѣщавъ потомъ вернуться и снимать кабинетъ Телье.

Пока онъ хлопочетъ надъ своими пейзажами, Женевьева зоветъ стараго Веньямина, чтобы помочь ей привести въ нѣкоторый безпорядокъ ту гостиную, гдѣ работаетъ Телье, когда бываетъ въ Малагеттѣ. Веньяминъ любитъ „аккуратно прибранныя" комнаты и не постигаетъ, зачѣмъ „барыня" раскидываетъ по столамъ книжки и бумажки.

— Веньяминъ, дайте мнѣ вазу или двѣ, да цвѣтовъ съ длинными стеблями.... Погодите!... Эта жардиньерка на каминѣ возмутительна.... Нѣтъ ли здѣсь статуэтки?... Веньяминъ, будьте любезны, принесите намъ мраморный бюстикъ, что у барина въ курильной....

Веньяминъ покорно бѣгаетъ: приноситъ вазы, цвѣты съ длинными стеблями и, наконецъ,—бюстикъ изображающій Женевьеву въ двадцать лѣтъ отъ роду.

Столъ слишкомъ пустъ: чего-то не хватаетъ. По просьбѣ Женевьевы, я иду къ себѣ въ комнату за никкелевой рамкой въ видѣ мольберта, въ которую вставленъ ея большой портретъ. Юный Октавъ Піо, вернувшись, находитъ обстановку превосходной. Мы отходимъ въ сторону, чтобы не мѣшать ему. Уткнувши носъ въ камеру, онъ объявляетъ, что выйдетъ великолѣпно. Можно будетъ разглядѣть даже изображеніе портрета г-жи Телье въ металлической рамѣ.

Но оно выйдетъ черезчуръ микроскопичнымъ, и фотографъ проситъ у Женевьевы позволенія снять ее непосредственно.

Она спрашиваетъ меня:

— Нужно ли?

Я отвѣчаю:

— А что-жъ такое?!..

Только въ кабинетѣ Альбера ей не мѣсто. Лучше было бы ей позировать на крыльцѣ, выходящемъ во дворъ. Идемъ туда. Добросовѣстно исполняя роль мухи изъ басни, я смотрю, какъ инженеръ устанавливаетъ аппаратъ, смотрю и какъ пріятельница сходитъ по ступенькамъ.

— О, сударыня, остановитесь! Движеніе выйдетъ очаровательно... Мы озаглавимъ эту страницу: „Возвращеніе въ Малагетту: супруга Альбера Телье идетъ встрѣчать профессора“.

Этой Женевьевѣ двадцать лѣтъ, какъ той, съ которой сдѣланъ бюстикъ. Она лучезарна. Она ослѣпительна. Сѣроватая соломенная шляпа скрываетъ волосы, среди которыхъ много сѣдыхъ. А улыбка у нея весенняя, показывающая всѣ ея зубки, которыя остались правильными и перламутровыми.

Г. Октавъ удаляется. Я стою, изумленная красотою и блескомъ Женевьевы. Я говорю это ей и цѣлую ее. Она произноситъ, краснѣя:

— Я опять надѣла „маску“,—вотъ и все: ту маску, о которой мы говорили часъ назадъ....

*
* *

Моя пріятельница никогда не лгала мнѣ; но она обманываетъ не меня, а себя... Женевьева, зачѣмъ же ты попросила у меня рамку съ твоимъ портретомъ, которую я всегда вожу съ собою? Ты, какъ будто, хлопотала лишь объ украшеніи комнаты. Ты воображаешь, я не угадала? На атласистой страницѣ „Большой Иллюстраціи“ будетъ изображенъ этотъ рабочій кабинетъ, и что въ немъ всякій увидитъ? На каминѣ—твой бюстъ; на столѣ—твой портретъ. Такъ ты хочешь быть неотдѣлимой отъ мужа, отъ его трудовъ, отъ его славы.

Мой старый другъ, я тебя не осуждаю! Боже, ты ничуть не стремишься къ популярности! Но ты въ восторгѣ, когда тебя сближаютъ съ *нимъ*, хотя бы на страницахъ журнала и на рисункѣ.

Не осуждаю тебя, а любуюсь тобою. Я позавидовала бы тебѣ, если бы не стала уже вполнѣ равнодушна къ самой себѣ.

Любовь, которую ты считала исчезнувшей изъ твоего сердца, проявляется, когда хочетъ, и перевертываетъ тебя

всю. Она заставляетъ тебя розовѣть, точно дѣвушку. Сколько времени ужъ я не видала тебя такою молодою, когда никто на тебя не смотритъ?

Сегодня ты опять стала совсѣмъ такою же, какою была за завтракомъ на бульварѣ Гаусмана, когда разсказывала объ Антенской амбулаторіи Антонину Піо, дядѣ этого юнца. Ты и тогда съ тою же скромною ловкостью старалась о преуспѣяніи любимаго мужа. Итакъ, твое бодрое усердіе пережило цѣлое поколѣніе. Развѣ его уничтожитъ какое угодно испытаніе, даже твое жестокое одиночество здѣсь, тогда какъ идутъ праздники въ Бернѣ?

Правда, послѣ этого ты увѣрила меня въ твоемъ разочарованіи, неизлѣчимомъ, беззлобномъ, проницательномъ и ясномъ.... Но сію минуту я уже предвижу, какой сердечный пріемъ найдетъ здѣсь твой профессоръ въ четвергъ, когда вернется переваривать свои пиршества. Вотъ ужъ кого жалѣть нечего! Его всегда встрѣчаютъ съ яснымъ видомъ. Во всѣ четверги, когда онъ предваритъ о своимъ пріѣздѣ, какъ на этотъ разъ, ты будешь выходить къ нему, красивая и полная надеждъ. Увы! Онъ даже не обратитъ вниманія. А по пятницамъ будешь возвращаться ко мнѣ, еще болѣе угнетенная одиночествомъ, постарѣвшая, жалкая. Тогда снова, какъ въ вечеръ моего пріѣзда сюда,—ты вообразишь себѣ, будто примирилась съ крушеніемъ твоихъ надеждъ, — до первой случайности, которая дастъ тебѣ иллюзію сближенія съ *нимъ*....

Да, я вижу, Женевьева, что кто любитъ, тотъ не покорится безнадежности. До самой смерти ты будешь ждать того вечера, когда онъ удостоитъ слить свой умъ и сердце съ твоими. А пока ты будешь обманывать себя чѣмъ попало, лишь бы облегчить ожиданіе. Ты обманываешь себя, когда на картинкахъ хочешь помѣстить рядомъ съ его портретомъ свой. Тебѣ кажется, что такимъ образомъ ты становишься нѣсколько ближе къ нему.... Бѣдныя картинки! Конечно, прежде чѣмъ ихъ отпечатаютъ, ты уже поймешь, насколько онѣ безсодержательны и ложны. Ты спрячешься, чтобы разсмотрѣть ихъ глазами, полными слезъ.... Но въ ту же минуту тысячи завистливыхъ глазъ, тысячи Гортензій Эмаръ, будутъ любоваться на той же страницѣ тою женщиной, которая имъ явится и завтра, какъ вчера, счастливѣйшею изъ женъ,—самою веселою, самою любимою и самою прославленною.

VIII.

Наступило воскресенье и, вмѣстѣ съ тѣмъ, храмовой праздникъ. Въ Малагеттѣ въ этотъ день раздавались денежные подарки садовникамъ и ихъ семьямъ. Мели Руссо, на террасѣ, благодаритъ барона Эртеля за его щедрость. Чтобы полнѣе выразить свою признательность, она тормошитъ ребенка, котораго таскаетъ съ собой.

— Ну, дѣточка, дѣлай ручкой!

Дѣточка, слишкомъ близко поднесенная къ барону, хватаетъ его за ухо Этотъ кусокъ мяса кажется ей забавнымъ; она весело пускаетъ слюни. Г-нъ Эртель ей нравится: она плачетъ, когда ее отъ него удаляютъ, и смѣется, когда ее подносятъ ближе.

— Это—истинное выраженіе любви!—объявляетъ баронъ, который въ веселомъ настроеніи, потому что его грѣетъ лучъ солнца.—Оставьте ее у насъ, Мели, и ступайте домой! Вотъ г-жа Телье ее подержитъ и потомъ принесетъ вамъ.. Что?.. Ей пора спать? Я не такъ хорошо, какъ вы, пою „Мальбрука“. Но я убѣжденъ, что ваша малютка—уже женщина: поэтому, чтобы усыпить ее, достаточно поговорить съ нею серьезно.

Мели исчезаетъ, гордая, что оставила свое чадо на попеченіи господъ. Г-нъ Эртель потихоньку освободивши свое ухо, обращается къ малюткѣ съ рѣчью:

— Молодая дѣвица, имѣю честь васъ поздравить съ праздникомъ и уже кстати пожелать вамъ всяческаго счастья въ жизни. Вы, безъ сомнѣнія, выростете красивой, добродѣтельной и чувствительной. Сверхъ того, вы будете одарены твердою волей, если судить по вашимъ сходящимся бровкамъ и по участи моего уха. Остается пожелать вамъ еще супруга, достойнаго вашихъ добродѣтелей, вашего нрава и вашей красоты....

Въ нашъ вѣкъ, когда люди всѣхъ классовъ быстро идутъ впередъ, вы, къ двадцатому году вашей жизни, успѣете оказаться на вершинѣ общественной лѣстницы. И тогда вамъ открытъ будетъ выборъ. Но кого выбрать? Обсудимъ это вмѣстѣ...

Во-первыхъ, милая барышня, бываетъ „бракъ по увлеченію“. Это очень обыкновенно: вы полюбите красиваго кавалера изъ хорошей семьи, полнаго пламенныхъ чувствъ, сверкающаго остроумія и влюбленнаго въ васъ. Да, вы можете встрѣтить такого господина, о которомъ говорится, что „все въ его пользу“. Но будетъ ли онъ дѣлать „все въ вашу

пользу“, и если да, то сколько времени? Предупреждаю васъ, что въ этомъ весь вопросъ...

Бываетъ и болѣе рѣдкая удача: вами плѣняется принцъ. Цари довольно рѣдко женятся на пастушкахъ, или, хотя бы, на садовницахъ. Однако, намъ извѣстны такіе браки „Высочествъ“, которыми были поражены ихъ подданные.

На свѣтѣ есть Балканы и нѣсколько мелкихъ престоловъ! Здѣсь или тамъ пріятно было бы властвовать! Но всѣ вожди народовъ унизили свое званіе: они снисходятъ до роли секретарей своихъ парламентовъ. Вамъ захочется чего-нибудь получше, прекрасная дѣвица...

Подъ размѣренную рѣчь барона малютка уже начинала клевать носомъ; г-нъ Эртель подмигнулъ Женевьевѣ, что ребенокъ засыпаетъ; но со своимъ спокойнымъ юморомъ продолжалъ доискиваться для дитяти власти болѣе реальной, чѣмъ та, которая дается непрочными коронами:

— Принцы, о барышня, относятся къ древней исторіи. Скорѣе же отдайте руку человѣку, который раздѣлитъ съ вами современную диктатуру. Вы не слыхали объ Америкѣ? Это такая страна, куда у насъ эмигрируютъ дяди. Они тамъ зарабатываютъ сотни милліоновъ долларовъ. Выходите за дядюшку изъ Вестъ-Индіи, да выберите постарше и побезобразнѣе, и притомъ такого, который съумѣлъ присвоить себѣ всѣ бобы или весь хлопчатникъ. Этотъ и безъ короны окажется истиннымъ царемъ: вѣдь въ сокровищахъ заключалась главная власть Креза... Вы возражаете насчетъ вашего сердца? Ну, сердце всегда найдетъ себѣ пищу. Это—подробность: не слѣдуетъ, сударыня, отвлекаться подробностями. Размыслите: вы будете женщина, и молодецъ-женщина, любящая властвовать. Сколькихъ гордецовъ унизитъ ваше золото! Кромѣ того, учителемъ начальной школы вамъ будетъ привито понятіе объ искусствѣ и красотѣ: вашъ вкусъ, при помощи богатства, создастъ чудеса... Рѣшительно, я подаю совѣтъ въ пользу хлопчато-бумажнаго короля. Поменьше смотрите на него, вотъ и все...

Крошка уже сомкнула вѣки; она дышетъ ровно и спокойно. Когда г-нъ Эртель умолкаетъ, она поднимаетъ рѣсницы. Баронъ, забавляясь ею, беретъ ее у своей крестницы и, со множествомъ предосторожностей, приподнимаетъ ее на рукахъ. Чтобы убаюкать ее окончательно, онъ предлагаетъ ей еще одинъ исходъ:

— Я понимаю, барышня: вамъ угодно все вмѣстѣ; вы желаете восхищаться тѣмъ, кого полюбите, желаете, чтобы онъ выигрывалъ отъ сравненія съ остальными и хотите, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы онъ былъ вашимъ вѣрнымъ рабомъ. Я считаю только одинъ типъ людей для васъ подходящимъ;

но онъ не часто попадается: требуется отыскать „генія-калѣку“, Гомера, Мильтона... Завидная участь для гордой влюбленной! У Мильтона были дочери, которыя его водили; но вамъ достанется холостой Мильтонъ. За челомъ его скрытъ цѣлый міръ, но глаза его сомкнуты; по-неволѣ придется ему идти за вами! Ставъ подругою слѣпого Мильтона, вы сдѣлаетесь буквально властительницей царственной души. Водить гиганта на помочахъ—какая блестящая участь для маленькой ручки!

Женевьева освободила крестнаго отъ его легкой ноши, которая ровно дышетъ и спитъ. Она идетъ вернуть ребенка матери. Мели живетъ въ „рабочей“,—длинноватой постройкѣ, каменныя стѣны которой едва видны изъ-подъ плюща и повилики. Этотъ покрытый листвой фасадъ обѣщаетъ прохладу и часто манитъ г-жу Телье. Тогда Женевьева входитъ и навѣщаетъ Мели Руссо. Конечно, она хочетъ этимъ оказать ей любезность и честь. Кромѣ того, она интересуется ребенкомъ: не близится ли она сама къ тѣмъ лѣтамъ, когда бабушки начинаютъ баловать своихъ внучатъ?

Мели заботится о красотѣ своего жилища. Ловкій Руссо оклеиваетъ стѣны обоями, которые жена купила на базарѣ въ „остаткахъ“.

— Будьте свидѣтельницей, барыня, что она задаетъ мнѣ работу даже по воскресеньямъ!

— На все свое время!—возражаетъ Мели.—Онъ баклушничалъ, когда былъ холостъ. Холостой человѣкъ всегда заработаетъ довольно: у него бывало на недѣлѣ по три понедѣльника. Я же отъ тринадцати до двадцати пяти лѣтъ вставала на зарѣ. Съ отцомъ спорить не полагалось...

— Вотъ ужъ правда!—сказалъ Руссо.—Покойникъ Кадаръ ловко умѣлъ вгонять въ потъ людей.

Но Мели чтитъ память родительскую:

— Ты не зналъ его смолоду, а барыня знала его въ то время, когда онъ не сваливалъ работы на другихъ. Отдохнуть ему пришлось только подъ старость.

— Ну, и это правда,—соглашается Руссо, чуждый духа противорѣчія.

Женевьева понимаетъ этику рабочей четы: лѣность есть порокъ, работа—долгъ, а отдыхъ—радость.

— И все идетъ по вашему желанью, Мели?

— Господи! Конечно, сударыня. Жаловаться не на что!

Единственно это и влечетъ сюда Женевьеву: она бродитъ вокругъ душъ, которымъ „не на что жаловаться“. Она полюбила домикъ, въ которомъ видитъ счастье. Эти люди счастливы непреднамѣренно. Мели испытываетъ неизреченное блаженство вслѣдствіе того, что Руссо избавляетъ ее отъ

работы. Наемная батрачка дѣлаетъ за нее все черное дѣло. Красный ротикъ Мели такъ и остается полуоткрытымъ: она улыбается своему безконечному воскресенью. А Руссо гордится тѣмъ, что трудомъ своимъ кормитъ жену, что его усилія даютъ ей свободу. Женевьевѣ не кажется смѣшнымъ, когда онъ зоветъ Мелю „своей хозяйкой".

Она собралась обратно въ домъ. Но Руссо хочетъ выказать любезность:

— Барыня, смѣемъ васъ спросить, не угодно ли вамъ будетъ освѣжиться?.. У насъ въ погребѣ есть сидръ...

— Нѣтъ, благодарю васъ, другъ мой!

— А ты, Мели?

— Я?—неувѣренно отвѣчаетъ Мели. — Не знаю... Ты-то хочешь? Нѣтъ?.. Такъ и я не хочу...

Она обращается къ Женевьевѣ:

— Какъ глупо: мнѣ тогда только хочется пить, когда онъ захочетъ!

Женевьева не находитъ глупою эту симпатію въ мелочахъ. Она ее понимаетъ. Влюбленная лишь тогда очень хочетъ пить, когда ея возлюбленный томится жаждой. Мели любитъ Руссо: вотъ и все. И Мели безъ ошибки можетъ считать себя любимой, потому что Руссо каждый день зарабатываетъ ей пищу. Безъ сомнѣнія, онъ дорожитъ своей подругой, если ради нея согласенъ трудиться.

У супруговъ Руссо нѣтъ ни ума, ни золота, ни власти. Имъ чужда утонченность. Они недалеки отъ этой природы, отъ этого плюща, отъ этой повилики. И ихъ простота дѣлаетъ ихъ товарищами: они счастливы вмѣстѣ, другъ черезъ друга... Они счастливы, не удаляясь отъ земли...

— Она проснулась... Простись съ барыней, сдѣлай ей ручкой!

Малютка широко улыбается, какъ и Мели.

Женевьева думаетъ о полной разочарованія и коварства рѣчи, которою баюкалъ ее баронъ Эртель подъ предлогомъ поздравленія съ праздникомъ. Не слѣдуетъ относиться съ ироніей къ судьбѣ маленькаго ребенка. Женевьева по-матерински цѣлуетъ крошку и желаетъ ей только скромнаго сердца.

КОНЕЦЪ.

ХАРАБА.

I.

Осенью, при проѣздѣ изъ древняго Тира (теперь называется Суръ) сухопутьемъ въ Дамаскъ, я заплутался въ безконечныхъ отрогахъ Ливана, развѣтвившагося и смѣшавшагося въ этомъ мѣстѣ съ отрогами своего родного брата, Антиливана. Ѣхалъ я верхомъ на лошади, а впереди шелъ съ осломъ мой проводникъ, сиріецъ Димитрій, который ѣздилъ со мной очень часто. Лошадь моя начинала уставать, а Димитріевъ оселъ съ трудомъ семенилъ своими маленькими ножками и грустно моталъ длинными ушами.

Пока не зашло солнце, Димитрій все храбрился и шутилъ, коверкая на всѣ лады десятокъ извѣстныхъ ему русскихъ словъ и смѣшно мѣшая ихъ съ арабскими. Шагая за своимъ осломъ, онъ оборачивался и говорилъ:

— Мой господинъ! Я не люблю оселъ. Всадникъ коня—конь; всадникъ осла—оселъ, такъ говоритъ арабски пословица, мой господинъ.

Понятно, сравненіе меня съ конемъ я долженъ былъ принимать, какъ комплиментъ. Димитрій чувствовалъ себя сконфуженнымъ, потому что потерялъ дорогу, и теперь свое недовольство вымещалъ на бѣдномъ уставшемъ осликѣ. Онъ шелъ за нимъ своей развалистой походкой и ругалъ весь ослиный родъ,—своего осла, его отца и ту религію, которую они исповѣдуютъ. По дорогѣ Димитрій поднималъ всѣ прутья и палки и тотчасъ же съ ожесточеніемъ обламывалъ ихъ объ ослиную спину.

Мы пробиралось по незнакомымъ глухимъ тропинкамъ, угадывая направленіе. Иногда намъ приходилось ѣхать по голымъ скаламъ и засохшимъ колючимъ кустарникамъ. Даже шакалъ остановился въ сторонкѣ и, поднявъ трубой хвостъ, посмотрѣлъ на насъ съ удивленіемъ: „Куда, дескать, ѣдутъ безъ дороги эти люди?..“

Съ закатомъ солнца ѣхать стало совсѣмъ трудно. Пришлось довѣриться чутью лошади и лишь покрѣпче держаться въ сѣдлѣ, а Димитрій печально брелъ со своимъ осломъ сзади. Онъ его уже не билъ, а только изрѣдка понукалъ шепотомъ, какъ будто боялся нарушить торжественную тишину осенней горной ночи.

Пока свѣтили яркія звѣзды,—виднѣлись хоть очертанія горъ, да ближайшіе камни. Но съ запада быстро надвигались тучи, и скоро закапалъ теплый дождь. Сдѣлалось совсѣмъ темно. Сѣрыя, нѣмыя днемъ скалы теперь, какъ будто, ожили, задвигались темными массами... Казалось, какіе-то гиганты шепотомъ ведутъ таинственную бесѣду, постукиваютъ костлявыми руками, глядятъ во мракѣ страшными глазными впадинами... Когда мы подъѣзжали ближе, онѣ мгновенно опять каменѣли въ тѣхъ положеніяхъ, въ какихъ мы ихъ заставали: съ приподнятыми руками, съ оскаленными зубами, сидя или стоя... Дикъ и безконечно разнообразенъ видъ этихъ сѣрыхъ нѣмыхъ скалъ въ горахъ Ливана.

Долго ли пробирались мы такимъ образомъ,—не знаю. Ночь бѣжала своимъ чередомъ, Димитрій шелъ по прежнему молча. Слышалось только робкое фырканье лошади и ослика. Однажды оселъ попробовалъ было основательно прочистить уставшее горло, но Димитрій такъ злобно дернулъ его за хвостъ, что осликъ захлебнулся на первомъ звукѣ и больше ужъ ревѣть не пытался.

Но вотъ вдалекѣ послышался неясный лай собакъ. Лошадь весело передернула ушами и пошла увѣреннѣе. Димитрій встрепенулся и, будто не слыша этого лая, сказалъ:

— Скоро деревня, мой господинъ!—И затѣмъ, когда лай послышался вполнѣ явственно,—прибавилъ съ гордостью:—Слышишь, мой господинъ? Собаки лаютъ. Я говорилъ, скоро деревня. Я хорошо знаю...

Скоро засвѣтился въ темнотѣ одинокій огонекъ, и мы въѣхали въ деревню. Димитрій оставилъ своего осла, передавъ мнѣ его поводъ, а самъ постучался въ первый домъ. Со всѣхъ концовъ села залаяли собаки, зашевелились обезпокоенные необычайнымъ шумомъ обыватели и повыползли изъ-подъ плоскихъ крышъ на улицу.

— Кто пріѣхалъ?—слышалось въ темнотѣ.

— Франжъ *) отвѣчалъ коротко какой-то голосъ.

Оказалось, что это было небольшое христіанское село на вершинѣ довольно высокаго хребта Антиливана. Мы уѣхали

*) Франжъ—отъ слова французъ. Такъ называютъ въ Сиріи всякаго европейца, будь онъ русскій, англичанинъ или нѣмецъ.

далеко въ сторону, но теперь были рады ночлегу. Жители указали намъ домъ православнаго священника.

Застегивая истасканную рясу, священникъ помогъ мнѣ слѣзть съ лошади и ласково пригласилъ въ домъ. Земляные диваны покрылись свѣжими простынями; принесли ковры, зажгли нѣсколько лампъ. Послѣ мрака и усталости горной дороги для меня дворцомъ засіяла закопченая дымомъ комната священническаго дома. Въ ушахъ еще слышался мягкій стукъ лошадиныхъ копытъ о камни, шепотъ горной пустыни, но по всему тѣлу распространялось сладкое ощущеніе отдыха.

Димитрій просунулъ въ дверь свои черные усы и заявилъ, что какой-то арабъ хочетъ меня видѣть. По мѣстному обычаю, пріѣзжаго посѣщаетъ много любопытныхъ, чтобы справиться о его здоровьи и дѣлахъ, а главное—поболтать отъ скуки. Было только около восьми часовъ вечера. Можетъ быть,—подумалъ я,—какой-нибудь шейхъ захотѣлъ немедленно, не дожидаясь утра, познакомиться съ пріѣзжимъ... Но уже съ перваго взгляда на фигуру посѣтителя, вошедшаго вслѣдъ за Димитріемъ, я понялъ, что онъ не сиріецъ, хотя былъ одѣтъ въ сирійскій костюмъ: на немъ была красная феска, кунбазъ *) и мягкія туфли. Роста онъ былъ высокаго, немного сухощавъ, гибокъ и строенъ; держался прямо, не гордо, но съ благороднымъ достоинствомъ, рѣдко присущимъ сирійцамъ.

Я всталъ. Онъ скинулъ у двери туфли, въ однихъ чулкахъ подошелъ ко мнѣ и на чистомъ русскомъ языкѣ сказалъ, протянувъ руку:

— Здравствуйте! Вы, навѣрное, устали? Извините, что побезпокоилъ. Но я пришелъ предложить вамъ переночевать у меня. Думаю, вамъ будетъ удобнѣе. Съ хозяиномъ вашимъ я переговорю: вы будете числиться его гостемъ, но пойдете ночевать ко мнѣ,—это допускается обычаемъ. А проводникъ вашъ останется въ его домѣ.

Я, конечно, охотно согласился, удивленный и обрадованный звуками русской рѣчи въ этомъ отдаленномъ сирійскомъ селѣ. Онъ переговорилъ со священникомъ и черезъ нѣсколько минутъ мы вышли. Незнакомецъ увѣренно шелъ впереди по темнымъ улицамъ и, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, постучалъ въ одну дверь. На площадкѣ надъ нашими головами заблестѣлъ фонарь. Мы поднялись по лѣстницѣ на верхнюю площадку дома и вошли въ довольно опрятную, небольшую комнатку съ кроватью, письменнымъ столомъ и тремя стульями — признакъ европейскихъ привычекъ. На

* Легкая одежда въ видѣ длинной рубашки.

полкѣ виднѣлись книги. На столѣ стояло нѣсколько фотографическихъ карточекъ. Остальное убранство ничѣмъ не отличалось отъ обычной обстановки всякаго крестьянскаго сирійскаго дома: по стѣнамъ глиняные диваны, покрытые простынями съ подушками; на полу цыновки; выбѣленныя известкой стѣны и черный, закопченый дымомъ, точно лакомъ покрытый, потолокъ.

Хозяинъ пригласилъ меня сѣсть, а самъ вышелъ распорядиться насчетъ ужина. Въ это время я успѣлъ разсмотрѣть корешки книгъ. Удивленіе мое усиливалось все болѣе и болѣе. Тутъ были книги французскія, русскія, арабскія и польскія. Большинство — научнаго содержанія, главнымъ образомъ по естественной исторіи, праву и философіи. Рядомъ съ русскимъ Пушкинымъ и Лермонтовымъ стояли книги Мицкевича и Сенкевича. Въ углу я замѣтилъ выпуклое распятіе. Очевидно, странный незнакомецъ былъ полякъ.

Онъ вскорѣ вернулся; Димитрій принесъ изъ моего мѣшка бутылку рому и бѣлаго вина. Мы закусили яйцами, овечьимъ сыромъ, жаренымъ мясомъ. Хозяинъ внушалъ мнѣ какую-то безотчетную симпатію и интересъ. Движенія его были мягки, рѣчь отрывиста, но деликатна. Въ немъ чувствовался человѣкъ свѣтскій, но огрубѣвшій немного въ дикой странѣ и одиночествѣ. За чаемъ, который былъ заваренъ въ большой кастрюлѣ, мы разговорились.

— Вы, повидимому, обжились здѣсь? сказалъ я.—И кажется, хорошо владѣете арабскимъ языкомъ.

— Да, я говорю недурно, а читаю и очень хорошо. Прекрасный языкъ, но сердца жестокія...

Онъ замолчалъ, но глаза засвѣтились какимъ-то особеннымъ глубокимъ блескомъ. Очевидно, онъ вспомнилъ о чемъ-то пережитомъ глубоко и съ болью.

— Да, жестоки у нихъ сердца,—повторилъ онъ,—жестоки и обычаи. Живу я на свѣтѣ тридцать пять лѣтъ и видѣлъ много людей и народовъ. Но я не видѣлъ ничего жесточе обычаевъ этихъ семитовъ. И странно: эта жестокость идетъ рядомъ съ поразительной человѣческой красотой. Они прекрасны и жестоки, какъ дѣти... Впрочемъ, можетъ быть, именно эта жестокость и хранитъ ихъ цѣлыя тысячелѣтія...

Онъ выпилъ остывшій стаканъ чаю, наполнилъ его снова изъ кастрюли небольшой чашкой и спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, какъ васъ зовутъ?

— Я назвалъ себя.

— А меня зовутъ Иванъ Казиміровичъ. Въ Россіи мы съ этого начали бы. Ну, а здѣсь для перваго знакомства достаточно общаго языка. Если вы не устали, я разскажу вамъ, что̀ я самъ видѣлъ и даже пережилъ здѣсь недавно...

Мнѣ еще не съ кѣмъ было подѣлиться всѣмъ этимъ... Оно такъ и лежитъ у меня на душѣ...

Я, разумѣется, изъявилъ полную готовность слушать...

II.

— Я русскій полякъ, — началъ онъ.—Былъ въ университетѣ... Много мыкался по свѣту. Ну, да не въ этомъ дѣло... Сюда я пріѣхалъ недавно изъ Хаурана, гдѣ прожилъ года три. Если вы не бывали въ Хауранѣ, — побывайте, очень интересная страна. Населена она друзами и отчасти арабами,— главнымъ образомъ, кочевниками. Кочевники бродятъ съ мѣста на мѣсто и живутъ въ рваныхъ палаткахъ, а осѣдлые большею частью поселились въ развалинахъ старинныхъ городовъ, селъ, крѣпостей: подберутъ камни въ кучи, покроютъ кое-какъ сверху—вотъ и дома, и цѣлое село. А между этими кучами камней высятся къ небу легкія колонны изъ красноватаго мрамора, какой-нибудь стройный порталъ одиноко рисуется въ ясномъ воздухѣ... Все напоминаетъ о быломъ величіи и славѣ древнихъ строителей. А эти люди—точно звѣри въ человѣческихъ жилищахъ,—такъ мало соотвѣтствія между ними и прекрасными остатками древнихъ строеній. Хауранъ,—это кладбище греко-римской жизни. Ушли люди, землетрясенія разрушили дома, все пришло въ запустѣніе. Ходишь иногда подъ темными сводами заброшенной крѣпости, и жутко станетъ, точно въ гробъ зашелъ. Скажешь слово, кашлянешь,—тысячи голосовъ отвѣчаютъ тебѣ, камни дрожатъ, точно хотятъ приподняться и выпустить на волю своихъ мертвецовъ. Кажется, даже камни этихъ развалинъ не такъ мертвы и холодны, какъ всѣ камни на землѣ, а унаслѣдовали часть души своихъ давнихъ жильцовъ... Зашли мы однажды въ старое зданіе, похожее на церковь. Смотримъ, будто входъ въ подземелье камнями и пылью заваленъ. Отрыли входъ, спустились въ подземелье. Смотримъ,—въ каменномъ креслѣ сидитъ священнослужитель во всемъ облаченіи... Сухо въ подземельи, тихо. Дотронулся одинъ изъ насъ до его головы,—трупъ вдругъ точно растаялъ, зашуршалъ легонько и разсыпался въ прахъ, только горсть пыли осталась на каменномъ сидѣньи. Мы вышли въ молчаніи...

— И громадны же нѣкоторыя изъ этихъ старинныхъ построекъ! Около Салхада есть крѣпость на вершинѣ горы. Такъ весь городъ и турецкія казармы построены изъ камней этой крѣпости, а она и до сихъ поръ видна за три дня пути. Изъ нея можно построить еще три такихъ города, какъ этотъ Салхадъ... Ну, такъ вотъ, поселился я въ Хауранѣ въ одной

деревнѣ, по имени Усфуръ. Стоитъ деревня на возвышеніи. Тоже какія-то развалины древнихъ построекъ. Черные камни вулканической породы, и все безцвѣтно, кромѣ зелени, да голубого неба. Не будь здѣсь такого прекраснаго неба—бѣжалъ бы изъ этой страны, какъ изъ могилы. Но небо дивное, даль такая прозрачная, синеватая. Сяду, бывало, вечеромъ на эти черные еще теплые камни и сижу, и любуюсь далекими синими горами... Населеніе въ этой деревнѣ смѣшанное: христіане и друзы, но христіанъ больше, чѣмъ друзовъ. Христіане-уніаты, но и у нихъ обычаи вполнѣ мусульманскіе: и кровавая месть, и женщины взаперти, въ особенности дѣвушки. Да и какіе они, въ сущности, христіане! Единственный богъ ихъ—сила, а дьяволъ—страхъ передъ сильнымъ,—вотъ и и вся ихъ вѣра. Не лучше проводятъ въ жизнь свою вѣру и друзы... Всюду, впрочемъ, одно и то же: меня не убьютъ, потому что въ карманѣ у меня револьверъ... Религія тутъ не при чемъ... А эти „христіане“, среди которыхъ я живу здѣсь,—и совсѣмъ особенные...

Онъ задумался...

— Вы хотѣли разсказать о чемъ-то, случившемся съ вами?—напомнилъ я.

— Да, да... Впрочемъ, исторія самая обыкновенная въ этихъ мѣстахъ, но мнѣ-то она ударила больно по сердцу. Не знаю, удастся ли мнѣ передать вамъ все, какъ слѣдуетъ, чтобы было понятно...

Димитрій просунулъ въ дверь нашей комнаты свои усы и попросился спать. Я отпустилъ его. На дворѣ онъ подрался съ ворчавшей на него собакой, спустился внизъ и, ругаясь на плохую дорогу, ушелъ въ домъ священника.

На дворѣ и въ комнатѣ все затихло...

— Да, такъ вотъ, видите ли,—сказалъ мой хозяинъ задумчиво.—У одного изъ христіанъ того села, гдѣ я жилъ,—по имени Таляль Думани,—была дочь. Звали ее Хараба...

Онъ помолчалъ немного, какъ бы разбираясь въ воспоминаніяхъ. Потомъ продолжалъ:

— Трудно описать вамъ ее. Ну, что я вамъ скажу? Что она была красавица? Такъ это слово невыразительное: красавицъ много на свѣтѣ, но такой я нигдѣ и никогда не видалъ. Прекрасное небо, мягкій вѣтеръ, яркое солнце, полевые цвѣты, изумрудная зелень,—можетъ быть, все это вмѣстѣ выростило Харабу для примѣра, чтобы показать, что значитъ прекрасное въ природѣ!.. Глядя на нее, я всегда отрѣшался отъ ея грубой одежды и грубаго бедуинскаго выговора. Ея лицо было часто грязное и всегда загорѣлое. Но... при видѣ ея я всегда забывалъ, что это человѣкъ въ своей грязной оболочкѣ. Глаза у ней были совсѣмъ уже неземные.

немного голубоватые и темные отъ длинныхъ рѣсницъ. Голубой цвѣтъ глазъ здѣсь рѣдокъ: вѣроятно, къ Харабѣ перешло по наслѣдству нѣсколько капель крови отъ крестоносцевъ. Лицо у ней было немного татуировано по подбородку маленькими цвѣточками. Никакой тамъ тонкости линій и тому подобнаго совсѣмъ не было: лицо было полное, немного продолговатое, самое обычное среди арабскихъ лицъ, тѣмъ не менѣе, я увѣренъ, красивѣе этой дѣвушки природа еще ничего не творила... Восхищался я когда то картиной одного итальянскаго художника: дѣвушка, закутанная покрываломъ. Тогда она на меня произвела сильное впечатлѣніе, и, пожалуй, было какое-то сходство... Но Хараба была несравненно прекраснѣе. Тамъ идеалъ красоты, а тутъ сама жизнь, природа; и природа оказалась красивѣе идеала. Волосы у Харабы были русые, даже немного желтоватые—тоже большая рѣдкость на югѣ. Вообще—она была какимъ-то исключительнымъ созданіемъ. Сложена была тоже удивительно. Сильная, ловкая, стройная...

— Видалъ я ее рѣдко: дѣвицы даже у христіанъ скрываются отъ чужихъ мужчинъ. Придешь, бывало, къ отцу ея, Талялю, съ какимъ-нибудь дѣломъ и увидишь случайно Харабу: мелькнетъ, взглянетъ глазами испуганной газели и тотчасъ шмыгнетъ куда-нибудь... Ей было уже лѣтъ пятнадцать—возрастъ, въ которомъ многія здѣсь становятся женами и даже матерями... Ее также задумали родители выдать замужъ. Давно ужъ Таляль Думани задолжалъ одному богачу въ Зэра двадцать золотыхъ. Тотъ бралъ съ него проценты, но, наконецъ, потребовалъ и капиталъ. А нужно сказать, что Таляль взялъ эти деньги подъ залогъ дочери. Платить было нечѣмъ, и, натурально, залогъ переходилъ къ заимодавцу. Поторговались. Таляль Думани выторговалъ еще золотыхъ двадцать, взялъ ихъ и, такимъ образомъ, просваталъ Харабу. Но въ Харабу точно бѣсъ вселился: она заявила, что не пойдетъ... „Не хочу, говоритъ, я его не знаю, а слышала, что старъ и нехорошъ...“ Откуда у ней могла появиться эта дерзость—сказать трудно: для восточной женщины это цѣлая революція. Харабу, разумѣется, за эти дерзости прежде всего прибили... А она взяла да и убѣжала. Понимаете ли вы значеніе этого шага: дѣвушка, восточная дѣвушка убѣгаетъ изъ дома родителей! Вѣдь, это дѣло неслыханное; это былъ такой страшный проступокъ, что все село ахнуло. Когда я узналъ объ этомъ, сердце у меня сжалось и застучало. Ну, думаю, сегодня же поймаютъ бѣдную Харабу и застрѣлятъ, какъ птицу: семья не можетъ снести такого позора, и смыть его можно только кровью, хотя бы кровью родной дочери...

Иванъ Казиміровичъ какъ-то оскалилъ бѣлые зубы, нето

улыбнулся, нето подавилъ слезы и продолжалъ, справившись съ волненіемъ:

— Поднялось все село. Убѣжала она утромъ, а хватились ея уже къ вечеру. Родители думали сначала, что она спряталась гдѣ-нибудь въ селѣ, у родственниковъ. Побѣжали вокругъ села съ ружьями, съ палками,—но дѣвушку не не нашли. На завтра рѣшили ѣхать къ уніатскому митрополиту просить помощи и совѣта. Впослѣдствіи я узналъ въ подробностяхъ, что случилось съ Харабой...

Вышла она изъ дому рано утромъ до восхода солнца. Захватила съ собой отцовскій кинжалъ, немного хлѣба и ушла въ чемъ была. Пошла она на сѣверъ, въ Босру къ своей теткѣ, которую никогда въ глаза не видала, а только слышала про нее отъ матери. Дороги она тоже не знала. Знала только, въ какой сторонѣ находится городокъ Босра. А Босра лежитъ отъ Усфура къ сѣверу въ Лежахѣ, всего, можетъ быть, часовъ семь-восемь пути. Между Усфуромъ и Босрой тоже кочуютъ бедуины въ своихъ палаткахъ, пасутъ стада, да грабятъ другъ друга. Всѣ они—мусульмане. Изъ мусульманской религіи знаютъ лишь про Мухаммода, да и то смутно. Своихъ женщинъ они еще щадятъ, а на женщинъ другой вѣры охотятся, какъ на перепелокъ. Грабежъ—самое любимое ихъ занятіе. Если нѣтъ ничего у бедуиновъ, они собираются въ походъ на „газу“, т. е. на грабежъ. Ѣдутъ въ сирійскую пустыню. Встрѣтятъ племя по силамъ—перебьютъ его, а скотъ и женщинъ уведутъ съ собою... Когда все проживутъ—снова думаютъ, кого бы ограбить. Туда-то и направилась Хараба, и тамъ случилось съ ней то, что должно было случиться. Встрѣтилъ ее на дорогѣ молодой бедуинъ... Видѣлъ я его потомъ. Здоровенный парень, смуглый, волосы мелкими косичками завиты, по лицу и вискамъ болтаются. Еще безбородый, только на грязныхъ скулахъ первый черный пухъ появился. Сильный и ловкій парень. Одѣтъ въ синюю длинную рубашку и красную куртку. Должно быть, укралъ гдѣ-нибудь эту куртку, потому что краснаго цвѣта у нихъ въ одеждѣ совсѣмъ не водится,—только синій да темный.

„Такъ вотъ, увидѣлъ онъ Харабу. Понятно, увидѣлъ этотъ звѣрь такую красавицу, сразу одурѣлъ. А всетаки хитрая бестія: сумѣлъ притвориться. Ѣхалъ онъ верхомъ на лошади. Остановился и спрашиваетъ:

— „Куда ты идешь, госпожа моя?“

— „Въ Босру къ теткѣ“,—отвѣчаетъ Хараба.

— „А знаешь ли ты дорогу?“

— „Солнце свѣтитъ и освѣщаетъ ее передо мною“.

— „Ходила ли ты здѣсь раньше?“

— „Нѣтъ“.

— „Значитъ, ты непремѣнно заплутаешься. Хочешь, я тебѣ покажу дорогу? Мнѣ тоже нужно въ Босру.

Хараба согласилась. Бедуинъ поѣхалъ впереди, а она за нимъ пошла сзади. Черезъ нѣсколько часовъ они были въ Лежахѣ...

Чтобы объяснить вамъ всю опасность положенія Харабы, я долженъ разсказать, что такое Лежахъ. Это — небольшая область къ сѣверу отъ Хаурана. Темносѣрое море лавы, вылившейся нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ изъ вулкановъ Хаурана. Лава эта потомъ застыла и переломалась во время землетрясеній, какъ попало: нѣтъ ни пластовъ, ни прямыхъ линій, просто одинъ адскій безпорядокъ, идеальный хаосъ. Переломанная поверхность лавы дала много трещинъ, которыя расползлись повсюду ущельями, точно змѣи. Пещеры, обрывы, возвышенія... Отойдешь десять шаговъ отъ тропинки — и не знаешь, куда идти. Кричишь--голосъ замираетъ, точно уходитъ въ землю. И никакихъ примѣтъ на тропинкѣ, никакого разнообразія—все однообразно, или, лучше, безконечное разнообразіе, такъ что ничего нельзя примѣтить и запомнить. Есть мѣста, гдѣ нужно ѣздить всю жизнь, чтобы хорошо узнать дорогу.

Вотъ этотъ дьяволъ и завелъ Харабу въ хаосъ Лежаха. Босра лежитъ тоже въ Лежахѣ, но при началѣ, съ юга, а бедуинъ поѣхалъ мимо Босры въ средину Лежаха. Какъ въѣхали въ Лежахъ, Хараба, вѣроятно, поняла, что попала въ западню, да куда вернешься? Нашъ русскій лѣшій не можетъ такъ запутать тропинки въ лѣсу, какъ запутаютъ эти черныя одинаковыя глыбы лавы. Между тѣмъ, наступилъ вечеръ. Раскаленная лава дышала горячимъ дыханіемъ въ вечерней прохладѣ. Солнце садилось за острыми краями близкаго горизонта. Завыли голодные шакалы. Змѣи зашмыгали подъ ногами, убираясь на ночь въ трещины камней. Хараба остановилась и спросила:

— „Гечь! Ты! Куда же мы ѣдемъ? Гдѣ Босра?“

— „До Босры далеко, госпожа моя,—отвѣчалъ ласково бедуинъ.—Придется переночевать здѣсь, въ пещерѣ“.

Прошли еще немного. Взошли на пригорокъ и увидѣли вблизи село. Хараба обрадовалась.

— „Гечь! Ты! Пойдемъ въ село, я не хочу ночевать въ пещерѣ.

— Пойдемъ,—согласился бедуинъ и повернулъ лошадь. Пришли къ селу,—оно оказалось пустое...

Во время постоянныхъ кровавыхъ войнъ друзовъ съ различными арабскими племенами случалось, что арабы вырѣзывали до-тла цѣлыя друзскія села. Если оставался кто-нибудь въ живыхъ, то переселялся въ другое мѣсто. Это село

было такой же печальной усыпальницей. Дома поразвалились, но село сохранило свой планъ и большинство построекъ... Жутко ходить въ такомъ покинутомъ селѣ. Ужасъ среди бѣла дня цѣпляется за ноги, сердце бьется, кровь стучитъ въ виски. Кажется, чего бы бояться? А страшно, неудержимо страшно... Страшно потому, что такъ непривычно: стоятъ дома, улицы видны, оконныя отверстія въ стѣнахъ, даже ставни, а знаешь, что дома-то эти пустые, что во всемъ селѣ ни одного человѣка, ни одного домашняго животнаго, даже ни одной кошки нѣтъ. Ну, и страшно такъ, что волосы на головѣ шевелятся и по тѣлу точно змѣи ползаютъ... Я однажды бѣжалъ изъ такого села, бѣжалъ днемъ отъ ужаса. Не могъ совладѣть съ собой. Бѣжалъ я часа полтора, едва сердце не разорвалось. Выбѣжалъ въ степь—и только тогда успокоился... Посмотрите, какъ животныя, напримѣръ лошади, пугаются всего мертваго. А ужъ, кажется, въ воспитаніи жеребятъ нѣтъ никакого тамъ мистицизма или какихъ либо суевѣрій. Овесъ да трава. А между тѣмъ, увидитъ лошадь конскій скелетъ—фырчитъ, въ глазахъ ужасъ, сердце застучитъ такъ, что вы черезъ сѣдло чувствуете его удары... Значитъ, это врожденный ужасъ живого передъ смертью. Впрочемъ, привычка все побѣждаетъ, и бедуинъ этотъ, вѣроятно, не боялся, каналья... Въѣхали они въ село.

— „Гдѣ же люди?"—спрашиваетъ Хараба.

— „А люди, говоритъ бедуинъ, уѣхали и насъ съ тобой, моя госпожа оставили вдвоемъ"...—И засмѣялся... Хараба поняла ясно свое ужасное положеніе.

— „Сиди, говоритъ бедуинъ, здѣсь, а я пойду, поищу тутъ чего либо поѣсть. Не думай уйти, а то тебя съѣдятъ волки или возьмутъ бедуины, или помрешь съ голоду, въ камняхъ дороги не найдешь. Здѣсь мы переночуемъ вотъ въ этомъ домѣ, какъ женихъ съ невѣстой. Не такъ ли, госпожа моя?

— „Что дѣлать,—сказала Хараба.—Пришла ночь, значитъ нужно ночевать".

Сѣла Хараба на камни, а бедунъ пошелъ за хлѣбомъ. Что она тутъ передумала,—вы можете догадаться сами... Но сердце у этой дѣвочки было твердое. За одно это она достойна была любви: героизмъ та же красота души. — Черезъ часъ бедуинъ возвратился. Принесъ сыру, лепешекъ и положилъ все это передъ Харабой... Даже этотъ дикарь, вѣроятно, чувствовалъ къ ней уваженіе. Иначе сталъ ли бы онъ церемониться съ дѣвчонкой такъ долго... Пошелъ онъ по пустому селу, набралъ сухихъ сучковъ, щепокъ и развелъ въ пустомъ домѣ огонь. На небѣ взошла луна. Черныя бархатныя тѣни перемѣшались съ матовыми тонами облитыхъ луннымъ свѣтомъ камней... Помню я ночь въ пустынѣ. Это, знаете ли,

такая красота, такая тайна!.. Звенятъ насѣкомыя, звѣзды говорятъ въ небѣ, двигаются и, будто, всѣ на тебя смотрятъ; камушки поскрипываютъ... И жутко, и красиво! Грудь томитъ какое-то новое чувство... Знаете ли, я однажды въ пустынѣ ночью плакалъ отъ этого большого чувства, неиспытаннаго волненія сердца. Плакалъ и на небо смотрѣлъ. Маленькій ты человѣкъ, а красота передъ тобой такая огромная, и ты можешь ею любоваться, и она, будто, принадлежитъ тебѣ. Ну, и найдетъ такой счастливый восторгъ, точно ты царемъ, что ли вдругъ сдѣлался или тамъ невѣсть какое счастье привалило... Да, красивы ночи на югѣ!..

Думаю, впрочемъ, что Харабѣ въ это время было не до красотъ природы... Бедуинъ разжегъ костеръ и пошелъ звать Харабу въ домъ. А она сидѣла на камняхъ около дома.

— „Отчего, говоритъ, ты не хочешь войти въ домъ, моя милая? Пойдемъ, тамъ готова намъ царская постель: я свой абаи *) разостлалъ, а съ Харабой всякая постель будетъ царской!..

Раньше онъ, видимо, побаивался Харабы. А тутъ ночь, никого нѣтъ... Онъ осмѣлѣлъ и захотѣлъ обнять дѣвушку. Хараба вырвалась. Бедуинъ поймалъ ее за волосы, сдернулъ платокъ и косу на руку себѣ намоталъ, чтобы опять не вырвалась...

— Все это мнѣ потомъ разсказывали въ подробностяхъ, да и на судѣ сама Хараба при всѣхъ то же говорила. И теперь я все это такъ ясно представляю себѣ, будто самъ тамъ былъ и все это видѣлъ... Понятно, бедуинъ хотѣлъ взять ее силой и уже повалилъ было за косу на землю, но вдругъ Хараба вскочила и отбѣжала въ сторону... Въ рукахъ у бедуина осталась длинная коса Харабы. Дѣвушка отрѣзала себѣ ножомъ волосы...

Иванъ Казиміровичъ вздохнулъ, точно у него гора свалилась съ плечъ, или самъ онъ только что вырвался изъ рукъ разбойниковъ. Онъ жадно выпилъ остывшій стаканъ чаю и снова продолжалъ:

„Бедуинъ въ бѣшенствѣ схватилъ ружье, не зная, что дѣлать. А Хараба забралась на стѣну дома, сѣла тамъ и говоритъ:

— „Слушай ты! Гоничь, гоничь!—По-бедуински гоничь—значитъ „тамъ“. Подойдешь—зарѣжу, а не дамся. Хочешь убить меня—стрѣляй...

Такъ они и просидѣли другъ передъ другомъ цѣлыя сутки. Бедуинъ съ ружьемъ внизу, а Хараба на стѣнѣ, вверху, съ ножомъ въ рукахъ. Онъ ее и уговаривалъ, и

*) Абаи—широкая верхняя одежда.

стращалъ — нѣтъ, ничего не беретъ. „Стрѣляй, говоритъ, если хочешь“. И не прячется отъ его ружья, а смѣло смотритъ. Ну, у того и руки опустятся, снова сидитъ, какъ часовой.

III.

— На другое утро родственники Харабы до восхода солнца выѣхали къ своему митрополиту. Жилъ онъ въ селѣ Румахъ, на краю Лежаха, съ запада. Я тоже взялъ себѣ лошадь и поѣхалъ вмѣстѣ съ ними. Они ко мнѣ привыкли и за чужака почти не считали: я хорошо говорю по-арабски, учителемъ у нихъ былъ, мальчишекъ читать, писать училъ. Вотъ они ко мнѣ и привыкли.

Въ Россіи или гдѣ нибудь въ Европѣ это показалось бы страннымъ: пропала дѣвушка, и родственники не къ правительству обращаются, а къ своему духовенству. Но здѣсь всегда такъ. Духовенство лучше устроитъ дѣло, а если нужно, то и правительство заставитъ вмѣшаться Кромѣ того, митрополитъ, къ которому мы ѣхали, былъ такой, что при случаѣ могъ самого чорта за рога изъ ада вытащить. Прошлымъ годомъ померъ онъ. Что это былъ за человѣкъ! Бѣшеный или сумасшедшій, а умница. Высокій, широкоплечій, костистый, съ властнымъ, блестящимъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, съ широкой бородой во всю могучую грудь. Въ черной монашеской рясѣ онъ казался прямо великаномъ. Когда онъ сердился, то былъ прямо ужасенъ. Въ гнѣвѣ онъ могъ надѣлать много такого, въ чемъ потомъ тайно раскаявался. Но, сказавши разъ слово, хотя бы и въ гнѣвѣ, онъ его не забывалъ и сдерживалъ. Не уважитъ ему, напримѣръ, чѣмъ-нибудь турецкій чиновникъ-каймакамъ. Онъ ему и говоритъ:

— „А, ты не можешь сдѣлать! Такъ черезъ недѣлю на твоемъ мѣстѣ будетъ другой, который сможетъ“.

И исполнитъ свое слово. Дастъ губернатору взятку въ сто, двѣсти лиръ... А вѣдь самъ бѣденъ былъ, какъ шакалъ. Черезъ недѣлю ровно — каймакама прогонятъ съ мѣста...

Однажды былъ онъ въ Баніасѣ. Село на южномъ склонѣ Гермона. Тамъ въ разговорѣ съ однимъ шейхомъ изъ матауйлей *) онъ разсердился Обидѣлъ его чѣмъ то шейхъ, что ли... Сѣрые глаза его засвѣтились молніями, руки затряслись, голосъ захрипѣлъ. Тотъ испугался, убѣжалъ. Митрополитъ позвалъ къ себѣ нѣсколькихъ уніатовъ и говоритъ имъ:

— „Подите, убейте этого шейха и принесите мнѣ его голову“.

Матауйли—одна мусульманская секта.

Тѣ испугались.

— „Что ты, владыка, опомнись. Тебѣ ли такъ говорить?“

— „Не ваше дѣло разсуждать. Мой грѣхъ, я въ отвѣтѣ. Я убью. Идите, дѣлайте, какъ я вамъ говорю“.

И что бы вы думали? Черезъ недѣлю нашли этого шейха на дорогѣ зарѣзаннымъ. Кто это сдѣлалъ — неизвѣстно. Только пропалъ человѣкъ, какъ говорятъ, ни за денежку. Я въ этого митрополита очень вѣрилъ. Думаю, — непремѣнно отыщетъ онъ Харабу. И только онъ одинъ можетъ это сдѣлать, кромѣ его—никто.

Пріѣхали мы въ Румахъ. Митрополита застали, къ счастью, дома. Выслушалъ онъ родственниковъ Харабы, разспросилъ все, какъ слѣдуетъ, подумалъ и говоритъ Талялю:

— „Дуракъ ты, Таляль. Загубилъ свою дочь.“

Потомъ позвалъ изъ сосѣдняго села десятка два — три друзовъ, собралъ изъ Румаха нѣсколько христіанъ и сказалъ имъ:

— „Послушайте, молодцы! Пропала у насъ одна дѣвица изъ Усфура. Найти ее можно въ Лежахѣ. Идите и принесите ее мнѣ, живую или мертвую. Найдете, дамъ вамъ въ награду каждому по абаи и по межиди денегъ. Не найдете,— не возвращайтесь. Худо вамъ будетъ. Приведу солдатъ, заставлю ихъ искать, а отъ солдатъ добра вамъ будетъ мало. Будутъ они у васъ безчинствовать да грабить. Лучше намъ все самимъ сдѣлать: и выгоднѣе вамъ, и чести больше“.

Зналъ онъ, чѣмъ и настращать, и вдохновить дикарей. Заорали они свои пѣсни друзскія, которыя пѣли еще Ибрагиму-пашѣ, когда тотъ хотѣлъ завоевать Хауранъ:

„О, паша! Что тебѣ у насъ нужно?

„Хауранъ и Лежахъ принадлежатъ намъ!..“

Замахали мечами; кто сѣлъ на лошадь, кто пѣшкомъ пошелъ... И вѣдь какая сообразительность была у владыки! Точно пророкъ, сразу послалъ искать въ Лежахѣ. Впрочемъ, Лежахъ издавна служитъ убѣжищемъ для всякихъ бѣглецовъ. Кто укралъ или убилъ, — бѣжитъ въ Лежахъ, а тамъ турецкое правительство ужъ не отыщетъ.

И я поѣхалъ вмѣстѣ съ другими. Митрополитъ не пускалъ меня, но я остаться не согласился. Родственниковъ же Харабы онъ задержалъ: боялся, что убьютъ они тамъ дѣвушку.

Въѣхали мы въ Лежахъ. Весной хоть кое-какая зелень тамъ бываетъ, а въ это время—осенью было дѣло—все вымерло. Одинъ только черный камень, ящерицы, да змѣи. Начали мы искать бѣглянку. Увидимъ пещеру, ущелье,— окружимъ его, осмотримъ все и дальше. Въ колодцы старые заглядывали, въ разныя пустыя цистерны еще римскаго со

оруженія. Раньше при римлянахъ черезъ Лежахъ вѣдь торговая шоссированная дорога пролегала. А теперь тамъ не только лошадь, самъ чортъ ногу сломитъ. Все разрушено. Такъ вотъ, ищемъ мы Харабу. Нигдѣ нѣтъ. Друзы то идутъ тихо, надѣются врасплохъ застать дѣвушку, то выйдутъ изъ терпѣнья, начнутъ стрѣлять и кричать: „Хараба, Хараба!"

Ужъ къ вечеру подъѣхали мы къ покинутому селу. Окружили. Стоитъ оно на холмѣ. Ѣду я съ однимъ друзомъ вокругъ села по низу. Вдругъ слышу женскій крикъ: „Люди, люди!" Вскинулся я вверхъ, вижу—Хараба сидитъ на стѣнѣ. Бросились мы къ ней и не замѣтили сначала бедуина. Сняли ее со стѣны. Лицо у ней пожелтѣло, голова непокрытая, волосы короткіе, глаза точно два брилліянта слезами блестятъ въ темныхъ кругахъ. Что-то хочетъ сказать, а голосу больше нѣтъ, и губы побѣлѣли.

Въ обморокъ Хараба, понятно, не упала. На нашихъ нервныхъ женщинъ эта дѣвочка не была похожа... А только, видно, намучилась сильно. Бедуинъ же совсѣмъ, должно быть, за эту ночь разумъ потерялъ. Вѣроятно, онъ слышалъ шумъ: ему бы сѣсть на лошадь, да бѣжать, а онъ сидитъ съ ружьемъ въ рукахъ, и лошадь неподалеку за камень привязана... Услыхали другіе друзы наши крики, прибѣжали. Кричатъ бедуину: „Брось ружье!" Онъ не бросаетъ, а поднялъ его и въ Харабу мѣтится. Мы оттащили ее за камни. Бедуина окружили, уставили въ него десять стволовъ. Кричатъ: „Брось ружье!" Онъ изругался и бросилъ. Его связали, да вмѣстѣ съ Харабой и повезли къ митрополиту.

Отдалъ я Харабѣ свою лошадь. Бедуина посадили на его лошадь со связанными руками, а лошадь въ поводу повели. Нашли мы Харабу, и страшно мнѣ за нее стало. Когда искали, я всѣми силами души хотѣлъ найти ее, посмотрѣть на нее еще разъ, хотя бы на мертвую. А тутъ страхъ напалъ. Куда мы ее ведемъ? Вѣдь тамъ ждутъ ее озлобленные родственники... Впрочемъ, была у меня надежда, что митрополитъ защититъ Харабу. Съумѣлъ найти и защитить съумѣетъ, думаю себѣ. И полегче стало на сердцѣ.

Эти опасенія я тотчасъ же по пріѣздѣ въ Румахъ разсказалъ митрополиту по-французски. Мы съ нимъ при людяхъ больше по-французски разговаривали. Онъ меня успокоилъ. Поднялся тутъ невообразимый шумъ. Друзы и арабы Румаха кричали съ радости, что нашли бѣглянку; а родственники со злости. Порывались все бить Харабу, но митрополитъ взглянетъ, прикрикнетъ—они и утихнутъ. Наконецъ разогналъ ихъ митрополитъ по домамъ. Тѣмъ, кто искалъ, далъ, по обѣщанію, каждому по абаи или межиди денегъ, а родственникамъ сказалъ, что Хараба останется у него, пока

онъ дѣла не разберетъ. Заперли мы съ митрополитомъ Харабу въ отдѣльную комнату, окна плотно закрыли, накормили ее. Поговорилъ съ ней митрополитъ наединѣ, разспросилъ что съ ней случилось. Вышелъ веселый и говоритъ:

— Слава Богу, все благополучно.

Позвали мы бедуина, который Харабу увелъ. Началъ его митрополитъ разспрашивать. А онъ стоитъ въ своей красной курткѣ, руки назадъ завязаны, а глаза изъ-за черныхъ косичекъ смотрятъ злобно на насъ.

— „Зачѣмъ ты увелъ Харабу?"—спрашиваетъ его митрополитъ.

— „Не уводилъ, говоритъ, я, а она сама ушла отъ отца съ матерью и меня полюбила".

— „Полюбила она тебя или нѣтъ, а только мы тебя за такія дѣла въ тюрьму посадимъ, потому что ты воръ, неопытную дѣвушку украсть хотѣлъ".

— „Не воровалъ я, говоритъ: она моя жена, и никто ее отнять у меня не можетъ. Значитъ, и наказывать меня не за что.

Митрополитъ опѣшилъ.

— „Какъ жена?" спрашиваетъ.

— „Дѣло простое,—отвѣчаетъ бедуинъ.—Жена, какъ и всякая жена бываетъ. Вѣдь ночь-то мы съ ней вмѣстѣ были".

Отвели бедуина въ другую комнату. Митрополитъ опять впалъ въ раздумье. Положимъ, бедуину отъ этого признанія не легче,—его могли бы наказать еще больше за то, что соблазнилъ христіанскую дѣвушку. Однако, и намъ хуже: кто-же Харабу замужъ возьметъ опозоренную... Пропадетъ дѣвушка ни за что.

На другой день поѣхали къ кады *): родственники Харабы, митрополитъ, я, Хараба, бедуинъ. Поѣхало съ нами еще нѣсколько христіанъ. Разсказали судьѣ въ чемъ дѣло. Началъ онъ свой допросъ. Бедуинъ снова при всѣхъ и при Харабѣ сказалъ:

— „Хараба моя жена; если она перейдетъ въ мусульманство, я на ней женюсь...

Нужно было видѣть Харабу въ эту минуту: покраснѣла, застыдилась, а лицо стало гнѣвное и прекрасное... Ударила себя по щекамъ руками и закричала:

— „Гечь! Ты, собака! Я живая была... А пока я живая, никто меня не возьметъ... Я сидѣла ночью на стѣнѣ, а ты гоничь, внизу...

Разсказала Хараба вкратцѣ, какъ она ушла изъ дому, какъ встрѣтился ей бедуинъ и завелъ въ Лежахъ, и что

*) Судья.

произошло ночью. Видно было, что дѣвочка говоритъ правду. Лицо у ней было такое правдивое и гнѣвное, но бедуинъ всетаки стоитъ на своемъ. Призвали женщинъ. Освидѣтельствовали бѣдную Харабу. Женщины подтвердили слова Харабы. Бедуина осудили и отправили въ Дамаскъ, въ тюрьму. А Харабу митрополитъ отдалъ въ домъ одного богатаго христіанина въ Румахѣ и велѣлъ ему хранить дѣвушку отъ родственниковъ строго-на-строго, пока онъ ей не найдетъ жениха.

IV.

Иванъ Казиміровичъ замолчалъ и провелъ рукой по блѣдному лицу.

— Все?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—вяло выговорилъ онъ.—Эхъ, еслибы на этомъ кончилось... Вѣдь я хотѣлъ на ней жениться,—прибавилъ онъ задумчиво.—Скажи я хоть одно слово митрополиту,—онъ, конечно, съ радостью согласился бы выдать ее за меня замужъ и, навѣрное, уговорилъ бы Харабу. Но зачѣмъ мнѣ было „уговоренную“ Харабу? Я хотѣлъ ее такую свободную, какая она была въ отношеніяхъ къ отцу, матери, старому жениху въ Зора, къ бедуину. Ну, а какъ она могла полюбить меня? Она, вѣроятно, мало меня и замѣчала. Вѣдь мы съ ней не сказали за всѣ наши встрѣчи и двадцати словъ...

Да, такъ я сказалъ, что бедуина посадили въ тюрьму... Пошла послѣ этого потѣха. Родственники бедуина начали мстить родственникамъ Харабы. Поспѣла пшеница — они выжгли пшеницу. Угоняли овецъ, козъ, коровъ; грабили, кого встрѣчали, по дорогѣ. Долго это дѣло тянулось, больше года. Родственники Харабы озлобились на нее же: „Что, говорятъ, она насъ обезчестила, она же насъ и разорить хочетъ...“ Стали требовать Харабу отъ ея попечителя въ Румахѣ. Митрополитъ, конечно, сдерживалъ ихъ, но все же боялся за дѣвушку. Что дѣлать? Наконецъ, онъ придумалъ, какъ ее спрятать.

Былъ у него большой другъ и пріятель, друзскій шейхъ, по имени Шибли Атрашъ, который пользовался большимъ вліяніемъ. Митрополитъ съ письмомъ отправилъ къ нему ночью Харабу. Давно уже вывелись у насъ такіе типы, какъ митрополитъ и Шибли. Только дикая жизнь, свобода да горы могутъ еще воспитывать такихъ людей. Шибли — крѣпкій, коренастый мужчина средняго роста, немного толстый, но красиво сложенный. Круглая, какъ у всѣхъ друзовъ, голова, загорѣлое лицо, черные большіе глаза, бородка клинушкомъ. На головѣ феска и бѣлый кидаръ.

Но что за лицо у этого дикаря! Умное, смѣлое, хитрое и простодушное, красивое... все, что хотите. Я думаю, оно бывало у него и глупымъ, когда онъ того хотѣлъ. Хитрый шейхъ былъ полной противоположностью прямому, горячему митрополиту. Говоритъ, бывало, съ тобой—смотритъ куда-то въ сторону; глаза жмуритъ, какъ котъ на солнцѣ. А нѣтъ-нѣтъ — сверкнетъ глазами, точно остріемъ сабли по твоему лицу проведетъ... Въ этой дикой странѣ я и сравненья-то привыкъ брать все воинственныя. Но, повѣрите ли, когда онъ сердился,—въ эти минуты глазищи его мнѣ всегда напоминали два заряженныхъ пистолета съ приподнятыми курками. Такова была сила его злобнаго взгляда. Въ этомъ только, въ страшной силѣ воли, въ духовной мощи они съ митрополитомъ были кровные братья. Понятно, что эти два цѣльныхъ человѣка уважали и цѣнили другъ друга. Этотъ разбойникъ, Шибли, годился бы въ цари любому дикому племени. Да онъ, впрочемъ, и жилъ маленькимъ царькомъ. Его слушались друзы всего Хаурана и шли къ нему за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ. Понятно, онъ судилъ не даромъ, а старался наверстать потерянныя въ послѣднюю войну съ Турціей богатства. Тогда много у него было расхищено и скота, и денегъ, и прочаго добра.

Больше всего на свѣтѣ онъ любилъ лошадей и женщинъ. Зналъ это митрополитъ, но зналъ также, что некуда ему больше съ Харабой дѣваться. Понадѣялся онъ и на то, что воля у Шибли желѣзная, и слово честное тверже застывшей черной лавы. Поэтому и послалъ къ нему Харабу.

Но въ отношеніяхъ къ женщинамъ Шибли еще зналъ мѣру, къ лошадямъ же—никакой. Въ его конюшняхъ стояло нѣсколько десятковъ кобылицъ и кровныхъ арабскихъ жеребцовъ... Знаете вы, что такое кровная арабская лошадь?! Это даже не животное, а дьяволъ! Въ особенности красивъ былъ у него одинъ вороной жеребецъ, по имени Адгамъ. Черный, гибкій, какъ змѣя; легкій, точно пухъ; идетъ, будто земли не касается; голову выше сѣдока держитъ; хвостъ, какъ собака, на спину закидываетъ. Шибли ежедневно кормилъ его самъ и любовался на него по цѣлымъ часамъ. Это про него разсказываютъ такой анекдотъ.

Однажды ночью узналъ онъ, что жеребца его увели воры... Чуть не нагимъ вскочилъ Шибли на другого жеребца и бросился въ горы. Вдругъ видитъ онъ своего красавца, а на немъ вора. И досадно стало Шибли, что догналъ онъ Адгама на худшемъ жеребцѣ... А была у Адгама привычка: нужно было дотронуться до праваго его уха, тогда онъ летѣлъ, какъ птица, и никакая лошадь въ мірѣ не могла

его догнать. Совсѣмъ нагоняетъ Шибли вора. Горитъ злобой его сердце. И закричалъ онъ вору:

— „Клянусь жизнью моихъ усовъ, ты дуракъ, собачій сынъ! Какъ же ты воруешь такого коня, не узнавъ его привычекъ?! Дотронься, собака, до праваго его уха!..“

Воръ дотронулся до праваго уха Адгама, и тотъ на глазахъ у Шибли началъ удаляться въ горы, какъ стрѣла. Видитъ Шибли, что потерялъ своего любимца; бросился на землю, рычалъ и грызъ зубами холодные камни. Таковъ этотъ Шибли Атрашъ.

Домъ его походитъ на небольшую крѣпость. Построенъ онъ на горѣ. Въ основаніи положено нѣсколько громадныхъ камней—остатки крѣпостцы или храма еще греко-римской эпохи. Потомъ стѣны были подновлены въ средніе вѣка, во время крестоносцевъ. Крѣпостца досталась Атрашамъ съ бою въ XIII вѣкѣ. Атраши постоянно воевали съ сосѣдними племенами сирійцевъ и арабовъ. Турціи друзы не признавали до послѣдняго времени. Дѣдъ Шибли Атраша жилъ настоящимъ султаномъ. Вздумаетъ онъ, бывало, на враждебное племя войной идти. Посылаетъ гонцовъ въ сосѣднія села. Оттуда скачутъ гонцы въ другія села, изъ этихъ селъ еще дальше... И на слѣдующее утро его домъ окружаютъ уже тысячи всадниковъ съ копьями и мечами, кричатъ, поютъ воинственныя пѣсни. И съ турецкими войсками воевалъ онъ не разъ. Воевалъ и Шибли, но принужденъ былъ покориться правительству... Друзы стали платить дань, хотя и меньше той, какую обыкновенно платятъ въ Турціи крестьяне, но для начала Турція и не настаивала на большемъ. Самому Шибли правительство стало платить жалованье. Онъ его принялъ и... покорился. Шибли жилъ куда скромнѣе своихъ дѣдовъ. Онъ понялъ, что прежнія времена прошли безвозвратно, затаилъ безсильную злобу и большую часть времени проводилъ въ своемъ домѣ. По примѣру всѣхъ друзовъ, онъ даже въ религіи началъ поддѣлываться подъ мусульманство. Друзскій катехизисъ позволяетъ друзу въ дѣлахъ религіи лгать и притворяться, сколько угодно. Поэтому съ мусульманиномъ друзъ—мусульманинъ, съ христіаниномъ—христіанинъ. Вѣруя въ переселеніе душъ и совсѣмъ не уважая покойниковъ, друзы, однако, погребаютъ умершихъ по мусульманскимъ обычаямъ. Бранятъ Мухамеда собакой и сыномъ прелюбодѣянія, а въ собраніяхъ съ мусульманами всегда называютъ его пророкомъ. Самая подлая религія, какую я только знаю...

Но это мы ушли немного въ сторону отъ разсказа. Такъ вотъ къ этому то Шибли и попала Хараба на храненіе. Друзы не какъ мусульмане: они больше уважаютъ женщинъ, но... трудно было видѣть Харабу и не влюбиться въ нее, а ужъ

такому чорту, какъ Шибли Атрашъ, и подавно. Положимъ, у Шибли была жена, а друзы могутъ имѣть только одну жену. Но разводъ у нихъ, какъ и у мусульманъ—одно слово мужа. Если жена идетъ куда-либо въ гости, то говоритъ мужу: „Я иду туда-то"... Мужъ говоритъ: „Иди и приходи обратно". Если мужъ не скажетъ „и приходи обратно",—онъ разведенъ съ женой. Шибли задумалъ взять Харабу себѣ въ жены. Именно въ жены... Онъ написалъ митрополиту отвѣтъ, что Хараба будетъ у него въ полной безопасности, и, я увѣренъ, сдержалъ бы свое слово...

V.

Увидѣвъ, что Харабу имъ не достать, родственники стали просить митрополита, чтобы онъ выпустилъ изъ тюрьмы бедуина. Очень ужъ много имъ было убытковъ отъ кочевниковъ-родственниковъ заключеннаго. Что было дѣлать митрополиту, когда сами обиженные просятъ примиренія? Написалъ онъ въ Дамаскъ кому слѣдуетъ просьбу о томъ, чтобы бедуина отпустили изъ тюрьмы. Послѣдній пріѣхалъ въ Хауранъ, да и началъ снова слухи нехорошіе про Харабу распускать... Между прочимъ, и стихи сочинялъ. Слухи-то распускалъ нехорошіе, а стихи сочинялъ совсѣмъ, какъ влюбленный поэтъ: грубоватые, потому что всетаки дикарь, но печальные и порой не лишенные поэзіи. А иной разъ пускался въ сатиру. Слышалъ онъ, напримѣръ, про стараго жениха Харабы и сочинилъ такіе стихи:

«Не грѣшно ли сѣдому жениться на дѣвицѣ?
«Она въ пору такому, какъ я,
«Который игралъ бы ей на тамбурѣ... *)
«Старику пусть сядетъ нарывъ на спинѣ,
«Чтобы былъ самъ, какъ тамбура...
«Сѣдой пошелъ въ пекарню,
«Вытрясъ изъ бороды пару вшенятъ,
«Выросла изъ нихъ пара телятъ,—
«Пашутъ, не оставляютъ ни одного цѣлаго мѣста...»

И все въ такомъ родѣ. Родственники Харабы сердятся еще болѣе... А митрополитъ въ это время подыскалъ Харабѣ жениха: какой то торговецъ изъ Дамаска. Небогатый, но хорошій человѣкъ. Митрополитъ разсказалъ ему, что случилось съ Харабой. Убѣдилъ его жениться, расхвалилъ Харабу, да и ему обѣщалъ за хорошее дѣло награду отъ Бога.

*) Тамбура—ударный музыкальный инструментъ на подобіе барабана.

Ну, тотъ и согласился. Думаю, что митрополитъ пообѣщалъ ему кое-что и кромѣ награды отъ Бога... Осталось только уговорить выйти замужъ за новаго жениха Харабу. Понятно, хоть и сердятся на нее родители, а все безъ нихъ въ этомъ дѣлѣ не обойтись. Позвалъ митрополитъ отца Харабы къ себѣ. Разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, началъ уговаривать, чтобы согласился и не противился браку, а деньги старому жениху въ Зора возвратилъ обратно. Тотъ будто ничего, — на все готовъ. Поѣхалъ митрополитъ съ Талялемъ къ Шибли Атрашу за Харабой. И я съ ними увязался, какъ вѣчный жидъ,—помимо тото, что я любилъ эту дѣвочку, судьба ея могла заинтересовать всякаго. Поѣхали. Весной дѣло было. Помню я весь этотъ день до мелкихъ подробностей,—такъ врѣзался онъ мнѣ въ память... Весело было ѣхать. Весна, солнце такое ласковое, мягкое. Кругомъ горы синѣютъ, на сѣверѣ полосатый Гермонъ сверкаетъ своими снѣгами. Зелено все кругомъ. Даже черныя колонны, старинныя развалины, прикрылись немного травой. Кое-гдѣ виднѣются могильные курганы. Аисты по полю ходятъ. Поднимешься на пригорокъ, и столько свѣту, воздуху передъ тобой, такая даль прозрачная, что, кажется, улетѣлъ бы въ небо, только крыльевъ нѣтъ! Вѣтеръ такой мягкій, ласковый, какъ мать; по лицу гладитъ, шевелитъ поспѣвающей пшеницей и травой. А по земли красные маки разбросаны, точно капли человѣческой крови... Какъ взгляну на нихъ, на эти красные маки весной, такъ мнѣ и припоминается, сколько крови пролито по этимъ камнямъ въ долгую историческую смуту Востока... Ѣдемъ, разговариваемъ съ митрополитомъ. Онъ меня и спрашиваетъ:

— „Не помнишь ли ты, гдѣ это сказано, что во всякой бѣдѣ причина—женщина?

— „Какъ же, говорю; это одинъ французъ сказалъ: Cherchez la femme“.

— „Вспомнилъ, вспомнилъ, говоритъ. Да, cherchez la femme. Вотъ, мы нашли, говоритъ, la femme, но кто въ этой бѣдѣ виноватъ,—неужели Хараба?

Я промолчалъ.

— „Видишь, говоритъ, какой вздоръ сказалъ твой французскій мудрецъ“.

Къ вечеру пріѣхали мы въ домъ Шибли Атраша. Домъ у него большой, конюшни тоже. Взяли слуги нашихъ лошадей, въ конюшни поставили, а насъ въ комнату ввели, лимонадомъ стали угощать, кофе подали по обычаю... Остались мы втроемъ: митрополитъ, Шибли и я.

— „Пріѣхали мы,—говоритъ митрополитъ,—къ тебѣ за своимъ кладомъ. Сохранилъ-ли?“

— „Сохранилъ,—говоритъ Шибли,—да только возвращать вамъ не хочу“.

И глаза началъ жмурить, какъ котъ.

— „А мы,—говоритъ владыка,—отъ тебя не уѣдемъ, пока не отдашь“.

— „Живите,—отвѣчаетъ Шибли,—сколько хотите, добро пожаловать“...

— „Если намъ,—говоритъ митрополитъ,—не отдашь, мы къ тебѣ за кладомъ хозяина пришлемъ. Хозяина теперь нашли этому кладу“.

— „Какого хозяина?“—И шейхъ блеснулъ глазами въ нашу сторону.

— „Я,—говоритъ,—нашелъ ей хозяина еще лучше“...

Митрополитъ сначала все шутилъ, думая что Шибли тоже шутитъ. Но тотъ говорилъ не въ шутку. Когда митрополитъ понялъ это, то разсердился.

— „Не бывать,—говоритъ,—этому, чтобы христіанка за друза замужъ пошла“!

— „Отчего не бывать, владыка? — говоритъ Шибли. — Хараба у меня будетъ довольна. Знаешь пословицу: „Любовь въ старости подобна зрѣлому плоду на деревѣ“. Ея отцу я заплачу, сколько онъ хочетъ. А тамъ ужъ мое дѣло. И еще скажу вамъ, что Харабу неволить не буду. Пойдемте, спросимъ ее. Если она скажетъ, что не хочетъ у меня оставаться—берите, я самъ къ вамъ на свадьбу поѣду!..“

Рожа у него, будто, добродушная, а у самого, вижу, руки трясутся, и бронзовое лицо посѣрѣло.

Встали мы. Митрополитъ смутился.

— „Нѣтъ,—говоритъ,—лучше я съ Харабой, какъ духовный отецъ, поговорю“.

— „Зачѣмъ много говорить? Если она захочетъ остаться, такъ прямо и скажетъ. И нечего дѣло тянуть. Вѣдь, вы начнете изъ нея душу вытягивать, да Богомъ стращать!“...

Стоимъ мы втроемъ въ комнатѣ, точно три динамитныхъ бомбы. Я-то молчу, но, повѣрите ли, съ трудомъ сдерживаюсь, чтобы не броситься на Шибли. Какъ теперь помню эту минуту. Солнце ужъ закатилось. Фіолетовый сумракъ окуталъ насъ. Темно въ комнатѣ, а мы стоимъ и другъ друга отлично видимъ. Стояли мы такъ, можетъ быть, минуту, но мнѣ помнится эта минута, точно цѣлый годъ.

Вдругъ случилось то, чего я боялся все время..

Иванъ Казиміровичъ схватилъ меня за руку... Лицо его поблѣднѣло, пальцы дрожали. Онъ продолжалъ:

— Вдругъ въ домѣ раздался выстрѣлъ. У меня и по сей часъ звенитъ въ ушахъ этотъ выстрѣлъ: коротко такъ, какъ всегда бываетъ въ комнатѣ, но очень гулко, и домъ весь

задрожалъ. Шибли, какъ волкъ, бросился изъ двери и прямо побѣжалъ на женскую половину. Мы за нимъ. Вбѣжали въ комнату... Не разберемъ ничего, но страхъ охватилъ всѣхъ. Поняли мы, что случилось что-то ужасное. Порохомъ въ комнатѣ пахнетъ, и окно одно открыто. Разсмотрѣлъ я—на полу кто-то сидитъ. Подбѣжалъ, схватилъ за руку, смотрю — Хараба. Ротъ то открываетъ, то закрываетъ, смотритъ на меня, за пальцы мои ухватилась. Вдругъ кровь у ней изо рта хлынула. Она вздрогнула, выпустила мою руку и сразу рухнула на полъ, какъ мѣшокъ...

Иванъ Казиміровичъ тоже выпустилъ мою руку, которую раньше сильно сжалъ, и провелъ себѣ ладонью по лицу.

— Шибли сразу къ окну метнулся. Потомъ въ дверь бросился, а самъ рукой за пистолетъ схватился... Всегда онъ вооруженный ходилъ. Митрополитъ загородилъ ему дорогу, но Шибли оттолкнулъ его, вырвался и выбѣжалъ изъ дому.

Остались мы съ митрополитомъ въ комнатѣ. Молчимъ. Ни о чемъ я думать не могъ, а только въ головѣ все эти слова митрополита вертѣлись: „Вотъ, мы нашли женщину, а кто въ этой бѣдѣ виновенъ, неужели Хараба?“ Стою около мертвой и, мгновеніями, даже забываю про нее,—въ груди такая боль, точно изъ меня всѣ жилы тянутъ. Хоть бы заплакать, что ли, да не могъ въ то время... Женщины начали вбѣгать. Поднялась суматоха по всему дому.

Митрополитъ подошелъ къ тѣлу, перекрестилъ мертвую Харабу. „Помяни,—говоритъ, Господи ее во царствіи Твоемъ. Умерла безъ покаянія...“ И вышли мы...

— Кто же убилъ Харабу?—спросилъ я нетерпѣливо.

— Кто убилъ?... Неужели вамъ не ясно? Отецъ, родную дочь... Шибли все искалъ его, чтобы убить. Но тотъ догадался, спрятался, въ ямѣ какой-то просидѣлъ. На дворѣ стемнѣло, поэтому Шибли и не нашелъ его...

Иванъ Казиміровичъ помолчалъ немного, вздохнулъ и, улыбаясь грустной улыбкой, сказалъ:

— Вотъ и вся исторія бѣдной Харабы. Налетѣли на нее тысячелѣтніе предразсудки, какъ коршуны, и пропала молодая жизнь. Разбери тутъ, кого винить. Да я и не виню никого, а только иногда бываетъ такъ тяжело, такъ больно вспоминать все это, въ особенности въ одиночествѣ. Какъ взгляну я, вотъ съ этихъ горъ, на югъ, вижу синія, острыя вершины Хаурана, ну и вспоминаю, что́ я тамъ пережилъ!..

Иванъ Казиміровичъ замолчалъ. Посидѣли мы еще немного. Чай нашъ былъ совсѣмъ холоденъ и густъ, точно краска. Пить его было невозможно. Да и часы показывали двѣнадцать. Село давно уже спало, только гдѣ-то далеко озлобленно лаяла собака, почуявшая близость дикихъ звѣрей.

Легли мы спать и больше ни о чемъ не разговаривали. Я былъ слишкомъ утомленъ дорогой и печальнымъ разсказомъ. А онъ упорно молчалъ.

Проснулся я на утро довольно поздно. Ивана Казиміровича въ комнатѣ не было. Солнце пробивалось золотыми полосками сквозь ставни оконъ. Я отворилъ ихъ. Передо мной во весь ростъ выросъ богатырь Гермонъ. По его морщинамъ ползали пушистыя облака. Они избѣгали солнечныхъ лучей и прятались въ его голубыхъ тѣняхъ. На югѣ синѣли острыя вершины Хаурана. Я живо вспомнилъ вчерашній разсказъ...

Черезъ часъ, простившись съ Иваномъ Казиміровичемъ, я двинулся въ путь.

Передо мной опять была скучная дорога, и Димитрій снова бранилъ и колотилъ своего осла...

С. Кондурушкинъ.

КАМЕНЬЩИКЪ.

Весь день подъ огнемъ раскаленныхъ лучей
Я молотомъ звонкимъ на грудѣ камней
Горячій булыжникъ дроблю.
Потъ грязный съ лица запыленнаго льетъ,
Пыль острая грудь мою рѣжетъ и жжетъ,
А я все стучу, все стучу...
У пыльной дороги, на грудѣ камней,
Въ могилу себя вколочу!

Какъ птицы, летятъ надо мной облака.
Лѣсъ темный синѣетъ вдали... А рука
Безъ устали молотомъ бьетъ.
Пыль тонкая вьется, хруститъ на зубахъ
И душитъ... Отъ боли темнѣетъ въ глазахъ...
А я все стучу, все стучу.
На волѣ, у тихихъ зеленыхъ полей,
Въ могилу себя вколочу!

А въ городѣ,—тамъ,—цѣлый день надъ станкомъ
Склоняется дѣвушка съ блѣднымъ лицомъ,
Подъ бѣшеный грохотъ машинъ...
Бей, молотъ мой, въ камни проклятые, бей!
Она будетъ скоро женою моей...
Я буду стучать, какъ стучу,
Стучать,—и въ могилу ее и себя,
Ее и себя вколочу!

Л. Андрусонъ.

Несмотря на серьезность предстоящаго объясненія, она спросила, по обыкновенію:

— Я тебѣ не мѣшаю?

— Нисколько.

Съ сіяющимъ, точно помолодѣвшимъ лицомъ, онъ вскочилъ къ ней навстрѣчу.

— Какъ у меня сегодня работа идетъ! Просто чудо. Я нашелъ новый текстъ для моей проповѣди. Отъ Луки IX, 52 и слѣдующіе. Помнишь это мѣсто?

Она сѣла. Отъ быстрой ли ходьбы, или отъ волненія, но она дрожала всѣмъ тѣломъ. Даніилъ взялъ со стола книгу и прочелъ:

„И послалъ вѣстниковъ предъ лицомъ Своимъ; и они пошли и вошли въ селеніе Самарянское, чтобы приготовить для Него; но тамъ не приняли Его, потому что Онъ имѣлъ видъ путешествующаго въ Іерусалимъ. Видя это, ученики Его Іаковъ и Іоаннъ сказали: Господи! Хочешь-ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Илія сдѣлалъ? Но Онъ, обратившись къ нимъ, запретилъ имъ и сказалъ: не знаете, какого вы духа; ибо Сынъ Человѣческій пришелъ не губить души человѣческія, а спасать“... Ты, кажется, не слушаешь?—спросилъ онъ, случайно поднявъ глаза на Маріанну. Она, дѣйствительно, не уловила ни одного слова изъ сказаннаго имъ.

— Отложи свою проповѣдь. У меня къ тебѣ важное дѣло.

— Что-же? Ну, если радость, порадуемся вмѣстѣ, а если что-нибудь плохое...

Онъ посмотрѣлъ на жену и былъ пораженъ выраженіемъ ея лица.

— Тебѣ это тяжело будетъ узнать, Даніилъ, — начала она едва слышно.

— Что?

— Я не могу больше оставаться у тебя.

— Дитя мое, не говори пустяковъ... Впрочемъ, не пустяки. Я не могу такъ отзываться объ этомъ. Разскажи мнѣ все. Открой свою душу.—Онъ сѣлъ съ ней рядомъ и положилъ ей руку на плечо.

— Нечего и разсказывать,—сказала она сурово, раздраженная его движеніемъ и тономъ.—Совсѣмъ просто. Я не могу быть твоей женой.

— Что?!

— Я люблю твоего брата.

Онъ открылъ ротъ, точно желая что-то спросить.

— Да, да, твоего брата.

Онъ отстранился отъ нея и прислонился къ спинкѣ ди-

вана. Въ глазахъ у него помутилось, онъ собралъ всѣ силы, чтобы не упасть въ обморокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Маріанна снова заговорила:

— Я должна тебѣ во всемъ сознаться, честно и открыто. Моя жизнь съ тобой была ложью, сплошной сѣтью лжи. Я давно не люблю тебя. Ты мнѣ противенъ. Я люблю твоего брата давно...

Она вздохнула и высоко подняла голову.

— Давно... мнѣ кажется, всегда.

„Правда ли это?"—спрашивала она сама себя съ сомнѣніемъ, и сердце ея неудержимо билось въ груди.

Она замолчала, а потомъ заговорила, не обращаясь къ нему, точно отвѣчая на свой внутренній вопросъ:

— Я его полюбила съ самаго начала. Я не должна была выходить за тебя. Это была моя ошибка. Я не сумѣла сжиться съ тобой. Я считаю, что ты лучше его, но жить я могу только съ нимъ.

Онъ сухо прервалъ ее:

— Не смягчай, пожалуйста!

— Развѣ я смягчаю что-нибудь?

— Скажи мнѣ прямо, что ты сдѣлала.

— Что я сдѣлала? Я условилась уѣхать завтра съ твоимъ братомъ.

— Когда вы условились?

— Только что. Я пришла къ тебѣ прямо отъ него.

На лицѣ его отразилось такое болѣзненное отвращеніе, что она инстинктивно почувствовала, о чемъ онъ думаетъ. Онъ припомнилъ, какъ онъ горячо цѣловалъ ее еще этой ночью, и это воспоминаніе, наполнявшее его все утро такимъ счастьемъ, теперь жгло его нестерпимой болью.

— Я не могу больше принадлежать тебѣ, Даніилъ. Я не могу. Отпусти меня.

Онъ посмотрѣлъ на нее безъ гнѣва и ненависти, скорѣе съ участіемъ.

— Знаешь ли, что ты дѣлаешь?

— Я должна такъ поступить, Даніилъ. Я должна быть его...

— А потомъ?

Это былъ вопросъ, который и сама она себѣ задавала въ глубинѣ души. Потомъ? При мысли о будущемъ она представляла себѣ рядъ безумно счастливыхъ дней. Утолить давно мучившую ее жажду, исчерпать наслажденіе, а тамъ... Тамъ все было темно, безсмысленно... конецъ... не все ли равно, какой конецъ?

— Не безпокойся обо мнѣ, Даніилъ. Прости меня и будь счастливъ.

Онъ покачалъ головой.

— Такъ что ты рѣшилась и бѣжишь изъ моего дома?

Ея губы задрожали отъ негодованія.

— Я не бѣгу... Я ничего не дѣлаю украдкой!

Слезы покатились у нея изъ глазъ.

— Ты пожалѣешь, что такъ говорилъ со мной!

— Я не хотѣлъ тебя обидѣть,—возразилъ онъ,—право же, нѣтъ.

Она уронила голову на руки. Вся поза ея выражала безпомощное отчаяніе.

— Уйди!—сказалъ Даніилъ.—Оставь меня одного.

Онъ не могъ вынести ея присутствіе. Ея видъ, звукъ ея голоса доставляли ему невыносимое страданіе.

Онъ подошелъ къ ней и тронулъ ее за плечо:

— Уйди!—прошепталъ онъ.—Я долженъ остаться одинъ.

Она вытерла слезы, встала, взглянула на мужа и, шатаясь, подошла къ двери. На порогѣ она остановилась, точно ожидая, что онъ позоветъ ее обратно. Онъ молчалъ. Она обернулась:

— Я буду въ своей комнатѣ, если ты захочешь мнѣ что нибудь сказать...

Когда Даніилъ поднялъ голову, комната была пуста.

— Случилось-таки, случилось!—прошепталъ онъ съ такимъ чувствомъ, точно онъ всю жизнь ждалъ этого удара.

Онъ снова сѣлъ за свой письменный столъ.

Черезъ минуту въ дверь постучались, и служанка доложила, что обѣдъ поданъ. Онъ жестомъ отослалъ ее обратно. Одна мысль не шла у него изъ головы. То, что случилось, было неотвратимо, неизбѣжно. Онъ предчувствовалъ это еще во время помолвки. Всегда на пути его стояла сильная, самоувѣренная, ликующая фигура брата. Его удѣлъ страдать, быть униженнымъ и обманутымъ. У него не было ненависти къ Маріаннѣ. Онъ одинъ былъ виноватъ во всемъ. Онъ былъ скучный, вялый, больной, неинтересный человѣкъ, она должна была уйти отъ него. Онъ былъ нелюбимъ всѣми, за что же она могла любить его? Страшная горечь наполняла его сердце. При мысли о завтрашнемъ днѣ онъ машинально схватился за револьверъ. Но въ эту минуту онъ не чувствовалъ ненависти даже къ брату. Онъ одинъ былъ виноватъ въ своемъ безсиліи, своей дряблости, своемъ ничтожествѣ... Одинъ конецъ, заслуженный и неизбѣжный... онъ взялся за оружіе...

Но тутъ имъ овладѣлъ смертельный ужасъ за Маріанну. Маріанна уйдетъ къ Фрицу! Онъ весь похолодѣлъ. Развѣ это возможно! Какъ перенести это! Можетъ быть, она уже его!—Но это представленіе вызвало въ немъ такое безумное

страданіе, что онъ выскочилъ изъ комнаты. На нижней ступени лѣстницы онъ остановился.

— Куда я иду? Да, къ брату, скорѣе къ нему, къ Фрицу!

Онъ крикнулъ кучера и велѣлъ запрягать. Онъ хотѣлъ уже вернуться въ комнаты, когда замѣтилъ въ воротахъ какого-то мальчика, который при видѣ пастора быстро юркнулъ за уголъ.

Имъ овладѣла тревога и онъ крикнулъ изо всѣхъ силъ:

— Что тебѣ здѣсь надо?

Мальчикъ не отвѣчалъ и не показывался.

Даніилъ самъ подошелъ къ нему.

— Зачѣмъ ты пришелъ? У тебя дѣло?

— Мнѣ надо видѣть г-жу пасторшу, къ ней письмо.

Даніилъ схватилъ конвертъ и узналъ почеркъ брата.

— Пошелъ прочь!—крикнулъ онъ на посланнаго. Онъ вернулся въ кабинетъ, заперъ дверь и распечаталъ письмо. Три слова бросились ему въ глаза: „Дорогая... сегодня ночью...“

Онъ въ бѣшенствѣ прошелся по комнатѣ. Буквы, слова прыгали у него передъ глазами... Наконецъ, онъ остановился и прочелъ письмо.

Фрицъ писалъ, что онъ не въ состояніи пережить эту ночь безъ Маріанны и просилъ ее придти къ семи часамъ въ Штейнбрукъ, гдѣ они могли переночевать въ знакомомъ домѣ.

Даніилъ нѣсколько разъ перечитывалъ эти строки, пока не понялъ окончательно ихъ смысла. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ револьверъ и, убѣдившись, что онъ заряженъ, сунулъ его въ карманъ. Онъ не имѣлъ никакихъ точныхъ намѣреній. Онъ хотѣлъ движенія, дѣйствія, чтобы какъ-нибудь отогнать преслѣдующія его картины: комнату въ гостиницѣ, въ ней Фрицъ и Маріанна....

Однако, гдѣ-то въ самой глубинѣ души таилась мысль, въ которой онъ не хотѣлъ, не смѣлъ себѣ сознаться...

Проходя мимо комнаты матери, онъ пріотворилъ дверь. Ставни были закрыты, въ спальнѣ царилъ полумракъ, воздухъ былъ спертый и удушливый. Больная, казалось, спала. Ея худое лицо, блѣдное и неподвижное, лежало высоко на подушкахъ. Худая рука свѣсилась съ постели. Ему показалось, что она пошевелилась. Онъ отступилъ и прикрылъ тихонько дверь.

Этотъ образъ на нѣсколько минутъ заслонилъ въ его воображеніи мучительную картину, которая его преслѣдовала. Солнце пекло невыносимо. Деревенская улица была пуста. Ему встрѣтился только одинъ крестьянинъ съ косой на плечѣ... Отвѣчая на его поклонъ, Даніилъ въ первый разъ подумалъ о томъ, что станутъ говорить люди, когда его жена уйдетъ

къ его брату... Какъ будетъ онъ жить послѣ этого? Гдѣ тотъ уединенный уголъ, куда онъ будетъ въ состояніи скрыться!

У школы на скамейкѣ сидѣла, играя пескомъ, дочь учителя, дѣвочка лѣтъ четырехъ, милый, хорошенькій ребенокъ, но болѣзненный и робкій. При видѣ пастора она хотѣла было убѣжать, но Даніилъ крикнулъ:

— Куда ты, дѣточка! Не бойся меня!—И, подойдя къ ней, ласково посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

Ему самому показался страннымъ звукъ его голоса. Онъ прижалъ къ себѣ дѣвочку, и чувство безконечной нѣжности и состраданія закралось къ нему въ душу:—И ты будешь большая, и тебя не минуетъ весь ужасъ и вся грязь жизни!—думалъ онъ... Съ мучительнымъ наслажденіемъ вглядывался онъ въ большіе, слегка испуганные, глаза ребенка, прижималъ къ себѣ хрупкое тѣльце, перебиралъ шелковистые волосы, которые были еще мягче, чѣмъ волосы Маріанны. Но дѣвочка изгибалась, какъ котенокъ, и силилась вырваться изъ его рукъ. Онъ спустилъ ее съ колѣнъ, подумавъ съ грустью:—и она чуждается меня, какъ и всѣ остальные.

Темныя тучи скоплялись на горизонтѣ. Въ воздухѣ было что-то тревожное, чувствовалось приближеніе грозы, и время отъ времени порывъ вѣтра вздымалъ и крутилъ столбъ пыли на дорогѣ.

Проходя мимо церкви, Даніилъ подумалъ:

— Я знаю все писаніе, все, наизусть. И все это слова, одни слова. А гдѣ же сказано тамъ: если кто отниметъ у тебя жену твою, благослови его! Гдѣ это сказано?

На колокольнѣ пробили часы. Даніилъ вздрогнулъ; онъ былъ въ черезчуръ напряженномъ состояніи, и каждый внѣшній звукъ дѣйствовалъ на него.

Онъ остановился.—Что же я буду дѣлать? Зачѣмъ иду я къ брату?.. Я хочу, чтобы онъ поклялся мнѣ, что она не была его. Иначе... иначе я не прощу ему этого. Я убью его!

Онъ вошелъ въ лѣсъ и вмѣсто того, чтобы идти прямымъ путемъ, сталъ плутать по тропинкамъ, натыкаясь на пни, вывороченные корни, машинально слѣдя то за полетомъ птицы, то за смѣлыми прыжками бѣлки... Онъ не замѣчалъ, какъ шло время. Когда онъ вышелъ изъ лѣсу, пробило семь часовъ. Въ полѣ приближеніе грозы чувствовалось больше, чѣмъ въ лѣсу. Свинцовая туча на горизонтѣ, внезапные порывы вѣтра, что-то тревожное и грозное во всей природѣ... Вдругъ онъ замѣтилъ обращенную къ нему спиной высокую красивую фигуру и узналъ брата.

Хотя Фрицъ пообѣдалъ и отдохнулъ, онъ не пріобрѣлъ желаннаго спокойствія. Какой-то неопредѣленный страхъ, точно предчувствіе бѣды, лежалъ камнемъ у него на сердцѣ. Теперь, когда давно желанная добыча была у него почти въ рукахъ, когда счастье улыбалось ему, онъ чувствовалъ себя слабымъ, разбитымъ, больнымъ... Онъ вышелъ въ поле, надѣясь встрѣтить посланнаго съ отвѣтомъ Маріанны.

— Не надо только падать духомъ! Завтра въ это время мы будемъ съ Маріанной уже во Франкфуртѣ, а послѣ завтра гдѣ нибудь въ Швейцаріи или въ Остенде... все равно гдѣ, только бы тамъ было весело и красиво...

Но воображеніе не останавливалось на радостныхъ и веселыхъ картинахъ, оно упорно возвращалось къ одному и тому же: незаплаченному долгу, болѣзни и возможной смерти матери.

Вдругъ онъ услыхалъ шаги позади себя. Когда онъ обернулся и узналъ брата, сердце у него замерло.

Даніилъ остановился и, не подавая ему руки, отрывисто спросилъ:

— Маріанна мнѣ сказала все. Правда это?

— Ты хочешь удовлетворенія? Чѣмъ могу служить?— отвѣтилъ Фрицъ свысока.

— Маріанна хочетъ бѣжать съ тобой. Она твоя любовница. Ты обольстилъ ее. Правда это?

— Если она сама это говоритъ...

— Я хочу это слышать отъ тебя? Она твоя любовница?

Вмѣсто отвѣта Фрицъ спросилъ:

— Что тебѣ отъ меня надо, чортъ возьми! Почему Маріанна не пришла и ничего не отвѣтила?

— Я хочу знать, она твоя любовница?

— А я не хочу на это отвѣчать.

— Если она не твоя любовница, если... отвѣть мнѣ! Послушай! Если ты мнѣ можешь въ этомъ поклясться, если ты мнѣ пообѣщаешь тотчасъ уѣхать навсегда, то...

— Ты кажется пьянъ, или сошелъ съ ума, — отвѣтилъ Фрицъ.

— Ты не согласенъ?

— Нѣтъ, ты это въ серьезъ?! Дуракъ!

— Ну, такъ берегись! Да проститъ меня Богъ!

— Чего—берегись! Если ты... Ахъ, проклятый!—закричалъ онъ вдругъ, увидѣвъ, что братъ направляетъ на него револьверъ.—Малодушный! трусъ!

Охваченный внезапнымъ страхомъ смерти, онъ отскочилъ въ сторону. Тогда Даніилъ отбросилъ револьверъ съ такой силой, что онъ упалъ въ рѣку, и въ бѣшенствѣ бро-

сился на брата. Прежде чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, онъ со всего размаху ударилъ его головой о дерево.

— Попробуй-ка не отвѣчать мнѣ!—закричалъ онъ, не сознавая еще, что сдѣлалъ.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что братъ тяжело и неподвижно повисъ у него на рукахъ. Онъ вглядѣлся въ мертвенно блѣдное съ широко раскрытыми глазами лицо, бросилъ тѣло и, упавъ на колѣни, громко воскликнулъ:

— Слава Богу! Слава Богу! Господи, благодарю Тебя!

Онъ испытывалъ чувство дикой радости, точно добился того, къ чему стремился всю жизнь. Потомъ онъ сѣлъ на землю и закрылъ лицо руками. Когда онъ открылъ глаза черезъ нѣсколько мгновеній, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что рядомъ, на землѣ, лежитъ трупъ брата. Онъ обхватилъ его обѣими руками и понесъ къ рѣкѣ. Голова лежала у него на плечѣ, точно нѣжно прижимаясь къ нему, ноги безпомощно висѣли въ воздухѣ. Онъ бросилъ тѣло въ воду и нѣсколько минутъ смотрѣлъ, какъ все расширялись круги на взволнованной поверхности, пока не исчезли совершенно... И снова рѣка текла спокойная, темная, величавая и непроницаемая... Какая-то пичужка щебетала въ кустахъ. Даніилъ вдругъ все понялъ, испугался и быстрыми шагами пошелъ прочь.

Онъ шелъ впередъ куда глаза глядятъ, не раздумывая и не оборачиваясь назадъ. Вдругъ онъ услышалъ позади стукъ колесъ. Охваченный безотчетнымъ ужасомъ и инстинктивнымъ опасеніемъ быть замѣченнымъ, онъ бросился прочь съ дороги, прямо черезъ болото, прыгая съ кочки на кочку, временами увязая по колѣно. Дорога давно исчезла изъ виду, не было видно ни одного человѣка, не было слышно ни одного звука, а онъ все бѣжалъ, точно ноги несли его помимо его воли. Выбравшись изъ болота, онъ пересѣкъ картофельное поле, потомъ очутился на лугу. Увидѣвъ какія то фигуры и не разобравъ, что это стадо коровъ, онъ свернулъ въ сторону и пустился бѣжать еще скорѣе. Пересѣкши шоссе, онъ попалъ въ лѣсъ, споткнулся о пень и упалъ. Измученный душевно и физически, онъ долго не могъ пошевелиться.

Вскорѣ послѣ заката хлынулъ дождь. Даніилъ промокъ до костей, но не чувствовалъ этого. Онъ не сознавалъ ни времени, ни мѣста, не отдавалъ себѣ отчета въ своемъ состояніи: страшная тяжесть давила его, и онъ не могъ ни сбросить, ни осмыслить ее.

Наконецъ, онъ всталъ. Вдали между деревьями мелькали огни. Даніилъ думалъ, что зашелъ Богъ знаетъ куда.

Между тѣмъ, онъ съ удивленіемъ узналъ знакомыя очертанія колокольни, мостъ... не было сомнѣнія, что онъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому. Онъ медленно, усталыми шагами двигался впередъ. Нѣсколько разъ онъ поднималъ и опускалъ руки, желая отдѣлаться отъ настойчиваго представленія, почти галлюцинаціи, что тѣло брата еще лежитъ на немъ. Подойдя къ оградѣ своего сада, онъ замѣтилъ на пескѣ возлѣ скамейки фуражку Фрица. Онъ остановился въ ужасѣ.

Вдругъ на противоположномъ берегу около ивы выросла темная фигура. Дрожь пробѣжала по тѣлу Даніила, капли холоднаго пота выступили на лбу.

Онъ стоялъ съ минуту, не шевелясь, стараясь разглядѣть фигуру и узнать кто это, — крестьянинъ, охотникъ, бродяга? Можетъ быть, этотъ человѣкъ слѣдилъ за нимъ и все видѣлъ? Отчего онъ прячется за деревомъ?

Съ безумной рѣшимостью онъ пошелъ къ нему на встрѣчу, но по мѣрѣ того, какъ онъ приближался, фигура теряла свои очертанія и оказалась только темнымъ пятномъ, тѣнью отъ ивы или ближайшихъ кустовъ.

Даніилъ долго смотрѣлъ на тихо журчащую воду, потомъ подошелъ къ скамьѣ. На пескѣ дѣйствительно лежалъ бумажникъ Фрица, но его фуражки не было. Пасторъ зажегъ спичку, обшарилъ все кругомъ, — ничего не было. А между тѣмъ, онъ хорошо помнилъ, что братъ былъ безъ шапки. Онъ пошелъ опять къ берегу, шарилъ въ травѣ, въ кустахъ и дѣйствительно нашелъ измятую и растоптанную старую шапку Фрица.

Измученный и обезсиленный опустился онъ на скамью. Дождь не прекращался. Онъ снялъ шляпу и подставилъ подъ ливень свою разгоряченную голову.

Безсвязныя мысли мелькали у него въ мозгу: то ему хотѣлось тотчасъ встать и пойти сознаться въ своей винѣ, то смертельный ужасъ приковывалъ его къ мѣсту. Ему казалось, что только здѣсь, на скамьѣ, онъ въ безопасности, а каждый шагъ приближаетъ его къ чему то страшному, невѣдомому и неизбѣжному.

Онъ вскочилъ, наконецъ. Было совершенно темно. Шатаясь, какъ пьяный, онъ пошелъ по шоссе. Гдѣ-то глубоко въ мозгу копошилась неясная мысль, что надо пойти и заявить хотя бы своему преемнику-пастору о своей винѣ. Но рядомъ выплывала другая картина: его кабинетъ, лампа, тишина, тепло, возможность протянуть усталые члены на мягкомъ диванѣ, закрыть глаза, заснуть...

Эта потребность заявляла о себѣ такъ настойчиво, что

онъ повернулъ назадъ и пошелъ домой. Деревня уже спала, и ему никто не встрѣтился.

Входная дверь была заперта. Руки его такъ дрожали, что ключъ едва попалъ въ замокъ. Онъ прямо прошелъ въ спальню, вымылся, перемѣнилъ бѣлье и промокшее платье, и подошелъ къ зеркалу. Къ своему удивленію, онъ почти не измѣнился: только глаза лихорадочно и безпокойно блестѣли, и лицо осунулось и пожелтѣло.

Вдругъ онъ услышалъ звонокъ у входной двери, потомъ шаги и голоса. Онъ вышелъ на лѣстницу и, перегнувшись черезъ перила, увидѣлъ новаго пастора, который долженъ былъ занять его мѣсто. Онъ стоялъ къ нему спиной и о чемъ-то горячо говорилъ съ Маріанной. Замѣтивъ мужа, Маріанна быстро проговорила:

— Вотъ и Даніилъ! Я сейчасъ вернусь!

— Мой дорогой другъ, — заговорилъ пасторъ, оборачиваясь къ Даніилу.—Извините меня за позднее посѣщеніе. Мы съ женой были на вокзалѣ, провожали родственниковъ и, увидѣвъ у васъ огонь, я рѣшился заѣхать къ вамъ по маленькому дѣлу. Но какъ это ужасно! Ваша жена мнѣ разсказала. Я просто удрученъ.

Даніилъ посмотрѣлъ на собесѣдника блуждающимъ взглядомъ, — что могла ему разсказать Маріанна. — Въ эту минуту служанка внесла лампу. Пасторъ съ участіемъ взглянулъ на Даніила, — при яркомъ свѣтѣ было замѣтнѣе его волненіе, похудѣвшее лицо, небрежность наскоро одѣтаго костюма.

— Нѣтъ, лучше о дѣлѣ поговоримъ въ другой разъ. Я не хочу васъ задерживать. Только не падайте духомъ. Вѣдь съ ней это не въ первый разъ. Дастъ Богъ, поправится. Идите къ ней.

Даніилъ силился и никакъ не могъ понять, о комъ идетъ рѣчь.

— Вы не зайдете?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, жена ждетъ меня въ экипажѣ. Я не могу зайти. До свиданья, дорогой другъ, — горячо говорилъ онъ, пожимая обѣ руки Даніила. Вы ѣдете завтра въ Шверенбергъ! Счастливаго пути и да благословитъ васъ Богъ!

— Мнѣ надо съ вами поговорить.

— Ну, послѣ, теперь вамъ не до того,—и гость сталъ поспѣшно спускаться съ лѣстницы.

— Когда васъ можно застать завтра? — настаивалъ Даніилъ.

— Не безпокойтесь, не надо. Все уладится само собой.

Въ дверяхъ онъ обернулся и съ лицомъ, сіяющимъ добродушной привѣтливой улыбкой, крикнулъ въ послѣдній разъ:

— Счастливаго пути, мой добрый другъ!

Съ этими словами онъ захлопнулъ дверь и исчезъ. Послышался шумъ колесъ отъѣзжающаго экипажа.

— Значитъ, не судьба сознаться! — подумалъ Даніилъ. Да и что я сдѣлалъ дурного! Однимъ негодяемъ на свѣтѣ меньше, а я долженъ за это заплатить своей жизнью! Нѣтъ! Никто ничего не знаетъ, а доказать невозможно!—Онъ хитро усмѣхнулся. И вдругъ онъ опять почувствовалъ приливъ безумнаго страха... Онъ бросился въ кресло.—Я долженъ сознаться,—это мой долгъ.

Онъ взялъ большой листъ бумаги и написалъ:

— Я долженъ сознаться... — Но рука его безсильно опустилась, голова упала на грудь, и снова сомнѣніе и нерѣшительность овладѣли имъ.

Кто-то постучался. Онъ не слышалъ.

Дверь тихо отворилась и вошла его мать. Она съ тревогой поглядѣла на него.

— Что ты дѣлаешь, Даніилъ?

Онъ вскочилъ и испуганно взглянулъ на нее. Она сѣла на стулъ. Она встала съ постели, чтобы придти къ нему. На ней была нижняя юбка, войлочныя туфли и большой теплый платокъ поверхъ ночной кофты; бѣлый чепчикъ, обрамлявшій ея исхудавшее лицо, придавалъ ей нѣчто дѣтское, жалкое, почти смѣшное.

— Гдѣ ты былъ?

Онъ ничего не отвѣтилъ, но, силясь скрыть отъ нея свое волненіе, прошелъ въ самый темный уголъ комнаты.

— Я уже приходила къ тебѣ разъ. Что ты дѣлалъ?

— Что я дѣлалъ? А какъ ты думаешь? — Онъ старался удержать дрожь, но руки и ноги не повиновались, и онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Куда ходилъ ты по такому дождю? Что ты дѣлалъ?

— Что я дѣлалъ?—отвѣтилъ онъ, устремляя на нее свои воспаленные глаза,—что я дѣлалъ? Не спрашивай лучше! Я плохо себя чувствую. Что-то нервы расходились? Оставь меня, ради Бога! Мать, оставь меня! Уйди!

— Что съ тобой, дитя мое!

Она схватила его руку и прижала къ груди. Онъ не отвѣчалъ и старался вырваться отъ нея.

— Тебя мучитъ что-то, сынокъ! Откройся мнѣ. Я вѣдь мать тебѣ, ты знаешь, какъ я тебя люблю, не будь такимъ скрытнымъ! Отчего ты не хочешь сказать? — быстро повторяла она, удерживая слезы.

Однако, она не могла совладѣть съ собой и разрыдалась:

— Я знаю, что тебя мучитъ. Я все знаю!—И она покры-

вала поцѣлуями его руки, а слезы неудержимо текли изъ ея глазъ.

— Оставь! — крикнулъ онъ, вырываясь отъ нея. — Боже мой! Боже мой!

Мать испуганно глядѣла на него, не находя словъ.

Дождь стучалъ въ стекла. Медленно тянулись минуты.

Сынъ и мать сидѣли молча, не глядя другъ на друга. Наконецъ, она встала, чтобы уйти. Но вдругъ поблѣднѣла, зашаталась и съ крикомъ:

— Помоги мнѣ! — упала ему на руки.

Онъ поднялъ ее и отнесъ въ спальню, уложилъ на свою кровать и заботливо покрылъ одѣяломъ. Онъ хотѣлъ было уйти и позвать служанку, но, увидѣвъ бутылку съ одеколономъ, началъ тереть матери виски. Она открыла глаза и посмотрѣла на него, точно не вполнѣ его узнавая. Онъ сѣлъ на стулъ около постели. Не думая о больной, забывъ почти о ея присутствіи, онъ тупо смотрѣлъ впередъ. Вдругъ взглядъ его упалъ на библію, лежащую на ночномъ столикѣ. Повинуясь непреодолимому желанію, онъ взялъ книгу и, раскрывъ ее на исторіи Каина и Авеля, началъ медленно читать, едва шевеля губами: „Они были на полѣ, и Каинъ бросился на брата своего Авеля и убилъ его“.

Догорающая лампа то гасла, то вспыхивала, озаряя комнату неровнымъ свѣтомъ: дождь стучалъ по прежнему и временами подъ порывомъ вѣтра вѣтви жалобно бились объ оконное стекло. Измученная старушка, со своимъ тщедушнымъ, почти дѣтскимъ тѣльцемъ, неподвижно лежала на кровати, не сводя глазъ съ сына и вслушиваясь въ его глухой шепотъ.

— И спросилъ Господь Каина: Гдѣ братъ твой Авель. Онъ отвѣтилъ.—Я не знаю, я не сторожъ брату моему.—И Господь сказалъ: Что сдѣлалъ ты? Кровь брата твоего вопіетъ ко мнѣ!

Передъ глазами Даніила промелькнулъ трупъ съ искаженнымъ лицомъ... вотъ онъ падаетъ въ рѣку, цѣпляясь за вѣтки прибрежнаго ивняка... Даніилъ толкаетъ его, онъ исчезаетъ подъ водой, а вѣтки еще шевелятся, и круги идутъ по рѣкѣ все шире и шире...

— И будешь проклятъ ты на землѣ, — продолжалъ онъ все тише.

— Почему ты это читаешь?—спросила мать.

— Почему я это читаю? Почему? Потому что это правдивая исторія.

Онъ повторилъ послѣднія слова и продолжалъ читать, все ниже склоняя голову надъ книгой.

Потомъ онъ закрылъ ее, положилъ на мѣсто и, наклоняясь къ матери, сказалъ:

— Покойной ночи, мама! Спи хорошенько!

— Посиди немного со мной,—прошептала она, — вѣдь я все знаю.

— Ты все знаешь?

— Я хочу тебѣ что-то сказать. Не уходи!

— Что ты отъ меня хочешь? — спросилъ, онъ, не глядя на нее. И, точно отвѣчая на какой-то свой внутренній вопросъ, пробормоталъ:

— Никому нѣтъ до этого дѣла. То, что я сдѣлалъ. касается меня одного, меня, да Господа Бога.

— Дай мнѣ руку!—просила мать.—Ты думаешь я ничего не знаю? Но онъ былъ здѣсь и все мнѣ разсказалъ. Я все знаю. Послушай, Даніилъ, я хочу тебѣ что-то сказать!

Она съ трудомъ сѣла на постели. По ея глазамъ видно было, какъ она страдала. Она тяжело вздыхала, видимо не находя словъ.

Наконецъ, она начала:

— Я скажу тебѣ. Я передъ тобой виновата и несу наказаніе за мой грѣхъ. Я больше любила твоего брата, чѣмъ тебя. И Господь покаралъ меня, разбивъ черезъ него мое сердце. Твой братъ — дурной человѣкъ, погибшій, забывшій Бога. Я не хочу больше знать его. Онъ мнѣ не сынъ. Я хотѣла тебѣ это сказать. Останься. Не уходи! Мнѣ тяжело. Побудь со мной!

Онъ высвободилъ свою руку, сѣлъ на стулъ и снова взялся за библію, открывъ ее на томъ же мѣстѣ. Оба молчали. Только порывы вѣтра нарушали тишину, да лампа мало по малу гасла, погружая комнату въ полумракъ. Наконецъ, нельзя было разобрать буквъ, Даніилъ отложилъ книгу и закрылъ глаза.

— О чемъ ты задумался?—спросила мать.

Даніилъ медленно произнесъ:

— И пошелъ Каинъ по повеленію Божію въ далекую страну, и построилъ тамъ городъ, и назвалъ его именемъ сына своего.

— И такъ Господь простилъ ему грѣхъ его, — сказала мать.

Даніилъ поднялъ голову и взглянулъ на нее такими загорѣвшимися радостью глазами, точно она дала отвѣтъ на его скрытый вопросъ, подтвердила его тайную надежду, но не сказалъ ничего. Опять прошло нѣсколько минутъ. Старушка сложила руки на груди и, казалось, шептала молитву. Даніилъ не могъ разобрать слова, но ему послышалось имя Фрица.

Не докончивъ молитвы, она закашлялась. Даніилъ далъ ей порошекъ морфія, и она вскорѣ заснула.

Лампа погасла, было совершенно темно. Постель Маріанны была убрана. Пастору негдѣ было лечь. Онъ сѣлъ въ кресло. Несмотря на страшную усталость, онъ не могъ заснуть. Исторія Каина не шла у него изъ головы.

— Какъ Каинъ принялъ свое наказаніе отъ Господа, такъ и я отъ Него Одного хочу получить свою кару. Вся жизнь моя будетъ отнынѣ искупленіемъ вины, и отвѣчаю я за нее только передъ своей совѣстью!

Гдѣ-то скрипнула половица. Онъ вздрогнулъ. Ему послышались шаги. Онъ всталъ, зажегъ огонь и спустился въ кабинетъ. Не раздѣваясь, онъ бросился на диванъ. Но едва онъ закрылъ глаза и немного забылся, какъ почувствовалъ, что онъ бѣжитъ по полю, спотыкается о кочки, падаетъ, поднимается и опять бѣжитъ. Сознаніе временами говорило ему, что онъ лежитъ на диванѣ, у себя въ кабинетѣ, и, однако, онъ не могъ отогнать кошмара. Онъ повернулся на другой бокъ, но опять повторилось то же: ноги его вязнутъ въ болотѣ, какая-то тяжесть давитъ ему грудь и руки, голова брата безпомощно повисла на его плечѣ... журчитъ вода, шелестятъ камыши... что-то шлепается о воду съ глухимъ шумомъ...

Онъ всталъ и зажегъ огонь. Грустно смотрѣлъ онъ передъ собой. Онъ зналъ, что ему предстоитъ еще много безсонныхъ ночей. Всей силой своей воли старался онъ дать иное направленіе своимъ мыслямъ, но бредъ возвращался, и только подъ утро заснулъ онъ нѣсколько покойнѣе.

— Если я поступилъ справедливо,—подумалъ Даніилъ, проснувшись,—то чего я боюсь? Если я считаю себя виновнымъ, то лучше пойти и во всемъ сознаться.

Но одна эта мысль обдавала его холодомъ.

Онъ принялся укладывать вещи. Надо велѣть вычистить гребни и щетки,—подумалъ онъ и вышелъ позвать служанку. Она убирала комнату для пріѣзжающихъ, гдѣ провела ночь Маріанна. Даніилъ спросилъ о женѣ.

— Барыня уѣхала съ полчаса назадъ.

— Она сказала, когда вернется?

— Нѣтъ.

— Вычистите эти вещи и принесите ко мнѣ. Я уѣзжаю.

„Неужели я дѣйствительно ѣду въ Шверенбергъ? — спросилъ онъ себя, точно не вѣря дѣйствительности.

Онъ все еще не могъ принять окончательнаго рѣшенія. Не будь онъ такъ измученъ, онъ готовъ былъ бы остаться здѣсь изъ одного любопытства, чтобы видѣть, какъ разрѣшится эта исторія.

Онъ вышелъ въ столовую. Кусокъ рѣшительно не шелъ

ему въ горло. Однако, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, съѣлъ ломтикъ булки и выпилъ стаканъ кофе. Чтобы его плохой аппетитъ не возбудилъ подозрѣній, онъ сунулъ остатокъ булки въ карманъ и вышелъ изъ дому. Дойдя до церкви, онъ повернулъ и пошелъ обратно. Дома онъ заперся въ своей комнатѣ. Блѣдный, измученный, сидѣлъ онъ безъ движенія. Временами онъ вдругъ вскакивалъ, бралъ какой-нибудь предметъ, необходимый для дороги, пряталъ его въ чемоданъ и возвращался на свое мѣсто. Нащупавъ булку въ карманѣ, онъ раскрошилъ ее и бросилъ голубямъ, съ воркованьемъ бродившимъ по двору. Яркое солнце играло на блестящихъ послѣ дождя листьяхъ,—все дышало тихой радостью жизни. У Даніила мелькнуло грустное чувство, что ему недолго наслаждаться тепломъ, свѣтомъ, уютомъ родного угла и беззаботной свободой. Онъ удивился, какъ мало цѣны давалъ онъ этому раньше. Вдругъ онъ услышалъ шумъ колесъ, потомъ дверь отворилась и захлопнулась, и до него долетѣлъ взволнованный голосъ Маріанны. Онъ испуганно вскочилъ,—она не должна была видѣть его въ такомъ состояніи. Онъ наскоро провелъ гребнемъ по волосамъ, оправилъ сюртукъ и смочилъ лицо холодной водой.

— Ты здѣсь?—спросила Маріанна, быстро входя въ комнату. Она задыхалась.

— Что такое? Что съ тобой? — спросилъ онъ по возможности спокойно, не отнимая отъ лица мокраго полотенца.

— Подумай только... Фрицъ... съ нимъ что-нибудь случилось... онъ исчезъ!..

Она бросила на стулъ перчатки и зонтикъ и схватилась руками за голову. Волосы ея растрепались, и шляпа сбилась на бокъ. Глаза горѣли рѣшимостью и энергіей. Вся она была живымъ контрастомъ со своимъ блѣднымъ, безвольнымъ, растеряннымъ мужемъ.

— Его не могутъ найти со вчерашняго вечера. Я была сегодня утромъ на вокзалѣ, его тамъ не было. Я поѣхала въ Шварцхафель. Его тамъ давно хватились и не могутъ найти. Онъ ушелъ изъ дому вчера вечеромъ.

— Какъ бы я держалъ себя, если бы я дѣйствительно ничего не зналъ?—спрашивалъ себя Даніилъ.—Если бы я имѣлъ мужество хорошо сыграть свою роль! У нея должно быть подозрѣніе!

— Когда ты вчера вернулся?—спросила Маріанна черезъ минуту.

— Почему это тебѣ интересно?

— Надо знать, кто его видѣлъ послѣднимъ. Въ семь часовъ онъ былъ въ Гильферсѣ. Съ тѣхъ поръ онъ исчезъ безслѣдно. Можетъ быть, ты знаешь что-нибудь о немъ?

Маріанна глядѣла ему прямо въ лицо горящимъ взглядомъ, полнымъ ненависти и ужаса.

Онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко и, трясясь всѣмъ тѣломъ, закричалъ дрожащимъ голосомъ:

— Да если бы онъ мнѣ только попался на глаза, я бы задушилъ его, какъ собаку!

— Можетъ быть, ты это и сдѣлалъ! Убійца!

Слова эти вырвались у нея помимо сознанія и воли. Она тотчасъ спохватилась, и по лицу ея промелькнуло выраженіе смущенія и замѣшательства.

Даніилъ въ одно мгновеніе сообразилъ, что она сама не повѣрила тому, что сказала. Протянувъ руку, точно желая отстранить отъ себя нѣчто грязное и отвратительное, онъ сказалъ:

— Я не сдѣлаю вамъ ничего. Я предоставляю васъ вашему собственному суду, суду вашей совѣсти, и она вамъ отомститъ за меня!

— Я боюсь тебя. Ты страшенъ!

Маріанна вздрогнула и отодвинулась отъ него.

— Конечно, ты боишься меня, потому что я говорю тебѣ о твоей совѣсти.

Въ это мгновеніе онъ уже совершенно овладѣлъ собой. Онъ почувствовалъ безпредѣльное мужество. Мысль стала работать ясно и отчетливо. Онъ сознавалъ въ себѣ силу отклонить какія угодно подозрѣнія, очистить себя отъ всѣхъ обвиненій.

Онъ взялъ верхъ надъ Маріанной, которая безпомощно стояла посреди комнаты, не зная, на что рѣшиться.

Собравъ послѣднія мелочи—мыло, щеточки, онъ спряталъ ихъ въ чемоданъ.

— Что ты дѣлаешь?

— Укладываюсь, какъ видишь.

— Ты рѣшительно уѣзжаешь?

— Конечно.—Онъ посмотрѣлъ на часы:—черезъ два часа отходитъ мой поѣздъ.

— Знаешь ли ты, что твоей матери очень плохо?

— Я это знаю. Ты думаешь, я объ ней не забочусь?

— И ты всетаки бросаешь ее и ѣдешь?

— Всетаки ѣду,—такъ мнѣ велитъ мой долгъ. Я далъ слово пріѣхать. И если у тебя есть еще искра совѣсти, совѣтую тебѣ быть при ней, вмѣсто того, чтобы бѣжать за любовникомъ.

Она опустила голову.

— Не оскорбляй меня,—сказала она тихо,—лучше скажи, чего ты желаешь.

— Если ты еще не окончательно погибла, то пойми, что

это—перстъ Божій, который указываетъ тебѣ путь къ твоимъ обязанностямъ.

Онъ взялъ шляпу и палку, у двери еще разъ обернулся и, поднявъ руку кверху, съ горящимъ взоромъ фанатика, сурово произнесъ:

— Еще есть время, опомнись!

Не подавая ей руки, не кивнувъ даже головой на прощанье, онъ вышелъ изъ комнаты, кучеръ пришелъ и вынесъ его чемоданъ. Черезъ нѣсколько минутъ Маріанна услышала, какъ отъѣхалъ его экипажъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Послѣ шестичасоваго путешествія въ курьерскомъ поѣздѣ Даніилъ пріѣхалъ въ Шверенбергъ и остановился въ гостиницѣ противъ вокзала.

Въ дорогѣ онъ покупалъ газеты и прочитывалъ въ нихъ исключительно лишь отчеты о гремѣвшемъ по всей Германіи уголовномъ процессѣ. Ему доставляло мучительное наслажденіе разбираться въ подробностяхъ убійства и показаніяхъ обвиняемаго.

Нанявъ небольшую комнату и кой-какъ въ ней расположившись, Даніилъ вышелъ изъ дому. Сидѣть одному въ четырехъ стѣнахъ было рѣшительно невыносимо. Онъ разсѣянно и безцѣльно бродилъ по скудно освѣщеннымъ улицамъ, останавливаясь передъ окнами магазиновъ, передъ открытыми дверьми трактировъ, изъ которыхъ доносились звуки плохенькаго оркестра. Онъ то всматривался въ лица прохожихъ, стараясь отвлечься отъ мучившихъ его образовъ, то задумывался такъ глубоко, что вздрагивалъ при звонкѣ электрической конки, при доносившихся издали свисткахъ локомотива. Измученный, вернулся онъ за-полночь къ себѣ и бросился на жесткую кровать. Но долго не удавалось ему заснуть. Наконецъ, онъ забылся безпокойнымъ сномъ: то надъ нимъ наклонялся братъ со страшнымъ безжизненнымъ лицомъ, то волны тихо журчащей рѣки смыкались надъ его головою. На утро, онъ одѣлся и вмѣсто того, чтобы идти по дѣламъ, представиться кому нужно и условиться насчетъ воскресной проповѣди, тщательно завернулъ въ бумагу шапку и бумажникъ брата, перевязалъ пакетъ веревочкой и вышелъ изъ дому. Опять началась безсмысленная и безцѣльная прогулка по грязному, мрачному городку. Мимоходомъ онъ заглянулъ въ какое-то евангелическое общество, гдѣ мѣстный пасторъ и заклятый врагъ Вальтера читалъ

проповѣдь нѣсколькимъ десяткамъ женщинъ. Проповѣдникъ, съ лицомъ мясника и мускулатурой Геркулеса, громилъ грѣхи, призывалъ къ умерщвленію плоти, а многія изъ женщинъ, потрясенныя и словами, и зычнымъ голосомъ проповѣдника, истерически рыдали. Даніилъ долго сидѣлъ на послѣдней скамейкѣ, вертя въ рукахъ жегшій ему руки свертокъ. Онъ вышелъ послѣднимъ и опять побрелъ, куда глаза глядятъ. Уже смерклось, и на улицахъ зажигали фонари. Онъ вспомнилъ, что еще ничего не ѣлъ съ утра, однако голода не ощутилъ. Онъ быстро шелъ впередъ, машинально выбирая улицы, которыя вели къ рѣчкѣ, точно имъ руководила какая-то безсознательная, глубоко засѣвшая въ мозгу идея. На мосту онъ остановился, оглянулся и со всего размаху бросилъ свертокъ въ воду... Онъ нагнулся посмотрѣть, куда онъ упалъ, и вдругъ поблѣднѣлъ отъ ужаса: пакетъ зацѣпился за одинъ изъ острыхъ выступовъ и повисъ на веревкѣ. Даніилъ остолбенѣлъ: вѣдь если завтра утромъ замѣтятъ бѣлый свертокъ, достанутъ, раскроютъ, найдутъ въ немъ вещи Фрица, то это будетъ страшной уликой противъ него.

Онъ не двигался и тупо смотрѣлъ на бѣлѣвшую бумагу. Она билась во всѣ стороны отъ вѣтра... вдругъ сильный порывъ сорвалъ ее, она закрутилась и упала въ воду. Точно камень свалился съ души пастора. Шатаясь отъ только что пережитаго волненія и физическаго истощенія, Даніилъ вернулся въ гостинницу.

Еще одна мысль неотступно преслѣдовала его: завтра, въ воскресенье, ему предстояло говорить проповѣдь. Онъ не могъ себѣ представить, какъ онъ взойдетъ на каѳедру, какъ и что онъ скажетъ народу. Онъ, братоубійца, обратится къ слушателямъ со словами вѣры, любви и милосердія. Онъ вспомнилъ, что его еще никто не видѣлъ въ Шверенбергѣ, что можно уѣхать, отговориться подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Онъ обманулъ себя этой уловкой и, успокоенный, въ первый разъ заснулъ глубокимъ сномъ.

Однако, утромъ онъ машинально одѣлся и пошелъ въ церковь. Согласно обычаю, въ первый разъ онъ долженъ былъ только говорить проповѣдь,—обѣдню служилъ другой пасторъ. Церковь была переполнена народомъ. На первыхъ скамьяхъ сидѣли жены мѣстныхъ богачей въ нарядныхъ костюмахъ, дальше шла пестрая толпа. Когда Даніилъ взошелъ на каѳедру, всѣ зашевелились, шепотъ пробѣжалъ по рядамъ, тысяча глазъ устремились на него. Онъ почувствовалъ, что блѣднѣетъ, что ноги у него подкашиваются, и сейчасъ изъ груди его съ крикомъ вырвется страшное признаніе. Но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и почти спокойно началъ:

— Слушайте слово Божіе. Сказано въ Евангеліи... въ Евангеліи,—повторилъ онъ тише,—въ Евангеліи...—и голосъ его прервался, голова опустилась на грудь. Онъ не могъ припомнить ни текста, ни одного слова изъ такъ давно задуманной и тщательно обработанной проповѣди. Голова у него кружилась. Гробовое молчаніе царило среди слушателей. Вдругъ точно вдохновеніе осѣнило его, глаза его засверкали, онъ выпрямился и другимъ, для него самого непривычнымъ, звучнымъ, могучимъ голосомъ воскликнулъ:

„Такъ говоритъ пророкъ Исайя: внемлите небеса и земли слову Іеговы: О, народъ израилевъ, Я создалъ васъ, дѣтей моихъ, а вы отпали отъ Меня. Быкъ знаетъ своего пастуха и мулъ своего погонщика, а Израиль не знаетъ своего Господина, онъ отступился отъ Іеговы и ушелъ отъ Него. Больная голова, вялое сердце. Нѣтъ правды, нѣтъ справедливости, вы убили ее... убили".

Онъ повторилъ послѣднее слово съ какой-то особенной болѣзненной усмѣшкой, исказившей все лицо его и продолжалъ говорить, все больше и больше воодушевляясь. Онъ говорилъ, какъ въ лихорадкѣ, какъ въ бреду; слова, казалось, лились сами собой, образныя, красочныя, вдохновенныя... Онъ рисовалъ картину паденія Израиля и переплеталъ библейскія картины съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ Шверенбергѣ, пьянство, развратъ, кутежи, нищета въ семьяхъ... Умерла любовь, вѣра, надежда, нѣтъ семьи, матери бѣгутъ дѣтей своихъ, сыновья—отцовъ, мужъ возстаетъ на жену и братъ на брата..." И вдругъ онъ остановился и безо всякой видимой связи сказалъ: „я разскажу вамъ одну исторію".

И безъ того взволнованные слушатели замерли въ напряженіи:

— Недавно пришелъ ко мнѣ одинъ человѣкъ, великій преступникъ,—убійца. Онъ боялся наказанія и не хотѣлъ сознаться въ своемъ преступленіи. Но оно давило и угнетало его, онъ долженъ былъ разсказать о немъ кому-нибудь: нѣтъ человѣка, настолько сильнаго, чтобы одному снести такую тяжесть. И онъ пришелъ ко мнѣ и покаялся..."

Онъ провелъ рукой по лбу, — совершенно мокрому отъ холоднаго пота.

— Я посовѣтовалъ ему: пойди и признайся во всемъ, сними бремя съ души твоей. Онъ хотѣлъ меня послушать и пошелъ, но съ дороги вернулся,—у него не хватило силы, такъ великъ былъ въ немъ страхъ человѣческаго наказанія. И онъ избѣгъ его. Но думаете ли вы, что онъ совсѣмъ не понесъ кары?

Онъ нагнулся черезъ перила и, страшный, блѣдный, со слипшимися отъ пота волосами, заговорилъ шепотомъ, слыш-

нымъ на всю церковь:—вы такъ думаете? О, какъ вы ошибаетесь! „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ!“ говоритъ Господь, и Онъ одинъ знаетъ, что такое возмездіе. То, что придумываютъ люди въ наказаніе другому человѣку,—игра, шутка по сравненію съ тѣмъ адомъ, который вселяетъ Господь въ душу грѣшника... Плачьте надъ нимъ, онъ достоинъ вашей жалости, ибо не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью...“

И вдругъ Даніилъ остановился, обвелъ всѣхъ глазами и, забывъ гдѣ онъ, что говоритъ, кто его слушаетъ, продолжалъ, ни къ кому не обращаясь, точно отвѣчая на свои мысли:—Такъ отчего же не покончитъ онъ съ этой пыткой? Отчего не сознается? Если у человѣка нарывъ, онъ идетъ къ врачу и вскрываетъ его и выпускаетъ гной. А если душа болитъ у него, онъ запирается одинъ въ четырехъ стѣнахъ, бодрствуетъ, когда всѣ спятъ, страдаетъ и самъ бередитъ свою боль и не имѣетъ силы положить ей конецъ. Когда же возьму я власть надъ собой? Каждый часъ, каждую минуту...“ И вдругъ онъ умолкъ, точно пробудившись отъ сна. Губы его что-то шептали, но слова не долетали до слушателей. Никто не понималъ, что случилось съ пасторомъ, но волненіе его уже сообщилось присутствующимъ. Страшное напряженіе чувствовалось въ церкви. Тамъ и сямъ раздались женскія всхлипыванья. Даніилъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и закончилъ спокойнымъ, но усталымъ голосомъ:—Горе этому человѣку! Онъ весь покрытъ язвами и гноемъ и нѣтъ ему спасенія ни на землѣ, ни на небесахъ!—Онъ спустился съ каѳедры, еле держась на ногахъ и съ невыносимой тоской на сердцѣ. Публика стала расходиться по домамъ, оживленно толкуя о новомъ проповѣдникѣ: онъ взволновалъ, потрясъ рѣшительно всѣхъ,—люди любятъ, когда имъ дергаютъ нервы и выводятъ изъ ежедневнаго полусоннаго благополучія.

Въ слѣдующіе два дня Даніилу почти не пришлось быть одному: къ нему заходили его товарищи—пасторы, пришлось побывать на двухъ-трехъ засѣданіяхъ. На третій день онъ получилъ телеграмму, что мать его внезапно скончалась отъ разрыва сердца.

Исчезновеніе брата попрежнему считалось загадочнымъ, и никакихъ слѣдовъ, никакого ключа къ этому таинственному происшествію не находили. Какъ ни странно, но первое извѣстіе принесло ему почти облегченіе,—точно сняли часть тяжести съ его души: онъ, кажется, всего больше боялся, что мать узнаетъ о преступленіи. Теперь онъ въ безопасности съ этой стороны. Въ то же время онъ нѣсколько успокоился

и въ томъ отношеніи, что чѣмъ позже найдутъ трупъ, тѣмъ труднѣе открыть преступника.

Однако, на станціи въ Ашероде его встрѣтилъ Краллъ и объявилъ ему, что наканунѣ вытащили изъ рѣки тѣло Фрица. Аптекарь сказалъ, что онъ предполагаетъ несчастный случай, но по нѣкоторымъ его намекамъ Даніилъ догадался, что онъ, также какъ и многіе другіе, скорѣе склоненъ заподозрить самоубійство. Послѣ поручика остались письма, свидѣтельствовавшія о крайне тяжеломъ состояніи его духа и запутанныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ. Долги его были также всѣмъ извѣстны, и при томъ въ кассѣ барона не досчитывались крупной суммы. Все это могло быть достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы поручикъ рѣшилъ покончить съ собой.

Даніилъ выслушалъ довольно запутанныя рѣчи Кралля, повидимому, совершенно спокойно, не дѣлая никакихъ возраженій; только предложилъ тотчасъ выплатить всѣ денежныя обязательства брата.

Старуха Клинггаммеръ и сынъ ея были погребены въ одинъ день, Фрица тоже хоронили по христіанскому обряду, такъ какъ его самоубійство не было доказано. Даніилъ встрѣтилъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ самое участливое отношеніе, ни въ комъ не промелькнуло ни тѣни подозрѣнія. Скоро два свѣже насыпанные холмика навсегда скрыли его тайну.

Наступилъ вечеръ. Пасторскій домъ погрузился въ полную тишину. Даніилъ мрачно бродилъ по комнатамъ, думая о Маріаннѣ, которая утромъ упала въ обморокъ и не была на похоронахъ. Вдругъ она вошла сама.

— Я тебѣ помѣшала?

— Нисколько. Тебѣ что-нибудь нужно?

— Если у тебя есть время, я бы хотѣла съ тобой поговорить.

— Садись, пожалуйста.

Онъ самъ удивился тому холодно вѣжливому тону, какимъ онъ говорилъ съ ней, точно съ чужой.

— Я хотѣла сказать тебѣ,—начала она медленно, точно съ трудомъ подыскивая слова,—я хотѣла тебя предупредить... если ты ничего не имѣешь противъ... я завтра хочу уѣхать къ своимъ родителямъ...

— Пожалуйста.

— Я распорядилась по хозяйству. Минна и сама, впрочемъ, все знаетъ лучше меня.

— Когда ты думаешь ѣхать?

— Завтра утромъ.

— Въ девять часовъ?

— Да.

— Такъ тебѣ лучше уложиться съ вечера.

Она кивнула головой.

— Мнѣ немного укладки. Я не раскладывала сундуковъ.

Она казалась еще блѣднѣе отъ траурнаго платья. Было что-то до того жалкое и печальное въ ея худомъ лицѣ, что въ немъ проснулось состраданье.

— Ну, прощай, будь счастливъ,—сказала она, поднимаясь со стула.

Она протянула ему руку, которую онъ едва могъ пожать отъ волненія. Не она была виновата, а онъ. По какому праву онъ разбилъ ея жизнь? Онъ обязанъ былъ возвратить ей свободу. То, что случилось, было невозможно, невѣроятно, и однако это была правда и съ ней надо было считаться.

— Останься минутку,—прошепталъ онъ.

— Если ты желаешь.

Оба сѣли.

— Не лучше ли тебѣ поѣхать куда-нибудь полѣчиться?—сказалъ онъ.

— Мнѣ тяжело среди чужихъ. Лучше я буду дома.

— Какъ долго ты думаешь тамъ пробыть?

— Не знаю, право, это отъ многаго зависитъ.

— Отъ чего же?

— Отъ... да отъ многаго.

— Маріанна...—Онъ остановился, переводя дыханіе.—Подумала-ли ты о томъ, какъ намъ жить дальше?

Она взглянула на него лихорадочно-блестящими, возбужденными глазами.

— А ты?

Оба молчали. Тяжесть давила ихъ обоихъ. Оба сбились съ пути и плутали во мракѣ. И вдругъ они разомъ почувствовали, что они не чужіе, что имъ легче раздѣлить горе и вдвоемъ нести одну общую ношу. Но имъ было трудно дать исходъ этому чувству.

— Ты, можетъ быть, мнѣ напишешь?—прошепталъ онъ.

— Хорошо, я напишу.

И опять оба замолчали. Черезъ минуту она заговорила, но такъ тихо, что слова еле долетѣли до его уха:

— Тебѣ нечего мнѣ сказать?

Онъ испуганно поглядѣлъ на нее. Вдругъ точно все перевернулось у него въ душѣ, и онъ жестко отвѣтилъ:

— Мнѣ кажется, у меня больше основаній задать тебѣ этотъ вопросъ.

— Ты знаешь мою вину передъ тобой, я въ ней тебѣ призналась.

— А мнѣ не въ чемъ тебѣ признаваться.

Она ничего не возразила, только нервная дрожь пробѣжала по ея лицу.

Онъ смотрѣлъ на нее озлобленнымъ взглядомъ затравленнаго звѣря, который ждетъ и боится нападенія и, чтобы предупредить его, готовъ ежеминутно броситься на врага.

— Я не знаю, какъ мы будемъ жить дальше,—возразила она, вставая съ мѣста.

— Да будетъ во всемъ воля Божія, — напряженно и неискренно отвѣтилъ Даніилъ.

Она пожала плечами, повидимому, удивилась и не поняла его и вышла изъ комнаты, не подавъ ему руки.

Маріанна пріѣхала домой въ сумерки. Она едва волочила ноги отъ усталости. Отецъ ввелъ ее подъ руку въ старый, совсѣмъ не измѣнившійся за эти годы домъ: тотъ же аптечный запахъ, тѣ же стклянки на окнахъ, та же лампа — подъ краснымъ абажуромъ. Всѣ дѣти и г-жа Кралль встрѣтили ее на крыльцѣ.

Посыпались поцѣлуи, рукопожатія, привѣтствія.

— Вотъ ты и дома, дѣточка,—радостно повторилъ г-нъ Кралль,—мы тебя живо вылѣчимъ!

Она силилась улыбнуться, но слезы сами собой текли по ея исхудалымъ щекамъ. Она молча кивнула головой и пошла въ свою комнату. Все было поставлено и прибрано, какъ во времена ея дѣвичества: цвѣты стояли въ вазочкахъ на столѣ, бѣлыя занавѣски колыхались въ открытыхъ окнахъ. Маріанна едва взглянула кругомъ, опустилась на первый стулъ и просидѣла до самаго ужина, не раздѣваясь и не шевелясь.

Потянулись безконечные, печальные дни: она почти не вставала съ кушетки и, забившись въ уголъ, смотрѣла прямо передъ собой сухими глазами. Она была сплошное страданье и не могла ни думать, ни разсуждать, ни анализировать. Она нашла у отца карточку Фрица и унесла ее къ себѣ.

Цѣлыми часами смотрѣла она на нее, изучая каждую черту, каждую складку, каждую тѣнь на лицѣ. Она вспоминала его слова, улыбки, движенія, и все казалось ей исполненнымъ особаго значенія. Она не понимала, какъ раньше не цѣнила той ласки, того тепла, которыя были скрыты въ каждомъ звукѣ его голоса, въ каждомъ его жестѣ. Съ болѣзненнымъ наслажденіемъ растравляла она свою рану этими воспоминаніями. Гдѣ-то извнѣ, далеко отъ нея, шла жизнь, всходило и заходило солнце, проносились тучи, благоухали цвѣты, люди копошились въ своемъ муравейникѣ, а она сидѣла одна съ мертвецомъ, сама полумертвая, и говорила съ нимъ, какъ съ живымъ. А когда дѣйствительность вновь вставала передъ ней во всемъ ея ужасѣ, такая безумная боль овладѣвала ею, что она хваталась за голову и кричала.

въ изступленіи: „Это неправда, это неправда!"—Жгучая ненависть загоралась въ ея глазахъ при мыслѣ о Даніилѣ: онъ былъ убійца. Она не сомнѣвалась въ этомъ ни минуты. Онъ пошелъ и убилъ брата. Толковали, что Фрицъ былъ пьянъ, что онъ нечаянно упалъ въ воду, что онъ утопился изъ-за долговъ, но она знала, что это ложь, что этого не могло быть. Убійца—Даніилъ, она могла поклясться, что это такъ, и ей хотѣлось пойти и выдать его: она думала, что его страданія принесутъ ей нѣкоторое облегченіе. Она не могла видѣть рѣшительно никого: необходимость оторваться отъ своей напряженной внутренней жизни, отвѣчать на вопросы, смотрѣть въ глаза людямъ была ей не подъ силу. Наконецъ, однажды, подъ вечеръ, она рѣшилась выйти изъ дому. Худая, блѣдная, въ своемъ траурномъ платьѣ она скользила, какъ тѣнь, инстинктивно сторонясь отъ прохожихъ и почти прижимаясь къ стѣнамъ домовъ. Она пришла на кладбище, къ могилѣ матери. Недавно былъ дождь, и крупныя капли временами падали съ деревьевъ. Въ воздухѣ чувствовалась прохлада и свѣжесть. Маріанна вдругъ вспомнила, какъ сидѣла нѣкогда на этой скамейкѣ съ Даніиломъ, вспомнила свое тогдашнее ощущеніе счастья и покоя, и слезы горячей струей хлынули изъ ея глазъ. — Жить дальше, чего-то еще ждать, на что-то надѣяться, чего-то желать... развѣ это возможно!? Вѣдь вотъ-же мать имѣла мужество покончить съ собой. И эта мысль, въ первый разъ такъ ясно вставшая передъ ней, не покидала ее больше. На утро она сошла въ аптеку, когда всѣ еще спали, но шкафъ съ ядами былъ запертъ на ключъ. Нѣсколько дней подъ-рядъ въ разное время пробовала она застать его открытымъ, пока, наконецъ, самъ г-нъ Кралль не обратилъ на это вниманія и сталъ внимательнѣе наблюдать за ней и прятать ключи. Тогда она вспомнила, что въ погребѣ всегда хранится большой запасъ хлороформу. Достать его не представляло никакихъ затрудненій. Маріанна отлила большую стклянку и спрятала у себя въ комнатѣ. Она рѣшила покончить съ собой въ этотъ же вечеръ: на утро былъ день ея рожденія, и ей по какому-то ребячеству не хотѣлось его пережить. Она едва прикоснулась къ ужину и сидѣла, не замѣчая никого изъ присутствующихъ, не слыша ихъ вопросовъ. Наконецъ, она встала, поцѣловала мачиху, попрощалась поочередно со всѣми ребятишками, приласкала съ особенной нѣжностью младшаго, своего любимца.

— Покойной ночи!—еще разъ сказала она въ дверяхъ, обращаясь ко всѣмъ разомъ, и прошла въ сосѣднюю комнату, гдѣ отецъ сидѣлъ за роялемъ. Онъ вскочилъ при ея входѣ.

— Какъ я радъ тебя видѣть, дѣточка! — Поди сюда, присядь!

— Я хотѣла только съ тобой попрощаться!

— Побудь со мной минуточку. Отчего ты забросила музыку? Ты такъ хорошо играла.

— Я могу опять за нее взяться!—отвѣтила она, не давая себѣ отчета въ своихъ словахъ.—Покойной ночи! Чего ты такъ на меня смотришь?

— Какъ ты похожа на свою мать!

— Да?

— Просто удивительно.

Она пожала плечами и, безпокойно озираясь, старалась высвободить свою руку, которую Краллъ нѣжно пожималъ.

— Какъ давно умерла твоя мать! Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Мы были пять лѣтъ женаты: я и теперь вспоминаю это время, какъ короткій, прекрасный сонъ.

— Покойной ночи, отецъ!

Онъ не выпускалъ ея руки.

— Завтра день твоего рожденія. Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать четыре.

— Твоя мать умерла какъ разъ двадцати четырехъ лѣтъ.

Онъ грустно покачалъ головой.

— Такъ молода! Двадцать четыре года! Многія женщины только въ это время замужъ выходятъ. Для тебя еще, въ сущности, жизнь едва начинается. Такъ молода, такъ молода. Знаешь ли, одного у твоей матери не хватало: терпѣнія! Будь она терпѣливѣе—и ей самой и всѣмъ кругомъ жилось бы легче.

— Покойной ночи, папа!

— Покойной ночи, дѣточка! Будь счастлива.

Она взбѣжала по лѣстницѣ съ лихорадочной поспѣшностью.—Терпѣніе! — съ горечью думала она. — Живите вы, терпѣливые и покорные, а я больше не могу.

Она заперлась на ключъ, плотно закрыла окно и заколола занавѣси. Потомъ постлала постель, достала губку и хлороформъ и написала свою послѣднюю волю, по которой все ея имущество переходило къ отцу, а послѣ его смерти должно было быть раздѣлено между дѣтьми. Для Даніила деньги всегда были лишнимъ бременемъ. Надъ лампой кружилась ночная бабочка. Ей стало жаль этой маленькой жизни, которая должна будетъ кончиться вмѣстѣ съ ней отъ хлороформа, она поймала бабочку и выпустила ее, слегка пріотворивъ окно. Маріанна нервно ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Снизу доносились звуки рояля. Это раздражало ее: ей хотѣлось тишины и покоя. Но сердце ея билось тре-

зожно, и со дна души поднималась безумная жажда жизни, которую она тщетно старалась заглушить.

Она остановилась передъ постелью:—Завтра меня найдутъ здѣсь холодной и бездыханной, — подумала она. — Пріѣдетъ Даніилъ, увидитъ меня... — При этомъ воспоминаніи вся ея ненависть вспыхнула съ новой силой.

— Надо написать ему письмо, высказать все передъ смертью. Пусть онъ пойметъ, почувствуетъ свою вину.

Со страшной горечью думала она о прошломъ.

Она довѣрчиво пошла къ нему, замкнутому и одинокому. Она согрѣла его своей лаской и любовью. Она ничего не требовала для себя, кромѣ права любить его. Она несла ему свою дѣтски открытую, нетронутую душу... А чѣмъ онъ отвѣтилъ ей? Онъ отталкивалъ ее, лгалъ ей, обманывалъ ее и, наконецъ, довелъ до отвращенія къ нему. И тогда-то въ ней вспыхнула эта пагубная страсть. Онъ, одинъ онъ, виноватъ во всемъ. И когда она полюбила другого, когда для нея зажегся новый свѣтъ, онъ загасилъ его, отнялъ у нея послѣднюю возможность жить.

— Ты виноватъ, ты виноватъ, — повторяла она съ озлобленіемъ. — Я боюсь смерти, я хочу жить. Мнѣ тяжело, мнѣ страшно. Я люблю жизнь. Но ты отравилъ мнѣ ее, и теперь я не могу больше жить. И я ненавижу тебя. Я хочу, чтобы ты страдалъ. И ты будешь всю жизнь мучиться этимъ воспоминаніемъ.

Внизу хлопнула дверь. Она вздрогнула На лѣстницѣ послышались шаги, потомъ шепотъ, сдержанный смѣхъ. Маріанна встала со стула, рѣшительно ничего не понимая. Она была въ такомъ возбужденіи, что дрожала съ головы до ногъ. Наконецъ все стихло. Она тихонько отворила двери и вышла съ лампой на площадку на лѣстницѣ. На столикѣ у самой ея двери лежали приготовленные дѣтьми подарки ко дню ея рожденія: портретъ ея матери, въ красивой рамкѣ, букеты цвѣтовъ и тутъ же большой листъ бумаги и на немъ старательно написанное неумѣлой рученкой поздравленіе и подпись „твой милый Максъ“. Она невольно сдѣлала движеніе впередъ, взяла цвѣты и прижала ихъ къ лицу; на нее повѣяло тепломъ и лаской отъ этихъ наивныхъ выраженій дѣтской любви. Внутренній голосъ, который она тщетно старалась заглушить, еще громче и настойчивѣе сталъ звать ее къ жизни. Жить, дышать, видѣть солнце, небо, зелень, цвѣты, чувствовать біеніе сердца и любить, широко любить весь Божій міръ и эти бѣлокурыя дѣтскія головки... Но нѣтъ ей мѣста на землѣ, надо умереть. Она сѣла къ столу, чтобы написать мужу, но не могла больше найти въ себѣ прежней ненависти. Куда она вдругъ исчезла?

— Если Даніилъ виноватъ передо мной, то и я не права передъ нимъ, — неожиданно подумала она, и чуткая совѣсть привела ей длинный рядъ ея проступковъ противъ мужа. И она лгала ему, скрывая свою страсть, и она была нетерпима и требовательна... Вдумалась ли она хоть разъ серьезно въ его внутреннюю жизнь? Поняла-ли она его страданія? И ей въ первый разъ представилась душа ея мужа во всей ея сложности, она почувствовала, какъ много пережилъ онъ за это время, и слезы жалости хлынули у нея изъ глазъ. Она представила себѣ, какъ тяжело живется ему въ Шверенбергѣ, и какъ должно его давить одиночество. Она достала изъ письменнаго стола его послѣднее письмо, которое бросила въ ящикъ, даже не распечатавъ. Быстро разорвавъ конвертъ, она стала читать: въ каждой строкѣ сквозила такая тоска, такой душевный мракъ. И ея собственное горе показалось ей блѣднымъ и ничтожнымъ рядомъ съ мученьемъ этого человѣка. Мысль о смерти отошла далеко, показалась невозможной...

Маріанна распахнула окно. Свѣжій ночной воздухъ ворвался въ душную комнату. Лунный свѣтъ легъ широкой полосой на полу. Издалека доносилось журчанье воды, и шаги ночного сторожа гулко отдавались по пустынной площади. Маріаннѣ вспомнилось, какъ она сидѣла много лѣтъ назадъ у этого самаго окна въ такую же ночь и думала о своемъ будущемъ. И теперь есть у нея это будущее, какой-то свѣтъ, еще неясный, чуть брежжилъ вдали, какая-то надежда зарождалась въ душѣ... Она смотрѣла на залитый луннымъ свѣтомъ сонный городокъ, на темные силуэты деревьевъ, на высокую старую колокольню, и мысль о смерти отодвигалась все дальше, а жизнь все громче и настойчивѣе заявляла о своихъ правахъ.

Наконецъ Маріанна легла въ постель и въ первый разъ послѣ многихъ недѣль заснула глубокимъ, спокойнымъ сномъ. Рано утромъ ее разбудили за дверью дѣтскіе голоса: — Вставай! мы пришли тебя поздравить!—Она быстро вскочила съ постели и начала одѣваться. Но возрожденіе наступало постепенно. Ей попрежнему всего легче было быть одной, но она уже не сидѣла безвыходно въ комнатѣ, а бродила по полямъ и лѣсамъ. Всю свою прошлую жизнь она переживала день за днемъ, стараясь дать себѣ отчетъ во многомъ, что прежде она воспринимала безсознательно.

Однажды, когда никого не было дома, она отнесла карточку Фрица къ отцу въ кабинетъ и положила на прежнее мѣсто. Въ душѣ ея смутно шевелилась мысль:

— Онъ умеръ, погибъ навсегда, и слезы мои не вернутъ его къ жизни. Надо жить и не тратить безплодно времени.

И старая боль мало по малу утихала, образъ его поблѣднѣлъ, его слова потеряли прежнее значеніе. Иногда она вспоминала, какъ о страшномъ кошмарѣ, о времени своего безумнаго увлеченія. Чѣмъ быстрѣе подвигалось ея выздоровленіе, тѣмъ сильнѣе сказывалась въ Маріаннѣ потребность въ общеніи съ живыми людьми. Прежде всего къ ней получилъ доступъ маленькій Максъ, проводившій иногда съ ней цѣлые дни и доставлявшій ей много радости. Потомъ она заинтересовалась своей сестренкой, подросткомъ лѣтъ 13, и съ удивленіемъ нашла въ ней многія чувства и мысли, волновавшія ее самое въ этомъ возрастѣ. Дѣвочка была немного дикая и замкнутая, но, привязавшись къ Маріаннѣ, отдалась ей сразу всѣмъ сердцемъ. Для Маріанны наступило время душевнаго покоя и тихой радости. Она точно поправилась послѣ тяжелой болѣзни, и все радовало и тѣшило ее, какъ ребенка.

И физически она стала поправляться: краски вернулись на лицо, она пополнѣла, глаза приняли болѣе спокойное выраженіе.

Она часто думала о Даніилѣ, вчитывалась въ его письма, стараясь угадать по нимъ его душевное состояніе. Если бы она знала, что онъ нуждается въ ней, и она можетъ принести ему облегченіе, она давно была бы у него. Но въ письмахъ его она не находила ни малѣйшаго намека на то, что онъ желаетъ ее видѣть.

Между тѣмъ, она стала замѣчать что-то новое и для нея необъяснимое въ состояніи своего здоровья. Она обратилась къ доктору, и тотъ сказалъ ей, что она беременна.

Маріанна съ радостью приняла это извѣстіе. Она не боялась, какъ прежде, страданій. Мысль о новомъ маленькомъ существѣ, которое получитъ жизнь отъ нея, наполняла душу ея безпредѣльнымъ, тихимъ счастьемъ. Материнство было для нея настоящимъ воскресеньемъ къ новой жизни.

Она написала мужу, что хочетъ и должна къ нему пріѣхать.

Черезъ два дня пришелъ отвѣтъ отъ Даніила, что онъ ждетъ ее.

Даніилъ жилъ въ Шверенбергѣ со старой служанкой, которую привезъ изъ Ашероде.

Онъ спѣшно переѣхалъ изъ прежняго жилища, такъ какъ пустота его большого дома угнетала его, и надѣялся на новомъ мѣстѣ быстрѣе справиться съ тяжелыми воспоминаніями. Онъ горячо принялся за работу; ему было страшно остаться хоть минутку наединѣ съ собой, и все свободное время онъ посвящалъ бѣднякамъ своего прихода. Не было такого чердака и подвала, куда бы онъ не заглянулъ, не

было бѣдняка, которому бы онъ не помогъ словомъ и дѣломъ. Это обратилось въ фанатизмъ: онъ лишалъ себя необходимаго, раздавая направо и налѣво рѣшительно все. Его сотоварищи не особенно долюбливали его, за то среди населенія онъ быстро пріобрѣлъ популярность. Проповѣди его имѣли выдающійся успѣхъ: онъ говорилъ только на одну тему: „о больной совѣсти, о мученіяхъ кающагося грѣшника, о томъ, что люди прогнѣвили Господа и забыли Его, что грѣхъ и страданье неразлучны, и что, только вернувшись къ Богу, обрѣтемъ мы миръ и покой.

Каждое воскресенье церковь была переполнена народомъ, и слава его все возростала.

Но иногда на него нападало прежнее сомнѣніе, вѣра его колебалась, и тогда мученія его становились невыносимы, и онъ еще страстнѣе, еще лихорадочнѣе набрасывался на всякую дѣятельность.

Прошло шесть мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстался съ женой. Когда пришло извѣстіе о ея пріѣздѣ, имъ овладѣла безумная радость. Точно сердце его, замершее, остановившееся на долго, вдругъ снова начало биться. Онъ самъ прошелъ по всѣмъ комнатамъ, присмотрѣлъ за уборкой, велѣлъ заправить лампы, хотѣлъ купить цвѣтовъ... и почему-то остановился. Волнуясь отъ ожиданія, онъ пришелъ на станцію задолго до прихода поѣзда.

Но какъ только Маріанна вышла, лицо его приняло прежнее холодное выраженіе, исключавшее всякую возможность близости и задушевности. Онъ казался всего больше озабоченнымъ багажемъ и носильщикомъ. Маріанна, высоко поднявъ мѣховой воротникъ пальто, не глядѣла на него и не говорила ни слова.

Они долго молчали. Наконецъ, она спросила его о здоровьи, а также здоровъ ли Вальтеръ. Даніилъ сухо отвѣтилъ, что Вальтеръ настолько плохъ, что былъ вынужденъ уѣхать съ женой на югъ.

Опять оба замолчали. Разговоръ не клеился. Даніилъ временами взглядывалъ на жену: онъ замѣчалъ въ ней, очевидно, перемѣну, но не могъ дать себѣ въ ней отчета. Было что-то страдальческое въ ея блѣдномъ лицѣ, въ густой синевѣ, оттѣнявшей глаза, но въ выраженіи самихъ глазъ лежалъ глубокій покой. Одно мгновеніе ему пришло въ голову, что это тоже одинъ изъ признаковъ, и, быть можетъ, самый грозный, ея болѣзни. Имъ овладѣло чувство состраданія, сердце его смягчилось, слова любви и участія просились съ языка, но точно какая-то чуждая сила замкнула ему уста. Онъ отвернулся, и они молча проѣхали всю дорогу до дому.

Маріанна прошла переодѣться въ спальню. Даніилъ ждалъ

ее въ столовой. Наконецъ, она вошла. Даніилъ всталъ и сдѣлалъ шагъ къ ней навстрѣчу.

Она была въ легкомъ свободномъ капотѣ, и онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, какъ пополнѣла ея тонкая и стройная талія.

— Что ты?—спросила она съ болѣзненной усмѣшкой.

— А что?

— Ты такъ на меня смотришь?

— Да, я смотрю на тебя...

— Даніилъ, вѣдь ты знаешь изъ моего письма... я вѣдь тебѣ писала...

— Что?

— Такъ ты не читалъ его?

— Читалъ, и очень внимательно.

— Ну, такъ ты теперь и самъ можешь замѣтить...

Страшное подозрѣніе мелькнуло у него въ головѣ. Онъ смертельно поблѣднѣлъ.

— Скажи толкомъ, въ чемъ дѣло?

— Развѣ ты не видишь? Зачѣмъ ты мучишь меня?

— Я не понимаю, о чемъ ты говоришь.

Она близко подошла къ нему и, прямо смотря ему въ лицо, прошептала:

— У меня будетъ ребенокъ, Даніилъ.

Онъ судорожно схватился за спинку стула.

— Что ты говоришь?

— Что же въ этомъ удивительнаго?

— И ты... ты пріѣзжаешь ко мнѣ?..

— Къ кому же мнѣ идти, какъ не къ тебѣ?

Слезы выступили у нея на глазахъ. Она вся вспыхнула, потомъ поблѣднѣла... казалось, рѣзкій отвѣтъ готовъ былъ сорваться у нея съ языка, но она удержалась.

— Когда долженъ родиться ребенокъ?

— Высчитай, это не такъ трудно. Двѣнадцатаго мая, если ты припомнишь...

Онъ отвернулся и отошелъ къ окну. У нея долженъ родиться ребенокъ, и она поступаетъ такъ, точно это ребенокъ его. Она лжетъ! Ребенокъ отъ другого. Ей ничего не остается, какъ лгать. Его будетъ называть отцомъ дитя, настоящаго отца котораго онъ убилъ. Это будетъ плоть отъ плоти, кровь отъ крови Фрица, и онъ опять будетъ стоять между ними.

Онъ хотѣлъ было броситься на жену въ порывѣ бѣшенства, но сдержалъ себя и продолжалъ упорно смотрѣть въ окно, гдѣ вѣтеръ сердито раскачивалъ обнаженныя деревья. Цѣлый мѣсяцъ Даніилъ точно предчувствовалъ новый грозный ударъ, — и вотъ онъ поразилъ его. Это было самое

ужасное, до чего онъ не доходилъ даже въ своемъ больномъ воображеніи.

Служанка вошла и принесла обѣдъ.

Онъ сѣлъ за столъ, но не могъ ѣсть и отодвинулъ тарелку.

— Ты не голоденъ?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Ты такъ плохо выглядишь, Даніилъ,—сказала она съ тревогой.

Онъ посмотрѣлъ на нее, удивленный тономъ ея голоса. Вдругъ ему пришло въ голову, какъ-бы онъ былъ счастливъ, если бы она осталась его женой, и этотъ ребенокъ былъ бы его.

Онъ вскочилъ съ мѣста и быстро вышелъ, удерживая рыданіе.

Со времени возвращенія Маріанны, Даніилъ съ каждымъ днемъ все напряженнѣе чувствовалъ, что жизнь не можетъ долго такъ продолжаться, что это состояніе должно разрѣшиться катастрофой. И его отношенія съ женой, и его внутренняя жизнь становились съ каждымъ днемъ все сложнѣе и тягостнѣе.

Около новаго года вернулся изъ-за границы Вальтеръ и однажды вечеромъ зашелъ къ Даніилу. Онъ еще больше похудѣлъ и посѣдѣлъ и съ перваго взгляда бросалось въ глаза, что онъ не проживетъ долго.

Пріятели сидѣли, молча. Разговоръ не клеился, точно какая-то стѣна стояла между ними. Время отъ времени они обмѣнивались короткими фразами о домашнихъ дѣлахъ. Какъ-то Вальтеръ коснулся ихъ общихъ религіозныхъ убѣжденій, но тутъ Даніилъ вдругъ вспыхнулъ и сталъ горячо доказывать противное тому, что онъ всегда думалъ. Вальтеръ до того удивился, что въ первую минуту даже не нашелъ возраженій, всталъ, взялъ шляпу и молча вышелъ изъ комнаты: Клингаммеръ, его первый другъ, товарищъ его юности, съ которымъ они вмѣстѣ прошли черезъ всѣ сомнѣнія, вмѣстѣ искали и, казалось, нашли истину — теперь на сторонѣ его враговъ! Это былъ для него сильный и неожиданный ударъ. Въ передней онъ наткнулся на Маріанну, блѣдную и дрожащую.

— Не уходите! мнѣ надо съ вами поговорить.—Она взяла его за руку и повела къ себѣ въ комнату. Когда онъ сѣлъ, она заперла дверь на ключъ, подошла къ нему и прошептала:

— Я виновата въ томъ, что онъ сталъ такимъ!

— Вы?

— Да, да, я. Я его довела до этого.

— Я васъ не понимаю,—сказалъ Вальтеръ, подумавъ съ минуту. — Какъ могли вы довести его до такого состоянія?

— Я, я одна во всемъ виновата!

Она совсѣмъ нагнулась къ нему.

— Я не послушалась вашего совѣта, я всетаки хотѣла его бросить. Я ему на слѣдующее утро во всемъ созналась. И тогда онъ... т. е. тогда его братъ утопился...

Она вдругъ схватила руку Вальтера:

— Онъ убилъ его!—сказала она чуть слышно.

Въ комнатѣ было темно, только на полу лежала полоса свѣта отъ зажженнаго на улицѣ фонаря. Долго оба сидѣли молча, глядя другъ на друга.

— Онъ убилъ его, вѣрно, въ ссорѣ, въ тотъ же вечеръ и бросилъ трупъ въ рѣку.

— Откуда вы это знаете?

— Отъ него самого.

— Отъ него?

— Онъ говоритъ объ этомъ во снѣ. Я читала это между строкъ въ его письмахъ. Онъ думаетъ день и ночь только объ этомъ. Когда я это узнала, я его совершенно поняла. Онъ перемѣнился до неузнаваемости. Всѣ его мысли, всѣ поступки съ этимъ только связаны. И я тоже думаю теперь только объ этомъ одномъ. Какъ я могу ему помочь? Вѣдь я такъ же виновата, какъ и онъ. Я больше виновата. Я завела его такъ далеко. Я хочу все съ нимъ раздѣлить. У меня одно желаніе: помочь нести это бремя. Но что мнѣ дѣлать, чтобы облегчить его?

Вальтеръ безнадежно поникъ головой.

— Это такъ ужасно, что я не въ силахъ этому повѣрить.

— Однако, сомнѣній нѣтъ.

Опять оба замолчали.

— Научите меня, что дѣлать?

— Если это такъ, то я знаю лишь одно средство.

— Какое?

— Онъ долженъ сознаться въ своемъ преступленіи.

— И дальше?..

— Перенести всѣ послѣдствія.

Маріанна и сама такъ думала, та же мысль преслѣдовала и Даніила, о ней онъ говорилъ и днемъ, когда считалъ, что его никто не слышитъ, и ночью—во снѣ.

— Вы думаете, онъ долженъ отдать себя въ руки правосудія?

— Да, я такъ думаю.

— Вы знаете, чѣмъ это грозитъ? Если бы онъ самъ этого захотѣлъ, я бросилась бы передъ нимъ на колѣни и молила-бы его не дѣлать этого. Развѣ онъ уже не искупилъ своего

преступленія тысячу разъ? И если судить по совѣсти, то я должна быть строже наказана, чѣмъ онъ. Но мнѣ все сойдетъ даромъ! Нѣтъ, это невозможно.

— Вы меня спрашивали, какъ ему помочь. Я не знаю другого способа.

— Если бы онъ довѣрялъ мнѣ! Но онъ отталкиваетъ меня отъ себя. Онъ точно не можетъ переносить моего присутствія. У него нѣтъ никого на свѣтѣ, ни одного человѣка! Если бы вы могли понять, какъ онъ мучается! Мнѣ кажется иногда, что онъ сходитъ съума. Что это? Прислушайтесь, посмотрите...

Дѣйствительно, входная дверь хлопнула и въ ту же минуту они увидѣли темную тѣнь, которая медленно и неувѣренно пробиралась по стѣнкѣ домовъ. Оба узнали Даніила.

— Я пойду за нимъ!—крикнула Маріанна.

— Вы не догоните его!

— Я всегда боюсь, какъ-бы онъ чего надъ собой не сдѣлалъ.

Она выбѣжала изъ комнаты. Вальтеръ едва успѣлъ накинуть ей на плечи ротонду. Когда они вышли на улицу, Даніилъ заворачивалъ за уголъ.

— Я васъ провожу...

— Нѣтъ, останьтесь. Увидѣвъ насъ вмѣстѣ, онъ подумаетъ, что мы что-нибудь замышляемъ противъ него.

— Но вы не можете идти одна въ вашемъ положеніи!

— Мое положеніе! Его положеніе гораздо опаснѣе.

Она попрощалась съ нимъ и поспѣшила вслѣдъ за мужемъ.

Даніилъ шелъ, не зная самъ—ни куда, ни зачѣмъ онъ идетъ. Ему хотѣлось бѣжать, и онъ съ трудомъ удерживался, смутно сознавая, что это было бы смѣшно и удивило бы прохожихъ.

— Зачѣмъ я оскорбилъ его, моего лучшаго друга?—вертѣлось у него въ головѣ. И опять поднимался цѣлый вихрь мыслей. Фрицъ, Маріанна, ребенокъ... И онъ чувствовалъ, что это мученіе не оставитъ его никогда, до самой смерти. Что дни, мѣсяцы, годы будутъ проходить въ этой тупой, безысходной тоскѣ, смѣняясь приступами острой боли. И такъ до конца, пока не прикроетъ его могильный камень. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, все новыя ошибки, новыя заблужденія. Не лучше ли сознаться? Но онъ понималъ, что раскается въ этомъ, какъ только за нимъ захлопнутся двери тюрьмы. Онъ хотѣлъ жизни, свободы!

Даніилъ не замѣтилъ, какъ вышелъ изъ города и попалъ въ лѣсъ.

Онъ думалъ свою думу: если бы было возможно начать

жизнь сначала! Боже, сколько людей повторяютъ эту безплодную мечту. И, однако, есть же счастливцы, которые умѣютъ веселиться и радоваться. И онъ вспоминалъ то счастливое время, когда шелъ съ Маріанной рука объ руку по залитой солнцемъ дорогѣ. Еще минуту, одну минуту такого счастья! Ему казалось, что онъ тогда легче переносилъ бы свои муки. Но ни онъ, ни Маріанна не могли бы снова пережить этихъ чистыхъ мгновеній. Прошлое было запятнано, и не смыть имъ никогда этого страшнаго пятна.

Шелъ снѣгъ. Даніилъ почувствовалъ усталость, больше отъ умственнаго напряженія, чѣмъ отъ ходьбы, и сѣлъ на скамью. Все было мертво подъ сплошнымъ бѣлымъ покровомъ; вдали звѣздочками мелькали фонари, и временами доносился глухой шумъ городка. Среди всѣхъ людей, кишѣвшихъ въ этомъ маленькомъ муравейникѣ, не было ни одного, къ которому онъ могъ бы пойти довѣрчиво и просто разсказать свои муки, попросить помощи, поддержки и совѣта. Какъ давило его одиночество. Онъ тупо смотрѣлъ на медленно падающіе снѣжные хлопья и не торопился идти домой. Развѣ тамъ не ждало его то же самое, та же отчужденность, та же одинокая, замкнутая въ себѣ скорбь. Вдругъ онъ увидѣлъ на дорогѣ какую то фигуру и услышалъ свое имя. Онъ не пошевелился и не откликнулся. Черезъ нѣсколько минутъ зовъ повторился.

Онъ узналъ голосъ Маріанны и вскочилъ:

— Я здѣсь!—крикнулъ онъ.

Она еще разъ позвала его, онъ отвѣтилъ, однако не двинулся ей на встрѣчу. Она подошла къ нему.

— Ты здѣсь, Даніилъ?

— Да. Зачѣмъ ты пришла сюда?

Ничего не отвѣчая, она опустилась рядомъ съ нимъ на скамью, задыхаясь отъ быстрой ходьбы.

— Маріанна, зачѣмъ ты пришла сюда?

— Я искала тебя.

— Что-нибудь случилось?

— Нѣтъ, ничего. Я боялась.

— Ну, такъ пойдемъ домой.

Она утомленно прислонилась къ спинкѣ и закрыла глаза.

— Подожди, дай мнѣ минутку отдохнуть.

— Чего ты боялась?

— Чего? Я за тебя боялась, ты такой... Я живу въ вѣчномъ страхѣ за тебя. Ты былъ такъ взволнованъ!

— И ты пошла вслѣдъ за мной?

— Да. Ты не сердишься?

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Теперь пойдемъ.

Онъ подалъ ей руку, и они пошли медленно, не говоря ни слова. Минутами, боясь поскользнуться, она крѣпче опиралась на его руку и прижималась къ нему.

Проходя мимо дома Вальтера, она робко спросила:

— Даніилъ, зачѣмъ ты такъ съ нимъ поступилъ?

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Почему? Неужели ты, дѣйствительно, теперь такъ думаешь?

— Да. Я не вѣрю больше. Я ни во что не вѣрю, я погибшій человѣкъ.

— Даніилъ, прости меня, намъ легче будетъ нести наше горе вдвоемъ.

— Я простилъ тебя. Но помочь ты мнѣ не можешь.

— Если ты будешь со мной попрежнему...

Онъ покачалъ головой.

— Мнѣ никто помочь не можетъ.

— Почему?

— Не спрашивай. Пойдемъ. Дома поговоримъ.

Они дошли до дому, не обмѣнявшись больше ни однимъ словомъ.

Онъ ждалъ въ своей комнатѣ, пока она переодѣнется. Когда она вошла, и онъ прочелъ въ глазахъ ея робкую просьбу, лицо его приняло, по обыкновенію, замкнутое, суровое выраженіе.

— Только бы ты себѣ не повредила,—сказалъ онъ сухо.

— Нѣтъ, все хорошо. Я рада, что я тебя нашла. Даніилъ, тебя мучитъ что-то. Я увидѣла это съ самаго пріѣзда.

— Я хочу быть съ тобой откровеннымъ,—перебилъ онъ ее.—Да, ты права. Меня мучитъ нѣчто, но я тебѣ не могу этого сказать. Не спрашивай лучше. Этого не разскажешь словами. Я долженъ самъ съ этимъ справиться. Одинъ. Я долженъ быть одинъ, Маріанна! Пойми это!

— И ты хочешь меня также бросить?

— Не сейчасъ, конечно. Мы потомъ рѣшимъ, какъ намъ поступить. Я не могу быть больше пасторомъ. У меня нѣтъ вѣры. Я не въ силахъ учить другихъ тому, чего не знаю самъ. Я—погибшій человѣкъ и долженъ одинъ нести свое бремя. Я хочу уѣхать. Куда-нибудь, гдѣ ни одинъ человѣкъ меня не знаетъ. Ты не должна ѣхать со мной. Я тебя только мучу.

— Ты не мучишь меня, Даніилъ.

— Но ты мучишь меня. Да, ты мучишь меня! Что насъ связываетъ? Нашъ бракъ разорванъ. Ты сама его порвала. А что разбито, того не возобновитъ никакая человѣческая сила. Если бы братъ былъ живъ, теперь ты была бы съ нимъ. Я не могу забыть, что ты со мной только благодаря этому

несчастью. Это уже не бракъ, а случайное сожительство двухъ чужихъ людей. Потому намъ лучше разойтись. Ты молода. Передъ тобой вся жизнь впереди. Ты можешь еще быть счастлива. У тебя есть ребенокъ, ты будешь не одна.

— Это вѣдь и твой ребенокъ, Даніилъ...

Онъ такъ посмотрѣлъ на нее, что слова застыли у нея на губахъ.

— Мой ребенокъ?!

Вся кровь отхлынула отъ ея лица. Она начинала понимать. Она хотѣла что-то сказать, но не смогла и со стономъ упала въ кресло.

Однажды вечеромъ Даніилъ засталъ у Маріанны доктора. Выходя, онъ въ передней задержалъ Даніила и шепнулъ ему:

— Вы должны поддержать вашу жену. Она женщина храбрая, но всетаки немного боится.

— Боится! Чего?—удивленно спросилъ Даніилъ.

— Боже мой! чего? Вѣдь первые роды не шутка для каждой женщины. А она такъ слаба. И при томъ, несчастный случай въ первый разъ...

— Да, конечно, — машинально отвѣтилъ Даніилъ, тутъ только въ первый разъ смутно почувствовавъ, что страдаетъ не одинъ онъ, а рядомъ идетъ другая жизнь, тоже не богатая радостями. Онъ до того былъ погруженъ въ самого себя, что совсѣмъ не думалъ о женѣ и ея состояніи, и теперь жалость и нѣжность къ ней вдругъ зашевелились въ его сердцѣ.

Маріанна вошла съ подносомъ въ рукахъ.

— Не носи тяжелыхъ вещей,—сказалъ онъ мягко, отнимая его отъ нея.

— Благодарю тебя,—отвѣтила она чуть слышно.

Онъ посмотрѣлъ на нее. Въ выраженіи ея лица былъ какой-то глубокій внутренній покой, глаза свѣтились тихимъ свѣтомъ.

Онъ взялъ ея руку.

— Ты боишься, Маріанна?

— Собственно, не боюсь,—это не то слово. Я только думаю,—ея голосъ слегка задрожалъ,—что я могу умереть.

Служанка внесла обѣдъ. Они сѣли за столъ. Маріанна подвинула блюдо Даніилу. Онъ не дотронулся до него, всталъ, подошелъ къ Маріаннѣ и, наклонившись къ ней, прошепталъ:

— Ты должна жить, Маріанна!

Она взяла его руку и прижалась къ ней щекой.

— Я могу жить только съ тобой, Даніилъ. Сядь около меня.

Онъ придвинулъ свой стулъ. Она не выпускала его руки изъ своей, а другой, свободной, гладила его по лицу и головѣ, точно этимъ прикосновеніемъ она вновь связывала его съ собой.

— Прости меня, Даніилъ, я тебѣ причинила много горя.

— Не говори объ этомъ!

— Отчего. Дай мнѣ высказаться, я такъ передъ тобой виновата. Но твое послѣднее подозрѣніе...

— Замолчи! Замолчи!—все лицо его исказилось.

— Почему?—спросила она испуганно.

— Замолчи! Ты не знаешь... Я не могу этого слышать!

Онъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ.

Въ ночь съ четверга на пятницу Маріанна почувствовала первые приступы болей. Она разбудила Даніила и ходила съ нимъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ты бы легла...—заботливо говорилъ онъ.

— Нѣтъ, я еще не хочу. Скажи мнѣ раньше, что ты простилъ меня, Даніилъ!

Онъ молча наклонилъ голову, не въ силахъ произнести ни одного слова.

— Ты былъ такъ добръ ко мнѣ, а я тебя отталкивала. Я не говорила тебѣ, что я чувствовала. Я ненавидѣла тебя. Прости меня.

— Не вспоминай объ этомъ!

— Нѣтъ, мнѣ надо высказаться. Потомъ будетъ поздно. Простилъ ли ты меня? Въ сердцѣ твоемъ нѣтъ больше злобы на меня?

— Нѣтъ! Нѣтъ! И ты... прости меня тоже!—коротко и рѣзко сказалъ онъ.

— Я прощаю тебѣ. Все. Слышишь, все?

— Да.

— Поцѣлуй меня.

Онъ прикоснулся губами къ ея лбу.

— Я теперь твоя жена, Даніилъ?

— Да.

— Я навсегда останусь съ тобой. Я теперь совсѣмъ другой стала. Я многому научилась не головой, а сердцемъ. Ты хочешь, чтобы я опять была твоя?

— Да.

— И ты ко мнѣ вернешься?

— Да.

— Правда? всѣмъ сердцемъ, Всей душой?

— Да, да!

Она испытующе взглянула на него. Лицо его выражало напряженное страданіе.

— Нѣтъ, ты лжешь!—вскрикнула она.

Онъ ничего не отвѣтилъ. У него не было силъ ни смотрѣть, ни думать иначе.

Она опять обвила руками его шею.

— Ты мнѣ не вѣришь? Почему?

Онъ смотрѣлъ внизъ.

— Ты думаешь, я что-нибудь отъ тебя скрываю?

— Нѣтъ.

— Отчего же ты меня отталкиваешь?

— Я не отталкиваю тебя.

— Нѣтъ, отталкиваешь. Ты не откровененъ. Если бы я могла увѣрить тебя въ моей любви, Даніилъ?

И, прямо смотря ему въ глаза, дрожащимъ отъ волненія голосомъ она сказала:

— Я больше виновата, чѣмъ ты. Я—главная причина всего, что случилось. Если я умру, подумай надъ этимъ. Ты мнѣ обѣщаешь?

Онъ закрылъ лицо руками.

— Замолчи, не мучь меня!—воскликнулъ онъ, наконецъ, раздирающимъ душу голосомъ.

— Ничего, все пройдетъ. Если я умру, ты долженъ найти силы жить. Люби ребенка.

Она пошатнулась отъ слабости и боли. Онъ взялъ ее на руки, отнесъ и положилъ на постель.

. . . .

Вернувшись въ свою комнату, онъ задумался. — Что ему сказала Маріанна? „Я больше виновата, чѣмъ ты“. Знаетъ она о его преступленіи? Хочетъ она, чтобы онъ во всемъ признался? О какой жизни говоритъ она? Какъ начать новую жизнь?—И опять два человѣка боролись въ немъ, и онъ не видѣлъ выхода. У него не хватало силъ ни одному справиться со своей совѣстью, ни цѣной наказанья купить себѣ душевный покой.

Временами, когда Маріаннѣ становилось легче, она звала его, онъ отиралъ потъ съ ея лба, смотрѣлъ въ ея измученное лицо, цѣловалъ ея влажную руку. Потомъ возвращался въ кабинетъ и снова принимался за свою внутреннюю работу. Онъ вертѣлся въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ. Голова у него горѣла. Онъ не замѣчалъ, какъ шло время, и удивился, когда оказалось, что Маріанна страдаетъ уже цѣлыя сутки. Служанка нѣсколько разъ предлагала ему поѣсть, но онъ отказывался; сна у него не было. Изрѣдка до него долетали нечеловѣческіе крики Маріанны. Онъ прислушивался, вздрагивалъ, на мгновеніе возвращался къ дѣйствительности,

а потомъ опять уходилъ въ себя и рѣшалъ неразрѣшимый вопросъ: какъ поступить?..

На другой день на разсвѣтѣ къ нему вошелъ докторъ.

— Я долженъ васъ предупредить, г-нъ пасторъ,—сказалъ онъ, — что положеніе вашей жены весьма серьезно. Приходится прибѣгнуть къ операціи, а она можетъ стоить жизни матери или ребенку. Я не могу приступить къ дѣлу безъ вашего согласія и согласія вашей жены.

Даніилъ смотрѣлъ на доктора, почти не слыша его словъ.

— Вы поняли меня, г-нъ пасторъ? Вашей женѣ предстоитъ серьезная операція, за исходъ которой я не ручаюсь. Мнѣ надо ваше согласіе.

— Что вы говорите?

— Пойдемте къ вашей женѣ.

Спальня была ярко освѣщена тремя лампами. У умывальника второй докторъ мылъ руки. Кровать стояла посреди комнаты. Маріанна лежала съ закрытыми глазами, почти безъ памяти. Только руки ея судорожно сжимали и разжимали одѣяло. Докторъ слегка приподнялъ ея голову.

— Пришелъ вашъ мужъ! Вы такъ много вынесли, такъ были мужественны, что у васъ хватитъ смѣлости еще на одинъ шагъ...

Она открыла глаза, взяла Даніила за руку и, обращаясь къ доктору, съ трудомъ произнесла:

— Я на все согласна, только бы ребенокъ былъ живъ. Выйдите, оставьте насъ однихъ.

Когда дверь затворилась, и они остались вдвоемъ съ Даніиломъ, она попыталась улыбнуться:

— Подвинься ближе. Мнѣ трудно говорить. Ты мнѣ вѣришь?

— Да, вѣрю!

— Ну, такъ я счастлива. Я оставляю тебѣ ребенка. Твоего ребенка. Онъ принадлежитъ тебѣ. У тебя останется хорошее воспоминаніе обо мнѣ?

Онъ не отвѣчалъ, едва сдерживая слезы. Она положила ему руку на голову.

— Что мучитъ тебя, Даніилъ?

Онъ вздрогнулъ, хотѣлъ что-то сказать, но губы его тряслись и не слушались его.

— Ты виноватъ въ смерти твоего брата?

Онъ выпрямился, точно собираясь возразить, но вдругъ поникъ головой и произнесъ, едва слышно:

— Да, я убилъ его.

Она пожала ему руку.

— Не надо плакать. Успокойся. Ты сдѣлалъ это для меня и изъ-за меня. Я больше виновата. чѣмъ ты.

Она помолчала, собираясь съ силами.

— Если я умру, я унесу съ собой и твое горе, и твою вину. Я любила тебя...

Ея голосъ становился все тише... Онъ не спускалъ съ нея глазъ.

Дверь тихо отворилась, и доктора вошли. Одинъ изъ нихъ тронулъ Даніила за плечо. Но Даніилъ не выпускалъ руки Маріанны; она сама высвободила ее ласково, тихо, какъ ребенка, уговаривая его уйти и не плакать. У дверей онъ обернулся еще разъ и встрѣтилъ просвѣтленный, почти радостный взглядъ ея лихорадочно блестѣвшихъ глазъ.

Онъ заперся въ кабинетѣ. Было холодно и темно. Разсвѣтъ чуть брезжилъ. Но на душѣ у него было свѣтло и радостно. Онъ сѣлъ къ столу и, не останавливаясь, точно все это было заранѣе обдумано и приготовлено, написалъ:

— 12-го мая прошлаго года я, Даніилъ Клинггаммеръ, пасторъ въ Шверенбергѣ, убилъ въ Ашероде брата моего Фрица и трупъ его бросилъ въ рѣку. Изъ трусости я скрылъ свое злодѣяніе. Теперь я сознаюсь въ преступленіи и желаю понести заслуженное наказаніе. Я хочу, однако, объяснить причины моего поступка... — и онъ съ полной искренностью передалъ душевное состояніе, приведшее его къ роковому исходу. Онъ запечаталъ конвертъ и адресовалъ его въ Гессенскій Окружной Судъ. Кто-то постучалъ въ дверь. Онъ отворилъ. Передъ нимъ стояла акушерка, протягивая ему маленькій бѣлый свертокъ.

— Дочь, г-нъ пасторъ. Поздравляю васъ съ дочкой!

Даніилъ отступилъ съ удивленіемъ.

— Операція удалась. Мать жива. Докторъ сейчасъ придетъ къ вамъ и самъ все разскажетъ.

Прошло томительныхъ четверть часа. Наконецъ, врачъ вошелъ.

— Ну, радуйтесь,—сказалъ онъ, — если не будетъ осложненій, ваша жена спасена!

— Могу я ее видѣть?

— Лучше подождать часокъ. Я васъ позову, когда будетъ можно.

Оставшись одинъ, Даніилъ снова сѣлъ за письменный столъ и написалъ письмо къ прокурору въ Гессенѣ, своему старинному товарищу, съ просьбой распечатать прилагаемый конвертъ черезъ двѣ недѣли по его полученіи.

Потомъ онъ самъ отнесъ оба пакета на почту.

Даніилъ сидѣлъ неподвижно у постели Маріанны. Въ комнатѣ было темно и тихо. Сидѣлка вязала чулокъ, докторъ задремалъ въ креслѣ. Только изрѣдка раздавался звонкій голосъ новорожденной. Тогда Маріанна открывала глаза, и слабая улыбка появлялась на ея серьезномъ, почти строгомъ лицѣ. Даніилъ думалъ только о ней, прислушивался къ ея дыханію, не спускалъ съ нея глазъ. Временами онъ взглядывалъ на часы: каждый часъ отдалялъ ее отъ смерти и увеличивалъ надежду на выздоровленіе. Когда смѣрили температуру, и докторъ объявилъ, что острая опасность миновала, послѣ перваго прилива радости, Даніилъ почувствовалъ, что дѣйствительность вступаетъ въ свои права, и ему надо подготовиться къ надвигающейся катастрофѣ. Тяжелое чувство тоски овладѣло имъ: ему предстояло бросить все,—возрожденную къ жизни и новому счастью Маріанну, ребенка, запереться въ тюрьму, пережить судъ, наказанье...

Черезъ нѣсколько дней онъ пошелъ къ адвокату и, разсказавъ ему всю исторію почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ написалъ ее прокурору,—спросилъ у него, подъ какую статью закона подходитъ его преступленіе, и что грозитъ ему. Адвокатъ отвѣтилъ, что это не есть предумышленное убійство, а непреднамѣренное дѣяніе, совершенное въ запальчивости и раздраженіи и имѣвшее смертельный исходъ. Въ немъ зародилась надежда на смягченіе своей участи, на возможность новой жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ твердое рѣшеніе не оправдываться и не защищаться, чтобы тѣмъ не умалить значенія своего признанія.

Прежде чѣмъ вернуться домой, Даніилъ рѣшилъ зайти къ Вальтеру. На дверяхъ была надпись: „просятъ не звонить“. Онъ тихонько постучалъ. Служанка открыла ему и сказала, что пасторъ очень боленъ, а жена его сейчасъ выйдетъ. Онъ сѣлъ и сталъ ждать. Въ комнатѣ было холодно, въ окно глядѣли сѣрыя сумерки, пыль нигдѣ не была стерта, цвѣты стояли не политыми.

Во всемъ чувствовалось запустѣніе, горе хозяевъ, близость смерти.

Вошла жена Вальтера.

— Ахъ, это вы! Наконецъ-то! Какъ онъ ждалъ васъ. Онъ все говорилъ о васъ. Я хотѣла за вами посылать!

— Очень онъ плохъ?

— Онъ при смерти.

— И нѣтъ надежды?

— Никакой, дни его сочтены.

Даніилъ вскочилъ:

— Это правда!? Боже! Можно мнѣ его видѣть?

— Хорошо, только я предупрежу Вальтера.

Она вышла. Черезъ минуту сидѣлка позвала его.

Вальтеръ до того исхудалъ, что тѣло его почти не выдѣлялось на постели. Лицо измѣнилось до неузнаваемости,—носъ заострился, глаза ввалились, кожа потемнѣла. Глубокое страданіе застыло во всѣхъ чертахъ. Жена и дѣти сидѣли около него. Увидѣвъ Даніила, онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы протянуть ему руку, но она безжизненно опустилась на одѣяло.

— Это ты, Клинггаммеръ? Подойди поближе.

Взволнованный Даніилъ подошелъ къ самой кровати.

— Дѣти, уйдите, оставьте насъ однихъ,—продолжалъ съ трудомъ Вальтеръ.

Всѣ вышли.

— Какъ живешь, Клинггаммеръ? Что вашъ ребенокъ?

— Онъ едва не стоилъ жизни Маріаннѣ.

— Она здорова теперь?

— Ей лучше. Вальтеръ, я очень виноватъ передъ тобой.

— Ничего не говори объ этомъ. Я знаю. Откинь занавѣси, дай мнѣ поглядѣть на Божій міръ.

Даніилъ исполнилъ его просьбу. Было почти темно, и въ окно была видна лишь часть сосѣдняго сада съ покрытыми снѣгомъ деревьями.

Когда онъ вернулся къ постели, умирающій спросилъ его:

— Ты поговорилъ съ женой?

— Она сама со мной заговорила, когда думала, что умираетъ. Она меня спросила, что меня мучитъ? Я ей сказалъ. Она это знала.

— Я тоже зналъ.

— Ты... тоже?

— Да, и это меня очень мучило. На что ты рѣшился?

Даніилъ разсказалъ. Но ему трудно было говорить. Его не покидала мысль, что передъ нимъ умирающій, и что съ нимъ вмѣстѣ сходятъ въ могилу его юность, его надежды, его взоры въ свѣтлое будущее для себя лично и для всего человѣчества.

— Очень тебѣ плохо?—наконецъ, перебилъ онъ самъ себя.

— Нѣтъ, ничего, терпѣть можно. А вотъ ты настрадался, бѣдный! Что-же, теперь тебя ожидаетъ наказаніе?

— Да.

— Ничего, снеси его, это облегчитъ твою совѣсть. Жизнь такъ справедлива! Въ ней все совершается по строгимъ законамъ.

Онъ остановился, еле переводя духъ, медленно и тихо произнося слова:

— Законы духа такъ же строги, какъ и законы математики.

Когда меня не будетъ, не оставляй моихъ дѣтей. Передай имъ то, во что я вѣрилъ всю мою жизнь.

Онъ замолчалъ. Черезъ минуту продолжалъ съ усиліемъ:

— Ненависть губитъ людей, любовь спасетъ ихъ. Кто ненавидитъ, тому міръ—пустыня, кто любитъ—для того жизнь счастье. Научи дѣтей моихъ любить людей и вѣрить въ то, что Богъ живетъ въ душѣ каждаго.

Онъ произнесъ послѣднія слова едва слышно.

— Я усталъ. Прощай. Больше не увидимся. Будь счастливъ.

На слѣдующій день Маріанна въ первый разъ встала съ постели. Передъ обѣдомъ зашелъ докторъ и сказалъ, что Вальтеръ ночью скончался.

Когда Даніилъ остался вдвоемъ съ Маріанной, онъ взялъ ее за руку:

— Маріанна, не волнуйся тѣмъ, что я тебѣ скажу, ты должна имѣть силу это перенести.

Она испуганно поглядѣла на него. Она, казалось, догадывалась, что онъ хочетъ сказать.

— Будь мужественна, Маріанна. Не думай о завтрашнемъ днѣ. Думай о далекомъ будущемъ. Я долженъ попрощаться съ тобой и нашей дочкой на долгое, долгое время.

— Почему?—спросила она съ трепетомъ.

— Я признался въ своемъ преступленіи и долженъ понести наказаніе.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

— Я не могъ поступить иначе. Я долженъ сбросить эту тяжесть съ моей души. Будь сильна духомъ. Думай о нашемъ ребенкѣ. То, что мнѣ предстоитъ, гораздо легче того, что я уже пережилъ. Будемъ надѣяться на лучшее будущее, Маріанна!

Она съ рыданіемъ припала къ нему.

— Не дѣлай мнѣ этотъ шагъ еще труднѣе. Помоги мнѣ.

Она съ усиліемъ поборола себя.

— Да, я поддержу тебя. Наша жизнь еще не окончена. Будемъ глядѣть смѣло впередъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Даніила судили. Присяжные признали его виновнымъ въ убійствѣ брата, но заслуживающимъ снисхожденія. Его приговорили къ пяти годамъ тюремнаго заключенія.

Конецъ.

* * *

Небо, солнце да вольный просторъ!
Золотая, лучистая мгла
Сѣтью тканой далёко легла...
Вплоть до синихъ и дремлющихъ горъ—
Небо, солнце да вольный просторъ!

Здѣсь, надъ свѣтлою гладью морской,
Чайка, падая въ волны, плеснетъ;
Вспыхнетъ искрой и снова уснетъ
Море влаги и зыби стальной...
И опять безпредѣльный и ясный покой!

Но, побѣдно сбѣжавъ серебристымъ ключемъ
Со скалы на скалу въ изумрудномъ лѣсу,
Громкозвучную пѣсню поетъ Учан-Су;
То повиснетъ струей, то капризно дождемъ
Разсыпаетъ алмазныя капли кругомъ...

Наверху, высоко̀, гдѣ, какъ саванъ, снѣга
Закрывали вершину скалы,
Гдѣ неслись облака и кружились ѳрлы,
Гдѣ ничья не ступала нога,
Но, какъ саванъ, лежали снѣга,—

Отъ горячихъ лучей родился Учан-Су
И весной загремѣлъ межъ уступами скалъ,
И прозрачной струей онъ съ утеса упалъ

И запѣлъ въ изумрудномъ лѣсу:
„Отъ горячихъ лучей родился Учан-Су!"

Онъ стремится туда, гдѣ широкій просторъ,
Золотая лучистая мгла
Сѣтью тканой надъ моремъ легла,
Гдѣ до синихъ и дремлющихъ горъ—
Небо, солнце да вольный просторъ!

Ѳ. Н. Вербицкій.

Письмо съ Кубани.

(Нѣкоторые недочеты казачьей жизни).

— Какъ твои дѣла, Иванъ?

— Плохо.

— Что такъ?

— Та-акъ...

Онъ безнадежно махнулъ рукой.

Это былъ когда-то мой товарищъ по станичной школѣ и послѣ школы; потомъ я уѣхалъ изъ станицы и долго скитался по бѣлу-свѣту, и теперь мы встрѣтились. Человѣкъ лѣтъ 28, средняго роста, онъ былъ худощавъ и черенъ, съ цыганскимъ выкатомъ темно-коричневыхъ глазъ. Ихъ, эту фамилію, такъ и называли у насъ цыганами; они и были цыгане, когда-то осѣвшіе отъ бродячей жизни и ставшіе казаками. Иванъ стоялъ, прислонясь спиной къ столбу крыльца, гдѣ мы встрѣтились, и большими глазами задумчиво-грустно смотрѣлъ на свои босыя и черныя ноги.

Я стоялъ противъ него.

— Ты у отца живешь?

— Нѣ-ѣтъ... Отошелъ...

— Что жъ, у тебя есть что-нибудь?

— Ничего нѣтъ. Жена да трое дѣтей...

— Ни саду, ни коровенки, ни телушки?

— Ничего.

— А конь?

— Строевой? Я отбылъ службу нестроевымъ.

Я вспомнилъ, что онъ, по одному физическому недостатку,— былъ зачисленъ въ полкъ нестроевымъ. Коня ему, слѣдовательно, ненужно было.

— Что жъ у тебя всетаки есть?

— Ничего. Я жъ говорю,—жена да трое дѣтей. Отецъ мнѣ ничего не далъ.

— А дать-то было что? У него и у самого, вѣрно, ничего нѣтъ?

Онъ опять махнулъ рукой.

— Ребятамъ служба подошла?—опять спрашиваю, точно слѣдователь.

— Да-а-а. Васька въ полку, а на весну еще двоихъ въ полкъ. Мишкѣ нонѣшней весною надо бы въ полкъ, да по несостоятельности до слѣдующей весны оставили.

— Значитъ, отцу только успѣвай справлять?

— Те-еперь ему хватитъ справки...

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе тяжелое, неупорядоченное, чѣмъ система отбыванія воинской повинности у казаковъ.

Я знаю всю семью Ивана. Мать умерла у нихъ рано, оставивъ ихъ—шесть человѣкъ мальчиковъ и одну дѣвочку—на рукахъ у отца. Отецъ изъ силъ выбивался, кормя, обувая и одѣвая эту ораву. Жили, росли, выросли. Сестру,—самая старшая,—выдали замужъ. За ней Иванъ. Женилъ его отецъ, чуть только исполнилось ему восемнадцать лѣтъ. Казаки вообще женятъ сыновей рано, а тутъ особенный случай: некому „ни пошить, ни помыть, ни хлѣба испечь, ни борща сварить“. Необходимы женскія руки.—Исполнился Ивану 21 годъ, взяли его на службу. „Справка“ (т. е. снаряженіе) обошлась относительно не дорого: ему не нужно было ни коня, ни сѣдла, ни шашки, ни всего прочаго, необходимаго строевому казаку. Провожалъ его отецъ на службу, а Василія женилъ. Черезъ два года и его проводилъ, уже въ строй, на собственномъ конѣ и въ собственномъ снаряженіи. „Справка“ Василія обошлась болѣе 250 р. „Изо всѣхъ силъ вытянулся“, продалъ скотины, продалъ хлѣба, продалъ вина, цѣлую зиму ребята возили лѣсъ — его продалъ, продалъ все, что можно было продать, „самъ съ дѣтьми нагишомъ остался“. И всетаки денегъ своихъ не хватило, пришлось взять изъ общественныхъ станичныхъ суммъ, слѣдовательно, задолжать... Ко времени выхода сыновей на службу запасовъ въ хозяйствѣ не оказалось. Чтобъ поставить на ноги такую обузу, какая осталась у него послѣ смерти жены,— „надо подумать“, какъ выражаются казаки.

Прошло еще два года, подоспѣлъ еще одинъ сынъ. Этого уже совсѣмъ не могъ „справить“; „по несостоятельности“ дано ему годъ льготы, а черезъ годъ и четвертаго провожать и тоже справлять. Значитъ, сразу двоихъ. Совсѣмъ сбился съ толку человѣкъ, „хоть вѣшайся“, а тутъ „за горло берутъ—давай, хоть роди—давай“...

Долженъ по шею, сыновья не справлены, въ домѣ нищета, голые и голодные, весной еще два работника уходятъ, а тамъ—еще два на очереди, еще предстоитъ „справка“ и ихъ. Потерялъ Морозъ (его фамилія) голову, „словно шалый ходитъ“, — „живого мѣста у него не осталось“...

Помню я его, когда ему было лѣтъ 32—34, а мнѣ 13—14. Это былъ крупный мужчина, рѣзкаго цыганскаго типа, сильный,

крѣпкій. Одинъ разъ, помню, были мы „на станичной работѣ“, поправляли общественную водопроводную канаву. Покончивъ свою „палку“, я въ ожиданіи, пока мнѣ отмѣряютъ другую, сидѣлъ на высокомъ валу канавы, а онъ работалъ въ канавѣ, внизу. Это былъ „огонь, а не человѣкъ“. Въ одно мгновеніе вырубилъ онъ заступомъ бурьянъ, выкидалъ на берегъ и сталъ копать. Въ какихъ-нибудь восемь-десять минутъ вышвырялъ землю на высокій валъ канавы, подравнялъ бока, подчистилъ дно и вылѣзъ, возбужденный, весь въ поту, съ разгорѣвшимся смуглымъ лицомъ и горящимъ взглядомъ большихъ цыганскихъ, черныхъ глазъ. Трепещущій, сильный,—онъ былъ просто великолѣпенъ въ своей тиковой рубахѣ, синихъ нанковыхъ штанахъ и кожаныхъ поршняхъ на-босу ногу.

Тогда жива была его жена, дѣтей хоть было и много, но много было и силы, были надежды впереди.

И видѣлъ я его теперь: истомленный и измочаленный, съ уродливо согнувшейся спиной, худой и изсохшій. Только глаза все тѣ же, но въ нихъ затаилась глубокая безконечная забота. Ему нѣтъ пятидесяти, а онъ смотритъ совсѣмъ старикомъ.

Народились внуки, семья огромная, работать не на чемъ, пара непарныхъ быковъ, долги, въ домѣ грязь, рвань одна, нищета; невѣстки, измучившіяся въ работѣ, сбитыя въ одну тѣсную хату, вѣчно голодныя и усталыя,—спорятъ, грызутся, ругаются; грязныя дѣти воютъ отъ толчковъ и отъ холода; всѣхъ раздражаетъ ихъ вой, всѣ злятся, пуще грызутся между собою, колотятъ дѣтей, ворчатъ другъ на друга. А надъ этой семьей еще страшнымъ кошмаромъ „справка“ виситъ. Справка двухъ человѣкъ, да двое ожидаютъ только весны, чтобы встать въ строй, и тоже не справлены. Вѣдь это вотъ сейчасъ надо не менѣе пятисотъ рублей, черезъ годъ еще 250—300, и еще 300 черезъ годъ. Въ три-четыре года эта семья должна добыть тысячу — тысячу двѣсти рублей и отдать куда-то, а сама остаться и голой, и голодной, и босой, и въ тѣсной, сырой, и холодной избѣ...

А вотъ другой примѣръ.

Платонъ Ткачевъ. Отецъ умеръ въ 1892 году отъ холеры, мать—черезъ годъ отъ чахотки. Дѣтей осталось пятеро,—старшей дѣвочкѣ четырнадцать лѣтъ, Платону тринадцать, далѣе двѣ дѣвочки, и самому меньшему мальчику—годъ. Осталось кой-какое хозяйство. Стали Платонъ и сестра работать. Работали съ дядей, мужемъ отцовой сестры. Выросли всѣ, выкормились, ни одного Платонъ „не пустилъ въ чужія руки“, самъ мальчикъ, а всѣхъ воспиталъ, двухъ сестеръ замужъ выдалъ, старшую и меньшую. Вышелъ изъ него на-диво умный и дѣльный парень. Конечно, руководилъ имъ первое время дядя, потомъ самъ сталъ распоряжаться. Хозяйство сберегъ, женился. Двое младшихъ дѣтей у него еще на рукахъ, но его взяли на службу. Служитъ

теперь, а самый младшій, двѣнадцатилѣтній Аѳанасій „дома орудуетъ". Видѣлъ я: нѣтъ силенки, а онъ, вылѣзая изъ кожи, снопы подаетъ... Это единственный въ домѣ „мужчина", „глава дома", „хозяинъ"; онъ и пашетъ, онъ и сѣетъ, и сѣно коситъ, и на мельницу ѣздитъ, возитъ изъ лѣсу дрова и хозяйственный инвентарь чинитъ,—словомъ, „самъ всѣмъ ворочаетъ"...

Приведу еще примѣръ знакомой мнѣ семьи.

Осталась вдова съ пятью дѣтьми. Старшему 8 лѣтъ, второму 6, потомъ двѣ дѣвочки, затѣмъ еще мальчикъ, грудной. Работать некому, нужда. Много было горя вынесено, много слезъ втихомолку пролито. Наконецъ, стали подрастать дѣти, стали помогать, легче стало. Поженила двухъ старшихъ, опять-таки чтобъ взять въ семью лишнія рабочія руки. Дочерей выдала замужъ. Взяли сыновей на службу, сначала одного, потомъ другого. Обоихъ справила, что ей стало болѣе 500 рублей, вошла въ долги. Сколько долгу—не знаю доподлинно, но, говорятъ, болѣе 300 рублей. Когда она ихъ выплатитъ? Работаетъ теперь со снохами и младшимъ сынишкой, ему 16 лѣтъ. Это—тоже „хозяинъ", „мужчина" въ домѣ. Этого мужчину тоже современемъ „справлять"...

Довольно примѣровъ. Я могъ бы привести ихъ сколько угодно, но довольно. Дѣло и безъ того ясно. Весь порядокъ отбыванія воинской повинности у казаковъ будто нарочито разсчитанъ на то, чтобъ раззорять человѣка. Чуть станетъ человѣкъ выбираться изъ нужды,—какъ идетъ служба и снова повергаетъ его еще въ горшую нужду. Я знаю хорошихъ хозяевъ, которые, послѣ того какъ „справили" нѣсколькихъ сыновей,—„приходили ни во что". Я знаю вдовъ, которыя провожали на службу единственныхъ своихъ сыновей, предварительно раззорившись на справку. Я знаю бѣдняковъ, которыхъ справили на общественныя средства, а потомъ отдавали, послѣ четырехъ лѣтъ службы, въ работники и заработокъ отбирали для погашенія долговъ.

Остается круглый сирота. Продаютъ его убогую „отцовщину" и вырученныя деньги отдаютъ опекунамъ для приращенія процентами. Растутъ деньги, растетъ и мальчикъ гдѣ-нибудь въ чабанахъ. Вы думаете, когда онъ станетъ совершеннолѣтнимъ, ему выдадутъ деньги, и онъ сразу обзаведется всѣмъ необходимымъ и станетъ хозяиномъ? Ничуть не бывало. Его прежде на эти деньги на службу справятъ, а потомъ уже, если останутся „лишнія",—отдадутъ ему. Очень часто наслѣднику отъ наслѣдства ничего не остается. Хорошо еще, если хватитъ „на справку", а то съ первыхъ же шаговъ „самостоятельной" жизни онъ еще войдетъ въ долги. Придетъ со службы,—дома пустырь, коня негдѣ поставить, а на шеѣ—долги...

Казаковъ давитъ поголовная военная служба и снаряженіе на службу за свой счетъ. Никакихъ льготъ по отбыванію воин-

ской повинности для казаковъ не существуетъ. Служатъ всѣ. Льготы по семейному положенію имѣютъ для нихъ лишь условное значеніе, именно—пользующіеся льготами освобождаются только въ томъ случаѣ, если, по размѣру наряда на дѣйствительную службу, къ тому представится возможность. Но „возможности" сплошь и рядомъ не представляется, нарядъ настолько великъ, казачьихъ полковъ столько, что дѣйствительную службу проходятъ почти всѣ казаки *). И мы видимъ: вся лучшая, молодая часть казачьяго населенія отъ хозяйства оторвана, занята службой. Хозяйство, расшатанное, порою совсѣмъ подорванное, задолженное предварительной справкой,—безъ работниковъ падаетъ совсѣмъ. Хорошо, если казакъ приходитъ домой и застаетъ свой дворъ цѣлымъ. А если онъ одинокъ, если не было дома мужчины? Плетни разгорожены, хата раскрыта, стропилы погнили, борона разсыпалась, не пахано, не сѣяно, хлѣба нѣтъ, сѣно не накошено, мать и жена босыя, дѣти оборваныя...

Съ ожесточеніемъ набрасывается казакъ на работу, рвется изо всѣхъ силъ, ворочаетъ за троихъ, ни днемъ, ни ночью покою не знаетъ,—и скоро изъ цвѣтущаго молодца превращается въ худую заморенную клячу. И пока онъ налаживаетъ хозяйство,—дѣти растутъ; чуть станетъ становиться на ноги,—вотъ она—справка. Рушится все снова, исчезаетъ трудъ его многихъ годовъ, въ прахъ разсыпаются мечты многихъ безсонныхъ ночей... Одинъ сынъ, два, три,—и хозяинъ, проклиная все и вся, „садится на мель". Опять та же бѣдность, нужда, долги...

Копаюсь какъ-то въ саду. Мимо идутъ двое дѣтей, — мальчикъ и дѣвочка. Въ мальчикѣ что-то рѣзко-типичное, будто знакомое.

— Ты чей?

— Мороза Ивана.

Да, да, узнаю: лупоглазый и черный... Цыганенокъ...

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Девятый...

Десять лѣтъ сроку Ивану. Что можно продать,—продадутъ, если еще будетъ что продавать; не хватитъ, — добавятъ „изъ общественныхъ", и останешься снова мыкать нужду, какъ теперь мыкаешь. Но теперь у тебя еще свѣжія силы, можетъ — надежды. А тогда?

Износились силы по чужимъ работамъ,
Изжевались зубы на хлѣбѣ съ пескомъ...

„Далѣе холодная, безнадежная старость... Вотъ твоя карьера"...—такъ думалъ я, глядя вслѣдъ удалявшимся „морозятамъ"...

---

*) Но и освобожденные отъ дѣйствительной службы по семейному положенію не избавляются отъ „справки". Они должны имѣть все, начиная отъ строевого коня и кончая „дратвой, шиломъ, мыломъ"...

Заработалъ Иванъ въ С—хъ сорокъ двѣ мѣры хлѣба, — привезть его не на чемъ. До С—къ верстъ сто. Возьметъ у когонибудь быковъ съѣздить за хлѣбомъ, а потомъ за нихъ двѣ недѣли работать. Выпроситъ быковъ за дровами въ лѣсъ поѣхать,—тоже надо отработывать, и такъ за все. Даромъ никто не поможетъ. Сможетъ-ли онъ при такихъ условіяхъ стать на ноги?...

А сколько такихъ „морозовъ"!

По положенію, величина станичнаго надѣла должна равняться тридцати десятинамъ на душу мужского пола. На самомъ дѣлѣ, такая норма существуетъ только въ Забайкальскомъ, Сибирскомъ и Уральскомъ войскахъ.

Затѣмъ всюду въ остальныхъ войскахъ надѣлъ много меньше. На Кубани онъ составляетъ только 7,7 дес. на душу; въ среднемъ по всѣмъ областямъ на душу приходится 15,9 дес.

Обязывая казаковъ поголовною военною службою, законодатель полагалъ, что ее можно нести на собственномъ вооруженіи и снаряженіи только въ томъ случаѣ, если казакъ будетъ владѣть тридцатью десятинами земли. Въ огромномъ большинствѣ казаки не имѣютъ и половины этого количества, — а тягости должны нести, какъ и при 30-ти десятинномъ надѣлѣ.

Было время, когда строевой конь стоилъ 40 руб., сѣдло—18 р. и переходило оно отъ дѣда къ внуку и т. д., когда „справка" стоила сущіе пустяки. Еще до 1893 года снаряженіе на службу стоило въ Терскомъ войскѣ 120 руб. Въ настоящее время одинъ конь стоитъ гораздо дороже.

Снаряженіе на службу казака въ Терской обл. стоитъ теперь 250 руб., *) въ Кубанской—300. Итакъ, 250—300 рублей чистыми деньгами, да еще трата времени на поиски коней!.. Но о потерѣ времени мы не будемъ говорить...

Такимъ образомъ,—земли, въ среднемъ, вдвое меньше, снаряженіе—вдвое и даже втрое дороже. Отсюда: тягости въ четырепять разъ больше, чѣмъ предполагалось, когда составлялось положеніе...

Отслуживъ четыре года въ строю, казакъ еще четыре-пять лѣтъ послѣ этого обязанъ содержать строевого коня, три-четыре года все, кромѣ коня, и пять—вооруженіе и снаряженіе. До 38 лѣтъ онъ—„служилаго состава" и долженъ по первому требованію явиться на службу „коннымъ и оружнымъ". Пусть у казака ничего нѣтъ, пусть онъ „голъ, какъ соколъ", пусть онъ голодаетъ съ женой и дѣтьми,—но онъ долженъ быть прежде всего „исправнымъ казакомъ", т. е. долженъ содержать коня и все, „что положено". „Исправность" его всегда провѣряется путемъ особыхъ смотровъ, устраиваемыхъ въ станицахъ. Своего собственнаго коня, купленнаго за свои кровныя денежки,—казакъ, ранѣе

*) „Русск. Инв." № 107, 191 и 193-й, 1903 г.

срока, не можетъ продать. Точно также и остальныя вещи,—за это жестоко караютъ. Я знаю случаи, когда, „за промотаніе вещей“,—казаковъ, уже отбывшихъ четыре года дѣйствительной службы, снова отдавали на четыре года въ строй. Собственныя вещи и лошадь признаются казенными. Если у казака издыхаетъ конь послѣ того, какъ онъ отслужилъ четыре года въ строю,—казакъ обязанъ купить новаго. Точно такъ же и остальныя вещи. Словомъ, казакъ прежде всего живетъ для службы; онъ обязанъ „тягломъ“, и какъ на „тяглаго“ на него и смотрятъ. Минувшей зимою въ Терской области многія казачьи семьи голодали; потребовалась и была отпущена войсковая субсидія, въ станицахъ учреждены были для помощи голодающимъ особыя попечительства, а „справка“ казаковъ шла между тѣмъ своимъ чередомъ, „безъ послабленія“. „Сегодня я, какъ членъ попечительства, говорю, что такому то казаку надо выдать хотя бы трехрублевую субсидію, а завтра призываю этого казака и понуждаю справить коня или бурку,—говорилъ мнѣ одинъ станичный атаманъ,—комедія одна“...

Выше было сказано, что четыре-пять лѣтъ послѣ того, какъ казакъ отбылъ дѣйствительную службу, — онъ обязанъ имѣть строевого коня. Конь долженъ быть „въ хорошемъ тѣлѣ“, а чтобъ онъ былъ таковымъ, его надо *хорошо* кормить, *хорошо* за нимъ ухаживать. Кормъ стоитъ денегъ, у́ходъ въ зимнее время требуетъ взрослаго человѣка,—ребенку его не поручишь, не поручишь и женщинѣ, по крайней мѣрѣ, не всякаго коня и не всякой женщинѣ. Значитъ, уходъ опять таки стоитъ денегъ.

Далѣе. У казака, до 33-хъ лѣтняго возраста, должно быть, какъ выше сказано, обмундированіе, вооруженіе (холодное) и снаряженіе *), у коннаго—рублей на полтораста или болѣе: сѣдло, бурка, шашка, кинжалъ и т. д., все, „что положено по арматуру“. Хотя эти вещи казакъ обыкновенно не носитъ (держатся „для смотра“), но онѣ тѣмъ не менѣе портятся, просто отъ лежанья и времени. Сапоги и кожаныя части сѣдла обращаются въ лубокъ и ломаются, шерстяныя вещи,—бурка, черкески, ружейный чехолъ — моль ѣстъ и т. д. Казаку, занятому добываніемъ насущнаго,—некогда за этимъ слѣдить, особенно въ горячую лѣтнюю пору.

Запрягать въ работу „своихъ“ строевыхъ лошадей казакамъ нельзя. Если на смотру будетъ замѣчена потертость отъ хомута или сѣделки (что почти неизбѣжно при убогой сбруѣ), или конь будетъ „въ ненадлежащемъ тѣлѣ“,—казаку крѣпко достанется. И казаки на строевыхъ лошадяхъ не ѣздятъ: „чего добраго, еще заставятъ перемѣнить“...

Такимъ образомъ, у казака послѣ дѣйствительной службы должно

*) И до 38 лѣтъ оружіе и снаряженіе.

быть имущества на 250—300 рублей первыя четыре-пять лѣтъ, на 150—170 р. до 33-хъ лѣтъ и на 40—50 до 38 лѣтъ. Пользоваться этимъ имуществомъ для своихъ хозяйственныхъ цѣлей онъ не можетъ; оно является для него не болѣе, какъ „мертвымъ капиталомъ", но на самомъ дѣлѣ это капиталъ не „мертвый", а „живой", требующій корму, уходу, ремонту, заботъ...

Въ 38 лѣтъ онъ уже можетъ ничего не держать „казеннаго". Но до тѣхъ поръ вещи его и не доживаютъ въ цѣлости... Попробуемъ подвести итогъ, во сколько же все это обходится казаку.

Вотъ разсчетъ, сдѣланный въ спеціальной военной газетѣ („Русскій Инвалидъ") и при томъ авторомъ, отнюдь не склоннымъ представлять положеніе казаковъ въ „мрачномъ" цвѣтѣ,—г. Гр. Богдановичемъ. Разсчетъ этотъ имѣетъ въ виду именно кубанцевъ.

Казаки, до призыва еще на дѣйствительную службу, обучаются военному дѣлу четыре недѣли въ станицахъ и четыре недѣли въ учебныхъ сборахъ. Расходы на снаряженіе и обмундированіе за это время не превысятъ, по исчисленію г. Богдановича, для коннаго казака—30 р., пѣшаго—25 р. Чернорабочій получаетъ въ области не болѣе 10 руб., значитъ, казакъ потеряетъ въ заработкѣ за два мѣсяца—20 р. Наемъ лошади на два мѣсяца, если у казака нѣтъ своей подходящей—не дороже 20 р. Въ общемъ, тягости казака за время состоянія въ приготовительномъ разрядѣ, т. е. еще до дѣйствительной службы,—не превысятъ для коннаго—70 р., пѣшаго—45 р.

Снаряженіе на службу—300 р. Процентное отношеніе отбывающихъ военную повинность кубанцевъ ко всему войсковому населенію превышаетъ такое же отношеніе числа служащихъ въ регулярныхъ войскахъ къ жителямъ всей имперіи—въ четыре раза. Иными словами, тогда какъ жители имперіи даютъ одного солдата, кубанскіе казаки отъ такого же числа лицъ выставляютъ четырехъ человѣкъ. Авторъ кладетъ убытокъ каждаго кубанца отъ усиленнаго наряда на службу въ 360 р.

За четыре года дѣйствительной службы, по г. Богдановичу, каждый казакъ потеряетъ въ заработкѣ 480 р.

На поддержаніе въ исправности всего строевого имущества во время нахожденія на льготѣ, во 2-й, 3-й очереди и въ запасѣ, т. е. до 38 лѣтняго возраста, считая и возможную замѣну коня,—потребуется для коннаго не болѣе 150 р., для пѣшаго 50 р.

Содержаніе коня во время пребыванія во 2-й очереди *) обойдется въ 200—250 р.

---

*) Для непосвященнаго непонятны, можетъ быть, термины: „приготовительный разрядъ", „вторая очередь", „третья очередь", „запасъ". Дѣло вотъ въ чемъ: 18-ти лѣтъ казакъ приноситъ присягу на „вѣрность службы" и зачисляется на

Подсчитывая все это, г. Богдановичъ находитъ (приведемъ его таблицу цѣликомъ):

	Для коннаго кубанца.	Для пѣшаго.
Пребываніе въ приготовительномъ разрядѣ	70 р.	45 р.
Снаряженіе на службу въ строй	300 „	100 „
Усиленный нарядъ на службу	360 „	360 „
Поддержаніе въ исправности имущества на льготѣ и въ запасѣ	150 „	50 „
Содержаніе лошади во 2-й очереди	250 „	
Итого	1.130 р.	555 р.

Разсчетъ этотъ никакъ нельзя считать преувеличеннымъ, скорѣй наоборотъ. Такъ, напримѣръ, 300 р. снаряженіе казака стоитъ лишь въ томъ случаѣ, когда все идетъ, такъ сказать, нормально: купилъ казакъ одного коня — онъ и пошелъ, сѣдло — тоже пошло и т. д. Не приняты въ разсчетъ случаи, когда забракуютъ коня, или издохнетъ, или забракуютъ сѣдло, когда, однимъ словомъ, еще *передъ* службой случатся лишніе расходы. Затѣмъ, не приняты въ разсчетъ траты казака *своихъ* денегъ во время дѣйствительной службы. Какъ извѣстно, казакъ служитъ на всемъ своемъ, казенное у него только ружье съ патронами да патронная сумка, да кормитъ его казна. Для поддержанія въ исправности обмундированія и снаряженія казаку отпускаются такъ называемыя ремонтныя деньги—11 р. въ годъ пѣшему, пластуну, и 21 р. 45 к. конному. Но эта сумма такъ незначительна, чтобъ не сказать болѣе, что пѣшему казаку ея не хватаетъ на одни только сапоги, а у коннаго прибавляются къ сапогамъ еще разные поводцы, торбы, попоны, подпруги... Казакъ принужденъ „Христомъ-Богомъ" просить, чтобъ ему прислали что-нибудь изъ дому. И дома это хорошо знаютъ, и посылаютъ... Намъ очень хорошо извѣстно бѣдственное положеніе того казака, который ничего ниоткуда не получаетъ. Вы сразу узнаете такого:

Казачишка онъ-да поганенькій,
То-ли шапка на немъ дурношапая,
Черкесенка на немъ вся излатана,
Бешметишко на немъ весь изорванный,
А штанишки то—лишь одни рубцы...

Если вы спросите подобнаго „дурношапаго" о его домашнемъ положеніи, онъ вамъ навѣрное такъ отвѣтитъ:

три года въ приготовительный разрядъ, въ которомъ состоитъ, такимъ образомъ, до 21 года. На 22 году жизни его на четыре года перечисляютъ въ строй. По окончаніи четырехъ лѣтъ въ полку, — онъ перечисляется на 4—5 лѣтъ во „вторую очередь", затѣмъ на три-четыре года въ „третью очередь" и, наконецъ, на пять лѣтъ „—въ запасъ". Все это время онъ—„служилаго состава" и когда состоитъ во 2-й и 3-я очереди, то это называется—состоитъ „на льготѣ".

— Да что! Былъ сиротою, выросъ въ работникахъ, дома у меня ничего нѣтъ. Вотъ это я весь.

Иной добавитъ:

— Есть одна (или двѣ) сестренка, живетъ въ дѣтищахъ (или— „за кусокъ хлѣба").

А то такъ:

— Жена дома да мать, и ничего нѣтъ. Э-э!—махнетъ рукою:— сами тамъ оголѣли...

Затѣмъ, при исчисленіи расходовъ, не показано, сколько тратитъ казакъ времени въ станицахъ во время нахожденія на льготѣ: напримѣръ, „сидѣнки въ резервѣ", разныя натуральныя повинности...

Идетъ ли отъ атамана отдѣла открытое предписаніе,—отвезть его до слѣдующей станицы, посылаютъ казака; надо проводитъ „куда слѣдуетъ" подозрительное лицо,—казакъ; уставятъ по случаю чумной эпизоотіи карантинъ,—содержатъ кордоны казаки; пріѣхалъ въ станицу судебный слѣдователь или офицеръ,—ему для посылокъ даютъ казака... А смотры? Теперь дѣло со смотрами нѣсколько упорядочено, но прежде, и не такъ давно, осматривали казаковъ чуть не каждую недѣлю.

Въ моей, напримѣръ, станицѣ, кромѣ траты времени на лагерные учебные сборы и смотры, приходилось служить черезъ четыре недѣли въ пятую и даже черезъ три въ четвертую.

Сосчитайте, сколько это недѣль въ году? Когда же тутъ работать на себя?

Тутъ не стоимость времени должно принимать въ соображеніе, а главнымъ образомъ тѣ убытки въ хозяйствѣ, что произойдутъ неминуемо отъ того, что хозяинъ оторванъ отъ дѣла.

Всякое дѣло только тогда можетъ идти хорошо, когда возлѣ него стоитъ самъ хозяинъ, а сельское хозяйство въ особенности. Везетъ казакъ „бумагу", а у его на корню вѣтромъ хлѣбъ треплетъ; онъ въ лагерѣ или на сидѣнкѣ въ резервѣ,—а тутъ какъ разъ пора покоса или посѣва. Хозяйственныя работы требуютъ, чтобъ ихъ исполняли во-время. Опоздалъ на день, всего на одинъ день, — и можешь на цѣлый годъ остаться голоднымъ. „День — годъ кормитъ". Заработокъ казака г. Богдановичъ принимаетъ въ 120 р. въ годъ.

— Да, здорово вы найдете *хозяина* за 120 р...—такъ выразилась одна казачка.

И совершенно справедливо: за 120 р. нанимается работникъ, а не хозяинъ. А тутъ *хозяина* отъ хозяйства рвутъ, значитъ, надо принять въ разсчетъ не 120... Наемный работникъ работаетъ не такъ, какъ самъ хозяинъ.

— Вонъ работникъ у Турченковыхъ поѣхалъ въ лѣсъ, а оттуда пріѣхалъ безъ оси. Ему и горюшка мало. А самъ хозяинъ не поломалъ бы,—онъ бы осторожно... А онъ получаетъ 10 р. въ

мѣсяцъ, на всемъ на хозяйскомъ,—что ему! — говорила та же казачка.

Если бы г. Богдановичъ исчислилъ все это, то получилось бы не 1130 р. для коннаго, а на много больше. Но допустимъ, что онъ исчислилъ вѣрно.

Каждый конный казакъ, богатый и бѣдный, сирый и убогій,— приноситъ государству 1130 р., а пѣшій 555 р. Кстати замѣтимъ, что на Кубани приблизительно только четвертая часть казаковъ отбываютъ повинность пѣшкомъ, три четверти—верхомъ.

Цыфры очень почтенныя. Чтобъ вернуть свои затраты, казаку конному, по вычисленію г. Богдановича, надо отдать свой пай въ аренду, по 6 р. въ годъ за десятину, на семнадцать лѣтъ. Средняя арендная плата въ области (опять беремъ цыфры г. Богдановича)— 4 р. 72 к. въ годъ за десятину. Слѣдовательно, 6 р.—выше средней арендной. Пай въ большинствѣ станицъ — двѣнадцать десятинъ. Казакъ получаетъ пай по достиженіи семнадцати-лѣтняго возраста.

Отсюда: чтобъ вернуть затраты, три четверти казаковъ не должны пользоваться своими паями семнадцать лѣтъ. Шутка сказать,—семнадцать лѣтъ!.. Иной только и проживетъ семнадцать лѣтъ послѣ полученія пая... Только, значитъ, успѣетъ выкупить свою землю и умираетъ... А сынъ снова долженъ эту же землю выкупать... Такъ идетъ вѣчный выкупъ земли, обильно политой когда-то кровью...

Но семнадцать лѣтъ,—если онъ отдастъ землю въ аренду. Въ аренду, однако жъ, отдаетъ землю лишь незначительное число казаковъ, тѣ, которые почему либо не могутъ ее обработывать. Подавляющая масса казаковъ работаютъ на землѣ сами *). Слѣдовательно, казакъ въ видѣ только прямого налога долженъ уплачивать изъ своего хозяйства, въ теченіе 17 лѣтъ, по 72 р. (6×12) въ годъ!

Крушеніе хозяйства неизбѣжно, что мы и видимъ, — хотя бы по прогрессирующей задолженности казачьихъ семей...

Картина получится еще яснѣе, если мы введемъ въ наше разсужденіе одно очень важное условіе. Разсуждая, такъ сказать, теоретически, мы предполагали, что платежи казака разсрочены на большой относительно срокъ—на шестнадцать лѣтъ. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ. Къ хозяйству казака требованія предъявляются сразу: въ одинъ какой-нибудь годъ онъ долженъ купить коня, сѣдло, потратить 250 — 300 руб. Хозяйство сразу теряетъ устойчивость, иное совершенно расшатывается,

*) Иначе — чѣмъ бы они питались, отдавая всю арендную плату на снаряженіе, какъ вычислилъ авторъ? Кстати замѣтимъ, онъ, основываясь на отчетѣ начальника Кубанской области (его у меня нѣтъ подъ руками), говоритъ, что на каждую душу мужского пола въ Кубанской области приходится станичной земли не 7,7, какъ приведено мною выше, а 9,3 десятинъ.

а болѣе слабыя, не вынеся тяжелой надъ собой операціи,—гибнутъ. Во всякомъ случаѣ, равновѣсіе теряютъ всѣ хозяйства, такъ что достаточно малѣйшаго дуновенія непогоды, и они рушатся.

Въ концѣ ковцовъ дѣло дошло до того, что край, нѣкогда цвѣтущій, встрѣтился—*съ голодовкой.* Не дальше, какъ прошлой зимою, мы читали въ газетахъ: „два дня не ѣвши"; „три дня не ѣвши"; „питаются кислородомъ и водородомъ"; „дѣтишки заболѣли отъ голоду"... Я еще помню лучшую пору терскаго понизоваго казачества, еще до меня дошли отголоски „привольнаго станичнаго житья"... Теперь это все куда-то безвозвратно кануло...

Отъ службы не избавлены и физически-негодные. Есть цѣлый разрядъ казаковъ — „неспособные къ службѣ, но способные къ труду". Это кривые, хромые, косорукіе. „Неспособные", какъ ихъ называютъ кратко, — обязаны платежами „для снаряженія бѣднѣйшихъ казаковъ". Размѣръ платы—12—15 руб. въ годъ. Платятъ до тѣхъ поръ, пока ихъ сверстники не будутъ перечислены „въ отставку",— до 38 лѣтняго возраста. Кромѣ того, „неспобные" отбываютъ разныя отбывки въ станицахъ. Только „неспобные ни къ службѣ, ни къ труду" избавлены вовсе отъ государственныхъ повиностей, но ихъ настоящее мѣсто, въ большинствѣ—въ богадѣльнѣ...

Я не знаю, однако-жъ, случая, чтобы изъ денегъ, взыскиваемыхъ „съ неспособныхъ" „на снаряженіе бѣднѣйшихъ казаковъ,— дѣйствительно помогали бѣднякамъ. Эти деньги отсылаются изъ станицъ въ войско, станицы же „справляютъ" изъ своихъ общественныхъ суммъ, съ возвратомъ долга въ общество. Общества *обязаны* поставлять казаковъ въ строй исправными. За неисправность казака отвѣчаетъ все общество. Тутъ мы видимъ отмѣненную недавно для крестьянскихъ обществъ круговую поруку... Но это къ слову.

Такъ какъ есть много станичниковъ, съ которыхъ „взять нечего", то общества, субсидируя ихъ по обязанности при „справкѣ",— потомъ, не смотря на „мѣры понужденія", долговъ съ нихъ получить не могутъ. Годъ отъ году долги наростаютъ все болѣе и болѣе, общественные капиталы изсякаютъ, общества принуждены изыскивать все новые и новые источники доходовъ, что достигается или путемъ урѣзки отъ другихъ расходовъ, порою неотложныхъ, или отдачей въ аренду „новыхъ статей". Мы видимъ,— громадные участки въ рукахъ арендаторовъ; на долю самихъ станичниковъ приходятся гораздо меньшіе паи, чѣмъ могли бы быть, достатки ихъ отъ этого все меньше и меньше, а служба тянетъ, долги растутъ... Однѣ станицы считаютъ за своими казаками тысячи, другія—десятки тысячъ рублей...

Всѣ мы еще со школьной скамьи слышали, что казакъ—„вольный человѣкъ". Но это одна иронія. Можетъ ли быть вольнымъ человѣкъ, привязанный къ чему-либо, такъ что ему нельзя сдвинуться съ мѣста? А казакъ привязанъ. На двадцатомъ году жизни онъ обязанъ ходить на ученье въ своей станицѣ,—одинъ мѣсяцъ. Это зимою. Весною или осенью онъ обязанъ явиться на мѣсяцъ въ учебные сборы. Въ это же время его заставляютъ отбывать разныя отбывки въ станицѣ,—отлучаться на долгій срокъ, въ силу хотя бы этого, онъ не можетъ. Потомъ идетъ онъ на четыре года въ строй. Тутъ ужъ совсѣмъ онъ не можетъ считаться „вольнымъ". Среди казаковъ я этого выраженія не слышалъ, а солдаты увольненіе послѣ службы въ запасъ называютъ „на волю". Слѣдовательно, служба — не воля. Послѣ четырехлѣтней службы въ полку, въ не-волѣ—казакъ опять-таки не получаетъ воли, а только „льготу". На льготѣ, въ теченіе четырехъ-пяти лѣтъ онъ держитъ коня и все обмундированіе и снаряженіе, затѣмъ три-четыре года все, кромѣ коня, и еще пять лѣтъ снаряженіе.

По первому требованію онъ долженъ выводить коня и вывозить все остальное на всѣ смотры; оставить имущество безъ присмотра и коня безъ ухода, понятно, нельзя; поручить кому-либо тоже едва ли возможно,—кто возьметъ на себя такую обузу? Это вѣдь прежде всего „казенное" добро, за которое надо отвѣчать. А отвѣчать своимъ карманомъ и своей шкурой за другого едва ли найдется много охотниковъ. Отсюда: пока на рукахъ у казака строевое имущество, отлучиться ему на болѣе или менѣе долгій срокъ нельзя. Все это время,—до 38 лѣтъ—онъ „служилаго состава", обязанъ службой. Я уже говорилъ выше—казаки отбываютъ въ станицахъ разныя отбывки. Казака въ этотъ періодъ времени и не пускаютъ обыкновенно изъ станицы. „Этакъ всѣ разойдемся,—кто служить будетъ?"—обыкновенно говорятъ ему. Наконецъ, самое „положеніе объ общественномъ управленіи станицъ казачьихъ войскъ" (ст. 23) даетъ право атаманамъ станицъ „разрѣшать внѣ военнаго времени и времени учебныхъ сборовъ отлучку для частныхъ надобностей казакамъ служилаго состава на срокъ до *трехъ* мѣсяцевъ, а остальнымъ членамъ станичнаго общества—до *одного* года".

Отлучаться можно только съ разрѣшенія атамана (въ предѣлахъ, конечно, указанныхъ сроковъ), а если атаманъ *не* разрѣшитъ, то и нельзя. Кому же изъ казаковъ удается „вырваться" изъ станицы на большій срокъ (съ разрѣшенія высшаго начальства), тѣхъ всетаки неохотно принимаютъ на частную службу. „Намъ надо, чтобъ человѣкъ работалъ постоянно, а тебя тамъ на смотры или на ученья потянутъ",—почти всегда слышитъ отвѣтъ казакъ на предложеніе своего труда. „Намъ такъ невыгодно". И вотъ: у многихъ, какъ говорится, хоть шаромъ покати,

но они, сбитые въ своей станицѣ, точно „въ чертѣ осѣдлости“, толкутся въ ней и поѣдомъ ѣдятъ другъ друга. Заработковъ часто въ станицѣ нѣтъ, на сторону пойти невозможно, — что ему, голяку, остается дѣлать?..

Казака во всякое время могутъ выгнать на чужую для него работу. Практика казачьей жизни знаетъ тому примѣры,—хотя бы слѣдующій. Одно казачье войско купило у частнаго владѣльца участокъ земли. Купило для того, чтобы, въ случаѣ недостатка земли у какой-либо станицы,—добавить ей изъ купленнаго. Земля при рѣкѣ Рѣка бурливая. Чуть не ежегодно выходитъ она изъ береговъ и топитъ окрестности. Гибнутъ посѣвы, покосы, сады, виноградники; села и станицы въ вѣчномъ трепетѣ. Во избѣжаніе наводненій войсковое начальство рѣшило положить по берегу рѣки валъ на пріобрѣтенномъ участкѣ и постановило: возложить работу на четыре ближайшія станицы. На каждаго казака, исключая состоящихъ въ строю и служащихъ по выборамъ обществъ, а также стариковъ выше 55 лѣтъ и малолѣтковъ ниже семнадцати,—пришлось по двѣ кубическихъ сажени.

— Выгоняй на работу!—приказываютъ станичныя власти.

— Куда?

— Валъ валить на войсковомъ участкѣ.

— Выходи на станишну!—бѣгаютъ по станицѣ десятскіе.

— Вотъ и выгнали насъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ участникъ работъ.—Сколько муки тамъ было! Лѣсъ приходилось вырубать, кустарникъ и убирать валежникъ; кое-гдѣ валялись цѣлые кряжи,—надо было сначала все это убрать, а потомъ уже копать. Порядку никакого. Всякій норовилъ копать поближе къ валу, чтобъ ближе таскать; кто захватилъ раньше, тѣмъ и хорошо, а остальные пріѣхали позже; проходовъ между кубиками не оставили, приходилось имъ таскать землю черезъ ямы, а въ нихъ набралось полно воды (подпочвенной). И вотъ,—сдѣлаешь помостъ черезъ ямы и несешь вдвоемъ землю на носилкахъ на валъ, проваливаешься, падаешь... Что тамъ было! Сибирь!.. Нѣкоторые со своими кубиками возились по десяти дней. Извольте корчеваться въ кореньяхъ да таскать по осклизлымъ ямамъ. Я самъ, съ наемнымъ рабочимъ, проработалъ три дня,—три рубля ему заплатилъ, по рублю въ день. А два рубля получилъ,—за два кубика, по рублю за кубикъ... Но я самъ готовъ имъ заплатить, чтобъ только меня не трогали. У меня своя работа, свое хозяйство... Я сколько упущенія сдѣлалъ,—апрѣль мѣсяцъ, каждый день чего стоитъ... Два рубля!—подумавъ, покачалъ онъ головою —За шестирублевую работу два рубля!

Казакъ совсѣмъ крѣпостной... Онъ несетъ повинности лично, деньгами и натурою. Онъ пришитъ къ станицѣ, его могутъ выгнать на работу въ любое время. И вѣдь работа эта — не его

работа и не его станицы, и не четырехъ станицъ,—работа общевойсковая...

Мы видимъ, что казаки ради интересовъ государственныхъ несутъ тяжелую службу лично и своимъ имуществомъ; для государства они отдаютъ огромную часть своего времени; ради государства они лишены даже элементарныхъ гражданскихъ правъ,—свободы мѣста жительства, свободы переселенiй, даже простой отлучки въ теченiе очень долгаго времени (до 38 лѣтъ), а отсюда и свободы выбора занятiй; ради этой же службы государству они сплошь и рядомъ окончательно раззоряются...

Что же они имѣютъ взамѣнъ всего этого?

Мы не имѣемъ сносныхъ дорогъ; по полугоду мы тонемъ по поясъ въ грязи и рѣжемъ въ ней свой рабочiй скотъ—быковъ и лошадей, а временами буквально не имѣемъ ни проходу, ни проѣзду; у насъ невозможныя переправы, а такiе вопросы, какъ постройка мостовъ,—на многiе годы остаются „въ проектахъ"; у насъ мало школъ и учителей, и многое множество нашихъ дѣтей остаются за дверьми школы „за неимѣнiемъ мѣстъ". Нѣтъ у насъ библiотекъ и читаленъ, откуда бы наши юноши и дѣвицы могли путемъ чтенiя пополнять и подновлять вынесенныя изъ школы познанiя: молодежь, выйдя изъ школъ грамотными, къ двадцати годамъ совершенно разучивается читать и писать; наши больные по недѣлямъ валяются безъ ухода, потому что очень мало больницъ, а не у каждаго есть кому дома ухаживать за ними, да если и есть дома родственники, то они не всегда могутъ ходить за больнымъ, отвлекаемые заботами о насущномъ; огромная часть нашего брата, родившись и выросши и проживъ всю свою, порою долгую и многострадальную жизнь,—ни разу не могли обратиться къ врачу; можно сказать, девяносто девяти изъ ста, если не болѣе,—врачебная помощь совершенно недоступна; мы даже боимся врачей: они для насъ не „друзья", а какiе то страшные враги, отъ которыхъ лучше всего бѣжать, „отрѣзавъ полы". Никто не станетъ отрицать, что дѣти лучше всего иногда могутъ высказать то, что, невысказанное, таится у взрослыхъ; они какимъ то чутьемъ постигаютъ подчасъ затаенныя думы. Но тутъ даже не думы, а слова, рѣчи цѣлыя дѣти слышали и, по своему, высказали ихъ. Играютъ на углу возлѣ нашего дома нѣсколько мальчугановъ и дѣвченокъ; показалась почтовая, а въ ней какой-то господинъ.

— Тикайте, тикайте!—въ одинъ голосъ крикнули ребятишки:— тикайте, а то дохтарь ухвате!

И ребята засыпали вглубь проулка, подальше отъ „дохтаря", чтобъ онъ ихъ, какъ коршунъ цыплятъ, не „ухватилъ"...

Докторъ—какое то страшное пугало, „панъ", „начальникъ".

И лѣчимся мы у знахарокъ и ворожей, нашептыванiемъ да

заговорами, ходимъ подъ курятникъ „на зоряхъ“, утромъ и вечеромъ, а если кого-нибудь сломитъ „порча“, то ворожеи посовѣтуютъ ему „кровь спустить“ у того, кто испортилъ. Акушерокъ мы совсѣмъ не знаемъ,—наши жены мрутъ и калѣчатся въ родахъ. Наши душевно-больные въ страшныхъ мученіяхъ терзаются въ хлѣвахъ и подвалахъ, волосъ дыбомъ встаетъ отъ скрежета ихъ зубовъ и лязга цѣпей. У насъ нѣтъ доступнаго намъ кредита: какъ муха въ паутинѣ, запутываемся мы въ сѣтяхъ кулаковъ, а въ то же время въ нашихъ войсковыхъ капиталахъ имѣются милліоны. Насъ топятъ рѣки, и мы не знаемъ, перестанутъ ли онѣ когда-нибудь насъ топить, хотя ежегодно мы затрачиваемъ огромную массу труда на укрѣпленіе ихъ береговъ. Впрочемъ, я разумѣю въ данномъ случаѣ только свою, надоѣвшую намъ, рѣку. И въ то же самое время, когда здѣсь ежегодные потопы, нѣсколько далѣе отъ берега—безводная степь, которая могла бы кормить сотни тысячъ народа, если бы ее оросить. Она, засыпаемая переносными песками, вся обращается въ одинъ сплошной „бурунъ“, а мы знаемъ это и не стараемся закрѣпить пески,—потомкамъ своимъ мы въ наслѣдство по себѣ оставимъ пустыню. Рѣка наша—часть богатаго рыбой бассейна, а мы годами не только не ѣдимъ рыбы, не видимъ даже рыбьей чешуи. А было время, когда рыболовство было однимъ изъ главныхъ нашихъ занятій. Наши села и станицы со всѣхъ сторонъ окружены болотами,—и ничего не дѣлается для ихъ осушенія; мало того, что подъ ними зря пропадаетъ много земли,—они порождаютъ губительныя лихорадки, подъ вліяніемъ которыхъ и каторжнаго безпросвѣтнаго труда мы, потомки богатырей, вырождаемся въ жалкихъ „замухрышекъ“. Мы не только исконные воины, но и земледѣльцы,—плохо знаемъ, какъ надо сѣять хлѣбъ и не у кого намъ научиться; мы ощупью идемъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ и начинаніяхъ и порою о тѣхъ отрасляхъ хозяйства, съ которыми мы родились, говоримъ, какъ настоящіе дикари. Почему? Потому что главное вниманіе наше обращено туда: тогда какъ въ каждой станицѣ есть инструкторъ для обученія молодыхъ казаковъ военному дѣлу, чуть не въ каждой станицѣ этимъ же вѣдаетъ офицеръ, а надъ нимъ стоятъ: полковой командиръ, атаманъ отдѣла, войсковой штабъ. Но у насъ нѣтъ ни одного органа, который былъ бы нашъ, вѣдалъ бы наши дѣла, близкія намъ наши домашнія нужды, приходилъ бы намъ на помощь, быстро, во-время, безъ проволочекъ и оттягиванія; нѣтъ установленія, возлѣ котораго могли бы группироваться наши мѣстныя, земскія силы, знающія нужды края и готовыя для него потрудиться; теперь эти силы бьются каждая сама по себѣ, особнякомъ, вразбродъ и, не находя поддержки въ себѣ подобныхъ, изнемогаютъ въ неравной борьбѣ; нашимъ мѣстнымъ людямъ нѣтъ мѣста у себя, ихъ знанія, энергія, мысль

не обогащаютъ и не освѣщаютъ мѣстной убогой и тусклой жизни, нѣтъ для того подходящихъ условій; людямъ, которые, можетъ быть, могли бы что-нибудь дать свое, прибавить отъ себя, при другихъ условіяхъ,—приходится исполнять только чужую волю, чужія желанія. Жизнь цѣлыхъ огромныхъ областей подогнана такъ, что - ничего не можетъ создать своего, самостоятельнаго; втиснута она въ узкія и жесткія рамки и, какъ автоматъ, поворачивается по чужой командѣ: направо! налѣво!

Въ такомъ драгоцѣнномъ продуктѣ, какъ мысль, здѣсь не нуждаются, здѣсь она лишняя.

Да ея и не нужно. Развитіе нужно только людямъ, а казаки развѣ люди? Они только „боевой матеріалъ“. Ученіе и развитіе, какъ будто, несовмѣстимы съ казачьимъ званіемъ. Мнѣ приходилось слышать такого рода рѣчи:

— Ишь ты, —дѣтей въ гимназіи учитъ, хочетъ дать высшее образованіе... А въ полкъ, да въ караулъ, да на часы, да на работу, да на холодъ, на дождь, въ грязь, въ слякоть, лошадей чистить, канавы копать, навозъ вывозить!

Намъ говорятъ: всетаки у васъ земля, больше земли, чѣмъ у крестьянъ. Правда, земля. Есть и помногу земли, но есть и такія станицы, гдѣ одна десятина на пай... *) Я самъ видѣлъ у казаковъ и щеголеватые домики подъ зелеными крышами, и ажурныя занавѣски на окнахъ; но я же видѣлъ хаты безъ крышъ и окна, тряпкой заткнутыя. Слышалъ такія слова казаковъ:—„Душный у насъ народъ (т. е. духу много, силы, мощи), слава Богу, живемъ. Есть и деньги, и хлѣбъ“... И видѣлъ лохмотья нужды непокрытой, и слезы голодныхъ дѣтей, и изнемогающихъ въ тяжеломъ трудѣ матерей...

А требованія и съ богатыхъ, и съ бѣдныхъ одинаковы...

Наконецъ, „многоземелье“ и голодъ—какъ-то даже не вяжется, а между тѣмъ это фактъ и фактъ недавняго прошлаго. Разъ могутъ уживаться такія два, исключающія, повидимому, другъ друга, явленія,—очевидно, тутъ что-то „не то“, какіе-то есть недочеты въ строѣ общественномъ...

М. Л. Е.

*) Русск. Инв. № 191 и 193.

Новыя книги.

Евгеній Марковъ. Разбойница Орлиха. Изъ мѣстныхъ преданій XVIII вѣка. Романъ въ 3-хъ частяхъ, значительно дополненное изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904.

Покойный Евгеній Марковъ представлялъ въ литературѣ явленіе довольно замѣтное; хлесткій стиль, нѣкоторая (правда, довольно аляповатая) яркость изложенія и значительная развязность—все это выдвигало его писанія, какъ выдвигаетъ человѣка рѣзкій и звонкій голосъ въ шумной толпѣ. Другой вопросъ,—что этотъ звонкій голосъ выкрикивалъ и стоило ли къ нему прислушиваться... Во всякомъ случаѣ, не замѣтить его было трудно.

Судьба его, какъ писателя, довольно превратна. Въ первый періодъ своей литературной дѣятельности Марковъ числился въ „либеральномъ“ лагерѣ. Но это былъ либерализмъ того разряда, который когда-то называли „маргариновымъ“. Онъ годился, однако, для „Голоса“ и, пожалуй, для „Дѣла“ въ самые послѣдніе годы его существованія. Въ „Голосѣ“ Евг. Марковъ выкрикнулъ когда-то свое знаменитое „Прелюбодѣи слова“, а въ „Дѣлѣ“ печаталъ нескончаемо длинный и безпредѣльно скучный романъ „Черноземныя поля“, гдѣ съ большимъ паѳосомъ изображалъ маргариновый либерализмъ на земской почвѣ. Съ теченіемъ времени, однако, онъ не могъ не замѣтить, что его сосѣди по либеральному лагерю оглядываются на него съ нѣкоторымъ конфузливымъ недоумѣніемъ, какъ оглядываются на человѣка съ очень развязными манерами, попавшаго явно не въ свою компанію. Николай Константиновичъ Михайловскій, въ „Запискахъ Ивана Непомнящаго“, съ обычною своей безпощадностью свелъ къ одному знаменателю всѣ эти звонкія выкрикиванія, и недоразумѣніямъ былъ положенъ конецъ. Лагерь „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ открылъ Евг. Маркову свои гостепріимныя объятія... Порой, впрочемъ, онъ гастролировалъ также и въ „Новомъ Времени“...

„Разбойница Орлиха“ представляетъ одно изъ типичныхъ произведеній Евгенія Маркова. Это — „историческій романъ“, „почти всѣ событія котораго авторъ почерпнулъ изъ семейныхъ и другихъ мѣстныхъ преданій“. „Главные характеры тоже воспроизведены съ лицъ, дѣйствительно жившихъ“. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ авторъ въ предисловіи, прибавляя, впрочемъ, что „эти событія и лица послужили только матеріаломъ для его художественной фантазіи“. Для того, чтобы судить, какъ распоряжалась въ данномъ случаѣ „художественная фантазія“ автора, достаточно привести на выдержку слѣдующую замѣчательную „бы-

товую“ сцену. Два брата, Иванъ и Илья Прозоровскіе, ѣдутъ (съ большими деньгами) ночью, глухой дорогой, и на нихъ нападаютъ разбойники. Много разбойниковъ, цѣлая шайка изъ грозныхъ „орлихиныхъ придорожниковъ“.—„Бѣда, господа, остановили“—кричитъ кучеръ и валится въ сани къ ногамъ господъ. Но господамъ лѣнь выходить изъ саней, и они просто поручаютъ раздѣлаться „съ этой сволочью“ своему крѣпостному человѣку, прозваніемъ „Волчокъ“... Если вѣрить Евг. Маркову, таково было барское высокомѣріе, что-ли, въ XVIII столѣтіи!.. Волчокъ совершаетъ чудеса храбрости, но онъ уже немолодъ, ему 50 лѣтъ, и черезъ нѣкоторое время онъ проситъ у господъ помоги. „Ихъ тутъ, каторжныхъ, не пересчитать... Двоихъ свалилъ, а тутъ опять шестеро, словно изъ земли ростутъ... Убьютъ ни за что“. Братья начинаютъ перекоряться, старшій посылаетъ младшаго „на подмогу“, а самъ продолжаетъ нѣжиться подъ шубами. Разбойники, вѣроятно, почтительно дожидаются, чѣмъ кончатся господскіе переговоры. Младшій „бояринъ“, Илюша, вылѣзаетъ изъ саней и, конечно, „раскидываетъ сразу, какъ маленькихъ ребятъ, трехъ первыхъ разбойниковъ“, но черезъ нѣкоторое время начинаетъ тоже ослабѣвать, особенно когда одинъ изъ нападающихъ полоснулъ его ножомъ по поясницѣ. Тогда и онъ проситъ: „Братъ Ваня, вылѣзай... Изъ силъ выбился“. Но братъ Ваня продолжаетъ спокойно лежать въ повозкѣ.—„Я во вѣки вѣковъ самъ не подымусь,—говоритъ онъ,—хоть до смерти такъ пролежу“... Эта „художественная обработка дѣйствительнаго характера“ должна изображать русскую богатырскую, но лѣнивую силу. Наконецъ, Илюша съ Волчкомъ, продолжая отбиваться отъ многочисленной шайки, опрокидываютъ сани и вываливаютъ богатыря въ снѣгъ. Только тогда онъ подымается и затѣмъ происходитъ слѣдующая сцена: Иванъ схватываетъ одного изъ разбойниковъ за ноги и (предоставляемъ слово автору) „пошелъ валить его головою, будто чугуннымъ кистенемъ, направо и налѣво оторопѣвшихъ разбойниковъ... Нѣсколько человѣкъ разомъ полетѣло съ ногъ... Разбойники въ ужасѣ побросами дубье и бросились въ лѣсъ“...—„Да и упарился-жъ“,—говоритъ послѣ этого Иванъ Прозоровскій, опять ложась въ сани...

Вы, можетъ быть, скажете, что, должно быть, разбойники въ XVIII столѣтіи „по семейнымъ и инымъ преданіямъ“ были народишко самый лядащій, если цѣлой толпой не могли справиться съ тремя человѣками, изъ которыхъ двое вдоѣавокъ долгое время лежали въ саняхъ, какъ боровы. Какъ бы не такъ! Это все только въ I главѣ II части, гдѣ автору нужно изобразить необыкновенную силу Ивана Большого. А вотъ, какъ понадобится навести на читателя трепетъ изображеніемъ „разбойницы Орлихи“, то этого самаго богатыря, шутя, побиваетъ одинъ на одинъ дворянская дѣвица Аленушка, дочь мелкопомѣстнаго орловскаго помѣ-

щика, она же начальница разбойничьей шайки... Все это, какъ видитъ читатель, до такой степени аляповато, грубо и маловѣроятно, что даже любителямъ „страшнаго" чтенія, если ихъ привлечетъ заманчивое заглавіе, предстоитъ несомнѣнное разочарованіе; есть, положимъ, въ романѣ Евг. Маркова все, что полагается по штату для этого рода литературы: и „Кулачный бой", и „Ночное свиданіе", и „Роковая ночь", и „Орлихины придорожники", и „Ночь въ оврагѣ", и „Подземелье", и „Пасѣка колдуна" и „Неожиданное спасенье"... Но все это такъ грузно, вяло и тягуче, такъ аляповато, банально и маловѣроятно, что ни на одну минуту читатель не попадаетъ во власть авторскаго вымысла и не увлекается теченіемъ хотя-бы внѣшней занимательности событій. Даже нечуждое Евг. Маркову въ нѣкоторыхъ изъ его произведеній чутье природы въ описаніяхъ (составляющее довольно сильную сторону въ его путешествіяхъ)—здѣсь почти совершенно отсутствуетъ. Вообще, самое-бы настоящее мѣсто этой удалой дѣвкѣ-Орлихѣ въ Москвѣ Бѣлокаменной, на Никольской улицѣ, у славныхъ издателей Леухина съ Манухинымъ... Или хоть у г-на Грингмута въ его желѣзно-дорожныхъ кіоскахъ... Впрочемъ, мы и забыли: у г-на Суворина тоже есть желѣзнодоржные кіоски, и, значитъ, удалая „Орлиха съ придорожниками" въ наши дни будетъ, вѣроятно, чинить засаду на злополучныхъ желѣзнорожныхъ пассажировъ...

В. В. Березовскій. Дни и ночи. (Разсказы). Спб. 1903.

Первый разсказъ въ этомъ сборникѣ, озаглавленный „Въ полѣ", въ значительной степени опредѣляетъ характеръ остальныхъ разсказовъ г-на Березовскаго. Онъ ведется отъ перваго лица. Разсказчикъ выходитъ на вечернюю прогулку, за городъ, „чтобы ощутить на себѣ, хоть на мгновеніе, вѣяніе чего то широкаго, безграничнаго, какъ это огромное поле, чего-то свободнаго и свѣжаго, какъ этотъ вѣтеръ"... Онъ давно рвется изъ города,—„куда-нибудь,—все равно, чтобы только не оставаться въ опротивѣвшей тюрьмѣ: довольно!" Онъ „слишкомъ много схоронилъ въ своей душѣ подъ игомъ этой безцвѣтной жизни".

Выйдя за городъ, разсказчикъ встрѣчается съ какой-то темной личностью, которая, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается его школьнымъ товарищемъ, Викторомъ Истоковымъ. Это былъ когда-то изящный молодой человѣкъ, богатый, жизнерадостный, довольно пустой, которому улыбалась жизнь... Теперь передъ разсказчикомъ стоялъ бродяга, почти оборванецъ. „Измятая мягкая шляпа на копнѣ темныхъ волосъ, до-нельзя затасканное подобіе пиджака и какіе-то смѣшные штаны"... Разсказчикъ чувствуетъ сожалѣніе къ сверстнику, впавшему въ такое бѣдственное состояніе, но изъ дальнѣйшаго разговора выясняется, что, въ сущности, сожалѣнія заслуживаетъ скорѣе онъ самъ. Что же касается до бродяги

Истокова, то онъ счастливъ, веселъ, свободенъ и смотритъ свысока и иронически на буржуазное благополучіе бывшаго друга. Онъ скинулъ съ себя всѣ путы, всѣ условности. Деньги ему не нужны: „у него другія радости, и деньги въ нихъ не играютъ никакой роли"... „Свободенъ лишь тотъ, кто смѣется надъ плотью, понимаешь ты это, птичка въ клѣткѣ?" — говоритъ этотъ философъ, „съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ".

Дальнѣйшій разговоръ — сплошная идиллія босячества. Истоковъ свободенъ, какъ птица, и счастливъ, какъ Діогенъ. Совѣсть его спокойна, потому что, въ сущности, онъ не бездѣльникъ и не тунеядецъ. Если вѣрить ему самому и, конечно, господину Березовскому тоже, то, ведя такой бродячій образъ жизни, можно даже слѣдить за наукой и выпускать въ свѣтъ изслѣдованія, которыя „возбуждаютъ большой интересъ въ ученомъ мірѣ". Истоковъ печатается въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и еще „третьяго дня покончилъ разсчетъ съ типографомъ, который напечаталъ сборникъ его разсказовъ для дѣтей".

Кончается этотъ очеркъ тѣмъ, что въ полѣ темнѣетъ, надвигается туча, сердце городского жителя содрогается отъ близкой грозы, которая можетъ застигнуть его внѣ жилья, и онъ убѣгаетъ, а гордая фигура могучаго Истокова величаво рисуется на горизонтѣ. „Истоковъ стоялъ безъ шляпы и глядѣлъ на тучу, какъбы ожидая ея приближенія"...

Мы сказали выше, что этотъ разсказъ является характернымъ для всего сборника. И дѣйствительно, — въ немъ есть присущее всѣмъ разсказамъ г-на Березовскаго искреннее недовольство „тюрьмой", каковою является для огромнаго большинства рутина повседневной жизни. Эта тоска высказывается въ лиризмѣ, порой искреннемъ и красивомъ. Но образы, которые выступаютъ на этомъ фонѣ, — являются не живыми людьми, а только силуэтами, проходящими, какъ мимолетныя грезы, и созданными часто изъ отрицанія: въ Истоковѣ, напримѣръ, *нѣтъ* трусости, *нѣтъ* корысти, *нѣтъ* приверженности къ земнымъ благамъ... Но онъ является передъ воображеніемъ автора въ сумеркахъ и исчезаетъ подъ грозовою тучей: и понятно, что авторъ не успѣваетъ хорошенько разсмотрѣть, какъ мирится въ его героѣ жизнь бродягибосяка съ дѣятельностью ученаго... А для читателя эта фигура является туманнымъ символомъ чего-то, о чемъ мечтаетъ забитый рутиною, тоскующій горожанинъ, которому хочется и первобытной свободы, и типографіи, и босячества, и науки... Хочется чего-то не совсѣмъ обычнаго, но вообще хорошаго. Только гдѣ оно? Въ чемъ? Въ какой сторонѣ? Богъ знаетъ.

Такимъ-же лиризмомъ и такимъ-же отрицаніемъ проникнуты другіе разсказы разбираемаго сборника. Лиризмъ искренній, но туманный, отрицаніе неглубокое, потому что нерѣдко основанное на недоразумѣніи. Молодой ученый женится, мечтая о любви и

сочувствіи любимой женщины къ его ученой работѣ („Фарфоровыя куколки"). Но жена мечтаетъ о нарядахъ и о показной роскоши. Она пуста и безсердечна, онъ безхарактерный тюфякъ, бросающій свою работу изъ-за ея прихотей и нарядовъ. Исторія, безъ сомнѣнія, очень печальная и, пожалуй, встрѣчается довольно часто. Трагедія для самаго героя, но только частность для наблюдателя. Г. Березовскій безъ достаточныхъ основаній возводитъ ее въ непреложный законъ и пропитываетъ весь (сильно растянутый) очеркъ ощущеніемъ міровой скорби и разочарованія въ женщинѣ вообще. „*Всѣ* онѣ вылиты изъ одного тѣста въ одну и ту же форму... *всѣ* одинаково мелки и узки въ своихъ интересахъ"... „*всѣ* *) изъ самокъ-дѣвушекъ превратятся въ самокъ-женщинъ". И вотъ, достаточно нѣсколькихъ мыслей этого рода, приходящихъ въ голову подъ музыку „Аиды", чтобы другой герой (разсказъ „Ночью") рѣшилъ отказаться отъ любимой дѣвушки, на которой собирался жениться. Ему тоже хочется уйти „отъ всего".—„Я уйду, я непремѣнно уйду, но куда?"—спрашиваетъ онъ въ отчаяніи и закрываетъ лицо руками... Разсказъ „Сѣверный вѣтеръ" особенно характеренъ для настроенія и манеры автора. Весь онъ ведется на фонѣ гудящаго, тоскливо и глухо, сѣвернаго вѣтра. Тема его очень жизненна — постепенное увяданіе молодыхъ идеаловъ и засасывающая пошлость жизни, но и здѣсь образы далеко не покрываютъ и не мотивируютъ мрачнаго пессимистическаго настроенія. Художникъ Акимовъ, молодой, талантливый, честный, которому улыбается въ будущемъ успѣхъ въ любимомъ дѣлѣ, встрѣчаетъ бывшаго товарища Рогова, который сталъ моднымъ портретистомъ, загребаетъ деньги и смѣется надъ прежними безкорыстными взглядами на искусство. Исторія тоже старая, давно извѣстная и изображена г-мъ Березовскимъ, нужно сказать, довольно избитыми чертами. Вторая половина очерка вся посвящена ея комментаріямъ: въ жизни людей засасывающая пошлость такая-же стихія, какъ сѣверный вѣтеръ. Товарищъ Акимова, Полозовъ, развиваетъ эту параллель, опять съ значительной долей лиризма и довольно красиво... „Умираютъ мечты, наивныя и невинныя, умираютъ грезы, трепетныя и нѣжныя, умираетъ идея, благородная и гордая, остается только тѣло, зябкое, трусливое тѣло — памятникъ мертвой души.. Все мельчаетъ и тускнѣетъ, идея человѣчества замѣняется національмомъ, вѣра—догматизмомъ, искусство превращается въ ремесло, а человѣческое достоинство мѣрится табелью о рангахъ"... „*Все* умираетъ, чистое, святое, прекрасное, ароматомъ котораго живетъ душа человѣческая, *все* покрывается безконечной пеленой пыли, однообразной, вызывающей отчаяніе... И только лопухи, сѣрые и жесткіе, съ красными шапками, нагло подымаютъ свои глупыя

* Курсивы и дальше наши.

головы надъ мертвыми полями, надъ которыми проносится завывающій хохотъ торжествующаго вѣтра, *вѣтра временъ*, приносящаго осень духа". Настроеніе, которое высказывается въ этихъ лирическихъ строкахъ, несомнѣнно симпатично и знаменуетъ, кажется, „живую душу". Насъ огорчаетъ только, что и здѣсь широкій лиризмъ не мотивируется и не оправдывается образомъ. Для довольно таки шаблоннаго пошляка Рогова слишкомъ много чести— эти обобщающія сѣтованія: Вообще, г-ну Березовскому слѣдовало-бы пожелать нѣсколько больше опредѣленности въ образахъ, съ чѣмъ, разумѣется, связана и большая опредѣленность въ настроеніи. Лиризмъ у него преобладаетъ надъ изобразительностью, и иногда кажется, что настоящее его призваніе не проза, а стихотворная лирика. Впрочемъ, есть одинъ разсказъ „Сомнѣніе", въ которомъ образъ и настроеніе автора не разобщены, а слиты въ одно цѣлое, и сложная въ психологическомъ отношеніи тема разработана довольно стройно.

Георгій Чулковъ „Кремнистый путь". М. 1904.

Книги, какъ и люди, производятъ впечатлѣніе своей внѣшностью, и часто отъ впечатлѣнія этого не легко бываетъ отдѣлаться при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ внутреннимъ содержаніемъ. Книга г. Чулкова производитъ очень невыгодное впечатлѣніе своей кричащей внѣшностью. На обложкѣ воспроизведенъ рисунокъ Франца Штука, долженствующій съ мѣста въ карьеръ ошеломить читателя, запугать его, дать понять, что г. Чулковъ нагонитъ, непремѣнно нагонитъ на него страху и ужаса, что г. Чулковъ не простъ, что онъ слишкомъ знаетъ это, слишкомъ занятъ этимъ. За обложкой слѣдуетъ эпиграфъ изъ Тютчева, выбранный авторомъ, очевидно, съ той же цѣлью. И эта тенденціозная обложка и тенденціозная внѣшность вообще оправдываются и рѣжущей ухо тенденціей содержанія. Въ своемъ вступленіи поэтъ заявляетъ:

Я хочу и я буду кричать среди звуковъ безумья и слезъ;
И мои диссонансы нужны—возрожденье израненныхъ грезъ.
. . . .
И мой стонъ, и мой вопль, и мой крикъ—это путь отъ равнины къ звѣздѣ
И вездѣ мой разладъ я ношу—въ небесахъ, на землѣ и въ водѣ (?).

Вода вставлена, очевидно, исключительно за отсутствіемъ болѣе осмысленной рифмы, ибо для разлада достаточно небесъ и земли. Такая искусственная натянутость рифмовки нерѣдко встрѣчается въ стихахъ г. Чулкова. Главный же ихъ недостатокъ все та же тенденція. Кровь и безуміе, кровавый и безумный—не сходятъ со строкъ нашего поэта, въ этомъ для него есть нѣчто въ высшей степени притягивающее, и онъ свыше

всякой мѣры злоупотребляетъ и „безуміемъ“, и „кровью“. „Я люблю міръ, потому что онъ красивъ и безуменъ“, — говорится въ прозаической пьесѣ „Тайга“. Бѣденъ ли запасъ словъ у г. Чулкова, или слишкомъ уже любитъ онъ иныя слова, только слишкомъ часто прибѣгаетъ онъ къ употребленію однихъ и тѣхъ же выраженій. Напримѣръ, очень понравились ему прилагательныя „корявый“ и „шершавый“, и мы встрѣчаемъ ихъ у него и въ стихахъ, и въ прозѣ. Г. Чулковъ любитъ такія выраженія, какъ „шершавый голосъ“. „Злоба начинаетъ меня душить и я не узнаю своего голоса. Онъ сдѣлался глухимъ и шершавымъ“ (140). У Леонида Андреева въ „Стѣнѣ“ встрѣчается выраженіе: „онъ (голодный) облизывался *шершавымъ* языкомъ“—и это дѣйствительно яркій штрихъ, но что такое шершавый голосъ? Плохое ли подражаніе, или собственное изобрѣтеніе,—во всякомъ случаѣ выраженіе, насилующее человѣческія представленія, тенденціозное топорщеніе, желаніе сказать что-нибудь поострѣе, посолонѣе... Или понравится г. Чулкову, напримѣръ, такое болѣе или менѣе удачное выраженіе, какъ „пьяный мѣсяцъ“, и онъ непремѣнно снова и снова повторяетъ его, пока не надоѣстъ и окончательно не испортитъ впечатлѣнія. Вообще г. Чулковъ постоянно насилуетъ себя, постоянно силится быть оригинальнымъ, страшнымъ, таинственнымъ, безумнымъ, непонятнымъ и... непонятымъ. Отсюда — раздражающая манерность его письма и въ прозѣ, и въ стихахъ.

Понимаю я, внимаю я всему.
Мысли страшныя швыряю я во тьму.
Мысли мечутся, кружатся и звенятъ...
Въ башнѣ-крѣпости безумьемъ я объятъ.

Но читателю скучно, досадно отъ тенденціознаго манерничанія г. Чулкова. Слишкомъ перепущено страху, слишкомъ много нашвыряно „страшныхъ мыслей“ „во тьму“. А жаль, что г. Чулковъ задался цѣлью, во что-бы то ни стало, *не писать попросту*. Мы не рѣшились бы сказать, что у него нѣтъ дарованія, скорѣе есть и, быть можетъ, даже не маленькое, но слишкомъ ужъ искажаетъ онъ свое хорошее, искажаетъ часто до неузнаваемости. Встрѣчаются у него недурныя стихотворенія, есть яркія страницы въ его прозѣ, но все это пока старательно засорено, мысли, постоянно гонимыя, „мечутся, кружатся и звенятъ“, мѣшая ему быть самимъ собой.

Не хочу подражанія—
Боязливости грезъ;
И пойму я желанія
Среди гнѣва и слезъ...

Такъ хочетъ г. Чулковъ, но большая часть его книги является именно подражанiемъ „боязливости грезъ“, подражанiемъ поэзiи „Сѣверныхъ цвѣтовъ“. И если поэту хочется понимать „желанiя среди гнѣва и слезъ“, то ему прежде всего слѣдуетъ бороться противъ деспотическаго господства въ его писанiяхъ тенденцiи.

Освальдъ Кюльпе.—Современная философiя въ Германiи. Характеристика ея главныхъ направленiй (Лекцiи, читанныя для народныхъ учителей въ 1901 г. въ Вюрцбургѣ). Переводъ съ нѣмецкаго М. Лемберга подъ редакцiей и съ предисловiемъ проф. Н. Н. Ланге. М. 1903.

При оцѣнкѣ настоящей книги слѣдуетъ помнить, что она воспроизводитъ лекцiи, читанныя народнымъ учителямъ, т е. людямъ, довольно слабо знакомымъ съ философiей. Вслѣдствiе этого мы не будемъ искать въ ней ни новыхъ взглядовъ, ни даже углубленiя уже существующихъ ученiй: мы отвѣтимъ лишь на вопросъ, насколько она соотвѣтствуетъ своему назначенiю—быть популярной книжкой для людей образованныхъ, но не изучившихъ философiи.

Съ этой точки зрѣнiя мы должны дать о книгѣ Кюльпе самый благопрiятный отзывъ: авторъ—человѣкъ вполнѣ владѣющiй своимъ предметомъ—далъ своимъ читателямъ книгу весьма понятно и ясно написанную, книгу обстоятельную и безпристрастную. Онъ признаетъ существованiе четырехъ основныхъ направленiй современной германской философской мысли: позитивизма, матерiализма, натурализма и идеализма. Эти направленiя и охарактеризованы имъ въ лицѣ Маха, Дюринга, Геккеля, Ницше, Фехнера, Лотце, Гартмана и Вундта.

Нельзя только не пожалѣть, что нашъ авторъ не включилъ въ свой обзоръ хотя бы еще слѣдующихъ мыслителей: Лааса, Авенарiуса, Фолькельта, Шуппе и Оствальда, тогда его книжка значительно выиграла бы, какъ съ точки зрѣнiя полноты, такъ и съ точки зрѣнiя безпристрастiя. Ибо, напр., Авенарiусъ является гораздо болѣе крупнымъ представителемъ позитивизма, чѣмъ Махъ и Дюрингъ, а знакомство съ имманентной философiей, главнымъ представителемъ которой является Шуппе, могло бы значительно облегчить пониманiе „проблеммы реальности“, проблеммы, которую нашъ авторъ совершенно вѣрно считаетъ (стр. 137) основною проблеммою философiи будущаго. Наконецъ, знакомство съ энергетикой Оствальда не только важно, какъ знакомство съ самоновѣйшимъ теченiемъ философской мысли, но также и какъ знакомство съ новымъ рѣшенiемъ тойже „проблемы реальности“.

Эти недочеты тѣмъ болѣе странны, что авторъ, считаетъ, напр., нужнымъ довольно подробно распространяться о Гартманѣ. Вообще глава о Гартманѣ принадлежитъ къ слабѣйшимъ мѣстамъ книги Кюльпе, ибо, хотя Кюльпе и называетъ метафизику Гарт-

мана „полумифически окрашенной спекуляціей“ (стр. 105) и говоритъ, что „на основномъ понятіи гартмановскаго ученія можно легко показать, въ какой незначительной степени его методъ индуктивенъ и какъ мало онъ слѣдуетъ образцу опытныхъ наукъ“ (стр. 105) (нужно замѣтить, что Гартманъ заявилъ, будто его „Философія Безсознательнаго“ создана путемъ „индуктивнаго естественно-научнаго метода“), однако онъ все таки слишкомъ высоко цѣнитъ этого поверхностнаго мыслителя, съ вліяніемъ котораго тѣмъ болѣе слѣдуетъ бороться, что, благодаря своему „пессимизму“, онъ привлекъ вниманіе широкой публики.

Но самымъ главнымъ недостаткомъ книги Кюльпе мы считаемъ ту неопредѣленность, съ которою авторъ употребляетъ терминъ „идеализмъ“. Многосмысленный терминъ „идеализмъ“ (злоупотребленіе которымъ, по словамъ Седжвика,—Mind № 37—сдѣлалось „совершенно невыносимымъ“ „quite intolerable“), какъ извѣстно, теперь въ большомъ ходу, при чемъ, однако, нерѣдко случается, что даже люди, совмѣстно ратующіе во славу идеализма, такъ различно понимаютъ этотъ терминъ, что они съ большимъ удобствомъ могли бы вмѣсто одной книжки издать нѣсколько книжекъ, другъ друга опровергающихъ. При такой неясности и многосмысленности моднаго термина, на авторѣ популярной книги лежитъ обязанность разъяснить публикѣ всю ту спутанность понятій, которая возникаетъ, благодаря употребленію неточнаго термина; а между тѣмъ, нашъ авторъ не только не дѣлаетъ этого, но даже и самъ говоритъ объ „идеализмѣ“ тогда, когда слѣдовало-бы говорить о „спиритуализмѣ“, на что совершенно вѣрно указываетъ редакторъ перевода проф. Ланге на стр. IX.

Адель Гергардъ и Елена Симонъ. Материнство и умственный трудъ. Переводъ съ нѣмецкаго М. Кучинскаго. Спб. 1903.

Если читатель, берясь за эту книгу, надѣется найти въ ней отвѣтъ на вопросъ, совмѣстимъ ли умственный трудъ съ обязанностями матери, то онъ ошибется въ своихъ ожиданіяхъ. Составительницы книги употребили много времени и положили много труда, чтобы собрать возможно бо́льшій матеріалъ для рѣшенія поставленнаго вопроса, но... „только возъ и нынѣ тамъ“. То, что можно сказать о зависимости умственнаго труда отъ материнства a priori, то же приходится повторить и послѣ прочтенія книги: желательно, чтобы материнство не было препятствіемъ умственному труду женщины, но исполнить это трудно.

Заглавіе книги неполно или неточно. Бо́льшая часть книги занята разборомъ отношеній материнства къ занятіямъ женщинъ драматическимъ искусствомъ, музыкой, живописью, скульптурой и поэзіей. Все это скорѣе подходитъ подъ понятіе художественной дѣятельности, а не умственнаго труда. Матеріалъ, бывшій

въ распоряженіи составительницъ, распадается на двѣ части: историческое изслѣдованіе о произведеніяхъ ума и искусства, созданныхъ женщинами, и отвѣты экспертовъ, современницъ, выдающихся женщинъ въ области искусства, науки и общественной дѣятельности.

Къ послѣднимъ (въ числѣ 420) составительницы обращались съ особымъ вопроснымъ листкомъ, при чемъ отвѣты въ нѣкоторыхъ случаяхъ дополнялись еще особыми, письменными и устными, сообщеніями. Въ русскомъ переводѣ нѣтъ, къ сожалѣнію, самого текста этого вопроснаго листка, а вмѣстѣ съ тѣмъ опущенъ и имѣющійся въ подлинникѣ перечень женщинъ, приславшихъ отвѣты. Историческое изслѣдованіе, какъ говорятъ въ заключеніи и сами авторши, „дало ничтожные результаты". Изъ экспертовъ болѣе трети (37%) было незамужнихъ, а матери составляли вообще менѣе половины всѣхъ опрошенныхъ (207 изъ 420). Межъ тѣмъ, для вполнѣ безпристрастнаго рѣшенія вопроса было бы, конечно, желательно имѣть возможно бóльшее количество отвѣтовъ именно отъ матерей, такъ какъ „только женщины, прошедшія весь круговоротъ женской жизни, представляютъ всесторонне свой полъ, проявляютъ его разнообразную сущность, его богатство и его зависимость" (стр. 9). Самыя мнѣнія экспертовъ крайне разнорѣчивы. Для примѣра приведемъ нѣсколько отзывовъ о совмѣстимости съ материнствомъ драматическаго искусства,—область, въ которой художественная дѣятельность женщины завоевала себѣ наиболѣе выдающееся положеніе и которая, на простой взглядъ, кажется требующей наибольшихъ жертвъ со стороны матери. Клара фонъ-Глюмеръ видитъ „проклятіе своего призванія въ невозможности быть одновременно вполнѣ матерью и художницей". Софія Шрёдеръ „страдаетъ отъ двойныхъ требованій, предъявляемыхъ къ ней материнствомъ и искусствомъ". Наша артистка М. И. Долина пишетъ: „необыкновенно трудно быть въ одно и то же время хорошей артисткой и настоящей матерью семейства". И т. д Съ другой стороны, пѣвица Шуманнъ-Гейнкъ говоритъ: „можно быть хорошей матерью, женой и хозяйкой и въ то же время выполнять требованія своей профессіи. Только въ послѣродовой періодъ, втеченіе 3—4 недѣль, я ничего не дѣлаю; своихъ семерыхъ дѣтей я сама выкормила и всегда при этомъ весело распѣвала. Я разучивала свои лучшія и труднѣйшія роли въ кругу своихъ ребятъ, и они раньше меня знали эти роли наизусть". Клара Умлауфъ утверждаетъ *на основаніи собственнаго опыта*, что „продуктивная дѣятельность женщины ни въ какомъ случаѣ не можетъ ей препятствовать выполнять свои обязанности жены и матери". И т. д. Ну, какъ же согласить такія противоположныя мнѣнія? И составительницамъ, дѣйствительно, не удается ихъ свести къ одному. Собственныя ихъ разсужденія и заключенія въ высшей степени

благонамѣренны и неопровержимы въ томъ смыслѣ, что „съ одной стороны нельзя не признаться, а съ другой — нельзя не сознаться“, но всѣ эти умствованія нимало не блещутъ ни новизной, ни оригинальностью. Переводчикъ говоритъ, что онъ „передавалъ мысли автора въ сокращенномъ видѣ тамъ, гдѣ ходъ разсужденій казался ему утомительно длиннымъ“. Можно только пожалѣть, что это не казалось ему достаточно часто, а еще болѣе жаль, пожалуй, что вообще онъ потратилъ свой трудъ на переводъ такой книги, отсутствіе которой въ русской переводной литературѣ не принесло бы послѣдней существеннаго ущерба.

Орисонъ Светъ-Марденъ. „Пробивайтесь впередъ“. Перев. съ англ. М. А. Шишмаревой. Издательство О. Н. Поповой. Спб. 1904.

Несмотря на то, что Самуэль Смайльсъ умеръ только въ минувшемъ апрѣлѣ, русскій энциклопедическій словарь похоронилъ его давно: и въ этой случайной ошибкѣ есть нѣчто естественное. Успѣхъ буржуазно-благожелательныхъ книгъ Смайльса у молодого русскаго общества служитъ лишь еще однимъ примѣромъ тѣхъ случайностей, которыя правятъ судьбою книгъ. Смайльсомъ никогда не зачитывались, но читать его считалось обязательнымъ — и люди добросовѣстные несли это бремя; потомъ гимназисты списывали изъ него сочиненія, а когда въ гимназіи темы „курсовыя“ смѣнили вольнодумныя „отвлеченныя“ разсужденія о пользѣ металловъ и о томъ, что лѣнь мать всѣхъ пороковъ, а дурное общество портитъ хорошаго человѣка,— Смайльса забыли у насъ настолько основательно, что даже справочныя книги сочли его умершимъ. Въ сущности, его проповѣднический жанръ былъ мертвъ съ самаго начала: никого его наставленія не наставляли, никого не воспитывали. Потому что теоретическія разсужденія о надлежащемъ поведеніи остаются въ области теоріи; воспитываютъ жизненныя положенія, воспитываетъ живая индивидуальность: если она не чувствуется въ книгѣ, никого эта книга не передѣлаетъ. Оттого столь ничтожно было вліяніе Смайльса на его читателей: за этими резонными разсужденіями, прекрасно обставленными всякими примѣрами, не видно было автора, живое общеніе съ которымъ есть единственный мостъ между его мыслью и мыслью читателя. Но у Смайльса было, между прочимъ, одно достоинство: стараясь дѣйствовать не столько отвлеченіями, сколько ихъ конкретными иллюстраціями, онъ не бралъ свои примѣры откуда попало, онъ любилъ человѣческую біографію въ ея цѣломъ и останавливалъ вниманіе читателя на общемъ ходѣ развитія, не обращая свою книгу въ собраніе душеспасительныхъ анекдотовъ.

Это достоинство покойнаго популярнаго писателя особенно становится замѣтнымъ при сравненіи его манеры съ пріемами

новаго литературнаго проповѣдника, во многихъ отношеніяхъ являющагося какъ бы продолжителемъ Смайльса. Книга Орисонъ Светъ Мардена — объ этомъ заявлено даже на обложкѣ— „посвящается всѣмъ борющимся на поприщѣ знанія и долга“, и авторъ ставилъ себѣ высокія цѣли: „поддержать молодежь на распутіи, помочь робѣющему юношѣ стать Колумбомъ, открывающимъ скрытыя возможности успѣха въ собственной жизни“ и такъ далѣе. Авторъ былъ того мнѣнія, что секретъ вліянія идеальной книги для юношества заключается въ богатствѣ конкретныхъ примѣровъ, что власть такой книги не столько въ ея аргументаціи, сколько въ ея пришпоривающей энергіи, возвышающей силѣ, силѣ внушенія. Для этого онъ въ теченіе многихъ лѣтъ собиралъ подходящіе матеріалы—и нынѣ дѣлится ими съ читателемъ.

Его произведеніе представляетъ собою груду самыхъ разнообразныхъ анекдотовъ, цитатъ, фактовъ, выдумокъ, событій, мелочей, нагроможденныхъ безъ критики, безъ объединяющей мысли, безъ внутренней связи. Беремъ любой примѣръ: *Глава X. Хорошія манеры — богатство.* Она имѣетъ девять эпиграфовъ и состоитъ изъ сотни анекдотовъ такого рода: „Епископъ Фенелонъ— очаровательный человѣкъ, — сказалъ лордъ Питербори, — я долженъ бѣжать отъ него, чтобы онъ не сдѣлалъ меня христіаниномъ“. „Госпожа Рекамье была невыразимо обаятельна. Въ церкви св. Роха въ Парижѣ она собрала двадцать тысячъ франковъ въ свою кружку“. —„Сударыня“,—прошепталъ лакей, служившій за столомъ г-жи де-Ментенонъ, — „разскажите еще что-нибудь, такъ какъ жаркого сегодня нѣтъ“. Ея обворожительныя манеры и рѣчь заставляли ея собесѣдниковъ забывать о мелкихъ неудобствахъ жизни“.—„Императоръ въ ночномъ колпакѣ не встрѣтитъ и половины того уваженія, какъ императоръ въ коронѣ, — сказалъ Гольдсмитъ“. Мы выбирали не наиболѣе нелѣпые, но наиболѣе короткіе изъ анекдотовъ, цѣль которыхъ внушить примѣрами, что „хорошія манеры — богатство“. Такихъ главъ въ книгѣ двадцать пять. Сказать правду, мы охотно обошли бы ее молчаніемъ, еслибы звонкое заглавіе и внушающая довѣріе издательская фирма не были способны ввести читателя въ заблужденіе.

А. И. Гиллерсонъ. Защитительныя рѣчи по дѣламъ уголовнымъ. Спб. 1904.

Изданіе сборника судебныхъ рѣчей всегда требуетъ особаго оправданія—и не всегда можетъ быть оправдано. Предназначенныя для суда, устныя импровизаціи по глубокому требованію закона, судебныя рѣчи обыкновенно исчерпываютъ свою функцію тѣмъ, что были произнесены въ засѣданіи — и произвели тамъ свое воздѣйствіе. Перенесеніе ихъ въ литературу предполагаетъ

нѣкоторыя свойства, которыми по самому своему существу не всегда отличаются судебныя рѣчи, особенно же рѣчи, обращенныя къ присяжнымъ засѣдателямъ. Онѣ непремѣнно имѣютъ въ виду не неопредѣленную обширную массу читателей съ ея свободнымъ отношеніемъ къ предмету, съ безконечнымъ разнообразіемъ ея міровоззрѣній, съ полнымъ отсутствіемъ личныхъ впечатлѣній по данному случаю: рѣчи въ уголовномъ судѣ обращены къ ограниченному числу конкретныхъ судей; передъ судебнымъ ораторомъ двѣнадцать присяжныхъ; ихъ внутренній міръ, недостаточно ему извѣстенъ, но по ихъ общественному положенію, образованію, національности онъ старается составить себѣ о нихъ представленіе— и это представленіе есть базисъ его рѣчи. Эти люди видѣли обвиняемаго, слѣдили—пассивно или активно—за судебнымъ слѣдствіемъ, видѣли свидѣтелей, сознательно или безсознательно оцѣнили свои впечатлѣнія: къ нимъ обращена судебная рѣчь. Они, быть можетъ, не знаютъ кой-чего, что нужно для праваго рѣшенія дѣла, но они знаютъ многое, безъ чего невозможно вынести вѣрное сужденіе и что невозможно передать въ судебной рѣчи. Этимъ опредѣляется ея значеніе для читателей, не бывшихъ въ судѣ. Она легко бываетъ для нихъ до смѣшнаго банальна, потому что ораторъ имѣлъ въ виду не ихъ, а тѣхъ двѣнадцать мѣщанъ, которымъ вручена судьба человѣка и которымъ надо объяснять то, что намъ давно извѣстно. Но въ ней должно быть и много темнаго, потому что она не можетъ—да и не стремится—перебирать тѣ многочисленныя личныя впечатлѣнія, которыя лежатъ въ основѣ судебной логики. И оттого судебныя рѣчи, захватившія слушателя, такъ часто оставляютъ въ читателѣ осадокъ неудовлетворенности, а то и недоумѣнія. Бываютъ, конечно, исключенія, и даже блестящія. Изъ безчисленнаго множества судебныхъ рѣчей выдѣляются немногія, выдающіяся то своимъ общественнымъ значеніемъ, то литературными достоинствами, то самостоятельностью юридическихъ построеній, то чисто научными—особенно психологическими - сопоставленіями. Есть рѣчи, переживающія тотъ моментъ творческой импровизаціи, которымъ исчерпывается ихъ непосредственное дѣйствіе; есть рѣчи, которыя всегда останутся источникомъ поученія, логическаго, юридическаго, общественнаго, а затѣмъ

Есть рѣчи—значенье
Темно иль ничтожно...

Быть можетъ, въ судѣ „имъ безъ волненья внимать невозможно" — это дѣло темперамента. Но читать ихъ невозможно безъ недоумѣнія и удручающей тоски отъ обвѣявшей ихъ атмосферы непобѣдимой банальности. Къ этому роду принадлежатъ рѣчи, собранныя въ лежащей предъ нами книгѣ. Быть можетъ, авторъ ихъ хорошій адвокатъ, быть можетъ, онъ берется за за-

щиту въ высокихъ идейныхъ соображеніяхъ, быть можетъ, ему удается и спасти человѣка отъ неправаго осужденія тамъ, гдѣ другой опустилъ бы руки предъ роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Но его рѣчамъ не слѣдуетъ переходить за порогъ судебной залы. Быть можетъ, его слушателей увлекала и убѣждала нота искренняго увлеченія и убѣжденія, звучавшая въ его голосѣ: читателю его разсужденія кажутся ничтожными, его психологическія характеристики безцвѣтными, а его аргументы подчасъ отличаются смѣлостью, которая можетъ быть оправдана только всепобѣждающимъ желаніемъ во что бы то ни стало вырвать обвиняемаго изъ когтей юридической деспотіи. Юноша пытался убить свою сожительницу за то, что она его бросила; г. Гиллерсонъ, защищая его, не довольствуется анализомъ даннаго случая—онъ выставляетъ также общее положеніе: „Чувство совѣстливости и великодушія, столь свойственное мужчинѣ, заставляетъ его глубоко страдать, когда ему приходится порвать съ женщиной, лишь тѣмъ передъ нимъ виноватой, что она его продолжаетъ любить. Женщина же страдаетъ тогда, когда ее покидаютъ; о! тогда она безпощадно мстительна, какъ по отношенію къ несчастному любовнику, такъ и по отношенію къ счастливой соперницѣ. За то если сама покидаетъ, тогда другое дѣло: она это дѣлаетъ съ какимъ, то особеннымъ наслажденіемъ, съ какой, то сладострастной жестокостью". Утвержденіе рѣшительное, но если отъ такой рѣшительности будетъ зависѣть участь человѣка, всегда ли будетъ обезпечена справедливость? Другой примѣръ. Наборщикъ Кичатовъ зарѣзалъ старика, который отбилъ у него жену. „Онъ богохульственно нарушилъ заповѣдь Божью „Не прелюбы сотвори" — говоритъ объ убитомъ защитникъ—и другую заповѣдь: „Не пожелай жены ближняго твоего",—а для него ли не былъ ближнимъ Кичатовъ? Онъ нарушилъ двѣ заповѣди и самъ погибъ оттого, что вынудилъ Кичатова нарушить третью заповѣдь: „Не убій". Воистину „поднявшій мечъ, отъ меча и погибнетъ". И если мнѣ скажутъ, что между заповѣдями этими существуетъ громадная разница, что само общество дѣлаетъ различіе между прелюбодѣемъ и убійцей, то да позволено мнѣ будетъ спросить: *кто же далъ право этому обществу устанавливать различіе между заповѣдями, данными однимъ и тѣмъ же Божественнымъ Промысломъ?*"

Но неужто самъ защитникъ отрекся отъ священнаго права „устанавливать различіе между заповѣдями?" Неужто онъ серьезно думаетъ, что нарушеніе заповѣди „помни день субботній" можно компенсировать попраніемъ заповѣди „не убій?" Едва ли онъ это думаетъ. И еще образецъ. Обвиняется крестьянка въ изгнаніи плода при помощи акушерки: она сдѣлала это потому, что ребенокъ былъ незаконный и она боялась мужа. Вѣроятно, вина ея была не велика: присяжные ее оправдали. Но едва ли можно

оправдать защитника, который въ своей рѣчи бросаетъ такіе доводы: „въ чемъ вина, въ чемъ преступленіе Абрамовой? Неужели въ томъ, что она не пожелала дать жизни младенцу, котораго въ этомъ мірѣ ждали одни лишенія и горе?.. Право же бѣды въ этомъ немного! *Вѣдь мы подчасъ не знаемъ куда дѣвать дѣтей законныхъ; есть ли въ такомъ случаѣ нужда въ дѣтяхъ незаконныхъ?*"

Намъ не хотѣлось бы преувеличивать значеніе этихъ промаховъ и представлять ихъ типичными; но они есть, и молчать о нихъ не годится. Это именно промахи, но мысль автора, неясная и нетвердая, способна къ нимъ. При всей его благожелательности, онъ человѣкъ неустойчивый; защищаетъ съ благороднымъ пыломъ, но, обвиняя, обливаетъ подсудимаго такой грязью, что вызываетъ удивленіе и—брезгливость. Видна эта неустойчивость также въ предисловіи. Съ одной стороны, авторъ видитъ признакъ общественной весны въ дѣятельности молодой русской адвокатуры, „широко взглянувшей на свои задачи и понявшей, что адвокатура есть не узкая профессія, а широкое общественное служеніе"; съ другой, по его неоднократнымъ почтительнымъ привѣтамъ „глубокоуважаемому" С. А. Андреевскому, можно думать, что и въ средѣ старой адвокатуры не все представляется ему столь печальнымъ: если были такіе, какъ С. А. Андреевскій, то почему же только теперь „вырвалась свѣтлая, бодрая, здоровая струя молодой адвокатуры?" Кажется ли г. Гиллерсону, что С. А. Андреевскій и „свѣтлая струя" явленія одного порядка или нѣтъ, этого онъ не выяснилъ, а слѣдовало бы.

И когда переберешь все это, пересмотришь эти рѣчи, перечитаешь эти разсужденія, становится не только скучно, но и страшно: *это* играетъ роль въ опредѣленіи справедливости? Отъ *этого* зависитъ судьба человѣка?..

В. В. Корсаковъ. Въ старомъ Пекинѣ. Очерки изъ жизни въ Китаѣ. Спб. 1904.

Г-нъ Корсаковъ, какъ извѣстно, находился въ Пекинѣ во время осады посольствъ, въ маѣ—августѣ 1900 года, и его интересныя письма въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" дали очень обстоятельное описаніе этого „пекинскаго сидѣнія". Письма эти изданы г. Корсаковымъ отдѣльными изданіями: „Пекинскія событія" и „Пять лѣтъ въ Пекинѣ". Настоящая книга г-на Корсакова даетъ картины жизни въ Китаѣ въ обычное, такъ сказать, будничное время. Она начинается съ пути въ Китай черезъ Монголію въ 1895 году и заканчивается началомъ китайской смуты, послѣ захвата нѣмцами Цзяо-Чжоу. Г. Корсаковъ — не художникъ, его описанія тяжеловаты, очень детальны и нѣсколько сухи. Онъ

также не соціологъ, не ученый этнографъ и не философъ. Его наблюденія носятъ характеръ скорѣе внѣшній, и онъ рѣдко пытается охватить ихъ какой-нибудь общей идеей. „Не ясно ли,— говоритъ онъ въ предисловіи, отыскивая причины китайскаго возстанія противъ европейцевъ,—что, покровительствуемая пушками и штыками, вошла въ Китай не истинная цивилизація, а только изнанка цивилизаціи, уже покорившая себѣ Европу... Пронесшійся по Китаю ураганъ не былъ освѣжающей грозой, очистившей воздухъ..., а былъ бурей, принесшей заразу изъ Европы, и бросилъ не свѣжія и здоровыя дрожжи, которыя могутъ вызвать бодрую, здоровую и дѣятельную жизнь среди народа, а бросилъ старую, историческую, загрязненную и зараженную закваску, которой пропитана европейская лживая цивилизація“. Съ этимъ положеніемъ, въ его общей формѣ, нельзя не согласиться, но оно вызываетъ нѣкоторые дальнѣйшіе вопросы: всю ли европейскую цивилизацію авторъ считаетъ гнилой и лживой? Если не всю, то какія стороны ея, въ прикосновеніи съ Востокомъ, могутъ дать „здоровыя дрожжи“, есть ли гдѣ-нибудь задатки и такого вліянія европейцевъ, чему въ этомъ направленіи мы должны сочувствовать и на что надѣяться?.. Къ сожалѣнію, книга г-на Корсакова не даетъ отвѣтовъ на эти невольно возникающіе вопросы.

Авторъ съ справедливой суровостью порицаетъ жадность европейцевъ къ захватамъ, эгоизмъ и разладъ, внесенные въ жизнь китайскаго города миссіонерами, высокомѣріе, а порой и пресловутое „коварство“ англичанъ. Теплыя одобрительныя ноты въ его статьѣ слышатся лишь тогда, когда онъ заговариваетъ о „русскомъ дѣлѣ“ въ Китаѣ вообще и въ частности, напримѣръ, о русско-китайскомъ банкѣ. „Если мы вспомнимъ, — пишетъ онъ на стр. 210,—тѣ препятствія, которыя приходилось преодолѣвать представителямъ русской мысли (?) и русскихъ интересовъ, если вспомнимъ все то недоброжелательство и интриги, которыя пускались въ ходъ, чтобы подорвать довѣріе къ начинаемому русскому дѣлу, то смѣло можемъ сказать, что, благодаря энергіи смѣлой мысли и политической мудрости представителей нашихъ, это истинно русское дѣло увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ. Русско-китайскій банкъ открытъ въ Шанхаѣ 1 февраля 1896 г., отдѣленія открыты въ Ханькоу, Тянь-Цзинѣ, Владивостокѣ и Пекинѣ въ теченіе одного года. Злорадное чувство англичанъ, ждавшихъ скорой ликвидаціи русскаго дѣла, едва лишь оно открывалось, обратилось на ихъ же голову... Тотъ фактъ, что китайское правительство уступило свое казенное и бывшее посольское мѣсто подъ русское учрежденіе, ставитъ это учрежденіе сразу на прочную почву въ глазахъ китайцевъ...“

Итакъ, повидимому, есть и такія стороны „цивилизаціи“, завоеванія которыхъ г. Корсаковъ готовъ привѣтствовать. Однако, и тутъ еще остается мѣсто вопросамъ: вѣдь и нѣмцы могли бы

сказать (и даже, навѣрное, говорили) съ такимъ же умиленіемъ, что уступка Цзяо-Чжоу „ставитъ на прочную почву нѣмецкую мысль и нѣмецкое дѣло“, и, конечно, мы въ правѣ были бы ждать отъ автора болѣе подробнаго разъясненія,—почему именно русское вліяніе вообще и русско-китайскій банкъ въ частности несутъ на Дальній Востокъ не „изнанку цивилизаціи“, а ея истинныя начала и „здоровыя дрожжи“? Но, повторяемъ, авторъ и не пытается сдѣлать это, и вообще его книга даетъ лишь рядъ непосредственныхъ наблюденій, проникнутыхъ знаніемъ подробностей описываемаго быта, но не возвышающихся до обобщеній. Впрочемъ, такъ какъ она касается очень мало знакомой страны, а авторъ является наблюдателемъ внимательнымъ и добросовѣстнымъ, то и то, что онъ даетъ, представляетъ интересъ, и книга прочтется несомнѣнно съ пользой. А если вдумчивый читатель захочетъ самъ сдѣлать надлежащіе выводы, то книга г. Корсакова даетъ для этого немало матеріала не только въ фактахъ, но, пожалуй, и въ общемъ гуманномъ чувствѣ, которымъ она проникнута. Авторъ умѣетъ отнестись почеловѣчески къ обитателямъ Поднебесной Имперіи. Нужно сказать, впрочемъ, что такъ же умѣютъ отнестись къ нимъ и многіе другіе наблюдатели разныхъ націй. Несчастіе желтой расы, да, пожалуй, и всего человѣчества въ XX столѣтіи, состоитъ въ томъ, что всѣ легко усматриваютъ несправедливости и эгоизмъ другихъ, но въ зрѣніи „просвѣщенныхъ европейцевъ“ находится страннымъ образомъ „темное пятно“ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, которымъ они глядятъ на эгоизмъ и несправедливости собственной націи, и всѣ мы готовы признать у себя благомъ то самое, что порицаемъ въ другихъ. Разрѣшеніе этого недоразумѣнія лежитъ, очевидно, за предѣлами вопросовъ національныхъ, въ области вопросовъ человѣчества... Только съ этой точки зрѣнія разрѣшимъ и китайскій вопросъ, и пресловутая „желтая опасность...“

Матеріалы повторной переписи крестьянскихъ хозяйствъ Воронежской губерніи, 1900 года. Подъ редакціей **И. Воронова.** Изд. Воронежскаго губернскаго земства. Воронежъ. 1903.

Статистическая техника выработала два основные типа регистраціи подвергаемыхъ статистическому изученію явленій. Это—съ одной стороны, переписи, опредѣляющія, числомъ и мѣрою, состояніе наблюдаемаго факта или группы фактовъ въ данный моментъ, а съ другой—текущія записи повторяющихся явленій. И та, и другая операція достигли наибольшаго совершенства въ старѣйшемъ по времени, классическомъ отдѣлѣ статистическихъ изученій—статистикѣ населенія; гораздо менѣе разработаны онѣ въ другихъ отдѣлахъ этихъ изученій, имѣющихъ дѣло съ явленіями болѣе сложными и труднѣе поддающимися нацифрованію,

всего менѣе—въ статистикѣ хозяйственной. Однако, и здѣсь мы встрѣчаемся съ очень разработанными видами переписныхъ операцій. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними, безспорно, занимаютъ подворныя переписи крестьянскаго хозяйства, возникшія и развившіяся на почвѣ русской земской статистики.

Характеристическую особенность этой оригинальной операціи, отличающую ее отъ большинства обычныхъ хозяйственныхъ переписей, составляетъ то, что при ней подвергается наблюденію и регистраціи не одна какая-нибудь категорія хозяйственныхъ фактовъ (какъ это имѣетъ мѣсто при переписяхъ скота, землевладѣній, полевыхъ культуръ и т. п.), но вся ихъ совокупность одновременно, пріуроченная къ одной и той же мельчайшей единицѣ наблюденія—отдѣльному крестьянскому хозяйству, „двору“. Такая перепись, съ одной стороны, даетъ возможность составить точное представленіе о хозяйственной физіономіи (по крайней мѣрѣ, въ основныхъ, главныхъ чертахъ) различныхъ категорій этихъ отдѣльныхъ хозяйствъ, а съ другой — допуская самыя разнообразныя комбинаціи единицъ наблюденія, значительно облегчаетъ изученіе вліянія тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ факторовъ.

Какъ извѣстно, подворному описанію, съ тою или иною подробностью, подвергнуто было земскою статистикою всего около 4.000.000 крестьянскихъ хозяйствъ. Эта колоссальная работа, несомнѣнно, является однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ матеріаловъ, какими мы обладаемъ для ознакомленія съ русской хозяйственной дѣйствительностью. Но перепись можетъ дать намъ представленіе только о состояніи изучаемой группы явленій въ одинъ опредѣленный моментъ. Между тѣмъ, изученіе хозяйственныхъ *процессовъ*, измѣненій, происходящихъ въ положеніи хозяйства и въ хозяйственной состоятельности отдѣльныхъ группъ населенія, представляетъ интересъ, во всякомъ случаѣ, не меньшій, чѣмъ изученіе статики хозяйства. Въ частности, по отношенію къ нашему крестьянскому хозяйству выясненіе процессовъ, въ нихъ происходящихъ, является задачею, имѣющею въ настоящее время самый жгучій, насущный интересъ. Къ сожалѣнію, для регистраціи движенія хозяйственныхъ фактовъ хозяйственная статистика вообще и русская земская статистика въ частности не обладаютъ такими же совершенными орудіями, какими являются общія хозяйственныя переписи для изученія статическаго. Въ лучшемъ случаѣ, правильная текущая регистрація имѣетъ мѣсто только по отношенію къ отдѣльнымъ категоріямъ хозяйственныхъ явленій. Текущими записями, охватывающими одновременно движеніе нѣсколькихъ категорій такихъ явленій, мы не обладаемъ. Орудіемъ для такого синтетическаго наблюденія могла бы служить только та же обще-хозяйственная перепись, повторяемая чрезъ извѣстные промежутки вре-

мени. Но, конечно, при теперешнемъ положенiи нашей земской статистики, переживающей очень тяжелый кризисъ, выходъ изъ котораго еще трудно предсказать, разсчитывать на широкое выполненiе повторныхъ подворно-переписныхъ изслѣдованiй было бы однимъ мечтанiемъ. Систематическое повторенiе переписныхъ операцiй, и вообще, дѣло трудное и сложное, а при данныхъ русскихъ условiяхъ трудное сугубо. Тѣмъ большаго вниманiя заслуживаютъ единичныя попытки, предпринятыя въ этомъ направленiи нѣсколькими земствами.

Результатомъ одной изъ такихъ попытокъ является работа, которой посвящена настоящая наша замѣтка.

Воронежское губернское земство, обладающее, какъ извѣстно, одною изъ наиболѣе подробныхъ и обработанныхъ сплошныхъ переписей крестьянскаго хозяйства, выполненной подъ руководствомъ Ф. А. Щербины—пришло къ заключенiю о необходимости „обновить успѣвшiя устарѣть по нѣкоторымъ уѣздамъ статистическiя свѣдѣнiя объ общественно-крестьянскихъ и частныхъ хозяйствахъ“. Во исполненiе этого, весною и лѣтомъ 1900 г., подвергнуто было повторной переписи по нѣскольку волостей въ 5 уѣздахъ губернiи (Задонскомъ, Землянскомъ, Нижнедѣвицкомъ, Коротоякскомъ и Острогожскомъ).

„Вопросъ о томъ, не лучше ли было бы изслѣдовать полностью одинъ или два уѣзда—говорится во введенiи къ сборнику переписныхъ данныхъ—падалъ въ виду спецiальныхъ цѣлей изслѣдованiя — уловить направленiя и смыслъ измѣненiй въ крестьянскомъ хозяйствѣ и главнымъ образомъ еще потому, что одинъ уѣздъ, хотя бы и въ полномъ составѣ волостей, не могъ быть характернымъ для цѣлой губернiи съ разнохарактернымъ составомъ населенiя и хозяйствъ; между тѣмъ, изслѣдованiе значительныхъ площадей разныхъ уѣздовъ—сѣверныхъ, среднихъ и южныхъ, великорусскихъ и малорусскихъ, производящихъ рожь и красные хлѣба и т. д.—такое изслѣдованiе не должно было бы упустить много различныхъ особенностей и характерныхъ отклоненiй. Это весьма важное обстоятельство и имѣлось въ виду при выборѣ уѣздовъ и особенно волостей, подлежащихъ переписи. Такимъ образомъ, хозяйственныя особенности Воронежской губернiи, насколько они обусловливаются географическимъ положенiемъ отдѣльныхъ ея мѣстностей (сѣверо-восточныхъ — съ великорусскимъ населенiемъ и юго-западныхъ—съ малорусскимъ), нашли довольно полное выраженiе въ матерiалахъ издаваемой переписи, ибо послѣдняя коснулась почти сплошного ряда волостей, широкой полосой прорѣзывающихъ губернiю съ сѣвера на югъ, — отъ границъ Орловской и Тамбовской губернiи на сѣверѣ до границы Харьковской на югѣ. Въ средней своей части эта полоса расширяется и значительно уклоняется къ западу, доходя въ этомъ направленiи почти до границы Харьковской губернiи“ (стр. 3—4).

Всего переписано 29 волостей, заключающихъ въ себѣ 352 селенiя съ количествомъ дворовъ около 46 тысячъ и съ населенiемъ до 320 тыс. обоего пола. По каждому изъ 5 уѣздовъ повторная перепись захватила около 40% всѣхъ хозяйствъ, а по отношенiю ко всей губернiи 14%.

„Иными словами,—говорятъ составители сборника, — въ матеріалахъ повторной подворной переписи представляется седьмая часть населенія Воронежской губерніи, объ измѣненіяхъ въ хозяйственномъ положеніи которой, насколько это положеніе обусловливается состояніемъ крестьянскаго хозяйства, возможно такимъ образомъ судить съ полной основательностью“ (стр. 5).

Матеріалы переписи въ полномъ ихъ видѣ должны составить два тома. Въ настоящее время изданъ только одинъ изъ нихъ, второй, заключающій въ себѣ таблицы и краткое къ нимъ введеніе. Подробная текстовая обработка матеріаловъ переписи отнесена къ первому тому, который имѣетъ еще появиться впослѣдствіи. Выпуская табличную часть сборника теперь же, не ожидая окончанія текстовой и аналитической разработки переписныхъ данныхъ, составители руководствовались желаніемъ

„во первыхъ, дать возможность своевременно воспользоваться, для мѣстныхъ практическихъ надобностей, хотя бы конечными выводами, непосредственно вытекающими изъ сопоставленныхъ итоговыхъ данныхъ, и во вторыхъ, открыть доступъ къ переписному матеріалу всѣмъ интересующимся крестьянскимъ хозяйствомъ и изучающимъ его, не заставляя ихъ дожидаться появленія текстовой обработки“ (стр. 1).

Это рѣшеніе нельзя не привѣтствовать.

Сколько-нибудь обстоятельный анализъ огромнаго цифроваго матеріала, сгруппированнаго въ объемистомъ сборникѣ воронежскаго земства (601 страница таблицъ), требуетъ много времени и много труда, и мы, конечно, не можемъ задаваться такимъ анализомъ въ нашей бѣглой замѣткѣ. Ограничимся лишь нѣсколькими самыми общими и, такъ сказать, грубыми выводами изъ переписныхъ итоговъ, заимствуя ихъ частію изъ введенія къ сборнику, частью же непосредственно изъ итоговыхъ цифръ сводныхъ таблицъ.

Первый общій выводъ, который вытекаетъ изъ данныхъ повторной переписи, это-несомнѣнное увеличеніе, и абсолютное и относительное, числа хозяйствъ бѣдныхъ и, наоборотъ, уменьшеніе числа хозяйствъ болѣе зажиточныхъ. По какому бы основному признаку мы не разгруппировали переписанные дворы, этотъ выводъ остается вѣрнымъ. Такъ, при группировкѣ по размѣрамъ землевладѣнія (основной при подсчетахъ воронежскихъ статистиковъ) мы видимъ, что хозяйства двухъ низшихъ земельныхъ группъ (съ землевладѣніемъ до 5 дес. и отъ 5 до 15 дес. на 1 дворъ), составлявшіе въ 1885—87 гг. 73,5% всѣхъ хозяйствъ, въ 1900 возросли до 78,4%, причемъ наибольшая доля такого увеличенія падаетъ на самую бѣдную группу (23,08% вмѣсто 19,8); наоборотъ, хозяйства трехъ слѣдующихъ, высшихъ группъ уменьшились числомъ [съ 23,2% до 20%]; правда, одновременно уменьшилась также и безземельная группа,—но эта группа, незначительная по абсолютному количеству составляющихъ ее единицъ, отличается характеромъ очень смѣшаннымъ, заключая въ себѣ и бобыльскіе дворы и

дворы зажиточныхъ торговцевъ и промышленниковъ. Аналогичный съ приведеннымъ выводъ, только въ еще болѣе рѣзкой формѣ, получается и при группировкѣ дворовъ по посѣвной площади. Увеличилось также за періодъ между двумя переписями (13—15 лѣтъ) число дворовъ безъ рабочаго скота и дворовъ однолошадныхъ (61,9% вмѣсто 55,7% отъ общаго количества всѣхъ дворовъ) и, наоборотъ, уменьшилось число дворовъ обильно снабженныхъ рабочимъ скотомъ. Дворовъ, лишенныхъ мертваго инвентаря, при переписи 1885—87 гг. насчитывалось 8,674 (21 1% всѣхъ дворовъ), къ 1900 г. ихъ оказалось уже 9,836 (21,4%). Точно также понизилось число хозяйствъ съ 3 и болѣе работниковъ (съ 17,5 до 15,4%) и возросла численность дворовъ безъ работника и съ 1 работникомъ (съ 53,5 до 55,2%) и т. д.

Но не только число бѣдныхъ дворовъ сдѣлалось больше,—и самое оскудѣніе ихъ сдѣлало шагъ впередъ. Въ среднемъ бѣдный дворъ 1900 г. по хозяйственному своему уровню оказывается нѣсколько *ниже* бѣднаго двора, характеризуемаго переписями 1885—87 гг. Такъ, если мы возьмемъ низшую земельную группу, для которой подсчитаны итоги въ воронежскихъ переписяхъ (съ землевладѣніемъ до 5 дес. на 1 дворъ), то найдемъ, что на каждые 100 дворовъ этой группы (по переписи 1900 г.—10.576; въ 1885—87 гг.—8,044 двора) приходилось въ среднемъ: головъ скота, въ переводѣ на крупный—227 въ 1885—87 гг. и только 211—въ 1900 г., рабочихъ лошадей 74 и 61; арендуемой земли 154 дес. въ 1885—87 гг. и 143 въ 1900 г.; сохъ 61 и 50 и т. д.

Наборотъ, въ верхнихъ группахъ оказываются нѣкоторые признаки повышенія хозяйственнаго уровня за протекшее между двумя переписями время. Такъ, если мы возьмемъ двѣ высшія категоріи хозяйствъ въ воронежской группировкѣ (дворы съ размѣромъ землевладѣнія свыше 25 дес.: 2,485 по переписямъ 1885—1887 гг. и 2,077 по переписи 1900 г.), то найдемъ для нихъ такія среднія цифры (на 100 дворовъ):

	1885—7 гг.	1900 г.
Работниковъ	295	313
Головъ скота (въ переводѣ на крупный)	112	135
Плуговъ	30	55
Молотилокъ и другихъ орудій	7	21
Десятинъ арендуемой земли	423	712

Но такъ какъ бѣдныхъ хозяйствъ больше, чѣмъ достаточныхъ, то въ общемъ, для всей совокупности переписанныхъ дворовъ, линія хозяйственнаго благосостоянія скорѣе передвинулась къ низу, нежели повысилась. На это указываетъ, по крайней мѣрѣ, паденіе средняго количества приходящихся на 100 дворовъ: рабочихъ лошадей (119 вмѣсто 127) и всего скота, въ переводѣ на крупный (429 вмѣсто 434), мертваго инвертаря — сохъ (86 вмѣсто 94), арендуемой земли (182 дес. вмѣсто 201).

Очень характерное явленіе представляетъ, при всѣхъ этихъ видимыхъ признакахъ пониженіе общаго крестьянскаго благосостоянія, замѣтное возрастаніе среди него грамотности. Это возрастаніе констатируется цифрами переписи и въ среднемъ для всего населенія, и для высшихъ и низшихъ группъ его по состоятельности. Такъ, въ общемъ для всего обслѣдованнаго района приходилось на 1000 человѣкъ населенія грамотныхъ и учащихся: въ 1885—1887 г.—64, а въ 1900 г.—136; для высшей группы дворовъ (съ землевладѣніемъ свыше 25 дес.) соотвѣтствующія цифры были 91 и 193; а для группы съ землевладѣніемъ до 5 дес.—50 и 104.

Повторяемъ, всѣ эти выводы очень грубы, но и въ такомъ видѣ они все-таки даютъ уже нѣкоторые намеки на теченія, происходящія въ хозяйственной жизни крестьянства. Съ большимъ интересомъ нужно ожидать результатовъ подробной обработки матеріаловъ повторнаго изслѣдованія, выполненнаго воронежскими земскими статистиками.

---

5 бюджетовъ крестьянскихъ хозяйствъ с. Демьяновки, Полтавской губ., Хорольскаго уѣзда. Изданіе Экономическаго Бюро Полтавскаго Губернскаго Земства. Полтава. 1903.

Крестьянскіе бюджеты начали у насъ разработываться сравнительно очень недавно (съ 1877—78 гг.). Литература этого вопроса пока очень невелика. Межъ тѣмъ, значеніе такихъ работъ въ высокой степени важно. Опредѣляя размѣръ потребностей существующихъ и устанавливая среднюю величину потребностей нормальныхъ, разработка бюджетовъ представляетъ собой естественный путь, которымъ „будетъ положенъ фундаментъ для правильнаго научнаго изученія статики и динамики человѣческихъ отношеній“. Такъ опредѣляетъ значеніе бюджетовъ Ф. А Щербина въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Крестьянскіе бюджеты“ (Изд. Вол. Эконом. Общ. 1900).

Изслѣдованіе г. Л. Падалки (почему-то не выставившаго своего имени въ заголовкѣ, а подписавшагося только подъ предисловіемъ) было предпринято по спеціальному поводу. Крестьяне двухъ селеній Хорольскаго уѣзда хотѣли пріобрѣсти при помощи крестьянскаго банка смежное съ ихъ надѣльной землей имѣніе болѣе 2,000 десятинъ, по цѣнѣ 225 руб. за десятину. Такая необычно высокая ссуда, въ полной почти стоимости продаваемаго имѣнія, вызвала, между прочимъ, необходимость выясненія *экономической силы* крестьянскихъ хозяйствъ путемъ бюджетнаго изслѣдованія, результатомъ чего и была настоящая работа. Для человѣка незнакомаго съ бюджетными работами можетъ показаться страннымъ, почему изслѣдователь ограничился въ своей задачѣ изученіемъ такого малаго числа хозяйствъ. Тутъ надо указать на

слѣдующее. Бюджетныя работы, обнимающія, напр., цѣлое селеніе со всѣми дворами безъ исключенія, практически почти неосуществимы. Не всякій домохозяинъ въ состояніи дать опредѣленные и удовлетворительные отвѣты на вопросы изслѣдователя. Поэтому для опросовъ выбирается обыкновенно болѣе или менѣе толковый домохозяинъ, служащій представителемъ *типичнаго* для данной мѣстности хозяйства. Всестороннее изслѣдованіе одного такого хозяйства съ подробнѣйшимъ учетомъ всего крестьянскаго инвентаря (до мѣднаго креста на шеѣ и до серьги въ ухѣ) и всего хозяйственнаго приходо-расхода дастъ болѣе вѣрный и болѣе цѣнный матеріалъ для сужденія объ экономической силѣ населенія, чѣмъ краткое бюджетное описаніе, касающееся болѣе или менѣе поверхностно хотя бы сотни хозяйствъ. Помимо того надо помнить, что всѣ такія работы сопряжены съ огромной затратой времени и требуютъ крайне напряженнаго вниманія со стороны изслѣдователя при опросахъ, не говоря уже о томъ, что послѣдующая разработка полученныхъ матеріаловъ крайне сложна и кропотлива. Вслѣдствіе этого большинство такого рода бюджетныхъ изслѣдованій касается обыкновенно очень небольшого числа хозяйствъ, что—повторяемъ—при условіи полноты изслѣдованія нисколько не умаляетъ научнаго и практическаго интереса этихъ работъ. Для бюджетовъ с. Демьяновки были выбраны типичныя хозяйства: одно съ обезпеченіемъ ниже средняго, два хозяйства, приближающіяся къ среднему, и два — съ обезпеченіемъ выше средняго. Бѣдныхъ, безземельныхъ хозяйствъ, совсѣмъ не производящихъ запашки, въ данной мѣстности оказалось очень немного, а богатыхъ (выше 15 десятинъ) и совсѣмъ не нашлось. Благодаря этому, можно допустить, что опредѣленіе экономической силы населенія по разработаннымъ бюджетамъ соотвѣтствуетъ истинному экономическому положенію всего даннаго района. Въ производствѣ изслѣдованія авторъ, какъ видно, руководствовался вышеназваннымъ трудомъ Ф. А. Щербины. Общая картина хозяйственной жизни демьяновскаго крестьянина представляется въ цѣломъ рядѣ многочисленныхъ таблицъ, по которымъ воочію можно прослѣдить мельчайшія подробности деревенскаго обихода. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя среднія цифры, полученныя изслѣдователемъ. Средняя обезпеченность землей хозяйства въ 6,4 души равна 5,08 десят., при чемъ треть земли арендная. Стоимость инвентаря (738 руб. въ среднемъ) распредѣляется въ такихъ % отношеніяхъ: постройки—37,5%, скотъ—19,9%, земледѣльческія орудія—5,7%, орудія и принадлежности хозяйственнаго обихода—11,5%, одежда и обувь—25,4%. Средній годовой приходъ на хозяйство 327 руб. съ коп. въ 63,2% получается отъ полеводства, сѣнокоса и огородничества, въ 27,5% отъ животноводства и въ 9,3% отъ личнаго заработка. Предметы расхода въ 42,4% падаютъ на хозяйственныя нужды и въ 57,6%

на личныя потребности. Наибольшій расходъ падаетъ на одежду—28,7%, затѣмъ идетъ съемка земли—20,2%, потомъ слѣдуютъ подати и повинности—18,6%, далѣе идутъ: пища—11,4%, потребности домашняго обихода—5,1%, религіозныя потребности—4,1% и на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ потребности просвѣтительныя вмѣстѣ съ расходами на почту—0,3%. Въ общемъ удовлетвореніе всѣхъ безъ исключенія потребностей у демьяновскихъ крестьянъ стоитъ ниже, чѣмъ у воронежскихъ по изслѣдованію Щербины. Будущіе изслѣдователи крестьянскихъ бюджетовъ будутъ, несомнѣнно, для сравненія прибѣгать къ труду г. Падалки и въ этомъ отношеніи нельзя не пожалѣть, что онъ не позаботился перевести на русскій языкъ многія непонятныя для великоросса малороссійскія слова, какъ напр. бузивка, корди, ковганка и многія другія.

Лебедевъ А. И. Дѣтская и народная литература. Вып. II. Старшій возрастъ. Нижній-Новгородъ 1904. Ц. 50 к.

Первый выпускъ работы г. Лебедева успѣлъ уже выдержать четыре изданія. Изъ этого видно, насколько великъ со стороны публики спросъ на такого рода справочныя книги. Съ другой стороны, успѣхъ изданія можетъ служить указаніемъ, что и самъ по себѣ справочникъ въ извѣстной степени удовлетворяетъ своему назначенію. Вышедшій теперь второй выпускъ „опыта руководства для систематическаго чтенія“ предназначается для дѣтей старшаго возраста отъ 14 до 17 лѣтъ. Въ общемъ онъ сохраняетъ характеръ прежней работы автора. Считая главной цѣлью воспитанія гармоническое развитіе личности, г. Лебедевъ въ первой половинѣ своей книжки—литературный отдѣлъ—перечисляетъ рядъ книгъ, изъ которыхъ читающій долженъ вынести опредѣленныя понятія о личности, семьѣ, воспитаніи и обществѣ. Каждая изъ указываемыхъ книгъ должна, по автору, удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: 1) быть доступной дѣтскому пониманію. 2) быть настолько интересной, чтобы юный или мало подготовленный читатель не бросилъ книгу недочитанной, 3) произведеніе должно быть художественно-правдиво и 4) способно „вызвать подъемъ нравственныхъ чувствъ и любовь къ прекраснымъ, благороднымъ и возвышеннымъ образамъ“. Противъ такихъ условій врядъ ли что можно возразить. Другое дѣло — насколько удался автору самый подборъ рекомендуемыхъ книгъ. Судить объ этомъ *вполнѣ опредѣленно* могъ бы только тотъ, кто самъ прочиталъ всѣ книги, рекомендованныя авторомъ, да еще и другія соотвѣтствующаго содержанія. Такая задача была бы очень трудна. Во второмъ выпускѣ „Дѣтской и народной литературы“ указано приблизительно 550 книгъ, въ числѣ которыхъ на ряду съ „листовками“ есть и такія капитальныя сочиненія, какъ „Жизнь животныхъ“ Брэма или „Жизнь европейскихъ наро-

довъ“ г-жи Водовозовой. Кому же перечесть столько книгъ хоть бы въ два года? И самъ авторъ не могъ, конечно, отъ доски до доски перечитать всѣхъ рекомендуемыхъ имъ книгъ, а пользовался (какъ онъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи къ первому выпуску) также и отзывами другихъ подобныхъ указателей. Въ этомъ случаѣ гораздо важнѣе общій характеръ взглядовъ автора на тотъ или иной отдѣлъ рекомендуемыхъ книгъ. Онъ и излагаетъ такіе взгляды по каждому отдѣлу, прежде чѣмъ перейти къ самому указателю. Не входя здѣсь въ подробный разборъ этихъ взглядовъ, можно только сказать, что вообще они проникнуты гуманнымъ настроеніемъ, сознательной любовью къ людямъ и уваженіемъ къ достоинству человѣка. Пользуясь этими „предисловіями“, легко опредѣлить общую идею того или иного произведенія и — наоборотъ — можно подыскать по справочнику книгу на заранѣе опредѣленную тему.

Вторая половина книги содержитъ научный отдѣлъ. Онъ разбитъ на три отдѣла: природовѣдѣніе, исторія и географія. Не совсѣмъ понятно, почему этихъ отдѣловъ такъ мало. Эта узость программы заставила автора отнести въ отдѣлъ географіи и книги по экономическимъ вопросамъ и сочиненія спеціально юридическія („Экономическія бесѣды“ Карышева, „Промышленная исторія Англіи“ Гиббинса, „Азбука законовѣдѣнія“ Дружинина, „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“, „Уставъ фабричный“ и мн. др.). Другимъ, независящимъ, впрочемъ, отъ автора, недочетомъ является то, что „по нѣкоторымъ условіямъ“ онъ взялъ матеріалъ только изъ числа книгъ, допущенныхъ къ обращенію въ общественныхъ библіотекахъ, благодаря чему нѣкоторыя изданія, не вышедшія изъ продажи, но изъятыя изъ библіотекъ, использованы не были. Это обстоятельство, повидимому, сильно отразилось на полнотѣ указаній по научному отдѣлу.

Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Подъ ред. директора коллегіи **А. Т. Степовича.** Годъ 8-й. Кіевъ. 1903.

„Ежегодникъ“ все толстѣетъ, но содержаніе его въ томъ направленіи, какое мы считаемъ для него единственно законнымъ и желательнымъ, развивается мало. Отчету о школѣ, которой онъ посвященъ, удѣлена его десятая доля; о внутренней ея жизни, о педагогическомъ опытѣ ея преподавателей и руководителей мы узнаемъ изъ „Ежегодника“ очень мало; къ этой области относится только статья одного изъ преподавателей объ образовательныхъ экскурсіяхъ. Остальное въ сборникѣ: разныя статьи, матеріалы и ненужныя перепечатки. Изъ статей удачныя—вродѣ вступительной лекціи г. Александровскаго—могли бы найти себѣ мѣсто въ болѣе распространенныхъ изданіяхъ, неудачныя съ успѣхомъ остались

бы въ портфеляхъ авторовъ. Ежегоднику средней школы незачѣмъ пробираться въ университетскія записки.

Въ своей „Пушкиніанѣ“ г. Каллашъ даетъ нѣсколько матеріаловъ и соображеній по частнымъ вопросамъ изученія Пушкина. Онъ продолжаетъ также свое обширное собраніе стихотвореній о Пушкинѣ, въ предисловіи къ которому защищаетъ попрежнему необходимость такой поэтической—въ значительной мѣрѣ скорѣе анти-поэтической—коллекціи. Въ отзывѣ о первой половинѣ собранія рецензентъ „Русскаго Богатства“ указывалъ, что стихотворные отзывы по существу не отличаются отъ иныхъ, и никакого внутренняго основанія для выдѣленія этой литературы въ особый сборникъ нѣтъ. Масса накопившихся историко-литературныхъ матеріаловъ и такъ уже подавляетъ изслѣдователя своимъ количествомъ, которое мѣшаетъ разработкѣ, а подчасъ и появленію новыхъ, болѣе цѣнныхъ данныхъ. Работу надо направить на упорядоченіе этихъ матеріаловъ и на отысканіе новыхъ, если въ нихъ предполагается нѣчто дѣйствительно цѣнное, а не на собираніе хлама, который уже получилъ названіе Waschzettellitteratur. Оказывается, что составитель „имѣлъ въ виду это чисто *формальное* возраженіе при началѣ своей работы“ и возражаетъ на него слѣдующими не формальными доводами: „1) *Поэтическіе* отзывы *поэтовъ* о поэтѣ выдѣляются не только формой, но и содержаніемъ и представляютъ самостоятельный интересъ“. Именно это слѣдовало доказать; а если даже такъ, то въ собраніи г. Каллаша множество отзывовъ не поэтическихъ и принадлежащихъ не поэтамъ. 2) „Собраніе прозаическихъ отзывовъ современниковъ о Пушкинѣ представляетъ другую, грандіозную по своимъ размѣрамъ задачу, начало разрѣшенію которой, впрочемъ, уже положено Л. Н. Майковымъ“. Этого труда никто на г. Каллаша не возлагалъ; если задача устрашаетъ его своей грандіозностью, пусть за нее не берется. 3) „Выполненіе ея (съ комментаріями) заняло бы рядъ томовъ“. Этотъ доводъ есть повтореніе предыдущаго. 4) „При безбрежности матеріала, чтобы не расплыться въ немъ, нужно было строго держаться какого нибудь одного признака“. Совершенно вѣрно,—но признака внутренняго, а не случайнаго, при которомъ собраніе историко-литературныхъ матеріаловъ загромождается произведеніями безграмотныхъ графомановъ. „Въ рядѣ дополненій мы добьемся не только относительной, но и абсолютной полноты“,—обѣщаетъ въ заключеніе составитель. О, это будетъ, конечно, настоящій праздникъ русской науки: тогда ужъ, можно быть увѣреннымъ, не пропадутъ для нея такія драгоцѣнности, какъ самоотверженно розысканныя и сохраненныя для потомства произведенія господъ Лейвентама, Житина, Земскаго.

Первый пишетъ:

Честь и слава Пушкину
Пѣвцу мира русскому;

Хвала, хвала Пушкину,
Филантропу русскому!
Отдайте честь Пушкину,
Мыслителю русскому!
Хвала посмертная и честь—
Въ обоихъ свѣтахъ благовѣсть!

Второй, воспѣвая мѣсто дуэли Пушкина, сообщаетъ, что „въ странѣ Сѣверно-Ланской"—

Дорожки расчищаются
Прошедшею весной,
Древами украшаются
Назначены судьбой.
Къ чему они готовятся,
Кого будутъ встрѣчать?
И скоро здѣсь откроется
Прекрасный ипподромъ.

И такъ далѣе. Мы напомнимъ наше сужденіе, съ которымъ не соглашается г. Каллашъ: не возводить надо всякую макулатуру въ званіе историко-литературныхъ матеріаловъ, не громоздить данныя, изъ которыхъ, быть можетъ, никто никогда не добудетъ никакихъ выводовъ, а наоборотъ—стараться дѣлать эти выводы, разумно группировать и тѣмъ уменьшать массу этихъ данныхъ. Предвидѣть, что́ можетъ послужить основой для выводовъ, конечно, трудно, но, кажется, можно и должно имѣть смѣлость сказать, что выводы изъ стихотвореній господъ Земскаго и Лейвентама могутъ касаться только ихъ душевнаго здоровья, а никакъ не Пушкина. „Все, конечно, сырой матеріалъ, который, можетъ быть (!), дождется своей обработки",— утѣшаетъ себя составитель. Можетъ быть,—а пока будемъ тратить свои и чужія силы на его собираніе; въ разсчетѣ на то, что въ одной навозной кучѣ пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно, будемъ копить эти навозныя кучи?

Чтобы отстоять свою точку зрѣнія не только доводами, но и опытомъ ея приложенія, г. Каллашъ помѣстилъ въ „Ежегодникѣ" также статью „Поэтическая оцѣнка Пушкина современниками". Она, конечно, ничего не доказываетъ: механическое сведеніе односторонне подобраннаго матеріала не могло дать выводовъ: для выводовъ пришлось привлечь иные матеріалы, а изъ стихотвореній, розысканныхъ составителемъ, удалось утилизировать весьма немногое. Правду сказать, мы не остановились бы на этомъ незначительномъ эпизодѣ, еслибы онъ не показался намъ характернымъ для г. Каллаша, силы котораго достойны лучшей участи, чѣмъ собираніе ненужнаго литературнаго хлама.

Ненужнымъ представляется намъ также новый отдѣлъ „Ежегодника": отзывы о немъ, перепечатанные изъ разныхъ журналовъ. Лучше соотвѣтственными улучшеніями показать вниманіе къ этимъ отзывамъ, чѣмъ перепечаткой. И затѣмъ: если перепечатывать, то ужъ безъ пропусковъ...

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

К. Д. Бальмонтъ. Собраніе стиховъ. Томъ второй. Горящія Зданія. Будемъ какъ Солнце. Изд. „Скорпіонъ". М. 1904. Ц. 3 р.

Андрей Бѣлый. Золото въ лазури. Изд. „Скорпіонъ". М. 1904. Ц. 2 р.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Изд. „Скорпіонъ". М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Стихотворенія ***Ил. Беневитскаго.*** Казань. 1904.

Иванъ Рукавишниковъ. Стихотворенія. Книга третья. Спб. 1904. Ц. 1 р. 80 к.

Стихотворенія ***Зои Бухаровой.*** Спб. 1904.

Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Переводъ съ греческаго Д. С. Мережковскаго. Второе изданіе т-ва „Знаніе". Спб. Ц. 1 р. 40 к.

Софоклъ. Антигона. Переводъ съ греческаго Д. С. Мережковскаго. Второе изданіе т-ва „Знаніе". Спб. 1904. Ц. 40 к.

Софоклъ. Эдипъ-Царь. Переводъ съ греческаго Д. С. Мережковскаго. Второе изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1904. Ц. 40 к.

Эсхилъ. Скованный Прометей. Переводъ съ греческаго Д. С. Мережковскаго. Второе изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1904. Ц. 40 к.

Эврипидъ. Медея. Переводъ съ греческаго Д. С. Мережковскаго. Второе изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1904. Ц. 40 к.

Эврипидъ. Ипполитъ. Переводъ съ греческаго Д. С. Мережковскаго. Второе изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1904. Ц. 40 к.

Шелли. Освобожденный Прометей. Лирическая драма. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1904. Ц. 50 к.

Шелли. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Новое трехтомное переработанное изданіе т-ва „Знаніе". Спб. 1904. Ц. 2 р.

Сборникъ т-ва „Знаніе" за 1903 г. Книга 1-ая. Спб. 1904. Ц. 1 р.

С. Елпатьевскій. Разсказы. Т. I. Ц. 1 р.—Т. II. Ц. 1 р.—Разсказы о прошломъ. Т. III. Ц. 1 р. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1904.

И. Н. Потапенко. Здравыя понятія. Изданіе А. Ф. Маркса. Т. IV. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

К. С. Баранцевичъ. Свободные сны и др. разсказы. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Евгеній Чириковъ. Пьесы. Изданіе т-ва „Знаніе". Т. IV. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Мих. П. Чеховъ. Синій чулокъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Его же. Очерки и разсказы. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904. Ц. 1 р.

В. Я. Свѣтловъ. Всѣ цвѣта радуги. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

В. Розовъ-Цвѣтковъ. По ту сторону „Пояса міра". Этнографическіе очерки и разсказы. М. 1904. Ц. 1 р.

А. В. Сѣверякъ. Юмористическіе разсказы. Изъ вдохновенныхъ мемуаровъ пошехонскаго Марка Твэна. Книгоиздательство Я. Левенштейнъ и О. С. Іодко. Спб. 1904. Ц. 60 к.

А. В. Сѣверякъ. Юмористическіе разсказы. Книгоиздательство Я. Левенштейнъ и О. С. Іодко. Спб. 1904. Ц. 25 к.

Крестъ материнства. Романъ ***Н. Б. Сѣверовой.*** Спб. 1904. Ц. 1 р.

Красинскій. Иридіонъ. Переводъ съ польскаго А. Уманскаго. Изданіе т-ва „Знаніе". Спб. 1904. Ц. 60 к.

Станиславъ Пшибышевскій. Homo sapiens. Изданіе „Скорпіонъ". М. 1904. Ц. 2 р. 40 к.

С. Т. Семеновъ. Крестьянскіе разсказы. Изданіе второе „Посредника". М. 1904. Ц. 90 к.

П. Хотымскій. На новомъ мѣстѣ. Разсказъ. Изданіе „Посредника". М. 1904. Ц. 25 к.

Полное собраніе сочиненій ***И. А. Крылова.*** Т. I. Драматическія сочиненія. Изданіе т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 1904. Ц. за 4 тома 3 р.

Сказки ***Леандера.*** Переводъ съ нѣмецкаго Б. Д. Порозовской, съ 35 рис. въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1904. Ц. 60 к.

Г. Гауптманъ. Роза Берндъ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Изданіе т-ва „Знаніе". Спб. 1903. Ц. 50 к.

Феликсъ Данъ. Борьба за Римъ. Историч. романъ. Переводъ съ нѣмецкаго Д. И. Котляръ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 1 р. 30 к.

Историческіе романы ***Георга Борнъ.*** Изабелла, изгнанная королева Испаніи, или Тайны мадридскаго двора. Изданіе А. К. Касаткина. Спб. 1904. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

Изданія ***„Посредника":*** Деревушка Благодатная. Разсказъ. Ц. 1 к.—Какъ Симонъ нашелъ себѣ отца и Дитя стрѣлочника. Ц. 1½ к.—Лихой врагъ. Быль. Ц. 3 к.—Учительница. Разсказъ. Ц. 1½ к.—Бѣлая одежда. Сказка. Ц. 2 к. — Два ребенка. Разсказъ. Ц. 1½ к.—Индійскій мудрецъ Сиддарха-Будда. Ц. 6 к. Москва. 1904.

Изданія ***Горбунова - Посадова:*** Лисья семья. Разсказъ ***Эрнста Сетонъ-Томпсона.*** Ц. 15 к.—Красный воротничекъ. Разсказъ. ***Э. Сетонъ-Томпсона.*** Ц. 20 к.—Мой отецъ и другіе разсказы. Ц. 80 к.—Чужой и другіе разсказы. Ц. 70 к. М. 1904.

Отъ рабства къ славѣ. Автобіографія ***Букера Т. Вашингтона.*** Переводъ З. Журавской. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1904.

Чудесная свѣча. ***А. В. Круглова.*** Изд. Спиридонова. Спб. 1904. Ц. 15 к.

Н. Березинъ. Чао-Сянъ. Страна утра. Корея, ея природа, жители, ихъ прошлое и современное состояніе. Спб. 1904. Ц. 15 к.

Уткинскій сборникъ. Т. I. Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Подъ редакціей ***А. Е. Грузинскаго.*** Изданіе М. В. Беэръ. М. 1904. Ц. 2 р.

М. В. Кечеджи-Шаповаловъ. Этюды. Спб. 1904. Ц. 1 р.

М. Чуносовъ. Критическія статьи. Изданіе и редакція І. Ясинскаго. Спб. 1904. Ц. 30 к.

И. И. Гливенко. „Gil Blas de Santillane" Лесажа и его историко-литературное значеніе. Кіевъ. 1904.

Н. Карѣевъ. Работы русскихъ ученыхъ по исторіи французской революціи. Спб. 1904.

А. Богдановъ. Эмпиріомонизмъ. Статьи по философіи. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1904. Ц. 80 к.

А. Де-Морсье. Права женщины. Вопросы соціальнаго воспитанія. Переводъ съ франц. Эльтъ. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Е. Бутми. Развитіе государственнаго и общественнаго строя Англіи. Перев. съ нов. франц. изд. подъ редакціей М. Н. Покровскаго. М. 1904. Ц. 40 к.

В. В. Тотоміанцъ. Задачи городскаго самоуправленія. Изданіе редакціи журнала „Образованіе". Спб. 1904. Ц. 20 к.

Эмиль Вандервельде, проф. новаго Брюссельскаго университета. Бѣгство въ города и обратная тяга въ деревню. Переводъ съ франц. Л. П. Никифорова. Изданіе С. Скирмунта. М. 1904. Ц. 1 р.

Ал. Кольчевъ. Рабочіе на пріискахъ Сибири. Изданіе т-ва „Сѣверное Эхо". Спб. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

Проф. ***И. Х. Озеровъ.*** Очерки экономической и финансовой жизни Россіи и Запада. Изданіе Д. С. Горшкова. Вып. II. М. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

Проф. ***Н. Н. Любовичъ.*** Хозяйство и финансы нѣмецкихъ городовъ въ XIV и XV вѣкахъ. Варшава. 1904. Ц. 60 к.

Наша банковая политика (1729 — 1903). Опытъ изслѣдованія ***П. П. Мигулина,*** д-ра финансоваго права, орд. проф. Хар. универ. Харьковъ. 1904. Ц. 3 р.

Прив.-доц. ***Т. Локотъ.*** Классицизмъ и реализмъ. М. 1904. Ц. 40 к.

Форстеръ. Физіологія. Переводъ Д. Кашкарова. М. 1903. Ц. 30 к.

Дѣтская нервозность. Четыре конференціи д-ра А. Комба. Переводъ съ франц. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Изданія коммиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ: О заразныхъ или прилипчивыхъ болѣзняхъ. Врача ***А. Е. Помбрака.*** Ц. 10 к.—О дурной болѣзни. Д-ра медицины ***Н. С. Сперанскаго.*** Ц. 4 к.—Сибирская язва. Врача ***Д. Я. Дорфа.*** Ц. 3 к.—Ясли-пріюты для дѣтей въ деревняхъ во время лѣтней рабочей поры. Земскаго врача ***А. И. Шингарева.*** Ц. 4 к.—Для чего доктора дѣлаютъ операціи. Врача ***А. Г. Архангельской.*** Ц. 4 к.—Справочникъ по устройству медицинскихъ народныхъ чтеній. Ц. 65 к.—Рецензіи народныхъ изданій по медицинѣ и гигіенѣ. Выпускъ II. Ц. 70 к. М. 1904.

Александръ Бычковъ. Лѣчебное озеро Шира. Томскъ. 1904. Ц. 25 к.

Н. Карѣевъ. Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 8-ое. Спб. 1904. Ц. 50 к.

И. Д. Ивановичъ. Борцы и мученики за свободу Болгаріи. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1904. Ц. 60 к.

Современная Японія. Сост. ***И. Н. Коварскій***. Изданіе книжнаго магазина „Трудъ". Житоміръ. 1904. Ц. 1 к.

Л. Б. Хавкинъ. Народное образованіе въ Японіи. Изданіе редакціи журнала „Вѣстникъ воспитанія". М. 1904. Ц. 35 к.

Алиса Беконъ. Женщина въ Японіи. Переводъ съ 10-го американскаго изданія. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 1 р. 30 к.

Азія. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи ***А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ*** и ***С. Чефрановымъ.*** 2-ое исправ. и дополн. изданіе. Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1904. Ц. 2 р.

Человѣкъ, животныя и растенія. Составилъ О. Шмейль. Перев. съ нѣмецкаго С. Порѣцкій. Выпускъ 1-ый. Животныя и человѣкъ. М. 1904. Ц. 70 к.

Анри Купенъ. Причудливыя животныя. Переводъ женщины-врача Е. Д. Вургафтъ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Минералогическій атласъ, состоящій изъ 24 таб. съ текстомъ. Сост. ***Др. Ад. Зауэръ***. Изданіе книжн. магаз. В. В. Думнова. М. 1904. Ц. 3 р. 75 к.

А. А. Ивановскій. Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. Труды антропологическаго отдѣла. Т. XXII. М. 1904. Ц. 3 р.

Оливеръ Лоджъ. Электроны. Переводъ съ анг. В. М. Филиппова. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 40 к.

И. В. Шумновъ. Многосѣмянная тыква, какъ самое выгодное и надежное масличное и кормовое растеніе. Ц. 30 к.—Посадка арбузовъ и приготовленіе арбузнаго меда по улучшенному способу. Ц. 50 к. Самара. 1904.

И. М. Лисовскій и ***И. В. Шумковъ.*** Костеръ безостый. Самара. 1904. Ц. 20 к.

Извѣстія С.-Петербургскаго политехническаго института. Т. I, вып. 1 — 2. Спб. 1904.

Гр. Левъ Толстой—Великій писатель земли русской въ портретахъ, гравюрахъ и т. д. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1904.

Біографіи композиторовъ съ IV по XX вѣкъ съ портретами. Изданіе К. А. Дурново. М. 1904. Ц. 6 р.

Д. Д. Ивановъ. Объяснительный путеводитель по художественнымъ собраніямъ Петербурга. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Simplicissimus.

(*Письмо изъ Германіи*).

Нѣмца часто называютъ Gemüthsmensch — душевный человѣкъ — и это не безъ основанія. Воспитанный исторически въ мелкихъ клѣткахъ патріархальнаго государства, въ городахъ, похожихъ на деревни, и въ деревняхъ, переходящихъ въ городъ, онъ невольно сохранилъ на себѣ всѣ впечатлѣнія своей миніатюрной, но уютной и гармоничной обстановки. И по сейчасъ эта обстановка не потеряла своего значенія: когда вы проѣзжаете по Германіи, вы поражаетесь массою маленькихъ игрушечныхъ городковъ и мѣстечекъ, разбросанныхъ направо и налѣво, среди лиловыхъ холмовъ, синяго лѣса и ярко-зеленыхъ весеннихъ пажитей, и вамъ невольно припоминаются видѣнныя вами въ дѣтствѣ коробочки съ игрушечными бѣленькими домиками, сдѣланными изъ стружекъ, зелеными деревьями, барашками и пастухами, съ куколками въ красныхъ юбкахъ и широкополыхъ шляпахъ...

Правда, со временъ мальпоста и почтоваго рожка, со временъ неистребимой грязи и безчисленныхъ таможенъ, которыя разрѣзали германское отечество на массу маленькихъ областей „отечественнаго попеченія", прошло уже довольно времени; чудовище городского капитализма давно уже наложило свою тяжелую лапу на всѣ эти чистенькія, разграфленныя поля, на идиллическіе домики и на тянущіяся длинными рядами плодовыя деревья, которыя такъ характерно отличаютъ нѣмецкій проселокъ. Но нѣмецъ и до сихъ поръ остался Gemüthsmensch'емъ, его попрежнему тянетъ подъ сѣнь цвѣтущей яблони, ему милъ его укромный Heim, а жизнь свою онъ старается устроить такъ, чтобы какъ можно дольше сохранить простодушную, а подчасъ наивную веселость взрослаго ребенка.

У рядового нѣмца, въ отличіе отъ француза, эстетику жизни замѣщаетъ безпорно эта самая Gemütlichkeit — слово, воистину, на русскій языкъ не переводимое. Нѣмецъ не гонится за тѣмъ, чтобъ было красиво, чтобъ было свѣжо и оригинально. Восхищаясь чѣмъ-нибудь, онъ даже никогда не говоритъ: это прекрасно, это поразительно, это велико! Міръ истиннаго художественнаго творчества, съ его неизсякаемымъ стремленіемъ къ новымъ формамъ и образамъ, міръ революціоннаго искусства — ему не нуженъ; этотъ міръ дразнитъ и раздражаетъ, безпокоитъ и вышибаетъ изъ колеи. Чѣмъ больше надъ современнымъ нѣмцемъ гремитъ громъ соціальной непогоды, чѣмъ ослѣпительнѣе рѣжетъ атмосферу молнія классовой борьбы, тѣмъ съ большей цѣпкостью и упорствомъ стремится нѣмецъ въ свой со всѣхъ сторонъ колеблемый Heim, тѣмъ съ большимъ стараніемъ онъ водворяетъ въ его средѣ уютность и гармонію, тѣмъ плотнѣе закрываетъ онъ всѣ щели, черезъ которыя могъ бы донестить къ нему шумъ ожесточенной жизненной свалки и спугнуть изъ его гнѣзда миръ и тишину, — это благословеніе старой патріархальной Германіи. Художественному чувству очень мало говорятъ всѣ эти тряпочки, такъ заботливо развѣшенныя по стѣнамъ и окнамъ, всѣ эти дешевыя бюсты и вазочки, составляющія такую неизбѣжную принадлежность всякой истинно-нѣмецкой обстановки; но все это „nett" (мило), все это привлекательно (hübsch), все это говоритъ о чемъ-то внутреннемъ, своемъ, защищенномъ отъ внѣшняго міра, все это придаетъ ласковый и уютный видъ даже самой жалкой каморкѣ, самому скромному рабочему уголку.

И, поразительное дѣло, настолько сильно въ нѣмцѣ это чисто національное бытовое стремленіе къ уютной и „милой" обстановкѣ, что буквально по одному и тому же типу устраивается Heim и у богача-милліонера, и у самаго скромнаго „королевскаго кочегара": вся разница въ цѣнѣ и качествѣ, типъ и общій характеръ остается тотъ же. Деревянные рѣзные стулья съ неудобными спинками и деревянныя же полочки по стѣнамъ, темныя

драпировки на окнахъ и дверяхъ, громадныя деревянныя кровати съ громадными перинами и тутъ же неизбѣжный мраморный умывальникъ; масса незатѣйливыхъ картинокъ по стѣнамъ и среди нихъ обязательно портреты великаго канцлера и не менѣе великаго императора-старца; букеты изъ высушенной травы, вазочки и статуэтки вездѣ, гдѣ только можно ихъ ткнуть; полное отсутствіе свѣта во всѣхъ комнатахъ, благодаря вѣчно спущеннымъ жалюзи, и чахлыя растенія въ украшенныхъ бумагою вазонахъ. И на всемъ—печать ординарности и мира, незатѣйливаго чувства и всяческихъ воспоминаній; изъ каждаго путешествія привезена кружечка съ надписью, отъ всякаго семейнаго торжества припрятаны сувениры, по стѣнамъ красуются группы на память объ общихъ коммершахъ и кнейпахъ, но надъ всѣмъ преобладаютъ альбомы съ Post-carta'ми и, если есть—не менѣе замѣчательные альбомы поздравительныхъ депешъ, полученныхъ къ семейнымъ праздникамъ... Комната загромождена массою ненужной мебели, не чувствуется въ квартирѣ ни простора, ни воздуха, дерево, матерія и стѣны сливаются, словно, въ какую-то скорлупу, которая должна, во что бы то ни стало, создать уютное впечатлѣніе, а на самомъ дѣлѣ является только великимъ хранилищемъ пыли, съ которой энергично и неустанно борется весь женскій персоналъ семьи. И нѣмецъ безъ такой искусственно сдѣланной „уютности“ положительно жить не можетъ. Онъ не хочетъ видѣть, что его домашній очагъ уже давно потерялъ свою патріархальную, а вмѣстѣ и оригинальную прелесть, онъ словно не замѣчаетъ, что шаблономъ массоваго производства стерты всѣ индивидуальныя черты, которыя выростали прежде въ тѣсной средѣ родныхъ горъ и долинъ, и замѣнены теперь фабричной поддѣлкой подъ семейный фасонъ, а всѣ украшающіе его гнѣздо лары и пенаты носятъ на себѣ пошлые слѣды рыночной выдумки. Воистину трагично положеніе нѣмецкаго Михеля, ищущаго спасенія отъ современной сумятицы въ своей домашней скорлупѣ и расходующаго запасы своего чувства на купленные въ большомъ торговомъ домѣ домашніе артикли.

И въ общественной жизни нѣмецъ, какъ душевный человѣкъ, тоже не любитъ ничего безпокойнаго и кричащаго; даже бросаясь въ отчаянный водоворотъ современной хозяйственной борьбы, онъ тащитъ у себя на спинѣ, какъ улитка, постоянный запасъ благодушія, немудрящаго юмора и всепримиряющей, всесглаживающей рутины. Это создаетъ нѣмцу удивительную устойчивость во всѣхъ нынѣшнихъ буряхъ и битвахъ, даетъ удивительную силу пассивнаго сопротивленія въ самыхъ ужасныхъ передрягахъ и позволяетъ ему сравнительно легко переживать величайшіе переломы въ его судьбѣ и общественномъ положеніи. Нѣмецъ никогда не расходуется весь: словно разгороженный на массу отдѣльныхъ клѣточекъ аппаратъ, онъ никогда не живетъ весь

и сразу. По мѣрѣ надобности, открываетъ онъ въ своей душѣ отдѣльные клапаны и живетъ только ими; непроницаемыя переборки раздѣляютъ его душевную жизнь и семейныя радости „на двѣ половины“, и, благодаря этому, пожаръ въ „дѣловомъ“ отдѣленіи никогда не можетъ перекинуться на вершины его интеллектуальныхъ задачъ или семейныхъ наслажденій. „Gemütlichkeit“ при этомъ играетъ громадную роль: она создаетъ какъ бы внѣшнюю атмосферу, защищающую внутреннюю жизнь и дѣятельность нѣмца; какъ будто ватой закрываетъ она всѣ ненужныя отверстія чувственнаго воспріятія и даетъ возможность сохранить много старыхъ боговъ тамъ, куда давно уже рвется новая жизнь, а вмѣстѣ съ нею и новые запросы.

Загроможденное „милыми“ и ни къ чему ненужными вещами жилище, прикрытая добродушнымъ безразличіемъ и „милыми“ предразсудками душа,—вотъ та почва, на которой такъ пышно могла расцвѣсти старо-нѣмецкая вѣрность, а съ нею и безсознательный и неумный патріотизмъ... Эстетики тутъ воистину мало, и пусть не удивляется поэтому русскій путешественникъ, когда онъ при посѣщеніи нѣмецкихъ селъ и весей встрѣтится съ цѣлыми толпами бѣлорозовыхъ поклонниковъ пива, которые, гордо и самодовольно улыбаясь при видѣ своего уютнаго отечества, не въ состояніи выразить своего восхищенія иными словами кромѣ: „Какъ это мило, какъ это нѣжно, какъ это пріятно!“—Увы, другихъ словъ они не знаютъ. Сквозь очки „пріятнаго“ не видятъ они мрачной красоты нависшаго утеса, не въ силахъ понять прелести сіяющей краснымъ отблескомъ облачной громады...

Передъ нами — книжка, посвященная Дакелю. Дакель — это крохотная такса на искривленныхъ ножкахъ, олицетвореніе собачьяго ума и игривости, одно изъ любимыхъ украшеній нѣмецкаго Heim'а. На страницахъ, разрисованныхъ лучшими художниками Германіи, мы находимъ Дакеля во всевозможныхъ видахъ и положеніяхъ; тутъ есть и Дакель щенокъ, и Дакель зрѣлый, Дакель толстый и Дакель невѣроятно длинный; въ одномъ мѣстѣ онъ изъ благодарности къ вылѣчившей его старухѣ таскаетъ ей каждодневно пойманныхъ на охотѣ зайцевъ, въ другомъ—рветъ шины у велосипеда, чтобъ помѣшать своему хозяину ѣхать впередъ съ излишнею скоростью; Дакель разбойникъ и благодѣтель, Дакель воришка и Дакель охотникъ, Дакель больной и Дакель наѣвшійся сѣна, чтобъ изготовить изъ себя хозяину чучелу, все это въ самыхъ различныхъ видахъ и картинахъ наполняетъ собою 88 страницъ изящно изданной книжки, и даетъ намъ яркій примѣръ глубоко-душевнаго отношенія нѣмца къ умному звѣрьку, этому ангелу-утѣшителю подъ кровомъ нѣмецкаго Heim'а. Эпопея о Дакелѣ—глубоко характерна. Своимъ незатѣйливымъ юморомъ она живо напоминаетъ намъ того простого и добраго Карла Карловича или Ѳеодора Ѳеодоровича, которые въ такомъ изобиліи

разсыпаны и по русской землѣ. Врядъ ли какой-нибудь народъ могъ бы такъ серьезно заниматься такими милыми глупостями, такими сравнительно наивными нелѣпостями, надъ которыми здѣсь потѣшается нѣмецъ. И тотъ же самый характеръ нѣмецкаго юмора мнѣ пришлось видѣть въ извѣстномъ въ Германіи мюнхенскомъ карнавалѣ.

Нѣмецкій юморъ и тамъ отличался всѣми признаками „дакеліады". Толстый извозчикъ, упрятавшій свой наполненный пивомъ животъ въ бархатные штанишки „baby", обрамившей толстую, красную шею кружевнымъ дѣтскимъ воротничкомъ и съ соскою во рту. Толстый мясникъ-подмастерье въ трико и женской сорочкѣ — въ качествѣ стыдливой красавицы, только что оторванной отъ сладкой перины. Невѣроятный жандармъ, съ пылающимъ носомъ и шваброю вмѣсто усовъ, съ нелѣпымъ остервенѣніемъ бросающійся на невиннѣйшихъ почитателей карнавала. Наконецъ, цѣлыя толпы альпійскихъ путешественниковъ, аккуратно влѣзающихъ на всѣ встрѣчные фонари; громадныя партіи невообразимыхъ разбойниковъ, бродягъ и изукрашенныхъ всѣми цвѣтами радуги пропойцъ и арестантовъ — все это двигалось пестрою толпою съ гвалтомъ и шумомъ мимо дворца принцарегента и театра, наполняло собою широкую улицу и покрывало моремъ confetti и серпантинами и бѣлыхъ паяцовъ, и пестрыхъ арлекиновъ, и экипажи, на которые безъ церемоніи садились всѣ желающіе, безъ спросу сѣдоковъ, и цѣлыя тучи мальчишекъ со свистками, трещетками, пищалками и прочею прелестью. Тутъ не было ни французскаго изящества, ни итальянскаго пыла, „вицы" ложились тяжело и неуклюже, шутки были подъ часъ грубоваты, но надъ всѣмъ была такая атмосфера наивнаго, почти дѣтскаго веселья, такъ добродушно принималось самое неудачное буффонство, такъ всѣ искренно хотѣли веселиться, что невольно спускалось на всѣхъ какое-то полуглупое, полурадостное настроеніе, и хотѣлось смѣяться всякому выставленному передъ носомъ пальцу... Художникомъ, воплотившимъ въ своихъ работахъ весь этотъ неуклюжій юморъ нелѣпости, несомнѣнно является всемірно извѣстный Вильгельмъ Бушъ, а журналомъ, наиболѣе тонко и поэтически рисующемъ чисто нѣмецкую, смѣющуюся уютность—Die fliegenden Blätter.

Мнѣ невольно припоминается та типичная картинка изъ этого журнала, которая повторяется въ немъ въ безконечныхъ варіаціяхъ и придаетъ ему такой яркій отпечатокъ нѣмецкой домашней юмористики. Старо-нѣмецкой домикъ съ пристройками и надстройками, съ рѣзными башенками и крылечками — домикъ изъ нѣмецкой сказки — воплощеніе маленькаго комфорта и патріархальнаго самодовольства, домикъ, который всѣми своими окошечками радуется солнцу, принимаетъ задумчивый и фантастическій видъ при свѣтѣ луны, а зимою такъ манитъ на свой огонекъ

4*

озябшаго и продрогшаго прохожаго; и этотъ домикъ, обыкновенно, населенъ цѣлою массой всякихъ звѣрятъ, принявшихъ видъ и обликъ нѣмецкаго Михеля и его сородичей. Здѣсь лягушка съ видомъ старой сплетницы корпитъ надъ чулкомъ и чашкою кофе, здѣсь и добродѣтельная мышь развѣшиваетъ на веревкѣ штанишки маленькихъ мышенятъ, здѣсь и суровый блюститель порядка, бульдогъ съ трубкою въ зубахъ, наблюдаетъ за поведеніемъ буйной стаи воробьевъ, которые, презрѣвъ начальство, предаются свойственному имъ легкомысленному ликованію. Какъ видите, всѣ опоры нѣмецкаго маленькаго уголка на лицо, и если художникъ порою переноситъ насъ въ лѣсное царство и открываетъ намъ въ дуплѣ стараго дуба цѣлый міръ благонамѣренныхъ зайчатъ съ опекунами въ видѣ лисицъ и цѣлой арміей эльфовъ, никсъ и гномовъ, то, опять-таки и здѣсь, мы встрѣчаемъ все ту же милую картину домашняго труда и семейныхъ радостей, все то же сочетаніе смѣха и наивности, подъ кровомъ мелкой хитрости и невиннаго разсчета.

Нѣмецъ — душевный человѣкъ. И если еще съ приснопамятнаго 48-го года было провозглашено, что миръ и тишина—первая обязанность всякаго гражданина, то воистину нѣтъ лучшей основы для этой добродѣтели, какъ нѣмецкая душевность, взрощенная на зеленой травкѣ и запрятанная въ тряпочки уютнаго Heim'а, душевность, которой такъ свойственны невинный юморъ и веселая буффонада, которая находитъ объектъ для своего примѣненія и въ хитроумномъ Дакелѣ, и въ карнавальной шуткѣ и такъ мило и граціозно поэтизируетъ добродѣтельныхъ мышей и исполненныхъ сознанія долга бульдоговъ.

И тѣмъ не менѣе, съ Gemütlichkeit съ каждымъ днемъ все болѣе приходится прощаться. Чѣмъ болѣе обостряются классовыя противоположности, чѣмъ шире бьетъ волна соціальнаго недовольства, тѣмъ тоньше и прозрачнѣе становятся стѣнки, защищающіе Heim отъ бушующей снаружи ихъ бури, тѣмъ громче и назойливѣе слышатся голоса, которые сардоническимъ смѣхомъ привѣтствуютъ спрятавшійся въ скорлупу своего домика эгоизмъ, тѣмъ безжалостнѣе обнажаетъ свѣтъ общественнаго сознанія всю мишурность сентиментальныхъ сувенировъ, за которыми „душевный человѣкъ" укрывается отъ тяжелой отвѣтственности за общественную нищету и горе.

Съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкая сатира на отдѣльныхъ листкахъ и въ журналахъ вторглась тысячью образовъ въ святилище нѣмецкаго Heim'а, она разбила его патріархальную уютность, нарушила покой его обитателей. Въ началѣ она обратилась исключительно къ политической области и забросала обывателя тысячами каррикатуръ на представителей мрачной реакціи и своекорыстнаго феодализма. Она дала ему удивительные дореформенные образы, которые кошмаромъ давили на мозгъ и не давали

Михелю покою. Она изобличила потомъ всю бревность и безсиліе его либеральныхъ вождей, показала глубоко трагическій процессъ линянія стараго радикализма въ цвѣта пустого самодовольнаго фразерства. Въ послѣднее время, параллельно съ ходомъ общественнаго просвѣтлѣнія, и сатира въ области каррикатуры завоевала себѣ новое царство. Во имя безграничнаго права критики и изслѣдованія, она опустошила весь нѣмецкій Олимпъ и вскрыла всю подоплеку бюргерской благонамѣренности и патріотизма.

И какою бронею ни закрываетъ Михель свой Heim отъ грядущей невзгоды, какъ ни пытается онъ сохранить свое благодушіе во что бы то ни стало, время тяжелой соціальной работы захватываетъ собою постепенно всѣ круги населенія, приближается часъ соціальной Немезиды, и всякій, кому дорога культурная честь Германіи, ея величіе и ея духовныя силы, долженъ осмотрѣть теперь опасности прямо въ глаза.

Для того, чтобы окинуть общимъ взглядомъ исторію нѣмецкой каррикатуры, обратимся къ помощи одного замѣчательнаго труда въ этой области, а именно двухтомной „Die Karrikatur der europäischen Völker“, изданной къ минувшему Рождеству извѣстнымъ редакторомъ южно-нѣмецкаго „Почталіона“ Эдуардомъ Фуксомъ *).

II.

Міръ каррикатуры—совершенно особый міръ. Здѣсь, говоритъ Фуксъ, все поставлено кверху ногами. Законы, по которымъ все вообще движется и дѣйствуетъ, здѣсь не имѣютъ ни малѣйшаго примѣненія. Формы звѣря мѣшаются здѣсь съ человѣческимъ образомъ, а жизнь съ неорганическимъ міромъ. Техническія приспособленія являются въ качествѣ членовъ человѣческаго тѣла, носъ становится ружьемъ, мачта превращается въ длинную до жуткости руку, а цѣлый человѣкъ въ громадную суповую миску. Въ одномъ мѣстѣ крыша дома становится ѣздовымъ животнымъ, летающимъ по воздуху, въ другомъ — огромная голова путешествуетъ на крохотномъ тѣльцѣ, или, еще иначе, ѣдетъ на лошади шляпа въ сапогахъ. Все разрѣшается здѣсь въ дикую, затемняющую смыслъ путаницу; слѣпой видитъ, разслабленный танцуетъ, глухой слышитъ, а нѣмой проповѣдуетъ; кажется, что всякая логика здѣсь разрушена, какъ въ частности, такъ и въ общемъ. Невозможная мѣшанина порожденій фантазіи демоновъ, боговъ и чертей. Всѣ привилегіи авторитета, святости, ранга и рожденія здѣсь отмѣнены. Къ князьямъ здѣсь обращаются на ты, съ богами пьютъ брудершафтъ. Разрушенная святость сходитъ съ

---

*) Eduard Fuchs, Die Karikatur der europäischen Völker. I, II, Berlin, 1902—1903.

своихъ пьедесталовъ, а столѣтніе предразсудки, передъ которыми лежали въ прахѣ цѣлыя поколѣнія, разлетаются, какъ легкій туманъ отъ вѣтра. Храбро берутъ здѣсь съ бою высокія, какъ башни, препятствія, съ быстротою молніи преодолѣваются всякія преграды, шутя разрѣшаются труднѣйшія проблемы человѣчества. Здѣсь любятъ и ненавидятъ, танцуютъ и проклинаютъ, насмѣхаются и поражаютъ сарказмомъ...

И однако-же, все здѣсь движется по точно опредѣленнымъ законамъ, все стремится къ ясно сознаннымъ цѣлямъ, здѣсь господствуетъ свой особый языкъ—это рѣчь совершенно особыхъ символовъ и особой грамматики.

Каррикатура стоитъ прежде всего на общей почвѣ всякаго изобразительнаго искусства: она подмѣчаетъ типичное, важное и характерное въ каждомъ отдѣльномъ явленіи и опускаетъ все неважное и второстепенное. И если искусство вообще приводитъ въ гармонію основное и важное со второстепеннымъ и несущественнымъ и такимъ образомъ сохраняетъ, всетаки, естественное соотношеніе между частями, то карикатура переходитъ далеко за предѣлы обычнаго и натуральнаго, преднамѣренно нарушаетъ естественныя пропорціи и при помощи чудовищныхъ преувеличеній даетъ яркій и рѣжущій образъ одной основной черты, одной части, одной стороны даннаго явленія. Каррикатур может быть совершенно лишена характера сатиры или злостной пародіи, она можетъ быть очень невинна по своему замыслу, и тогда она вызываетъ только безобидный смѣхъ неожиданнымъ и оригинальнымъ шаржемъ. Но каррикатура можетъ быть и очень зла. Художникъ можетъ воспользоваться ею для того, чтобы вскрыть внутреннюю дрянность извнѣ приличнаго субъекта; примѣтивъ для большинства невидимыя черты пошлости и грязи, онъ подчеркиваетъ ихъ и выставляетъ на общественный позоръ; онъ вычеканиваетъ въ формы внѣшняго уродства внутреннее безобразіе человѣческихъ лицъ и дѣяній и заставляетъ насъ ужаснуться при видѣ отвратительныхъ чудовищъ, таящихся въ общественной тинѣ. Говорятъ, никакое искусство не можетъ быть такъ фантастично и неправдоподобно, какъ сама жизнь, и ни одинъ, самый неправдоподобный, романъ не угонится за ея неправдоподобностью. Но каррикатура этого упрека не заслуживаетъ. Она реалистична, какъ самая настоящая реальность, а потому и столь-же неправдоподобна. Она не останавливается ни передъ какими язвами частной и общественной жизни. Она дерзко срываетъ покрывало съ самыхъ затаенныхъ уголковъ личнаго быта, съ самыхъ отвратительныхъ и секретныхъ тайниковъ души. Ея звѣриные образы и бездушные автоматы, ея циничныя фигуры и кричащая нагота, ея палачи и проститутки, злобные филистеры и рабскія души, ея нелѣпыя сочетанія борющихся тѣлъ и танцующаго порока—все это сама жизнь современнаго общества, но жизнь, скры-

тая подъ спудомъ, струящаяся мутными струями по подземнымъ клоакамъ благоприличнаго, добродѣтельнаго, пасущагося въ мирѣ человѣческаго стада.

Сатирическая каррикатура играетъ огромную роль въ жизни общества, она является удивительнымъ популяризаторомъ общественной науки и практической политики среди широкихъ народныхъ массъ. Она умѣетъ перевести на языкъ яркихъ и всѣмъ доступныхъ символовъ самые отвлеченные и сложные историческіе законы и воплотить въ живыхъ, незабываемыхъ образахъ и партійную идеологію, и политическій памфлетъ. Она заимствуетъ у этики ея высочайшіе идеалы и ставитъ въ фокусъ моральнаго свѣта и обычную житейскую пошлость, и общепризнанныхъ вождей народа, и тѣ общественные порядки, которые всѣмъ примелькались и, казалось бы, уже ни съ чьей стороны не встрѣчаютъ осужденія. И сатира здѣсь дѣлаетъ чудо. Подъ ея пронизывающимъ свѣтомъ пробуждается заснувшая совѣсть, стыдъ вступаетъ въ свои права, а традиціонный порядокъ получаетъ видъ громаднаго фантастическаго вампира, угнетающаго и духъ, и жизнь милліоновъ людей. Дѣйствіе сатиры можно сравнить съ дѣйствіемъ рентгеновскихъ лучей, которые пронизываютъ тѣло и подъ жирнымъ и гладкимъ покровомъ отражаютъ на экранѣ уродливыя и исковерканныя кости. Сатирическая каррикатура не останавливается ни передъ чѣмъ во имя правды и справедливости. Насмѣшкой подтачиваетъ она твердыни пошлой рутины и отжившей традиціи. Сарказмомъ рушитъ она размалеванныя стѣны ложнаго авторитета и вздутаго недомыслія. Бичемъ общественнаго презрѣнія клеймитъ она человѣконенавистничество и злобу, своекорыстіе и эксплуатацію, торжествующимъ смѣхомъ очищаетъ пути къ новому и свѣтлому міру, куда зоветъ человѣчество алканіе правды и тоска по идеалу...

Два періода пережила каррикатура въ Германіи: въ первомъ, она стояла на почвѣ чисто-политической борьбы, и этотъ періодъ тянулся очень долго, до тѣхъ поръ, пока съ установленіемъ твердаго правового порядка и съ развитіемъ капитализма, не вышли на поле соціальной борьбы новыя силы, а съ ними не родились и новые запросы. Съ этой поры карикатура стала соціальной.

Рожденіе нѣмецкой политической каррикатуры относится еще къ до-мартовскому времени. И вполнѣ естественно, что чисто канцелярскій, бумажный режимъ съ его формалистикой и хитросплетеніями сдѣлался первой мишенью для пробуждавшагося сатирическаго духа. Вотъ какъ характеризуетъ червя-параграфа, эту основу бюрократизма, Эуленъ-Шпигель въ 1848 г. Этотъ „червь во многихъ мѣстностяхъ называется также висѣлицею справедливости. Онъ находится во всѣхъ судебныхъ, губернскихъ и министерскихъ канцеляріяхъ, въ удушливомъ

воздухѣ которыхъ онъ прекрасно развивается и, благодаря своему неимовѣрному размноженію, давно уже сталъ общественной язвой. Какъ по своему тѣлесному строенію, такъ и по своимъ свойствамъ, онъ очень похожъ на змѣю. Такъ же, какъ змѣя, онъ становится чрезвычайно вялымъ во время переваривания своей добычи и только тѣмъ отличается отъ нея, что для удовлетворенія своей прожорливости собираетъ запасы въ особыя камеры. Во всемъ же остальномъ онъ также, какъ и змѣя, хитеръ, ядовитъ, гибокъ и гладокъ, и поймать его можно только съ трудомъ. Послѣднее дѣло есть небезвыгодное занятіе и исключительная привилегія адвокатовъ, которыхъ называютъ укротителями параграфовъ, такъ какъ они имѣютъ очень много сходства съ индійскими укротителями змѣй. Такъ же, какъ индійцы со своими змѣями, адвокаты дѣлаютъ съ нашими отечественными параграфами невѣроятныя штуки и такъ же, какъ и тѣ, привыкли получать вознагражденіе за свои представленія. До сихъ поръ человѣчество получило очень мало пользы отъ подобныхъ штукъ, напротивъ того, данный родъ змѣй сдѣлался для Европы гораздо большимъ бѣдствіемъ, чѣмъ даже очковая змѣя для Америки, и если наше общество желаетъ добиться упорядоченной и здоровой жизни, то оно должно прежде всего приступить къ великому истребленію параграфовъ.“ И надъ этими строками картинка: толстый черный червякъ-параграфъ въ треугольной шляпѣ, въ мундирѣ съ вышитымъ воротникомъ и шпагой, съ тонкимъ хвостомъ и съ высохшей головой китайскаго мандарина — гибкій и ядовитый червякъ. Насколько этотъ червякъ дѣйствительно поражалъ собою нѣмецкую дореформенную жизнь, видно хотя бы изъ тѣхъ карикатуръ, которыя были посвящены нѣмецкой дореформенной цензурѣ. Вотъ передъ нами нѣмецкая пресса начала XIX вѣка, изображенная Іоганомъ Больцомъ: несчастная старуха съ связанными крыльями, съ кандалами на рукахъ, обставленная со всѣхъ сторонъ одуряющими лѣкарствами и сонными порошками. Или вотъ печальное шествіе нѣмецкихъ газетъ и изданій въ цензуру: на первой картинкѣ эти газеты красуются еще неповрежденными передъ трибуналомъ многочисленныхъ щелкающихъ ножницъ, которыя, въ ожиданіи своихъ жертвъ, засѣдаютъ съ широко-раскрытой пастью въ удобныхъ креслахъ, съ напудренными париками на головахъ. Среди газетъ однѣ, лохматыя и непокорныя, безъ стѣсненія лѣзутъ на ножницы, другія газеты униженно кланяются и берутъ изяществомъ манеръ. И скорая расправа не заставляетъ себя ждать. Лохмачи страдаютъ чрезвычайно. На самыхъ пикантныхъ мѣстахъ ихъ одѣянія вырѣзываются громадныя дыры, черезъ которыя посвѣчиваетъ худое, ободранное тѣло; многіе изъ нихъ лишились рукъ и ногъ, у нѣкоторыхъ ножницы торчатъ въ головѣ; только приличные, казенные органы шествуютъ неповрежденными, осталь-

ная же братія съ конфузомъ скрывается въ типографію, чтобы тамъ прикрыть свои жалкія прорѣхи.

На другой картинкѣ съ подписью:

Süsse heilige Zensur
Lass uns gehn auf deiner Spur,
Leite uns an deiner Hand
Kinder gleich am Gängelband *).—

мы видимъ цѣлое торжественное шествіе: впереди мышь, съ знаменемъ, на которомъ нарисованъ ракъ и водворенъ гасильникъ, за ней ножницы, вооруженныя розгами и краснымъ карандашомъ, ведутъ на веревкахъ кучу мальчишекъ - газетъ; шествіе заключаетъ баранъ въ треуголкѣ, съ собачкой на привязи.

Впрочемъ, и въ первое время послѣ изданія новыхъ законовъ о цензурѣ въ Германіи было не легче. На это указываетъ хотя бы каррикатура Каспара Брауна, изображающая полицейскаго служителя, рѣшающагося, на всякій случай, конфисковать газеты, хотя нужный для этого коммисаръ еще не пришелъ. Фигура этого полиціанта, дѣйствительно, хороша. Въ ней положительно воплощенъ тотъ типъ хитроумной глупости, который такъ характеренъ для данной эпохи. Въ другомъ случаѣ, законъ о печати 48-го года получаетъ еще лучшую иллюстрацію. Торговецъ тряпками стоитъ передъ судомъ и допытывается, за что его судятъ. „Г. Пихельмейеръ,—отвѣчаетъ ему предсѣдатель,—вы обвиняетесь въ государственномъ преступленіи; сочинитель возмутительнаго листка бѣжалъ, также бѣжали издатель, типографщикъ, наборщикъ, разнощикъ и бумажный торговецъ, такимъ образомъ, мы должны остановиться на васъ, какъ на лицѣ, у котораго были куплены тряпки для выдѣлыванія этой бумаги“.

И бюрократическій „параграфъ“ дѣйствительно сдѣлалъ свое дѣло. Каррикатуры до-мартовскаго времени рисуютъ намъ въ яркомъ свѣтѣ того одурѣлаго, „замордованнаго“ и окончательно не знающаго, что ему дѣлать, Михеля. Это Михель, зарождающійся для будущей жизни въ цвѣткѣ лотоса, разсуждающій съ завязаннымъ ртомъ въ клубѣ мыслителей, Михель воплощенный Eulenspigel'емъ въ фигурѣ какого-то полуидіота съ блаженной улыбкой, со взглядомъ себѣ на умѣ, который одинаково долженъ быть далекъ и отъ реакціи, и отъ республики. Это—Михель, у котораго по карикатурѣ 48-го г. господскія свиньи пожираютъ картошку, приготовленную для дѣтей, а выгнанные помѣщикомъ кабаны вытаптываютъ все его съ такимъ трудомъ обработанное поле. Не мало замѣчательныхъ картинокъ даетъ намъ каррикатура того времени. Вотъ передъ нами два сосѣда бесѣдуютъ въ открытой

*) Святая, сладкая цензура, дозволь намъ слѣдовать по твоимъ стопамъ, веди насъ своею рукой, какъ дѣтей, на помочахъ.

и пустынной мѣстности о событіяхъ того времени. „Да, да“,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—„замѣчательный годъ, — однако, громко нельзя говорить, но — вы опять читали о Феррарѣ? Народы становятся зрѣлыми“. Другой на это въ страхѣ замѣчаетъ: „Пссс...“ — „Въ концѣ концовъ, можетъ быть, по всѣмъ улицамъ будетъ позволено куреніе табаку, и прежде этого не будетъ никакого спокойствія — въ Европѣ“—...„Псссстъ! Ради Бога!..“ Картинка эта достаточно характерна для тогдашней бюргерской напуганности. Ее дополняетъ другая. Сосѣдъ предсказываетъ сосѣду будущее Германіи: „Я говорю вамъ, что если дѣла такъ дальше пойдутъ, то онѣ такъ дальше не пойдутъ...“

Какъ извѣстно, надъ Германіей пронеслись бурные годы, которые дали ей свободу печати и свободу собраній, независимость судей и начало народнаго представительства. Каррикатура сопровождала всѣ перипетіи трудной борьбы, освѣщая своимъ яркимъ свѣтомъ закулисные тайники совершающихся событій. На страницахъ этой сатирической лѣтописи передъ нами, прежде всего, фигурируетъ знаменитая Лола: то она танцуетъ „баварскую исторію“ и бросаетъ ногами министерскіе портфели, то въ видѣ испанской мухи кусаетъ задравшаго хвостъ большого осла, то красуется въ мюнхенской Валгаллѣ, рядомъ съ Лютеромъ, а ея граціозная ножка поднята прямо надъ головою короля, то, наконецъ, исторія Людвига и Лолы воплощается въ цѣломъ рядѣ картинокъ, гдѣ разсказывается повѣсть о кошкѣ, притащившей къ себѣ домой чертенка за хвостъ, и о томъ, какъ выросшій чертенокъ терзалъ свою благодѣтельницу, а наконецъ, и вышвырнулъ ее вонъ. Лола Монтесъ, рисуемая карикатурой то въ видѣ мюнхенской Аріадны, то какъ участница всенѣмецкаго придворнаго бала, была безспорно символомъ первой части нѣмецкаго „сумасшедшаго“ движенія. Во второй выступили на первый планъ нѣмецкіе бюргеры и франкфуртскій парламентъ, прусская реакція и мартовскія баррикады.

На первый планъ выступаетъ здѣсь передъ нами то либеральное филистерство, которое такъ удачно выражено въ разговорѣ трехъ пріятелей изъ „Fliegende Blätter“. „Въ главномъ пунктѣ мы всѣ согласны, мы и напротивъ сидящіе у кондитера; теперь идетъ только вопросъ о томъ, г. Мейеръ, согласны ли вы принять диктатуру, мы тогда можемъ начать тотчасъ же, во вторникъ, послѣ вечерней зари“. Нечего и говорить, что Мейеръ изображенъ при этомъ добродушнѣйшимъ бюргеромъ съ нѣсколько глуповатымъ выраженіемъ лица. И подобные Мейеры были дѣйствительно стопудовою гирей на ногахъ нѣмецкаго политическаго движенія. Этотъ самый Мейеръ лежалъ подъ периною въ ночномъ колпакѣ 18—19 марта 48-го года въ Берлинѣ; онъ составлялъ постоянную помѣху и несчастіе франкфуртскаго парламента, онъ же, наконецъ, воплотился въ классической фигурѣ г-на Пипмейера, этого созданнаго сатирой члена учредительнаго

національнаго собранія. Эпопею этого послѣдняго слѣдующимъ образомъ передаетъ Э. Фуксъ въ своемъ изслѣдованіи: „Г-нъ Пипмейеръ стоитъ передъ своими избирателями. Однихъ убѣждаетъ онъ въ силѣ своего конституціонно-монархическаго образа мыслей, другихъ—въ чистотѣ и силѣ своихъ республиканскихъ чувствъ. Онъ обѣщаетъ голосовать за свободную торговлю и въ то же время за охранительныя пошлины. Пипмейеръ, само собою, избирается единогласно. Будучи въ первый разъ въ церкви святого Павла, онъ не знаетъ, сѣсть ли ему направо, или налѣво. Въ этомъ положеніи онъ знакомится съ однимъ журналистомъ, который кое въ чемъ его просвѣщаетъ. Теченіе налѣво въ данный моментъ является наиболѣе своевременнымъ, и согласно съ этимъ выбираетъ онъ себѣ костюмъ. Нѣсколькими пинками ноги онъ придаетъ своей парламентской шляпѣ надлежащую революціонную форму и оставляетъ бороду неподстриженной и нечесанной. Въ то же самое время его другъ-журналистъ обращаетъ его вниманіе на то, что Германіи не хватаетъ еще истинно-національнаго напитка... Пипмейера охватываетъ тогда великая политическая идея. Его задача—это составить напитокъ, который представлялъ бы собою настоящую середину между виномъ, пивомъ и водкой и, съ одной стороны, удовлетворилъ бы потребностямъ различныхъ нѣмецкихъ племенъ, съ другой же, соотвѣтствовалъ бы идеѣ нѣмецкаго единства. Въ виду новыхъ событій Пипмейеръ размышляетъ, не лучше ли ему подвинуться нѣсколько налѣво, но въ виду самоновѣйшихъ событій Пипмейеръ рѣшаетъ въ концѣ концовъ подвинуться дальше направо; а такъ какъ экономическая коммиссія какъ разъ занялась вопросомъ о національномъ напиткѣ, то онъ стремится попасть туда въ члены. Ему удастся, однако, проникнуть только въ регистратуру коммиссіи, гдѣ онъ, къ своему удивленію, находитъ цѣлую массу актовъ о слѣдующихъ вопросахъ: объ улучшеніяхъ въ арміи, о мученіяхъ корабельныхъ юнговъ матросами, о безсмертіи души, о различныхъ средствахъ противъ насѣкомыхъ (Прим. секретно), объ улучшеніи бумажныхъ ножницъ, о германской имперской конституціи, о наилучшей чисткѣ всякой посуды, о средствахъ для умиротворенія Мексики, объ улучшеніи подтяжекъ, объ отношеніи государства къ церкви, объ употребленіи сигарнаго пепла для удобренія и т. д. Пипмейера эти акты приводятъ въ полное восхищеніе. Увидѣвъ затѣмъ въ картинной лавкѣ портреты Кавеньяка, Врангеля, Елачича и Виндишгреца, онъ рѣшается подвинуться болѣе направо; но вотъ Пипмейеръ читаетъ журнальную статью, въ которой его другъ высказываетъ великія надежды по поводу вступленія Пипмейера въ парламентъ и рисуетъ послѣдствія этого факта для будущаго Германіи. Подъ вліяніемъ этой статьи Пипмейеръ изучаетъ по ночамъ, передъ зеркаломъ, въ одной рубашкѣ, всѣ нужные обороты и жесты; въ особенности упражняется онъ въ произнесеніи слѣ-

дующихъ фразъ съ соотвѣтственной позой: „Я интерпеллирую имперское министерство“ (его выборщики особенно напираютъ на интерпелляціи)! „Съ моей точки зрѣнія!“ „Господа съ этой стороны палаты!“ „Конвентъ, господа конвентъ!“ „Реакція, открытая реакція!“ „Измѣнническая камарилья!“ „Грубая солдатчина!“ „Ни капли нѣмецкой территторіи! Браво!“ „Пробивающаяся заря свободы! Браво!..“ И тѣмъ не менѣе, Пипмейеръ передвигается еще болѣе направо. Получивъ адресъ отъ демократическаго союза своего округа, онъ передвигается опять налѣво. Въ ночной тишинѣ онъ любилъ, однако, представлять тотъ случай, когда въ національное собраніе проникаютъ солдаты, а онъ съ раскрытою грудью бросается имъ настрѣчу. Кончаетъ Пипмейеръ тѣмъ, что пристраивается на казенный счетъ на тепленькое мѣстечко. Не менѣе, впрочемъ, любитъ Пипмейеръ и позу для своего будущаго памятника, и на этомъ памятникѣ гордая надпись: „твердъ, какъ нѣмецкія сосны!“

Такова была нѣмецкая каррикатура бурнаго періода. Послѣ пережитой катастрофы народъ философовъ сталъ народомъ дѣльцовъ и политиковъ; перемѣнилась и роль каррикатуры. Въ политической области она стала скорѣе отраженіемъ фактовъ, чѣмъ ихъ двигательнымъ началомъ. Мало этого, во многихъ случаяхъ политическая каррикатура потеряла свое жало, и мечъ ея притупился. Захваченная общимъ потокомъ эпохи побѣдъ и „народной гордости“, политическая сатира раздѣлила судьбу германской общественной мысли, и сама въ извѣстной степени смирилась передъ тріумфомъ французскаго погрома, передъ грубою силой великаго юнкера. Если мы заглянемъ въ нѣмецкую каррикатуру до и послѣ 70-го года, то мы не найдемъ тамъ ничего подобнаго сатирѣ „сумасшедшаго года“.

Въ нѣмецкой каррикатурѣ этой эпохи мы встрѣчаемся почти исключительно съ образами Бисмарка, этой, безспорно, господствующей фигуры того времени. Бисмаркъ передъ нами здѣсь въ тысячѣ видовъ, въ самыхъ возможныхъ и невозможныхъ положеніяхъ. Въ одномъ мѣстѣ Бисмаркъ въ видѣ граціозной танцовщицы ловко танцуетъ между яйцами, на которыхъ написано: право, законъ, реформа, конституція. законъ о печати, гражданская свобода, а на подписи стоитъ: „Не раздавить ихъ, нѣтъ, но обойти ихъ ловко!“ На другой картинкѣ Бисмаркъ въ качествѣ канатнаго плясуна переноситъ къ дому съ надписью: „1866 г.“, по тонкой проволокѣ, прусскій конституціонный конфликтъ; но въ обоихъ случаяхъ Бисмаркъ изображенъ далеко не въ такомъ видѣ, чтобы ловкая и статная фигура политическаго жонглера могла вызвать отвращеніе въ читателѣ. Такую же сравнительно невинную насмѣшку видимъ мы и на той каррикатурѣ, гдѣ Бисмаркъ, въ качествѣ талантливаго ученика Наполеона III, получаетъ отъ него наставленія поли-

тической мудрости и дипломатическаго искусства. Въ изображеніи Януса съ лицами Наполеона и Бисмарка мы видимъ ученика, сравнявшагося уже съ учителемъ въ его искусствѣ. Въ менѣе привлекательномъ видѣ встрѣчаемъ мы Бисмарка на каррикатурѣ подъ названіемъ „Дикое войско 1866 г.“, на которой въ каульбаховскихъ формахъ изображенъ Вильгельмъ I, какъ тріумфаторъ въ братоубійственной междуусобной войнѣ. Три дикихъ коня несутъ во весь опоръ тяжелую колесницу императора, и подъ ея колесами гибнутъ нѣмецкіе воины, ихъ жены и дѣти, утопаютъ въ крови ихъ поля и посѣвы, а на конѣ, рядомъ со смертью, несется Бисмаркъ и высоко держитъ знамя съ надписью „Сила, а не право“, „Кровь и желѣзо!“ Но такія каррикатуры на Бисмарка очень рѣдки. Даже такіе его подвиги, какъ законъ о соціалистахъ, не встрѣтили въ нѣмецкой каррикатурѣ надлежащаго отпора. Если мы хотимъ найти сатирическую, въ истинномъ смыслѣ этого слова, оцѣнку Бисмарка и его императора, то намъ необходимо обратиться за этимъ въ Австрію, Бельгію или Францію, но никакъ не въ Германію. Только за рубежемъ Германіи найдемъ мы Вильгельма то въ видѣ королевскаго хищнаго тигра, то въ видѣ предводителя черной стаи воронья. Только здѣсь мы встрѣтимъ побѣдителя Франціи примѣряющимъ на свою голову втрое большую, чѣмъ она сама, корону, или толкающимъ смерть на новыя убійства, при чемъ она падаетъ отъ усталости и отказывается убивать дальше...

И послѣ 70-го года мы встрѣчаемся съ нѣмецкими каррикатурами на Бисмарка, но и онѣ относятся къ національному герою не менѣе благосклонно. То Бисмаркъ въ качествѣ романтической Лили кормитъ свободомыслящихъ пѣтуховъ и націоналъ-либеральныхъ гусей, то въ эпоху союза съ этими послѣдними красуется въ видѣ мощнаго дерева, на суку котораго возсѣдаютъ либеральныя обезьяны. То онъ во время процесса Арнима въ видѣ Зевса ниспровергаетъ несчастнаго Титана. То, наконецъ, въ видѣ Гамлета поражаетъ въ знаменитой полемикѣ самого себя, какъ Полонія... Но три волоска Бисмарка, увѣковѣченные Кладдерадачемъ, все же остались символомъ политической мощи Германіи даже послѣ паденія канцлера, и если положеніе трехъ волосковъ перестало быть барометрическимъ показателемъ политической погоды, то все же именно этимъ символомъ можно безъ натяжки характеризовать весь бисмарковскій періодъ нѣмецкой исторіи.

Но, повторяемъ, бисмаркіада была уже далеко не тѣмъ, чѣмъ была сатира „сумасшедшаго года“. Успокоилась политическая борьба, жизнь вошла въ упорядоченныя рамки, а съ нею потеряла свою остроту и политическая сатира. Теперь она уже не не та, что была прежде. Она дразнитъ, но не убиваетъ, смѣется, но не шельмуетъ. Размѣнявшись на партійные интересы, она

разбилась на отдѣльныя русла, а вмѣстѣ съ тѣмъ потеряла свою прежнюю импозантность. Правда, и до настоящаго времени нѣкоторые журналы сохраняютъ свой исключительно политическій характеръ,—таковы, напримѣръ, Kladderadatsch, Ulk, отчасти Lustige Blätter. Не имъ, однако, принадлежитъ власть надъ умами современнаго человѣчества. На первый планъ теперь выступила соціальная сатира, а вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменитый Simplicissimus.

Остановимся нѣсколько ближе на этомъ замѣчательномъ явленіи духовной жизни современной Германіи.

III.

Simplicissimus уже по внѣшнему виду рѣзко отличается отъ старыхъ политическихъ листковъ. Громадный форматъ и рѣзкій рисунокъ безъ полутоновъ и смягчающихъ тѣней. Ярко отчеканенные контуры и соотвѣтственно подобранныя краски, стиль безпощадной сатиры, не останавливающійся ни передъ какимъ уродствомъ для исчерпывающей характеристики пошлости, бьющій цинизмъ картинокъ изъ общества и раздирающая сердце романтика грязи преступленія и порока—все это придаетъ сатирическому листку совершенно своеобразную художественную физіономію, которая безконечно далека отъ какой бы то ни было традиціи или рутины. Кричащіе рисунки Simplicissimus'а имѣютъ развѣ отдаленное сходство съ той новѣйшей плакатной живописью, которая обрушивается со всѣхъ стѣнъ на современнаго обывателя съ воплями рекламы и пропагандируетъ всѣми силами карандаша и красокъ достоинство различныхъ порожденій современной индустріи. И всетаки основной нервъ Simplicissimus'а — не краски, а рисунокъ. Холодный, отчетливый и законченный у Гейне онъ съ саркастической методичностью рисуетъ намъ и придворную обстановку XVIII вѣка, и мирный домашній уголъ почтеннаго бюргера, и мрачныя картины изъ мрачнѣйшей Германіи. У Бруно Пауля этотъ рисунокъ получаетъ грубыя, небрежныя формы наляпанныхъ уродливыхъ пятенъ, изъ которыхъ, словно изъ-подъ звѣриной шкуры, глядятъ на насъ невѣжество и тупость, первобытный эгоизмъ и страсти дикаго человѣка. Подъ перомъ Резничека рисунокъ пріобрѣтаетъ необычайное изящество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оттѣнокъ чрезвычайнаго цинизма. Прикрытая дѣланной веселостью распущенность, красивый развратъ и продажное сердце находятъ себѣ въ этомъ художникѣ обличителя вѣнчающаго отравленными цвѣтами красивую, но пошлую современность. Тёни прекрасно завершаетъ собою эту галлерею художниковъ Simplicissimus'а. Мастеръ въ передачѣ движенія, художникъ военной красоты и блеска, замѣчательно правдивый въ обрисовкѣ не только человѣка, но и лошади, онъ, не

прибѣгая къ особенному шаржу, умѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ наложить какое-то тяжелое пятно казарменной ограниченности на всѣ проявленія нѣмецкаго милитаризма, дать вѣрный портретъ этого жестокаго и слѣпого орудія грубой силы. И только развѣ у Вильгельма Шульца жестокій смѣхъ сатиры переходитъ въ романтическій рисунокъ сказочнаго царства, въ которомъ плачетъ безпомощное наивное горе подъ гнетомъ непонятно тяжелаго рока.

Яркой художественной формѣ Simplicissimus'а вполнѣ соотвѣтствуетъ глубоко-человѣческое содержаніе. Далекій отъ какой-нибудь опредѣленной политической тенденціи, Simplicissimus идетъ всюду, гдѣ только слышится стонъ человѣческаго страданія, гдѣ льются безпомощныя слезы, и надъ униженными и оскорбленными торжествуютъ зло и насиліе. Покорный высшимъ нравственнымъ требованіямъ, онъ безстрашно приподымаетъ завѣсу надъ современнымъ культурнымъ міромъ и находитъ всюду только угнетателей и угнетаемыхъ.

Начнемъ съ послѣднихъ.

Вотъ, предъ нами картина изъ жизни большого города. На мусорномъ ящикѣ, возлѣ опрокинутаго грязнаго ведра, сидитъ бѣднякъ и обгладываетъ кость, найденную среди отбросовъ. Рядомъ, въ грязномъ ведрѣ, роется старикъ, тоже съ цѣлью найти что-нибудь съѣстное. „Какъ хорошо,—замѣчаетъ одинъ изъ нихъ,--что въ настоящее время собаки всѣ въ намордникахъ онѣ, по крайней мѣрѣ, не могутъ сожрать всѣхъ отбросовъ.“ А вотъ и другая картинка въ томъ же стилѣ: передъ нами три ужасныхъ маленькихъ уродца на заднемъ дворѣ большого дома; одинъ изъ нихъ, очевидно, старшій, держа на рукахъ маленькаго самодовольнаго ребенка съ громадной головой, комментируетъ недавній процессъ о подмѣнѣ ребенка (графа Хвилецкаго): „Да, у насъ лучше, чѣмъ у польскаго графа, мы не только не знаемъ нашего отца, но не знаемъ также и матери...“ И какъ бы въ дополненіе къ этимъ картинкамъ Шульца и Вильке, встрѣчаемъ такую картинку, тоже Шульца. Подъ заборомъ, на окраинѣ города, ночью притаилась парочка, жалкая нищая женщина и безпріютный бродяга; подъ рисункомъ стихи о томъ, какъ подъ заборомъ родился ребенокъ, какъ попрятались полныя ужаса звѣзды, какъ пауки соткали для маленькаго пеленки, какъ купалъ его дождь и обсушивалъ вѣтеръ и какъ до смерти убаюкали они младенца нищей. Не забываютъ наши художники и нищеты порочной. Краснорѣчивымъ комментаріемъ къ нравственному воспитанію нищеты является небольшая, но очень характерная картинка Цилле. Оборванныя и ужасныя дѣти улицы играютъ въ проститутокъ и сутенеровъ. — „Будемъ играть въ игру Фридрихштрассе, я буду полицейскій чиновникъ, а когда я покажусь, вы всѣ разбѣгайтесь и кричите: „полиція нравовъ идетъ! Нравственность идетъ!“ Цѣлый рядъ картинъ посвя-

щаетъ Simplicissimus этимъ самымъ „правамъ" безпріютной, задыхающейся въ грязи дешеваго порока улицы. Вотъ, напримѣръ, Тёни. Ночью, возлѣ строющагося дома стоитъ проститутка послѣдняго разбора и ея защитникъ; и у той, и у другого потерянъ уже всякій признакъ человѣчности. Онъ ее утѣшаетъ: „Не бойся теперь, Эмма, съ тѣхъ поръ, какъ я лишенъ гражданскихъ правъ, каждый городовой меня уважаетъ." Съ тѣмъ же мотивомъ встрѣчаемся мы и у изящнаго Резничека. Уличная дѣвушка, въ страшной обидѣ, кричитъ покинувшему ее хулигану: „Какъ, ты хочешь меня бросить? Хочешь идти работать? Фрицъ, не дѣлай, пожалуйста, со мной никакихъ экспериментовъ". Фрицъ на картинкѣ изображенъ удаляющимся отъ своей подруги. Онъ отошелъ даже довольно далеко вдоль грязнаго изломаннаго забора. Но читатель можетъ быть спокоенъ за возвращеніе Фрица. За это говоритъ его толстый, пошлый затылокъ, его модный спинжакъ и сапоги съ длинными носами. Фрицъ, несомнѣнно, вернется... Глубокаго трагизма достигаетъ тотъ же мотивъ въ картинѣ Шульца. Добрый и забитый страшной нуждою, отецъ-посыльный провожаетъ на промыселъ свою модно одѣтую дочку. „Прощай, дитя",—говоритъ онъ ей,—„будь молодцомъ и честной и не забывай своего стараго отца — у меня номеръ 173"! Такъ рисуетъ Simplicissimus нищету и ея пороки, и немногими словами раскрываетъ передъ нами цѣлыя перспективы грязи и страданія, такъ перемѣшанныхъ между собою, что положительно не знаешь, гдѣ кончается одна и начинается другое. И только на этой почвѣ становятся понятными романическія сказки Шульца, которыя сжимаютъ сердце какою-то безъисходной скорбью, наполняютъ душу образами безпросвѣтнаго отчаянія.

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ сказокъ. На висѣлицѣ, освѣщенной луннымъ свѣтомъ, сидитъ юноша въ одеждѣ рабочаго съ петлей на шеѣ и смотритъ съ тоскою на заснувшую внизу деревню. Въ стихахъ подъ картинкой баллада. Погибшій юноша хотѣлъ добыть своей милой колечко и убилъ для этого богатаго купца. Онъ былъ пойманъ и казненъ. Но сердце дѣвушки онъ унесъ съ собою. И всѣхъ, кто ищетъ ея руки, она посылаетъ на гору за своимъ сердцемъ, чтобы отнять его у того, кто днемъ качается на веревкѣ, а ночью сидитъ наверху... Такимъ же тяжкимъ драматическимъ характеромъ отмѣчена и другая сказка Шульца. По долинѣ ночью идетъ молодой подмастерье, а невдалекѣ сидятъ, обнявшись, двѣ темныя фигуры, раздавленныя какимъ-то непонятнымъ горемъ. Легенда объясняетъ намъ ихъ загадку: то двѣ дѣвушки, не пережившія своего позора и кончившія свою жизнь на днѣ озера. Когда ихъ души поднялись къ золотымъ вратамъ рая, одиннадцать тысячъ дѣвъ загородили имъ дорогу и не пустили въ рай. Съ той поры каждую ночь сидятъ онѣ на лугу и плачутъ, а бѣлая собачка

лаетъ на прохожихъ и сторожитъ ихъ покой. Казнь и самоубійство, позоръ и нищета, все это неразрывно сплетается въ этомъ темномъ мірѣ, и чѣмъ-то роковымъ вѣетъ отъ фигуры мудрой старицы на картинѣ того же художника, гдѣ молодая крестьянская дѣвушка спрашиваетъ, что ей дѣлать со своимъ золотымъ сердцемъ? Мудрая старуха въ отвѣтъ на это вынимаетъ это горячее сердце и мѣняетъ его на золотыя колечки и цѣпи. Впрочемъ, иногда и у нищихъ бываетъ праздникъ. И это бываетъ не только въ томъ случаѣ, когда старый бродяга, какъ это рисуетъ намъ Вильке, устраивается уютно на кучѣ мусора за городомъ и, выпивъ полъ-бутылки найденнаго рома, читаетъ съ наслажденіемъ заброшенный кѣмъ-то великосвѣтскій романъ. Если старый бродяга съ удовольствіемъ чувствуетъ себя въ обществѣ графовъ и бароновъ, то не меньшее наслажденіе приноситъ съ собою и ангелъ Рождества въ крохотную каморку двухъ поденщиковъ подъ крышей. На Рождествѣ, по легендѣ Шульца, творятся чудеса, и глашатаи праздника проникаютъ повсюду. Одинъ идетъ въ королевскій дворецъ, другой—обходитъ всѣ хижины, третій — въ видѣ уличной дѣвушки попадаетъ и къ нашимъ парнямъ. И лишь только онъ входитъ къ нимъ, веселѣе горятъ ихъ маленькія свѣчи, тихое молчаніе спускается къ нимъ подъ крышу, а грубые парни сами не понимаютъ, почему это никакой дурной мысли не приходитъ имъ въ голову по отношенію къ ихъ рождественской гостьѣ...

Не оставляетъ Simplicissimus безъ вниманія и той бѣдноты, которая работаетъ на гигантскихъ фабрикахъ и заводахъ, и надъ которою благодѣтели плетутъ такую пеструю сѣть соціальныхъ реформъ и благихъ пожеланій. „Промышленность процвѣтаетъ!" провозглашаетъ въ одномъ изъ нумеровъ журнала Гейне и иллюстрируетъ своимъ холоднымъ сатирическимъ карандашемъ слѣдующій биржевой отчетъ: „Долгое время нѣмецкая индустрія покоилась въ безжизненномъ окостенѣніи подъ гнетомъ зимняго сна, но при первыхъ лучахъ солнечнаго лобзанія въ мартѣ, она опять начинаетъ цвѣсти и зеленѣть",— а на картинкѣ нарисовано: треснувшее сверху до низу громадное фабричное зданіе, окруженное развалинами дымовыхъ трубъ и торчащими отовсюду остатками машинъ. И на этихъ развалинахъ, дѣйствительно, появилась новая жизнь: на руинахъ зеленѣетъ плющъ и пробиваются деревья, зеленымъ покровомъ затянутъ фабричный дворъ, цвѣтетъ дикая вишенка, а наслаждаются этой природой полуживые человѣческіе скелеты, несчастныя дѣти безработныхъ ткачей.

Въ другомъ случаѣ Гейне рисуетъ намъ промышленный кризисъ въ видѣ громадной фигуры смерти, валящей однимъ взмахомъ тысячи фабричныхъ трубъ, убивающей тысячи жизней. И послѣдняя кримичаусская исторія не осталась безъ аттестата со стороны Гейне: на грудѣ раздавленныхъ женщинъ, муж-

чинъ и дѣтей положены окровавленные мостки, и на нихъ съ ожесточеніемъ стоятъ и притопываютъ жирные и толстые кримичаусскіе феодалы, кровь брызжетъ потоками подъ ихъ тяжестью, и краснымъ заревомъ охваченъ весь кримичаусскій небосводъ... Такъ рисуетъ Simplicissimus положеніе трудящагося люда въ случаяхъ бѣды. Впрочемъ, Вильке открываетъ намъ и перспективы для разрѣшенія соціальнаго вопроса. Онъ даетъ сценку изъ засѣданія грядущаго ученаго общества. Почтенный докладчикъ демонстрируетъ здѣсь удивительную обезьяну — помѣсь человѣка и гориллы. Субъектъ этотъ, однако, не имѣетъ въ себѣ ничего страшнаго, это горилла прирученный, сложившій мирно на животѣ свои мощныя лапы, умильно взирающій на благосклонную публику. Ученый докладчикъ при этомъ говоритъ слѣдующую рѣчь: „Господа, прогрессивное ухудшеніе соціальныхъ условій заставило и науку, съ своей стороны, изыскать средство для того, чтобы произвести maximum работоспособности и minimum потребности; такъ какъ, однако, повышеніе потребностей является естественнымъ результатомъ повышеннаго развитія, то только возвращеніе къ первобытному состоянію могло дать и первобытную мѣру потребности, другими словами, мы заставляемъ работать обезьянъ. Съ одной стороны, повышается работоспособность отдѣльнаго лица и, при помощи четверукаго развитія силы, мы получаемъ вдвое больше того, что давалъ намъ прежде рабочій индивидъ. Благодаря этому, мы можемъ получить ту же работу при половинѣ работниковъ, съ другой стороны, мы невѣроятно удешевляемъ ихъ пропитаніе, въ особенности, если мы постараемся задержать развивающееся въ нихъ стремленіе къ мясной пищѣ; въ третьихъ, наконецъ, у этого первобытнаго рабочаго совершенно отсутствуетъ знаніе денегъ, а слѣдовательно, и жадность къ заработной платѣ. Господа, этимъ разрѣшенъ соціальный вопросъ!“

Simplicissimus знакомитъ насъ и еще съ однимъ типомъ „соціальныхъ реформаторовъ“. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ героевъ Тёни, проповѣдующій, что люди раздѣляются вообще только на два сорта: на тѣхъ, которые берутъ на чай и на тѣхъ, которые даютъ на чай. Физіономія говорящаго эти слова субъекта въ изящнѣйшемъ костюмѣ и съ отпечаткомъ высокопробной блазированности на лицѣ ясно свидѣтельствуетъ, что самъ онъ, конечно, не принадлежитъ къ тѣмъ, которые берутъ на чай. На другой картинкѣ двѣ дамы, гуляющія по Лейпцигу, спрашиваютъ почтеннаго господина изъ числа „первоклассныхъ“ людей: „Скажите, правда ли, что въ Лейпцигѣ полмилліона жителей“? — „Нѣтъ, отвѣчаетъ тотъ съ полной рѣшительностью — только пятьдесятъ тысячъ, а остальное—рабочіе“! И вполнѣ понятно послѣ этого, что изображенные въ журналѣ богатые фабриканты или рантье высказываютъ полное нежеланіе приходить въ соприкосновеніе съ

рабочими. Одинъ изъ нихъ, въ отвѣтъ на указаніе, что соціальныя отношенія складываются все хуже и хуже, заявляетъ: „Наплевать, у меня есть милліонъ“! Другой, на предложеніе посмотрѣть фабрику, жалуется что онъ не выноситъ „запаха рабочихъ“. Третій, наконецъ, заявляя о своей симпатіи къ „рабочимъ вообще“, тѣмъ не менѣе, бѣжитъ подальше отъ своей фабрики и наслаждается спортомъ подъ сѣнью струй. — „Скажите мнѣ, баронъ“, спрашиваетъ изображенная Тёни барыня длиннаго и сухого господина — „что это, собственно, такое соціальная политика“? — „Прескверная вещь“, отвѣчаетъ онъ: „ну, представьте себѣ, что всякая извозчичья кляча пожелала бы жрать изъ одного стойла вмѣстѣ съ моимъ жеребцомъ. Вотъ, это и есть соціальная политика“. А вотъ, какъ опредѣляютъ соціалъ-демократію два прусскихъ лейтенанта въ товарищескомъ разговорѣ: — „Скажи, пожалуйста“, спрашиваетъ гусаръ другого кавалериста: „чего, собственно, добиваются соціалъ-демократы?“—„Чего они хотятъ?“—отвѣчаетъ тотъ—„больше денегъ и меньше службы“!—„Та-акъ!“ заканчиваетъ гусаръ въ удивленіи: „но тогда, ей Богу, и я соціалъ-демократъ!“

IV.

Въ изображеніи темныхъ сторонъ нѣмецкаго Heim'a Simplicissimus не знаетъ себѣ равныхъ. Онъ раскрываетъ передъ нами весь ужасъ голодной многосемейности, когда излишнее Божье благословеніе выбиваетъ изъ всякаго равновѣсія скромный бюргерскій бюджетъ и заставляетъ въ каждомъ рождающемся младенцѣ видѣть крушеніе маленькаго комфорта семьи, а дѣло воспитанія дѣтей превращаетъ въ мучительную борьбу, съ одной стороны, съ дѣтскими бѣдами и пороками, а съ другой—съ надвигающейся грозою полнаго разоренія. Въ особенности замѣчательны въ этой области рисунки Гейне. Никто не умѣетъ рисовать такъ эти маленькія худосочныя существа съ большими головами и кривыми ножками, съ старческими морщинами на лицѣ и со взглядомъ забитаго звѣрька. Никто, какъ онъ, не умѣетъ вскрыть будничную обстановку мѣщанской семьи, эту несчастную мать семейства, замѣняющую собою и кухарку, и няньку, и горничную, которая днемъ возится съ кастрюлями и ползаетъ по полу съ мокрой щеткой въ рукахъ, а вечеромъ разыгрываетъ изъ себя барыню и наполняетъ свой досугъ безконечнымъ количествомъ сплетенъ. Какъ живой, возстаетъ передъ нами этотъ бюргерскій отецъ семейства, проводящій цѣлые дни за каторжной работой, а по вечерамъ ищущій утѣшенія въ мутной жижѣ всеодуряющаго національнаго напитка. Будни и праздникъ, спальня и дѣтская, рожденіе, свадьба, болѣзнь и смерть, все это находитъ себѣ

удивительнаго иллюстратора въ лицѣ Гейне и ложится на страницахъ журнала полу-комическими, полу-драматическими тонами. Остальные художники сатирическаго листка съ успѣхомъ дополняютъ работу Гейне и развертываютъ передъ нами полную картину бюргерской семейной муки. Начнемъ съ ея начала. На диванчикѣ возсѣдаетъ благополучная парочка — женихъ и невѣста. Они сладко смотрятъ другъ на друга, ея рука въ его рукѣ, а рядомъ толстая и лысая мамаша вышиваетъ носовой платокъ. Возлѣ мамаши стоитъ въ ермолкѣ, въ халатѣ и съ трубкой, „papa" и разсуждаетъ съ мамашей насчетъ жениха. А женихъ, нужно ему отдать справедливость, выглядитъ отвратительно. Вылинявшая голова съ потасканной физіономіей и болѣзненнымъ видомъ, худые крючковатые пальцы, мѣшкомъ сидящій сюртукъ, все это далеко не ручается за его юношеское сердце. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ миловидной дѣвицѣ сладко смотрѣть въ глаза изможденному калѣкѣ, а мать утѣшаетъ отца: „Изъ него выйдетъ прекрасный мужъ, онъ уже теперь нѣсколько болѣзненъ". Дополненіемъ къ этой картинкѣ будущаго счастья можетъ служить рисунокъ Бруно Пауля, изображающій предбрачный выборъ факультета; здѣсь „papa", профессоръ, ободряетъ узколобаго молодого ученаго, съ ясными признаками вырожденія на исхудаломъ лицѣ: — „Если васъ", говоритъ отецъ, „супружеское соединеніе съ моею дочерью и должно исполнить нѣкоторой горечью (дочь—старая высохшая калоша), то подумайте, что съ ея рукою вы пріобрѣтаете каѳедру политической экономіи".

Художники Simplicissimus'a не останавливаются и передъ спальней новобрачныхъ. Вотъ передъ нами молодой супругъ съ невѣроятно скотскимъ выраженіемъ обнимаетъ свою молодую жену. — „Эльза, ты не должна такъ дрожать". — „Развѣ?" отвѣчаетъ она,—„а мама вѣдь учила меня этому подрядъ четыре недѣли"!.. За бракомъ слѣдуютъ дѣти. Въ изображеніи этихъ маленькихъ ангеловъ, Гейне неистощимъ. Въ одномъ случаѣ встрѣчаемъ мы цѣлую коллекцію невѣроятныхъ заморышей и уродовъ, собравшихся вокругъ новорожденнаго братца, причемъ отецъ шепчетъ на ухо доктору: — „Рожденіе дѣтей—единственное средство, которое отвлекаетъ мою жену отъ непрестанной игры на роялѣ". Въ другомъ,—бѣдныя ребята по дорогѣ въ школу встрѣчаютъ папу и маму, возвращающихся въ ужасномъ видѣ послѣ ночи въ маскарадѣ. На третьей картинкѣ несчастныхъ заморышей ведетъ полицейскій подъ стражей за то, что они нарвали цвѣтовъ на запретномъ мѣстѣ, а въ четвертомъ случаѣ передъ нами разыгрывается сценка въ стилѣ недавняго процесса банковскаго директора Коха. Два страшно изуродованныхъ мальчика идутъ въ гостиную матери пожаловаться на истязанія со стороны учителя. У одного изъ нихъ оборвано ухо,

у другого своротена скула, ихъ истерзанныя фигурки рѣзко дисгармонируютъ съ собравшимся въ гостиной многочисленнымъ обществомъ. И вотъ, одинъ братъ говоритъ другому: „Нельзя ужъ больше вынести того, какъ съ нами обращается учитель, теперь мы скажемъ объ этомъ нашей матери, только не знаешь ли ты, которая изъ этихъ дамъ наша мать?“ Этой картинкой мы пока и закончимъ нашу семейную хронику. Она вскрываетъ передъ нами крушеніе старой патріархальной семьи, превратившейся въ заведеніе для штопанья дѣтскихъ чулокъ, насыщенія семейныхъ ртовъ на дешевыхъ началахъ и пріобрѣтенія сберегательныхъ книжекъ.

Мы не будемъ останавливаться, далѣе, на разъѣдающемъ современную семью развратѣ и полной продажности. Адюльтеръ, стоящій въ тѣсной связи съ кафе-шантаннымъ воспитаніемъ, безъудержная жажда роскоши и грязныхъ наслажденій, все это чудесно иллюстрировано въ Simplicissimus'ѣ, и въ этой области мы имѣемъ неподражаемыя картинки Резничека и Тёни, Бруно Пауля и Гейне. Съ невѣроятнымъ реализмомъ раскрываютъ эти художники передъ нами душу благовоспитанной дѣвицы, представляющей собою кучу мусора; въ отталкивающихъ образахъ рисуютъ они жизнь холоднаго продажнаго порока; съ безпощадной жестокостью раскрываютъ тайны закулиснаго міра, гдѣ всякій успѣхъ пѣвицы или актрисы покупается обязательнымъ участіемъ въ гаремѣ театральнаго интенданта или директора. Въ этомъ мірѣ нравственнаго разложенія мы встрѣчаемся съ пьяными животными Бруно Пауля, которыя скалятъ свои клыки подъ вліяніемъ звѣрской утѣхи; тутъ и изящные господа изъ галантнаго міра Резничека, пышно расцвѣтающіе среди фактической общности женъ и мужей, тутъ и престарѣлая мать-командирша Тёни, ободряющая юнаго фендриха на пути служенія амуру; тутъ и очаровательный теноръ, надѣвающій пальто послѣ бурныхъ объятій и обѣщающій поклонницѣ явиться въ слѣдующій разъ въ костюмѣ Лоэнгрина... Грязь ужасающая! Но въ этомъ отношеніи нѣмецкое общество не уступитъ другимъ „культурнымъ“ обществамъ Европы, и здѣсь можно только констатировать, что нѣмцы уже достигли вершинъ современной „цивилизаціи“. Ихъ ночные кафе-шантаны, пассажи и знаменитая Фридрихштрассе врядъ ли уступятъ аналогичнымъ заведеніямъ Франціи, и, думаемъ, даже превосходятъ ихъ своимъ грубымъ и грязнымъ цинизмомъ.

Мы остановимся на другой чертѣ нѣмецкаго общества, очень ѣдко и рѣзко отмѣченной въ нашемъ журналѣ: это—сословный духъ, который до сихъ поръ еще неукоснительно царитъ среди нѣмецкаго бюргерства и, проводя рѣзкія грани между отдѣльными классами общества, придаетъ господствующимъ классамъ характеръ свыше призванныхъ, таинственною силою вдохновленныхъ вождей и руководителей народа. Этотъ духъ проявм-

ляется въ особенности тамъ, гдѣ случайно происходитъ необычное смѣшеніе вождей и подвластныхъ, привиллегированныхъ и непривиллегированныхъ. Для того, чтобъ показать намъ подобную „трагедію“, Бруно Пауль ведетъ насъ на вокзалъ желѣзной дороги. Здѣсь мы застаемъ трогательную семейную сцену: богатые родители изъ бюргерской семьи провожаютъ въ дорогу сына, который добился высокаго счастія быть гусарскимъ лейтенантомъ. Сынъ обнимаетъ отца и, польщенный и тронутый объятіями лейтенанта, отецъ возглашаетъ: — „Что за добрый юноша! Онъ точно также обнимаетъ своихъ старыхъ родителей, будучи въ формѣ, какъ еслибы былъ въ гражданскомъ платьѣ!“ И это, дѣйствительно, подвигъ. Лейтенантъ, да еще гусарскій, студентъ, принадлежащій къ шикарной корпораціи, наконецъ, чиновникъ, состоящій въ приличной должности, — это все боги бюргерскаго общества, передъ которыми практикуется безграничное холопство; за счастіе знакомства съ ними, бюргеръ готовъ жертвовать значительными матеріальными средствами.

Очень удачно характеризуетъ такое положеніе вещей Гейне: гордый сен-бернаръ, лягавая собака, борзая и мопсъ съ презрѣніемъ взираютъ на притаившагося у забора, совершенно скрюченнаго подъ сознаніемъ своей вины, лохматаго и ободраннаго „надворнаго совѣтника“; подъ картинкой многознаменательная подпись: „Мы не можемъ имѣть съ нимъ никакого общенія, онъ не породистъ!“ На этой, казалось бы, совершенно невозможной почвѣ разыгрался извѣстный случай Ленинга. Ленингъ, управляющій казенной палатой въ Пруссіи, потерялъ свое мѣсто только потому, что женился на безупречной дѣвушкѣ, дочери чиновника, бывшаго когда-то фельдфебелемъ. Тѣни прекрасно иллюстрируетъ этотъ случай. Въ театрѣ сидятъ двѣ особы, изъ разряда оффиціальныхъ вѣтренницъ; одна спрашиваетъ другую:—„Скажи, пожалуйста, какъ это можетъ твой другъ такъ публично появляться съ тобою повсюду? Вѣдь онъ высокопоставленный чиновникъ!“— „Это ничего“, отвѣчаетъ подруга: „онъ только не долженъ жениться на дочери бывшаго фельдфебеля!“ И можно отдать справедливость этимъ людямъ „перваго сорта“—они удивительно дорожатъ принципомъ сословной чести и всячески стараются избѣжать соприкосновенія съ простымъ бюргерскимъ элементомъ. Резничекъ рисуетъ намъ картинку въ томъ же духѣ изъ высшаго свѣта. На раутѣ сѣдовласый старецъ въ моноклѣ и съ породистой внѣшностью спрашиваетъ; „Кто этотъ господинъ, съ которымъ теперь разговариваетъ графиня?“—„Не знаю“, отвѣчаетъ ему сосѣдка: „какой-нибудь писатель“. — „Невѣроятно эмансипированная дама—наша графиня“, брюзжитъ на это старецъ: „она скоро пригласитъ сюда своего парикмахера“. Этому же тону слѣдуютъ и нѣмецкіе корпоративные студенты, которые въ своихъ цвѣтныхъ шапкахъ и съ порѣзанными на дуэляхъ

лицами, почитаютъ себя полу-богами нѣмецкаго бюргерскаго міра. „Скажи, пожалуйста, кто ваши представители?“ спрашиваетъ у Бруно Пауля толстый красноносый феодалъ своего длиннаго, сильно потасканнаго потомка, и отпрыскъ въ корпоративной шапочкѣ отвѣчаетъ съ гордостью:—„Первый—графъ Шенгофъ, второй—баронъ Паленъ, а третій именуется Мейеромъ, но за то держитъ трехъ лошадей“. Какъ видно, здѣсь три лошади уравняли таки собою графскіе титулы. Или, вотъ, еще одна картинка. По улицѣ ночью идутъ три высокопробныхъ студента; у одного пробитый на дуэли лобъ завязанъ почетной повязкой.—„Знаешь, Фуксъ“, говоритъ одинъ изъ нихъ, „я сегодня пережилъ нѣчто невѣроятное: этотъ самый Эрихъ Мейеръ, съ которымъ мы такъ мило и уютно провели пару вечеровъ, оказался komми, а мы-то его считали за порядочнаго человѣка!“ Этотъ комическій элементъ былъ бы, однако, не полонъ безъ драматической окраски. И черныя фигуры двухъ студентовъ, нарисованныя Шульцемъ, даютъ надлежащее дополненіе. Эти двѣ надутыя и пошлыя физіономіи въ цвѣтныхъ фуражкахъ приносятъ старушкѣ-матери своего товарища печальную вѣсть о смерти ея сына на дуэли. Они утѣшаютъ ее: „Мы можемъ дать вамъ успокоительное удостовѣреніе, что вашъ сынъ прекрасно держался въ то время, когда принялъ смертельный ударъ!“ Впрочемъ, иногда такой трагическій конецъ наступаетъ гораздо позже, „на полѣ чести“. У Бруно Пауля есть прекрасная фигура, знаменующая собою славный конецъ. Истощенный франтъ съ головою кретина сидитъ, совершенно разбитый, въ глубокомъ креслѣ. Онъ на перепутьи:—„Послѣ того, какъ меня поймали на шуллерствѣ,—говоритъ онъ,—передо мной открыты два пути: или остаться порядочнымъ человѣкомъ и пустить себѣ пулю въ лобъ, или стать прохвостомъ и приняться за „честный трудъ“.

Не щадитъ своихъ стрѣлъ Simplicissimus и по отношенію къ тѣмъ бывшимъ бравымъ студентамъ, которые впослѣдствіи облачаются въ судейскую тогу и провозглашаютъ, съ высоты своего кресла, рѣшенія прусской юстиціи; крайнее пристрастіе этихъ судей къ государственнымъ преступленіямъ, чрезвычайная легкость, съ которою они произносятъ жесточайшіе приговоры за проступки прессы и за самыя незначительныя преступленія низшихъ классовъ,—все это находитъ себѣ достойную оцѣнку на страницахъ журнала. Вотъ толстый судья, съ сигарой во рту, сюсюкаетъ своему коллегѣ: — „Мы имѣемъ удивительнѣйшее дѣло объ оскорбленіи величества, коллега, представьте себѣ, вина уже доказана, а теперь намъ приходится построить только составъ преступленія!“ Еще лучшую картинку даетъ намъ Гейне. Передъ судомъ, гдѣ возсѣдаютъ четыре громадныхъ чернильницы въ видѣ судей, находится крошечная собаченка, хвостъ и уши которой выражаютъ

полное отчаяніе. Прокуроръ говоритъ рѣчь: — „Господа судьи!.. Доказано свидѣтельскими показаніями, что обвиняемый набросился съ громкимъ лаемъ на придворную повозку и сдѣлалъ попытку ее ниспровергнуть; доказано далѣе, что, приподнявъ лѣвую заднюю ножку, оскорбилъ грубымъ и пошлымъ образомъ арестующаго его жандарма. Первое преступленіе показываетъ тѣмъ болѣе гнусную неблагодарность и неблагонадежный образъ мыслей, что это произошло въ тотъ самый день, когда собачья подать была значительно уменьшена. Вслѣдствіе этого, я предлагаю за оскорбленіе величества въ совокупности съ преступленіемъ сопротивленія государственной власти подвергнуть обвиняемаго шести мѣсяцамъ вивисекціи!“

Не менѣе ѣдко высмѣиваютъ наши художники и другое любимое дѣтище прусскихъ судовъ—процессы противъ печати. Пасторъ находитъ супругу прокурора палаты на гамакѣ за чтеніемъ библіи. Подъ гамакомъ два прокурорскихъ младенца, занимаются операціями надъ живыми лягушками. Пасторъ естественно умиляется.—„Съ радостью вижу я, госпожа прокурорша, что въ противность многимъ легкомысленнымъ женщинамъ, которыя ищутъ разсѣянія въ поверхностномъ чтеніи романовъ, вы пользуетесь лѣтней тишиной для того, чтобы возвысить вашу душу чтеніемъ Священнаго Писанія!“ — „Ахъ нѣтъ, господинъ пасторъ, мой мужъ далъ мнѣ библію только для того, чтобъ посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ чего подходящаго для возбужденія дѣла объ оскорбленіи величества!“ Гейне рисуетъ намъ даже идеальную картину производства дѣла о печати, гдѣ бѣднаго редактора подвергаютъ внутреннему изслѣдованію для открытія преступленія, подвергаютъ самымъ противоестественнымъ пыткамъ и выметаютъ вонъ послѣ того, какъ, лопнувъ, онъ обнаружилъ свою невинность. Мрачной аллегоріей закончимъ мы судейскую коллекцію Simplicissimus'а. На рисункѣ изображена двойная нѣмецкая юстиція. Съ одной стороны, она представляетъ собою толстую добродушную тетеху съ завязанными глазами, съ обломаннымъ мечемъ и съ кривовисящими вѣсами. Передъ этой юстиціей красуются банкиры и феодрихи. Спиною къ этой юстиціи сидитъ другая. Страшная вѣдьма, съ вытаращенными глазами, съ микроскопомъ для увеличенія преступленій и съ окровавленнымъ мечомъ. Ногою она давитъ рабочихъ, мечомъ—рѣжетъ солдатъ. Подписи подъ картинкой нѣтъ.

V.

Закончимъ нашъ очеркъ сатиры Simplicissimus'а его характеристикой современнаго нѣмецкаго милитаризма. Этотъ міръ, по всей справедливости, принадлежитъ здѣсь Тѣни. Міръ веселыхъ и добрыхъ солдатъ, расфранченныхъ и перетянутыхъ лейтенан-

товъ и грознаго генералитета. Въ основу нашей военный главы положимъ, однако, очень удачную каррикатуру Гейне, принадлежащую къ его изображеніямъ „мрачнѣйшей Германіи“. Картинка эта носитъ названіе „Святой лейтенантъ“. Изображена на ней легкомысленнѣйшая фигура гусарскаго поручика съ нимбомъ святого и съ двумя горящими свѣчами по бокамъ, и къ этой фигурѣ на поклоненіе, со свѣчами въ рукахъ и съ знаменами, идетъ цѣлый рядъ богомольцевъ. Юныя дѣвицы и почтенные старцы, толстые приказчики и изсохшіе буквоѣды, — всѣ смиренно преклоняются предъ блескомъ шпоръ и сіяніемъ мундира, всѣ благоговѣйно возносятъ свои мольбы этому новому святому нѣмецкаго Пантеона. Подъ картинкой подписано: „Въ этой странѣ, кромѣ верховнаго существа, существуютъ также и святые, которые пользуются божескими почестями.“ Для того, чтобы получить такое обожаніе, не нужно ни особыхъ дарованій, ни заслугъ. И шикарная мамаша, созданная карандашомъ Тёни, дѣлаетъ совершенно вѣрное предположеніе насчетъ дальнѣйшей карьеры своего далеко неудачнаго дѣтища: — „Не правда ли, дорогой графъ“, спрашиваетъ она совершенно выцвѣтшаго гусара, — „я думаю, что изъ нашего Дагоберточки выйдетъ очень хорошій лейтенантъ?“ — „Да, уважаемая, но имѣетъ ли онъ къ этому расположеніе?“ — „Ахъ, да“, отвѣчаетъ мамаша, „у него нѣтъ никакихъ высшихъ интересовъ.“ Въ другомъ случаѣ, мы встрѣчаемъ Дагорбеточку уже кадетомъ. Каска надвинута на нескладный лобъ, зубы оскалены, мундирчикъ виситъ, какъ на вѣшалкѣ на его худосочномъ тѣлѣ, а тесакъ болтается на поясѣ, маленькая обезьянка копируетъ сюсюкающихъ и надутыхъ „вождей нѣмецкой націи“. На вопросъ о его школѣ, онъ уже отвѣчаетъ: — „Э, школа — хо-о-ша!“ И такой Дагобертхенъ распускается пышнымъ цвѣткомъ; когда онъ проходитъ мимо старыхъ знакомыхъ въ качествѣ юнкера, они съ удивленіемъ и завистью замѣчаютъ: „Смотри-ка, нашъ Леманъ сдѣлался фендрикомъ, а между тѣмъ его отецъ до сихъ поръ торчитъ предсѣдателемъ суда!“ Надѣвъ офицерскіе эполеты, Леманъ совершенствуется все больше и больше. Онъ умѣетъ уже обращаться со своей полковницей, не только какъ съ начальствомъ, но и какъ съ женщиной, онъ становится знатокомъ женской психологіи и знаетъ, какъ неотразимо дѣйствуетъ на женщинъ спущенная имъ на подбородокъ чешуя его каски. „Ты знаешь“, говоритъ онъ товарищу, — „женщины становятся сумасшедшими, когда видятъ меня съ спущеннымъ ремнемъ.“ Онъ выучивается далѣе различать полки болѣе и менѣе шикарные, такъ какъ офицеры тамъ еще донашиваютъ старые черные плащи. Онъ понимаетъ прекрасно, что женитьба на бюргерской барышнѣ, даже съ состояніемъ, есть позоръ, который закрываетъ офицеру всѣ пути въ гвардію. Онъ смотритъ на свою службу, какъ на полезное занятіе, съ одной

стороны, потому, „что каждый человѣкъ долженъ имѣть какое-нибудь занятіе; только оно не должно вырождаться въ работу“. Не безполезна, съ другой стороны, служба и потому, что она хорошо тренируетъ для скачекъ. Иногда онъ скучаетъ—по воскресеньямъ послѣ обѣда, такъ какъ въ это время „амурные залы еще не открыты, римская баня заперта, кафе переполнены, а игорные дома уничтожены!“ Все это, однако, не мѣшаетъ ему, въ концѣ концовъ, стать философомъ и придти къ убѣжденію, „что жизнь очень пріятна, но только дорога, а если ее сдѣлать дешевле, то она становится не столь пріятной!“

Этотъ міръ „святого лейтенанта“ въ послѣднее время подвергся, какъ я уже писалъ, основательному потрясенію со стороны Бильзе и Байерлейна, и Simplicissimus не замедлилъ отозваться на бури „изъ маленькаго гарнизона“. Онъ рисуетъ намъ другой маленькій гарнизонъ. Но изъ этого гарнизона не выйдетъ никакихъ литературныхъ разоблаченій. Какъ говоритъ здѣсь одинъ офицеръ другому: — „Слава Богу, у насъ всѣ слишкомъ глупы для того, чтобъ написать какой-нибудь романъ!“ И пребываніе въ „маленькомъ гарнизонѣ“ даже вызываетъ своеобразную зависть со стороны улана изъ „большого гарнизона.“— „Вы въ вашемъ „маленькомъ гарнизонѣ“, говоритъ онъ своему камраду,—„имѣете, по крайней мѣрѣ, оправданіе тому, что вы такъ чрезвычайно тупы!“ Впрочемъ, не всѣ подвергаются такому отупѣнію въ маленькихъ гарнизонахъ; Тёни даетъ намъ счастливое исключеніе. Какъ говоритъ изображенный художникомъ толстый маіоръ:—„есть средство противъ моральнаго паденія офицѣровъ вслѣдствіе того, что они не знаютъ, что дѣлать со своимъ временемъ, и это средство—напряженная духовная дѣятельность! Я, напримѣръ“, указываетъ на себя маіоръ съ гордостью,— „съ тѣхъ поръ, какъ состою въ маленькомъ гарнизонѣ, изобрѣлъ уже шесть новыхъ смѣсей для крюшона!“ На почвѣ такого удивительнаго уровня нравственной и умственной подготовки развивается, съ одной стороны, quasi-патріотическое словоизверженіе, а съ другой—плохой надзоръ за солдатами и жестокое обращеніе съ ними. Приведемъ нѣсколько образчиковъ того и другого. Вотъ, по случаю войны съ Китаемъ, бравый уланъ провозглашаетъ тостъ въ офицерскомъ собраніи зеленыхъ гусаровъ: „Итакъ, выпьемъ“, говоритъ онъ, „за вполнѣ удачное отмщеніе желтымъ собакамъ и за энергическое распространеніе христіанства.“ Въ другомъ случаѣ журналъ рисуетъ намъ образчикъ патріотическо-дипломатической рѣчи. Нѣмецкіе офицеры даютъ обѣдъ посѣтившимъ ихъ французскимъ офицерамъ. Опять провозглашается тостъ, и бравый генералъ высказываетъ отрадную надежду: „Если мы встрѣтимся опять съ благороднымъ противникомъ на полѣ битвы“, заявляетъ онъ, „то, несомнѣнно, она окончится къ обоюдному удовольствію!“ Въ третьемъ случаѣ,

Гейне даетъ намъ описаніе своеобразной фабрики патріотически говорящихъ генераловъ. Генералы сидятъ на стульяхъ и деньщики наливаютъ ихъ виномъ. Это художникъ называетъ новымъ „зарядомъ съ дула.“ Налившись, такой генералъ встаетъ и выпаливаетъ, по утвержденію Гейне, до двухъ тысячъ словъ въ секунду. Слова эти слѣдующія: „Армія, папа, нація, Богъ, его величество, поле битвы, гусары, императоръ, политика, католики, воодушевленіе, протестанты, религія, воодушевленное сочувствіе, французы“ и т. д. Дополнимъ эти военныя каррикатуры еще образомъ несчастнаго Пифке, котораго колотитъ по физіономіи разъяренный сержантъ:—„Твой мундиръ для меня священная вещь, Пифке, но твою морду хлещу я столько, сколько хочу!“ Судьбѣ такого Пифке посвящена и другая каррикатура. Въ рядѣ тяжелыхъ сценъ рисуетъ здѣсь Бруно Пауль исторію повѣсившагося солдата, котораго слишкомъ усердно училъ гориллообразный сержантъ Кулике; послѣ этой картинки понятной становится мрачная аллегорія Гейне, изображающая нѣмецкую военную юстицію въ видѣ слонообразнаго чудовища, давящаго все на своемъ пути. Подъ аллегоріей подписано: „Воины этой страны почитаютъ, какъ верховное существо, богиню „Subordinatio“. Ей приносятся человѣческія жертвы въ громадныхъ храмахъ подъ названіемъ „Kasernen“. Храмы эти охраняются допотопнымъ слонообразнымъ „Elephas justitiae militaris“...

Таковы результаты нашего странствованія по „мрачнѣйшей Германіи“. Здѣсь нѣмецкая „Gemüthlichkeit“ смѣнилась озлобленнымъ смѣхомъ, и зеленыя пажити благодушія огласились криками отчаянія и вражды. Но Simplicissimus не только лѣтописецъ „злобы и порока“. Самымъ фактомъ своего существованія онъ говоритъ и о „свѣтлѣйшей Германіи“, о той странѣ, которая сумѣла воспользоваться своей политической свободой для чрезвычайнаго подъема культуры, которая не застыла въ патріотическомъ самообожаніи, а путемъ тяжелой самокритики идетъ дальше и дальше по пути человѣчности и прогресса.

Для этой Германіи остается еще много работы „Мы достигли великихъ результатовъ“,—говоритъ проф. Кауфманъ,—„на которые не смѣли даже и надѣяться. Еслибы теперь пришли къ намъ старый Арндтъ, Нибуръ и Дальманъ, Уландъ и Штейнъ и могли бы изслѣдовать наше законодательство, благосостояніе страны, снаряженіе арміи, громадность средствъ, порядокъ финансовъ, они не могли бы сдержать крикъ восторга. И въ то же самое время мы сами далеко не обладаемъ чувствомъ удовлетворенія. Многихъ изъ нашихъ лучшихъ людей разрываютъ теперь сомнѣнія и гнѣвъ, какъ потому, что мы потеряли коечто доброе изъ нашей старины, такъ и потому, что, какъ

кажется, подавлены теперь тѣ силы, при помощи которыхъ достигнуты нами наши великія пріобрѣтенія: самостоятельный характеръ гражданъ, идеальное направленіе духа и воодушевленная любовь къ свободѣ и отечеству. Здѣсь они подавлены произволомъ управленія и стремленіемъ къ придворнымъ званіямъ и отличіямъ, тамъ — заглушены боевымъ крикомъ грубой политики интересовъ". „И не нужно при этомъ забывать", продолжаетъ ученый историкъ: „что за великими пріобрѣтеніями и успѣхами должна была послѣдовать реакція. Бюргеры еще не привыкли къ задачамъ и обязанностямъ новаго государства, они и теперь еще живутъ въ устарѣлыхъ воззрѣніяхъ и борются за старые девизы; менѣе всего, однако, они усвоили то, что новое государство возложило на гражданъ вмѣстѣ съ расширенными политическими правами также и обязанности, которыя не могутъ быть безнаказанно оставлены". Съ другой стороны, „моментъ безпокойства лежитъ и въ томъ, что мы стоимъ еще въ серединѣ процесса, который долженъ связать и примирить силы и учрежденія стараго абсолютнаго государства—въ особенности прусскаго—съ требованіями новой конституціонной государственной жизни. Въ силу этого, въ различной степени теперь подверглись опасности... своеобразная и цѣнная организація нашего чиновничества, счастливое самоуправленіе нашихъ городовъ, свобода, съ которой и при помощи которой принесли наши университеты и высшія школы лучшіе изъ своихъ плодовъ"...

И меньше всего при этомъ надо, по словамъ ученаго, опасаться того возникновенія подчасъ „кричащихъ противорѣчій", которыми такъ полна современная жизнь. „Именно глубина и острота общественныхъ, духовныхъ, церковныхъ и политическихъ противорѣчій даютъ свидѣтельство, что народная жизнь стоитъ въ своемъ расцвѣтѣ и лучше всего опровергаетъ причитанія, будто наше время носитъ характеръ гніющаго упадка или, какъ теперь говорятъ, декаданса"... *) Simplicissimus самымъ своимъ существованіемъ является лучшимъ подтвержденіемъ этихъ словъ.

Реусъ.

---

*) Kaufmann, Politische Geschichte Deutschlands. Berlin, 1900, 680—683.

Изъ Англіи.

I.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ люди, выступая въ свѣтъ съ автобіографіями, прихорашиваются. Какъ актеры предъ выходомъ на сцену, они смотрятъ на себя въ зеркало, стараясь принять наиболѣе выгодное выраженіе. Это одинаково относится какъ къ великимъ людямъ, такъ и къ посредственностямъ.

„Пусть труба, возглашающая страшный судъ, прозвучитъ, когда угодно. Я предстану съ этой книгой въ рукахъ предъ Всевышнимъ Судьею. Я скажу смѣло: „Вотъ все, что я сдѣлалъ, думалъ и чѣмъ былъ. Я съ одинаковой откровенностью говорилъ про себя хорошее и дурное. Я ничего не умолчалъ изъ того, что я сдѣлалъ дурного, не прибавилъ ничего къ моимъ хорошимъ поступкамъ. И если я иногда пользовался безразличными украшеніями, то только когда приходилось заполнить пробѣлъ въ моей памяти... Я показалъ себя, каковъ я есть: презрѣннымъ и подлымъ, когда я былъ таковымъ, добрымъ, великодушнымъ и величественнымъ (sublime)—въ другихъ случаяхъ. Я раскрылъ мою душу, какъ Ты ее самъ знаешь, Всевышній! Собери же вокругъ меня безчисленныя толпы мнѣ подобныхъ. Пусть слушаютъ они мою исповѣдь, пусть вздыхаютъ по поводу мерзостей, свершонныхъ мною, и краснѣютъ, узнавъ про мои слабости. Пусть каждый изъ нихъ, въ свою очередь, у подножія Твоего трона раскроетъ свое сердце съ такою же искренностью. И пусть хоть одинъ дерзнетъ Тебѣ сказать: *я былъ лучше, чѣмъ этотъ человѣкъ*".

Историкъ литературы знаетъ хорошо, что вся эта страстная тирада—послѣдній взглядъ въ зеркало великаго актера, выступающаго на сцену человѣческой исторіи. Историкъ литературы знаетъ, что въ „Исповѣди" Руссо много неправды, и неправды сознательной.

Другой писатель, отчасти современникъ Руссо, но неизмѣримо болѣе геніальный, сознавалъ, что въ автобіографіи человѣкъ невольно гримируется для потомства и мѣшаетъ пережитое съ пригрезившимся. Гете, поэтому, далъ второй заголовокъ своей автобіографіи: „Wahrheit und Dichtung". Мы, русскіе, имѣемъ удивительную книгу, поразительную по ослѣпительной яркости таланта, по глубинѣ, остроумію и искренности. Къ великому сожалѣнію, она извѣстна большой публикѣ только по отрывкамъ. Я имѣю въ виду, конечно, „Былое и думы". И, не смотря на поразительную искренность, не смотря на то, что настроеніе автора передается съ первыхъ же страницъ читателю и властно захватываетъ его,—

въ этой удивительной автобіографіи, какъ извѣстно каждому историку эпохи, къ *Wahrheit* примѣшивается *Dichtung*. Это—какое-то роковое проклятіе тяготѣющее надъ всѣми автобіографами, какъ только авторы ихъ начинаютъ говорить о себѣ.

Предо мною теперь новая автобіографія. О ней говорили задолго до того, какъ она появилась. Ее стремительно раскупили въ первый же день. Авторъ ея—знаменитый философъ, котораго сравниваютъ съ Аристотелемъ. При одномъ имени его возникаетъ у большой публики представленіе чего-то очень серьезнаго, сухого, ученаго и прямолинейнаго. Я говорю о Гербертѣ Спенсерѣ. Не смотря на то, что умъ Спенсера типично англійскій, авторъ „Синтетической философіи" былъ почти совершенно неизвѣстенъ на родинѣ, когда на континентѣ его сочиненія переводились, изучались, комментировались и популяризировались. Въ біографіи Гладстона Морлей разсказываетъ, что въ 1875 г. „The Great Old Man" съ недоумѣніемъ спросилъ: „But who is Mr. Spencer?" (кто такой Спенсеръ). Спенсеръ тогда былъ авторомъ „Соціальной статики" и нѣсколькихъ томовъ „Опытовъ". Изъ „Системы синтетической философіи" вышли тогда уже: „Основныя начала", „Основы біологіи", „Основы психологіи" и „Основы соціологіи". Нужно ли удивляться тому, что когда въ 1900 г. восьмидесятилѣтній Спенсеръ присоединился къ лигѣ протестантовъ противъ Южно-Африканской войны—большая публика спрашивала съ недоумѣніемъ: „Who is Mr. Spencer?" Затѣмъ наступилъ внезапный поворотъ. Считалось ужъ неприличнымъ не знать, что имя Спенсера связано тѣсно съ понятіемъ *эволюція*. Когда же стало извѣстно, что послѣ Спенсера остались записки, на нихъ стали поступать безчисленные заказы. Біографіи, автобіографіи и путешествія—любимое чтеніе средней англійской публики.

Два громадныхъ тома автобіографіи въ тысячу двѣсти страницъ убористой печати—крайне любопытны и характерны. Въ этой „Естественной исторіи самого себя" (A natural history of myself), какъ Спенсеръ называетъ свои записки, мы находимъ, прежде всего, генезисъ системы, обработка которой заняла всю жизнь философа. Мы можемъ прослѣдить, какъ идея эволюціи зародилась въ смутномъ видѣ въ 1844 г., когда Спенсеру было только двадцать четыре года, какъ она впервые оформилась въ 1850 г. и какъ она достигла полнаго развитія въ 1869 г. Мы шагъ за шагомъ можемъ прослѣдить развитіе идеи. Мы видимъ, какъ создавалась колоссальная *Система синтетической философіи*. Но этимъ далеко не исчерпывается содержаніе автобіографіи. Спенсеръ обстоятельно,—своимъ обычнымъ, яснымъ, точнымъ, какъ алгебраическая формула языкомъ,—разсказываетъ, что̀ онъ читалъ и *почему* читалъ, затѣмъ рисуетъ рядъ портретовъ людей, съ которыми встрѣчался или былъ близокъ. Тутъ—Бокль, Гексли, Джонъ Стюартъ Милль, Карлейль, Тиндаль, Генри Льюисъ,

Джорджъ Элліотъ и др. имена, къ которымъ мы, русскіе, привыкли съ школьной скамьи относиться съ глубокимъ уваженіемъ. Съ такою же обстоятельностью Спенсеръ сообщаетъ о рядѣ изобрѣтеній и усовершенствованій, которыя онъ сдѣлалъ: объ электрическомъ двигателѣ, велосиметрѣ, цефалографѣ, постели для больныхъ и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ усовершенствованій ничтожны (напр., новая иголка для скалыванія періодическихъ изданій, новое удилище: Спенсеръ до 70 лѣтъ былъ страстный рыболовъ); но философъ, тѣмъ не менѣе, подробно разсказываетъ, какъ они зарождались, и не забываетъ прибавить чертежи, рисунки и смѣты.

„По всей вѣроятности,—говоритъ Спенсеръ,—многіе читатели будутъ поражены разнородностью моихъ занятій и пестротой тѣхъ предметовъ, которые интересовали меня въ различное время. Чтобы вполнѣ понять это разнообразіе, нужно сопоставить вопросы, занимавшіе меня въ послѣдующіе годы моей жизни, съ усовершенствованіями и изобрѣтеніями, надъ которыми работалъ я въ ранніе годы. Результатами моей умственной дѣятельности являются: доктрина о дѣятельности государства и... новый нивелирный колъ, генезисъ религіозныхъ идей и усовершенствованный часовой маятникъ; циркуляція сока въ растеніяхъ и постель для больныхъ; законъ органической симметріи и чертежная машина; анализъ основъ нравственности и велосиметры; критика метафизической доктрины и иголка для скалыванія газетъ; классификація наукъ и усовершенствованное удилище; общій законъ эволюціи и... практичный способъ насаживанія мухъ на рыболовный крючекъ.

„Есть нѣчто почти комическое въ этомъ контрастѣ великаго и малаго, важнаго и ничтожнаго. Но я долженъ отмѣтить всѣ эти факты въ естественной исторіи самого себя, которую пишу теперь.

„Указанные факты свидѣтельствуютъ объ одинаковомъ проявленіи анализа и синтеза, абстрактнаго и конкретнаго, общаго и частнаго. Другими словами, факты говорятъ о способностяхъ теоретическихъ и практическихъ. Но потребностью ума, работалъ ли онъ въ теоретическомъ или въ практическомъ направленіи,—было всегда что-нибудь новое. И здѣсь можно замѣтить звено, соединяющее крайне разнородные продукты умственной дѣятельности, перечисленные выше. Они всѣ давали исходъ творческому созидательному воображенію. Повидимому, творческое воображеніе можетъ вылиться одинаково, какъ въ изобрѣтеніи, такъ и въ новой теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, сопоставивъ ихъ рядомъ, мы сразу усмотримъ въ нихъ родственныя черты: каждое изобрѣтеніе есть теорія, прежде чѣмъ она претворилась въ матеріальную форму" *).

*) *Herbert Spenser*, «An Autobiography», v. II, p. p. 435—36.

Нужно прибавить ко всему этому еще слѣдующее. Гербертъ Спенсеръ крайне презрительно отзывается о біографахъ—и посвятилъ своей біографіи два громадныхъ тома. Это обстоятельство отмѣчаетъ самъ философъ. „Меня спросятъ, зачѣмъ понадобилось писать эту автобіографію? Вопросъ довольно основательный, если принять во вниманіе, что я вообще всегда крайне неодобрительно относился къ біографіямъ. Отвѣтить на это могу слѣдующее. Въ наше время усиленной фабрикаціи книгъ, когда появилось такъ много людей, которые, какъ только составятъ и продадутъ одно произведеніе, тотчасъ же высматриваютъ уже тему для другого,—ни одинъ дѣятель, имя котораго извѣстно публикѣ, не можетъ спастись отъ біографа. Если дѣятель самъ не опишетъ свою жизнь, это сдѣлаетъ за него кто-нибудь другой. На основаніи этихъ соображеній я думаю, что лучше всего будетъ, если я самъ дамъ возможно болѣе полный разсказъ о себѣ". Къ такому выводу Спенсеръ пришелъ уже въ 1875 году (*Autobiography*, v. II, p. 285). Онъ обстоятельно разсказываетъ, какъ не могъ урвать досужее время, такъ какъ сильно былъ занятъ *Синтетической Философіей*, но какъ потомъ съ обычной своей систематичностью, рѣшилъ посвятить одинъ день въ недѣлѣ, именно субботу, Автобіографіи, которую диктовалъ стенографу. Разсказъ былъ доведенъ, такимъ образомъ, до 1875 г. Затѣмъ писаніе прекратилось на много лѣтъ. Спенсеръ потомъ самъ взялся за „автобіографію", когда заболѣлъ переутомленіемъ, и ему воспретили научную работу. Онъ прибавлялъ каждый день по страницѣ.

„Крайне досадной необходимостью нужно считать то,—говоритъ Спенсеръ въ другомъ мѣстѣ,—что въ автобіографіи слишкомъ много приходится говорить о самомъ себѣ. Біографіи неизбѣжно страдаютъ однимъ недостаткомъ: въ нихъ мало важныхъ фактовъ, и, кромѣ того, авторы невѣрно толкуютъ даже тѣ факты, которые приводятъ. Авторы, описывающіе сами свою жизнь, съ другой стороны, слишкомъ много говорятъ о себѣ и склонны подчеркивать факты, которые, быть можетъ, не имѣютъ такого значенія, какъ думаетъ писатель. Читателю предоставляется самому повѣрить или не повѣрить освѣщенію автора" *).

II.

Выше я упомянулъ, что большая публика въ Англіи не знала Спенсера, когда на континентѣ и въ Америкѣ его ученіе создавало школу. Это не значитъ, что въ Англіи не было горячихъ поклонниковъ Спенсера. Они появлялись и давали восторженную оцѣнку значенія *Системы синтетической философіи*.

*) Ib., v. II, p. VI.

„Гербертъ Спенсеръ,—говоритъ одинъ изъ такихъ поклонниковъ,—третій по счету мыслитель съ міровымъ значеніемъ, если первыми двумя будутъ Аристотель и Кантъ. Въ исторіи всѣ они будутъ пользоваться одинаковымъ безсмертіемъ. Никто не станетъ оспаривать, что и до Аристотеля были глубокіе мыслители, но онъ первый собралъ въ подобіе опредѣленной науки или опредѣленыхъ наукъ тысячи намековъ и изысканій своихъ предшественниковъ; — онъ на тысячу лѣтъ сталъ двигательной силой послѣдующей науки. Правда, впослѣдствіи наука отвергла большинство трудовъ Аристотеля; правда, развитіе современной науки началось съ того времени, когда авторитетъ греческаго мыслителя подвергся критикѣ. Но, тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что Аристотель въ области мысли былъ королемъ даже по отношенію ко многимъ изъ тѣхъ, которые своими изслѣдованіями развѣнчали его. Аристотель — типичный властитель умовъ.

„Въ свою очередь и до Канта были мыслители, подрывавшіе авторитетъ Аристотеля. Изъ всѣхъ философовъ, вліяніе которыхъ сохранилось до настоящаго времени, Кантъ, быть можетъ, сильнѣе всѣхъ находился подъ впечатлѣніемъ ученія аттической школы. Вѣрно также то, что теперь наблюдается стремленіе отбросить большинство изысканій Канта въ области психологіи, точно такъ, какъ предшественники кенигсбергскаго философа рѣшительно отвергли Аристотеля. Но, тѣмъ не менѣе, Кантъ остается такимъ же царемъ мысли, какъ въ былое время—Аристотель.

„Спенсеръ, третій по счету философъ, не мало содѣйствовалъ разрушенію также авторитета Канта. Спенсеръ, явившійся преемникомъ Лока, Юма, Беркли и Милля, тѣмъ не менѣе, піонеръ и въ высшей степени оригинальный философъ. Психологія будущаго станетъ вести свое начало отъ него. Труды Лока, Беркли и Юма такъ же относятся къ работамъ Спенсера, какъ изысканія фанъ-Гельмонта и Берцеліуса къ сочиненіямъ Шванна, какъ Гюйгенсъ и Фурье-къ Юнгу, или какъ труды Ламарка и Бюффона — къ открытіямъ Дарвина. Труды Спенсера обнимаютъ все, что было изслѣдовано до него и, въ то же время, являются исходнымъ пунктомъ для безграничныхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. О колоссальности работы Спенсера можетъ дать представленіе слѣдующее. Кантъ изложилъ гипотезу туманныхъ пятенъ и намѣтилъ послѣдовательное развитіе земли отъ газообразнаго до нынѣшняго состоянія. Въ области біологіи Дарвинъ прослѣдилъ постепенное развитіе безчисленныхъ видовъ отъ первоначальнаго типа. Бэнъ далъ намъ законы въ области психологіи. Спенсеръ же прослѣдилъ матерію во всѣхъ проявленіяхъ ея, отъ первоначальнаго хаоса до продукта мысли *).

Перейдемъ къ суммированію значенія Спенсера, сдѣланному

*) «Herbert Spencer», by Arthur Lynch, 1902, pp. 261—264.

другимъ горячимъ поклонникомъ философа—Гекторомъ Макферсономъ (*Herbert Spencer*, the Man and his work, by Hector Macpherson, London, 1900). Начало XIX вѣка,—говоритъ онъ,—было въ Англіи эпохой великихъ, теологическихъ, философскихъ, политическихъ и соціальныхъ, броженій. Энергія народа, которую перестали отвлекать великія войны, нашла себѣ примѣненіе въ торговлѣ и промышленности. Мысль, которую теологія не сковывала больше, усиленно работала. Появился рядъ великихъ открытій и скоро стало очевидно, что необходима новая теорія о человѣкѣ и объ его отношеніи къ вселенной. Въ Шотландіи публика, не смотря на сильное еще вліяніе теологіи, увлекалась такими трудами, какъ „Constitution of Man“ Комба или же какъ „Vestiges of Creation“. На континентѣ пробудился тотъ же духъ научнаго изслѣдованія. Наука не желала больше смотрѣть на природу лишь какъ на громадный музей, въ которомъ ученому нужно только наклеивать ярлыки на отдѣльныя явленія. Требовалось нѣчто обобщающее. Это стремленіе нашло себѣ выраженіе въ появившемся въ 1845 г. „Космосѣ“ Гумбольдта. Приблизительно около того же времени появилась „Исторія и философія индуктивныхъ наукъ“ Уэуэлля (Whewell), которая должна была продолжить трудъ Бэкона, „соотвѣтственно съ суммой знанія, добытаго въ наше время“. Мыслитель типа Уэуэлля работаетъ при неблагопріятныхъ условіяхъ: въ то время, какъ онъ занятъ обобщеніями, могутъ быть сдѣланы открытія, которыя выбьютъ изъ-подъ космической теоріи, придуманной имъ, фундаментъ. Такова именно судьба Уэуэлля. Въ 1857 г., когда появилось послѣднее изданіе „Исторіи и философіи индуктивныхъ наукъ“, ничего не было еще извѣстно—объ энергіи, сохраненіи и тратѣ ея, объ измѣненіи видовъ и эволюціи органическихъ формъ; неизвѣстна была также ни механическая теорія теплоты, ни абсолютная температура. Даже целлюлярная теорія, повидимому, извѣстна была только въ одной Германіи. Между тѣмъ, хотя всѣ эти вопросы занимали тогда многихъ, мы не находимъ и намека на нихъ въ трудѣ Уэуэлля. Онъ сдѣлалъ смѣлую попытку объединить въ подобіе системы массу знанія, накопленнаго въ то время. Книга Уэуэлля основывалась на органическомъ единствѣ наукъ. И если попытка ему не удалась, то не вслѣдствіе отсутствія глубины у автора, а потому, что ученые не открыли еще тогда путемъ наблюденій и опытовъ удивительнаго единства природы. Затѣмъ сильный толчекъ научной мысли далъ Контъ. Заслуга его заключается въ попыткѣ показать, какое положеніе въ прогрессѣ человѣчества занимаютъ теологія, метафизика и наука. Соглашаемся ли мы съ означеннымъ закономъ Конта о тѣхъ послѣдовательныхъ періодахъ или нѣтъ,—мы, во всякомъ случаѣ, должны признать, что онъ освѣтилъ громадный періодъ въ исторіи, который до того времени представлялся настоящимъ лабиринтомъ.

Въ общемъ, мы получаемъ опредѣленное представленіе о прогрессѣ человѣчества, когда признаемъ, вмѣстѣ съ Контомъ, что теологія не могла объяснить вселенной, потому что искала въ ней волю одного существа; метафизика потерпѣла неудачу, потому что стремилась постичь сущность вещей; наука же сдѣлала многое, потому что занялась изслѣдованіемъ явленій путемъ наблюденій и опытовъ.

Но, не смотря на всю цѣнность трудовъ Конта, значеніе ихъ ослабляется однимъ громаднымъ недостаткомъ. Питая глубокую антипатію къ изученію причинъ, Контъ смѣшалъ двѣ различныя вещи: конечную или теологическую причину и дѣйствующую или механическую. Въ результатѣ Контъ отказался прослѣдить общій корень своихъ шести наукъ и рѣшительно возставалъ противъ всякой попытки пойти дальше изслѣдованія явленій, даже тогда, когда вопросъ былъ о выясненіи законовъ и силъ, составлявшихъ ключъ по пониманію феномена. „Наиболѣе прискорбной причудой Конта, —говоритъ Лэстеръ Уордъ,—является его крайне враждебное отношеніе ко всѣмъ новѣйшимъ гипотезамъ относительно природы свѣта, теплоты, электричества и пр. Онъ относилъ все это къ тому же порядку, что и тяготѣніе, и заявлялъ, что ученые тратятъ напрасно время, когда желаютъ изслѣдовать происхожденіе и сущность этихъ явленій."

Гербертъ Спенсеръ воспользовался новымъ пониманіемъ природы, составляющимъ одно изъ наиболѣе важныхъ иріобрѣтеній XIX вѣка и которое Контъ не въ состояніи былъ примѣнить. До Спенсера природу представляли себѣ, какъ колоссальную машину, отдѣльныя части которой спеціально изготовлены, чтобы работать въ опредѣленномъ мѣстѣ. Безъ сомнѣнія, въ этой машинѣ усматривалось единство; но таковое заключалось, по мнѣнію мыслителей того времени, въ главномъ механикѣ, а не въ *матеріалѣ*, изъ котораго состоитъ машина. Въ трудахъ ученыхъ, какъ и теологовъ начала XIX вѣка, мы не находимъ и намека на мысль объ органическомъ единствѣ космоса. Больше того, считалось абсолютно невозможнымъ открыть подобное единство. Философы раціоналистической школы, запутавшись въ сѣть ложнаго метода, положили произвольный предѣлъ изслѣдованіямъ. *Логика* Милля считалась евангеліемъ школы. Благоговѣніе, которое Милль питалъ къ Конту, объясняется тѣмъ, что тогда казалось, что шире и нельзя даже примѣнить индуктивный методъ для истолкованія вселенной.

И вотъ, явился Спенсеръ съ своей философіей космоса. Изслѣдуя познаваемое, Спенсеръ поставилъ себѣ цѣлью обнять однимъ обобщеніемъ—обобщенія отдѣльныхъ наукъ. Онъ предпринялъ прослѣдить дѣйствіе міроваго эволюціоннаго процесса (силы) отъ туманнаго пятна до высшихъ проявленій душевной дѣятельности. Для удобства, явленія раздѣлены Спенсеромъ на астрономи-

ческія, геологическія, біологическія, психологическія и соціологическія, но во всѣхъ ихъ наблюдается одинъ и тотъ же процессъ. Въ то время, какъ космосъ, какъ цѣлое, развивается отъ простого къ сложному путемъ интеграціи и дифференціаціи, — отдѣльныя части его подчиняются тому же закону эволюціи *).

Въ планъ моего письма не входитъ критическая оцѣнка грандіознаго труда. Русская литература, въ этомъ отношеніи, богата такой блестящей оцѣнкой, какъ „Что такое прогрессъ?“ Возвращусь теперь снова къ автобіографіи Спенсера.

III.

Способность къ анализу усиленно культивировалась въ молодомъ Гербертѣ отцомъ. „Я съ ранняго дѣтства привыкъ добираться до причинъ явленій,—говоритъ Спенсеръ. Отецъ часто задавалъ мнѣ вопросъ: „можешь мнѣ сказать причину такого-то явленія?“ Если я самъ не могъ добраться, онъ помогалъ мнѣ. Религіозныя воззрѣнія отца не дозволяли ему отрицать чудесное, но онъ такъ ясно истолковывалъ мнѣ естественныя причины явленій, что мало по малу во мнѣ наростало глубокое убѣжденіе въ томъ, что иныхъ и не можетъ быть.“ Въ мальчикѣ развивали любовь къ природѣ и къ естественнымъ наукамъ. И она была такъ интенсивна, что пятнадцатилѣтній Спенсеръ дебютировалъ въ литературѣ не стихами, а маленькимъ трактатомъ о кристаллахъ. Этотъ первый опытъ появился въ маленькомъ провинціальномъ журналѣ „The Bath Magazine“. Основой статьи послужили собственныя наблюденія. Впрочемъ, даже Спенсеръ не миновалъ періода писанія стиховъ. Это случилось въ 1843 г., когда двадцатитрехлѣтній Спенсеръ пріѣхалъ въ Лондонъ пытать счастье.

„Я задумалъ написать поэму,—сообщалъ онъ отцу.—Кончу я ее черезъ нѣсколько лѣтъ. Я мало по малу вырабатываю планъ и набрасываю мысли, которыя разовью въ моемъ произведеніи. Оно будетъ называться *Ангелъ Истины*. Прилагаю нѣсколько стиховъ, являющихся результатомъ моего размышленія по поводу положенія міра въ *темные вѣка*“. Писаніе стиховъ или, какъ Спенсеръ выражается, „the verse-making disorder“—продолжалось недолго. Кромѣ поэмы, Спенсеръ задумалъ еще драму *Мятежникъ*. „Въ ней я трактовалъ не возстаніе, но неудачи и разочарованія героя, обусловленныя слабостью и низостью людей, которые окружаютъ его.“ Драма тоже предполагалась въ стихахъ; но все было оставлено. „Я убѣдился, — разсказываетъ Спенсеръ, — что мои стихи—не поэзія. Въ нихъ не было ни соотвѣтствующаго чувства, ни сильныхъ образовъ“ **).

---

*) См. упомянутую книгу Гектора Макферсона, p. p. 16—197.

**) Autobiography, v. I, p. 227.

Извѣстно, то что Спенсеръ очень мало времени провелъ въ школѣ. Отецъ послалъ его къ своему брату, священнику, содержавшему школу, въ которой мальчики подготовлялись въ университетъ. Здѣсь Гербертъ Спенсеръ провелъ три года. Онъ проявилъ блестящія способности въ области математики. Онъ хорошо справлялся съ дифференціальными исчисленіями, когда товарищи его сидѣли еще на квадратныхъ уравненіяхъ, съ любовью занимался онъ также механикой, химіей и физикой; но классическія языки ему рѣшительно не давались. Спенсеръ питалъ органическое отвращеніе къ заучиванію наизусть. И черезъ три года дядя отправилъ мальчика домой съ заявленіемъ, что способности у него отличныя, но только въ университетъ онъ никогда не поступитъ. Въ своей *Автобіографіи* Спенсеръ такъ суммируетъ, что дала ему школа: „Я поздоровѣлъ тамъ физически. Жизнь въ деревнѣ, гдѣ находилась школа, принесла мнѣ громадную пользу. Что касается развитія, то изъ школы я вынесъ порядочное знаніе математики, а съ ней дисциплину ума и способность думать логически. Языки я изучилъ очень плохо: по французски зналъ только немного грамматики да нѣсколько страницъ изъ книги вокабулъ. По-гречески выучился съ трудомъ переводить Новый Завѣтъ, по-латыни — съ ошибками и трудомъ добирался до смысла упражненій, которыя даются всегда начинающимъ. Вотъ, кажется, всѣ мои знанія того времени“ *). Нужно удивляться тому, какъ много пріобрѣлъ Спенсеръ путемъ самообразованія. Внѣшніе факты его біографіи извѣстны: онъ пробовалъ быть учителемъ, затѣмъ нѣсколько лѣтъ былъ инженеромъ. Тутъ онъ сдѣлалъ нѣсколько изобрѣтеній и усовершенствованій, о которыхъ подробно говоритъ въ своей автобіографіи. Затѣмъ Спенсеръ сталъ журналистомъ. Въ это время у него зарождался планъ громаднаго труда. Небольшія средства, полученныя по наслѣдству, дали Спенсеру возможность посвятить всю энергію *Системѣ синтетической философіи*. Ни слабость здоровья, ни денежныя затрудненія, ни старость не помѣшали Спенсеру закончить колоссальный трудъ, отнявшій больше тридцати лѣтъ. Крайне интересно прослѣдить генезисъ теоріи эволюціи у Спенсера. Философъ смутно чувствовалъ идею еще въ 1842 г. Въ статьѣ, помѣщенной въ провинціальной газетѣ „Nonconformist“, двадцатилѣтній Спенсеръ писалъ: „Каждое живое существо находится въ тѣсной связи съ тѣмъ внѣшнимъ міромъ, въ которомъ оно живетъ. Отъ простого зоофита до высшаго позвоночнаго существованіе всѣхъ ихъ обусловлено извѣстными опредѣленными принципами. Каждое животное имѣетъ опредѣленныя потребности: оно нуждается въ пищѣ, затѣмъ въ логовищѣ, норѣ или гнѣздѣ для защиты отъ непогоды, враговъ и для того, чтобы выкормить

*) Ib. v. I, p. 115.

тамъ дѣтенышей. Для выполненія всѣхъ этихъ дѣйствій животныя имѣютъ соотвѣтственные органы и инстинкты, т. е. внѣшніе аппараты и внутреннія способности. Здоровье и счастье самаго живаго существа находятся въ зависимости отъ того, насколько цѣлесообразно дѣйствуютъ намѣченные органы и способности, которые въ свою очередь, обусловливаются окружающей средой. Если живой организмъ поставленъ въ такія условія, при которыхъ употребленіе какого-нибудь органа или способности излишне,—послѣдніе мало по малу атрофируются. Природа не даетъ ничего напрасно. Инстинкты и органы сохраняются только до тѣхъ поръ, покуда въ нихъ испытывается надобность. Помѣстите семейство животныхъ въ такія условія, при которыхъ употребленіе одного изъ органовъ или инстинктовъ не нужно больше, и вы мало по малу замѣтите рѣзкое измѣненіе. Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, извѣстная способность или инстинктъ будутъ постепенно ослабѣвать. Въ концѣ концовъ послѣдуетъ неизбѣжное вырожденіе. Все это вѣрно и относительно человѣка". Мы видимъ здѣсь смутный образъ положеній, развитыхъ съ особенной силой двадцать лѣтъ спустя.

Я посвящу отдѣльное письмо генезису *Синтетической философіи*, а теперь перейду къ портретамъ современниковъ Спенсера, какъ ихъ рисуетъ авторъ. Эти характеристики и отзывы о прочитанномъ дадутъ намъ возможность познакомиться съ Спенсеромъ, какъ съ человѣкомъ.

Прежде всего, о людяхъ, характеръ которыхъ представлялъ антитезу характера Спенсера.

Посмотримъ, какъ относился онъ къ Карлейлю. Философъ отмѣчаетъ, что въ 1844 г. на него громадное вліяніе имѣла *Система логики* Милля. „Усиленно читали въ то время, — продолжаетъ Спенсеръ,—также и другую книгу—*Sartor Resartus* Карлейля. Мнѣ ее далъ пріятель, который самъ былъ въ восторгѣ отъ книги. Она произвела впечатлѣніе, хотя отнюдь не имѣла продолжительнаго вліянія. Свѣжесть представленія вещей и удивительная сила стиля привлекли меня; но я не думаю, что книга хотя бы отчасти заставила измѣнить мой взглядъ на вещи. Я знаю людей, которые увѣряютъ, что въ ихъ міровоззрѣніи произошелъ радикальный переворотъ послѣ чтенія произведеній Карлейля. По всей вѣроятности, они болѣе впечатлительны, чѣмъ я, и болѣе воспріимчивы. Моей натурѣ совершенно чужда пассивная воспріимчивость, въ силу чего чужія мысли имѣютъ на меня чрезвычайно мало вліянія. Процессъ моего мышленія отнюдь не можетъ развиваться вслѣдствіе вліянія извнѣ. Я охотно беру матеріалъ, который можно обработать или переработать такъ, чтобы онъ вошелъ, какъ составная часть, въ связную систему; но мысли и чувства, чуждыя мнѣ, или не поддающіяся переработкѣ, я или отбрасываю или равнодушно воспринимаю, такъ что быстро за-

бываю. Такъ поступаютъ и всѣ самостоятельные мыслители, но въ моей натурѣ эта черта особенно развита" *). Лично съ Карлейлемъ Спенсеръ познакомился въ 1851 г., черезъ Генри Льюиса. „Однимъ изъ послѣдствій моего сближенія съ Льюисомъ,—пишетъ Спенсеръ,—было мое знакомство съ Карлейлемъ, къ которому меня повели въ октябрѣ 1851 г... Я провелъ у него цѣлый вечеръ. Карлейль—странное существо. По всей вѣроятности, онъ,—писалъ я тогда пріятелю, — до крайности надоѣлъ бы мнѣ, если бы я долго пробылъ въ его обществѣ. Разговоръ его состоялъ изъ ряда тирадъ противъ „ужаснаго, отвратительнаго положенія вещей", которыя онъ произносилъ съ характернымъ, сильнымъ шотландскимъ раскатомъ. Карлейль и въ разговорѣ былъ также многоглаголивъ, какъ и въ своихъ писаніяхъ, громоздилъ эпитетъ на эпитетѣ, выбирая возможно болѣе сильные и энергичные... Онъ любитъ посмѣяться и хохочетъ отъ души. Но его вѣчное ворчанье на всѣхъ и на все до такой степени раздражаетъ, и съ нимъ до такой степени безполезно спорить, что я не желаю часто видаться съ нимъ; по всей вѣроятности, я буду встрѣчаться съ Карлейлемъ раза три въ годъ, не больше". — Такъ писалъ Спенсеръ своему пріятелю послѣ перваго свиданія съ авторомъ *Sartor Resartus*. Всего Спенсеръ былъ у него три раза и затѣмъ прекратилъ посѣщенія. „Я нашелъ, что мнѣ приходится или молча выслушивать его нелѣпые парадоксы (что не въ моей привычкѣ), или завязывать горячій споръ, который кончался ссорой. И такъ какъ первая альтернатива была непримѣнима, а вторая—непріятна, то я порвалъ знакомство. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, я поступилъ нѣсколько не такъ, какъ всѣ. Карлейль былъ такой интересный собесѣдникъ, его рѣчь такъ оригинальна и сильна, что многіе искали знакомства съ нимъ. Наслаждаясь формой парадоксовъ, они не обращали вниманіе на суть ихъ... Льюисъ говорилъ, что Карлейль—„пѣвецъ безъ музыки". Другіе сравнивали его съ еврейскими пророками. Были и такіе, которые, странно сказать, считали Карлейля философомъ. Принимая во вниманіе, что Карлейль никогда не могъ или не хотѣлъ мыслить связно и не доходилъ до заключеній, отправляясь отъ доказанныхъ посылокъ, а обыкновенно ограничивался догматическими утвержденіями,—мы должны сказать, что въ немъ не было совершенно характерныхъ чертъ философа. У Карлейля была еще одна особенность. Вмѣсто того, чтобы мыслить спокойно, какъ долженъ дѣлать прежде всего философъ, онъ давалъ волю раздраженію. Трудно найти другого такого писателя, умъ котораго былъ бы такъ подверженъ вліянію эмоцій. Названіе философа особенно странно, когда мы вспомнимъ его взгляды и характерныя изреченія. Карлейль, найдя, что въ ранніе вѣка и при

*) V. I, p. 242.

извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ „сильная рука“ правителя принесла пользу, заключилъ, что это вѣрно и для всѣхъ временъ. Изъ этого видно, что Карлейль не могъ стать выше дѣтскаго взгляда, въ силу котораго человѣческая природа остается всегда неизмѣнной. Онъ глумился надъ политической экономіей, называя ее „зловѣщею стряпней“. Карлейль доказывалъ, что желаніе людей, работающихъ вмѣстѣ при извѣстныхъ соціальныхъ условіяхъ, не создаетъ никакихъ общихъ законовъ, что намъ безразлично, признаемъ ли мы существованіе такихъ законовъ или нѣтъ, что изученіе ихъ неинтересно, а потому безполезно. Все это врядъ ли свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣкъ, высказывавшій подобные взгляды, проявилъ философскую глубину или проницательность. Карлейля приводила въ слѣпую ярость книга Милля „О свободѣ“, утилитаріанизмъ онъ называлъ „свинской философіей“. Такимъ образомъ, онъ отождествлялъ стремленіе къ полезности съ эгоистическимъ стремленіемъ къ матеріальной выгодѣ и къ вознагражденію, не смотря на то, что утилитаріанизмъ заботится о благѣ другихъ и развиваетъ наиболѣе благородныя чувства. Все это тоже не рекомендуетъ Карлейля, какъ философа. Ни одинъ философъ никогда не обнаружилъ такой безумной ненависти къ наукѣ. Отвращеніе къ ней побуждало Карлейля давать въ своихъ писаніяхъ школьныя клички, какъ напр.: „землесплющитель Мопертюи“, какъ будто бы въ открытіи факта сплющенности земли было что-то позорное и предосудительное для французскаго астронома. Въ своихъ сочиненіяхъ Карлейль не уставалъ повторять, что нужно относиться съ уваженіемъ къ законамъ вселенной, и въ то же время онъ осыпалъ презрѣніемъ тѣхъ, которыя посвятили жизнь изученію этихъ законовъ... Нѣкоторыя изъ парадоксовъ Карлейля таковы, что, произнеси ихъ обыкновенный человѣкъ, не имѣющій имени, ихъ назвали бы невѣроятно глупыми. Таково утвержденіе, что геніальность „означаетъ трансцендентальную способность начать безпокоиться раньше всѣхъ“. Въ дѣйствительности же, геніальность означаетъ какъ разъ противоположное: способность выполнять съ малымъ волненіемъ то, что обыкновенный человѣкъ не сдѣлаетъ съ какой угодно затратой безпокойства.

„Карлейль не безъ гордости говорилъ о самомъ себѣ, что онъ „преисполненъ свирѣпости древняго нормана“. Однимъ изъ результатовъ была такая страсть къ противорѣчію, что Карлейль, какъ я самъ убѣдился, готовъ былъ опровергать свои собственные взгляды, если ихъ ему выставляли въ видѣ аргумента... Карлейль въ высшей степени любилъ сильныя и энергичныя выраженія, въ силу чего постоянно впадалъ въ преувеличенія. Отсюда я заключаю, что писанія его крайне неискренни, хотя принято говорить какъ разъ противоположное. Преувеличеніе исключаетъ искренность. Тотъ, кто постоянно злоупотребляетъ

сильными эпитетами, къ которымъ искренній писатель долженъ относиться съ большою осторожностью, неизбѣжно представляетъ вещи въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Къ страсти къ энергичнымъ эпитетамъ нужно прибавить еще манеру говорить съ крайнимъ авторитетомъ. Онъ постоянно кого-нибудь обличалъ, осуждалъ или же осыпалъ презрѣніемъ. Мало по малу у Карлейля выработалась манера видѣть всюду только одно низкое, гадкое и презрѣнное. Его организмъ ежедневно выдѣлялъ извѣстную дозу проклятій, которыя нужно было излить на кого-нибудь. Я не хочу, конечно, утверждать,—продолжаетъ Спенсеръ,—что въ характерѣ Карлейля не было благородныхъ чертъ. Знавшіе его близко говорятъ, что въ характерѣ Карлейля было много великодушія и даже нѣжности. Онъ иллюстрируетъ истину, которая не достаточно ясно сознается нами, именно, что въ человѣкѣ, какъ и въ низшихъ существахъ, могутъ рядомъ совмѣщаться свойства совершенно противоположныя. Собака, которая только что проявила величайшую привязанность къ хозяину, безъ достаточной причины кидается на посторонняго или же яростно нападаетъ на безобиднаго щенка, который смиренно пробѣжалъ мимо. Въ ребенкѣ мы въ нѣсколько минутъ можемъ наблюдать всю гамму эмоцій. То же самое мы видимъ въ людяхъ, дѣйствующихъ подъ впечатлѣніемъ импульса. Страсть разрушать и громить перемѣшана у нихъ съ нѣжностью. Натура Карлейля была совершенно не уравновѣшена. Это относится одинаково, какъ къ его характеру, такъ и къ уму... Безъ сомнѣнія, крайняя раздражительность Карлейля и его рѣзкость объясняются въ извѣстной степени хронической диспепсіею; но изъ собственныхъ его разсказовъ мы видимъ, что Карлейль съ дѣтства отличался грубостью и деспотическими наклонностями... Человѣкъ съ такимъ неуравновѣшеннымъ умомъ не можетъ быть руководителемъ своихъ ближнихъ“ *).

„Неуравновѣшенность“, которая кажется Спенсеру самой непростительной чертой въ писателѣ,—нашъ авторъ открывалъ у всѣхъ метафизиковъ отъ древнѣйшихъ временъ. Его отзывы о Платонѣ, Кантѣ, Гегелѣ — очень рѣшительны. Прежде чѣмъ привести мнѣніе Спенсера о Платонѣ, посмотримъ, какъ онъ отзывался вообще о классической литературѣ.

„Не странно ли, — говоритъ онъ, — что послѣ многихъ вѣковъ цивилизаціи, все еще преобладаетъ убѣжденіе, что знаніе своей собственной природы, а также физическаго и соціальнаго міра, въ которомъ человѣкъ живетъ,—неважно для него; но за то крайне существенно для каждаго овладѣть языками двухъ вымершихъ народовъ, изучить вполнѣ преданія, битвы и суевѣрія ихъ, равно какъ дѣянія, большею частью кровавыя, ихъ героевъ,

*) «An Autobiography», v. I. p.p. 242—384.

да преступленія ихъ боговъ! Двѣ мѣстныя группы фактовъ и вымысловъ, занимающія сравнительно небольшое пространство въ генезисѣ міра, который, въ свою очередь, составляетъ лишь ничтожную крупицу вселенной,—такъ поглащаютъ учащихся, что у нихъ не хватаетъ уже времени на ознакомленіе съ космосомъ. Если бы Римъ и Греція никогда не существовали даже, человѣческая жизнь и главный ходъ ея были бы въ существенныхъ чертахъ такіе же, какъ и теперь, т. е. жизнь или смерть, здоровье или болѣзнь, счастье или несчастье, преуспѣяніе или гибель зависѣли бы тогда, какъ и теперь, отъ приспособленія дѣйствій къ требованіямъ среды. Между тѣмъ, этимъ знаніемъ среды люди совершенно пренебрегаютъ.

„Люди думаютъ, что лучше всего можно подготовить юношу къ жизни, если до мелочей ознакомить его съ языкомъ, мыслями, подвигами, несчастіями, безуміями, пороками и жестокостями двухъ народовъ, которые въ умственномъ отношеніи стояли отнюдь не выше насъ, а въ моральномъ отношеніи — неизмѣримо ниже и которыхъ знаніе явленій и причинъ ихъ было сравнительно невелико. Какъ не поражаться тѣмъ, что поколѣнія за поколѣніями проводятъ года въ изученіи ошибокъ и заблужденій древнихъ мыслителей, исходившихъ въ своихъ разсужденіяхъ изъ совершенно произвольныхъ, непровѣренныхъ положеній, тогда какъ современная наука, оперирующая надъ тщательно собраннымъ въ теченіе вѣковъ матеріаломъ, остается въ школахъ въ полномъ пренебреженіи. О ней упоминаютъ между прочимъ, какъ о чемъ-то несущественномъ. Наши потомки, безъ сомнѣнія, отмѣтятъ это, какъ одну изъ самыхъ странныхъ аберрацій человѣческой мысли...“

При такомъ взглядѣ на значеніе классической литературы нетрудно предвидѣть оцѣнку Гомера, которую дѣлаетъ Спенсеръ.

„Лѣтъ двадцать тому назадъ,—говоритъ онъ,—я взялъ переводъ *Иліады*, чтобы изучить по ней предразсудки древнихъ грековъ. Одолѣвъ шесть пѣсенъ, я почувствовалъ, что не въ силахъ читать дальше. И еслибы мнѣ предложили на выборъ добраться до конца или уплатить большой штрафъ, — я предпочелъ бы послѣднее. Я не буду говорить объ утомительныхъ перечисленіяхъ подробностей доспѣховъ и платья, колесницъ, лошадиныхъ статей, полученныхъ и возвращенныхъ ударовъ, чѣмъ наполнены цѣлыя страницы; о дѣтскомъ повтореніи описательныхъ именъ, какъ „долговолосые ахеяне“, „хитроумный Одиссей“, „копьеносецъ Пріамъ“ и пр.; о безконечныхъ нелѣпостяхъ, какъ, напр., изложеніе во время битвы генеалогіи коня. Я не стану распространяться о томъ, что тема касается лишь грубыхъ страстей и инстинктовъ дикаря; но достаточно будетъ сказать, что я не могъ выносить безпрерывнаго чередованія битвъ и рѣчей. Еслибы даже мысли поэмы вызывали чувство пріятнаго, — я не могъ

бы докончить ее вслѣдствіе отсутствія въ ней контрастовъ въ манерѣ изложенія и сюжетѣ“ *).

Этотъ рѣзкій отзывъ не означаетъ, что Спенсеръ былъ совершенно равнодушенъ къ поэзіи. Въ молодости онъ крайне увлекался Шелли и въ возрастѣ 24 лѣтъ, въ письмѣ къ пріятелю, восклицалъ: „*Раскованный Прометей* — единственная поэма, которая вызвала во мнѣ энтузіазмъ“ (v. I, p. 261). Разсуждая по этому поводу, Спенсеръ пишетъ: „Поэма удовлетворяетъ одно изъ моихъ органическихъ требованій: — она разнообразна. Я говорю *органическое* потому, что требованіе разнообразія свойственно моему характеру рѣшительно во всемъ, даже въ пищѣ. Однообразіе въ діэтѣ не только противно, но быстро порождаетъ разстройство пищеваренія. Повидимому, такимъ же свойствомъ въ высшей степени отличается и моя нервная система. Структура ея, какъ частично, такъ и въ цѣломъ, скоро достигаетъ предѣла нормальной дѣятельности, за которымъ начинается непріятное и даже вредное. Вѣрно ли я объясняю явленіе или нѣтъ, но самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Даже въ дѣтствѣ я не выносилъ балладъ, въ которыхъ одни и тѣ же стихи повторяются много разъ. Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ эта нелюбовь превратилась въ отвращеніе, интенсивность котораго росла съ годами. Прямо безстыдно со стороны поэтовъ безсмысленно повторять много разъ одну и ту же идею, или одни и тѣ же слова. Я признаю, что въ рѣдкихъ исключеніяхъ повтореніе умѣстно, когда оно подчеркиваетъ наростающее чувство. Но въ общемъ повторенія въ поэзіи излишни и свидѣтельствуютъ только о дѣтской скудости мысли.

...„Другое требованіе, которое я предъявляю къ поэзіи, это— сила (intensity). Эмоція составляетъ сущность поэзіи. Необходимой чертой каждаго дѣйствительно поэтическаго произведенія является сильное чувство. Если эмоція не очень сильнаго напряженія, то лучше всего выразить ее прозой; ритмическая форма становится умѣстной только тогда, когда чувство растетъ. Поэтому, вѣроятно, меня очень мало привлекаетъ Уордсуортъ **). Я признаю, что иногда у него попадаются очень поэтическія вещи, но въ общемъ его сочиненія напоминаютъ мнѣ только пиво, а не вино... Высшимъ типомъ поэзіи будетъ такое произведеніе, въ которомъ форма безпрерывно измѣняется въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ. Она должна то крѣпнуть, когда волна чувства растетъ, то ослабѣвать и превращаться въ прозу съ легкими лишь слѣдами ритма, когда эмоція падаетъ. Въ соотношеніи съ этимъ слова и образы должны измѣняться въ своей силѣ и яркости. Мнѣ кажется, поэты дѣлали попытки писать произведенія, разно-

---

*) An Autobiography, v. II, p. 262.

**) Представитель „Озерной школы“.

образныя по формѣ, но безъ большого успѣха. Для этого требуется трансцендентальный генiй. О чужихъ запросахъ я не могу, конечно, говорить. Лично же я читаю очень мало стиховъ, но за то требую, чтобы они были очень хороши. Даже настоящiе поэты пишутъ слишкомъ много. Еслибы они написали въ четыре раза меньше,—человѣчество отъ этого сильно выиграло бы. Что же касается риѳмачей (versifiers) и второстепенныхъ поэтовъ, то они только топятъ чужую хорошую литературу въ потокѣ собственной, скверной. Есть нѣчто крайне утомительное въ безпрерывномъ перерабатыванiи поэтами стараго матерiала и въ легкомъ подновленiи его, — въ этой безконечной болтовнѣ про небеса и звѣзды, про море и ручьи, деревья и цвѣты, закаты и восходы солнца, про шепотъ вѣтерка и пѣнье птичекъ и т. д. Надоѣло читать описанiя всего этого и повторенiе старыхъ метафоръ. Въ произведенiяхъ, которыя пишутся теперь, поэзiя не кипитъ и не бьетъ сама родникомъ: ее приходится накачивать помпой *). А накаченную такимъ образомъ поэзiю не стоитъ читать."

IV.

Посмотримъ теперь, какъ относится Спенсеръ къ философамъ метафизикамъ. Начнемъ съ Платона.

„Много разъ, — пишетъ Спенсеръ, — принимался я читать то тотъ, то другой дiалогъ Платона, но каждый разъ нетерпѣливо откладывалъ книгу. Меня раздражала расплывчатая неопредѣленность мысли и смѣшиванiе словъ съ дѣломъ. Отталкивала меня также спутанная форма аргументацiи. Я сказалъ объ этомъ разъ знатоку классической литературы. „Все это такъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ, но сочиненiя Платона стоитъ читать, какъ художественное произведенiе." И вотъ, когда я снова взялся за Платона, то пытался открыть въ немъ художественныя красоты; но отложилъ книгу съ чувствомъ еще большаго разочарованiя, чѣмъ прежде. По моему, нелѣпо называть „дiалогомъ" разговоръ философа съ „болваномъ", который подаетъ только реплику, которая какъ разъ нужна первому собесѣднику. Даже третьестепенные романисты лучше умѣютъ драматизировать сцены. Въ *Племянникѣ Рамо* Дидро больше драматической правды, чѣмъ во всѣхъ дiалогахъ Платона, взятыхъ вмѣстѣ, если только остальные разговоры похожи на тѣ, которые я просматривалъ. Впрочемъ, цитаты, попадавшiяся мнѣ иногда у другихъ писателей, приводятъ меня къ заключенiю, что у Платона встрѣчаются отдѣльныя мысли, которыя могли бы мнѣ сослужить пользу, еслибы я имѣлъ терпѣнiе выискивать ихъ" **).

---

*) «The poetri commonly produced does not bubble up as a spring but is simply pumped up.» (v. I, p. 262—264).

**) Ib., v. II, p. 442.

О Кантѣ Спенсеръ отзывается не менѣе рѣшительно. Въ первый разъ „Критика чистаго разума“ (въ переводѣ) попалась ему въ 1844 г. „Я принялся за чтеніе, но не особенно далеко ушелъ.“ Спенсеръ встрѣтился съ знаменитымъ положеніемъ, что время и пространство... суть только возрительные акты нашего ума, что они не существуютъ сами по себѣ, а только *представляются* нами. Какъ Фаустъ, Спенсеръ остановился тутъ, и его комментаріи являются новой и болѣе рѣшительной варіацiей знаменитыхъ стиховъ:

«*Am Anfang war das Wort*!
Hier stock'ich schon! Wer hilft mir weiter fort?»

„Доктрина, что время и пространство не существуютъ сами по себѣ, а только представляются намъ — можетъ быть принята только на вѣру. Ничѣмъ положительнымъ доказать ее нельзя,— говоритъ Спенсеръ,—и я немедленно отвергъ ее. Сдѣлавъ это, я не сталъ продолжать дальше. Я всегда былъ нетерпѣливымъ читателемъ даже тогда, когда книга меня интересовала, и когда я въ общемъ соглашался съ авторомъ. Никогда я не могъ читать книгу, съ основными положеніями автора которой рѣшительно расходился. Такъ какъ я всегда допускаю заранѣе, что авторъ логиченъ и умѣетъ думать послѣдовательно, то заключаю, что, если основныя положенія его невѣрны, то и выводы не могутъ быть иными. Вотъ почему я оставляю чтеніе такой книги и стремлюсь дѣлать это не безъ удовольствія. По всей вѣроятности, мною руководили двѣ причины, когда я прекратилъ чтеніе Канта. Во-первыхъ, во мнѣ было глубокое недовѣріе къ основному положенію; во-вторыхъ, у меня зародилось сомнѣніе въ томъ, умѣетъ ли правильно мыслить авторъ, принявшій столь невѣроятное положеніе. Если писатель можетъ съ перваго же шага отвергать то, что ясно и просто устанавливается опытомъ, то гдѣ у меня гарантія, что дальше онъ не будетъ отстаивать положенія, діаметрально противоположнаго тому, что разумъ признаетъ истиной? Всякая связная система заключеній есть соединеніе различныхъ интуицій, на которыя ее можно раздѣлить анализомъ. И если одна изъ фундаментальныхъ интуицій является очевидной нелѣпостью, то и остальныя—не заслуживаютъ довѣрія. Весь мыслительный аппаратъ философа дѣйствуетъ, значитъ, неудовлетворительно“ *). Съ Кантомъ Спенсеръ познакомился черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ первой попытки—по „Исторіи философіи“ Льюиса. Еще меньше желанія чувствовалъ Спенсеръ познакомиться съ Гегелемъ. „Я очень мало знакомъ съ философіей Гегеля,—говоритъ Спенсеръ.—Впечатлѣніе мое отъ нея такое, что Гегель исходитъ изъ положенія, которое невозможно понять“ **).

*) Ib., v. I, p. 253.
**) Ib., v. II, p. 240.

Спенсера связывала тѣсная дружба съ Гексли, Тиндалемъ, Льюисомъ и, въ особенности, съ Джорджъ Элiотъ. Тутъ мы имѣемъ также нѣкоторое подобiе романа, крайне характернаго для автора *Синтетической философiи*. Съ Гексли Спенсеръ познакомился въ 1852 г., когда послалъ ему оттискъ своей статьи, помѣщенной въ „*Westminster Review*". Скоро между ними завязалась дружба, прекратившаяся только со смертью Гексли.

„Я долженъ замѣтить,—пишетъ Спенсеръ—что Гексли являлся ходячимъ опроверженiемъ распространеннаго взгляда, что человѣкъ можетъ быть интересенъ только въ той области, которую онъ выбралъ, какъ спецiальность. Гексли читалъ рѣшительно все: его интересовала волшебная сказка, критика Библiи, отчетъ о метафизическомъ диспутѣ. Въ то же время онъ былъ такой же блестящiй ораторъ, какъ и писатель. Друзья Гексли, кромѣ того, знали его еще какъ очень остроумнаго человѣка, веселаго собесѣдника и тонкаго цѣнителя хорошей шутки. Свои остроты онъ самъ часто забывалъ, но онѣ бывали такъ мѣтки, что другiе ихъ долго помнили. Не могу забыть остроты Гексли на мой собственный счетъ, хотя тому уже прошло двадцать лѣтъ.

„Гексли находился въ обществѣ, гдѣ говорили о трагедiи. Кто-то полюбопытствовалъ узнать, каково мое мнѣнiе. „Мнѣнiе мистера Спенсера о трагедiи такое,—подхватилъ Гексли,—что это дедукцiя, убитая фактомъ". Въ другой разъ Гексли сострилъ насчетъ Льюиса. Мы обѣдали вмѣстѣ. Зашелъ разговоръ о мукахъ творчества. Одни говорили, что писанiе дается имъ съ большимъ трудомъ, другiе, наоборотъ, хвалились быстротой въ работѣ. Въ числѣ ихъ былъ и Льюисъ. „Я никогда не томлюсь муками творчества,—сказалъ онъ.—Я сразу развожу пары. Короче сказать, я закипаю при низкой температурѣ." „Да,—замѣтилъ Гексли,—но вѣдь это обусловливается *пустотой* въ верхней части..." Часто я заходилъ въ музей, что на Iermyn street, когда Гексли кончалъ тамъ свою работу, и мы отправлялись вмѣстѣ гулять. Въ то время (въ 1857 году) я всецѣло былъ поглощенъ гипотезой органической эволюцiи, поэтому у насъ часто завязывался оживленный споръ на эту тему, изъ котораго Гексли выходилъ большею частью побѣдителемъ, такъ какъ зналъ гораздо больше фактовъ, чѣмъ я. Но, не смотря на пораженiя въ спорѣ, моя мысль постоянно возвращалась къ той же гипотезѣ. Гексли доказывалъ мнѣ все, что нельзя спѣшить съ общими выводами, покуда не накопили еще достаточнаго количества фактовъ; но, признавая, что въ словахъ Гексли есть извѣстная доля правды, я, тѣмъ не менѣе, не могъ вполнѣ согласиться съ нимъ. Мнѣ казалось, что возможны только два предположенiя относительно созданiя космоса: или традицiонное, или прогрессивное развитiе. И такъ какъ традицiонная доктрина, для подтвержденiя которой нѣтъ фактовъ, казалась мнѣ невѣроятной своимъ противорѣчiемъ всѣмъ моимъ зна-

ніямъ законовъ природы,—то естественное развитіе представлялось мнѣ единственной альтернативой. И вотъ почему я возвращался къ ней, не смотря на серьезныя возраженія, которыя иногда дѣлались моей гипотезѣ" *).

Объ этихъ совмѣстныхъ прогулкахъ съ Гексли Спенсеръ сохранилъ самое свѣтлое воспоминаніе. Къ пріятелямъ разъ присоединился третій собесѣдникъ, Бокль, котораго Гексли до того никогда не встрѣчалъ. „Когда послѣ продолжительнаго разговора Бокль оставилъ насъ,—пишетъ Спенсеръ,—Гексли воскликнулъ, пораженный его слабой, нерѣшительной походкой: „Теперь я понимаю, что это за человѣкъ, — у него голова перетягиваетъ." Я только перелистывалъ *Исторію цивилизаціи въ Англіи*,—продолжаетъ Спенсеръ,—но думаю, что Гексли былъ правъ. Бокль набралъ гораздо больше матеріала, чѣмъ въ состояніи былъ пересоздать. Матеріалъ этотъ подавилъ его" **).

Сороковые и пятидесятые годы въ Англіи были эпохой необыкновеннаго духовнаго подъема. Цѣлая плеяда блестящихъ философовъ, историковъ, экономистовъ, публицистовъ и общественныхъ дѣятелей вырабатывала широкіе планы, осуществленіе которыхъ должно было, какъ вѣрили тогда, повести къ всеобщему счастью. Плеяда продолжала развивать доктрины, намѣченныя во Франціи энциклопедистами, а въ Англіи — Бентаномъ. Одинъ изъ главныхъ вопросовъ, который рѣшался тогда, былъ: „что такое общество?" „Какое отношеніе существуетъ между человѣкомъ, какъ единицей, и обществомъ, какъ цѣлымъ?" На это Бентамъ, а потомъ философскіе радикалы отвѣчали, какъ Гольбахъ въ „Système Sociale": всѣ люди стремятся къ счастью. Общество состоитъ изъ извѣстнаго числа индивидуумовъ, ищущихъ счастья. Если это такъ, то высшимъ общественнымъ типомъ будетъ тотъ, который гарантируетъ возможно большую сумму счастья возможно большему числу людей. Милль, какъ и Бентамъ, не пытался выяснить зависимости счастья индивидуумовъ и общества отъ общихъ законовъ. Человѣкъ разсматривался съ точки зрѣнія статики. Философскіе радикалы, какъ и энциклопедисты, считали человѣческую природу неизмѣнной и постоянной. Общественное зло,—учили Гольбахъ, Кондерсэ, а за ними философскіе радикалы,—обусловливается только дурной правительственной системой. Путемъ обузданія произвола правящаго класса и хорошихъ законовъ можно осчастливить общество. Съ безцеремонностью, которую проявляютъ энциклопедисты, когда имъ нужно было иллюстрировать теорію фактами (ихъ тогда накоплено было очень мало; главнымъ образомъ, они относились къ классическому міру), — Гольбахъ въ *Système Sociale* ссылается на какое-то идеальное общество, живущее, будто

---

*) Ib., v. I, p.p. 403, 505.

**) Ib., v. II, p.p. 3—5.

бы, гдѣ-то около Тибета. Общество это совершенно покончило съ причиной всѣхъ золъ, какъ понимали ее энциклопедисты. Вмѣсто сложной правительственной машины, общество это имѣетъ мраморную нишу, въ которой хранится книга съ надписью: „Законъ". Милль, конечно, не такъ смотрѣлъ на правительство; но и онъ склоненъ былъ преувеличивать его значеніе, какъ мы видимъ это по книгѣ *Representative Government*. Въ Англіи Спенсеръ первый сталъ разсматривать общество не съ политической, а съ біологической точки зрѣнія. И значеніе Спенсера, въ этомъ отношеніи, не уменьшается отъ того, что большинство его выводовъ, сдѣланныхъ изъ положеній развитыхъ въ *Соціальной статикѣ*,—рѣшительно отвергнуты.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Спенсеръ глубоко интересовался политическими и соціальными вопросами, и это повело къ сближенію съ блестящей плеядой, о которой я упоминалъ: съ Миллемъ, Генри Льюисомъ, Джорджъ Эліотъ и др. Всѣ они группировались тогда вокругъ *Вестминстерскаго Обозрѣнія*, основаннаго учениками Бентама. *Westminster Review* занимаетъ важное и почетное мѣсто въ культурной исторіи новѣйшей Англіи. Журналъ въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ пользовался громаднымъ вліяніемъ. „Журналъ выступилъ противъ майоратовъ, ратовалъ за эмансипацію католиковъ и евреевъ, проповѣдывалъ равенство всѣхъ культовъ предъ закономъ и стоялъ за отдѣленіе церкви отъ государства. Westminster Review—первое изданіе въ Англіи, поднявшее вопросъ о томъ, что образованіе народа есть дѣло не частной инвціативы, какъ было до тѣхъ поръ, а основной долгъ государства. Журналъ стоялъ за отмѣну налоговъ на съѣстные припасы и за введеніе налога на недвижимую собственность („Очерки современной Англіи; стр. 290).

Въ 1850 г. Спенсеръ познакомился съ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ *Вестминстерскаго Обозрѣнія*, съ Генри Льюисомъ, который вскорѣ основалъ свой собственный журналъ — *Fortnighty Review*. „Мы вышли разъ въ погожую весеннюю ночь вмѣстѣ изъ редакціи. Всю дорогу мы говорили о теоріи эволюціи. Съ того вечера у насъ завязались дружескія отношенія, порванныя только смертью... Какъ собесѣдникъ, Льюисъ былъ въ высшей степени привлекателенъ. Онъ очень много читалъ, думалъ и умѣлъ заинтересовать слушателя. Кромѣ того онъ зналъ массу анекдотовъ, которые умѣлъ вставить, когда вниманіе его слушателя ослабѣвало. Теперь въ Англіи его знаютъ только по книгѣ *Вопросы Жизни* и *Духа* (Problems of Life and Mind); но тогда онъ былъ широко извѣстенъ еще, какъ блестящій, всесторонне образованный публицистъ, критикъ, романистъ, драматургъ, актеръ и какъ популяризаторъ философскихъ системъ. Помню, онъ прочиталъ какъ-то въ провинціальномъ городѣ, кажется, въ

Эдинбургѣ, курсъ лекцій по философіи. Въ вечеръ, когда закончилась послѣдняя лекція, въ театрѣ шелъ *Венеціанскій Купецъ* съ Льюисомъ въ роли Шейлока. Льюисъ игралъ очень хорошо. Я вполнѣ понимаю, почему онъ въ молодости серьезно подумывалъ о поступленіи на сцену. Остановила тогда Льюиса несценическая фигура *).

„Въ то время (1851 г.). я ничего не зналъ о несчастной семейной жизни Льюиса и меня поразило только всепрощеніе его и необыкновенная нѣжность... Результатомъ дружбы съ Льюисомъ было то, что я прочелъ нѣкоторыя его книги. О своемъ первомъ романѣ *Ranthorpe* онъ самъ отзывался презрительно; но о своемъ второмъ беллетристическомъ произведеніи „Rose, Blanche and Violet“ былъ болѣе выгоднаго мнѣнія. Этотъ романъ я читалъ. Насколько могу вспомнить, онъ не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія. Большое вліяніе на меня за то имѣла „Исторія философіи въ біографіяхъ“.—Выше упоминалось уже, что свѣдѣнія Спенсера о Кантѣ и Гегелѣ, главнымъ образомъ, были почерпнуты изъ книги Льюиса. Еще тѣснѣе сблизился Спенсеръ съ Льюисомъ, когда тотъ сошелся съ Джорджъ Эліотъ, съ которой авторъ *Синтетической философіи* былъ давно въ большой дружбѣ. Въ домѣ у Льюисовъ Спенсеръ чувствовалъ себя, какъ у родныхъ, и здѣсь не только велъ долгіе теоретическіе споры, но даже, вмѣстѣ съ хозяиномъ, пѣвалъ комическія пѣсни. Репертуаръ ихъ у Льюиса былъ безконечный.

Льюисъ умеръ въ 1878 г. „Такъ какъ мои взгляды расходятся съ тѣми, которыя выражаются въ надгробномъ отпѣваніи,—говоритъ Спенсеръ,—то я не люблю присутствовать на похоронахъ: я выражалъ бы этимъ молчаливое соглашеніе со всѣмъ тѣмъ, что читается при такихъ случаяхъ; но когда умеръ Льюисъ я вынужденъ былъ отступиться отъ моего принципа. Во-первыхъ, мое отсутствіе могло быть неправильно истолковано, во вторыхъ, оно причинило бы огорченіе лицу, къ которому я питалъ глубокое уваженіе (Джорджъ Эліотъ), хотя его лицо, вѣроятно, поняло бы мои мотивы!.. Смерть Льюиса оборвала семейный союзъ, продолжавшійся четверть вѣка. Можно было бы думать, что фактъ посвященія Эліотъ своихъ записокъ памяти Льюиса достаточно говоритъ о привязанности романистки. Но есть люди, которые, тѣмъ не менѣе, безъ всякихъ основаній, утверждаютъ противоположное. Насколько я могъ судить, — союзъ Льюиса и Джорджъ Эліотъ

---

*) Льюисъ, какъ и лордъ Литонъ (Бульверъ), считаются самыми некрасивыми знаменитыми людьми Англіи. Пѣтушиное лицо Бульвера производило тѣмъ болѣе коммическое впечатлѣніе, что онъ много занимался своею наружностью и желалъ нравиться. Физически Льюисъ былъ еще болѣе некрасивъ, чѣмъ Бульверъ; маленькаго роста, съ широкимъ, плоскимъ носомъ, лошадиной челюстью, Льюисъ перестал мечтать о сценѣ, когда убѣдился, что съ такой наружностью ему нельзя играть Гамлета.

былъ крѣпче, чѣмъ бракъ какой-либо другой пары, извѣстной мнѣ. Льюисъ всегда былъ очень внимателенъ къ Джорджъ Эліотъ. Помню, разъ, въ удрученномъ состояніи духа, я замѣтилъ какъ-то, что жизнь для меня, сама по себѣ, не имѣетъ цѣнности, развѣ только мнѣ удастся кончить мой трудъ. На это и Льюисъ, и Джорджъ Эліотъ горячо стали возражать. Они сказали, что все мое настроеніе объясняется отсутствіемъ семьи и огорчались при этомъ, что смерть скоро разлучитъ ихъ“ *) Приведенныя строки крайне характерны въ одномъ отношеніи. Англійское общество не могло простить Льюисамъ ихъ брака, не скрѣпленнаго никакой формальностью. Только громадный талантъ и міровая слава спасли Джорджъ Эліотъ отъ того, чтобы это неодобреніе не отлилось въ какую-нибудь дикую и уродливую форму. Суровымъ цензорамъ нравовъ требовалось, чтобы союзъ былъ несчастный. Вотъ злонравія достойныя плоды!—воскликнули бы они:—вотъ какъ карается сожительство, на которое не взято у пастора разрѣшеніе“. Когда же цензоры нравовъ убѣдились, что желаемаго имъ результата нѣтъ и что союзъ счастливый,—они стали выдумывать. На прямую ложь они не рѣшались пойти; но намековъ въ нѣкоторыхъ біографіяхъ пущено достаточно. И такіе именно намеки, очевидно, имѣетъ въ виду Спенсеръ.

V.

Въ перепискѣ Джорджъ Эліотъ, изданной послѣ смерти великой романистки, мы находимъ письмо къ пріятелю, гдѣ говорится: „Я познакомилась съ нѣкіимъ мистеромъ Спенсеромъ, который только что издалъ книгу *Соціальная Статика*; по мнѣнію Льюиса, лучшее сочиненіе по этому предмету“. Черезъ нѣсколько недѣль, въ томъ же 1850 г., Джорджъ Эліотъ пишетъ подругѣ: „Наиболѣе пріятнымъ явленіемъ въ моей жизни является новый другъ—Гербертъ Спенсеръ. Мы видимся теперь каждый день. Между нами установились самыя лучшія и теплыя пріятельскія отношенія... Безъ него я испытывала бы пустоту въ жизни“ *). Въ своей автобіографіи Спенсеръ тоже признаетъ, что Джорджъ Эліотъ произвела на него сильное впечатлѣніе. Тѣсная дружба завязалась послѣ одного шуточнаго эпизода. Молодой, тридцатилѣтній Спенсеръ только что выпустилъ свою *Соціальную Статику*, которая произвела такое сильное впечатлѣніе на одну экзальтированную дѣвицу, что та рѣшила, во что бы то ни стало, познакомиться съ философомъ. Узнавъ, что онъ знакомъ съ миссъ Ивэнсъ (Джорджъ Эліотъ), дѣвица стала просить познакомить ее съ Спенсеромъ. Джорджъ Эліотъ тогда еще мало знала

*) «An Autobiography», v. II. p. 319.

Спенсера, но рѣшила тотчасъ же, что его слѣдуетъ женить, такъ какъ экзальтированная дѣвица совсѣмъ подходящая невѣста. Спенсеру новая знакомая не понравилась. „Молодая дѣвица,— пишетъ онъ, была очень развита, точнѣе, болѣзненно развита. Это былъ умъ малаго калибра, но находившійся постоянно въ крайне дѣятельномъ состояніи. Кромѣ того, она обладала такимъ полемическимъ задоромъ, какъ и я, а самомнѣніемъ— еще большимъ. Не нравилось мнѣ также и то, что поклонница моей книги, повидимому, не умѣла совершенно смѣяться. И, не смотря на то, что она была хороша собой, молода, писала стихи и имѣла хорошее состояніе — она не произвела на меня благопріятнаго впечатлѣнія". Съ другой стороны, и Спенсеръ совершенно не понравился молодой дѣвицѣ. Она была разочарована. По книгѣ, она ждала увидать философа, замѣчанія котораго полны глубокаго смысла, тогда какъ Спенсеръ говорилъ самыя обыкновенныя вещи. «Большинство читателей,—замѣчаетъ Спенсеръ,—составляютъ себѣ совершенно особое представленіе о писателяхъ и ждутъ увидѣть необыкновенныхъ людей. Какъ общее правило, книги всегда интереснѣе ихъ авторовъ, хотя возможны и исключенія". Комическій эпизодъ неудачнаго сватовства очень сблизилъ Спенсера и миссъ Ивэнсъ, которая тогда была уже извѣстна, какъ переводчица Штрауса и какъ авторъ блестящихъ публицистическихъ статей, но не пробовала еще своихъ силъ въ беллетристикѣ. Въ письмѣ къ пріятелю Спенсеръ писалъ въ началѣ 1852 г.: „Я упомянулъ уже вамъ имя миссъ Ивэнсъ, съ которой познакомился не такъ давно. Въ интеллектуальномъ отношеніи она — самая привлекательная женщина, какую только я когда-либо встрѣчалъ. Мы съ каждымъ днемъ становимся все болѣе близкими друзьями. Ея мощный умъ въ соединеніи съ женственными качествами привлекаетъ меня". Молодые люди часто посѣщали вмѣстѣ оперу, бесѣдовали, читали Канта.

„Въ наружности Джорджъ Эліотъ, — описываетъ Спенсеръ,— наблюдались тѣ же мужскія черты, которыя характеризировали ея умъ. Хотя она была и средняго роста, но очень крѣпко сложена. Голова у ней тоже была больше, чѣмъ у женщинъ. Кромѣ того, одна особенность, именно, правильность очертаній, отличала голову Джорджъ Эліотъ отъ обыкновенныхъ мужскихъ и женскихъ череповъ. Какъ общее правило, черепа бываютъ плоскіе или вдавленные. Голова же Джорджъ Эліотъ была всюду выпукла. Въ состояніи задумчивости, лицо ея поражало своею силою и сосредоточенностью, но совершенно преображалось улыбкой. Обыкновенно, улыбки выражаютъ лишь чувство удовольствія. Къ улыбкѣ же Джорджъ Эліотъ примѣшивалось выраженіе

---

*) Herbert Spencer. the Man and his Work, by Hector Macpherson, p. 53.

симпатіи къ человѣку. Голосъ ея былъ грудной, сильный, очень низкій, но пріятный. Объ этомъ я могу судить, потому что въ то время мы часто пѣвали вмѣстѣ. Въ характерѣ ея наблюдались двѣ черты, которыя порождаютъ альтруистическія чувства доброта и семейныя наклонности. Дѣятельностью послѣднихъ обусловливались въ значительной степени главныя событія въ жизни Джорджъ Эліотъ. Нечего прибавлять, что послѣдствіемъ замѣчательной доброты явилось восторженное отношеніе къ человечеству. Оно стало интенсивнѣе, когда произошелъ кризисъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ миссъ Ивэнсъ. Весь энтузіазмъ она перенесла тогда на человѣчество вообще. На ряду съ превосходной памятью, которая дала возможность Джорджъ Эліотъ отлично усвоить много знаній, романистка обладала мощнымъ, оригинальнымъ умомъ, поражавшимъ въ особенности способностью къ анализу. Я рѣдко встрѣчалъ людей, съ которыми такъ свободно могъ обсуждать самые запутанные философскіе вопросы. Способность къ абстрактному мышленію рядомъ съ способностью конкретнаго представленія рѣдко встрѣчается даже въ мужчинахъ. Что же касается женщинъ, то Джорджъ Эліотъ составляла исключеніе... И удивительнѣе всего было то, что поразительная мощь ума и способность контроля надъ собою соединялись у Джорджъ Эліотъ съ замѣчательной неувѣренностью въ свои собственныхъ силахъ".

Вслѣдствіе недовѣрія къ себѣ, Джорджъ Эліотъ не рѣшалась взяться за писаніе романовъ. Беллетристическій талантъ открылъ въ ней Спенсеръ, но только Льюису удалось убѣдить Джорджъ Эліотъ взяться за романъ.

Спенсеръ плохо зналъ французскій языкъ, которымъ владѣлъ настолько, чтобы добраться до смысла легкаго романа. Джорджъ Эліотъ, напротивъ, отлично знала языки и, такимъ образомъ, помогла своему другу прочитать „Курсъ положительной философіи" Конта. „Я не помню,—разсказываетъ Спенсеръ,—что я говорилъ тогда о трехъ контовскихъ фазисахъ исторіи, т. е. о фазисахъ теологическомъ, метафизическомъ и позитивномъ. Насколько помнится, я не отрицалъ, но и не принималъ ихъ, а отнесся безразлично. За то о контовской классификаціи наукъ я тотчасъ же высказалъ опредѣленное мнѣніе. Я имѣлъ достаточно знаній въ этомъ отношеніи и отнесся отрицательно къ классификаціи. Между нами завязался оживленный споръ. Джорджъ Эліотъ признавала классификацію". Наступила весна. Споры были перенесены на открытый воздухъ. Друзья предпринимали частые прогулки, во время которыхъ обсуждались различные вопросы. Молодые люди такъ часто бывали вмѣстѣ, что всѣ знакомые предвидѣли одинъ неизбѣжный конецъ—свадьбу.

Но самые проницательные люди ошиблись. Черезъ два года послѣ этого Джорджъ Эліотъ стала женой не Герберта Спенсера,

а Генри Льюиса. Нѣкоторыя поясненія, мнѣ кажется, можно найти въ LXIV главѣ второго тома, озаглавленной „Размышленія". Спенсеръ, между прочимъ, говоритъ о значеніи красоты. „Физическая красота въ женщинѣ для меня условіе sine qua non. Въ этомъ я, къ несчастью, убѣдился разъ, когда высокія душевныя качества и мощный умъ имѣлись въ наличности" *). Джорджъ Эліотъ, какъ извѣстно, была очень некрасива.

Въ слѣдующемъ письмѣ я изложу генезисъ *Системы синтетической философіи*. Теперь я закончу выдержкой изъ путевыхъ замѣтокъ Спенсера по Египту, куда онъ отправился въ 1880 г. для поправленія надорваннаго здоровья. Выдержка показываетъ, что философъ, резонировавшій даже въ любви, способенъ былъ къ сильнымъ эмоціямъ.

„Больше всего въ памяти у меня остался поразительный контрастъ между двумя могилами, которыя я видѣлъ въ Гизе, на лѣвомъ берегу Нила, противъ Каира и на островѣ близъ Ассуана. Съ однимъ памятникомъ соединено имя Хеопса или Куфу, какъ его теперь называютъ, который, если вѣрить Геродоту, заставилъ сто тысячъ рабовъ строить въ теченіе двадцати лѣтъ пирамиду. За это время тысячи людей должны были, вѣроятно, погибнуть отъ непосильной, каторжной работы. Куфу причинилъ народу такія великія страданія, что послѣдующія поколѣнія ненавидѣли даже имя его и постарались уничтожить всѣ изображенія фараона. По всей вѣроятности, Куфу принадлежалъ къ числу тѣхъ, которыхъ проклинали, какъ изверговъ человѣческаго рода.

„Другой надгробный памятникъ я видѣлъ во время экскурсіи въ окрестностяхъ Ассуана. Мы посѣтили туземное кладбище и замѣтили недавно засыпанную могилу. Быть можетъ, здѣсь лежалъ феллахъ, надорвавшійся надъ непосильною работой въ силу увеличившихся податей; быть можетъ, — сынъ, поддерживавшій своею работой старика-отца, или вдова, которой нужно было кормить сиротъ. Поразило меня то, что вмѣсто памятника на могилѣ стояла лишь воткнутая палка съ кускомъ кирпича-сырца на ней. Контрастъ между двумя надгробными памятниками, если задуматься, былъ ужасный. Преступнику и извергу человѣческаго рода—величайшее въ мірѣ зданіе; смиренному и достойному труженику—комокъ высохшей глины" **).

Діонео.

---

*) Ib., v. II, p. 445.

**) An Autobiography, v. II, p. 342.

Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей.

IV.

Комбъ.

Трудно было бы найти въ современной исторіи лучшій образецъ политическаго дѣятеля, еще наканунѣ мало извѣстнаго публикѣ, а на завтра уже служащаго притчей во языцѣхъ и предметомъ стоустой молвы,—чѣмъ президентъ настоящаго кабинета министровъ, Эмиль Комбъ. Я думаю, теперь его имя въ общемъ чаще всего встрѣчается въ газетахъ любой страны и чаще всего произносится въ разговорахъ между людьми, мало-мало интересующимися общеевропейской политикой. А между тѣмъ, еще какихъ-нибудь два года тому назадъ Комбъ былъ извѣстенъ лишь въ сравнительномъ узкомъ кругу французскихъ политиковъ. И эта „слава",—все равно, хорошая или худая,—сразу выпала на долю премьера, почти на другой день послѣ того, какъ онъ составилъ весной 1902 г. министерство, смѣнившее добровольно ушедшій съ политической арены кабинетъ Вальдэка Руссо.

Вотъ почему читатель былъ бы крайне затрудненъ, если бы хотѣлъ познакомиться съ предшествующей карьерой и вообще біографіей Комба. До сихъ поръ не только нѣтъ его спеціальной біографіи, хотя бы въ видѣ тѣхъ небольшихъ брошюръ, которыя „жизнеописуютъ" современныхъ популярныхъ дѣятелей. Но нѣтъ, если не ошибаюсь, и журнальныхъ статей, посвященныхъ хотя бы мимоходомъ его біографія: все время говорится о политикѣ Комба и очень мало о самой личности. Вотъ и приходится довольствоваться тѣми разсыпанными въ ежедневной прессѣ случайными свѣдѣніями дружественныхъ или враждебныхъ первому министру „интервьюверовъ" и частными сообщеніями лицъ, которымъ случалось по тому или другому поводу имѣть дѣло съ Комбомъ.

Предлагаемый читателю этюдъ отражаетъ поэтому,—и отражаетъ, если хотите, отчасти преднамѣренно со стороны пишущаго эти строки,—дѣйствительное положеніе вещей: и онъ посвященъ въ гораздо большей степени Комбу, какъ политику, чѣмъ Комбу, какъ частному человѣку. Въ самомъ дѣлѣ, если до сихъ поръ общественное мнѣніе несравненно сильнѣе интересуется политической дѣятельностью, чѣмъ личной жизнью президента совѣта министровъ, то это значитъ, что самъ Комбъ долженъ войти въ „галлерею современныхъ знаменитостей" главнымъ образомъ

политическими сторонами своей индивидуальности. Изъ чего, конечно, не слѣдуетъ, чтобы авторъ этого этюда не попытался указать и на такія личныя особенности Комба, которыя объясняютъ характеръ его политики, не оставляющей мѣста для индифферентизма, но вызывающей или живыя симпатіи, или столь же рѣзкія антипатіи.

Всего лучше первоначальная малая извѣстность Комба внѣ круга людей, спеціально занимающихся политикой, нашла свое выраженіе въ корректно-будирующей, если можно такъ сказать, статьѣ Франсиса Шарма, политическаго хроникера журнала „La Revue des Deux-Mondes“ и горячаго партизана „республики безъ республиканцевъ“. Этотъ представитель республиканскаго консерватизма—или, если хотите, консервативнаго республиканства,—такъ оцѣнивалъ Комба, когда только что составился кабинетъ, до сихъ поръ остающійся у дѣлъ:

Но, спросятъ, кто же это такой г. Комбъ? Должно признаться, что онъ не былъ извѣстенъ большой публикѣ, и что для многихъ было сюрпризомъ, когда президентъ республики позвалъ его въ Елисейскій дворецъ. И однако г. Комбъ былъ уже министромъ; г. Буржуа ввѣрилъ ему, лѣтъ шесть или семь тому назадъ, портфель народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ, который длился, правда, всего нѣсколько мѣсяцевъ: и г. Комбъ оставилъ недурныя воспоминанія о себѣ на Гренельской улицѣ (гдѣ помѣщается министерство народнаго просвѣщенія Н. К.)... Его краткое пребываніе на этомъ министерскомъ посту не позволяетъ, впрочемъ, произнести о немъ окончательнаго сужденія. И друзья, и враги ожидаютъ его на дѣлѣ, потому что въ немъ есть, со всякихъ точекъ зрѣнія, много неизвѣстнаго. Никто не можетъ сказать, окажется ли онъ на высотѣ своей задачи; но что можно утверждать—такъ это, что задача эта не будетъ имѣть ни своею цѣлью, ни своимъ слѣдствіемъ того умиротворенія, на которое намъ позволялъ надѣяться президентъ республики и въ которомъ мы такъ нуждаемся *).

Не прошло и нѣсколькихъ недѣль, можно было бы даже сказать нѣсколькихъ дней, какъ физіономія Комба вполнѣ опредѣлилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось и его значеніе, какъ политическаго дѣятеля. И никто уже не сталъ бы утверждать, что Комбъ представляетъ собою неизвѣстную величину. Укажемъ, однако, прежде всего на нѣкоторыя данныя его прежней біографіи.

Жюстэнъ-Луи-Эмиль Комбъ родился въ 1835 г. (ему, значитъ, теперь 69 лѣтъ), въ Рокебрунѣ, маленькомъ городкѣ Тарнскаго департамента, — извѣстномъ развѣ своими шерстопрядильными фабриками и производствомъ вязанныхъ издѣлій,—въ бѣдной рабочей семьѣ, какъ онъ самъ заявилъ не безъ гордости съ трибуны сената, отвѣчая реакціонному сенатору Ле-Прово-де-Лонэ,

---

*) *La Revue des Deux Mondes*; nº отъ 15-го іюня 1902 г.

прервавшему его рѣчь пренебрежительнымъ восклицаніемъ. „Я сынъ рабочаго,—рѣзко сказалъ Комбъ,—на мою долю не выпало, какъ вамъ, счастья родиться въ готовомъ гнѣздышкѣ и съ обезпеченнымъ положеніемъ“ *).

Родные старались однако дать молодому Эмилю по возможности хорошее образованіе; и какъ нерѣдко бываетъ и теперь, а еще чаще бывало прежде съ небогатыми семьями, отдали его въ духовную школу (petit séminaire), французское названіе которой, да отчасти и образовательная сторона соотвѣтствуютъ нашей „маленькой семинаріи“, какъ издавна назывались въ русскихъ городахъ духовныя училища. Французскія школы этого типа, находящіяся подъ руководствомъ духовенства, представляютъ собою въ сущности нѣчто среднее между низшими классами собственно семинарій или „большихъ семинарій“ (которыя и по французски называются опять таки соотвѣтствующимъ нашему именемъ grands selminaires) и низшими и средними классами коллежей и лицеевъ, т. е. свѣтскихъ школъ въ родѣ нашихъ гимназій. Изъ маленькихъ семинарій ученики переходятъ обыкновенно въ большія; но часть, и порою очень значительная, пользуется или только какъ сравнительно дешевымъ средствомъ пріобрѣсть гимназическое образованіе. До сихъ поръ маленькія семинаріи, какъ и вообще тѣ изъ провинціальныхъ коллежей, которые находятся въ рукахъ духовенства, привлекаютъ этой своей дешевизной сыновей мелкой и средней бурзуазіи и зажиточныхъ крестьянъ, составляя въ этомъ отношеніи сильною конкуренцію чисто свѣтскимъ школамъ. Я уже имѣлъ случай говорить объ этомъ, знакомя читателей съ данными комиссіи по изслѣдованію средняго образованія, работавшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ предсѣдательствомъ Рибо.

Опять-таки самъ же Комбъ, уже будучи министромъ, охарактеризовалъ эту полосу въ своей жизни, отвѣчая на пущенные въ реакціонной печати слухи и прерывавшія его въ парламентѣ восклицанія клерикаловъ на ту тему, что, онъ, молъ, „попъ-разстрига“:

До сихъ поръ я оставлялъ безъ опроверженія исторію моего пребыванія, въ качествѣ ученика, въ конгреганистской школѣ; сегодня представляется случай сказать, наконецъ, правду. Я ничѣмъ не обязанъ собственно конгрегаціи; я никогда не былъ ея ученикомъ. Рожденный въ бѣдной семьѣ, я принужденъ былъ обращаться за образованіемъ туда, гдѣ мнѣ могли дать его по возможности дешево (*Очень хорошо! очень хорошо!*) Я прошелъ курсъ въ учрежденіи, которое одновременно было и маленькой семинаріей, и коллежемъ,—семинаріей для дѣтей бѣдныхъ родителей, коллежемъ для сыновей зажиточныхъ людей (*Прерывающія восклицанія на правой.—Рукоплесканія на лѣвой*) *).

*) Отчетъ о засѣданіи 21-го іюня 1901 г. въ *Journal officiel.* Déb. Parl. Sénat 22 juin 1901, p. 997 (перепечатано въ сборникѣ рѣчей Комба *Une campagne laïque*; Парижъ, 1904, стр. 31).

**) Засѣданіе палаты 18-го марта 1903 г. въ Journal officiel. Deb. parl. Chambre, 19 mars. 1893, стр. 1234.

Слухи и восклицанія противниковъ имѣютъ впрочемъ, въ формальномъ смыслѣ нѣкоторыя основанія: если Комбъ никогда не былъ „рукоположенъ" (то, что французы называютъ ordonné), то онъ все же много занимался предметами, входившими въ кругъ спеціальнаго духовнаго образованія и даже былъ преподавателемъ философіи въ маленькой семинаріи Альби, гдѣ,—конечно, какъ и въ другихъ учрежденіяхъ подобнаго же рода,—отъ философа требуется быть въ сильной степени теологомъ, согласно средневѣковому афоризму philosophia theologiae ancilla. Дѣло въ томъ, что для этого человѣка, обладающаго, несомнѣнно, живымъ умомъ и незаурядными способностями, интеллектуальная дѣятельность въ силу самыхъ условій его воспитанія рисовалась въ видѣ изученія тѣхъ межеумочныхъ „наукъ"—ихъ, можетъ быть, было бы лучше назвать схоластическимъ терминомъ „дисциплинъ",—которыя представляютъ собою нѣчто среднее между собственно философіей и пытающимся философствовать схоластическимъ богословіемъ. Нѣкоторый отпечатокъ этого міровоззрѣнія остался у Комба даже и тогда, когда его основные взгляды измѣнились.

Во всякомъ случаѣ, въ то время, какъ Комбъ продолжалъ свое образованіе уже въ качествѣ студента словеснаго факультета въ университетѣ города Монпелье и получалъ ученыя степени, предметомъ его занятій были по преимуществу схоластическіе философы. Чего стоятъ одни названія его „тезъ", на которыя я наткнулся на половину случайно, просматривая литературу тогдашнихъ диссертацій. По французскому обычаю ученыя степени на словесномъ факультетѣ даются по представленіи двухъ диссертацій, одной французской, другой латинской.

И вотъ каковъ сюжетъ комбовскихъ тезъ на кандидата словесности: въ первой нашъ 25-лѣтній „ученый" изучаетъ психологію Аквината (J.-Emile Combes, *La psychologie de St.-Thomas d'Aquin*; Montpellier, 1860); во второй—онъ занятъ распрей между великимъ поборникомъ католической ортодоксіи, Бернардомъ Клервосскимъ, и еретичествующимъ отъ времени до времени Абэляромъ (*De Sancti Bernardi adversus Abaelardum contentione*; 1860). И еще четыре года спустя Комбъ пишетъ новую диссертацію повидимому на степень доктора словесности,—приблизительно на такую же тему, хотя и болѣе обширнаго содержанія, ибо на сей разъ онъ уже трактуетъ о „Литературѣ Отцовъ церкви" вообще (*De litterature des Pères*; 1864).

Однако, если схоластическая наука питала духъ нашего любознательнаго юноши, то она плохо, какъ кажется, питала матеріальную оболочку этого духа. А такъ какъ средствъ у родителей Комба никакихъ не имѣлось, то ему приходится искать болѣе выгодной, „хлѣбной" профессіи. И вотъ нашъ докторъ словесности, усиленно работая, превращается три года спустя уже въ доктора медицины. Онъ выдерживаетъ этотъ послѣдній экза-

менъ въ 1867 г., перекочевываетъ въ департаментъ Нижней-Шаранты (съ юга, какъ видите, на западъ, изъ стариннаго Лангэдока въ старинную Сэнтонжъ), поселяется въ небольшомъ, но промышленномъ и историческомъ городѣ Понсѣ, прилежно докторствуетъ, женится, обзаводится семьей и постепенно пріобрѣтаетъ мѣстное вліяніе, которое столь же постепенно переходитъ во вліяніе уже гораздо болѣе общаго политическаго характера.

Между тридцатью и тридцатью пятью годами, въ этой новой обстановкѣ, и складываются его новыя же воззрѣнія, смѣнившія прежнія или, вѣрнѣе, болѣе или менѣе быстро пропитавшія и метаморфизировавшія ихъ. Рѣзкаго перелома, впрочемъ, здѣсь, повидимому, не было. Его схоластическій спиритуализмъ уступаетъ мѣсто гуманитарному спиритуализму и нѣсколько мистической вѣрѣ въ фатальный человѣческій прогрессъ,—міровоззрѣніе, которое столь часто удовлетворяетъ французскихъ свободомыслящихъ буржуа средняго типа. Дальнѣйшая эволюція лишь усиливаетъ рельефныя черты этого міросозерцанія, вырабатывая въ Комбѣ антиклерикальные, или, если хотите, антикатолическія тенденціи, потому что французскій антиклерикализмъ и исторически и догматически представляетъ главнымъ образомъ реакцію противъ католицизма, какъ нетерпимаго и угнетающаго начала. Что касается до соціально-политическихъ взглядовъ, то и здѣсь Комбъ совершаетъ постепенную, но опять таки не доходящую до крайнихъ предѣловъ эволюцію, которая приводитъ его отъ простого республиканства къ республиканству радикальному, не достигающему даже до густоты оттѣнковъ радикализма, скажемъ, Клемансо. Объ этомъ, впрочемъ, подробнѣе ниже.

Итакъ, читатель оставилъ Комба молодымъ докторомъ, начинающимъ въ 1867 г. свою карьеру въ Понсѣ. Вскорѣ послѣ его появленія здѣсь его имя становится уже извѣстнымъ читателямъ мѣстныхъ газетъ. Въ концѣ второй имперіи Комбъ ведетъ оживленную полемику противъ оффиціальныхъ бонапартистскихъ кандидатовъ. И его республиканское настроеніе придаетъ такой рѣзкій характеръ этой борьбѣ, что не дальше, какъ осенью прошлаго года реакціонныя газеты, вытащивъ эти старыя статьи изъ архивной пыли и скрывъ характеръ тѣхъ лицъ, противъ которыхъ онѣ были направлены, старались ихъ перепечаткой внушить читателямъ мысль, что авторъ ихъ, столь рѣзко выражающійся, есть—бывшій бонапартистъ!..

Паденіе имперіи благопріятствуетъ появленію республиканцевъ на болѣе или менѣе широкой политической аренѣ. Но реакціонные элементы не уступаютъ безъ борьбы свое мѣсто все крѣпчающей и крѣпчающей демократіи, а въ извѣстные моменты пытаются даже силою возстановить потерянное значеніе. Комбъ раздѣляетъ общую судьбу республиканцевъ, вызывающихъ ненависть старыхъ партій. Выбранный въ 1875 г. мэромъ города

Понса, онъ смѣщается два года спустя правительствомъ „моральнаго порядка“. Но неудача coup d'etat 16-го Мая 1877 г. снова возвращаетъ Комбу его первоначальное положеніе и, кромѣ того, сильно увеличиваетъ его популярность, какъ жертвы макъ-магоновскаго переворота. Въ 1879 г. онъ избирается членомъ генеральнаго совѣта (родъ нашего губернскаго земства) департаментъ Нижней-Шаранты отъ Понскаго кантона; а нѣсколько лѣтъ позже пытается пройти въ палату депутатовъ. Онъ ставитъ свою кандидатуру на выборахъ 1885 г. Но, какъ извѣстно, результаты этихъ выборовъ были въ общемъ неблагопріятны для республиканцевъ; новая палата оказалась состоящею изъ трехъ почти равныхъ частей: партіи оппортунистовъ, партіи радикаловъ и партіи консерваторовъ. И если крайніе республиканскіе элементы обнаружили на этотъ разъ сильный ростъ по сравненію съ умѣренными элементами и въ ущербъ послѣднимъ, то, съ другой стороны, реакціонеры вошли въ палату въ такомъ количествѣ, что никакая опредѣленная политика не могла найти своего выраженія въ разорванномъ на три равносильныя части парламентѣ. Какъ бы то ни было, Комбъ потерпѣлъ пораженіе на этихъ выборахъ, получивъ на республиканскомъ листѣ Сэнтскаго избирательнаго округа (circonscuption de Saintes: выборы 21 августа 1885 г. производились, какъ извѣстно, по спискамъ) 6838 голосовъ противъ 7310 голосовъ, поданныхъ за прежняго бонапартистскаго депутата Жолибуа.

За то уже нѣсколькими мѣсяцами раньше, а именно на сенатскихъ выборахъ 25 января 1885 г. Комбъ прочелъ въ верхнюю палату и занялъ мѣсто на скамьяхъ лѣвой сената, посвящая свое вниманіе главнымъ образомъ вопросомъ народнаго образованія. Неудача, испытанная имъ на всеобщихъ выборахъ въ палату, не только не охладила его пыла къ занятію этими вопросами, но внушила ему мысль еще съ большимъ жаромъ поддерживать въ сенатѣ демократическую политику правительства въ сферѣ народнаго просвѣщенія,—въ особенности потому, что въ общемъ сенатъ отличался всегда большею консервативностью чѣмъ палата, и отъ времени до времени могъ значительно препятствовать прогрессивной дѣятельности кабинетовъ (какъ это, впрочемъ, позже пришлось испытать на себѣ и Комбу въ качествѣ члена министерства, составленнаго Леономъ Буржуа). Можно смѣло сказать, что со второй половины 80-хъ годовъ не было такого вопроса по народному образованію, который не являлся бы предметомъ обстоятельнаго изученія со стороны Комба, часто избиравшагося въ коммиссіи по этимъ вопросамъ и неоднократно представлявшаго свои доклады парламенту отъ лица этихъ коммиссій.

Нѣкоторые изъ докладовъ Комба представляютъ цѣлые трактаты, разсматривающіе тѣ или иныя стороны вопроса о народ-

номъ образованіи, области, въ которой республиканская буржуазія наименѣе робко проявляетъ свою реформирующую дѣятельность. Таковъ общій докладъ о народномъ образованіи, составленный Комбомъ въ 1888 г. и почти исчерпывающій для эпохи финансовую сторону вопроса во Франціи. Таковъ докладъ о народномъ образованіи туземцевъ Алжира, который Комбъ представилъ въ 1892 г. отъ имени такъ называемой „чрезвычайной коммиссіи по изученію алжирскихъ вопросовъ" и въ которомъ интересны взгляды на значеніе образованія въ дѣлѣ пріобщенія арабовъ къ европейской культурѣ.

Съ конца 80-хъ годовъ, кромѣ первоначальнаго образованія, Комбъ начинаетъ сильно заниматься вопросами средняго образованія. И оригинальная сторона его дѣятельности въ этой области заключается въ томъ, что этотъ человѣкъ, воспитанный на традиціяхъ классическаго и даже схоластически-классическаго образованія, является горячимъ защитникомъ равноцѣнности реальнаго образованія. И докладчикомъ въ сенатѣ, и авторомъ извѣстнаго законопроекта, Комбъ горячо защищаетъ значеніе реальнаго образованія въ современномъ обществѣ, борясь противъ предразсудковъ, преувеличивающихъ развивающее вліяніе исключительно классическаго. Въ этомъ отношеніи не мѣшаетъ припомнить „показанія" Комба передъ уже упомянутой мною коммиссіей по среднему образованію. Старинный воспитанникъ маленькой семинаріи, докторъ словесности, авторъ латинской и французской диссертацій на схоластическія темы не боится, однако, бить прямо въ забрало традиціоннымъ идеямъ о единоспасающемъ значеніи классицизма:

Намъ говорятъ о такъ называемой недостаточности новыхъ литературъ для сообщенія надлежащаго средняго образованія. Но я никогда не допущу, какое бы восхищеніе ни вызывали во мнѣ греческая и латинская литературы, — я никогда не допущу, чтобы съ педагогической точки зрѣнія наша отечественная литература, какъ и литературы нѣмецкая и англійская, не стоили древнихъ.

Конечно, съ точки зрѣнія языка, нѣтъ ничего гибче, граціознѣе, полнѣе греческаго; какъ нѣтъ ничего точнѣе и выразительнѣе латинскаго. Но развѣ вы не согласитесь, что по части тонкости, изящности, естественности и деликатности французскій языкъ покажетъ (en remontrerait) и тому, и другому? Онъ, по крайней мѣрѣ, равенъ имъ въ этомъ отношеніи.

Что касается до другихъ новыхъ языковъ, то я нахожу, что и ихъ черезчуръ принижаютъ для защиты излюбленнаго тезиса. Нѣмецкій, напр., вызываетъ, несомнѣнно тѣ же усилія мысли, ту же умственную гимнастику, что и древніе языки. Написать хорошій французскій переводъ съ нѣмецкаго столь же трудно, какъ и написать хорошій французскій переводъ съ греческаго.

Да, съ точки зрѣнія работы ученика въ школѣ, я полагаю, что новые языки даютъ мѣсто такому же труду, усилію, гимнастикѣ ума, какъ и древніе *).

---

*) *Enquête sur l'enseignement secondaire. Procès-verbaux des dépositions*; Парижъ, 1899, т. I, стр. 129.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить,—и эта деталь имѣетъ и свое біографическое значеніе,—что Комбъ говоритъ не по наслышкѣ только о сравнительномъ достоинствѣ классическаго и реальнаго образованія, но хорошо знаетъ то, о чемъ идетъ рѣчь, по крайней мѣрѣ, въ области языковъ. Онъ не только свѣдущій эллинистъ и латинистъ,—что вполнѣ понятно со стороны доктора словесности, при томъ получившаго дипломъ въ эпоху безподмѣстнаго господства классицизма въ среднемъ и высшемъ образованіи. Но онъ, по своей инниціативѣ, изучилъ и главнѣйшіе европейскіе языки, что крайне рѣдко встрѣтить даже между очень образованными французами. Дѣйствительно, если въ XVI-мъ вѣкѣ французы этой категоріи отличались знаніемъ итальянскаго, въ XVII-мъ—испанскаго, въ XVIII-мъ—англійскаго, то вотъ уже болѣе ста лѣтъ, какъ знаніе иностранныхъ языковъ сравнительно мало распространено на почвѣ Франціи. Лишь со времени нѣмецкаго погрома французы стали сознавать свои пробѣлы по этой части, но и то больше на словахъ; и лишь въ послѣднее десятилѣтіе успѣхи по части знанія, по крайней мѣрѣ, англійскаго и нѣсколько больше нѣмецкаго языковъ стали замѣтны въ подростающемъ поколѣніи. Комбъ не дождался, однако, франко-прусской кампаніи и ея печальныхъ результатовъ, чтобы изучать иностранные языки, и успѣлъ „теоретически", т. е. на манеръ мертвыхъ діалектовъ, для глазъ, а не для ушей, для чтенія авторовъ, а не для разговора основательно познакомиться, какъ было уже сказано, съ главнѣйшими новыми языками. Въ послѣднее время, уже шестидесятипятилѣтнимъ старикомъ, онъ засѣлъ за русскій и, по словамъ друзей, достигъ того, что понимаетъ наши книги и газеты, не представляющія особенныхъ стилистическихъ трудностей...

Какъ бы то ни было, роль Комба въ реорганизаціи средняго образованія очень почтенная. И немало изъ того, что было сдѣлано, особенно начиная съ 1890 г., въ смыслѣ приданія ему болѣе реальнаго характера, несомнѣнно должно быть поставлено въ счетъ преобразовательной энергіи бывшаго воспитанника маленькой семинаріи и изслѣдователя схоластической психологіи Ѳомы Аквината. Надо, впрочемъ, замѣтить, что наиболѣе осязательные результаты реформаторской дѣятельности Комба достигнуты имъ въ качествѣ сенатора и неоднократнаго докладчика коммиссій по народному образованію. Какъ министръ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Буржуа, онъ почти ничего не успѣлъ сдѣлать,—такъ коротка была жизнь этого перваго радикальнаго министерства третьей республики. Оно, дѣйствительно, не просуществовало и полныхъ шести мѣсяцевъ: сформированное 1-го ноября 1895 г., получившее воты довѣрія въ палатѣ, но съ самаго начала встрѣченное систематическою враждою сената, оно подало въ отставку 23-го апрѣля 1896 г., вслѣдъ за отказомъ сената

вотировать кредиты по мадагаскарской экспедиціи, и тѣмъ вызвало рѣзкую критику со стороны радикаловъ, обвинявшихъ его въ малодушіи и отступленіи передъ реакціонной политикой сената.

Дѣятельность Комба въ этомъ кабинетѣ, направленная къ уравненію въ правахъ классиковъ и реалистовъ, не успѣла получить парламентской санкціи: его законопроектъ такъ и остался законопроектомъ (да и до сихъ поръ, впрочемъ, реальное образованіе не даетъ еще здѣсь права поступленія на медицинскій и юридическій факультетъ,—не говоря уже, конечно, о словесномъ). За то, какъ часто бываетъ у французовъ, два совершенно постороннія обстоятельства возбудили въ публикѣ временный интересъ „скандала" къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія. Съ одной стороны, это была рѣчь Комба, обращенная къ одной изъ явившихся къ нему масонскихъ делегацій, которой министръ обѣщалъ дѣятельность кабинета въ духѣ свободной мысли, составляющей принципъ современнаго французскаго „вольно-каменщичества". Всѣ умѣренные республиканскіе органы, —не говоря уже о прямо реакціонныхъ,—выразили крайнее негодованіе Комбу за такой продерзостный поступокъ, нарушающій, молъ, начало строгаго нейтралитета, котораго обязано держаться правительство по отношенію къ различнымъ религіознымъ и философскимъ міровоззрѣніямъ, борющимся за преобладаніе въ современномъ обществѣ.

Другимъ фактомъ, ассоціированнымъ съ именемъ Комба, явилось письмо, которое послѣдній, еще до своего министерства, будучи вице-президентомъ сената, написалъ директору государственныхъ желѣзныхъ дорогъ (во Франціи, какъ извѣстно, не смотря на крайне сильное преобладаніе желѣзнодорожной сѣти, принадлежащей частнымъ компаніямъ, нѣсколько тысячъ километровъ все же находятся въ рукахъ государства, — напр., въ 1901 году, 3008 километровъ изъ общей длины линій, равной 38471 кил.). Письмо это было какимъ-то образомъ добыто бульварно-консервативной газетой „Фигаро" и напечатано въ номерѣ отъ 12-го февраля 1896 г. съ очевидной цѣлью скомпрометировать Комба, а съ нимъ и все министерство Буржуа. Въ письмѣ этомъ не было, однако, ничего, за что „стоило бы даже высѣчь и кошку", какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ французы. Комбъ, выбранный парламентарной группой, которая составилась въ сенатѣ, чтобы защищать интересы департаментовъ, прорѣзываемыхъ государственной линіей,—выбранной, говоримъ мы, въ кандидаты по представительству этихъ департаментовъ въ правленіи государственной линіи, обращается къ желѣзнодорожному директору съ просьбой объяснить ему, Комбу, что онъ, директоръ, имѣетъ противъ присутствія его и еще другого лица въ упомянутомъ правленіи. Ибо оба лица до сихъ поръ не были приглашены директоромъ, не смотря на формальное обѣщаніе министра общест-

венныхъ работъ позаботиться объ ихъ назначеніи. И письмо заканчивалось словами: „это значитъ очень некстати сомнѣваться въ намѣреніяхъ обоихъ, такъ какъ они желаютъ лишь одного: быть сотрудниками, а не мѣшающими дѣлу контролерами общественной администраціи.“ Въ этой фразѣ оппозиція правой усматривала,—или, вѣрнѣе, дѣлала видъ, что усматриваетъ,—двусмысленное отношеніе Комба къ государственнымъ интересамъ и желаніе занять видное положеніе цѣною угодливости властямъ. Однако, не смотря на интерпелляцію, сдѣланную по этому поводу графомъ де-Берни и д'Югомъ (d'Hugues), Палата не обратила вниманія на эти комментаріи реакціонеровъ и перешла къ очередному порядку: исторія, поднятая „Фигаро“, разрѣшилась ударомъ шпаги по водѣ, оставивъ въ глазахъ республиканцевъ нетронутою репутацію честности Комба.

Съ тѣхъ поръ, до самыхъ послѣднихъ лѣтъ, личная жизнь сенатора давала мало пищи самому пристрастному зложелательству. Между тѣмъ, вліяніе Комба росло какъ въ верхней палатѣ, такъ мало по малу и среди вообще республиканскаго лагеря, по крайней мѣрѣ въ кругу людей, занимающихся политикой или близко стоящихъ къ политическимъ сферамъ. Но это отнюдь не была широкая извѣстность, — какъ я уже сказалъ въ самомъ началѣ статьи,—и надо было Комбу стать во главѣ кабинета, ведущаго рѣзкую борьбу противъ клерикаловъ, чтобы его имя разнеслось далеко за предѣлы спеціальныхъ круговъ. Избранный въ сенаторы въ 1885 г., Комбъ былъ переизбранъ вторично въ 1894 г. и въ третій разъ прошелъ на выборахъ 4-го января 1903 г.; въ 1893 — 1894 гг. занималъ кресло одного изъ вице-президентовъ сената, и до и послѣ участія въ министерствѣ Буржуа считался однимъ изъ самыхъ знающихъ, трудолюбивыхъ и искусныхъ ораторовъ лѣвой. Когда министерство Вальдэка-Руссо занялось выработкой закона объ ассоціаціяхъ, Комбъ былъ выбранъ президентомъ такъ называемой „Коммиссіи ассоціацій“ (Commission des Associations) и во время дебатовъ въ сенатѣ, вызванныхъ законопроектомъ, который былъ внесенъ министерствомъ Вальдэка, произнесъ большую рѣчь въ защиту точки зрѣнія правительства (21-го іюня 1901 г.). Наконецъ, въ началѣ 1902 г., онъ былъ выбранъ президентомъ сенатской группы, носящей названіе демократическаго союза, — что, какъ говорятъ нѣкоторые, и внушило президенту республики мысль обратиться къ Комбу съ предложеніемъ составить министерство послѣ того, какъ кабинетъ Вальдэка добровольно отказался отъ власти. Отнынѣ начинается извѣстность Комба; и остававшаяся въ полутѣни фигура стараго сенатора становится на политической сценѣ, можно сказать, возлѣ самой рампы, вызывая восхищеніе у однихъ, негодованіе у другихъ, интересъ у всѣхъ. Посмотримъ же и мы на этого актера, который не только не проигрываетъ,—какъ того опасались демо-

краты,—по сравненію съ своимъ несомнѣнно крупнымъ предшественникомъ, но беретъ даже верхъ если не сложностью, то опредѣленностью и энергіею своей игры.

Особенности психологическаго склада Комба могутъ, какъ мнѣ кажется, быть хорошо схвачены уже при самомъ его выступленіи на широкую политическую арену въ качествѣ перваго министра. Намъ надо только перенестись въ условія, при которыхъ составлялся кабинетъ Комба. Его предшественникъ, являющійся несомнѣнно однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ политическихъ дѣятелей не только современной Франціи, но и всего міра, успѣлъ въ теченіе трехъ лѣтъ парализовать усилія злѣйшихъ враговъ республики и разбить главную армію націоналистовъ и клерикаловъ въ ея отчаянномъ натискѣ на демократическія учрежденія. Но отраженная гроза не могла, конечно, сразу разсѣяться; и долго еще ея молніи будутъ бороздить, — и бороздятъ до сихъ поръ,—уходящія тучи. Кромѣ того, у всякой политической борьбы, которая успѣла привести въ движеніе широкіе слои населенія, есть своя логика общественной страсти, не позволяющая сражающимся остановиться на заранѣе условленной линіи: война — не маневры, и побѣдитель, какъ и побѣжденный, непремѣнно долженъ двигаться по инерціи въ направленіи, обусловленномъ первыми рѣшительными столкновеніями.

И вотъ я полагаю, что, не смотря на свои крупныя политическія достоинства, Вальдэкъ-Руссо никогда не понималъ въ достаточной степени значеніе этой логики общественной страсти,—онъ, который силенъ главнымъ образомъ логикою хладнокровнаго разсудка. Оставляя пока въ сторонѣ подробную психологію этого исключительно крупнаго человѣка,—онъ войдетъ, въ мою „галлерею современныхъ французскихъ знаменитостей“,—я долженъ, однако, сказать, что этотъ „великій буржуа“, какъ его назвалъ одинъ изъ мыслящихъ публицистовъ, въ сущности даже и не можетъ симпатизировать сильному или даже просто продолжительному напряженію общественныхъ аффектовъ. Терпя политическія страсти широкихъ слоевъ, до извѣстной степени, онъ все же полагается главнымъ образомъ на комбинацію разсудочныхъ элементовъ; и ему хочется въ данный моментъ оборвать естественную игру расходившихся аффектовъ и сказать этому капризному морю: „ты совершило полезную мнѣ работу; теперь—назадъ: я не позволяю тебѣ идти дальше!..“ Не входя въ детали того, съ какими оговорками можно разсматривать борьбу французской демократіи съ націонализмомъ и клерикализмомъ за проявленіе широкихъ общественныхъ страстей, приходится во всякомъ случаѣ сказать, что Вальдэкъ-Руссо счелъ свою миссію выполненной, когда возстановилъ нарушенное было демагогами внѣшнее пра-

вильное теченіе политической жизни. И, какъ хорошій актеръ, онъ захотѣлъ самъ уйти со сцены на эффектномъ жестѣ, подъ громъ апплодисментовъ восторженныхъ зрителей. Онъ какъ бы говорилъ: „я вынесъ на плечахъ пьесу въ ея трудныхъ мѣстахъ; теперь могутъ продолжать и второстепенные актеры.“

Что, дѣйствительно, иное означаетъ слѣдующее мѣсто въ письмѣ Вальдэка къ президенту республики,—письмѣ, возвѣщающемъ о добровольномъ удаленіи кабинета отъ дѣлъ послѣ того, какъ обнаружилось, что на весеннихъ выборахъ 1902 г. правительство „республиканской обороны“ восторжествовало въ лицѣ 321 депутата противъ 268 депутатовъ оппозиціи, санкціонируя такимъ образомъ политику Вальдэка 54 голосами большинства:

...Программа (кабинета) въ настоящее время выполнена. Насильственная агитація, угрожавшая общественному порядку, уже давно прекратилась. Республика, не смотря на безпримѣрныя усилія враговъ, вышла побѣдительницею изъ послѣдняго испытанія. Большинство которое болѣе сильно, чѣмъ прежнее, и будетъ не менѣе его сплочено, гарантируетъ не только сохраненіе, но и развитіе республиканскихъ учрежденій... Наступилъ часъ, когда я могу и долженъ возвратить вамъ въ цѣлости драгоцѣнный предметъ, который вы вручили намъ на храненіе *).

Я оставляю, конечно, въ сторонѣ, къ какой области относилась болѣзнь, о которой говоритъ въ этомъ же письмѣ Вальдэкъ-Руссо и которая якобы препятствуетъ ему продолжать министерскую дѣятельность. Отставка была подана Вальдэкомъ, повидимому, не смотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ членовъ кабинета и во всякомъ случаѣ эффектно завершаетъ трехлѣтнюю политику „великаго буржуа“.

Но личный апофеозъ Вальдэка не прекращалъ, конечно, политической пьесы, которая должна была продолжаться въ парламентѣ и странѣ и для которой республика нуждалась въ новыхъ исполнителяхъ. Борьба съ націонализмомъ и клерикализмомъ могла утратить свой рѣзкій характеръ, опредѣлявшійся тѣми формами „насильственной агитаціи“, къ которымъ прибѣгали раньше враги республики.

Но было наивностью думать, что эти противники демократическихъ учрежденій признали себя окончательно побѣжденными и сложили оружіе Мало того: можно было имѣть различное мнѣніе о цѣлесообразности тѣхъ пріемовъ борьбы, хотя бы съ клерикализмомъ, которые были избраны Вальдэкомъ и его сотрудниками; но разъ эта борьба началась, то приходилось и продолжать ее.

Въ извѣстномъ смыслѣ законъ объ ассоціаціяхъ, проведенный Вальдэкомъ черезъ парламентъ, походилъ на первый сильный

---

*) Цитирую по André Daniel (Lebon), *L'Année politique 1902*; Парижъ, 1903, стр. 146.

ударъ, нанесенный гнѣзду осъ: онъ приводилъ въ крайнее раздраженіе враговъ современнаго общества и современной цивилизаціи, но онъ отнюдь не устранялъ возможности сильнаго сопротивленія и чувствительныхъ укусовъ со стороны клерикаловъ. Вообще, идиллія, нарисованная Вальдэкомъ въ его письмѣ къ президенту, нуждается въ нѣкоторыхъ не совсѣмъ маловажныхъ поправкахъ. Скоро сама логика положенія должна была вызвать новый приступъ ожесточенной борьбы между защитниками и противниками демократическаго строя, при чемъ дѣло дошло снова и до сценъ „насильственной агитаціи“. Таковы были условія, при которыхъ составлялся кабинетъ Комба.

Послѣ двухъ-трехъ дней переговоровъ съ вожаками партій, президентъ республики поручилъ составленіе кабинета Комбу, который на слѣдующій же день, 7-го іюня 1902 г., успѣлъ сформировать новое министерство. Кабинетъ Комба былъ встрѣченъ радикальными элементами сочувственно; но сейчасъ же вызвалъ страстныя нападки реакціонеровъ и насмѣшливую вражду „прогрессистовъ“, считавшихъ самого Комба черезчуръ второстепеннымъ политическимъ дѣятелемъ, чтобы замѣнить Вальдэка-Руссо, котораго оппортунисты называли въ послѣдніе годы „ренегатомъ“ умѣренныхъ идей, но котораго инстинктивно уважали и побаивались. Какъ всегда бываетъ, сами противники премьера, добровольно уходившаго съ поста, старались теперь противоставлять величіе Вальдэка ничтожеству Комба. Но и друзья, и враги полагали, что новый кабинетъ продержится недолго; и что Комбъ, какъ говорится, лишь „грѣетъ мѣсто“ своему крупному предшественнику, которому стоитъ только захотѣть, чтобы снова возвратиться ко власти. Пророчества эти, какъ показала дальнѣйшая исторія, не сбылись. Комбъ не только удержался на трудномъ посту, но не побоялся придать болѣе рѣзкій характеръ политикѣ Вальдэка и вступилъ даже съ нимъ въ состязаніе, когда бывшій премьеръ пытался провести черту, за которую, согласно его взглядамъ, не должна была ни въ какомъ случаѣ заходить антиклерикальная политика правительства. Черезъ нѣсколько дней исполнится два года, какъ министерство Комба стоитъ у власти; и трудно предвидѣть обстоятельства, которыя могутъ вызвать его скорое паденіе.

Гдѣ же разгадка этого положенія? Не говоря объ общихъ политическихъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ изъ Комба человѣка наиболѣе подходящаго къ стремленіямъ не особенно значительнаго, но сплоченнаго радикальнаго большинства въ палатѣ, тутъ слѣдуетъ, конечно, обратить вниманіе и на личныя качества Комба. Мнѣ какъ-то пришлось встрѣтить у одного изъ серьезныхъ публицистовъ Франціи небезъинтересную мысль о преобладающемъ значеніи систематическихъ умовъ въ области идейныхъ теченій. По мнѣнію этого автора, если данный мыслитель даже

и не особенно глубокъ и силенъ, но отличается склонностью къ упорной и послѣдовательной работѣ мысли въ рамкахъ опредѣленной системы, то онъ производитъ на публику гораздо болѣе могучее впечатлѣніе, чѣмъ умъ, можетъ быть и болѣе проницательный, болѣе сложный, но склонный къ эклектизму или же скептицизму.

Фанатиковъ догмы жестоко порицаютъ въ противоположномъ лагерѣ, но принуждены съ ними считаться; а среди послѣдователей такіе систематическіе, даже и грѣшащіе узостью умы находятъ уже прямо восторженное поклоненіе. Опредѣленность міровоззрѣнія даетъ огромное психологическое преимущество въ умственной сферѣ.

Мнѣ кажется, въ pendant къ дѣйствію на публику систематическихъ умовъ можно говорить о дѣйствіи систематическихъ характеровъ, т. е. цѣльныхъ, послѣдовательныхъ въ своемъ поведеніи людей, которые знаютъ, чего хотятъ, и умѣютъ сильно хотѣть того, что составляетъ предметъ ихъ желаній. Даже очень крупная, очень сложная, очень привлекательная личность проигрываетъ въ своемъ вліяніи на людей при столкновеніи съ человѣкомъ систематическаго характера, если только ея энергія не принимаетъ формы постояннаго и неуклоннаго стремленія къ цѣли, характеризующаго „систематиковъ воли", какъ можно было бы назвать эту психологическую разновидность. Не забывайте, что въ современномъ обществѣ условія сильно препятствуютъ именно выработкѣ цѣльныхъ и прочныхъ характеровъ: не трудно понять, какое преимущество при столкновеніи „воль" оказывается на сторонѣ энергичной и послѣдовательно дѣйствующей личности. Такимъ психологическимъ типомъ я и считаю Комба. Онъ, несомнѣнно, умный человѣкъ; но преобладающая черта его индивидуальности столь же несомнѣнно заключается въ его сильномъ характерѣ, который позволяетъ ему не только не отступать передъ препятствіями, но находить своеобразное удовольствіе въ борьбѣ съ ними. Дѣло въ томъ, что такая боевая дѣятельность не превышаетъ, говоря вообще, его обычной энергіи и въ то же время даетъ ей нормальное упражненіе,—условія, какъ разъ благопріятныя для того, чтобы человѣкъ этого закала чувствовалъ себя какъ нельзя лучше въ пылу этой борьбы.

Присматриваясь къ психологическому типу Комба, можно лучше отмѣтить его особенности путемъ сравненія его энергіи съ энергіей другихъ сильныхъ волею современниковъ, напр., Вальдэка-Руссо и Клемансо. Что Вальдэкъ — человѣкъ большой энергіи, это несомнѣнно. Но у этого энергичнаго человѣка нервная система настолько чувствительна, что, по разсказамъ его интимныхъ друзей, Вальдэку пришлось произвести надъ собой громадную нравственную работу, чтобы скрыть отъ взоровъ окружающихъ, а особенно враговъ, страданія этого черезчуръ чувстви-

тельнаго внутренняго „я“ при неизбѣжныхъ перипетіяхъ борьбы. Самое его хладнокровіе есть ни болѣе, ни менѣе, какъ маска, или лучше сказать нравственная броня, которую Вальдэкъ всегда носитъ, чтобы прикрывать уязвимыя мѣста своей индивидуальности. Не было ли разсказано его друзьями, что онъ, напр., очень не увѣренъ во внѣшнихъ проявленіяхъ своей силы, черезчуръ строго относится къ своимъ рѣдкимъ способностямъ и при началѣ своей адвокатской политической дѣятельности внутренно приходилъ въ отчаяніе послѣ каждой своей рѣчи, даже производившей впечатлѣніе, считая ее недостойною важности положенія и того интимнаго, ему лишь одному знакомаго Вальдэка, о которомъ онъ самъ имѣетъ очень высокое мнѣніе? Это громадное, но замкнутое въ себѣ самолюбіе и чисто физіологическая чувствительность нервной системы и опредѣляютъ тѣ черты традиціонной личности Вальдэка, которыя скрываютъ его отъ взоровъ большой публики. Самое тяготѣніе его въ политикѣ къ комбинаціямъ чисто разсудочнаго типа есть лишь особая форма недовѣрія, которое Вальдэкъ питаетъ къ аффективнымъ, страстнымъ формамъ политической борьбы, боясь, какъ бы въ пылу схватки не раскрылась слишкомъ передъ врагами его болѣзненно-чувствительная сторона индивидуальности, его уязвимое мѣсто.

У Комба нравственный аппаратъ грубѣе, проще, и кромѣ того, цѣлесообразнѣе устроенъ для борьбы. Его энергіи не приходится, какъ внутреннему клинку, черезчуръ изнашивать внѣшнія охраняющія ея ножны: у Комба нѣтъ столь большой замкнутой гордости и столь чувствительной нервной системы.

Онъ знаетъ цѣну себѣ, но не питаетъ этого чрезмѣрнаго культа къ своей внутренней личности. Онъ любитъ раздавать удары, но безъ особаго огорченія и получаетъ, и умѣетъ получать ихъ, не страдая отъ той мысли, что онъ, великій Комбъ (какъ долженъ говорить о себѣ Вальдэкъ) принужденъ отъ времени до времени терпѣть пораженіе отъ далеко ниже его стоящихъ враговъ. Вальдэкъ долго, повидимому, помнитъ эти раны; Комба такіе удары заставляютъ только энергичнѣе желать отместки, и онъ бросается впередъ при первомъ же удобномъ случаѣ. Что скажетъ аудиторія, что подумаютъ зрители, — такая мысль, повидимому, мало безпокоитъ Комба; Вальдэкъ, презирая, можетъ быть, въ душѣ этихъ свидѣтелей политической борьбы, тѣмъ не менѣе будетъ употреблять всевозможныя усилія, будетъ застывать въ позѣ флегматическаго хладнокровія, чтобы скрыть отъ публики раны, нанесенныя его гордости. Да и это не всегда удается ему. Парламентарные журналисты, видавшіе много видовъ на своемъ вѣку, были поражены разницей, которая обнаружилась на разстояніи трехъ лѣтъ между дебютомъ Вальдэка въ палатѣ въ качествѣ главы только-что сформированнаго кабинета и такимъ же дебютомъ Комба.

Высокій, импонирующій своею наружностью, Вальдэкъ, несмотря на весь запасъ своего заученнаго хладнокровія, былъ смущенъ, когда пріученная націоналистскими демагогами къ скандальнымъ сценамъ палата встрѣтила чтеніе его министерской деклараціи свирѣпыми возгласами и криками животныхъ на скамьяхъ оппозиціи. Внѣшній флегматизмъ измѣнялъ гордому и энергичному человѣку, и голосъ его временами прерывался и падалъ, а бумага, которую онъ держалъ въ рукахъ—министерскія деклараціи, какъ извѣстно, заранѣе составляются и читаются по бумажкѣ, — дрожала въ его рукахъ. Что касается до Комба, то онъ поразилъ и оппозицію, и зрителей, а отчасти и самихъ друзей непринужденностью и мужествомъ, съ какимъ выдержалъ тотъ же самый искусъ въ палатѣ. Реакціонеры поднимали страшный шумъ почти на каждомъ словѣ; стукъ деревянныхъ ножей по пюпитрамъ, крики „аббатъ", „разстрига", лай и мяуканье политическихъ враговъ перекрещивались въ воздухѣ, и президентъ палаты почти на каждомъ шагу призывалъ къ порядку горячихъ оппонентовъ правительства; временами, не было совсѣмъ ничего слышно. А этотъ простой, невысокій, плотный старичекъ съ наполеоновской испаньолкой на подбородкѣ и рѣзко очерченнымъ носомъ только и выражалъ свое настроеніе тѣмъ, что на минуту останавливался, упрямо-вызывающе кивалъ своей коротко остриженной сѣдой головой и, возвышая и безъ того ясный голосъ, продолжалъ чтеніе деклараціи, чтобы опять черезъ нѣсколько минутъ, въ самый разгаръ шума, отодвинуть отъ себя косо въ сторону, словно разбирая издали, свою бумагу и затѣмъ нѣсколько мгновеній обводить ироническимъ и веселымъ вмѣстѣ взглядомъ бѣснующуюся оппозицію.

Въ номерѣ отъ 10-го іюня 1902 г. умѣренно-министерской газеты „Le Matin" за подписью самого редактора, нѣкоего Стефана Лозанна (зятя пресловутаго Бловица) появилась, совсѣмъ наканунѣ этого историческаго засѣданія, недурная „моментальная фотографія" Комба въ тотъ моментъ, какъ онъ готовился къ предстоявшей борьбѣ. Я позволю себѣ познакомить читателя съ наиболѣе характерными мѣстами этой недурной статейки, потому что она хорошо рисуетъ нѣкоторыя стороны личности Комба Когда вошелъ журналистъ къ премьеру, онъ

прогуливался въ своемъ кабинетѣ живымъ и бодрымъ шагомъ,—не тѣмъ шагомъ въ прискочку, который отличаетъ г. Пуанкарэ, и не дрожащей походкой г. де-Фрейсинэ, но отчетливымъ и откровеннымъ шагомъ человѣка, который не боится идти въ сторону неизвѣстнаго.—Вы знаете,—разомъ останавливаясь и пристально глядя на меня, заговорилъ министръ,—я не искалъ того, чтобы очутиться здѣсь, и не буду интриговать чтобы остаться. Власть должна была бы принадлежать собственно не мнѣ. Были другіе, мои старшіе какъ по своему авторитету, такъ и по талантамъ, которымъ по праву принадлежалъ этотъ постъ, столь же отвѣтственный, сколько и почетный. Но за ихъ непоявленіемъ, я не счелъ возможнымъ отклонить приглашеніе, которое было

мнѣ адресовано г. президентомъ республики. Я думалъ, что, несмотря на все, я обязанъ выполнить этотъ долгъ по отношенію къ той партіи, въ которой еще вчера я былъ простымъ рядовымъ, а сегодня получилъ незаслуженную честь быть вождемъ и прилагать ея программу. Люди—ничто; идеи—все. И вотъ для того, чтобы дать конкретную и осязательную форму идеямъ моей партіи, я и нахожусь здѣсь".

Въ заключеніе, говоря о завтрашнемъ днѣ, когда должна была читаться министерская декларація и ждались различныя интерпелляціи, Комбъ полушутливо, полусерьезно выразился такъ:

А я люблю, когда закипаетъ дѣло (министръ употребилъ собственно простонародное французское выраженіе ça chauffe. Н. К.). Я былъ, видите-ли, въ теченіе долгаго времени въ оппозиціи, и въ такой оппозиціи, которая ради торжества своихъ идей не боялась битвы... Я люблю борьбу, не заботясь о томъ, что она предназначаетъ мнѣ... И я уже заранѣе люблю ту схватку, которая готовится на завтра, не стараясь даже и предугадывать, получу ли я въ ней что-нибудь кромѣ ударовъ".

Здѣсь, въ этихъ словахъ, какъ нельзя лучше обрисовывается тотъ характеръ хорошо приспособленнаго къ битвамъ борца, о которомъ я говорилъ раньше. Здѣсь нѣтъ и тѣни внѣшней флегмы, какую Вальдэкъ выработалъ цѣною громадной нравственной ломки, какъ нѣтъ и той замкнутой въ себѣ и необыкновенно чувствительной къ ударамъ, но скрывающей это гордости, какую обнаруживаетъ въ глазахъ мыслящихъ наблюдателей „великій буржуа". У Комба все это проще, естественнѣе и больше приспособлено къ условіямъ политическаго турнира. Съ одной стороны, вы не видите, чтобы и въ душѣ этотъ человѣкъ хранилъ чрезмѣрно высокое мнѣніе о себѣ. Въ словахъ, сказанныхъ имъ журналисту, не чувствуется ложной скромности, а звучитъ несомнѣнный голосъ убѣжденія. Да, несомнѣнно въ республиканской демократической партіи есть люди съ болѣе значительнымъ „авторитетомъ" и болѣе яркими „талантами", чѣмъ Комбъ. Но ихъ-то, этихъ „старшихъ", какъ разъ не оказалось въ тотъ трудный моментъ, когда надо было искать преемника Вальдэку. И вотъ Комбъ, вчера еще „рядовой" радикальной партіи, рѣшается стать „вождемъ", который ставитъ своею задачею „прилагать программу" своихъ политическихъ единомышленниковъ. Что привлекаетъ его? Простое честолюбіе? Но мы знаемъ, что именно честолюбіе подсказывало „старшимъ" выжидать болѣе удобныхъ обстоятельствъ для проявленія своего „авторитета" и своихъ „талантовъ" и сберегать себя на лучшія времена, когда критическій моментъ борьбы съ клерикалами отойдетъ въ область прошлаго, и каштаны уже будутъ вытащены изъ огня. Комба же привлекаетъ самая мысль жаркой идейной борьбы; и, приступая къ ней, онъ отнюдь не гипнотизируетъ себя представленіемъ о возможныхъ ударахъ въ ожесточенной битвѣ. Наоборотъ, его боевой темпераментъ и его активная энергія только

подхлестываются, такъ сказать, идеею о столкновеніяхъ, въ которыхъ нельзя заранѣе предсказать съ увѣренностью, кто побѣдитъ. И Комбъ обнаружилъ и обнаруживаетъ до сихъ поръ по истинѣ рѣдкую силу воли и настойчивость въ преслѣдованіи цѣли,— качества, которыя мало встрѣчаются у французовъ въ ихъ постоянной и продолжительной, а не взрывчатой и страстной формѣ.

Стараясь лучше продумать психологическій типъ Комба, я считаю полезнымъ для читателей сопоставить его не только съ Вальдэкомъ, но и съ Клемансо, человѣкомъ, энергія котораго въ иныхъ сферахъ почитается также очень высоко. И что же? сближая и эти два типа, я склоненъ думать, что настоящей, простой, внутренней энергіи у Комба больше, чѣмъ у гораздо болѣе блестящаго ех-лидера крайней лѣвой. Конечно, полному сравненію препятствуетъ то обстоятельство, что если мы видѣли Клемансо въ оппозиціи, то исторія отказала намъ въ любопытномъ зрѣлищѣ видѣть его у власти, „примѣняющимъ", какъ сказалъ бы Комбъ, „программу партіи". Но мы видѣли Клемансо въ роли страшнаго „сокрушителя министерствъ", когда его косвенное вліяніе на ходъ политической исторіи было временами значительно; и эти историческіе моменты свидѣтельствуютъ, что энергія Клемансо носитъ эффектный, парадный и вмѣстѣ прерывающійся и эпикурейскій характеръ, но не отличается постояннымъ и ровнымъ горѣніемъ, неуклоннымъ стремленіемъ къ одной цѣли. Были два—три момента въ его существованіи, когда онъ, дѣйствительно обнаружилъ недюжинную силу воли: таковъ тотъ мрачный періодъ его жизни, который послѣдовалъ за Панамской катастрофой и паденіемъ Клемансо на выборахъ 1893 г.; таковъ, съ другой стороны, героическій періодъ его борьбы за истину и справедливость въ дѣлѣ Дрейфуса. Но эти полосы характеризуютъ Клемансо въ фазисы упадка его собственно политическаго вліянія. Если же обратиться къ періодамъ наибольшаго расцвѣта этого вліянія, то мы найдемъ гораздо больше отдѣльныхъ случаевъ минутной эффектной энергіи, чѣмъ упорной и безпрестанно направляемой на одинъ предметъ силы воли. Цилиндръ на бекрень и тросточка въ рукахъ; авторитетность въ обращеніи съ своими сторонниками и нервная діалектика низвергающихъ министерства рѣчей и т. п.,—эти проявленія блестящей личности Клемансо создаютъ вокругъ него ореолъ, который мѣшаетъ многимъ отдать себѣ отчетъ въ настоящей величинѣ сложнаго психологическаго выраженія, представляемаго этимъ, несомнѣнно недюжиннымъ человѣкомъ. Но когда начинаешь продумывать наиболѣе эффектные политическіе акты Клемансо, то поневолѣ приходишь къ заключенію, что у нихъ, какъ говорится, не было слѣдующаго дня, и начинаешь понимать жалобу, которая вырвалась однажды изъ устъ Жорэса на сравнительно безплодную политику знаменитаго

вожака радикаловъ. Блескъ и эффектъ временной энергіи достигали значительной интенсивности: прерывающійся и эпикурейскій характеръ этой дѣятельности, которая слишкомъ часто засыпала на лаврахъ ораторскихъ и свѣтскихъ успѣховъ, выражался, въ концѣ концовъ, въ сравнительно скромныхъ результатахъ вліянія Клемансо на судьбы страны. Порою этотъ человѣкъ, которому приписывали желѣзную силу воли, оказывался, чтобы употребить французское выраженіе, лишь „тростникомъ, выкрашеннымъ подъ желѣзо."

По отзывамъ людей, которымъ приходилось сталкиваться съ Комбомъ, этотъ послѣдній, наоборотъ, поражаетъ энергіею, далеко превосходящею все, что можно ожидать на основаніи чисто внѣшнихъ, казовыхъ сторонъ его личности. Впрочемъ, сама его дѣятельность служитъ лучшимъ доказательствомъ размѣровъ этой энергіи.

- - -

Уже годъ тому назадъ, говоря объ антиклерикальной политикѣ министерства, я высказывалъ ту мысль, что въ сущности она останавливается на полдорогѣ и грѣшитъ внутреннимъ противорѣчіемъ, такъ какъ не доводитъ борьбы противъ папизма до конца. Логическимъ выводомъ этой борьбы должна была бы быть конфискація церковныхъ имуществъ и отдѣленіе церкви отъ государства съ уничтоженіемъ бюджета духовенства. Сдѣлавъ эти существенныя реформы, правительство республики могло бы допустить полную свободу религіозныхъ ассоціацій, не выдѣляя ихъ изъ прочихъ. Но тогда же я показалъ, что разъ равнодѣйствующая демократическихъ стремленій среди современныхъ республиканцевъ Франціи не идетъ въ этомъ единственно послѣдовательномъ направленіи, а проходитъ пока вправо, то демократическое государство, не желая разорвать связи конкордата, должно фатально становиться на почву ограниченій, исключеній, предохранительныхъ мѣръ противъ католицизма, словомъ, вести постоянную борьбу противъ деспотическихъ притязаній папской теократіи. Мелинисты и реакціонеры могутъ сколько угодно распространяться на ту тему, что католицизмъ нисколько не противорѣчитъ современному государству, могутъ сколько угодно перекрашивать сыновъ Лойолы въ „либераловъ". Стоитъ открыть и прочитать знаменитый Силлабусъ, о которомъ всѣ такъ говорятъ и о которомъ такъ мало людей знаютъ, чтобы убѣдиться, что пропасть между католицизмомъ и современнымъ свѣтскимъ обществомъ громадна, и вражда обоихъ элементовъ неустранима. Хотите знать, какъ на самомъ дѣлѣ католическая церковь смотритъ на свои отношенія ко всему строю современнаго общества? Позволю себѣ процитировать лишь одинъ тезисъ (80-ый и послѣдній) X-ой главы Силлабуса, трактующей о „заблужденіяхъ, касающихся современнаго либерализма" (errores qui ad libera-

lismum hodiernum referuntur). Святѣйшій отецъ грозитъ ни много, ни мало какъ анафемой тому, кто осмѣлится поддерживать ту ужасную еретическую мысль, что будто „римскій первосвященникъ можетъ и долженъ примириться и войти въ соглашеніе съ прогрессомъ, съ либерализмомъ и съ современной цивилизаціей“ (Romanus Pontifex potest ac debet cum progressu, cum liberalismo et cum recenti civilitate sese reconciliare et compronere *).

Вотъ тутъ и говорите о демократическихъ и либеральныхъ католикахъ, о современныхъ тенденціяхъ папства! Анафема тому, именно тому, кто говоритъ и даже думаетъ такъ,—вѣщаетъ самъ же непогрѣшимый голосъ папы ex cathedra, съ высоты его учительнаго сѣдалища. И, напр., средневѣковый по идеямъ и отчасти по формѣ дипломатическій протестъ Пія X-го противъ посѣщенія президентомъ французской республики итальянскаго короля въ Римѣ, протестъ, только что проникшій въ прессу, представляетъ вполнѣ логическій и послѣдовательный актъ папизма противъ современной цивилизаціи, отрицающей свѣтскую власть „преемника апостола Петра“. Лубэ наноситъ сугубо тяжкое оскорбленіе первосвященнику тѣмъ, что пріѣзжаетъ въ Римъ, т. е. въ папскую резиденцію и въ самый апостольскій дворецъ,—для засвидѣтельствованія своего почтенія тому, кто вопреки всякому праву захватилъ и удерживаетъ его, папы, свѣтскую власть (contro ogni diritto detiene il suo civile principato, — говоритъ итальянскій текстъ). И католицизмъ остается всегда вѣренъ самому себѣ: считая узурпаторомъ всякаго, кто посягаетъ на свѣтскую власть папы, онъ считаетъ такимъ же узурпаторомъ всякое современное государство, которое защищаетъ свои свѣтскіе интересы противъ притязаній ультрамонтанства.

Можно вполнѣ понять поэтому, что разъ французская демократія не рѣшила идти до конца, разрубивъ связывающія ее съ папой узы конкордата, то она вынуждена отстаивать свое существованіе противъ всезахватывающаго католицизма ежечасной и неустанной борьбой съ нимъ. Съ этой точки зрѣнія политика Комба является естественнымъ продолженіемъ политики Вальдэка Руссо. И безпристрастный наблюдатель неразрѣшимаго мірового конфликта между католическою церковью и свѣтскимъ государствомъ долженъ не трудится надъ софистическимъ различеніемъ антиклерикализма „великаго буржуа“ и антиклерикализма его преемника, а, наоборотъ, лишь констатировать замѣчательную энергію, веселую и ироническую, если можно такъ выразиться, энергію, съ какой Комбъ ведетъ свою борьбу противъ ультрамонтантства. Все, что дѣлается современнымъ кабинетомъ, душою котораго, несомнѣнно, является Комбъ, есть необходимое, фа-

---

*) См. подлинный текстъ въ брошюрѣ: *Le Syllabus et l'Encyclique. Texte fficiel*; Парижъ, 1876, 4-е изд., стр. 72.

тальное развитіе закона объ ассоціаціяхъ 1-го іюля 1901, проведеннаго Вальдэкомъ Руссо. И самыя видоизмѣненія этого закона, производимыя дальнѣйшею дѣятельностію министерства и парламента, свидѣтельствуютъ только о томъ, что на пути, на который ступила французская демократія, нельзя заранѣе назначить себѣ опредѣленнаго пункта для окончательной остановки. Именно эта дѣятельность, вызывающая ожесточенную вражду мелинистовъ и реакціонеровъ, и показываетъ всю силу воли, которою обладаетъ президентъ совѣта министровъ.

Такъ, вскорѣ послѣ сформированія кабинета Комбъ требуетъ дѣйствительнаго, а не формальнаго только выполненія закона Вальдэка Руссо, требующаго разрѣшенія для образованія новой конгрегаціи, и закрываетъ 120 учрежденій, противящихся этой мѣрѣ. Въ результатѣ свирѣпый натискъ реакціонеровъ и мнимыхъ „либераловъ" на Комба въ палатѣ, энергичная рѣчь Комба, обѣщающаго „побѣду свѣтскаго общества надъ монашескимъ духомъ", и торжество республиканской политики большинствомъ 333 голосовъ противъ 206 (9-го іюля 1902 г.).

Лѣтомъ и осенью того же 1902 г., въ отсутствіи парламента, клерикалы готовятъ повсюду враждебныя манифестаціи и вооруженныя сопротивленія противъ закрытія конгреганистскихъ школъ. Въ Бретани дѣло едва не доходитъ до кровопролитія; реакціонные офицеры отказываются вести солдатъ противъ лицъ, не хотящихъ исполнять требованія закона; свѣтскіе и военные суды снисходительно оправдываютъ мятежниковъ. Комбъ, всячески препятствуя пролитію крови, продолжаетъ тѣмъ не менѣе неуклонно свою политику. Реакція, по возобновленіи засѣданій, дѣлаетъ новый отчаянный приступъ на кабинетъ. Комбъ торжествуетъ большинствомъ 329 голосовъ противъ 233 (17-го октября 1902 г.) послѣ рѣчи, защищающей декреты закрытія и заканчивающейся энергичными словами:

Ваши сторонники и ваши журналы (правой и центра. Н. К.) могутъ вдоволь предаваться систематической клеветѣ противъ меня. Скромный служитель республики въ эпоху, которая лишь неспокойна, я вспомнилъ и принялъ на свой счетъ знаменитыя слова славнаго республиканца, произнесшаго ихъ во времена дѣйствительно трагическія: Да погибнетъ моя память, лишь бы восторжествовала республика *).

Конецъ 1892 и начало 1903 г. ознаменованы новымъ столкновеніемъ между демократіей и реакціей: во Фландріи, а особенно въ Бретани, католическое духовенство, подуськиваемое и поддерживаемое старыми партіями, призываетъ народъ къ возстанію противъ „антихристовъ" и „измѣнниковъ отечества" и въ то же время въ Бретани—грозитъ отпаденіемъ населенія отъ Франціи.

*) *Journal officiel.* Deb. Parl. Chambres, № отъ 18 октября 1902 г., стр. 2385 и слѣд.

Комбъ запрещаетъ употребленіе бретонскаго языка для обученія катехизису и проповѣдей, которыми священники пользуются, чтобы убѣждать невѣжественныхъ крестьянъ и рыбаковъ „взяться за вилы и косы, какъ во времена Вандеи". Большинствомъ 339 голосовъ противъ 185 (16-го января 1903 г.), палата высказывается за Комба, требующаго „безусловнаго подчиненія бретонскаго духовенства приказаніямъ правительства".

Въ мартѣ 1903 г. цѣлый рядъ засѣданій парламента ушелъ на ожесточенную борьбу между центромъ и правой, съ одной стороны, и большинствомъ и правительствомъ—съ другой, по вопросу о порядкѣ просьбъ о разрѣшеніи, представляемыхъ властямъ монашескими орденами. Здѣсь впервые продолженіе политики Вальдека принимало форму прямого измѣненія предшествовавшихъ законодательныхъ мѣръ. Комбъ, по соглашенію съ большинствомъ, избраннымъ въ 1902 г., требовалъ огульнаго рѣшенія судьбы трехъ разрядовъ мужскихъ орденовъ: такъ называемыхъ „обучающихъ", „проповѣдническихъ" и картезіанцевъ. „Либералы" центра и правой, наоборотъ, настаивали на отдѣльномъ обсужденіи просьбы каждой изъ нѣсколькихъ сотъ конгрегацій, видя въ этомъ пріемѣ удобную систему обструкціи, чтобы провалить законъ. Комбъ съ жаромъ и обычной энергіей защищалъ свою точку зрѣнія и три раза въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій получалъ все увеличивающееся большинство, одерживая тѣмъ болѣе замѣчательную побѣду, что на сей разъ не побоялся выступить противъ мнѣній своего предшественника (который развилъ уже совершенно опредѣленно свои взгляды на этотъ вопросъ тремя мѣсяцами позже, а именно на сенатскомъ засѣданіи 27-го іюня). Въ концѣ іюня, Комбу удалось провести свою точку зрѣнія и по отношенію къ женскимъ „обучающимъ" конгрегаціямъ; а когда сенатъ и палата вступили въ обычный періодъ лѣтнихъ вакацій, министръ-президентъ перенесъ свою дѣятельность въ страну, развивая радикальную программу въ рядѣ рѣчей,—на конгрессѣ марсельскихъ учителей и учительницъ, на демократическихъ банкетахъ въ Марсели же и въ Сэнтѣ, на празднествѣ въ честь Ренана въ Трегье и т. п.

Наконецъ, позднею осенью 1903 г. въ сенатѣ Комбъ выступилъ снова противъ Вальдэка по вопросу о законопроектѣ, запрещающемъ доступъ конгрегаціямъ къ среднему образованію (первый шагъ къ отмѣнѣ такъ называемаго закона Фаллу 1850 г., вводившаго подъ видомъ „свободы" привилегію католическихъ среднихъ школъ). И, благодаря вмѣшательству Клемансо, правительство и на сей разъ одержало побѣду, не смотря на то, что въ рядахъ его противниковъ теперь очутился его замѣчательный предшественникъ. Энергія и прямолинейность Комба перевѣшивали теперь даже высокій авторитетъ Вальдэка, пораженіе котораго было вполнѣ понятно и подчеркнуто тѣми

самыми „либералами“, которые были его злѣйшими врагами во время „кабинета республиканской обороны“, а нынѣ надѣялись на его вмѣшательство, чтобы низвергнуть ненавистнаго имъ Комба. Это отношеніе реакціонныхъ и умѣренныхъ элементовъ къ „великому буржуа“, разочаровавшему ихъ своей неудачей, наглядно выражается въ оцѣнкѣ, которую я нахожу въ „Политическомъ ежегодникѣ“, издаваемомъ Андрэ Даніелемъ (псевдонимъ Андрэ Лебона, бывшаго министра колоній, прославившагося двойными кандалами, въ которые онъ, боясь лая націоналистовъ, приказалъ заковать злополучнаго Дрейфуса):

Результатъ... вмѣшательство г. Вальдэка-Руссо... представлялъ чувствительный уронъ для прежняго президента совѣта министровъ, за которымъ не послѣдовала даже значительная часть его собственной группы республиканскаго союза. Говоря правду, положеніе г. Вальдэка-Руссо въ этихъ дебатахъ было очень фальшивое, и его рѣчь отразила на себѣ отчасти это затрудненіе сейчасъ же подчеркнутое г. Клемансо. Г. Вальдэкъ-Руссо пользовался, повидимому, несравненнымъ парламентарнымъ положеніемъ, пока служилъ антиклерикальной политикѣ, являвшейся цементомъ для различныхъ группъ „глыбы“. Но лишь только онъ обнаружилъ притязаніе поставить извѣстныя границы той самой политикѣ, которой онъ самъ же былъ иниціаторомъ, такъ сейчасъ же сила, поддерживавшая его до тѣхъ поръ, перешла къ его преемнику, который и продолжалъ антиклерикальное дѣло, начатое закономъ 1902 г. Г. Вальдэкъ-Руссо теперь могъ увлечь за собой лишь нѣсколько личныхъ друзей. Логика положенія позволяла издавна предвидѣть эти послѣдствія *).

Очевидно, если „ничто такъ не успѣваетъ“ въ глазахъ оппортунистскихъ политикановъ, „какъ самъ успѣхъ“, чтобы употребить любимую французскую поговорку rien ne réussit comme le succès'—то ничто такъ не раздражаетъ ихъ, какъ неудача; и пораженіе, понесенное Вальдэкомъ, несомнѣнно, въ значительной степени уменьшило престижъ „великаго буржуа“ въ послѣднее время. Комбъ, выйдя, наоборотъ, побѣдителемъ изъ нелегкаго столкновенія съ своимъ славнымъ предшественникомъ, пріобрѣлъ безспорно много новыхъ сторонниковъ изъ категоріи переметныхъ сумъ. И если знаменитая „апельсинная корка“, которая играетъ такую роль въ парламентарной исторіи Франціи, не заставитъ нечаянно поскользнуться кабинетъ Комба, то неизвѣстно, когда падетъ этотъ человѣкъ, которому въ самомъ началѣ едва обѣщали и нѣсколько дней существованія. Онъ еще недавно одержалъ новый успѣхъ на муниципальныхъ выборахъ 1-го—8-го мая, которые кончились для министерства пріобрѣтеніемъ лишнихъ 372 муниципалитетовъ на общее число 9036 коммунъ, спеціально затронутыхъ закономъ о конгрегаціяхъ.

Чтобы прибавить нѣсколько лишнихъ штриховъ къ нравственной физіономіи Комба, отличающагося прежде всего, какъ мы

*) André Daniel, *L'année politique 1903*; Парижъ, 1904, стр. 342—3.

видѣли, энергіею и силою воли, надо напомнить читателю и о его простотѣ, демократической непринужденности, искренности, вѣчно хорошемъ расположеніи духа,—je suis toujours de bonne humeur, сказалъ онъ одному изъ интервьюверовъ,—и наконецъ его безсребренности. Какъ ни странно звучитъ это слово, когда приходится говорить о странѣ, гдѣ хозяйствуетъ могущественная буржуазія, гдѣ еще недавно Панама бросила яркій свѣтъ на психологію имущихъ и правящихъ классовъ, неподкупность Комба, его отвращеніе смѣшивать лично для себя политику и экономику не подлежатъ сомнѣнію. При той страстной ненависти, которую онъ возбуждаетъ въ своихъ врагахъ, клевета уже давно набросилась бы на его финансовую честность, еслибы можно было найти что нибудь хоть мало-мальски подозрительное въ этомъ отношеніи. Но единственный разъ, когда политическіе противники вздумали болѣе или менѣе опредѣленно сформулировать свои подозрѣнія, они вынуждены были обратить стрѣлы своихъ обличеній не противъ самого министра, а противъ его сына, Эдгара Комба, который былъ раньше префектомъ департамента Аллье, а нынѣ исправляетъ должность „генеральнаго секретаря" при кабинетѣ отца.

Нѣкто Фландэнъ, націоналистскій депутатъ отъ Кальвадоса, распустилъ слухи будто Эдгаръ Комбъ взялъ взятку съ одного клуба, чтобы оказать ему какую-то административную услугу. Давъ въ частномъ разговорѣ всѣ необходимыя объясненія Фландэну, который нашелъ ихъ вполнѣ удовлетворительными, но не переставалъ распускать клевету, старикъ Комбъ счелъ нужнымъ перенести вопросъ въ палату. Подойдя къ обличителю и громко назвавъ его „послѣднимъ изъ негодяевъ", онъ направился къ трибунѣ и сдѣлалъ короткое личное заявленіе, энергія и искренность котораго вызвали горячіе аплодисменты даже на скамьяхъ оппозиціи:

Я бросаю вызовъ кому бы то ни было, чтобы онъ нашелъ, восходя къ 10 годамъ и если ему угодно, еще ранѣе, тѣнь долга, векселя, пари, вообще какой-нибудь сдѣлки со стороны оклеветаннаго чиновника моего министерства. Хотя я бѣднымъ вступилъ въ политическую жизнь и считаю за честь выйти изъ нея столь же бѣднымъ, я, однако, обязуюсь заплатить въ 10 разъ большую сумму, чѣмъ та, которую могло получить въ той или иной формѣ это лицо... Я обязанъ былъ сдѣлать это публичное заявленіе ради моего самаго вѣрнаго, самаго трудолюбиваго, самаго ревностнаго сотрудника, который отдаетъ свои дни и ночи подавляющей работѣ, возложенной мной на себя единственно въ высшихъ интересахъ республики *).

Таковъ съ моральной стороны Комбъ, „дядя Комбъ", какъ приблизительно можно перевести французское фамильярное le perè Combes, подъ которымъ онъ извѣстенъ въ политическихъ и даже болѣе широкихъ слояхъ. Намъ остается коснуться его

*) *Journal officiel*; номеръ отъ 29-го мая 1903 г.

умственной физіономіи въ связи съ его идеями и міровоззрѣніемъ. Раньше я уже сказалъ, что Комбъ представляетъ собою умнаго человѣка, хотя сторона энергіи заслоняетъ въ немъ интеллектуальный элементъ, и послѣдній кажется менѣе развитымъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, это умъ живой, ясный, практичный, который не отличается ни особенной глубиной, ни особенной широтой, но въ указанныхъ предѣлахъ обладаетъ всѣми качествами, которыя требуются отъ ума политическаго дѣятеля. Правда, нѣкоторые симпатизирующіе ему „интервьюеры" говорятъ о философскомъ складѣ его ума.

Но когда средній французъ говоритъ о философіи, это мнѣніе надо „принимать съ кусочкомъ соли"—cum grano salis, какъ выражались римляне, когда рѣчь заходила о сомнительныхъ истинахъ. Ибо не забудьте, кромѣ нѣкоторыхъ геніальныхъ или стоящихъ на порогѣ геніальности мыслителей,—Декарта, энциклопедистовъ, Конта, Тэна,—французы вообще не питаютъ склонности къ философской дѣятельности ума. И то, что Тэнъ считалъ возможнымъ сказать въ примѣненіи къ Титу Ливію, а именно что онъ не столько историкъ, сколько ораторъ, то же самое можно сказать о французахъ вообще, но въ той нѣсколько измѣненной формѣ, что они не философы, а ораторы, или даже риторы.

Та философія, надъ которой упражнялъ свой умъ юный Комбъ, была собственно схоластической реторикой; и его не философскій по природѣ умъ, даже отказавшись отъ этой спиритоалистической гимнастики, сохранилъ отпечатокъ соотвѣтствующаго міровоззрѣнія. Теперешнее міровоззрѣніе Комба есть лишь преобразованный на демократическій ладъ спиритуализмъ во вкусѣ прогрессивныхъ французовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, тотъ спиритуализмъ, который удовлетворялъ многихъ дѣятелей 48-го года, отражался въ соціальныхъ построеніяхъ Леру, романахъ Жоржъ Занда, гуманитарной поэзіи Виктора Гюго; тотъ спиритуализмъ, надъ проявленіями котораго въ разговорахъ Луи Блана подсмѣивался нашъ Герценъ, и т. п. Какъ въ самомъ дѣлѣ типично „философское" credo Комба, высказанное имъ интервьюировавшему его сотруднику „Le Matin" (см. въ № отъ 22-го апрѣля 1903 г. „Les propos de M. Combes" за подписью нѣкоего Jean de Mitty):

Вѣра необходима. Но та вѣра, которой поучаетъ католическая церковь, смѣнилась новой вѣрой. Это—вѣрованіе въ таинственную, но очевидную силу, дѣйствія которой, отличающіяся удивительной ясностью и логикой, замѣтны для всякаго, кто умѣетъ вопрошать жизнь. Эта таинственная сила есть прогрессъ. Онъ обнаруживается повсюду, въ малѣйшихъ феноменахъ, въ выраженіяхъ человѣческой дѣятельности, въ вѣчномъ ходѣ вещей. Все совершается согласно опредѣленному порядку и въ силу извѣстной гармоніи. Неотвратимо, сообразно точнымъ законамъ, прогрессъ увлекаетъ въ своемъ бѣгѣ всю вселенную.

Если Наполеонъ говорилъ, что стоитъ только поскоблить казака и вы найдете подъ нимъ татарина, то не глубже и у нашего демократа подъ слоемъ этой вѣры въ таинственный и гармоническій прогрессъ лежитъ прежній спиритуализмъ. Этотъ спиритуализмъ сыгралъ даже однажды плохую шутку „дядѣ Комбу“, когда онъ въ пылу импровизаціи и среди прерывающихъ его на каждомъ шагу восклицаній правой онъ произнесъ нѣсколько двусмысленныхъ фразъ, въ которыхъ отрицалъ возможность для чисто свѣтской школы дать молодому поколѣнію тѣ „необходимыя моральныя идеи, которыя можетъ дать только церковь“ (засѣданіе 26-го января 1903 г.).

Поддерживавшее его радикальное и свободомыслящее большинство было на сей разъ до такой степени фраппировано этими заявленіями, что стало перебивать обычно симпатичнаго ей оратора ничуть не меньше опозиціи и вынудило его черезъ нѣсколько дней произнести уже другую, въ нѣкоторомъ родѣ покаянную, рѣчь, чтобы разсѣять предубѣжденія друзей и прогнать черную кошку, пробѣжавшую между министромъ и его вѣрнымъ большинствомъ. Но въ самой этой рѣчи, несмотря на подчеркиваніе ораторомъ свободомыслящаго profession de foi, остаются, несомнѣнно, пункты, которые являются косвеннымъ признаніемъ спиритуалистическаго міровоззрѣнія, напр., когда Комбъ заявилъ о своей вѣрѣ въ „принципы морали тѣмъ болѣе прочной, что она независима отъ какой бы то ни было догмы, и тѣмъ болѣе благородной, что проистекаетъ единственно изъ вѣчныхъ и необходимыхъ идей справедливости, долга и права“. А снова всходя на трибуну, чтобы отвѣтить „независимому“ (консервативному) республиканцу Бертуло, упрекавшему Комба въ противорѣчіяхъ, послѣдній уже прямо охарактеризовалъ свои идеи какъ спиритуалистическія: „эти идеи именно тѣ, которыя всегда проповѣдывались спиритуалистическими философами, и я имѣлъ ихъ въ виду, говоря о своемъ спиритуализмѣ“ (засѣданіе 4-го февраля 1903).

Конечно, мы не должны преувеличивать практическое значеніе этихъ идей для политики Комба. Поддерживающему его большинству, въ сущности, мало дѣла до собственно философіи, этой „поэзіи метафизическихъ образовъ“, какъ называлъ ее еще Альбертъ Лангэ: оно требуетъ лишь извѣстныхъ ораторскихъ формъ, которыя не позволяли бы реакціонной оппозиціи ухватываться за метафизику Комба, чтобы противополагать ее антиклерикальной политикѣ. Но во всякомъ случаѣ, буржуа-позитивисты, въ родѣ Клемансо или Вальдэка-Руссо, никогда не позволили бы себѣ даже въ пылу импровизаціи чего нибудь, самымъ отдаленнымъ образомъ напоминающаго метафизическую точку зрѣнія бывшаго изслѣдователя психологіи Ѳомы Аквината. Ихъ умственная школа была совершенно иной.

Съ соціально-политической стороны міросозерцаніе Комба не отличается отъ обыкновенныхъ взглядовъ умѣренно-радикальнаго буржуа и, повидимому, не доходитъ даже до радикализма Клемансо. Но само плебейское происхожденіе его и воспоминанія дѣтства въ рабочей семьѣ оставили въ душѣ Комба извѣстное аффективное отношеніе, извѣстную добродушную симпатію къ трудящимся массамъ. Не нужно, однако, думать, чтобы онъ раздѣлялъ или даже понималъ надлежащимъ образомъ міросозерцаніе труда. Его привычки простой жизни; его популярный въ Понсѣ „бѣлый домъ", не отличающійся никакими особыми архитектурными причудами; его патріархальныя замашки стараго врача, навѣщающаго по старой же памяти прежнихъ кліентовъ, разъѣзжающаго порою въ сопровожденіи маленькаго внука на велосипедѣ; добродушіе и простота его манеръ,—все это сближаетъ его внѣшнимъ образомъ съ массами или лучше сказать съ мелкой и средней буржуазіей. Но онъ, конечно, очень далекъ отъ какихъ бы то ни было „историческихъ идей четвертаго сословія" и пониманія великихъ предстоящихъ перемѣнъ. Въ пролетаріатѣ онъ, несомнѣнно, видитъ растущую политическую силу и уважаетъ ее, какъ государственный дѣятель, именно съ этой, спеціально политической, точки зрѣнія. Съ соціалистами-реформистами онъ идетъ рука-объ-руку въ борьбѣ противъ клерикаловъ, а о дружбѣ къ Жоресу счелъ нужнымъ заявить даже публично. Но пролетаріатъ, какъ носитель новаго міра, какъ сила соціально-преобразующая, возбуждаетъ въ немъ недовѣріе въ извѣстныхъ, правда, крайнихъ съ его точки зрѣнія, случаяхъ—энергическое подавленіе. Тѣ самые органы и дѣятели реакціонно-мелинистской оппозиціи, которые жестоко критиковали Комба за его мирволенье волнующимся рабочимъ массамъ, когда дѣло шло объ антиклерикальныхъ манифестаціяхъ, выразили ему свою ироническую благодарность, узнавъ о наводненныхъ въ концѣ апрѣля войсками Рубэ, Лиллѣ, Амьенѣ, Руанѣ, гдѣ стачечники рѣзко требовали дѣйствительнаго, а не формальнаго только сокращенія рабочаго дня.

Было бы, однако, близоруко останавливаться исключительно на этихъ отрицательныхъ сторонахъ комбовской политики и не отдавать себѣ отчета въ томъ, что съ точки зрѣнія общаго демократическаго прогресса ея значеніе не подлежитъ сомнѣнію. А этотъ прогрессъ подготовляетъ благопріятную почву и для рѣшенія соціальнаго вопроса, устраняя ненужныя препятствія и архаическія формы столкновенія классовъ и сводя ихъ къ чисто соціальному же конфликту политически равноправныхъ сословій. Когда управленіе упрощено и всѣ извѣстныя перенесены въ одну сторону, а неизвѣстныя въ другую, тогда и рѣшеніе его будетъ представлять гораздо меньше трудностей. Нечего уже и говорить о томъ, что для болѣе отсталыхъ, въ томъ или другомъ отношеніи, странъ демократическая эволюція, продѣлываемая въ настоящее

время Франціей, представляетъ первостепенное значеніе. Недаромъ въ одной недавней англійской статьѣ, посвященной антиклерикализму во Франціи и Англіи и написанной съ свойственной лишь англійскимъ филистерамъ ханжескимъ cant'омъ, мы читаемъ однако, какъ введеніе къ опасеніямъ автора, въ смыслѣ заразительности французскаго антиклерикализма, слѣдующую мысль:

Для англичанъ, дѣйствительно, эволюція современныхъ событій во Франціи представляетъ всегда спеціальную привлекательность. Во всѣхъ областяхъ человѣческой мысли и умозрѣнія французскій геній, столь блестящій, столь гибкій, столь смѣлый, столь безпощадно логическій, составляетъ чудо въ глазахъ нашей гораздо менѣе быстрой въ умственномъ отношеніи (less quickwitted) расы. Въ области политической мы давно пріучены внимательно слѣдить за различными экспериментами, которые продѣлываетъ Франція, отмѣчать ихъ прогрессивный ходъ, записывать ихъ результаты и перемѣнять собственные наши аллюры при свѣтѣ, бросаемомъ ими *).

Если таково вліяніе Франціи на столь развитыя въ политическомъ отношеніи страны, какова Англія, то что же сказать о другихъ, болѣе отсталыхъ? Для нихъ современное антиклерикальное движеніе, совершающееся на почвѣ французской республики, вдвойнѣ интересно, и сама фигура Комба пріобрѣтаетъ особое значеніе.

Мнѣ остается только сказать въ заключеніе нѣсколько словъ объ ораторскихъ способностяхъ Комба,—вещь, которую никогда нельзя упускать изъ виду, когда обрисовываешь типы французскихъ дѣятелей. Его краснорѣчіе, въ общемъ, хорошо отражаетъ его личность. Оно не блещетъ ни нервной діалектикой Клемансо, ни элегантной дѣловитостью Вальдэка-Руссо, ни широкимъ лиризмомъ Жорэса, ни тонкой и коварной софистикой Рибо. „Дядя Комбъ“ производитъ впечатлѣніе на слушателей искренностью, простотой, добродушіемъ и, особенно, живой и иронической энергіею слова Его рѣчи хорошо построены, пересыпаны прямыми ударами по врагамъ, веселымъ сарказмомъ и лишь отъ времени до времени переходятъ въ „высокій стиль“, выражающійся въ небезъискусномъ воззваніи къ демократическимъ чувствамъ своихъ слушателей.

Я беру наугадъ изъ многихъ его рѣчей хотя бы слѣдующее мѣсто, довольно хорошо передающее, какъ мнѣ кажется, его пріемы. Дѣло идетъ о реакціонерахъ, перелицовавшихъ себя въ „либераловъ“:

...Если есть, господа, на свѣтѣ комичное зрѣлище, такъ это когда видишь, какъ наши мнимые либералы, вчера еще убѣжденные роялисты или ренегаты бонапартизма, обѣгаютъ наши деревни съ знаменемъ свободы въ рукахъ и обличаютъ правительство опять таки во имя свободы.

Дѣйствительно, господа, клерикальная реакція, принарядившаяся въ ми-

*) Sir George Atrhur, *Anti Clericalism in France and England*; въ „Nineteenth Century“, стр. 327, май 1904 г.

шуру, заимствованную ею у поддѣльнаго либерализма нашихъ дней, скрывается подъ маскою либеральной акціи,—виноватъ, ошибся, —подъ маскою либеральной реакціи (*Рукоплесканіе и смѣхъ*). Да, господа, эта мнимая свобода, которая спитъ цѣлыми вѣками и вдругъ просыпается какъ разъ для того, чтобы изъять конгрегаціи изъ-подъ власти закона, есть не что иное, какъ новое изданіе ультрамонтанскихъ доктринъ, которыя подчиняютъ законъ людей закону божества и свѣтское общество—обществу религіозному (*Браво! именно такъ!*), государственное ученіе ученію церковному (*Новыя рукоплесканія*), и которыя на завтра подчинили бы, еслибы у нихъ была власть, коммунальнаго учителя приходскому священнику (*Рукоплесканія*).

Да, эта свобода не могла увлечь населеніе нашей страны иначе, какъ надѣвъ на себя фальшивый носъ. Но лишь только упалъ этотъ носъ, какъ она явилась тѣмъ, чѣмъ и была въ дѣйствительности,—контръ - революціей, которая захотѣла при помощи чисто словесныхъ фокусовъ занять мѣсто революціи (*Оживленныя рукоплесканія*) *)...

Прибавьте къ этимъ мыслямъ и ихъ выраженію тембръ оратора, въ которомъ звучитъ энергія убѣжденія, подправленная добродушной ироніей, простые жесты говорящаго, словно бесѣдующаго въ кругу своихъ друзей, странное сходство издали съ Наполеономъ III и необычную для старика живость движеній,—и вы будете имѣть передъ собой фигуру человѣка, который стоитъ теперь въ узловомъ пунктѣ нитей, образующихъ политику современной Франціи.

Н. Кудринъ.

Случайныя замѣтки.

Г. Протопоповъ о Н. К. Михайловскомъ.—Л. Н. Толстой и М. О. Меньшиковъ.—Къ русско-японской войнѣ.—Къ психологіи поэта.—Какъ иногда пишется исторія.—Босяки и декаденты.—А. П. Пятковскій.

Г. Протопоповъ о Н. К. Михайловскомъ.—Въ Петербургѣ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ выходить журналъ г. Ясинскаго «Бесѣда», и въ этомъ журналѣ тоже съ нѣкотораго недавняго времени стало появляться имя извѣстнаго критика М. А. Протопопова. Какъ извѣстно, г. Протопоповъ работалъ когда-то въ «Отечественныхъ Запискахъ»... Впрочемъ, г. Ясинскій тоже работалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Только это было давно. Послѣ этого пути двухъ писателей разошлись на очень далекое разстояніе. Теперь они встрѣтились опять, — на какомъ разстояніи отъ «Отечественныхъ Записокъ»—опредѣлить въ высшей степени трудно. Во всякомъ случаѣ это фактъ... Фактъ, быть можетъ, не первостепеннаго

*) См. Сэнтскую рѣчь отъ 23-го августа 1903 (перепечатана въ *Une campagne laïque*, стр. 345—346, *passim*).

литературнаго значенія, но все же заслуживающій, чтобы быть отмѣченнымъ въ журнальной лѣтописи. Обѣ фигуры въ русской прессѣ очень замѣтныя...

Изъ первыхъ же замѣтокъ г. Протопопова въ журналѣ г. Ясинскаго мы узнали, что г. Пятковскій есть не только «старый и опытный журналистъ», но и «коренной шестидесятникъ». Терминологія, какъ извѣстно, вещь очень произвольная, — слѣдуетъ лишь точно установить условное значеніе термина. Въ данномъ случаѣ г. Протопоповъ ссылается на заявленіе г. Пятковскаго, что его журналъ («Наблюдатель») проникнутъ и связанъ общностію одного опредѣленнаго міросозерцанія. «Въ свое время — говоритъ г. Протопоповъ, — эта точка зрѣнія имѣла свой raison d'être»... Какъ теперь смотритъ на это г. Протопоповъ, — мы изъ его замѣтки, къ сожалѣнію, выяснить не могли. Съ одной стороны, «газета можетъ и должна служить выраженіемъ *только одной* опредѣленной общественной группы». А журналъ? Повидимому, и журналъ тоже. «Можно сказать, — говоритъ авторъ, — что литература наша удовлетворяетъ, а журналистика *не удовлетворяетъ* своему призванію». И это потому, что «назначеніе литературы — выразить въ произведеніяхъ словеснаго творчества духовную сущность и духовную жизнь родного народа; назначеніе же журналистики выражать и *защищать временные, текущіе интересы того же народа*» *). Казалось бы, это довольно опредѣленно и сказано въ настоящемъ времени. *но*... г. Протопоповъ говоритъ, какъ мы видѣли, что точка зрѣнія «кореннаго шестидесятника» на необходимость единства въ журналѣ имѣла raison d'être только для шестидесятыхъ годовъ. Теперь все это гораздо сложнѣе и годится, какъ будто, для однихъ посредственностей... Вообще, послѣ этого «но», точка зрѣнія г. Протопопова становится неуловимой и неясной, и, вѣроятно, вопросъ разрѣшится только той практикой взаимныхъ уступокъ, при которой г. Протопоповъ будетъ «защищать интересы народа» совмѣстно съ гг. Чуносовымъ и Ясинскимъ...

Мы бы, конечно, подождали этого времени, если бы намъ не приходилось теперь же отмѣтить своеобразный отзывъ г. Протопопова о покойномъ Николаѣ Константиновичѣ Михайловскомъ.

«Когда утромъ 29 января, — пишетъ г. Протопоповъ **) — я прочелъ въ газетѣ извѣстіе объ этомъ (о смерти Н. К. Михайловскаго)... *недоброе чувство* было совсѣмъ заслонено и заглушено чувствомъ самаго теплаго участія и даже искренняго горя. Тутъ именно умѣстно было сказать прекрасными словами поэта:

„— Я еще вчера перо мое точилъ,
„Я еще вчера отъ гнѣва трепеталъ,
„А сегодня умъ мой крылья опустилъ,
„Потому что я боецъ, а не нахалъ“.

*) Всѣ неоговоренные курсивы наши.
**) „Бесѣда“, мартъ, 279.

Эти стихи были перепечатаны нѣкоторыми газетами, и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ извѣстіями о послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти Михайловскаго читатели узнали также, что г. Протопоповъ «боецъ, а не нахалъ», что онъ намѣренъ щадить память покойнаго, почему и не дастъ теперь воли своему «гнѣву». Это очень великодушно, но, безъ сомнѣнія, во многихъ и очень многихъ читателяхъ вызвало чувство значительнаго недоумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ: г. Протопоповъ самъ называетъ Н. К. Михайловскаго своимъ «воспріемникомъ отъ литературной купели». Подъ портретомъ М. А. Протопопова, которымъ г. Ясинскій благосклонно украсилъ февральскій № «Бесѣды», стоитъ подпись: «Михаилъ Алексѣевичъ Протопоповъ, извѣстный критикъ, продолжатель Писарева (sic), сотрудникъ «Отечеств. Записокъ», «Русской Мысли», «Русскаго Богатства» и др.» Какъ видите, все журналы, въ которыхъ работалъ и Николай Константиновичъ Михайловскій. И вдругъ—надъ свѣжей могилой послѣдняго г. Протопоповъ считаетъ своевременнымъ сообщить, что онъ «питалъ къ покойному недоброе чувство» и даже «трепеталъ отъ гнѣва» и »точилъ противъ него свое перо»...

Какъ, однако, долго! Да, какъ долго г. Протопоповъ трепеталъ отъ гнѣва и какъ продолжительно точилъ перо при жизни Михайловскаго, и какъ поспѣшно заявляетъ объ этомъ и пускаетъ въ ходъ отточенное перо послѣ его смерти!

Правда, онъ говоритъ тутъ же, что «отдалъ бы нѣсколько мѣсяцевъ своей жизни (больше не можетъ, — самому мало осталось), лишь бы только увидѣть, какъ много разъ прежде, сѣдую, серебряную голову Николая Константиновича, склоненную надъ письменнымъ столомъ въ упорномъ неустанномъ трудѣ»... Мы, конечно, не позволимъ себѣ заподозрить искренность этихъ строкъ. Думаемъ даже, что у каждаго, кто дѣйствительно зналъ Михайловскаго, должно было неизбѣжно явиться подобное чувство... Къ сожалѣнію только, это первое движеніе души, шевельнувшейся непосредственно и невольно при воспоминаніи о «серебряной сѣдой головѣ», которую уже ни г. Протопопову, ни намъ не суждено увидѣть болѣе,— слишкомъ скоро уступаетъ мѣсто «трепетанію» такъ долго сдерживаемаго «гнѣва» и пробамъ отточеннаго годами пера надъ памятью покойнаго...

Говоримъ это съ истинной грустью... не по адресу ушедшаго (не воротишь!), а по отношенію къ самому г-ну Протопопову...

Въ самомъ дѣлѣ, послѣдующія страницы той же первой посмертной замѣтки заставляютъ думать, что патетическія строки, продиктованныя г. Протопопову извѣстіемъ о смерти Михайловскаго, должны скорѣе характеризовать доброту души пишущаго, и что самъ Михайловскій едва ли заслужилъ столь великодушное отношеніе... Въ дѣйствительности, это былъ человѣкъ «холодный», «суховатый», «чопорный джентльменъ», свысока относившійся къ сотрудникамъ и дававшій имъ *аудіенціи* (курсивъ г. Протопопова),

литературный карьеристъ, сильный «въ особенности въ житейскомъ смыслѣ»... Вообще, еслибы у г. Протопопова потребовали отвѣтить по совѣсти, чѣмъ онъ, г. Протопоповъ, обязанъ вліянію Михайловскаго («вліянію, несомнѣнно имѣвшему мѣсто, особенно на первыхъ порахъ знакомства»), то онъ сказалъ бы, что «обязанъ ему только довольно прочнымъ *практическимъ* усвоеніемъ нѣкоторыхъ максимовъ, давно занесенныхъ въ прописи и букварь... А именно: «пальца въ ротъ никому не клади; хорошимъ словамъ не слишкомъ вѣрь; надѣйся только на себя; въ телячій восторгъ никогда ни отъ чего не приходи, знай себѣ цѣну и блюди свое достоинство и прочее, тому подобное». До встрѣчи съ Н. К. Михайловскимъ г. Протопоповъ былъ наивнымъ юношей, съ самыми возвышенными представленіями о литературѣ... А затѣмъ, — чѣмъ больше г. Протопоповъ «освоивался съ литературнымъ міромъ вообще и *чѣмъ, въ частности, короче узнавалъ Михайловскаго*, тѣмъ меньше оставалось мѣста для его смѣшной (а въ сущности, скажемъ отъ себя, великолѣпной) наивности, для его нелѣпыхъ (а въ сущности, опять превосходныхъ) розовыхъ представленій о литературномъ мірѣ, какъ о царствѣ служителей идеала, *о писателяхъ, какъ о безкорыстныхъ и самоотверженныхъ дѣятеляхъ*, которые, по щедринскому выраженію, не пьютъ и не ѣдятъ, а все только статьи пишутъ. Ахъ,—горестно восклицаетъ г. Протопоповъ,—и пьютъ, и ѣдятъ, и *преблагополучнымъ манеромъ свою карьеру устраиваютъ*»...

Да,—вотъ каковъ былъ этотъ человѣкъ, «воспринявшій г. Протопопова отъ литературной купели», и сколько, въ сущности, нужно великодушія, чтобы предложить за него нѣсколько мѣсяцевъ собственной жизни... Въ чемъ же, однако, дѣло?.. И чѣмъ провинился «сухой и чопорный» Михайловскій передъ великодушнымъ г. Протопоповымъ, цѣлыя десятилѣтія точившимъ на него свое перо?..

Попробуемъ немного разобраться въ этихъ «воспоминаніяхъ»...

«Я помню, — говоритъ г. Протопоповъ,—наше первое свиданіе съ такою отчетливостью, какъ будто оно происходило вчера. Михайловскій жилъ тогда (въ 1876 г.) на Екатерининскомъ каналѣ, недалеко отъ Аларчина моста, и я явился къ нему съ рекомендательной запиской отъ Некрасова». Въ то время г. Протопоповъ былъ чистъ душой и необыкновенно наивенъ: «Изъ обихода жизни литераторовъ,—говоритъ онъ далѣе,—я только и зналъ, что они получаютъ по 50 р. за печатный листъ и живутъ на этотъ неблестящій гонораръ. Не помню уже, откуда я получилъ такія свѣдѣнія о литераторахъ, но я былъ увѣренъ въ ихъ точности. Комфортабельная квартира Некрасова нисколько не пошатнула моихъ понятій о скудномъ литераторскомъ существованіи: Некрасовъ не примѣръ, Некрасовъ... въ карты играетъ и въ одинъ вечеръ тысячи выигрываетъ; но настоящій литераторъ, живущій

только заработкомъ, непремѣнно долженъ ютиться въ двухъ-трехъ комнаткахъ и питаться почти что акридами».

Таковы были «иллюзіи» г. Протопопова, и онъ былъ искренно изумленъ, увидѣвъ «не роскошную, но всетаки вполнѣ благоустроенную» квартиру Михайловскаго.

„Скажите, пожалуйста! Цвѣты и даже какая-то статуя на лѣстницѣ! Это на семьдесятъ-то рублей въ мѣсяцъ? Семьдесятъ рублей (о, какая милая наивность!) я взялъ на математическомъ основаніи: $1^1/_4$—$1^1/_2$ листа въ мѣсяцъ листъ по 50 рублей, слѣдовательно... Михайловскій встрѣтилъ меня очень, вѣжливо, но сдержанно и даже какъ бы суховато. Тутъ же, едва переговоривши о дѣлѣ, т. е. о своей статьѣ, я наивно выразилъ свое изумленіе и передъ цвѣтами на лѣстницѣ, и передъ всей вообще обстановкой жизни Михайловскаго. Михайловскій съ улыбкой посмотрѣлъ на меня.—„Что же особеннаго въ моей квартирѣ. Я за нее всего 60 руб. въ мѣсяцъ плачу". Шестьдесятъ рублей! „Значитъ на все остальное вамъ остается десять руб.!" И я подробно изложилъ свои сомнѣнія, такъ-же, какъ и свои вычисленія насчетъ литераторскаго бюджета. „Вѣроятно, вы за женой много взяли?" Никогда ужъ потомъ не слыхалъ я отъ Михайловскаго такого звонкаго и добродушнаго хохота, какимъ онъ расхохотался при этомъ моемъ вопросѣ. —„Нѣтъ, сквозь смѣхъ проговорилъ онъ:—ничего я за женой не взялъ, и всѣ ваши разсчеты невѣрны: я получаю 100 руб. за листъ и 200 руб. жалованья въ мѣсяцъ. А вы вотъ что: оставайтесь-ка обѣдать. Я васъ и съ своими познакомлю. За обѣдомъ Михайловскій явился очень простымъ и милымъ собесѣдникомъ, нисколько не похожимъ на того чопорнаго джентельмена, который за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ давалъ мнѣ аудіенцію въ своемъ кабинетѣ"...

Такъ началось первое знакомство г. Протопопова съ Н. К. Михайловскимъ, а съ нимъ вмѣстѣ и разрушеніе послѣднихъ свѣтлыхъ иллюзій перваго... Не кажется ли вамъ, однако, читатель, что здѣсь что-то ужъ слишкомъ много наивности?.. И притомъ, не только со стороны того юноши, который приходилъ въ 1876 году къ Н. К. Михайловскому, не зная, что квартира въ 60 рублей для семейнаго человѣка не такая ужъ роскошь, и что цвѣты на лѣстницѣ ставятся домохозяиномъ... Богъ ему, конечно, проститъ... Но неужели г-нъ Протопоповъ, теперешній г. Протопоповъ, уже давно лишенный «юношескихъ иллюзій», воображаетъ въ самомъ дѣлѣ, что въ приведенной цитатѣ онъ нарисовалъ, съ одной стороны, молодого идеалиста, а съ другой—«чопорнаго джентльмена» дающаго *аудіенцію* начинающему писателю? Какъ,—это *аудіенція*? Какъ,—это *чопорный джентльменъ*? Къ нему является незнакомецъ, котораго онъ видитъ въ первый разъ въ своей жизни. И вотъ, этотъ идеальный юноша, «едва переговоривши о дѣлѣ», т. е. о своей статьѣ,—продолжаетъ рѣчь не о планахъ дальнѣйшей работы, не о тѣхъ идеяхъ, которыя бродятъ въ юной головѣ, не о тѣхъ чувствахъ, съ которыми онъ шелъ въ «Отечественныя Записки», къ Некрасову и Михайловскому... О, нѣтъ! Онъ прямо приступаетъ къ допросу,—сколько извѣстный писатель платитъ за квартиру, почему на его лѣстницѣ стоятъ цвѣты, и не взялъ ли онъ за женою приданаго?..

И «чопорный» джентльменъ не только не останавливаетъ безцеремоннаго «идеалиста», такъ своеобразно ставящаго свои вопросы, но—звонко хохочетъ и даже приглашаетъ послѣдняго обѣдать... Намъ кажется, что все это болѣе похоже на наивничанье, чѣмъ на подлинную наивность, и что г. Протопоповъ такъ долго «точилъ свое перо», что наконецъ переточилъ его; теперь оно пишетъ не то, что нужно автору, и для читателя совершенно очевидно, что даже къ «фактическимъ» воспоминаніямъ г. Протопопова потребуются очень сильныя «личныя поправки».

Нужно ли послѣ этого говорить объ оцѣнкѣ г. Протопоповымъ Михайловскаго, какъ писателя?.. И здѣсь онъ остается тѣмъ же: о, конечно, онъ признаетъ значеніе покойнаго, но опять лишь потому, что онъ, г. Протопоповъ, «боецъ, а не нахалъ». А въ сущности, что такое Михайловскій? Философъ? «*Но гдѣ же философская система Михайловскаго*? Конечно, можно въ нѣкоторой степени претендовать на титулъ философа тому, кто пользуется философскимъ методомъ для публицистическихъ цѣлей». Но «*безъ устрояющаго синтеза, безъ объединяющей идеи* невозможно философствованіе»; а такой идеи у Михайловскаго г. Протопоповъ что-то не примѣтилъ... Критикъ? О нѣтъ, и не критикъ!

„Литературнымъ критикомъ,—утверждаетъ г. Протопоповъ,—въ нашемъ русскомъ значеніи онъ тоже не былъ“. И знаете, читатель, почему? „Что такое,—спрашиваетъ г. Протопоповъ,—нашъ критическій тріумвиратъ—Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ? Оставляя въ сторонѣ ихъ чисто литературныя блестящія дарованія, я ставлю теперь вопросъ о нравственныхъ свойствахъ этихъ людей, образующихъ одну психологическую группу. Главное свойство, обусловливающее ихъ нравственную солидарность, состоитъ въ томъ, что они служили идеѣ, а не идею заставляли прислуживать себѣ... ...Духовная сущность этихъ людей можетъ быть очерчена изреченіемъ: fais ce que tu dois, advienne ce que pourra. Да, дѣлай, что должно, противъ чего не протестуетъ совѣсть и пусть будетъ, что будетъ! Это въ нашей литературѣ называется прямолинейностью... Михайловскій былъ человѣкомъ совсѣмъ иного типа, и потому его литературная критика не была и не могла быть нравственною проповѣдью“...

Довольно! Все это написано г. Протоповымъ въ журналѣ г. Ясинскаго въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ февралѣ въ томъ же журналѣ помѣщенъ портретъ г. Протопопова съ подписью «*продолжатель Писарева*». И въ той же февральской книжкѣ г. Ясинскій вставилъ въ статью г. Протопопова свое примѣчаніе, въ которомъ напоминаетъ объ одномъ своемъ письмѣ, вызвавшемъ въ печати много негодованія. Все это, конечно, доказываетъ ту *прямолинейность*, которой не было у Михайловскаго, но которая дѣлаетъ г. Протопопова прямымъ продолжателемъ «тріумвирата»: Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ... Можно, право, подумать, что г. Ясинскій захотѣлъ всѣмъ этимъ—и портретомъ, и подписью и примѣчаніями—жестоко отомстить своему новому сотруднику за прежніе его критическіе отзывы...

Защищать память Михайловскаго мы, конечно, не будемъ. Г. Протопоповъ былъ *знакомъ* съ Михайловскимъ, но совершенно *не зналъ* его. И не зналъ именно потому, что сразу, еще «наивнымъ юношей», направилъ свое вниманіе въ сторону «приданаго жены», а не въ сторону «философской системы». «Карьера» Михайловскаго у всѣхъ на виду, его жизненная дорога пряма, какъ стрѣла, безъ излучинъ и компромиссовъ. Она прерывалась иногда самымъ печальнымъ для «карьериста» образомъ, но, возобновившись, шла опять въ томъ же прямолинейномъ, если угодно, направленіи. И еслибы г. Протопоповъ зашелъ на его послѣднюю квартиру на Спасской, откуда его вынесли въ гробу, засыпанномъ цвѣтами,—онъ увидѣлъ бы все то-же, что видѣлъ за 28 лѣтъ передъ тѣмъ у Аларчина моста: такое же скромное помѣщеніе (даже безъ цвѣтовъ на лѣстницѣ,—у домохозяина другіе вкусы), тѣ же шкапы, въ которыхъ стояли книги, много книгъ, иной разъ очень дорогихъ, это правда... Это была единственная «роскошь» квартиры, если не считать еще бюстовъ Шелгунова, Елисѣева, Салтыкова... И надъ такимъ же столомъ г. Протопоповъ увидѣлъ бы «сѣдую серебряную голову», которую уже ни намъ, ни ему не увидать болѣе... Да еще на полкѣ огромные томы постепенно выроставшихъ «сочиненій»...

Нѣтъ, г. Протопоповъ совсѣмъ не зналъ Михайловскаго. Правда, онъ довольно вѣрно описалъ его наружность и нѣкоторые внѣшніе пріемы. Правда, Михайловскій былъ сдержанъ, не любилъ распущенности и амикошонства, не терялъ никогда самообладанія, у него было удивительное умѣніе обращаться съ людьми, порой нѣсколько суровое, но всегда прямое и честное... Но что касается практичности, въ томъ грубомъ смыслѣ какъ ее беретъ г. Протопоповъ, то ея не было у Михайловскаго, ни капли. Во всю свою долгую жизнь онъ твердо научился одному: работать безъ устали и перерыва. Въ остальномъ это былъ сѣдой ребенокъ, нуждавшійся въ постоянной опекѣ и уходѣ, съумѣвшій только работой обезпечивать дальнѣйшую работу до конца, до послѣдняго издыханія. И если это «карьера», то карьера, дѣйствительно, завидная и рѣдкая...

Съ тяжелымъ чувствомъ кончаемъ эту замѣтку. И не потому только, что она невольно шевелитъ воспоминанія о недавней утратѣ. Нѣтъ, мы думаемъ также о г-нѣ Протопоповѣ. Должно быть, очень тяжело такъ долго, цѣлые годы, цѣлыя десятилѣтія «трепетать отъ гнѣва» и «точить перо», которому суждено пойти въ ходъ лишь послѣ смерти «литературнаго воспріемника». И теперь впечатлѣніе у насъ такое, какъ будто къ торжественному похоронному звону, которымъ русская литература проводила въ могилу одного изъ лучшихъ своихъ вождей, присоединяется еще другой, надтреснутый и печальный... Неужели это г. Протопоповъ звонитъ отходную лучшимъ годамъ своей литературной жизни?..

Памяти Михайловскаго суждено лишь проясняться и выростать. Перефразируя Сервантеса, онъ могъ бы сказать, подобно Сиду Гамеду Бененгели, кончившему свою многолѣтнюю работу и высоко повѣсившему свое перо: «О, перо мое! Отнынѣ ты будешь висѣть на этой мѣдной проволокѣ и провисишь вѣка... И не сниметъ, и не осквернитъ тебя никто!»

Никто! Не только прижизненные враги и противники, но даже трепетавшій такъ долго невѣдомымъ міру гнѣвомъ, бывшій союзникъ. «преемникъ Писарева», М. А. Протопоповъ... **В. К.**

Л. Н. Толстой и М. О. Меньшиковъ. Въ одной провинціальной газетѣ («Южное Обозрѣніе») не такъ давно появился фельетонъ г. К. Злинченко, озаглавленный «О М. О. Меньшиковѣ и Л. Н. Толстомъ». Заимствуя изъ него нѣкоторыя черты, по нашему мнѣнію, не лишенныя интереса, мы въ нашемъ заглавіи позволили себѣ переставить эти два имена,—въ порядкѣ обратномъ. О г. Меньшиковѣ мы едва ли стали бы говорить еще разъ. О Л. Н. Толстомъ, хотя бы и въ связи съ М. О. Меньшиковымъ,—другое дѣло.

Въ своей статьѣ о «десницѣ и шуйцѣ» великаго писателя, покойный Н. К. Михайловскій, съ такой глубиной вскрывшій основныя воззрѣнія Толстого, а также нѣкоторыя его противорѣчія,—писалъ, между прочимъ: «О, если бы не было этой шуйцы... Если бы не имѣли повода пристегиваться къ его громкому имени всякіе... пустопорожніе люди и межеумки» (Зап. профана, Соч. т. III. 470).

Къ сожалѣнію, это пожеланіе можно бы повторить и теперь. Говорятъ, большіе корабли всегда покрыты въ подводной части цѣлымъ наростомъ полиповъ, которые, со временемъ, даже замедляютъ ихъ ходъ. То же случается съ иными литературными кораблями. «Мы съ Достоевскимъ, люди, мыслящіе и пишущіе воедино»,—эту замѣчательную фразу когда-то, еще при жизни покойнаго Достоевскаго съ легкимъ сердцемъ начерталъ кн. Мещерскій въ своемъ «Гражданинѣ», и, конечно, біографу знаменитаго писателя приходится остановиться надъ этимъ заявленіемъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, довольно, пожалуй, печальнаго свойства... О Л. Н. Толстомъ князь Мещерскій, разумѣется, ничего подобнаго не писалъ. Но все же «разные пустопорожніе люди» въ большомъ изобиліи ловили «шуйцу» великаго писателя, и теперь въ печати то и дѣло приходится встрѣчать заявленія болѣе или менѣе пустопорожнихъ авторовъ, которые охотно начинаютъ ихъ словами: «Когда мы съ Л. Н. Толстымъ, люди, мыслящіе и пишущіе воедино»... Великій писатель, увлеченный своими идейными построеніями, не замѣчаетъ, кто иногда и какимъ неискреннимъ голосомъ подпѣваетъ ему и списываетъ обѣими руками строки, которыя иной разъ его «шуйца» вводила между строкъ, написанныхъ геніальной «десницей».

«Воедино съ Л. Н. Толстымъ мыслилъ и писалъ» также и г. Меньшиковъ въ «Недѣлѣ», и въ свое время эти перепѣвы встрѣчали своихъ читателей и почитателей. Г. Злинченко разсказываетъ, что М. О. Меньшиковъ имѣлъ основаніе считать въ числѣ этихъ читателей и Л. Н. Толстого. «Въ 1896 году,—пишетъ онъ,—я сидѣлъ (въ числѣ другихъ посѣтителей) на всѣмъ извѣстной «верандѣ», (въ Ясной Полянѣ) пилъ чай и слушалъ интереснѣйшіе анекдоты о фарисейской набожности, съ тонкимъ юморомъ разсказываемые Толстымъ ясно-полянскому крестьянину А... Въ это время со станціи «Козловки» привезли почту... Левъ Николаевичъ поспѣшно допилъ изъ огромной чашки ячменный кофе и, взявъ изъ привезенной корреспонденціи новую книжку «Недѣли», разрѣзалъ нѣсколько страницъ и вчитался въ нихъ»... «Добрые сѣрые глаза его оживленно блестѣли изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей.—Вы не читали? — спросилъ онъ меня... — Прочтите, прочтите, — очень интересная статья... Меньшиковъ почти единственный *независимый* писатель въ Россіи... Это—«Ошибки страха», и послѣ предостереженія—еще смѣлѣе, продолжалъ онъ, обращаясь къ Черткову и вручая мнѣ книжку «Недѣли», раскрытую на меньшиковской статьѣ».

«Левъ Николаевичъ, — продолжаетъ г. Злинченко, — вѣрилъ Меньшикову, любилъ его и носился съ его писаніями». Съ этого времени авторъ воспоминаній тоже сталъ читать Меньшикова и пропагандировать его идеи, какъ идеи признаннаго истолкователя Толстого. «Не зная еще Меньшикова,—говоритъ онъ простодушно,—я представлялъ его себѣ добрымъ, съ свѣтлымъ, искреннимъ лицомъ, особенно, когда онъ сидитъ у воротъ какого-то петербургскаго дома и мирно бесѣдуетъ о различныхъ общественныхъ злобахъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ простыхъ близкихъ друзей»,—какъ о томъ разсказывалъ самъ г. Меньшиковъ въ одномъ изъ своихъ «Откликовъ». Авторъ «сознается», что въ это время «любилъ Меньшикова»...

Но вотъ однажды, когда г. Злинченко прочелъ статью своего «любимаго автора» въ одномъ мѣстномъ литературномъ обществѣ и попросилъ высказаться о ней, — аудиторія отвѣтила холоднымъ «единогласнымъ молчаніемъ». Авторъ объяснилъ это тѣмъ, что Меньшиковъ «проповѣдуетъ толстовскія идеи о непротивленіи злу насиліемъ», къ которымъ слушатели не расположены, почему относятся съ предубѣжденіемъ къ его «лучшей статьѣ». Теперь онъ признаетъ, что «аудиторія несогласныхъ была гораздо проницательнѣе» его самаго и тѣхъ юношей, которые, какъ и онъ, любили философа изъ «Недѣли», сидѣвшаго «у воротъ петербургскаго дома», и даже проницательнѣе Л. Н. Толстого, не различившаго фальшивыхъ нотъ въ сладостно-приторныхъ перепѣвахъ его собственныхъ мотивовъ.

Черезъ годъ г. Меньшиковъ перекочевалъ изъ безличной «Не-

дѣли» въ лагерь «Новаго Времени». Въ 1901 году, лѣтомъ, г. Злинченко опять заѣхалъ въ «Ясную Поляну». Великій писатель былъ боленъ и попасть къ нему было трудно. «Но вотъ,—повѣствуетъ г. Злинченко,—къ верандѣ подъѣхала тележка, и изъ нея вышелъ плотный, маленькій человѣкъ съ круглой, какъ арбузъ, головой, въ круглой же поярковой шляпѣ... На верандѣ зашевелились:

— «Меньшиковъ, Меньшиковъ пріѣхалъ!»

— «Это Меньшиковъ,—сказалъ мнѣ сидѣвшій рядомъ авторъ книги: «Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой». Г. Меньшиковъ, какъ оказалось, ѣхалъ изъ Ялты по вызову А. С. Суворина и, такъ сказать, на перепутьи изъ «Недѣли» въ «Новое Время» еще разъ заѣхалъ къ Толстому. Черезъ нѣсколько минутъ его провели въ комнату больного.

Авторъ не знаетъ, что говорили между собой эти два человѣка: больной великій Толстой и здоровый маленькій Меньшиковъ—и потому остальная часть его фельетона, излагающая дальнѣйшее поведеніе Меньшикова и его разговоры съ гостями «Ясной Поляны», никакого интереса не представляетъ, за исключеніемъ развѣ одной фразы: на наивный вопросъ автора,—«какъ онъ рѣшился перейти къ А. С. Суворину»,—г. Меньшиковъ взглянулъ, какъ показалось автору, «умными, но недобросовѣстными глазами»,—и отвѣтилъ: «У Новаго Времени огромная аудиторія»...

Дальнѣйшее извѣстно: г. Меньшиковъ сначала заявилъ печатно, что онъ остался тѣмъ же, что А. С. Суворинъ не стѣсняетъ его либеральнаго и непротивленскаго образа мыслей, и онъ будетъ писать совершенно въ томъ же духѣ, какъ писалъ въ «Недѣлѣ». Г. Суворинъ, вѣроятно, лукаво улыбался, читая эти «самостоятельныя» заявленія. Какъ бы то ни было, «непротивленецъ» теперь защищаетъ войну, какъ таковую, «проповѣдникъ любви» обвиняетъ въ измѣнѣ цѣлую народность, а либералъ зоветъ полицію для присутствія въ аудиторіяхъ во время лекцій. «Ничто такъ не раздразниваетъ политическія страсти, какъ уступчивость» (непротивленіе)? «Всего двѣ недѣли войны, и какой трепетъ прошелъ по странѣ, какая освѣжающая волна тревоги»... «Чего бояться? Нужно радоваться, какъ отъ всего сердца радуется крестьянинъ въ апрѣльскіе дни, выѣзжая, наконецъ, на пашню»... *). «Во время мира народы обмѣщаниваются, духовно мельчаютъ»... «Что такое царство Божіе—вопросъ спорный... Не мнѣ входить въ замыслы природы, но разъ есть начало, поддерживающее вражду, я хотѣлъ бы понять, для чего оно?.. Слѣдуетъ допустить, что страшныя жертвы войны выкупаются какой-то огромной пользой»... **).

Все это, какъ видите, вполнѣ «самостоятельныя», нимало неза-

*) Цитируемъ по выдержкѣ въ „Спб. Вѣдомостяхъ“, 16 февраля 1904, № 45.
**) Ib. № 25.

висимыя отъ «Новаго Времени» идеи по части «непротивленія». Но всего лучше,—небольшая выдержка изъ области «либерализма», облетѣвшая уже крылатымъ словомъ всѣ газеты и журналы:

«Побольше строгасти! Принципъ —«не спускать глазъ съ молодежи» я провелъ бы въ академическія аудиторіи. Полиція тайная должна быть замѣнена явной (!). Еслибы тѣ же педеля, нынѣ запуганные и тонущіе въ толпѣ студентовъ, были облечены полицейскою властью, *еслибы они сидѣли на ученыхъ лекціяхъ*, то насколько и профессора, и студенты были бы обезпеченнѣе въ своей работѣ. Полиція въ университетѣ!—прерываетъ себя г-нъ Меньшиковъ.—Само собою эта мысль покажется кощунствомъ для очень многихъ»...

Но, разумѣется, г-нъ Меньшиковъ, въ своей независимости и либерализмѣ, не останавливается передъ такими пустяками... Да: теперь г. Меньшиковъ, дѣйствительно, «пріѣхалъ». Только уже не къ Л. Н. Толстому, а къ Руничу и Магницкому, со времени которыхъ ничего безстыднѣе по адресу науки не писалось... Впрочемъ, мы говорили собственно о Л. Н. Толстомъ. О, еслибы къ его великому имени «не имѣли повода пристегиваться всякіе пустопорожніе люди и межеумки»! **О. Б. А.**

Къ русско-японской войнѣ. Еще со временъ японо-китайской войны 1894 г., окончившейся извѣстнымъ, тяжелымъ для Японіи, вмѣшательствомъ Россіи, Германіи и Франціи, можно было предвидѣть, что молодая, жизнеспособная, быстро прогрессирующая «Страна Восходящаго Солнца» будетъ ждать лишь первой удобной политической комбинаціи, чтобы снова поставить на очередь свои, насильственно прерванные десять лѣтъ назадъ, честолюбивые замыслы. Къ сожалѣнію, у насъ, въ Россіи, мало кто думалъ объ этомъ,—и въ то время, какъ на Западѣ, особенно въ Англіи, зорко присматривались къ новой ростущей силѣ и скоро по достоинству оцѣнили ее, въ то время, какъ сама Японія, развиваясь съ чисто сказочной быстротою, тщательно изучала не только военныя, но и духовныя силы своего будущаго противника, мы продолжали игнорировать японцевъ, глядѣть на нихъ, какъ на представителей низшей культуры, дикарей, которые разбѣгутся при первыхъ выстрѣлахъ нашихъ броненосцевъ. Война нынѣшняго года вспыхнула совершенно для насъ неожиданно. «Кривоногіе макаки», «япошки» и «азіаты»—первое время положительно пестрили страницы нашихъ «патріотическихъ» изданій, съ «Новымъ Временемъ» во главѣ. Изданія эти усиленно стремились придать возгорѣвшейся войнѣ характеръ и смыслъ борьбы между расами и цивилизаціями, борьбы христіанства съ язычествомъ. Лживый туманъ, однако, скоро разсѣялся, и для всѣхъ стало очевидно, что настоящая война—исключительно политическая.

Лучше поздно, чѣмъ никогда,—и въ русской публикѣ появился усиленный спросъ на литературу, посвященную дальней Японіи,

безпристрастно, съ цифрами въ рукахъ рисующую какъ историческую жизнь, такъ и современный бытъ враждебнаго народа. Оказалось прежде всего, что передъ нами не какая-либо невѣжественная Турція, а страна, далеко обогнавшая насъ самихъ въ дѣлѣ народнаго образованія... Опытъ показалъ, что и на войнѣ мы имѣемъ дѣло отнюдь не съ противникомъ, котораго можно закидать шапками; съ любопытствомъ и удивленіемъ читалъ россійскій обыватель помѣщенный недавно въ газетахъ разговоръ генерала Куропаткина съ плѣннымъ японскимъ офицеромъ: «Когда я посѣтилъ въ прошломъ году вашу страну,—сказалъ русскій главнокомандующій, — я пришелъ къ выводу, что вы народъ способный и дѣятельный; теперь я убѣдился также, что вы мужественные и храбрые люди, съ которыми почетно сражаться».

Оказалось далѣе, что язычникамъ-японцамъ не чуждо и рыцарское великодушіе, и даже милосердіе, черты, которыя до сихъ поръ считались почти исключительной принадлежностью христіанскихъ націй. Русскіе солдаты (а можетъ быть, и офицеры) боялись, напр., до войны, что японцы, подобно китайцамъ, станутъ истязать и мучить нашихъ плѣнныхъ; практика показала, что и въ этомъ отношеніи нашъ врагъ-«азіатъ»—не хуже насъ. Послѣ сраженія на Ялу былъ опубликованъ интересный фактъ. Русскій офицеръ, раненый въ глазъ осколкомъ гранаты, отбившись отъ своего отряда, шелъ, поддерживаемый подъ руку солдатомъ. Вдругъ показываются на встрѣчу два японца, одинъ — съ ружьемъ, другой—съ флагомъ Краснаго Креста въ рукѣ. Оба начинаютъ знаками требовать, чтобы раненый офицеръ легъ на землю, а проводникъ его отошелъ въ сторону. Когда желаніе это было исполнено, японецъ съ флагомъ приблизился къ раненому, внимательно осмотрѣлъ его глазъ, затѣмъ, раскрывъ какой-то ящикъ, быстро и искусно промылъ и перевязалъ рану и съ той же быстротой удалился. Позже стало, вообще, извѣстно, что въ своихъ полевыхъ лазаретахъ японцы не только съ одинаковой заботливостью относятся къ своимъ и русскимъ раненымъ, но послѣднимъ оказываютъ даже предпочтеніе. Если и предполагать здѣсь извѣстную долю политическаго разсчета (желанія расположить въ свою пользу европейское общественное мнѣніе), то нельзя все же отрицать, что подобные факты доставляютъ большое нравственное удовлетвореніе.

Любовь къ родинѣ тогда только великое и плодотворное чувство, когда не переходитъ въ безумное закрываніе глазъ на собственные недостатки и темныя пятна, когда въ невѣжественномъ самомнѣніи люди не отказываются упорно видѣть достоинства врага, не стремятся, во что бы то ни стало, принизить его и оклеветать. Справедливость, кажется, заставляетъ уже признать, что въ лицѣ японцевъ Россія имѣла несчастіе столкнуться съ народомъ не только европейски образованнымъ, но и рыцарски-храбрымъ и беззавѣтно

преданнымъ интересамъ отечества, хотя бы и своеобразно понятымъ. И врага тронетъ, напр., описаніе приготовленій къ последней брандерской аттакѣ на Портъ-Артуръ, даваемое однимъ японскимъ журналомъ (цитируемъ по «Руси»).

Главнокомандующимъ отряда былъ назначенъ адмиралъ Камимура. Ему предстояла задача выбрать экипажъ для брандеровъ. И вотъ, Камимура возвѣщаетъ командѣ всѣхъ 16-ти судовъ слѣдующее:

„Для того, чтобы погубить непріятеля, мы рѣшились заградить входъ въ Портъ-Артуръ.

„Это самое трудное предпріятіе во флотской службѣ. Но, судя по теперешнему положенію вещей, оно является для насъ чрезвычайно важнымъ.

„Господа, кто пожелаетъ изъ васъ принять на себя такое отвѣтственное и трудное дѣло?

„Пусть откликнутся только тѣ, кто чувствуетъ въ себѣ готовность и силы умереть за родину.

„Я не могу скрыть отъ васъ, что переступить бортъ брандера значитъ идти на вѣрную смерть".

И лишь только облетѣлъ этотъ призывъ всѣ суда, какъ командиры ихъ стали осаждаться предложеніями солдатъ. Каждый просился на брандеръ. Нѣкоторые матросы, видя, что желающихъ такъ много, а на брандеры потребуется не больше сотни человѣкъ, рѣшились на крайнюю мѣру, чтобы растрогать начальника и обратить на себя вниманіе. Они сдѣлали то, что вычитали въ стародавнихъ самурайскихъ легендахъ:—отрѣзали мизинецъ и обрубкомъ приложили кровавую печать къ своему прошенію.

Въ десять часовъ утра стало извѣстно предложеніе Камимуры, а къ вечеру явилось около двухъ тысячъ волонтеровъ. Камимура долженъ былъ выбрать 77 человѣкъ, такъ, чтобы не обидѣть ни одно изъ 16 судовъ. И онъ взялъ по возможности по равному числу матросовъ съ каждаго. Среди волонтеровъ выбрано также пять офицеровъ и пять инженеровъ. При прощаніи съ волонтерами адмиралъ Камимура сказалъ задушевно и просто:

— Дѣти мои, я посылаю васъ въ самое опасное мѣсто, подъ самый страшный огонь непріятеля. Своихъ собственныхъ дѣтей я бросаю въ жерло пушки... Да, вѣрьте мнѣ, что еслибы у меня были дѣти, они съ завистью бы смотрѣли на васъ, а я, не задумываясь, послалъ бы и ихъ съ вами... Идите, идите, мои дѣти, и покажите непріятелю только одну вещь—мужество самурая страны Восходящаго солнца!.. Если потеряете правую руку, дѣйствуйте лѣвой... Если лѣвую потеряете, работайте ногами... Помните, что васъ всего только 70 человѣкъ, а дѣло вамъ поручено огромное, значитъ—на каждаго падаетъ большая отвѣтственность... Пока еще не поздно — откажитесь тѣ, кто чувствуетъ себя не достаточно хладнокровнымъ. Позоръ не *отказаться*, а позоръ — *не* отказаться, когда въ душѣ есть хоть тѣнь сомнѣнія въ своихъ силахъ!..

„Банзай!"...—воскликнули волонтеры.

Камимура продолжалъ:

— Теперь я вамъ приказываю: умрите, умрите всѣ до единаго! Но пусть ни одна изъ вашихъ смертей не будетъ радостью для непріятеля, пусть ни одна изъ смертей не будетъ безполезной, пусть смерть придетъ ужъ тогда, когда дѣло будетъ сдѣлано! На прощанье я не предлагаю вамъ шампанскаго, потому что дѣло ваше требуетъ яснаго духа и отчетливаго сознанія въ каждомъ движеніи... Шампанское темнитъ ясность духа и мысли... Выпьемъ общую чашу чистой воды, герои страны вишневаго дерева!..—Выпьемъ и идите на свои корабли-могилы.

И адмиралъ зачерпнулъ кубкомъ, подареннымъ ему наслѣднымъ принцемъ, воды, отпилъ и передалъ другимъ...

— Банзай!.. Банзай!..
И съ криками слились звуки оркестра...

Къ психологіи поэта.—Въ апрѣльской книгѣ «Вѣстника Европы» г. Пыпинъ, оканчивая свои статьи о Некрасовѣ, приводитъ нѣсколько интересныхъ замѣтокъ «современника, близко знавшаго Некрасова», о посмертномъ изданіи стихотвореній поэта (1879 г.). Характеръ и содержаніе этихъ замѣтокъ не оставляютъ въ читателѣ никакого сомнѣнія въ томъ, что авторъ ихъ—Чернышевскій; остается только непонятнымъ, почему г. Пыпинъ не хочетъ назвать знаменитаго писателя по имени (напомнимъ, что и въ предыдущихъ статьяхъ критикъ «Вѣстника Европы» называлъ Чернышевскаго лишь начальной буквой фамиліи, — странность, уже отмѣченная многими).

Воспоминанія Достоевскаго о Некрасовѣ, — говоритъ, между прочимъ, авторъ «замѣтокъ», — мутный источникъ, которымъ біографы поэта не должны пользоваться. «Ровно ничего загадочнаго въ Некрасовѣ не было. Онъ былъ хорошій человѣкъ съ нѣкоторыми слабостями, очень обыкновенными. Не было ничего загадочнаго и въ томъ, почему онѣ развились въ немъ: общеизвѣстные факты его жизни очень отчетливо объясняютъ это. А если кому-нибудь изъ его знакомыхъ неясно было, почему онъ поступалъ такъ, а не иначе въ какомъ нибудь случаѣ, то надобно было только спросить у него, и онъ отвѣчалъ прямо, ясно; я не помню ни одного случая, когда бы онъ отклонился отъ прямодушнаго объясненія своихъ мотивовъ, ни одного такого случая не было, не то что лишь въ разговорахъ его со мною, но и во всѣхъ тѣхъ разговорахъ съ другими, какіе происходили при мнѣ. Онъ былъ человѣкъ очень прямодушный». «И очень добрый», прибавляетъ затѣмъ «современникъ Некрасова»,—добротой и мягкостью характера объясняющій, между прочимъ, обычную мягкость некрасовскихъ журнальныхъ рецензій.

Распространено мнѣніе, будто съ 1856 года раздвинулся умственный и нравственный горизонтъ поэта подъ вліяніемъ того сильнаго движенія, которое началось въ обществѣ, и тѣхъ новыхъ людей, которые окружали его. «Но дѣло въ томъ,—возражаетъ на это «современникъ»,—что цензурныя рамки раздвинулись, и поэтъ получилъ возможность писать кое-о-чемъ изъ того, о чемъ прежде нельзя было ему писать. Когда дошло даже и до крайнихъ своихъ предѣловъ расширеніе цензурныхъ рамокъ, Некрасовъ постоянно говорилъ, что пишетъ меньше, нежели хочется ему; слагается въ мысляхъ пьеса, но является соображеніе, что напечатать ее будетъ нельзя, и онъ подавляетъ мысли о ней; это тяжело, это требуетъ времени, а пока онѣ не подавлены, не возникаютъ мысли о другихъ пьесахъ; и когда онѣ подавлены, чувствуешь усталость, отвращеніе отъ дѣятельности, слишкомъ узкой.—Я говорилъ ему: «Если бы у

меня былъ поэтическій талантъ, я дѣлалъ бы не такъ; я писалъ бы и безъ возможности напечатать теперь же; писалъ бы и оставлялъ у себя до поры, когда будетъ можно напечатать; хотя бы думалъ, что и не доживу до той поры,—все равно: когда же нибудь, хоть послѣ моей смерти, было бы напечатано». Онъ отвѣчалъ, что его характеръ не таковъ, и потому онъ не можетъ дѣлать такъ: о чемъ онъ думаетъ, что этого невозможно напечатать скоро, надъ тѣмъ онъ не можетъ работать. Причина невозможности всегда была цензурная. Онъ былъ одушевляемъ на работу желаніемъ быть полезнымъ русскому обществу; потому и нужна ему была для работы надежда, что произведеніе будетъ скоро напечатано; если бы онъ заботился о своей славѣ, то могъ бы работать и съ мыслью, что оно будетъ напечатано черезъ 20—30 лѣтъ. Посмертныя находки цѣнятся еще дороже даваемаго поэтомъ при жизни. Но онѣ служатъ только славѣ поэта, а не обществу, вопросы жизни котораго ужъ не тѣ, какіе разъясняются посмертною находкою... Содержаніе поэтическихъ произведеній Некрасова сжималось или расширялось соотвѣтственно измѣненіямъ цензурныхъ условій. Изъ того, что оно послѣ крымской войны стало шире прежняго, нимало не слѣдуетъ, что за 3—4 года до начала войны умственный и нравственный горизонтъ его былъ менѣе широкъ. Перемѣна, произведенная крымскою войною въ настроеніи русскаго общества, нимало не была перемѣною въ мысляхъ той части русской публики, которая до крымской войны любила Жоржъ-Занда и Диккенса; она состояла лишь въ томъ, что другая, болѣе многочисленная часть общества, та, которая любила Ал. Дюма, примкнула къ болѣе развитой части по вопросамъ о русскомъ бытѣ; это и дало возможность развитымъ людямъ заговорить о надобности преобразованій».

Далѣе слѣдуетъ горячая защита Некрасова отъ обвиненій въ томъ, будто онъ чуть ли не механически перелагалъ въ стихи умныя рѣчи окружавшихъ его умныхъ людей. Имѣли ли на поэзію Некрасова какое-либо вліяніе тѣ «новые люди», которые стояли вокругъ него?—спрашиваетъ Чернышевскій—и категорически отвѣчаетъ: нѣтъ! Можно было бы думать, — замѣчаетъ по этому поводу г. Пыпинъ,—что такой отвѣтъ вызванъ скромной уклончивостью автора замѣтокъ, который *самъ принадлежалъ къ этимъ новымъ людямъ*, но таково было его действительное мнѣніе: Некрасову нечего было у нихъ заимствовать. Правда, у новыхъ людей по нѣкоторымъ отдѣламъ знанія было больше свѣдѣній; по многимъ вопросамъ были мысли болѣе опредѣленныя, чѣмъ у него; но это были свѣдѣнія и мысли, болѣе спеціальныя, чѣмъ какія нужны для поэта; а то, что нужно было ему знать, какъ поэту, онъ зналъ отчасти лучше, отчасти не хуже новыхъ людей. Нѣкоторые частные взгляды были даже совсѣмъ различны... «Любовь къ Добролюбову могла освѣжать сердце Некрасова, и, я полагаю, освѣжала. Но это совсѣмъ иное дѣло,—не расширеніе «умственнаго и нрав-

ственнаго горизонта», а чувство отрады. Чувство отрады благотворно. Оно укрѣпляетъ душевныя силы. За десять лѣтъ до знакомства съ Добролюбовымъ, подобное благотворное вліяніе имѣло на Некрасова знакомство съ женщиной, которая была предметомъ многихъ его лирическихъ пьесъ».

Въ заключеніе, еще одна не безъинтересная замѣтка. Главной причиной неохоты Некрасова говорить съ знакомыми и друзьями о своихъ произведеніяхъ была,—по мнѣнію Чернышевскаго,—скромность. Другая, второстепенная, состояла въ томъ, что онъ слишкомъ хорошо зналъ по опыту, какъ скучна и смѣшна для слушателя слабость большинства беллетристовъ и поэтовъ разглагольствовать о своихъ произведеніяхъ. Человѣкъ съ сильной волей, онъ легко удерживался отъ этой слабости. Скрытенъ Некрасовъ не былъ (еще разъ настойчиво подчеркиваетъ его современникъ и близкій сотрудникъ),—онъ только былъ неохотникъ говорить о себѣ.

Какъ пишется иногда исторія.—Въ февральской книгѣ «Образованія» за нынѣшній годъ помѣщена статья г. Львова «Писатель-интеллигентъ», съ подзаголовкомъ: «Къ десятилѣтію литературной дѣятельности В. Вересаева». Началомъ литературной карьеры этого писателя г. Львовъ считаетъ появленіе въ «Русскомъ Богатствѣ» повѣсти «Безъ дороги». Къ сожалѣнію, критикъ навелъ не вполнѣ точную справку и устроилъ, поэтому, преждевременный юбилей: въ дѣйствительности, повѣсть «Безъ дороги» напечатана въ нашемъ журналѣ не въ 1894, а въ 1895 году (№№ 7—8).

Ошибка, правда, не столь большой важности. Менѣе простителенъ апломбъ, съ которымъ г. Львовъ раскрываетъ чужіе псевдонимы. Говоря о печатавшихся въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ статьяхъ Зибера, Валентинова и Русанова, онъ, съ небрежной категоричностью человѣка превосходно освѣдомленнаго, замѣчаетъ въ скобкахъ, что послѣднее имя—«псевдонимъ не Бельтова, а Тихомирова». Между тѣмъ, смѣемъ его увѣрить, — г. Русановъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ изъ названныхъ писателей не имѣлъ ничего общаго, и по очень простой причинѣ: онъ былъ самимъ собою.

Любопытны и «критическія» разсужденія г. Львова. Съ момента появленія въ печати перваго разсказа г. Вересаева въ русской литературѣ начинается, будто бы, новое вѣяніе: «писатель, который пописываетъ, уступаетъ мѣсто *провозвѣстнику идей*; читатель, который почитываетъ, замѣняется читателемъ, взыскующимъ града. Сразу чувствуется, что новые авторы—плоть отъ плоти, кость отъ кости молодого поколѣнія, которому принадлежитъ будущее и которому улыбается это будущее».

Горькая иронія Салтыкова принята, такимъ образомъ, современной критикой въ серьезъ, и самъ великій сатирикъ, вмѣстѣ съ Успенскимъ, Михайловскимъ и другими представителями 70-хъ и 80-хъ годовъ, попалъ въ разрядъ «писателей пописывающихъ», недостойныхъ развязать ремень у ногъ явившихся нынѣ «провоз-

вѣстниковъ идей»... Хвалить любимыхъ писателей, конечно, не возбраняется, но не мѣшаетъ же, думается, и мѣру знать!..

«Босяки и декаденты». Въ какомъ смыслѣ могутъ быть поставлены эти слова рядомъ? Какое дѣло босякамъ до декадентовъ, и, наоборотъ, чѣмъ особеннымъ босяки могли, казалось бы, прогнѣвить нашихъ декадентовъ? А вотъ, оказывается, прогнѣвили... Одинъ изъ философовъ «Новаго Пути», г. Дм. Философовъ, пишетъ: «Босяки идутъ быстрыми шагами, сплоченной толпой. Какъ истые варвары, они думаютъ лишь о томъ, какъ бы разграбить богатые города и устроить босяцкій пиръ, на зло сытой мелкотѣ. Но пиръ этотъ будетъ пиромъ смерти, тризной по убитому духу. Обольщенные своимъ успѣхомъ, своей численностью, они наивно думаютъ, что съ пустыми руками они могутъ устроить новую жизнь, что, добившись свободы, равенства и братства уничтоженіемъ стараго уклада и плеваніемъ на драгоцѣннѣйшіе дары культуры, они уравняютъ путь для свободнаго творчества будущихъ поколѣній. Какъ-будто изъ царства хулигановъ можетъ выйти что-нибудь иное, кромѣ возвращенія къ первобытному варварству, къ озвѣренію человѣчества, къ величайшему его рабству».

Ничтоже сумняшася, г. Философовъ за одну скобку беретъ «хулигановъ, мечтающихъ о разграбленіи богатыхъ городовъ» и идеалъ «свободы, равенства и братства»... Это, очевидно, по рецепту незабвеннаго Поприщина: «напишите на бумагѣ *Испанія*—то и выйдетъ *Китай*»...

Критикъ «Новаго Пути» такъ заключаетъ свое разсужденіе: «По своей численности декаденты — величина ничтожная въ сравненіи съ босяками. Но это не важно. Давидъ побѣдилъ Голіафа».

Спите спокойно, богатые города: пока россійскіе декаденты живы—босяки васъ не разграбятъ!..

Эль-Эмъ.

. **А. П. Пятковскій.** 18 мая «Новое Время» оповѣстило о смерти редактора-издателя журнала «Наблюдатель», А. П. Пятковскаго. Надъ свѣжей могилой нелегко оцѣнивать дѣятельность человѣка, который будилъ въ обществѣ тѣ чувства и проводилъ тѣ взгляды, какимъ служилъ «Наблюдатель» въ послѣднее десятилѣтіе. Насъ выводитъ изъ этого затрудненія краткій некрологъ, помѣщенный въ «Новомъ Времени» (№ 10132), органѣ, близкомъ «Наблюдателю» по взглядамъ и по настроенію. Указавъ на то, что Пятковскій родился въ 1840 году, по окончаніи университета служилъ, а затѣмъ всецѣло отдался литературѣ; что онъ помѣщалъ статьи въ «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Дѣлѣ», а съ 1882 года издавалъ журналъ «Наблюдатель», — авторъ некролога продолжаетъ:

„Въ первое десятилѣтіе своего существованія журналъ Пятковскаго привлекъ довольно выдающіяся писательскія силы, носилъ вполнѣ литературный характеръ и пользовался значительнымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что, по прекращеніи въ 1884 г. „Отечественныхъ Записокъ", подписчики этого журнала

были удовлетворены нумерами „Наблюдателя" *)... Во второе десятилѣтіе существованія журналъ сталъ падать и послѣдніе годы влачилъ печальное существованіе литературнаго полу-мертвеца. Пятковскій былъ боленъ, даже, уѣзжая лечиться за границу, на время совсѣмъ прекращалъ выпускъ книжекъ. Это регресированіе журнала выразилось, съ одной стороны, упадкомъ его литературнаго достоинства, постепеннымъ исчезновеніемъ со страницъ его сколько-нибудь извѣстныхъ именъ а съ другой — развитіемъ все большей нетерпимости къ еврейству, которая наконецъ, приняла какой-то болѣзненный характеръ даже не антисемитизма, а панической боязни еврейскаго нашествія" **).

Личность А. П. Пятковскаго «стоитъ теперь внѣ человѣческаго суда», что же касается его дѣла, то... намъ въ нашей краткой замѣткѣ нечего прибавить къ этой характеристикѣ, данной антисемитической газетой юдофобскому журналу. **О. Б. А.**

Хроника внутренней жизни.

I. Изъ обывательской жизни.—Приключенія обывателей въ Перми, Благовѣщенскѣ, Кронштадтѣ и другихъ мѣстахъ.—Извѣстія о дѣятельности стражниковъ.—Думскіе дебаты о дѣятельности полиціи въ Минскѣ и Елисаветградѣ.—Сенатскіе указы и ихъ судьба въ Таврической и Бессарабской губерніяхъ.—Процессъ аккерманскаго воинскаго начальника.—Асхабадскій инцидентъ.—II. Финансовыя мѣропріятія послѣдняго времени.—Первый военный заемъ.—III. Правительственныя распоряженія и сообщенія.—Правительственныя распоряженія относительно Финляндіи.—IV. Административныя распоряженія по дѣламъ печати.—*Post-scriptum.* Отвѣтъ д-ра Хворостанскаго на письмо фельдшерицы Тюменевой.—По поводу отвѣта д-ра Хворостанскаго.

I.

Не такъ давно въ нѣсколькихъ провинціальныхъ и столичныхъ газетахъ былъ разсказанъ любопытный эпизодъ изъ жизни обывателей г. Перми, начавшійся на улицѣ и завершившійся въ камерѣ городского судьи. Сущность этого эпизода можетъ быть пересказана въ немногихъ словахъ. 25 марта текущаго года, въ четвергъ Страстной недѣли, бывшая библіотекарша желѣзнодорожной библіотеки въ Перми г-жа С—ва шла со своимъ братомъ въ церковь и разговаривала съ нимъ о страданіяхъ Іисуса Христа и о жестокости его враговъ. По той же улицѣ въ нѣсколь-

*) Это не совсѣмъ точно: большая часть подписчиковъ „Отечественныхъ Записокъ" перешла въ „Русскую Мысль", нѣкоторая часть—въ „Вѣстникъ Европы" и лишь остальные въ „Наблюдатель".

**) (Курсивы наши).

кихъ шагахъ передъ С—выми шелъ какой-то неизвѣстный человѣкъ, который, усмотрѣвъ въ разговорѣ г-жи С—вой оскорбительныя для его слуха выраженія, приказалъ постовому городовому арестовать ее. Городовой немедленно предложилъ г-жѣ С—вой и ея брату отправиться съ нимъ въ участокъ, но тѣ, не видя законнаго повода къ ихъ аресту, отказались исполнить такое требованіе. Тѣмъ не менѣе они были приведены въ участокъ и тамъ былъ составленъ протоколъ объ ихъ сопротивленіи властямъ, а затѣмъ С—вы были привлечены по этому обвиненію и къ судебной отвѣтственности. На судѣ „прохожій" не присутствовалъ и личность его такъ и осталась невыясненной. С—вы заявили судьѣ, что они совершенно не понимаютъ, чѣмъ могъ ихъ разговоръ оскорбить неизвѣстнаго прохожаго. Съ своей стороны городовой объяснилъ, что приказаніе „прохожаго" онъ исполнилъ по своей неопытности; протоколъ же о сопротивленіи гг. С—выхъ властямъ былъ составленъ потому, что С—вы долго не исполняли приказанія его, городового, идти въ участокъ. Городской судья, убѣдившись въ нелѣпости всего этого дѣла, вынесъ обвиняемымъ оправдательный приговоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ нужнымъ предупредить городового, что его грубость можетъ быть ему прощена только въ виду непродолжительности его службы въ полиціи, въ составѣ которой онъ находится всего два мѣсяца, а иначе его нужно было бы уволить со службы *).

Какъ ни поучительны сами по себѣ слова пермскаго городского судьи, закончившія процессъ гг. С—выхъ, но все же, надо сознаться, этими словами далеко еще не исчерпываются всѣ связанныя съ нимъ недоумѣнія и вытекающіе изъ него вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, если арестовалъ гг. С—выхъ неопытный постовой городовой, то протоколъ о сопротивленіи ихъ властямъ составлялся уже не этимъ городовымъ, равно какъ не имъ было вчинено и судебное преслѣдованіе гг. С—выхъ. Очевидно, такимъ образомъ, что, если въ Перми существуютъ „прохожіе", наивно увѣренные въ своемъ правѣ отдавать городовому приказъ объ арестѣ всякаго разговаривающаго на улицѣ обывателя, и городовые, по неопытности исполняющіе такой приказъ, то наряду съ ними существуютъ и лица, стоящія выше простыхъ городовыхъ и, не смотря на это, питающія твердую увѣренность въ обязанности обывателя безпрекословно подчиняться всякому требованію любого полицейскаго чина, какъ бы мало ни было согласовано такое требованіе съ закономъ.

При всей своей кажущейся фантастичности разсказанный выше эпизодъ не представляетъ собою рѣзко выдающагося исключенія въ практикѣ современной обывательской жизни. Если въ Перми разговоръ на улицѣ о страданіяхъ Іисуса Христа сдѣлалъ

---

*) „СПБ. Вѣдомости", 24 апрѣля; „Р. Вѣдомости", 29 апр. 1904 г.

для участниковъ этого разговора неизбѣжнымъ посѣщеніе участка, то въ другихъ городахъ обязательное посѣщеніе того же мѣста требуетъ подчасъ еще меньшихъ усилій со стороны обывателей. Въ „Амурскомъ Краѣ“ недавно было напечатано „письмо въ редакцію“ командира парохода Д. Л. Старшева, повѣствующее объ одной подобной исторіи, разыгравшейся въ г. Благовѣщенскѣ.

„Въ вашей газетѣ—говорится въ названномъ письмѣ—сообщалось объ арестѣ командира парохода С—ва. По этому поводу прошу помѣстить слѣдующее: Я, командиръ парохода, желая пройтись послѣ обѣденнаго отдыха, вышелъ изъ своей квартиры и пошелъ по улицѣ, но не успѣлъ я пройти нѣсколько кварталовъ, какъ былъ задержанъ полиціей и препровожденъ въ III участокъ, гдѣ и отсидѣлъ двое сутокъ, послѣ чего меня выпустили. Оказалось, что III участку нужно было поймать человѣка, и поймали, но не того, кого слѣдовало. Мнѣ говорили, что какой-то человѣкъ нѣсколько разъ подъѣзжалъ къ назначенному мѣсту, но, видя на углу стоявшую полицію, два раза проѣзжалъ мимо. А я, посторонній, былъ задержанъ, не смотря даже на то, что меня остановили далеко не тамъ, гдѣ слѣдовало. Итакъ, желая подышать свѣжимъ воздухомъ, я набрался въ „каталашкѣ“.... И пострадалъ я совершенно невинно“ *). Такимъ образомъ г. Старшевъ даже и не разговаривалъ на улицѣ, какъ это неосторожно позволили себѣ въ Перми гг. С—вы, а просто желалъ пройтись и подышать свѣжимъ воздухомъ, но и это скромное желаніе доставило ему двухдневное знакомство съ участкомъ. Правда, „участку нужно было поймать человѣка“. Иногда у обывателя не бываетъ и этого утѣшенія.

Въ Кронштадтѣ, по словамъ газетъ, въ четвергъ на Пасхѣ произошелъ слѣдующій случай. Городовой схватилъ проходившаго по улицѣ учителя кишиневскаго реальнаго училища г. Орѣшина за рукавъ и, сдернувъ его съ тротуара, сталъ поносить самою нецензурною бранью, обращаясь къ нему на „ты“. Когда же учитель, обращаясь на „вы“, попросилъ городового быть вѣжливѣе, послѣдній со всего размаха ударилъ г. Орѣшина кулакомъ по уху, послѣ чего Орѣшинъ былъ отправленъ при помощи двухъ городовыхъ въ участокъ, гдѣ свидѣтельскими показаніями была вполнѣ установлена полная корректность въ поведеніи г. Орѣшина на улицѣ, съ одной стороны, и нетрезвость городового— съ другой. „О происшедшемъ—прибавляютъ передающія эту исторію газеты—немедленно заявлено прокурору“ **).

Такимъ образомъ не только разговоръ на улицѣ, но и простое появленіе на ней подчасъ сопряжено для обывателя съ нѣкоторыми неудобствами. Не менѣе рискованнымъ, впрочемъ, пред-

*) Цитирую по „Кіевск. Откликамъ“, 23 апрѣля 1904 г.

**) „Юристъ“. Цитирую по „СПБ. Вѣдомостямъ“, 19 апр. 1904 г.

ставляется для обывателя посѣщеніе и всякаго другого общественнаго мѣста. Нѣсколько недѣль тому назадъ въ одной изъ кіевскихъ газетъ была разсказана чрезвычайно поучительная въ этомъ отношеніи исторія. На станцію „Бирзула“ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ пріѣхалъ 1 апрѣля въ 12-мъ часу ночи бывшій мѣстный земскій начальникъ, отставной капитанъ Унтиловъ, нынѣ директоръ херсонскаго земельнаго банка, и въ ожиданіи курьерскаго поѣзда сѣлъ ужинать въ залѣ I-го класса. За однимъ изъ сосѣднихъ столовъ сидѣлъ и пилъ водку станціонный жандармскій унтеръ-офицеръ Демиденко, который обратился къ г. Унтилову съ предложеніемъ выпить съ нимъ водки. Когда же г. Унтиловъ ничего не отвѣтилъ на это, Демиденко подошелъ къ его столу и сталъ приставать съ тѣмъ же предложеніемъ. Г. Унтилову пришлось удалиться изъ зала и отправиться искать защиты у дежурнаго по станціи, котораго онъ нашелъ въ конторѣ начальника станціи. Вслѣдъ за г. Унтиловымъ въ контору явился однако и Демиденко и сталъ требовать, чтобы г. Унтиловъ удалился изъ конторы, такъ какъ посторонніе лица въ нее якобы не допускаются. Дежурный по станціи запротестовалъ было противъ этого требованія, но тогда Демиденко потребовалъ отъ г. Унтилова предъявленія документа для удостовѣренія его личности. Волей-неволей г. Унтилову пришлось предъявить свой документъ, который Демиденко, даже не разсмотрѣвъ, спряталъ въ карманъ и не хотѣлъ возвращать. Тогда дежурный по станціи позвалъ сторожа и приказалъ ему сходить за старшимъ жандармомъ, но Демиденко не выпускалъ сторожа изъ конторы. Сторожъ, однако, съумѣлъ таки вырваться и исполнилъ данное ему приказаніе. „Старшій жандармъ—заканчиваетъ свой разсказъ газета—возвратилъ, конечно, г. Унтилову его документъ, а дежурный по станціи послалъ о случившемся телеграмму начальнику жандармскаго управленія и министру внутреннихъ дѣлъ“ *).

Разсказавшая эту исторію газета называетъ ее случаемъ издѣвательства. Оспаривать правильность такой характеристики не приходится, но нельзя не замѣтить, что этотъ случай закончился еще сравнительно благополучно. Не трудно представить себѣ, что онъ могъ бы получить и совершенно другое окончаніе, еслибы у г. Унтилова не нашлось съ собою документа, удостовѣряющаго его личность, и самъ онъ не былъ человѣкомъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ въ данной мѣстности. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ положеніе г. Унтилова, такъ самоувѣренно не пожелавшаго отвѣтить на любезность жандармскаго унтеръ-офицера, легко могло оказаться еще болѣе непріятнымъ, чѣмъ было оно въ дѣйствительности. А между тѣмъ по существу г. Унтиловъ, какъ и всякій желѣзнодорожный пассажиръ, вовсе не былъ обязанъ ни

*) „Кіевскіе Отклики“, 14 апрѣля 1904 г.

имѣть съ собою паспортъ, ни предъявлять его по первому востребованію. Желѣзнодорожной полиціи, какъ и общей, предоставлено право требовать отъ обывателей удостовѣренія личности, но такія требованія могутъ быть предъявлены лишь въ случаяхъ дѣйствительной нужды и не должны вызываться простымъ капризомъ полицейскихъ чиновъ. Однако, житейская практика въ корень измѣнила такое положеніе вещей, пріучивъ полицію считать предоставленное ей право безусловнымъ и неограниченнымъ, а обывателя — безпрекословно подчиняться всякому требованію о предъявленіи документа во избѣжаніе болѣе серьезныхъ непріятностей.

Насколько неожиданны и велики бываютъ подобныя непріятности, можетъ показать хотя бы слѣдующій случай, въ свою очередь недавно оглашенный въ газетахъ. Священникъ с. Терновки, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи, пожелалъ имѣть фотографическую группу своей семьи и пріѣхавшихъ къ нему гостей и съ этою цѣлью пригласилъ къ себѣ знакомаго фотографа изъ ближайшаго мѣстечка. Фотографъ пріѣхалъ, но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ готовился снять у церковной ограды желаемую группу, внезапно явился урядникъ и сталъ грубо требовать отъ него паспортъ и „свидѣтельство на право сниманія". Фотографъ, пріѣхавшій всего на нѣсколько часовъ къ своему знакомому, не имѣлъ съ собою паспорта и могъ лишь обѣщать доставить его въ случаѣ надобности. Послѣ того группа была благополучно снята и ея участники вмѣстѣ съ фотографомъ отправились въ домъ священника. „Въ это время,—продолжаетъ газетное сообщеніе,— по приказанію урядника, явилось два стражника, съ приказаніемъ привести фотографа. Священникъ велѣлъ передать, что ручается за него. Урядникъ не унимался: такой отказъ задѣлъ его начальническую „амбицію" и онъ потребовалъ немедленно „подать фотографа". Точные исполнители приказаній начальства—стражники, захвативъ съ собою еще двухъ человѣкъ, рѣшили въ точности исполнить приказъ. Ворвавшись въ комнату, они схватили несчастнаго фотографа, сидѣвшаго за столомъ съ другими гостями, и начали силою тащить его. Возмущенные до глубины души гости и священникъ вырвали фотографа и отбили такимъ образомъ аттаку. Стражники опять отправились къ начальству съ докладомъ о неудачномъ нападеніи. Урядникъ не унялся и, сообразивъ, что нападеніе учинено малыми силами, рѣшилъ ихъ увеличить до 8 человѣкъ. Священникъ, видя такую рѣшимость, прекратилъ дальнѣйшія попытки къ наступленію, заперевъ дверь. Часовъ около десяти вечера урядникъ, рѣшившись на осадную тактику, разставилъ стражей у всѣхъ оконъ и дверей, а самъ прошелъ чернымъ ходомъ въ кухню и началъ требовать фотографа. Фотографъ явился, урядникъ записалъ его фамилію и мѣсто жительства, но все же про-

должалъ сидѣть, ожидая выдачи ему фотографа головою. На вопросы присутствовавшихъ, зачѣмъ онъ такъ добивается этого, урядникъ лаконически заявлялъ, что онъ хочетъ „доказать“, а что доказать, кому и зачѣмъ—такъ и осталось тайной. Стража караулила домъ всю ночь и только утромъ, когда посланный верховой привезъ документы фотографа, послѣдній былъ отпущенъ съ миромъ. Было бы желательно,—заканчиваетъ свой разсказъ корреспондентъ цитируемой газеты,—чтобы соотвѣтствующее начальство постаралось „доказать“ этому блюстителю порядка, что онъ занимается не своимъ дѣломъ, а то въ противномъ случаѣ каждый изъ жителей Терновки ничѣмъ не гарантированъ, что бдительный урядникъ не распространитъ сферы дѣйствія своихъ какихъ-то таинственныхъ „доказательствъ“ и на каждаго заѣхавшаго въ Терновку въ гости или по дѣлу обывателя“ *).

Трудно сказать съ увѣренностью, исполнится ли это пожеланіе корреспондента или же священникъ с. Терновки и посѣтившій его фотографъ будутъ привлечены къ отвѣтственности за сопротивленіе властямъ. Во всякомъ случаѣ бдительные блюстители порядка, не считающіе нужнымъ считаться съ закономъ и правами обывателей, находятся не только въ с. Терновкѣ и не въ одной лишь средѣ урядниковъ. За послѣднее время число такихъ блюстителей быстро возрастаетъ и обывателю все чаще приходится встрѣчаться съ ихъ требованіями, отъ которыхъ его не ограждаютъ даже стѣны собственнаго дома. Сравнительно недавно учреждена въ деревнѣ новая полицейская должность стражниковъ и уже теперь изъ разныхъ мѣстностей приходятъ вѣсти о необыкновенно энергичной дѣятельности этихъ стражниковъ и о вызываемыхъ ею столкновеніяхъ. Какъ сообщаютъ изъ Кіева, кіевскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію сдѣлалось извѣстно, что вновь введенные полицейскіе стражники слишкомъ широко пользуются „услугами“ крестьянъ, требуя отъ нихъ исполненія такого рода обязанностей, которыя не вызываются настоятельной необходимостью и наносятъ довольно значительный вредъ экономическому положенію крестьянъ. Такъ, нѣкоторые становые пристава, урядники и полицейскіе стражники, не пользуясь существующими почтовыми учрежденіями, установили пересылку между собою корреспонденціи при посредствѣ особыхъ пѣшихъ и конныхъ посыльныхъ, наряжая ихъ изъ числа сельскихъ десятскихъ и крестьянскаго населенія. Кромѣ того стражники возложенныя на нихъ служебныя порученія предписываютъ исполнять сельскимъ старостамъ и десятскимъ. Сельскимъ властямъ стражники отказываютъ въ содѣйствіи, а сельскимъ старостамъ шлютъ всевозможныя предписанія и требуютъ

*) „Русь“, 15 апрѣля 1904 г.

явки старост къ себѣ, въ случаѣ же протеста старост возбуждают противъ нихъ несправедливыя и даже измышленныя обвиненія, разсчитывая такимъ путемъ заставить старост признавать ихъ своимъ начальствомъ *).

Подобныя же вѣсти идутъ изъ Орловской губерніи. Здѣсь, по словамъ корреспондента, „Спб. Вѣдомостей“, „стражники не вполнѣ усвоили себѣ предѣлы своей компетенціи и, чувствуя себя зависимыми лишь отъ высшей администраціи и передъ ней одной отвѣтственными, считаютъ себя „начальствомъ“ надъ ввѣреннымъ ихъ охранѣ крестьянствомъ. Отчасти въ силу такого взгляда на свои права, отчасти же изъ чрезмѣрнаго стремленія угодить начальству и водворить порядокъ и благоустройство, по своему разумѣнію, въ деревнѣ, стражники вмѣшиваются въ личную и хозяйственную жизнь населенія, что вызываетъ крупныя недоразумѣнія и ведетъ нерѣдко ко всевозможнымъ инцидентамъ“. Названный корреспондентъ приводитъ и примѣры такихъ распоряженій стражниковъ. Въ Дмитровскомъ уѣздѣ одинъ изъ стражниковъ тотчасъ по вступленіи въ должность распорядился, чтобы бабы топили печи рано и кончали топку къ разсвѣту. Въ первый моментъ крестьяне подчинились было этому распоряженію, но, когда его авторъ проявилъ чрезмѣрную энергію въ наблюденіи за исполненіемъ своего приказанія, онъ наткнулся на рѣзкій протестъ и довольно чувствительно пострадалъ. Въ свою очередь въ нѣкоторыхъ деревняхъ Орловскаго уѣзда стражники на Рождествѣ и масляницѣ строжайше воспретили населенію нарушать общественную тишину и порядокъ какими бы то ни было проявленіями шума, хотя бы въ формѣ обычныхъ и самыхъ невинныхъ праздничныхъ пѣснопѣній и различныхъ забавъ деревенской молодежи. При малѣйшихъ попыткахъ собраться и попѣть, смѣльчаки немедленно разгонялись съ угрозой, въ случаѣ повторенія, привлечь къ строгой отвѣтственности. Въ деревняхъ, подвергнутыхъ такому режиму, втеченіе всѣхъ праздниковъ, по словамъ корреспондента, „царило на улицахъ мертвое уныніе“ **).

Въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи стражники не въ меньшей мѣрѣ чувствуютъ себя „начальствомъ“ надъ крестьянскимъ населеніемъ. Одинъ изъ здѣшнихъ стражниковъ, встрѣтивъ двухъ крестьянъ около станціи, почему-то счелъ нужнымъ потребовать, чтобы они говорили тише. Когда крестьяне не обратили вниманія на это странное требованіе, стражникъ перешелъ къ побоямъ, и между прочимъ, нанесъ одному изъ крестьянъ тяжелую рану въ голову шашкой ***). Подобные же случаи безпричиннаго избіенія крестьянъ со стороны стражниковъ не

*) „Кіевская Газета“. Цитирую по „Нижегор. Листку“, 2 мая 1904 г.
**) „Спб. Вѣдомости“, 3 марта 1904 г.
***) „Вѣстникъ Юга“. Цитирую по „Нижег. Листку“, 26 янв. 1904 г.

разъ наблюдались и въ Александровскомъ уѣздѣ той же губерніи, при чемъ и здѣсь стражники не стѣснялись пускать въ ходъ оружіе *). Около г. Хоста, Черноморской губерніи, два стражника, находясь въ нетрезвомъ состояніи, повстрѣчали на дорогѣ молодую женщину и немедленно потащили ее въ колючки. Когда же на крики жертвы сбѣжался народъ и вступился за нее, стражники отвѣтили на это заступничество ударами шашекъ и ружейными выстрѣлами, лишь по счастливой случайности никому не причинившими вреда **).

Столь простое отношеніе къ правамъ обывателя значительно усложняетъ обязанности полицейскихъ чиновъ, внося въ число этихъ обязанностей и такія, о которыхъ закону въ лучшемъ случаѣ ничего не извѣстно. Такъ, напримѣръ, изъ Рѣжицкаго уѣзда Минской губерніи „Спб. Вѣдомостямъ“ пишутъ объ энергичной поддержкѣ, оказываемой мѣстною полиціей дѣятельности одного священника, поставившаго своей задачей искорененіе дурныхъ и насажденіе добрыхъ нравовъ среди крестьянъ. „Собравъ деревенскую полицію,—разсказываетъ корреспондентъ,—молодой священникъ становится во главѣ ея и самъ разгоняетъ „игрища“. По вечерамъ, съ палкою въ рукѣ, ходитъ онъ по селу, гоняясь за гуляющими по улицѣ или расположившимися кучками на завалинкахъ избъ парнями и дѣвушками. Послѣдніе, завидѣвъ опасность, разбѣгаются по закоулкамъ дворовъ, но и тамъ трудно увернуться отъ усерднаго „ловца человѣковъ“. Кого священнику удается поймать, того онъ записываетъ и черезъ сельскую полицію въ первый же праздникъ приглашаетъ въ церковь для выполненія положенной на грѣшника эпитиміи въ видѣ публичныхъ земныхъ поклоновъ въ довольно внушительномъ количествѣ. Такъ, напримѣръ, были назначены поклоны: Ефиму Зайцу—50, Льву Юденко—100, Өедору Зайцеву—300, Кипріану Зайцеву—600 и т. д. Нѣкоторые изъ виновныхъ послѣ отбытія наказанія жаловались на боль въ суставахъ и ломоту въ костяхъ“ ***). Быть можетъ, такіе „обходы“ священника и слѣдующія за ними эпитиміи кѣмъ-либо и признаются за подходящее средство для поддержанія духовной дисциплины въ средѣ крестьянскаго населенія, но нельзя не замѣтить, что законъ во всякомъ случаѣ не предвидитъ участія полиціи ни въ подобныхъ обходахъ, ни въ привлеченіи грѣшниковъ къ отбыванію наложенной на нихъ эпитиміи.

Невниманіе къ указаніямъ закона, охраняющимъ права обывателей, проявляется и въ иныхъ формахъ. Въ минувшемъ апрѣлѣ минской городской думѣ пришлось посвятить цѣлое экстренное

---

*) „Вѣстникъ Юга“. Цитирую по „Нижег. Листку“, 30 янв. 1904 г.

**) „Черноморское Побережье“. Цитирую по „Нижег. Листку“, 30 янв. 1904 г.

***) „Спб. Вѣдомости“, 22 апрѣля 1904 г.

засѣданіе обсужденію вопроса о дѣйствіяхъ мѣстной полиціи. Дѣло въ томъ, что незадолго до этого засѣданія всѣ домохозяева г. Минска получили отъ участковыхъ приставовъ циркулярныя предложенія въ видѣ полицейскихъ листковъ о произведенныхъ якобы осмотрахъ домовъ и найденныхъ при этомъ недостаткахъ въ санитарномъ и строительномъ отношеніяхъ. Къ домовладѣльцамъ были предъявлены требованія окрасить дома со всѣхъ сторонъ, окрасить двери, окна, ворота, возвести новые заборы, перестроить лѣстницы въ домахъ и т. п. Такъ какъ такое требованіе предъявлялось ко всѣмъ безъ исключенія домавладѣльцамъ, то дума вынуждена была усмотрѣть въ немъ своего рода обязательное постановленіе, изданное полиціей, но не имѣющее за собою никакихъ законныхъ основаній. Между тѣмъ при обсужденіи этого вопроса отдѣльные гласные познакомили думу съ еще болѣе оригинальными требованіями полиціи отъ обывателей. Гласный Хованскій сообщилъ, что полиція предлагаетъ иногда домовладѣльцамъ въ три дня сдѣлать такія вещи, на которыя требуются недѣли. Гласный Здановичъ съ своей стороны передалъ, что ему въ теченіе трехъ дней приказано было окрасить его домъ сначала въ синій цвѣтъ, а затѣмъ въ зеленый. Было разсказано также нѣсколько случаевъ разрушенія полиціей якобы негодныхъ тротуаровъ, при чемъ порою такое разрушеніе происходило на протяженіи цѣлыхъ улицъ, а домовладѣльцы вынуждались строить новые тротуары. Послѣ ряда такихъ сообщеній гласный Янчевскій указалъ, что главной причиной особой энергіи полиціи является новый минскій полицеймейстеръ, переведенный недавно изъ Варшавы. Въ виду этого гласный предлагалъ сообщить полицеймейстеру, что Минскъ отличается отъ Варшавы своимъ городскимъ управленіемъ, которое одно только и имѣетъ право издавать обязательныя для жителей города постановленія такого рода. Гласный Хованскій рекомендовалъ просить губернатора о смягченіи порывовъ полиціи и, кромѣ того, опубликовать въ мѣстной газетѣ, что управа не имѣетъ никакого отношенія къ дѣйствіямъ полиціи. Членъ управы Яновскій нашелъ, однако, что подобный открытый конфликтъ съ полиціей „невыгоденъ для городского управленія“, и предложилъ избрать какую-либо другую мѣру. Въ концѣ концовъ дума поручила управѣ просить начальника губерніи обратить вниманіе на незаконныя дѣйствія минской полиціи, при чемъ, согласно постановленію думы, въ этой просьбѣ должны быть указаны тѣ статьи городового положенія и сенатскія рѣшенія, въ виду которыхъ подобныя требованія полиціи, обращенныя по всѣмъ домовладѣльцамъ, являются нарушеніемъ правъ городского управленія *).

Почти въ то же самое время, когда минская дума обсуждала во-

*) „Спб. Вѣдомости“, 22 апрѣля 1904 г.

просъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ полиціи по отношенію къ домовладѣльцамъ, въ Елисаветградѣ городской думѣ пришлось заняться вопросомъ о незаконной ѣздѣ на городскихъ пожарныхъ лошадяхъ. Пожарная команда въ Елисаветградѣ устроена и содержится при полиціи исключительно на городскія средства, имѣя своимъ спеціальнымъ назначеніемъ оказывать немедленную помощь жителямъ города въ случаѣ опасности отъ пожара. Но въ дѣйствительности, какъ указали елисаветградской думѣ нѣкоторые изъ входящихъ въ ея составъ гласныхъ, средства, затрачиваемыя городомъ на пожарную команду, нерѣдко получали и другое назначеніе. На пожарныхъ лошадяхъ, какъ выяснилось во время думскихъ преній разъѣзжали по городу не только мѣстный полицеймейстеръ и члены его семейства, но и редакторъ мѣстной газеты „Елисаветградскія Новости", г. Лапидусъ. Былъ даже такой случай, когда заѣхавшую въ Елисаветградъ пѣвицу доставили на квартиру на пожарныхъ лошадяхъ. Послѣдніе факты, конечно, свидѣтельствовали только о готовности елисаветградскаго полицеймейстера оказывать поощреніе печати и искусству, но дума рѣшила, что полицеймейстеръ могъ бы оказывать подобное поощреніе, равно какъ и совершать собственные разъѣзды, не за счетъ города, и подавляющимъ большинствомъ голосовъ постановила возбудить передъ херсонскимъ губернаторомъ ходатайство о воспрещеніи пользоваться пожарными лошадьми для цѣлей, постороннихъ ихъ прямому назначенію *). Иначе говоря, елисаветградской думѣ пришлось просить о сохраненіи въ силѣ дѣйствующаго закона, отмѣненнаго лишь житейскою практикой.

Впрочемъ, не однимъ только городскимъ думамъ приходится прилагать энергичныя усилія къ сохраненію силы за дѣйствующими законами. Порою та же самая роль выпадаетъ на долю несравненно болѣе авторитетныхъ въ правительственныхъ сферахъ учрежденій и выполняется ими съ немного большимъ успѣхомъ. Въ примѣрахъ этого нѣтъ недостатка.

Въ концѣ прошлаго года „Крымскимъ Вѣстникомъ" была разсказана слѣдующая исторія. Таврическимъ губернскимъ по воинскимъ дѣламъ присутствіемъ было сдѣлано по поводу принятія на военную службу еврея Фельдмана распоряженіе, основанное на циркулярномъ разъясненіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Оспаривая законность этого распоряженія, заинтересованное лицо обжаловало постановленіе присутствія въ сенатъ. Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, отмѣнилъ рѣшеніе присутствія, о чемъ послѣднему и былъ посланъ сенатскій указъ. Тѣмъ не менѣе губернское присутствіе, ссылаясь на противорѣчіе между указомъ сената и циркуляромъ министерства, не исполнило перваго и обратилось въ сенатъ съ просьбой разъяснить, какъ слѣдуетъ поступить въ виду

**) „Одесскія Новости", 20 апрѣля 1904 г.

такого противорѣчія. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ сенатомъ былъ присланъ губернскому присутствію указъ такого содержанія: „сообразивъ настоящее представленіе таврическаго губернатора съ закономъ и принимая во вниманіе, что, на основаніи 198 статьи т. 1 ч. 2 учр. прав. сен., изд. 1892 года, указы сената исполняются всѣми подчиненными ему мѣстами и лицами, какъ собственные Императорскаго Величества, и одинъ государь или именной его указъ можетъ остановить сенатское повелѣніе, правительствующій сенатъ признаетъ, что таврическое губернское по воинской повинности присутствіе обязано было исполнить указъ сената за № 10528, не испрашивая указа на указъ, а потому опредѣляетъ подтвердить таврическому губернскому по воинской повинности присутствію объ исполненіи въ точности указа сената отъ 8 октября 1901 года за № 10528, о чемъ для исполненія послать указъ таврическому губернатору“ *).

„Правительствующему сенату — говоритъ законъ — принадлежитъ высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія. Посему онъ, какъ хранитель законовъ, печется о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія“. Въ дѣйствительности, однакоже, административная практика не въ одной лишь Таврической губерніи заслонила собою истинный смыслъ этого велѣнія закона и возстановленіе такого смысла не только въ этой губерніи достигается съ большимъ трудомъ. Не такъ давно въ газетахъ сообщалось о чрезвычайно характерномъ случаѣ такого рода, происшедшемъ въ Бессарабской губерніи. Бессарабское губернское правленіе отказало еврею Сойбельману въ правѣ временнаго пребыванія въ качествѣ винокура на кошерницкомъ винокуренномъ заводѣ Сорокскаго уѣзда. По жалобѣ Сойбельмана сенатъ призналъ за нимъ такое право и отмѣнилъ постановленіе губернскаго правленія, о чемъ послѣднему и былъ посланъ для исполненія указъ 21 декабря 1900 г. По полученіи этого указа губернское правленіе поручило сорокскому уѣздному исправнику произвести по обстоятельствамъ дѣла новое дознаніе, на которомъ не было добыто никакихъ новыхъ свѣдѣній, кромѣ обнаруженія не имѣвшаго для права Сойбельмана на временное пребываніе на заводѣ никакого значенія факта нахожденія на заводѣ другого винокура — сына владѣльца завода. Получивъ это дознаніе, губернское правленіе вновь вошло въ разсмотрѣніе уже разрѣшеннаго сенатомъ вопроса и, не признавъ, вопреки сенатскому указу, за Сойбельманомъ права на временное пребываніе на заводѣ, постановленіемъ отъ 3 апрѣля 1902 г. опредѣлило упомянутый указъ „принять къ свѣдѣнію“ и „предписать полицейскому управленію Сойбельмана на заводъ для исполненія обязанностей винокура и къ поселенію не допускать“. При этомъ въ рапортѣ сенату отъ 26 мая 1902 г. губерн-

*) Цитирую по „Сарат. Дневнику“, 21 октября 1903 г.

ское правленіе, излагая содержаніе своего постановленія отъ 3 апрѣля, умолчало о послѣдней части резолюціи, по содержанію своему явно противорѣчившей резолютивной части опредѣленія сената по тому же дѣлу, и такимъ образомъ скрыло отъ сената, что его указъ остался неисполненнымъ. Это обстоятельство вскрылось, однако, благодаря жалобѣ Сойбельмана и недавно бессарабскимъ губернскимъ правленіемъ былъ полученъ новый указъ сената. „На основаніи ст. 198 т. I, ч. 2 учр. сен., изд. 1892 г.,— говорится въ немъ—указы сената исполняются всѣми подчиненными ему мѣстами и лицами, какъ собственные Его Императорскаго Величества, и лишь, если мѣсто или лицо подчиненное въ двухъ одинаковыхъ дѣлахъ усмотритъ разнорѣчащія предписанія сената, то, не чиня исполненія, докладываетъ о томъ сенату, который имѣетъ таковыя, съ объясненіемъ своихъ рѣшеній, вносить Его Императорскому Величеству. Засимъ въ силу ст. 160 т. II общ. губ. учр., изд. 1892 г., каждое присутственное мѣсто по полученному отъ начальствующаго надъ нимъ указу или предписанію обязано учинить исполненіе и донести о томъ не далѣе, какъ въ двѣ или, по крайней мѣрѣ, въ три недѣли, если же въ сіе время исполнить указъ невозможно, то донести въ тотъ же срокъ, когда именно сіе можно сдѣлать. Въ виду приведенныхъ законоположеній и принимая во вниманіе: 1) что въ силу ст. 198 учр. сен. указъ отъ 21 декабря 1900 г. подлежалъ немедленному и точному исполненію губернскимъ правленіемъ, 2) что за симъ какихъ-либо новыхъ по дѣлу обстоятельствъ, не бывшихъ въ виду сената и затруднявшихъ приведеніе его указа въ исполненіе, по полученіи сего указа губернскимъ правленіемъ, не обнаружено, ибо полученное отъ уѣзднаго исправника донесеніе о пребываніи на заводѣ другого винокура—сына владѣльца завода для опредѣленія права Сойбельмана на временное на заводѣ жительство значенія не имѣло, и 3) что по поводу дѣйствій по настоящему дѣлу бессарабскаго губернскаго правленія, выразившихся а) въ повѣркѣ путемъ дознанія правильности рѣшенія правительствующаго сената, б) въ новомъ разсмотрѣніи, по постановленію отъ 3 апрѣля 1902 г., дѣла, сенатомъ уже рѣшеннаго, в) въ постановленіи въ этомъ опредѣленіи резолюціи, выраженной въ предписаніи полицейскому управленію „Сойбельмана на заводъ для исполненія обязанности винокура и къ поселенію не допускать“, каковая резолюція клонилась не только къ исполненію указа сената, принятаго тѣмъ же опредѣленіемъ губернскаго правленія „къ свѣдѣнію“, но и къ перевершенію сего указа, и г) въ невѣрномъ изложеніи, въ рапортѣ отъ 26 мая 1902 г., содержанія постановленія губернскаго правленія 3 апрѣля 1902 г. въ резолютивной его части, возникаетъ вопросъ объ отвѣтственности бессарабскаго губернскаго правленія по 330 и 417 статьямъ уложенія о наказаніяхъ,—правительствующій сенатъ опредѣляетъ: 1) поста

новленіе губернскаго правленія отъ 3 апрѣля 1902 г. отмѣнить; 2) подтвердить губернскому правленію о немедленномъ и точномъ исполненіи указа отъ 21 декабря 1900 г., и о семъ донести въ установленный закономъ срокъ, и 3) возникающій въ семъ дѣлѣ вопросъ объ отвѣтственности бессарабскаго губернскаго правленія разсмотрѣть особо въ порядкѣ 96 ст. учр. сената" *). Какъ видно изъ приведеннаго указа, губернское правленіе, стремясь отстоять однажды сдѣланное имъ постановленіе, рѣшилось не только игнорировать сенатскій указъ, но и скрыть отъ сената истинный характеръ своихъ дѣйствій. Благодаря этому, для возстановленія нарушеннаго права Сойбельмана потребовались три съ слишкомъ года и два сенатскихъ указа.

Наблюдаемое въ окружающей насъ дѣйствительности паденіе авторитета закона и законности чревато обильными послѣдствіями, затрогивающими интересы не только массы обывателей, но и самого государства. По мѣрѣ того, какъ въ извѣстныхъ сферахъ развивается привычка не считаться съ велѣніями закона, замѣняя ихъ административнымъ усмотрѣніемъ, въ жизни исчезаютъ гарантіи не только правъ отдѣльнаго обывателя, но и интересовъ казны. Еслибы это положеніе нуждалось въ подтвержденіи его конкретными примѣрами, такихъ примѣровъ можно было бы набрать въ современной намъ дѣйствительности немалое количество. Я удовольствуюсь, однакоже, для иллюстраціи сказаннаго лишь однимъ случаемъ, не особенно крупнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно характернымъ.

Года полтора тому назадъ мнѣ случилось писать о дѣятельности аккерманскаго воинскаго начальника г. Андреянова,—дѣятельности, всецѣло построенной на началѣ усмотрѣнія **). Между прочимъ, г. Андреяновъ счелъ нужнымъ отгородить въ свое исключительное пользованіе часть аккерманскаго лимана, воспретивъ обывателямъ купаться въ этой мѣстности. Когда же нѣсколько молодыхъ людей нарушили это запрещеніе, г. Андреяновъ сперва арестовалъ ихъ, а затѣмъ возбудилъ противъ нихъ судебное преслѣдованіе по обвиненію въ ослушаніи стражѣ, стрѣльбѣ въ часового и нарушеніи общественной тишины. При разбирательствѣ дѣла у мѣстнаго городского судьи всѣ эти обвиненія оказались вымышленными и молодые люди, виновные лишь въ желаніи выкупаться, были оправданы, но всѣ ихъ усилія привлечь въ свою очередь г. Андреянова къ суду за незаконное лишеніе свободы и ложный доносъ остались тщетными и дѣятельность г. Андреянова продолжалась невозбранно. Съ теченіемъ времени, однако, нѣкоторыя другія стороны этой дѣятельности обратили на себя вниманіе начальства

*) „Одесскія Новости", 26 апрѣля 1904 г.

**) „Р. Богатство", 1902 г. № 10, „Хроника внутренней жизни", сс. 187—9.

г. Андреянова. Въ началѣ минувшаго года въ главный штабъ поступило поданное однимъ изъ жителей Аккерманскаго уѣзда на имя военнаго министра прошеніе, заключавшее въ себѣ просьбу назначить разслѣдованіе о дѣйствіяхъ аккерманскаго уѣзднаго воинскаго начальника, подполковника Андреянова, который, по словамъ просителя, предоставлялъ за деньги незаконныя льготы лицамъ, призывавшимся къ отбыванію воинской повинности, и даже прямо содѣйствовалъ освобожденію нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ службы, вслѣдствіе чего на таковую принимались тѣ лица, какія при нормальныхъ условіяхъ были бы освобождены на законномъ основаніи. Произведенное по этому поводу негласное разслѣдованіе вполнѣ подтвердило основательность заявленія просителя и въ результатѣ послѣдовавшаго затѣмъ дознанія и предварительнаго слѣдствія подп. Андреяновъ былъ преданъ военному суду по обвиненію въ лихоимствѣ, вымогательствѣ и превышеніи власти. Дѣло это разсматривалось одесскимъ военно-окружнымъ судомъ въ первыхъ числахъ апрѣля настоящаго года. На судебномъ слѣдствіи окончательно выяснилось, что г. Адреяновъ обратилъ свою должность воинскаго начальника въ своеобразную доходную статью и, нисколько не стѣсняясь указаніями закона, руководился въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно собственнымъ усмотрѣніемъ. Домъ воинскаго начальника въ Аккерманѣ при г. Андреяновѣ обратился въ своего рода торговую контору, ведшую широкія коммерческія операціи по продажѣ населенію различныхъ льготъ при отбываніи воинской повинности. За деньги здѣсь освобождали отъ военной службы лицъ, подлежавшихъ призыву, за деньги же снабжали разными льготами лицъ, уже состоявшихъ на военной службѣ. Не довольствуясь тѣмъ, что ему давали „добровольно“, г. Андреяновъ прибѣгалъ и къ вымогательству, запугивая призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности и ихъ родственниковъ угрозами отправить молодыхъ солдатъ прямо на Дальній Востокъ. Люди со средствами покорялись и платили, а тѣ, кому нечѣмъ было заплатить, вынуждены были поступать на службу взамѣнъ освобожденныхъ отъ нея. За то хозяйство воинскаго начальника процвѣтало на счетъ обывателя и казны. Подполковнику Андреянову полагались отъ казны два денщика, но онъ все время нахожденія своего въ должности воинскаго начальника держалъ у себя отъ 4 до 6 человѣкъ казенной прислуги. Не менѣе свободно обращался г. Андреяновъ и съ казенными деньгами, пользуясь ими для своихъ личныхъ надобностей и прибѣгая для сокрытія этого обстоятельства къ подлогамъ. Въ концѣ концовъ военно-окружный судъ призналъ подполковника Андреянова виновнымъ въ 3 случаяхъ мздоимства, 10 случаяхъ лихоимства, 4 случаяхъ вымогательства, въ четырехъ подлогахъ по службѣ, въ двукратномъ превышеніи власти и въ имѣніи у себя денщиковъ

больше положеннаго закономъ числа. Въ виду этого судъ приговорилъ подполковника Андреянова, по лишеніи чиновъ, орденовъ, дворянскаго званія и всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты на $2^1/_2$ года и, кромѣ того, постановилъ взыскать съ Андреянова полученные имъ въ видѣ взятокъ 2345 р., препроводивъ ихъ въ Александровскій комитетъ о раненыхъ, съ тѣмъ, чтобы приговоръ этотъ, по вступленіи его въ законную силу, былъ до обращенія въ исполненіе представленъ на высочайшее усмотрѣніе *).

Дѣйствія, подобныя тѣмъ, какія совершалъ г. Андреяновъ въ бытность свою аккерманскимъ воинскимъ начальникомъ, несомнѣнно, наносятъ вредъ не однимъ лишь матеріальнымъ интересамъ государства. „Количество матеріальнаго вреда, причиненнаго преступными дѣяніями подполковника Андреянова, — говорилъ въ процессѣ послѣдняго военный прокуроръ—можно опредѣлить, можно узнать сумму полученныхъ имъ отъ разныхъ лицъ денегъ; это сдѣлать легко при помощи самаго элементарнаго сложенія. Но есть другая сторона дѣла. Есть другія послѣдствія его преступленій, которыя неисчислимы. Это — подрывъ довѣрія со стороны гражданъ и населенія къ органу государственной власти, каковымъ былъ подсудимый. Какое количество несправедливостей имъ было совершено и каковы ихъ послѣдствія — нельзя опредѣлить. Нѣтъ такого мѣрила, которымъ это можно измѣрить" **). Такого мѣрила, дѣйствительно, не существуетъ, но не приходится сомнѣваться въ томъ, что въ ряду неизбѣжныхъ послѣдствій подобныхъ дѣйствій органовъ власти одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ паденіе въ обществѣ уваженія къ закону и вѣры въ законность.

Обывательская жизнь, дѣйствительно, переполнена фактами, говорящими о полномъ отсутствіи уваженія къ закону и праву среди извѣстныхъ слоевъ нашего общества. Не далѣе, какъ на дняхъ, газеты обходилъ чрезвычайно характерный въ этомъ отношеніи документъ. Я позволю себѣ воспроизвести здѣсь цѣликомъ этотъ документъ, представляющій собою протоколъ очередного собранія общества врачей Закаспійской области и разсказывающій о невѣроятномъ происшествіи въ г. Асхабадѣ.

„До свѣдѣнія общества—говорится въ названномъ протоколѣ—дошелъ нижеслѣдующій, положительно установленный, фактъ. 14 марта, около 8 часовъ вечера, старшій врачъ средне-азіатской желѣзной дороги Н. П. Забусовъ былъ настойчиво вызванъ изъ своей квартиры по телефону къ якобы тяжко заболѣвшему начальнику закаспійской казачьей бригады генералъ-маіору Кова-

*) „Одесскія Новости", 9—17 апрѣля 1904 г.
**) „Од. Новости", 17 апр. 1904 г.

леву. Прибывъ на квартиру послѣдняго, д-ръ Забусовъ засталъ его съ другимъ, неизвѣстнымъ ему, лицомъ въ штатской одеждѣ сидящими за столомъ за бутылкою вина. При входѣ генералъ Ковалевъ поздоровался съ д-ромъ Забусовымъ за руку, а на вопросъ, чѣмъ онъ боленъ, отвѣтилъ, что объ этомъ еще успѣютъ поговорить, и предложилъ ему сигару и вина. Хотя д-ръ Забусовъ и отказывался, но ему былъ поданъ стаканъ вина; генералъ Ковалевъ улыбнулся и сказалъ: „пью за ваше здоровье, у насъ принято пить до дна". Не успѣлъ д-ръ Забусовъ поставить стаканъ на столъ, какъ сзади внезапно былъ схваченъ за руки тихо вошедшими въ комнату нѣсколькими казаками, поваленъ на полъ, раздѣтъ и жестоко избитъ плетью или нагайками по нижней части спины; а затѣмъ, по приказанію генерала Ковалева, былъ перевернутъ и битъ по животу, безъ всякаго объясненія причинъ, вызвавшихъ это насиліе. По заявленію д-ра Забусова, до этого инцидента между нимъ и генераломъ Ковалевымъ не было никакого недоразумѣнія и они даже мало были знакомы. Какое-либо сопротивленіе было невозможно, такъ какъ нападеніе и нанесеніе побоевъ было произведено внезапно, сзади, восемью казаками. Члены общества врачей Закаспійской области,—продолжаетъ протоколъ—собравшись въ настоящее засѣданіе, постановили занести въ протоколъ засѣданія свое глубокое негодованіе по поводу возмутительнаго истязанія и надругательства надъ д-ромъ Забусовымъ, явившимся въ силу своего профессіональнаго долга для оказанія врачебной помощи. Предательское насиліе, произведенное при описанныхъ обстоятельствахъ, является недостойнымъ глумленіемъ надъ лучшими гуманными стремленіями и чувствами врача, попраніемъ его правъ, какъ человѣка, входящаго беззащитнымъ въ чужой домъ для отправленія своего врачебнаго долга. Въ то же время общество врачей, желая оказать нравственную поддержку пострадавшему товарищу, выражаетъ д-ру Забусову свое искреннее сочувствіе по поводу постигшаго его несчастія. Дѣло это находится въ рукахъ судебной власти и общество врачей съ крайнимъ нетерпѣніемъ и напряженіемъ ждетъ исхода дѣла. Предсѣдатель общества *Крыловъ*, секретарь *Б. Минкевичъ*" *).

Попробуйте, читатель, вдуматься въ ту картину, какая вырисовывается изъ приведеннаго протокола. Доктора приглашаютъ къ больному. Когда докторъ является, его любезно встрѣчаютъ, угощаютъ, пьютъ за его здоровье, а затѣмъ внезапно схватываютъ и порютъ нагайками. И все это дѣлается не первымъ встрѣчнымъ, не однимъ изъ тѣхъ „хулигановъ", о подвигахъ которыхъ такъ любятъ распространяться нѣкоторыя наши газеты, а человѣкомъ, носящимъ военный мундиръ и занимающимъ до-

*) „Врачебная Газета". Цитирую по „Од. Новостямъ", 2 мая 1904 г.

вольно высокое служебное положеніе, чѣмъ онъ и пользуется для того, чтобы совершить насиліе не своими руками и съ полной надеждой на успѣхъ. Возможность такого факта сама по себѣ уже много говоритъ о томъ, до какой степени атмосфера обывательской жизни насыщена беззаконіемъ и произволомъ.

II.

Военныя событія, разыгрывающіяся на Дальнемъ Востокѣ, успѣли уже оказать довольно значительное вліяніе на русское государственное хозяйство и создать въ немъ рядъ непредвидѣнныхъ измѣненій. Помимо предположеннаго въ текущемъ году сокращенія обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, о которомъ у насъ уже шла рѣчь въ предыдущихъ хроникахъ, правительству пришлось въ виду вызванныхъ войною нуждъ принять и другія мѣры къ поддержанію устойчивости финансоваго равновѣсія.

Высочайше утвержденнымъ 18 марта положеніемъ комитета министровъ размѣръ нынѣ дѣйствующаго сбора въ пользу Россійскаго Общества Краснаго Креста съ проѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ пассажировъ съ 1 апрѣля 1904 года увеличенъ съ 5 до 10 копѣекъ. При этомъ управляющему министромъ финансовъ предоставлено, по соглашенію съ предсѣдателемъ главнаго управленія Краснаго Креста, послѣ окончанія русско-японской войны и завершенія вызванной ею дѣятельности названнаго общества, отмѣнить вновь установленный сборъ и возстановить раньше дѣйствовавшій размѣръ его въ 5 коп. съ пассажира.

26 марта получило высочайшее утвержденіе положеніе комитета финансовъ о временномъ сокращеніи дѣятельности Государственнаго Дворянскаго земельнаго и Крестьянскаго поземельнаго банковъ. Согласно этому положенію, ссуды подъ имѣнія, вновь предъявленныя къ залогу въ Дворянскомъ банкѣ, могутъ быть выдаваемы только по нормальной оцѣнкѣ. Ссуды же подъ состоящія уже въ залогѣ банка имѣнія могутъ быть разрѣшаемы по новой оцѣнкѣ, какъ нормальной, такъ и специальной, но не ранѣе истеченія пяти лѣтъ со времени предыдущаго залога имѣнія въ этомъ банкѣ. Съ другой стороны, покупка имѣній за счетъ собственнаго капитала Крестьянскаго поземельнаго банка пріостанавливается, за исключеніемъ покупокъ башкирскихъ земель въ Уфимской, Оренбургской и Самарской губерніяхъ, на сумму не свыше $1^1/_2$ милліона рублей въ годъ. Ссуды изъ Крестьянскаго банка на покупку земель, пріобрѣтаемыхъ крестьянами черезъ его посредство, или подъ залогъ земель, выкупленныхъ безъ его содѣйствія, могутъ при спеціальной оцѣнкѣ быть выдаваемы отдѣльнымъ крестьянамъ — въ размѣрѣ не свыше 60%, а

сельскимъ обществамъ и товариществамъ—не свыше 75% такой оцѣнки.

Наконецъ, 29 апрѣля состоялся слѣдующій именной высочайшій указъ министру финансовъ:

„Въ виду наступившихъ военныхъ событій и для умноженія средствъ государственнаго казначейства увеличеніемъ золотой наличности казны и Государственнаго банка, признали мы за благо, согласно представленію вашему, въ комитетѣ финансовъ разсмотрѣнному, приступить къ выпуску краткосрочнаго внѣшняго государственнаго займа.

„Въ сихъ видахъ повелѣваемъ вамъ выпустить въ порядкѣ и постепенности, вами опредѣляемыхъ, 5% заемъ на нарицательный капиталъ до 300 милліоновъ рублей=800 милліонамъ франковъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

„1) Заемъ сей вносится въ государственную долговую книгу подъ наименованіемъ „5% обязательства государственнаго казначейства 1904 года".

„2) Обязательства выпускаются на предъявителя достоинствомъ въ 187 рублей 50 копѣекъ, равныхъ 500 франкамъ, и 1.875 рублей, равныхъ 5.000 франкамъ.

„3) Размѣръ дохода по обязательствамъ опредѣляется въ 5 процентовъ годовыхъ, уплачиваемыхъ по-полугодно. Теченіе процентовъ начинается съ 1 (14) мая 1904 года.

„4) Уплата процентовъ производится въ Россіи рублями и во Франціи—франками, считая 1 франкъ=37½ копѣйкамъ, въ мѣстахъ, вами для сего назначенныхъ, по предъявленіи купоновъ отъ обязательствъ.

„5) Уплата процентовъ и капитала по обязательствамъ (пунктъ 8) освобождается навсегда отъ всякихъ русскихъ налоговъ.

„6) Купоны подлежатъ оплатѣ въ теченіе 10 лѣтъ съ наступленія по нимъ сроковъ, а обязательства въ теченіе 30 лѣтъ со срока, назначеннаго для ихъ выкупа.

„7) Права и преимущества, предоставляемыя держателямъ выпускаемыхъ нынѣ 5% обязательствъ государственнаго казначейства 1904 года по отношенію къ подпискѣ на могущіе быть выпущенными до 1 (14) мая 1909 года долгосрочные государственные займы, равно какъ и по пріему обязательствъ и купоновъ отъ нихъ въ уплату таможенныхъ пошлинъ, въ казенные залоги и для обезпеченія акцизныхъ платежей, опредѣляются вами при самомъ выпускѣ займа.

„8) 1 (14) мая 1909 года сіи обязательства подлежатъ выкупу по нарицательной цѣнѣ, до наступленія же означеннаго срока къ выкупу сего займа приступлено не будетъ".

Одновременно съ приведеннымъ указомъ было опубликовано особое правительственное сообщеніе, посвященное выясненію предпринятой правительствомъ мѣры. Въ этомъ сообщеніи прежде

всего заявляется, что война съ Японіей застала русскіе финансы „въ положеніи вполнѣ удовлетворительномъ“. Къ началу 1904 года государственное казначейство „обладало свободною, за предусмотрѣнными росписью расходами 1904 года, наличностью свыше 132 милліоновъ рублей“. Эти средства болѣе чѣмъ удвоились, благодаря сокращенію смѣтныхъ ассигнованій по высочайше утвержденному 6 марта мнѣнію Государственнаго Совѣта на 134,4 милл. рублей и зачисленію въ свободные рессурсы казны, на основаніи особыхъ высочайшихъ повелѣній, нѣкоторыхъ отдѣльныхъ суммъ, составляющихъ въ совокупности до 14 милліоновъ рублей. Кромѣ того, въ началѣ текущаго года поступленіе обыкновенныхъ доходовъ, какъ и слѣдовало, конечно, ожидать, превысило черезчуръ скромныя смѣтныя ожиданія. Въ общемъ, по словамъ правительственнаго сообщенія, „надлежитъ исчислить общую совокупность свободныхъ средствъ казны, подлежащихъ обращенію на веденіе войны, въ суммѣ, превышающей 300 милліоновъ рублей“. Но какъ ни значительна сама по себѣ эта сумма, все же она, по мнѣнію финансоваго вѣдомства, „не можетъ быть признана достаточною для покрытія всѣхъ тѣхъ расходовъ, которые вызываются возгорѣвшеюся борьбою съ Японіею“, и „благоразуміе побуждаетъ озаботиться заблаговременнымъ изысканіемъ средствъ, не ожидая, когда изсякнутъ наличные рессурсы“.

Съ правильностью такого взгляда нельзя не согласиться. Согласно опубликованнымъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ свѣдѣніямъ о движеніи государственныхъ доходовъ и расходовъ за время съ 1 января по 1 февраля настоящаго года, въ теченіе этого мѣсяца обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ поступило 207.369.000 р., обыкновенныхъ же расходовъ по смѣтамъ 1904 года исполнено 241.696.000 р.; за тотъ же срокъ чрезвычайныхъ рессурсовъ поступило 255.000 р., а чрезвычайныхъ расходовъ по смѣтамъ 1904 года произведено на 11.723.000 р. *). Такимъ образомъ за январь перевѣсъ расходовъ надъ доходами выразился въ солидной суммѣ 45.795.000 р. Въ послѣдующіе мѣсяцы, когда, если не начались, то усилились собственно военные расходы, подобный перевѣсъ долженъ былъ быть еще болѣе значительнымъ. При такихъ условіяхъ свободной наличности и суммъ, составленныхъ путемъ экономіи расходовъ государства на мирныя нужды, очевидно, могло хватить не на долго и въ виду этого становилось необходимымъ изыскать спеціальные рессурсы для покрытія издержекъ на веденіе войны.

На первый взглядъ, выходъ изъ такого положенія могъ быть найденъ въ выпускѣ новыхъ кредитныхъ билетовъ подъ обезпеченіе принадлежащаго Государственному банку золота. Такъ какъ наличнаго золота въ настоящее время, по словамъ финансоваго

---

*) Цитирую по «Руси», 27 апрѣля 1904 г.

вѣдомства, въ Государственномъ банкѣ хранится на сумму около 845 милліоновъ рублей, то, сверхъ имѣющихся уже въ народномъ обращеніи кредитныхъ билетовъ на 645 милліоновъ рублей, можно было бы, на основаніи закона о металлическомъ фондѣ, выпустить такихъ билетовъ еще на сумму около 500 милліоновъ рублей. Прибѣгая къ такому исходу, государство, повидимому, получало возможность покрыть расходы войны, не прибѣгая къ заключенію займовъ, которые во время войны неизбѣжно являются менѣе выгодными, чѣмъ въ мирную пору.

Но при всей кажущейся привлекательности указаннаго пути онъ скрываетъ въ себѣ и весьма серьезныя неудобства и, въ виду ихъ, министерство финансовъ не рѣшилось прибѣгнуть къ нему, полагая, что „благоразуміе требуетъ, особенно въ военное время, не тратить всѣхъ наличныхъ средствъ и не подвергать риску устроенное съ немалымъ трудомъ денежное обращеніе, отъ котораго въ значительной степени зависитъ финансовое и экономическое благополучіе страны". Оставался, такимъ образомъ, путь займовъ. Внутренній заемъ въ настоящее время едва ли могъ разсчитывать у насъ на значительный успѣхъ, но, еслибы даже такой успѣхъ и достался на его долю, извлеченіе изъ народнаго обращенія громадныхъ капиталовъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей не преминуло бы оказать угнетающее вліяніе на внутренній денежный рынокъ, и безъ того уже находящійся въ крайне неблагопріятномъ положеніи. Въ виду этого вполнѣ естественнымъ является рѣшеніе финансоваго вѣдомства прибѣгнуть для покрытія военныхъ издержекъ къ внѣшнему займу.

Что касается условій этого займа, то объ нихъ въ настоящій моментъ трудно высказать вполнѣ опредѣленное мнѣніе. Пятипроцентныхъ займовъ Россія не заключала со времени русско-турецкой войны, но, конечно, трудно было ожидать, чтобы въ военное время удалось сохранить нормы государственнаго кредита, установленныя въ мирную эпоху. Большая или меньшая выгодность государственнаго займа зависитъ, однако, не только отъ размѣра уплачиваемыхъ по нему процентовъ, но также и отъ курса, по которому онъ реализуется, отъ размѣра коммиссіи, получаемой реализующими заемъ банкирами, и, наконецъ, отъ того курса, по которому онъ погашается. Всѣ эти условія вновь заключеннаго займа остаются пока неизвѣстными и въ виду этого едва ли не преждевременнымъ является утвержденіе „Русскихъ Вѣдомостей", что онъ „заключается въ наиболѣе выгодной для насъ формѣ" *). Несомнѣнно удобною стороною настоящаго займа представляется его краткосрочность, позволяющая финансовому вѣдомству по минованіи экстренныхъ условій, созданныхъ войною, замѣнить этотъ заемъ долгосрочнымъ, заключивъ

---

*) „Р. Вѣдомости," 1 мая 1904 г.

его на болѣе льготныхъ условіяхъ. Но и въ этомъ случаѣ только будущее можетъ показать, покроются ли выгодами, полученными отъ такой замѣны, неизбѣжныя потери, связанныя съ заключеніемъ новаго займа. Это будетъ зависѣть отъ общаго состоянія денежныхъ рынковъ, предугадать которое за пять лѣтъ врядъ-ли возможно.

Какъ сообщаютъ нѣкоторыя газеты *), переговоры съ представителями реализующаго настоящій заемъ банкирскаго синдиката велись по преимуществу нынѣшнимъ предсѣдателемъ комитета министровъ, г. Витте. Первоначально послѣдній имѣлъ въ виду заключить заемъ въ полтора милліарда франковъ, т. е. на 700 милліоновъ больше выпущеннаго нынѣ, при чемъ къ займу предполагалось привлечь, кромѣ французскихъ, также и нѣмецкіе капиталы. Но затѣмъ изъ политическихъ соображеній этотъ планъ былъ оставленъ и заемъ былъ разбитъ на двѣ части. Первая, большая его часть, въ 800 милліоновъ франковъ, отдана франко-бельгійскому синдикату (парижско-нидерландскому банку, Ліонскому Кредиту и банкирскому дому Готингеръ въ Парижѣ), къ реализаціи же второй части, въ 700 милліоновъ франковъ, будутъ привлечены главнымъ образомъ нѣмецкія, а также голландскія и бельгійскія банкирскія группы. Какъ бы то ни было, уже и въ настоящій моментъ приходится отмѣтить, что первые же мѣсяцы войны отозвались крайне серьезнымъ увеличеніемъ задолженности государства.

III.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца опубликованъ рядъ правительственныхъ распоряженій и сообщеній, касающихся охраны порядка. Воспроизводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

Какъ сообщаютъ газеты **), высочайше утверждено представленіе министра внутреннихъ дѣлъ объ учрежденіи жандармскаго надзора въ Забайкальской области.

Приамурскимъ генералъ-губернаторомъ издано 1 мая обязательное постановленіе для г. Благовѣщенска, воспрещающее всякія сборища и дѣйствія, нарушающія общественный порядокъ и спокойствіе ***).

Московской губернской земской управой, какъ передаютъ газеты, 19 апрѣля получено отъ московскаго губернатора оффиціальное увѣдомленіе, что избраннаго на новое трехлѣтіе пред-

*) „Од. Новости“, 29 апр. 1904 г.
**) „Р. Вѣдомости“, 29 апр. 1904 г.
***) „Н. Время“, 2 мая 1904 г.

сѣдателемъ губернской земской управы Д. Н. Шипова министръ внутреннихъ дѣлъ не нашелъ возможнымъ утвердить въ этой должности *).

Виленскій губернаторъ, какъ сообщаетъ „Сѣверо-Западное Слово", предписалъ чинамъ виленской уѣздной полиціи и полицейской стражи бдительно слѣдить за появленіемъ и распространеніемъ нелѣпыхъ и вредныхъ слуховъ, такъ какъ за распространеніе завѣдомо ложнаго и при томъ вреднаго слуха, могущаго возбудить безпокойство въ умахъ населенія, виновные подвергаются судебному преслѣдованію и, кромѣ того, привлекаются къ отвѣтственности по 5-му пункту обязательныхъ постановленій отъ 1 ноября 1903 г., изданныхъ главнымъ начальникомъ края **).

Въ Варшавѣ, по сообщенію „Варшавскаго Дневника", 14 апрѣля, около 2 часовъ дня, при исполненіи служебныхъ обязанностей ротмистромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ Винничукомъ и помощникомъ пристава VI полицейскаго участка штабсъ-капитаномъ Ордановскимъ имъ было оказано вооруженное сопротивленіе, при чемъ ротмистръ Винничукъ и штабсъ-капитанъ Ордановскій убиты; изъ городовыхъ, сопровождавшихъ этихъ офицеровъ, трое ранены. Убійцы задержаны.

По улицамъ Варшавы расклеено обязательное постановленіе о воспрещеніи сходбищъ и собраній народа на улицахъ, площадяхъ и иныхъ общественныхъ мѣстахъ для совѣщаній и дѣйствій, противныхъ общественному порядку и спокойствію.

По словамъ той же газеты, изъ Варшавы, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, 17 человѣкъ, обвиняемыхъ въ употребленіи въ личныхъ расправахъ ножей и вообще въ порочномъ поведеніи, высланы, на три года каждый, въ губерніи Архангельскую (7 католиковъ), Вологодскую (4 католика и 1 еврей) и Олонецкую (4 католика и 1 еврей) ***).

Постановленіемъ бессарабскаго губернатора отъ 29 марта, участвовавшіе въ сходкѣ, собравшейся 25 марта въ числѣ 32 человѣкъ, въ квартирѣ кишиневскаго мѣщанина Эля Мойсеева Флейдермана, подвергнуты за нарушеніе обязательныхъ постановленій, изданныхъ для жителей гор. Кишинева 17 марта сего года, слѣдующимъ взысканіямъ: 1) врачъ Левъ Ефимовичъ Коганъ—аресту при полицейскомъ управленіи на двѣ недѣли; 2) кишиневскій мѣ-

*) „Н. Время", 20 апрѣля 1904 г.

**) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ", 18 апрѣля 1904 г.

***) Цитирую по „Руси," 18 апрѣля 1904 г.

щанинъ Эль Мойсеевъ Флейдерманъ—денежному штрафу въ 100 р., съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, арестомъ на двѣ недѣли; 3) кишиневскіе мѣщане: Гершъ Гелель, Элевъ Флейдерманъ, Михель Овшіевъ Гейтельманъ, оргѣевскій мѣщанинъ Яковъ Іосифовъ Ицковичъ и мѣщанинъ гор. Антополя Беньяминъ Давидовъ-Мовшевъ Селецкій—аресту при полиціи на семь дней каждый. Остальнымъ же участникамъ сходки вмѣнено въ наказаніе время, проведенное подъ предварительнымъ арестомъ *).

Въ „Бессарабскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" напечатано слѣдующее постановленіе бессарабскаго губернатора отъ 15 апрѣля: „На окраинѣ г. Кишинева, въ оврагѣ, заросшемъ кустарниками и деревьями и находящемся невдалекѣ отъ артиллерійскихъ казармъ и с. Дурлештъ, собралось значительное число евреевъ, которые учинили незаконное сборище и при появленіи полиціи начали разбѣгаться по виноградникамъ, окружающимъ оврагъ, но, тѣмъ не менѣе, задержаны 24 человѣка, поименованныхъ въ особомъ спискѣ. Имѣя въ виду, что лица эти, собравшись въ оврагѣ, составили такимъ образомъ сборище, воспрещенное обяз. пост., изд. 17 марта 1904 года, г. бессарабскій губернаторъ постановилъ: подвергнуть аресту при полицейскомъ управленіи слѣдующихъ лицъ: мѣщанъ—С. Г. Зепеля на 2 мѣсяца, Б. С. Залуцкаго, Я. Х. Вайнберга, Л. У. Мизиковскаго, Х.-Я. Ш. Вайнберга, А. И. Вайнштейна, Ш.-Я. Д. Фельдмана, И.-Ю. Б. Остиля, Ш.-Э. Н. Константиновскаго (онъ-же Ойзеръ), М. М. Гендлера, Б.-Б. М. Векслера и С.-С. П. Акермана на 1 мѣсяцъ каждаго, а остальнымъ задержаннымъ участникамъ сборища зачесть въ наказаніе время, проведенное подъ предварительнымъ арестомъ" **).

Въ той же газетѣ напечатано: „Приставъ 4 участка г. Кишинева получилъ свѣдѣнія, что въ квартирѣ еврея Зельмана Фурмана, живущаго въ домѣ № 103 на Гуцуленкѣ, собралось сборище евреевъ. 8 апрѣля, около 10 часовъ вечера, приставъ совмѣстно съ чинами 4 полицейскаго участка и городовыми отправился на Гуцуленку и окружилъ квартиру Фурмана. При появленіи полиціи евреи начали разбѣгаться въ разныя стороны, но тѣмъ не менѣе задержаны 12 человѣкъ, поименованныхъ въ особомъ спискѣ. Имѣя въ виду, что лица эти, собравшись въ квартирѣ еврея Фурмана, составили такимъ образомъ сборище, воспрещенное обязательнымъ постановленіемъ, изданнымъ 17 марта 1904 г., бессарабскій губернаторъ постановилъ: на основаніи статей 15-й и 16-й положенія объ усиленной охранѣ, подвергнуть аресту при кишиневскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи одного—на три мѣсяца, двухъ—на одинъ мѣсяцъ и одного—на три не-

*) „Н. Время», 9 апрѣля 1904 г.
**) Цитирую по „Од. Новостямъ", 20 апрѣля 1904 г.

дѣли, а остальнымъ задержаннымъ участникамъ сборища зачесть въ наказаніе время, проведенное подъ предварительнымъ арестомъ *).

Въ Кіевѣ постановленіями мѣстнаго губернатора отъ 7, 9, 11 и 20 апрѣля, за нарушеніе обязательнаго постановленія кіевскаго генералъ-губернатора отъ 21 апрѣля 1879 г. и 15 сентября 1881 г. о пропискѣ видовъ на жительство, одна домовладѣлица подвергнута штрафу въ 50 р., три домовладѣльца, одинъ арендаторъ меблированныхъ комнатъ и одинъ арендаторъ гостинницы—штрафу по 100 р. каждый, одинъ дворникъ—аресту при полиціи на двѣ недѣли и одинъ дворникъ и одинъ швейцаръ—увольненію отъ службы, съ воспрещеніемъ впредь наниматься на такія же должности въ г. Кіевѣ **).

Постановленіемъ того же губернатора отъ 11 апрѣля 16 домовладѣльцевъ г. Кіева за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 27 іюля 1898 г. объ освѣщеніи домовъ и дворовъ, подвергнуты штрафамъ въ размѣрѣ отъ 3 до 6 р. ***).

Постановленіемъ кіевскаго губернатора отъ 10 апрѣля, крест. Г. И. Букрѣевъ и мѣщане М. И. Малышевичъ и Ст. Пр. Бойковъ, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 9 апрѣля 1901 г., подвергнуты аресту при полиціи на два мѣсяца каждый ****).

Постановленіемъ кіевскаго губернатора отъ 11 апрѣля, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 15 сентября 1881 г. о воспрещеніи жителямъ г. Кіева ношенія при себѣ всякаго рода оружія, подвергнуты аресту при полиціи: мѣщанинъ Лейба Гершковъ Кулевичъ—на 2 недѣли, крестьянинъ Андрей Ивановъ Морозовъ—на 3 мѣсяца, мѣщ. Арсеній Іоаникіевъ Тодосинъ—на 2 мѣсяца, дворянинъ Владиміръ Матвѣевъ Кунцевичъ—на 1 мѣсяцъ и турецкій подданный Абдулъ сынъ Хусейна-Кіосе-Оглы—на 2 недѣли *****).

Постановленіями кіевскаго губернатора отъ 11 апрѣля подвергнуты аресту при полиціи: за нарушеніе обязательныхъ постановленій генералъ-губернатора отъ 15 сентября 1881 г. и 8 апрѣля 1901 г., крест. М. И. Жулевъ—на 1 мѣсяцъ и крест. И. Ф. Меркуловъ и Я. Я. Бооска—на двѣ недѣли каждый; за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 9 апрѣля 1901 г., мѣщ. Ив.-В. Ѳ. Мондзелевскій—на 3 мѣсяца и мѣщ. И. Д. Залѣвскій—на 1 мѣсяцъ ******).

---

*) Цитирую по „Нижегор. Листку“, 23 апрѣля 1904 г.
**) „Кіевскіе Отклики“, 12, 21 и 25 апрѣля 1904 г.
***) „К. Отклики“, 21 апрѣля 1904 г.
****) „К. Отклики“, 27 апр. 1904 г.
*****) „К. Отклики“, 21 и 27 апрѣля 1904 г.
******) „К. Отклики“, 26 и 27 апрѣля 1904 г.

Постановленіемъ кіевскаго губернатора отъ 17 апрѣля, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 9 апрѣля 1901 г., подвергнуты аресту при полиціи: двор. Н. Н. Колосовскій—на 3 мѣсяца, а двор. М. И. Польскій и мѣщ. Г. Н. Сорочинскій—на 2 мѣсяца каждый, считая срокъ наказанія со дня ихъ задержанія *).

Постановленіемъ кіевскаго губернатора, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 27 іюня 1896 г., подвергнуты аресту при полиціи: Авв. Ситаръ—на 7 сутокъ, Як. Прусъ, Як. Гончаренко, В. Диденко и Гр. Сѣриковъ—на 5 сутокъ каждый **).

За нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 24 іюня 1896 г., кіевскій губернаторъ подвергъ аресту при полиціи слѣдующихъ лицъ: Ф. Паденко, Д. Пырнового, Еф. Нарькова, Ив. Замкового, Ст. Данькова, Н. Гурилова, Ив. Купенюкова, П. Михѣева, Кир. Соколенко, Ив. Гришко, Гр. Подкурскаго, В. Юрченко, Д. Гальковскаго, Мак. Степаненко—на 5 дней каждаго; М. Шульгу, Ив. Копичинскаго, Ив. Котика, К. Танацука, Як. Козленко—на 7 сутокъ каждаго; Ем. Авраменко, К. Авгушина, Сам. Ковалева, Ф. Леонтюка, С. Глущенко, Вик. Кабанова, Ал. Похиля, Вл. Музыку, С. Чубунова, Викт. Ловицкаго—на 2 дня каждаго; Ант. Каленика, Т. Жуковича и М. Сафонова—на 3 дня каждаго ***).

Постановленіемъ кіевскаго генералъ-губернатора, за нарушеніе обязательнаго постановленія отъ 17 марта с. г. о воспрещеніи сходбищъ, подвергнуты административнымъ взысканіямъ слѣдующія лица: 1) квартирохозяинъ д. № 23 по Юрковской ул., Брагинскій,—аресту на 3 мѣсяца; 2) Фридманъ, Шафиръ, Шейхедъ, Альперъ, Гуровичъ и Вайсбурдъ—аресту на 2 мѣсяца каждый; 3) дворникъ д. № 23 по Юрк. ул., Крамной,—аресту на 2 мѣсяца и увольненію отъ службы.

Постановленіемъ кіевскаго губернатора владѣлица д. № 23 по Юрк. ул., Гасмиръ, за нарушеніе обязательныхъ постановленій генералъ-губернатора отъ 21 апрѣля 1879 г. и 15 сентября 1881 г., подвергнута штрафу въ 400 р.

Постановленіемъ кіевскаго губернатора, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 18 января 1904 г. о воспрещеніи сходбищъ и собраній, подвергнуты аресту: Сайдашевъ, Запорожецъ, Шараповъ, Яблонскій, Киселевъ и Стечкинъ, назвавшійся при задержаніи мѣщаниномъ г. Тулы Павломъ Стешкинымъ,—на 3 мѣсяца каждый, и крест. Дубина—на 2 мѣсяца ****).

---

*) „К. Отклики", 26 апрѣля 1904 г.

**) „К. Отклики", 26 апрѣля 1904 г.

***) „К. Отклики", 27 апрѣля 1904 г.

****) „Кіевская Газета". Цитирую по „Праву", 1904 г., № 16.

Въ Елисаветградѣ крест. А. Литвиновъ, за нарушеніе §§ 2 и 6 обязательнаго постановленія, выразившееся въ ношеніи при себѣ холоднаго оружія и распространеніи слуховъ съ угрозами о безпорядкахъ, подвергнутъ херсонскимъ губернаторомъ аресту при полиціи на 10 дней *).

Въ свою очередь въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства" напечатаны слѣдующія постановленія одесскаго градоначальника:

На основаніи ст. 15 положенія объ усиленной охранѣ, градоначальникъ постановилъ: за нарушеніе дѣйствующаго въ градоначальствѣ обязательнаго постановленія о воспрещеніи сходбищъ на улицахъ мѣщ. Іойну Гринберга за то, что своимъ вызывающимъ поведеніемъ собралъ на Колонтаевской улицѣ толпу, подвергнуть аресту на 2 недѣли **).

Градоначальникъ постановилъ: 1) кр. К. Ковбея за то, что своимъ вызывающимъ поведеніемъ собралъ на Новомъ моллѣ толпу и, кромѣ того, дозволилъ себѣ нанести городовому оскорбленіе дѣйствіемъ, подвергнуть аресту на одинъ мѣсяцъ; 2) мѣщ. Г. Гогвадзе, произведшаго во дворѣ дома № 5, по Военному спуску, выстрѣлы изъ револьвера, за нарушеніе обязательнаго постановленія объ ограниченіи пользованія оружіемъ, подвергнуть аресту на двѣ недѣли или штрафу въ 70 рублей; 3) мѣщанъ Д. Циммермана и О. Ямпольскаго, производившихъ незаконный денежный сборъ, подвергнуть штрафу по 25 рублей ***).

Градоначальникъ постановилъ: 1) за нарушеніе обязательнаго постановленія о воспрещеніи незаконныхъ сходбищъ въ квартирахъ—мѣщ. Якова и Юрія (Григорія) Малоноговъ и И. Панченко подвергнуть аресту на два мѣсяца каждаго, П. Евтѣева, Д. Голинищенко (онъ-же Голишевъ), Г. Зайко и Г. Панченко подвергнуть аресту на пять недѣль каждаго; мѣщ. же Малоногу за нарушеніе приведеннаго выше постановленія, а также за нарушеніе обязательнаго постановленія объ ограниченіи пользованія оружіемъ, выразившееся въ ношеніи при себѣ безъ установленнаго разрѣшенія револьвера, подвергнуть аресту на три мѣсяца; 2) за нарушеніе обязательнаго постановленія о воспрещеніи сходбищъ на улицахъ—мѣщанъ: И Расторгуева, В. Радченко, А. Кузнецова, Панченко, А. Амелина и А. Главнаго за то, что не только ослушались требованія полиціи разойтись, но даже вступили въ драку съ нижними воинскими чинами, подвергнуть: Расторгуева—аресту на два мѣсяца, а остальныхъ—аресту

*) „Елисаветгр. Новости". Цитирую по „Праву", 1904 г., № 16.
**) Цитирую по „Од. Новостямъ", 15 апрѣля 1904 г.,
***) Цитирую по „Од. Новостямъ", 10 апрѣля 1904 г.

на одинъ мѣсяцъ каждаго; 3) мѣщанъ Г. Петровскаго и В. Сиденко, перваго за нарушеніе обязательнаго постановленія объ ограниченіи пользованія оружіемъ, выразившееся въ ношеніи при себѣ безъ установленнаго разрѣшенія ружья, а второго за то, что своимъ вызывающимъ поведеніемъ собралъ толпу, чѣмъ нарушилъ обязательное постановленіе о воспрещеніи сходбищъ на улицахъ, подвергнуть аресту: Петровскаго на одну, а Сиденко на двѣ недѣли; 4) мѣщанъ Д. Сиденко и С. Вѣтроумова за то, что произвели въ с. Большой Фоминой Балкѣ сборище, нарушившее общественный порядокъ и спокойствіе, и кромѣ того позволили себѣ стрѣлять изъ револьвера, чѣмъ нарушили обязательное постановленіе о воспрещеніи сходбищъ на улицахъ и объ ограниченіи пользованія оружіемъ, подвергнуть аресту на 1 мѣсяцъ каждаго *).

Градоначальникъ 9 апрѣля постановилъ: околоточнаго надзирателя одесской городской полиціи Круля, за нарушеніе должнаго порядка службы и, между прочимъ, за непринятіе должныхъ мѣръ къ прекращенію незаконнаго собранія, подвергнуть аресту на военной гауптвахтѣ на 7 сутокъ, съ отдачею о семъ приказа по полиціи **).

Какъ сообщаютъ одесскія газеты, съ 24 апрѣля с. г. въ Одессѣ вступило въ силу изданное мѣстнымъ градоначальникомъ обязательное постановленіе о времени открытія и закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ праздничные дни. На основаніи этого постановленія торговыя, промышленныя и торгово-ремесленныя заведенія всѣхъ наименованій,—за исключеніемъ лишь тѣхъ, въ которыхъ продаются только съѣстные припасы и кормъ для скота,—открываются въ воскресные дни въ 11 ч. утра и закрываются въ 1 ч. дня; въ праздничные и табельные дни заведенія эти открываются въ 11 ч. утра и закрываются въ 5 ч. пополудни. Чинамъ полиціи предписано строго слѣдить за исполненіемъ этого постановленія и привлекать нарушителей его къ отвѣтственности. Приведенное постановленіе не распространяется только на парикмахерскія и цирульныя заведенія, владѣльцы которыхъ въ отношеніи времени открытія и закрытія своихъ заведеній подчиняются дѣйствію изданнаго спеціально для нихъ распоряженія ***).

Въ газетѣ „Кавказъ“ напечатано слѣдующее постановленіе тифлисскаго губернатора: „1904 г., апрѣля 13 дня, я, тифлисскій губернаторъ, согласно обязательному постановленію по городу Тифлису, изданному г. главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ 18 января 1902 г., на основаніи ст. 15 положенія о

*) Цитирую по „Од. Новостямъ“, 19 апрѣля 1904 г.

**) „Од. Новости“, 25 апрѣля 1904 г.

***) Цитирую по „Нижегор. Листку“ 12, апрѣля 1904 г.

мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, постановилъ: за сходбище на станціи Тифлисъ 11-го апрѣля, для дѣйствій, противныхъ общественному порядку, и неисполненіе законныхъ требованій полиціи подвергнуть аресту: а) На два мѣсяца: 1) Ивана Балквадзе, типографскаго рабочаго. 2) Давида Чіаберова, фабричнаго служащаго. 3) Михаила Кикнадзе, фабричнаго рабочаго. 4) Соломона Коридзе, кузнеца. 5) Михаила Латкина, лѣсовода. 6) Мелитона Русіева, студента-технолога. 7) Марію Схоладзе, модистку. б) На шесть недѣль: 8) Мелитона Нодія, наборщика. 9) Варсентія Коладзе, переплетчика. 10) Эраста Таратадзе, наборщика. 11) Михаила Брегвадзе, типографскаго рабочаго. 12) Александра Вульфовича, безъ опредѣленныхъ занятій. 13) Дмитрія Джаши, служащаго въ редакціи. 14) Георгія Шарадзе, наборщика. в) На три недѣли: 15) Александра Чіаберова, слесаря. 16) Сергѣя Коридзе, наборщика. 17) Григорія Джаши, типографскаго рабочаго. г) На одну недѣлю: 18) Давида Курташвили, фабричнаго рабочаго. 19) Дмитрія Хветагуридзе, безъ опредѣленныхъ занятій. Срокъ вступленія въ дѣйствіе настоящаго постановленія считать съ 9 ч. веч. 11 апрѣля 1904 г.“ **).

Въ г. Баку 9 апрѣля, въ 3 часа ночи, неизвѣстными лицами было произведено покушеніе на квартиру вице-губернатора. Помѣщенное въ газетѣ „Новое Обозрѣніе“ сообщеніе говоритъ объ этомъ случаѣ слѣдующее: „Находившіеся въ корридорѣ квартиры городовые Сафаровъ и Кошниковъ съ двумя ночными сторожами, услышавъ стукъ въ парадную дверь, открыли ее и увидѣли двухъ туземцевъ, которые, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, произвели въ городовыхъ выстрѣлы, но промахнулись. Городовой Сафаровъ также отвѣтилъ выстрѣломъ. Злоумышленники бросились бѣжать и скрылись. Къ розыску ихъ приняты энергичныя мѣры“ *).

Въ теченіе минувшаго мѣсяца были опубликованы также свѣдѣнія о нѣкоторыхъ судебныхъ процессахъ, имѣющихъ отношеніе къ охранѣ порядка.

Въ г. Шавли, Ковенской губерніи, 16 апрѣля слушалось въ выѣздной сессіи виленской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, дѣло о безпорядкахъ въ имѣніи Г. Д. Нарышкина, по обвиненію 10 крестьянъ въ участіи въ публичномъ скопищѣ изъ экономическихъ побужденій, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 269¹ ст. улож. о наказ. Разсмотрѣвъ дѣло, судебная палата троихъ подсудимыхъ оправдала, по отношенію же къ остальнымъ отвергла обвиненіе по 269¹ ст. улож. и, признавъ

*) Цитирую по „Руси“, 21 апрѣля 1904 г.

**) Цитирую по „Русск. Вѣдом.“, 21 апрѣля 1904 г.

ихъ виновными только по 38 ст. уст. о нак., т. е. въ буйствѣ толпою въ публичномъ мѣстѣ, приговорила пятерыхъ къ аресту на двѣ недѣли, а двоихъ—къ аресту на мѣсяцъ каждаго *).

Въ г. Елисаветполѣ съ 6 по 27 апрѣля елисаветпольскій окружный судъ разсматривалъ при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію 45 армянъ по 263-й, 9-й и 1459-й статьямъ уложенія о наказаніяхъ. Приговоромъ, объявленнымъ при открытыхъ дверяхъ, обвиненіе по этимъ статьямъ отвергнуто. Изъ 45 подсудимыхъ 23 оправданы, пятеро приговорены къ аресту при полиціи на двѣ недѣли за буйство по 38 ст. уст. о нак., двое—на два мѣсяца тюрьмы за оскорбленіе дѣйствіемъ по 285 ст. улож. о нак., остальные признаны виновными по 271 ст. улож. о нак. въ простомъ сопротивленіи властямъ и приговорены: трое—къ одному мѣсяцу ареста при полиціи, семеро — къ четыремъ мѣсяцамъ тюрьмы и пятеро—къ шести мѣсяцамъ тюрьмы безъ ограниченія правъ **).

Въ станицѣ Лабинской, Кубанской области, екатеринодарскій окружный судъ 28 и 29 апрѣля разбиралъ дѣло по обвиненію Бзагеосова и другихъ, всего 22-хъ человѣкъ, въ безпорядкахъ въ Армавирѣ при отобраніи церковныхъ имуществъ. Приговоромъ суда Бзагеосовъ за напрасное возбужденіе тревоги ударами набата присужденъ къ 10 днямъ ареста, остальные же подсудимые оправданы ***).

За послѣдній мѣсяцъ опубликовано также нѣсколько новыхъ правительственныхъ распоряженій относительно Финляндіи.

Въ „Финляндской Газетѣ“ напечатано слѣдующее Высочайшее постановленіе: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленія финляндскаго генералъ-губернатора, въ присутствіи Своемъ въ Петербургѣ 5 (18) февраля 1904 года, въ измѣненіе и дополненіе Высочайшаго постановленія 5 марта 1883 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: 1. Финляндскому православному епархіальному начальству предоставляется собственною властью открывать и содержать на свои средства дѣтскія школы, постоянныя и передвижныя. 2. По распоряженію епархіальнаго начальства въ учреждаемыхъ на его средства школахъ преподаваніе можетъ производиться на русскомъ языкѣ и въ такихъ приходахъ, гдѣ большинство населенія говоритъ не по-русски. 3. Должности учителей и учительницъ въ дѣтскихъ православныхъ школахъ могутъ быть замѣщаемы и лицами, не состоящими въ финляндскомъ гражданствѣ, при чемъ получившіе образованіе въ соотвѣтствующихъ гражданскихъ или духовныхъ учеб-

*) „Од. Новости“, 27 апрѣля 1904 г.
**) „Р. Вѣдомости“, 29 апрѣля 1904 г.
***) „Р. Вѣдомости“, 1 мая 1904 г.

ныхъ заведеніяхъ Имперіи пользуются, въ отношеніи занятія этихъ должностей, одинаковыми правами съ окончившими курсъ финляндскихъ народно-учительскихъ семинарій и высшихъ народныхъ училищъ".

Какъ сообщаетъ та же газета, Высочайшимъ повелѣніемъ 8 (21) апрѣля финляндскому генералъ-губернатору предоставлено право, по соглашенію съ Императорскимъ финляндскимъ сенатомъ, собственною властью постановлять окончательныя рѣшенія по ходатайствамъ поселившихся въ Финляндіи иностранцевъ о принятіи ихъ въ русское по Великому Княжеству Финляндскому подданство. По дѣйствовавшему ранѣе порядку, каждое такое ходатайство повергалось сенатомъ, при заключеніи главнаго начальника края, на высочайшее благовоззрѣніе.

По сообщенію той же газеты, Высочайшимъ рескриптомъ финляндскому генералъ-губернатору отъ 8 (21) апрѣля повелѣно отпустить государственному казначейству изъ финляндскихъ казенныхъ суммъ 5 милліоновъ марокъ, съ тѣмъ, чтобы эта сумма была зачтена въ пособіе, имѣющее уплачиваться финляндскою казною на военные расходы Имперіи.

IV.

Втеченіе мѣсяца, прошедшаго со времени предъидущей нашей хроники, состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

1) 24-го апрѣля 1904 г.: „на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: въ виду вреднаго направленія газеты „Восходъ", выразившагося въ напечатанныхъ въ этомъ изданіи въ текущемъ году статьяхъ: „Къ характеристикѣ нашего безправія" (№ 9) и „Безъ выхода" (№ 14), въ корреспонденціяхъ изъ Одессы и Кишинева (№№ 5 и 11) и въ фельетонахъ подъ заглавіями „Внѣ черты" (№ 6) и „Изъ воспоминаній" (№ 9)—объявить газетѣ третье предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора присяжнаго повѣреннаго Сыркина, съ пріостановленіемъ изданія газеты „Восходъ" на шесть мѣсяцевъ";

2) 27-го Апрѣля 1904 г.: „на основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак, т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу номеровъ газеты „Русь";

и 3) 1-го мая 1904 г.: „на основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу номеровъ газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости".

Въ свою очередь, финляндскимъ главнымъ управленіемъ по

дѣламъ печати, по сообщенію „Финляндской Газеты“ дано предостереженіе выходящей въ г. Гельсингфорсѣ газетѣ „Uusi Suometar“ за помѣщеніе въ № 65 названной газеты отъ 5 (18) минувшаго марта статьи подъ названіемъ „Wirkanimi tykset“.

Post-scriptum. Въ декабрьской хроникѣ „Р. Богатства“ за прошлый годъ мною было сказано нѣсколько словъ по поводу напечатаннаго въ газетѣ „Фельдшеръ“ письма фельдшерицы Тюменевой, заключавшаго въ себѣ разсказъ объ уходѣ ея со службы изъ сифилитическаго барака въ с. Московскомъ Воронежскаго уѣзда въ результатѣ столкновенія съ врачемъ Хворостанскимъ. Описаніе этого столкновенія въ письмѣ г-жи Тюменевой побудило меня выразить надежду, что г. Хворостанскій или воронежская уѣздная управа откликнутся на это письмо. „Пока—писалъ я—передъ нами разсказъ лишь одной заинтересованной въ дѣлѣ стороны, но въ этомъ разсказѣ есть факты, говорящіе очень много. Если вѣрно, что д-ръ Хворостанскій не впускалъ г-жу Тюменеву ночью въ ея собственную квартиру и просилъ управу объ увольненіи фельдшерицы, не имѣя никакихъ данныхъ, которыя опорочивали бы личность и работоспособность послѣдней,—а именно эти обстоятельства удостовѣрены въ приводимомъ г-жей Тюменовой постановленіи воронежской коммиссіи по разбору недоразумѣній между лицами медицинскаго персонала *),—то подобные поступки, пожалуй, слишкомъ мало назвать „некорректными“. По всей видимости, воронежская коммиссія оказалась очень вѣжливой по отношенію къ д-ру Хворостанскому и, увлекшись этой вѣжливостью, забыла даже оцѣнить по достоинству второй изъ указанныхъ поступковъ своего не въ мѣру энергичнаго товарища“.

Въ настоящее время редакціей „Русскаго Богатства“ полученъ отъ д-ра Хворостанскаго „отвѣтъ на письмо фельдшерицы Тюменевой“. Такъ какъ въ полномъ своемъ видѣ этотъ отвѣтъ черезчуръ великъ, то я привожу изъ него, съ разрѣшенія его автора, лишь болѣе существенныя выдержки, опуская все то, что не относится прямо къ дѣлу.

Свою службу въ Московскомъ баракѣ д-ръ Хворостанскій началъ, по его словамъ, съ самаго основанія барака, одновременно съ г-жей Тюменевой. „Въ теченіе перваго года,—говоритъ онъ—пока на меня не были возложены обязанности и участковаго

*) Постановленіе это гласило: „1) Признать письменное извиненіе врача Хворостанскаго передъ фельдшерицей Тюменевой исчерпывающимъ его некорректный поступокъ (недопущеніе въ квартиру) передъ фельдшерицей Тюменевой. 2) Признать, что въ письменномъ объясненіи врача Хворостанскаго не содержится никакихъ данныхъ, порочащихъ личность и работоспособность фельдшерицы Тюменевой“.

врача, всѣ лечебныя манипуляціи и даже обычныя повязки производились въ баракѣ лично мною; на долю фельдшерицы Тюменевой выпадала лишь роль помощницы при этомъ, надзоръ за бѣльемъ, раздачей пищи больнымъ и остальной уходъ за ними. Въ этой роли г-жа Тюменева произвела на меня (тогда еще начавшаго второй годъ работы) самое отрадное впечатлѣніе, что отразилось въ неоднократныхъ, болѣе чѣмъ лестныхъ отзывахъ о ней передъ управой и совѣтомъ общества борьбы съ заразными болѣзнями, съ настойчивыми, даже надоѣдливыми, ходатайствами объ увеличеніи ей жалованія съ 420 р. до 600 р. Короче сказать, мнѣ казалось, что я имѣю дѣло съ вполнѣ интеллигентнымъ человѣкомъ съ хорошимъ общественнымъ направленіемъ; лестные отзывы г-жи Тюменевой о своей прошлой службѣ, приведенные ею и въ письмѣ, давали для этого достаточную подготовку". Съ теченіемъ времени, однако, мнѣніе д-ра Хворостанскаго о г-жѣ Тюменевой, по его словамъ, стало измѣняться, при чемъ поводомъ къ этому послужили какъ раздоры, возникавшіе между нею и остальными лицами фельдшерскаго персонала, такъ и особенности ея служебной дѣятельности, проявившіяся послѣ того, какъ послѣдняя, съ назначеніемъ г. Хворостанскаго также и участковымъ врачемъ, стала болѣе самостоятельной. „Послѣдовавшая за всѣмъ этимъ — продолжаетъ г. Хворостанскій — перемѣна отношеній моихъ къ г-жѣ Тюменевой, наступившая не внезапно, а день за днемъ, охладила и въ ней, въ силу ея нервнопсихическаго склада, ея стремленіе занимать выдающееся мѣсто усиленной образцовостью отношенія къ своимъ обязанностямъ. Стремленіе снискать популярность среди больныхъ и населенія съ несоблюденіемъ мѣры и въ этомъ направленіи, нерѣдко въ ущербъ правильному ходу дѣла, также давало иногда поводъ къ часто возникавшимъ по другимъ поводамъ коллизіямъ. Въ результатѣ этого постепеннаго процесса, къ концу второго года совмѣстной службы, вмѣсто прежняго представленія о г-жѣ Тюменевой появилось смѣшанное чувство тяготы и раздраженія"...

Въ началѣ 1902 года г. Хворостанскій, находясь въ отпуску, получилъ, по его разсказу, отъ г-жи Тюменевой письмо, въ которомъ она заявляла о своемъ нежеланіи служить далѣе въ с. Московскомъ. Онъ отвѣтилъ, что не можетъ ее удерживать и проситъ только подождать его возвращенія. Однако, когда онъ вернулся, г-жа Тюменева заявила ему, что не хочетъ покидать своего мѣста. „Тотчасъ же — пишетъ онъ — возобновились разбирательства старыхъ и новыхъ счетовъ г-жи Тюменевой съ больничнымъ фельдшерскимъ персоналомъ и прислугой, возобновилось пассивное, а иногда и активное, противодѣйствіе моимъ попыткамъ вновь поставить работу въ баракѣ и больницѣ въ прежнюю нормальную колею, что неоднократно ставилось мною на видъ г-жѣ Тюменевой въ видѣ замѣчаній, о чемъ она, повидимому,

совсѣмъ забыла... Личныя и служебныя отношенія болѣе и болѣе обострялись и для возврата къ прежнимъ, возможнымъ для совмѣстной службы, отношеніямъ не осталось ни почвы, ни побужденій. Что я внесъ въ нашу распрю съ г-жей Тюменевой немалую дозу ошибокъ, горячности, иногда даже несправедливости,— это никогда не ускользало изъ моего сознанія; по минованіи раздраженія я почти всегда первый приносилъ извиненія, первый дѣлалъ уступки и примирительные шаги даже тогда, когда не я былъ виновникомъ возникновенія конфликтовъ. Г-жа Тюменева всегда считала себя правой, а потому считала лишнимъ идти на уступки".

„При обсужденіи вопроса, кому изъ насъ слѣдуетъ оставить службу въ с. Московскомъ,— продолжаетъ г. Хворостанскій — я счелъ для себя несправедливымъ отдать преимущество г-жѣ Тюменевой, а такъ какъ все же не чувствовалъ себя достаточно объективнымъ, предпочелъ передать рѣшеніе вопроса въ руки управы, знакомой съ г-жей Тюменевой только по прежнимъ моимъ лестнымъ отзывамъ, а со мною по непосредственнымъ, нерѣдко обостреннымъ, сношеніямъ и неоднократнымъ, иногда очень рѣзкимъ, конфликтамъ. Позже инцидентъ этотъ, по настойчивому требованію г-жи Тюменевой, обсуждался коммиссіей по разбору недоразумѣній между врачебнымъ и фельдшерскимъ персоналомъ, состоящимъ, вопреки предположенію г. хроникера „Р. Богатства", изъ одного врача (по выбору врачей), одного фельдшера (по выбору фельдшерскаго персонала) и одного уѣзднаго гласнаго (по выбору санитарнаго совѣта). Коммиссія эта имѣла въ рукахъ два моихъ заявленія, приводимыхъ ниже, и 5 или 6 заявленій г-жи Тюменевой, заключающихъ не только вопросы, отвѣтовъ на которые продолжаетъ добиваться она теперь путемъ печати, но и опроверженія моихъ заявленій съ подробнымъ изложеніемъ событій съ ея точки зрѣнія. Постановленіе этой коммиссіи было сообщено санитарному совѣту (въ составъ котораго входятъ два делегата отъ фельдшерскаго персонала), и въ результатѣ—ни въ одномъ изъ трехъ коллегіальныхъ органовъ самаго разнообразнаго и въ суммѣ многочисленнаго состава не поднимается голоса въ осужденіе меня и въ защиту г-жи Тюменевой. Не странно ли это? Нужно или мнѣ обладать необыкновеннымъ громаднымъ вліяніемъ въ уѣздѣ, чего, конечно, нѣтъ, или возникаетъ вопросъ: „да такъ ли все это?" Не даромъ г. хроникеръ „Р. Богатства" вынужденъ былъ прибѣгнуть къ предположенію, что названная коммиссія состояла изъ однихъ врачей, почему считаетъ нужнымъ дать рецептъ врачамъ относительно ихъ образа дѣйствій и увлекается даже въ сторону выраженія мнѣ осужденія, не выслушавъ даже другой стороны, что ранѣе самъ признаетъ желательнымъ.

„Въ дальнѣйшемъ изложеніи я ограничусь по возможности приведеніемъ только документальныхъ данныхъ. Первое мое зая-

вленіе въ управу изложено такъ: „Въ виду неоднократнаго неисполненія фельдшерицей М. Д. Тюменевой моихъ распоряженій, закончившагося самовольнымъ отъѣздомъ изъ с. Московскаго, имѣю честь покорнѣйше просить управу освободить меня отъ совмѣстнаго служенія съ названной фельдшерицей, такъ какъ взаимныя отношенія наши исключаютъ всякую возможность спокойнаго и обдуманнаго занятія дѣломъ и руководства сложнымъ и напряженнымъ теченіемъ его, какое имѣетъ мѣсто въ Московскомъ участкѣ".

„На запросъ управы по этому поводу г-жа Тюменева отвѣтила 20 іюня пространнымъ объясненіемъ. За этотъ промежутокъ во время работы г-жа Тюменева постоянно требовала отъ меня отвѣтовъ на различные вопросы, открыто выражая возмущеніе моими дѣйствіями. Ни просьбы, ни приказанія прекратить эти разговоры во время работы не оказывали дѣйствія; волновало же это и разстраивало меня до того, что долгое время я не могъ сосредоточиться при пріемѣ больныхъ и наконецъ вынужденъ былъ отказаться совсѣмъ отъ такой помощи г-жи Тюменевой, впредь до полученія отъ управы рѣшенія на мое заявленіе... Въ первыхъ числахъ сентября г-жа Тюменева уѣхала изъ с. Московскаго. 10 сентября управою получено ея прошеніе о передачѣ разсмотрѣнія дѣла санитарному совѣту. 9 ноября получено управою новое ея письмо того же содержанія съ просьбой передать дѣло санитарному совѣту или особой коммиссіи, когда на это получится разрѣшеніе земскаго собранія. Первое изъ прошеній управою передано мнѣ для объясненій. Объясненіе мое отъ 22 ноября позволю себѣ привести полностью, такъ какъ г-жа Тюменева особенно подчеркиваетъ то, что управа отказала ей въ присылкѣ копіи съ него (причина такого образа дѣйствій управы мнѣ неизвѣстна):

„На препровожденное ко мнѣ прошеніе бывшей фельдшерицы Московскаго сифилическаго барака М. Д. Тюменевой имѣю честь сообщить слѣдующее. Послѣ обѣда, 9 іюня, я получилъ записку г-жи Тюменевой, что ей необходимо на 2—3 часа съѣздить въ с. Можайское. Такъ какъ незадолго передъ этимъ я получилъ личное распоряженіе г. предсѣдателя управы, чтобы фельдшера и фельдшерицы Московскаго участка пользовались земскими лошадьми только по дѣламъ службы, то я отвѣтилъ, что Тюменева можетъ ѣхать, но не на земскихъ лошадяхъ. Въ отвѣтъ на это мною получена записка отъ нея, что вводимое мною новшество равносильно запрещенію даннаго отпуска, почему она проситъ не препятствовать ей пользоваться земскими лошадьми. На это я могъ отвѣтить, что я измѣнить ничего не могу. Тѣмъ не менѣе ею потребованы были земскія лошади и въ 7 часовъ она уѣхала. Въ $10^{1}/_{2}$ часовъ вечера, проходя изъ больницы въ свою квартиру, я увидѣлъ, что дверь лечебной барака отперта, а, войдя туда, я нашелъ спящаго на скамьѣ для перевязокъ и гинекологическихъ

изслѣдованій служителя. Отославши его на свое мѣсто, я заперъ на замокъ дверь лечебной, такъ какъ нѣсколько предшествовавшихъ поѣздокъ г-жи Тюменевой на нѣсколько часовъ растягивались до слѣдующаго утра (разъ даже до часа дня). Пропажа стеклояннаго шприца и нѣсколькихъ вещей г-жи Тюменевой изъ ея квартиры, случившаяся незадолго передъ этимъ, съ другой стороны, заставляла меня поступать такъ. Нѣсколько предшествовавшихъ безсонныхъ и безпокойныхъ ночей заставили меня отдать прислугѣ распоряженіе, чтобы меня по возможности не безпокоили. Но въ 3 часа ночи я былъ разбуженъ прислугой, требовавшей ключъ отъ лечебной барака, такъ какъ та же дверь ведетъ и въ квартиру г-жи Тюменевой. Раздосадованный этимъ, я выдалъ ключъ только послѣ того, какъ сдѣлалъ выговоръ самой Тюменевой за безцеремонное отношеніе къ моему покою, нарушеніе обѣщанія поѣхать на 2—3 часа и возвращеніе среди ночи. Какъ проявленіе весьма понятной досады и давно обострившихся личныхъ отношеній, поступокъ этотъ я и самъ не могу признать корректнымъ и потому считаю своимъ долгомъ принести фельдшерицѣ М. Д. Тюменевой искреннее извиненіе. Но что недопущеніе ея въ квартиру впродолженіе не болѣе 10 минутъ давало ей право ѣхать на всѣ четыре стороны,—заключеніе болѣе чѣмъ произвольное.

„Далѣе, въ своемъ прошеніи фельдшерица Тюменева отступаетъ отъ дѣйствительности. На слѣдующее утро она, не сообщивъ мнѣ ничего, вновь потребовала земскихъ лошадей и уѣхала, оставивши записку: „я уѣзжаю“. По возвращеніи ея на 3-й день, я еще два или три дня продолжалъ работу съ ней, постоянно прерывавшуюся неумѣстными замѣчаніями Тюменевой и вызовами на объясненіе; такъ какъ это стало до такой степени разстраивать меня, что я не могъ спокойно работать въ баракѣ и волненіе долго не могло улечься и во время работы въ больницѣ, то я заявилъ ей, что я въ ея помощи не нуждаюсь, такъ какъ ея присутствіе и разговоръ мѣшаютъ мнѣ спокойно работать, что я написалъ въ управу просьбу освободить меня отъ совмѣстнаго служенія съ ней, т. е. перевести меня или ее въ какой-нибудь другой участокъ. Никакой грубости при этомъ мною не было допущено. Также отступаетъ отъ дѣйствительности Тюменева, заявляя, что съ моей стороны не было указаній на ея неисполнительность. Я не дѣлалъ такихъ заявленій въ управу, какъ не дѣлалъ ихъ до сихъ поръ по отношенію къ кому бы то ни было изъ фельдшеровъ, чувствуя себя въ силахъ справиться съ ними и безъ помощи управы, но самой Тюменевой я неоднократно дѣлалъ замѣчанія за отмѣну моихъ назначеній, за производство вопреки моимъ распоряженіямъ перевязокъ и другихъ манипуляцій, за отмѣну моихъ распоряженій о выпискѣ больныхъ и пр. Будучи мелкими каждое въ отдѣльности, но часто повторяющимися, они

создали чрезвычайно натянутыя и обостренныя отношенія, при которыхъ невозможно довѣріе, немыслима совмѣстная работа. Нуженъ былъ незначительный толчокъ въ видѣ безцеремоннаго нарушенія моего распоряженія, хотя бы и не касающагося близко интересовъ больныхъ и постановки дѣла въ баракѣ, чтобы нарушить и безъ того непрочное равновѣсіе. Своимъ заявленіемъ въ управу съ просьбой освободить меня отъ совмѣстнаго служенія съ Тюменевой, полагаю, пятна на ея репутацію я не набросилъ, такъ какъ поводомъ къ этому выставилъ невозможность спокойной работы, обусловленную, быть можетъ, въ равной мѣрѣ моею вспыльчивостью и несдержанностью. Что же касается устраненія ея отъ исполненія обязанностей, то оно обусловлено было ея вызывающимъ поведеніемъ и необходимостью положить конецъ ненормальнымъ отношеніямъ, безусловно вредно отзывавшимся на ходѣ не только барачнаго, но и больничнаго дѣла и на интересахъ больныхъ. Себя же устранить я не могъ, такъ какъ несъ отвѣтственность, которую до полученія резолюціи управы на первое заявленіе передать никому не могъ".

Въ заключеніе г. Хворостанскій указываетъ, что при разсмотрѣніи этого дѣла въ мѣстной коммиссіи по разбору недоразумѣній между лицами медицинскаго персонала мнѣніе входившаго въ составъ этой коммиссіи доктора о неподсудности ей даннаго дѣла двумя другими ея членами было отвергнуто. „Остальные пункты постановленія коммиссіи—говоритъ г. Хворостанскій—приведены въ письмѣ г-жи Тюменевой. Такимъ образомъ заявленіе единственнаго врача въ составѣ коммиссіи было отвергнуто ею, слѣдовательно, и предположеніе г. хроникера „Р. Богатства" объ особой вѣжливости коммиссіи ко мнѣ, какъ къ врачу, не подтверждается."

Таковъ отвѣтъ д-ра Хворостанскаго. Мнѣ нѣтъ нужды многое прибавлять къ этому отвѣту, но кое-что сказать по поводу его все-таки надо.

Прежде всего нѣсколько деталей. Г. Хворостанскій напрасно утверждаетъ, будто въ перепечатанномъ мною письмѣ г-жи Тюменевой имѣются ея же лестные отзывы о прежней ея дѣятельности. Такихъ отзывовъ въ письмѣ г-жи Тюменевой нѣтъ. Напрасно также г. Хворостанскій, знающій, что, не смотря на двукратную просьбу г-жи Тюменевой, ей не было сообщено его объясненіе, увѣряетъ, будто она представляла въ воронежскую коммиссію по разбору недоразумѣній между лицами медицинскаго персонала опроверженіе этого объясненія. Равнымъ образомъ напрасно г. Хворостанскій заставляетъ меня предполагать, что названная коммиссія состояла изъ однихъ врачей. Такого предположенія я въ своей декабрьской хроникѣ не высказывалъ. За то совершенно вѣрно, что я, имѣя въ виду поведеніе д-ра Хворостанскаго въ

его столкновенiи съ г-жею Тюменевой, рѣшился „дать рецептъ врачамъ относительно ихъ образа дѣйствiй“ или, проще говоря, рѣшился высказать свое мнѣнiе о желательности такого отношенiя земскихъ врачей къ ихъ сотрудникамъ, которое исключало бы возможность прiемовъ, несогласныхъ съ уваженiемъ къ чужой человѣческой личности. Вѣрно также и то, что я „увлекся даже въ сторону выраженiя осужденiя“ д-ру Хворостанскому. Но „увлекся“ я въ эту сторону, имѣя передъ глазами не только показанiя г-жи Тюменевой, а и объективно установленные факты, изложенные въ постановленiи воронежской коммиссiи. И эти факты, долженъ я прибавить, нисколько не измѣнили своего характера послѣ отвѣта д-ра Хворостанскаго.

Какимъ путемъ первоначальныя хорошiя отношенiя между д-ромъ Хворостанскимъ и фельдшерицей Тюменевой смѣнились на дурныя,—судить со стороны, не имѣя безпристрастныхъ показанiй, крайне трудно, если не невозможно. Во всякомъ случаѣ г. Хворостанскiй и самъ признаетъ, что онъ внесъ въ свою распрю съ г-жей Тюменевой „немалую дозу ошибокъ, горячности, иногда даже несправедливости“. Дѣло, однакоже, не въ самой распрѣ, судить о которой, повторяю, у насъ нѣтъ возможности, а въ томъ, какимъ образомъ она закончилась. Когда между двумя работниками, участвующими въ одномъ и томъ же дѣлѣ и обреченными на постоянныя встрѣчи, водворяются невозможныя личныя отношенiя, создается, несомнѣнно, очень тяжелое положенiе. Но изъ такого положенiя возможны различные выходы. Г. Хворостанскiй, думается мнѣ, выбралъ одинъ изъ самыхъ худшихъ.

По словамъ самого г. Хворостанскаго, поводомъ къ инциденту, закончившему собою службу г-жи Тюменевой въ с. Московскомъ, послужило нарушенiе ею „распоряженiя, не касающагося близко интересовъ больныхъ и постановки дѣла въ баракѣ“. Г-жа Тюменева воспользовалась, вопреки распоряженiю врача, земскими лошадьми и запоздала вернуться изъ даннаго ей отпуска. Вернувшись ночью, она застала свою квартиру запертой врачемъ и не сразу была въ нее впущена. Разсказы обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ объ этомъ инцидентѣ сильно разнятся между собою. По словамъ г. Хворостанскаго, онъ заперъ баракъ, оберегая порядокъ въ лечебной и охраняя отъ пропажи вещи г-жи Тюменевой. По словамъ послѣдней, ею былъ оставленъ въ баракѣ для охраны „извѣстный своею честностью барачный служитель“. По увѣренiю г. Хворостанскаго, г-жѣ Тюменевой пришлось подождать ключа „не болѣе 10 минутъ“. По разсказу же г-жи Тюменевой, она вынуждена была ждать ключа около двухъ часовъ, причемъ сначала г. Хворостанскiй черезъ служителя вовсе отказалъ ей въ выдачѣ ключа и предложилъ искать ночлега на земской квартирѣ. Наконецъ, г. Хворостанскiй утверждаетъ, что на другой день г-жа Тюменева уѣхала изъ с. Московскаго совер-

шенно добровольно и безпричинно, тогда какъ, по ея собственному разсказу, она уѣхала въ виду отказа г. Хворостанскаго допустить ее къ работѣ. Если изъ этихъ двухъ разнорѣчивыхъ версій принять ту, которая принадлежитъ г. Хворостанскому, то можетъ, пожалуй, показаться даже страннымъ, что послѣдній, въ концѣ концовъ, счелъ нужнымъ все-таки извиниться передъ г-жей Тюменевой.

Какъ бы то ни было, д-ръ Хворостанскій самъ призналъ свой поступокъ „некорректнымъ" и „счелъ долгомъ принести г-жѣ Тюменевой искреннее извиненіе", которое воронежская коммиссія и нашла исчерпывающимъ этотъ поступокъ. Къ сожалѣнію, однако, д-ръ Хворостанскій „счелъ своимъ долгомъ принести искреннее извиненіе" лишь послѣ вызова на объясненіе со стороны управы и при томъ въ то время, когда г-жа Тюменева уже оставила службу въ воронежскомъ земствѣ. Пока же г-жа Тюменева находилась въ с. Московскомъ и сама просила объясненій отъ д-ра Хворостанскаго, онъ лишь негодовалъ на то, что она „требовала отъ него отвѣтовъ" и „открыто выражала возмущеніе его дѣйствіями". „Вызовы на объясненіе" со стороны г-жи Тюменевой настолько волновали и разстраивали г. Хворостанскаго, что онъ не могъ съ нею работать и счелъ необходимымъ устранить ее отъ работы до рѣшенія дѣла управой. Повидимому, г. Хворостанскому не приходило и въ голову, что г-жа Тюменева, въ свою очередь, можетъ быть взволнована его „некорректнымъ поступкомъ", и, надо думать, именно поэтому свое извиненіе въ послѣднемъ онъ отложилъ до запроса управы.

При всемъ томъ, для окончательнаго разрѣшенія вопроса о томъ, кому слѣдуетъ оставить службу въ с. Московскомъ, д-ръ Хворостанскій „не чувствовалъ себя достаточно объективнымъ и предпочелъ передать рѣшеніе этого вопроса въ руки управы", прося послѣднюю освободить его отъ совмѣстной службы съ г-жей Тюменевой. Этой просьбой онъ „пятна на репутацію г-жи Тюменевой не набросилъ, такъ какъ поводомъ выставилъ невозможность спокойной работы, обусловленную, быть можетъ, въ равной мѣрѣ, моею (д-ра Хворостанскаго) вспыльчивостью и несдержанностью". Къ сожалѣнію, эта осторожная и безпристрастная мотивировка дана была г. Хворостанскимъ опять-таки лишь въ заявленіи отъ 22 ноября 1902 г., написанномъ тогда, когда г-жа Тюменева давно уже оставила службу въ воронежскомъ земствѣ. Подлинная же просьба, отправленная д-ромъ Хворостанскимъ въ управу 11 іюня 1902 г., непосредственно послѣ инцидента съ запертой квартирой, носила совсѣмъ другой характеръ. Въ ней ни однимъ словомъ не упоминалось о вспыльчивости и раздражительности самого д-ра Хворостанскаго, а кратко и ясно заявлялось: „въ виду неоднократнаго неисполненія фельдшерицей Тюменевой моихъ распоряженій, закончившагося само-

вольнымъ отъѣздомъ изъ с. Московскаго, имѣю честь покорнѣйше просить управу освободить меня отъ совмѣстнаго служенія съ названной фельдшерицей". Едва-ли нужно пояснять, какое значеніе можетъ имѣть для фельдшерицы подобная просьба врача и какіе результаты она можетъ повлечь за собою. Едва-ли также надо указывать, что въ данномъ случаѣ такіе результаты были предотвращены лишь объясненіемъ самой г-жи Тюменевой, поданнымъ ею по требованію управы.

Въ виду этого позднѣйшее утвержденіе г. Хворостанскаго, что онъ не налагалъ никакого пятна на репутацію г-жи Тюменевой, не вполнѣ отвѣчаетъ обстоятельствамъ дѣла. Въ той формѣ, въ какой была подана его просьба, она, несомнѣнно, налагала вполнѣ опредѣленное пятно на служебную репутацію г-жи Тюменевой и только позднѣе онъ призналъ, что не имѣлъ для этого никакихъ серьезныхъ основаній. Правда, онъ и въ своемъ заявленіи отъ 22 ноября говоритъ о случаяхъ неисполненія г-жею Тюменевой его распоряженій, но самъ же оговаривается, что всѣ эти случаи были „мелкими", и не приводитъ въ подтвержденіе ихъ никакихъ фактическихъ указаній. Поэтому воронежская коммиссія была вполнѣ права, признавъ, что въ этомъ заявленіи „не содержится никакихъ данныхъ, порочащихъ личность и работоспособность фельдшерицы Тюменевой". Но постановленіе коммиссіи было бы яснѣе и опредѣленнѣе, еслибы она не ограничилась разборомъ заявленія д-ра Хворостанскаго отъ 22 ноября, а обратила вниманіе также и на противорѣчіе, существующее между этимъ заявленіемъ и просьбой того же д-ра Хворостанскаго отъ 11 іюня. Во всякомъ случаѣ, изъ того, что коммиссія не сдѣлала этого, еще не слѣдуетъ, что такого противорѣчія въ дѣйствительности не существуетъ, и что оно не имѣетъ значенія. Само собою разумѣется, что при оцѣнкѣ того факта, на который указываетъ это противорѣчіе, возможны различные взгляды. Съ своей стороны я продолжаю думать, что пріемы, допущенные д-ромъ Хворостанскимъ по отношенію къ г-жѣ Тюменевой, возможны лишь на почвѣ неуваженія къ чужой человѣческой личности и что такіе пріемы составляютъ крайне нежелательное явленіе въ практикѣ земскихъ врачей.

В. Мякотинъ.

Схема образованія и развитія формъ земельной общины.

Съ пятидесятыхъ годовъ, т. е. уже около полувѣка, вопросъ объ общинномъ землевладѣніи не сходитъ со страницъ русской литературы. Около полустолѣтія не умолкаютъ споры о значеніи и судьбахъ русской земельной общины, лишь по временамъ нѣсколько затихая, чтобы затѣмъ вспыхнуть съ новой силой и вестись съ новымъ одушевленіемъ, а иногда и ожесточеніемъ.

И это понятно, если принять во вниманіе, что съ общиной связаны кровные интересы многомилліонной массы крестьянства во 1-хъ, а во 2-хъ, что систематическое изученіе общины на мѣстѣ началось лишь въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда это дѣло взяло въ свои руки земство, и продолжается до нашихъ дней, будучи далеко еще не закончено. Другими словами, при всемъ огромномъ значеніи вопроса, для его рѣшенія не хватало достаточнаго количества несомнѣннаго фактическаго матеріала, который сталъ накопляться лишь въ два послѣднія десятилѣтія.

До какой степени былъ ощутителенъ этотъ недостатокъ, это можно судить потому, что еще и теперь далеко не всѣ согласны даже въ томъ, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ общины, и теперь еще можно услыхать мнѣніе, что общинѣ предшествовало, напр., индивидуальное владѣніе землей. Я имѣю въ виду серьезную научную литературу и оставляю въ сторонѣ такъ сказать обывательскую точку зрѣнія на предметъ, позволяющуюся обладателямъ смѣшивать общину съ чѣмъ угодно, начиная съ круговой поруки и кончая „правомъ" самосѣченія крестьянъ.

Необходимо, поэтому, прежде всего условиться, что именно понимается въ дальнѣйшемъ изложеніи подъ общиной, такъ какъ это гарантируетъ отъ возможныхъ недоразумѣній.

„Общинная форма землевладѣнія характеризуется существованіемъ передѣловъ и переверстокъ",—вотъ фраза. которая варьируется и повторяется и въ земскихъ сборникахъ матеріаловъ объ общинѣ, и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ изученію формъ народнаго землевладѣнія. Въ томъ же родѣ опредѣленіе вошло и въ наше законодательство: въ примѣчаніи къ ст. 113 „Мѣстнаго положенія о крестьянахъ" говорится, что „общиннымъ называется то обычное пользованье, при которомъ земли, по приговору міра, передѣляются или распредѣляются между крестьянами: по душамъ, тягламъ или инымъ способомъ, а повинности, положенныя за землю, отбываются за круговою порукою".

Здѣсь община не только характеризуется передѣлами, но и связывается въ неразрывный узелъ съ круговою порукой, что одинаково неправильно, какъ неправильно всякое обобщеніе отдѣльнаго факта, хотя бы и часто повторяющагося, на всевозможные факты изъ той же области. Жизнь общества, хотя бы это было одно только крестьянство нашей деревни, слишкомъ сложна и многообразна, почему всѣ подобныя обобщенья страдаютъ узостью и односторонностью.

Пріурочивать общину къ періодическимъ передѣламъ—значитъ суживать самое понятіе общины, вгонять ее въ несвойственныя ей рамки. Пріурочивать общину къ передѣламъ—значитъ игнорировать цѣлую область многообразныхъ отношеній къ землѣ, которыя не могутъ быть характеризованы иначе, какъ именно общинными. Выключая изъ ряда формъ общины такія, которыя не знаютъ передѣловъ,—всѣ виды „вольнаго пользованія", такъ называемое „четвертное землевладѣніе" и др.,—мы тѣмъ самымъ сдѣлали бы мало понятнымъ и процессъ возникновенія душевой организаціи общины, практикующей періодическіе передѣлы земли. Въ подтвержденіе этой послѣдней мысли и для ея иллюстраціи я приведу два примѣра, хотя это и отвлечетъ насъ нѣсколько отъ предмета непосредственнаго изложенія.

Г. В. В., такъ много сдѣлавшій для уразумѣнія великороссійской общины и принадлежащій къ ея лучшимъ знатокамъ, въ одной изъ своихъ статей говоритъ: „читатель можетъ быть удивится, если мы скажемъ, что большая часть владѣній государственныхъ крестьянъ центральной черноземной полосы—происхожденья сравнительно новаго, и что ему предшествовало частное владѣніе". Переходъ къ общинѣ совершился въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія подъ вліяньемъ того, что „земля очень дробилась съ одной стороны, сосредоточивалась съ другой; рядомъ съ богатыми появились безземельные; возникла масса ссоръ и тяжбъ за землю, и всѣ эти явленія съ теченіемъ времени усиливались".

Я долженъ признать, что „читатель" дѣйствительно остается въ полномъ недоумѣніи передъ фактомъ массового перехода отъ *частнаго* владѣнія къ *общинному*. Фактическое положеніе землевладѣнья, предшествовавшее переходу къ общинѣ, мало выясняетъ дѣло: неравенство земельныхъ участковъ, чрезвычайная ихъ дробность, черезполосность, тяжбы и ссоры, наконецъ, неравенство экономическаго благосостоянія,—все это явленія, знакомыя не одному нашему крестьянину конца XVIII и первой половины XIX столѣтій, — ихъ знаютъ и другія страны; сошлюсь хотя бы на факты, собранные г. Посниковымъ въ его извѣстной книгѣ объ общинномъ землевладѣніи. Почему же тамъ частная собственность не превратилась въ общинную, какъ у насъ, и дѣло ограничивалось лишь размежеваньемъ да обмѣномъ участковъ, да и этотъ

результатъ достигался съ большимъ трудомъ и при участіи правительства.

Правда, г. В. В. указываетъ также на воздѣйствіе правительства и у насъ, но это указаніе мало выясняетъ вопросъ, такъ какъ никто лучше самого г. В. В. не опредѣляетъ размѣровъ и значенія этого воздѣйствія: „успѣхъ правительственной агитаціи, говоритъ онъ, приведшей къ превращенію въ теченіе одного года сотенъ тысячъ десятинъ земли изъ частнаго владѣнія въ общинное, безъ сомнѣнія объясняется подготовленностью населенія къ этому акту. Дѣлая свои предложенія, правительство *не вносило въ сознаніе крестьянъ новой идеи*, а такъ сказать заявляло сторонникамъ передѣла, что въ ихъ борьбѣ съ его противниками оно будетъ на ихъ сторонѣ, и этимъ заявленіемъ *ускорило процессъ, который совершился бы и безъ его вмѣшательства*“. Такимъ образомъ, роль правительства въ дѣлѣ перехода „частнаго владѣнья въ общинное“ болѣе чѣмъ скромная, и вопросъ по прежнему остается открытымъ.

Обратимся къ другому автору.

Г. К. П., земскій статистикъ, разсматривая условія образованія общины у четвертныхъ владѣльцевъ Рязанской губерніи, говоритъ въ своей работѣ: „когда неравномѣрность владѣнія у различныхъ лицъ становилась рѣзко замѣтной, когда значительной части домохозяевъ становилось тѣсно, малоземельные начинали агитацію о передѣлѣ земли по душамъ“. Но и здѣсь мы видимъ только констатированіе факта, а не его объясненіе.

Я не буду останавливаться на другихъ фактахъ изъ той массы ихъ, что находятся въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ общины, и нѣсколько остановлюсь лишь на приведенныхъ.

Мнѣ представляется вполнѣ понятнымъ и простымъ возникновеніе указанной агитаціи и ея результатъ, если я отрѣшусь отъ представленія объ общинѣ, какъ формѣ, характеризуемой наличностью передѣловъ, и взгляну на четвертное землевладѣніе, какъ на одну изъ формъ общины: земля, по воззрѣніямъ населенія, общинная, мірская, но по частямъ находящаяся въ пользованіи отдѣльныхъ хозяйствъ. При такихъ условіяхъ, естественно, если разъ обозначаются болѣе или менѣе чувствительно неудобства данной формы *пользованія*, — община, „міръ“, стремится найти другую, болѣе отвѣчающую измѣнившимся условіямъ; *одной* изъ такихъ формъ является передѣлъ,—и въ пользу его начинается агитація, приводящая въ концѣ концовъ общину къ новой формѣ, той именно, которая „характеризуется передѣлами и переверстками“. Вопросъ разрѣшается общиной въ положительномъ смыслѣ потому, что передѣлу подчиняются всѣ ея члены, даже и тѣ, кому онъ лично не выгоденъ, подчиняются, разумѣется, не безъ борьбы, не рѣдко весьма продолжительной и очень тяжелой. Но это уже свойство смѣны всѣхъ устарѣвшихъ формъ общества

новыми. Здѣсь все просто и ясно, не заключаетъ въ себѣ никакихъ загадокъ,—не нужно только смѣшивать внѣшне-оффиціальную сторону дѣла съ положеніемъ его по воззрѣніямъ самаго населенія, — и мы должны видѣть въ такомъ переходѣ отъ одной формы къ другой лишь эволюцію общины, вызванную наличностью такихъ-то и такихъ-то условій.

Я прошу теперь представить себѣ дѣло иначе: отдѣльные участки земли даннаго селенія находятся не въ пользованіи только, а въ подворномъ владѣніи, юридически закрѣпленномъ за отдѣльными семьями, и что таково положеніе вещей не только съ точки зрѣнія писаннаго закона, какъ это имѣло мѣсто по отношенію четвертныхъ владѣльцевъ, но и съ точки зрѣнія самихъ крестьянъ, что собственно и является опредѣляющимъ факторомъ. Спрашиваю: возможно ли при этихъ условіяхъ возникновеніе и осуществленіе мысли о производствѣ уравнительнаго между всѣми землевладѣльцами-крестьянами даннаго селенія передѣла земельныхъ угодій, хотя бы неравномѣрность владѣнія землею была вдвое болѣе той, которая привела къ передѣлу рязанскихъ, курскихъ и др. четвертныхъ землевладѣльцевъ? Признавая за народомъ великую творческую силу, я тѣмъ не менѣе думаю, что такой исходъ неравенства владѣнія и экономическаго благосостоянія, да еще въ XVIII вѣкѣ, у насъ не могъ совершиться Для нашего крестьянина, мысль котораго вращается главнымъ образомъ около конкретныхъ фактовъ и поэтому не привыкла къ отвлеченіямъ и широкимъ обобщеніямъ,—а обществу *частныхъ* землевладѣльцевъ прійти къ убѣжденію о необходимости и практической возможности передѣла мыслимо только путемъ широкимъ обобщеній и отвлеченій,—подобная идея была бы дика и чужда въ такой же примѣрно степени, какъ если бы предложить даже современной заурядной общинѣ, произвести уравнительный между всѣми домохозяевами передѣлъ наличнаго въ селеніи скота на томъ лишь основаніи, что въ этой деревнѣ есть хозяйства многолошадныя и рядомъ съ ними совсѣмъ безлошадныя и даже безскотныя.

Исторія знаетъ, конечно, примѣры возникновенія новыхъ идей и распространенія ихъ въ народныхъ массахъ, приводившаго къ выработкѣ новыхъ формъ жизни. Но исторія же указываетъ намъ и тѣ пути, которыми распространяются идеи въ массахъ, и тѣ средства, при помощи которыхъ онѣ получаютъ практическое осуществленіе. Ничего подобнаго въ Россіи, насколько это касается народнаго землевладѣнія, не было ни въ XVIII вѣкѣ, ни въ болѣе раннее время. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, осуществленіе на практикѣ принципа „поравненія“ земельной собственности среди частныхъ землевладѣльцевъ должно было бы сопровождаться такимъ потрясеніемъ всего склада народной жизни, примѣра которому мы не находимъ ни въ одномъ селеніи изъ

перешедшихъ отъ пользованія землею „по четвертямъ“ къ пользованію „по душамъ“. Если бы что либо подобное было, то мы наблюдали бы уже не эволюцію общины, какъ въ данномъ случаѣ, а эволюцію земельной собственности, а это двѣ вещи очень и очень различныя.

Другимъ примѣромъ неправильности пріурочиванія общины къ передѣламъ могутъ служить такъ называемыя составныя или сложныя общины, т. е. такія, которыя обнимаютъ собою болѣе одного селенья, иногда цѣлую волость. Придавая общинѣ условное значеніе формы землевладѣнія, характеризуемой періодическими передѣлами и переверстками, весьма трудно понять образованіе общинъ сложныхъ, происхожденіе которыхъ объясняется существованіемъ въ данномъ мѣстѣ нѣкогда права заимки, характеризующимъ такъ называемый „захватъ“. Относя послѣдній къ необщиннымъ формамъ землевладѣнія, мы встрѣчаемся съ такимъ противорѣчіемъ: сложная община является какъ бы обломкомъ болѣе древней, но не общинной формы землевладѣнія. Не странно ли это? Какимъ образомъ необщинный пережитокъ самъ является общинной да еще весьма сложной по своей внутренней организаціи? Вѣдь это тоже, какъ если бы я сказалъ, что „отъ первобытнаго коллективнаго способа пользованія землею и доселѣ остались еще слѣды, выражающіеся въ существованіи частной земельной собственности“. А между тѣмъ по поводу сложныхъ общинъ говорится этими самыми словами, говорится, какъ о чемъ то такомъ что по меньшей мѣрѣ не подлежитъ доказательству. Одно изъ двухъ: или „захватъ“ общинная форма, и тогда понятно, что и остатокъ ея сохраняетъ ту же форму, или же онъ форма не общинная, и тогда нужно подыскать другое объясненіе образованія сложныхъ общинъ, что сдѣлать болѣе чѣмъ затруднительно, такъ какъ происхожденіе ихъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній.

И мы напрасно стали искать отвѣта на всѣ подобные вопросы до тѣхъ поръ, пока будемъ видѣть въ общинѣ лишь ту форму, которая знаетъ періодическіе передѣлы: только включая въ понятіе общины и тѣ виды народнаго землевладѣнія, которые предшествовали передѣламъ—захватъ, вольное пользованіе, четвертное землевладѣніе, долевое землевладѣніе г-жи Ефименко и проч.,—только въ такомъ случаѣ возможно въ цѣломъ представить себѣ вѣковой процессъ развитія общины, а также уразумѣть и тѣ видоизмѣненія, которыя наблюдаются въ ея формахъ въ настоящее время.

Земско-статистическими изслѣдованіями установлено между прочимъ, что во многихъ мѣстностяхъ средней и южной Россіи нѣкогда существовала захватная форма пользованія землею, на развалинахъ которой сложилась и современная великорусская община съ ея коренными и частыми предѣлами. Тотъ же захватъ, какъ извѣстно, нѣкогда имѣлъ широкое распространеніе и на

сѣверѣ Россіи, а во многихъ мѣстностяхъ сохранился еще и теперь—въ Вологодской, Олонецкой губерніяхъ. Еще большее можетъ быть распространеніе онъ имѣетъ въ восточныхъ и особенно въ юго-восточныхъ уѣздахъ Европейской Россіи среди казачьяго населенія. Помимо земскихъ работъ, особенно серьезное значеніе, въ смыслѣ уясненія болѣе раннихъ формъ общины, имѣетъ трудъ Ф. А. Щербина: „Земельная община кубанскихъ казаковъ". Но наиболѣе полную и всестороннюю картину первоначальныхъ, начиная съ самыхъ раннихъ, формъ общины раскрываютъ изслѣдованія народнаго землевладѣнія и землепользованія въ Сибири. То, что въ другихъ мѣстностяхъ можно было наблюдать лишь въ видѣ отдѣльныхъ фрагментовъ, свидѣтельствующихъ о былыхъ порядкахъ, или возстановлять по отрывочнымъ архивнымъ документамъ и сохранившимся устнымъ преданіямъ стариковъ,—то здѣсь, въ Сибири, можно было наблюдать во всей цѣлости и неприкосновенности, какъ явленіе сегодняшняго дня, притомъ въ удивительно характерныхъ сочетаніяхъ.

За послѣдніе лѣтъ пятнадцать въ Сибири непрерывно производились работы по изученію формъ крестьянскаго землевладѣнія, былъ собранъ огромный фактическій матеріалъ, подвергнутый предварительной разработкѣ такими лицами, какъ гг. Чудновскій, Кауфманъ, Личковъ, Дубенскій, Осиповъ, Филимоновъ, а въ самое послѣднее время г. Кроль. Матеріалъ этотъ не только во всѣхъ деталяхъ и, такъ сказать, во весь ростъ рисуетъ общинную жизнь Сибири, но сопоставленный съ нѣкоторыми матеріалами, относящимися къ Евр. Россіи, освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ прошлое и великорусской общины, позволяетъ возстановить весь ходъ развитія русской земельной общины въ ея главнѣйшихъ моментахъ.

Послѣ всего сказаннаго является понятнымъ, почему приведенное выше опредѣленіе общины не отвѣчаетъ дѣйствительности, какъ не обнимающее всѣхъ ея формъ. Возвращаясь къ тому же вопросу, что такое община, я отвѣчаю: подъ общиной слѣдуетъ понимать всѣ формы регулируемаго обычнымъ правомъ совмѣстнаго землевладѣнія и землепользованія группы хозяйствъ, объединенныхъ родствомъ или сосѣдствомъ. Ни передѣлы и переверстки, ни круговая порука и отбываніе натуральныхъ повинностей не являются характерными признаками общины, какъ не будетъ для нея характернымъ и всякій другой признакъ, свойственый какой нибудь частной ея формѣ, какъ захватъ и проч. Такое опредѣленіе общины, по моему мнѣнію, обнимаетъ всѣ ея формы, отъ самыхъ раннихъ до наиболѣе сложныхъ.

Имѣющійся въ настоящее время обширный и разносторонній матеріалъ о сибирской общинѣ позволяетъ отчетливо различать, во 1-хъ, совокупность отношеній общины въ цѣломъ къ землѣ, которая находится въ ея распоряженіи,—вопросы общиннаго земле-

владѣнія; во 2-хъ, совокупность отношеній къ той же землѣ составляющихъ общину единицы—селеній въ одномъ случаѣ, если община сложная, и хозяйствъ—въ другомъ, если община однодеревенская,—вопросы общиннаго землепользованія; въ 3-хъ, наконецъ, совокупность всѣхъ тѣхъ обязанностей передъ государствомъ, которыя вытекаютъ изъ факта владѣнія и пользованія общинной землей,—вопросы податной общины.

Въ типичной великорусской общинѣ съ передѣлами границы землевладѣнія и землепользованія, а также и границы распространенія податныхъ тяготъ чаще всего сливаются между собою, почему одна и та же община, въ одномъ и томъ же личномъ ея составѣ, является то общиной земельной, то податной, смотря по тому, на какія ея функціи обращено въ данный моментъ вниманіе. Этимъ именно и объясняется, почему для многихъ община олицетворяется круговой порукой, являющейся въ дѣйствительности одной изъ особенностей податной общины.

Въ Сибири такое сліяніе далеко не всегда наблюдается: если бы произвести подсчетъ, то весьма вѣроятно оказалось бы, что даже и теперь границы земельной общины въ большинствѣ случаевъ не совпадаютъ съ границами общины податной, то далеко выходя за ея предѣлы, то захватывая только часть податной общины. Я не стану приводить здѣсь отдѣльныхъ фактовъ и только сошлюсь на статистическую литературу, гдѣ собрано достаточное количество этого рода данныхъ. Для меня въ настоящемъ случаѣ важно отмѣтить одно обстоятельство, вытекающее изъ такого несовпаденія границъ общины земельной и податной, а именно, что община земельная и податная не суть неразрывныя части одного цѣлаго. Напротивъ, функціи земельной и податной общины часто до такой степени рѣзко обособлены, что правильнѣе смотрѣть на нихъ не какъ на разныя стороны дѣятельности одного и того же цѣлаго—общины, а какъ на явленія, не связанныя между собою, совершенно обособленныя и законченныя. Вотъ почему, говоря о земельной общинѣ, я выдѣляю изъ дальнѣйшаго изложенія, насколько это представится возможнымъ, все, что касается общины податной, и буду имѣть въ виду лишь вопросы землевладѣнія и землепользованія общины.

Общинному землевладѣнію въ опредѣленномъ выше смыслѣ, т. е. въ смыслѣ совокупности отношеній общины въ ея цѣломъ къ землѣ, должно было предшествовать общинное землепользованіе, т. е. установленіе опредѣленныхъ отношеній къ землѣ ея составныхъ единицъ — хозяйствъ; другими словами, общинное землевладѣніе должно опираться на общинное землепользованіе.

Общинному землепользованію, т. е. совмѣстному пользованію землей группы хозяйствъ, уже объединенныхъ между собою узами родства или интересами сосѣдства и уже выработавшихъ по отношенію земли извѣстные обычаи, — предшествовала такъ

называемая „вольница“, подъ каковымъ терминомъ нужно понимать то положеніе, при которомъ каждый можетъ занять любое пространство никѣмъ ранѣе не захваченной земли и пользоваться ею въ теченіе того времени, какое ему будетъ нужно, можетъ остаться на занятомъ имъ пространствѣ или бросить его и занять другое, или же совсѣмъ покинуть данную мѣстность и перенести свою хозяйственную дѣятельность куда нибудь въ другой пунктъ. По свидѣтельству Е. С. Филимонова, изучавшаго сибирскую общину на Барабинской степи, барабинцы такъ характеризуютъ положеніе, создаваемое „вольницей“: „селись, гдѣ хочешь, живи—гдѣ знаешь, паши — гдѣ лучше, паси — гдѣ любче, коси — гдѣ густо, лѣсуй *) — гдѣ пушно **)“! Такая характеристика отличается поразительной точностью и образностью: здѣсь не только цѣльная программа отношенія къ землѣ, но и мастерская обрисовка условій, въ какія былъ поставленъ сибирскій крестьянинъ того времени, обрисовка, отъ каждаго штриха которой вѣетъ своеобразной поэзіей необозримой, дикой степи и лѣса, окружающихъ человѣка въ рѣдко населенной и мало культурной странѣ

„Вольница“ возможна только тамъ, гдѣ относительно рѣдко населеніе, гдѣ много свободныхъ, никѣмъ не занятыхъ земель, которыми можетъ пользоваться безпрепятственно всякій желающій. Для нея требуется, слѣдовательно, не только рѣдкое населеніе и масса свободныхъ земель, но еще и такихъ, которыя не имѣли бы никакой или же самую ничтожную рыночную цѣнность. Сибирь XVII, XVIII, а отчасти и XIX столѣтій такими именно условіями и обладала, и они то повсемѣстно въ ней и создали „вольницу“.

„Вольница“ не есть еще, однако, община въ опредѣленномъ выше смыслѣ, такъ какъ для осуществленія ея на практикѣ не требовалось прежде всего основнаго условія общины — группы хозяйствъ, объединенныхъ между собою въ томъ или другомъ отношеніи и пользующихся землей совмѣстно. Но она содержитъ въ себѣ многіе элементы, изъ которыхъ, при благопріятныхъ условіяхъ, развивается община, какъ при другихъ условіяхъ можетъ развиться и частная собственность. Это, если можно такъ выразиться, материнская форма народнаго землевладѣнія, характеризующаяся тѣмъ, что субъектомъ пользованія является хозяйство, семья, эти основныя ячейки общины, а не группа; отъ общаго строя и характера хозяйства, семьи будетъ зависѣть форма владѣнія, т. е. станетъ ли она коллективной, а слѣдовательно въ дальнѣйшемъ и общинной, или индивидуальной, которая въ дальнѣйшемъ процессѣ обособленія ея элементовъ дастъ владѣніе частное. Какъ извѣстно, общій складъ русской крестьян-

*) „Лѣсовать“—заниматься звѣроловствомъ.
**) „Гдѣ пушно“—гдѣ много звѣря, пушнины—мѣха.

ской семьи содержатъ много элементовъ хозяйственнаго коллективизма, почему первоначальныя формы ея земельныхъ отношеній и привели къ общинному не только землепользованію, но и владѣнію, а не къ частной земельной собственности.

Тѣмъ основнымъ элементомъ, который въ дальнѣйшемъ процессѣ развитія можетъ вызвать общину, является хозяйство, понимаемое въ смыслѣ экономическаго союза лицъ, связанныхъ родствомъ, иногда дальнимъ и даже условнымъ (пріемныя дѣти, зятья и проч.). Земли, которыми пользуется „хозяйство", „дворъ", инвентарь, какимъ онѣ обрабатываются, продукты, получаемые путемъ дѣятельности двора, какъ и другое его имущество, движимое и недвижимое, — все это не есть собственность того или другого члена хозяйства, а общая собственность ихъ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ. Лишь при распаденіи хозяйства, двора, при такъ называемомъ семейномъ раздѣлѣ распредѣляется и все его имущество, но и въ этомъ случаѣ не между отдѣльными лицами, а между тѣми болѣе мелкими семейно-хозяйственными единицами, на которыя распадается и самъ „дворъ". И это понятно: „хозяйство" собирается не единоличными усиліями того или тѣхъ, кто считается его представителями, а совокупными усиліями всѣхъ членовъ хозяйства, всего союза.

Чтобы такое хозяйство превратилось въ общину, необходимо, во-первыхъ, что бы оно разрослось до выдѣленія изъ себя ряда другихъ хозяйствъ или же объединилось съ уже существующими другими хозяйствами на почвѣ сосѣдскихъ отношеній; во-вторыхъ, чтобы эти новыя хозяйственныя единицы осѣли на землю тутъже, сохраняли родственныя и сосѣдскія связи, а это возможно, кромѣ внѣшнихъ условій свободы въ распоряженіи землей и удобствъ самой мѣстности, еще и при значительной продолжительности землепользованія въ данномъ пунктѣ. Другими словами, для образованія изъ хозяйства общины требуется развитіе хозяйства до группы, путемъ дробленія или соглашенія, и продолжительность совмѣстнаго землепользованія, достаточная для выработки опредѣленныхъ отношеній къ землѣ какъ всей группы, такъ и ея составныхъ частей—отдѣльныхъ хозяйствъ.

Разъ такія условія и ихъ ближайшія послѣдствія на лицо,— мы уже имѣемъ дѣло не съ хозяйствомъ, а съ общиной, и не только съ ея землепользованіемъ, но и землевладѣніемъ.

Другая особенность „вольницы" заключается въ томъ, что здѣсь всѣ, кто имѣетъ отношеніе къ землѣ, поставлены въ совершенно равныя условія: каждому, какъ и всѣмъ, въ одинаковой степени принадлежитъ право свободнаго пользованія землей— „гдѣ кому угоднѣе и способнѣе", какъ говорятъ сибирскіе крестьяне. Вотъ этотъ то принципъ равенства всѣхъ передъ землей, въ смыслѣ пользованія и владѣнія ею, сближаетъ „вольницу" съ общиной, такъ какъ онъ является основнымъ принципомъ всѣхъ

извѣстныхъ формъ общины, всѣ видоизмѣненія которой обусловливаются необходимостью приводить въ согласованіе этотъ принципъ съ измѣняющимися окружающими условіями.

Первоначальныя формы общиннаго пользованія и владѣнія землей, слагающіяся въ атмосферѣ „вольницы“, опираются на фактъ перваго завладѣнія землей, перваго „захвата“, почему онѣ и могутъ быть названы захватными формами общины.

Право перваго завладѣнія, захвата свободныхъ земельныхъ пространствъ, въ широкой степени практикуется и при „вольницѣ“, на него опирающейся. Но тамъ оно никѣмъ извнѣ не регулируется; съ возникновеніемъ же общины оно отливается постепенно въ опредѣленныя, при томъ все болѣе и болѣе осложняющіяся формы, регулируемыя уже не единоличнымъ только воззрѣніемъ самаго захватывающаго, а группой хозяйствъ, т. е. общиной. Здѣсь именно слагаются первыя положенія обычаевъ, которыми община будетъ руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ къ землѣ и къ своимъ членамъ, начинаетъ слагаться обычное право общины.

При условіяхъ „вольницы“, когда свободныхъ земель значительно болѣе, чѣмъ сколько ихъ требуется, земля не имѣетъ цѣнности, и каждый можетъ занять любой свободный ея участокъ, какъ можетъ это сдѣлать и его сосѣдъ, не нарушая ничьихъ интересовъ, такъ какъ этотъ участокъ отъ сосѣдскаго будетъ отдѣленъ пространствомъ пустующихъ земель, и слѣдовательно у нихъ не будетъ почвы для столкновенія изъ за пользованія участкомъ; каждый живетъ самъ по себѣ вдали отъ другихъ, не приходя съ ними въ непосредственное соприкосновеніе. Но вотъ, путемъ естественнаго роста хозяйства въ смыслѣ его численности и черезъ его дробленіе и выдѣленіе новыхъ хозяйственныхъ единицъ, возникаетъ группа хозяйствъ, живущихъ въ опредѣленномъ пунктѣ. Здѣсь становятся уже возможными случаи, когда не можетъ быть осуществлено въ полной мѣрѣ право каждаго на землю. У вновь образовавшагося селенія вскорѣ будутъ земли болѣе цѣнныя, какъ ближайшія, и менѣе цѣнныя, какъ удаленныя; земли не тронутыя, „цѣлинныя“, требующія большей затраты силъ и средствъ для обращенія подъ культуру, и земли уже бывшія въ обработкѣ, „мягкія“, дальнѣйшее воздѣлываніе которыхъ легче. И т. д. Вообще возникаетъ рядъ положеній, при которыхъ не всѣ хозяйства группы, общины, могутъ осуществлять свои права на землю въ равной степени, права свободнаго ею пользованія наравнѣ со всѣми остальными. Получается неравенство положенія въ общинѣ ея членовъ, что ею не можетъ быть долго терпимо, такъ какъ въ сохраненіи именно равенства заключается raison d'être самой общины. Для нея возникаетъ настоятельная необходимость создать такія новыя условія, при которыхъ гарантировались бы въ равно возможной степени

13*

интересы каждаго. Община беретъ на себя обязанности постояннаго регулятора отношеній къ землѣ своихъ членовъ, отношеній, которыя удовлетворяли бы основному ея принципу равенства всѣхъ передъ землею.

Такимъ именно регулирующимъ началомъ, можетъ быть первымъ, къ которому обращается община, является признаніе съ ея стороны права перваго захвата, а именно неограниченное право на землю того, кто первый ее захватилъ, кто вложилъ въ нее свой трудъ, кто придалъ ей тѣмъ самымъ извѣстную цѣнность. Никто не можетъ занять разъ захваченную землю, пока она почему либо требуется ея хозяину, т. е. лицу, вложившему въ нее свой трудъ. На первое время, пока земли много, этого ограниченія совершенно достаточно для сохраненія равенства положенія всѣхъ въ общинѣ, такъ какъ при этихъ условіяхъ каждый можетъ произвести для себя захватъ свободной земли, въ какомъ ему нужно количествѣ, и стать тѣмъ самымъ въ одинаковыя условія съ сосѣдомъ, также не стѣсненномъ въ приложеніи своихъ силъ къ землѣ въ желательныхъ для него размѣрахъ.

По мѣрѣ численнаго возрастанія общины все болѣе и болѣе распахивается и захватывается земель, границы ея дѣятельности все расширяются; въ погонѣ за цѣлинными землями, когда ближайшія всѣ распаханы, и за болѣе высокими урожаями, часть ея членовъ начинаетъ переносить свою дѣятельность подальше отъ деревни, сначала только для лѣтнихъ работъ, а затѣмъ и для болѣе постоянныхъ, а нѣкоторые изъ нихъ и совсѣмъ поселяются на дальнихъ участкахъ. Такъ возникаетъ заимка, хуторъ, починокъ, сохраняющіе связь съ общиной, помня съ нею свое родство. На заимкѣ, въ свою очередь, идетъ тотъ же процессъ разростанія въ селеніе и выдѣленія новыхъ заимокъ, при сохраненіи прежней земельной связи. Такимъ именно образомъ возникаетъ та форма общины, которая извѣстна подъ именемъ сложной, составной или волостной общины, гдѣ уже на почвѣ пользованія землей приходятъ въ столкновенія не только отдѣльныя хозяйства, но и ихъ группы, объединенныя болѣе близкими интересами односелья. Будучи сложной, волостной въ смыслѣ землевладѣнія, такая община въ смыслѣ землепользованія является захватной, пока свободно практикуется ею принципъ перваго завладѣнія.

Черезъ извѣстный періодъ времени, когда населеніе общины въ достаточной степени возрастетъ, когда распространять далѣе границы пользованія землей уже невозможно или затруднительно, такъ какъ въ такой же мѣрѣ происходитъ разростаніе и сосѣднихъ общинъ, границы которыхъ начинаютъ соприкасаться между собой, тогда понемногу выясняется неудовлетворительность даннаго порядка вещей въ общинѣ, выясняется нарушеніе ея основного принципа—равенства всѣхъ по отношенію пользованія землею—

наличными порядками. Теперь далеко уже не каждый общинникъ можетъ въ одинаковой степени осуществлять свое право на землю: лучшія земли захвачены болѣе сильными, въ экономическомъ отношеніи, хозяйствами, на долю же болѣе слабыхъ земли остается мало, или она слишкомъ далека, и пользованіе ею сопряжено съ большими затрудненіями. Для части общинниковъ такой порядокъ выгоденъ, для другой—нѣтъ; община раскалывается на враждующія и борющіяся между собой партіи. Чѣмъ болѣе возрастаетъ численность населенія общины, чѣмъ относительно менѣе становится земель, тѣмъ сильнѣе обостряется борьба и дѣлается болѣе тяжелой. Съ общиной, какъ цѣлымъ, борются составляющія ее мелкія единицы, въ охранѣ интересовъ которыхъ она получаетъ и сама свое оправданіе. Когда данный порядокъ настолько разовьется, что становится матеріально невыгоднымъ для значительнаго числа составляющихъ общину единицъ, община бываетъ вынужденной или стать на сторону новыхъ требованій и выработать новыя условія, при которыхъ вновь могло бы практически осуществляться въ одинаковой степени право каждаго общинника на землю, или же она должна распасться на болѣе мелкія части, объединенныя каждая одинаковостью интересовъ. Назрѣваетъ надобность въ новой формѣ общины, и заимочная ея форма уступаетъ мѣсто болѣе регулированному пользованію. Пользованіе угодьями обставляется рядомъ условій, ограничивающихъ болѣе сильныхъ общинниковъ и ставящихъ въ одинаковыя съ ними условія болѣе слабыхъ. Право захвата ограничивается извѣстнымъ срокомъ, постепенно все сокращающимся; устанавливаются предѣлы развитія хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ единицъ общины, напр., установленіемъ предѣльныхъ размѣровъ запашки для отдѣльнаго двора, запрещается употреблять на работу наемныхъ рабочихъ (при такъ называемыхъ закосахъ луговъ) и проч. Жизнь общины вновь принимаетъ мирное теченіе, пока ея основной принципъ болѣе или менѣе рѣзко не нарушается, что обязательно должно произойти въ силу возрастанія населенія общины и, слѣдовательно, постояннаго измѣненія числовыхъ отношеній между населеніемъ общины и находящейся въ ея распоряженіи землей. Какъ первую форму общины можно назвать наслѣдственно родовой формой захвата, такъ эту послѣднюю—формой срочнаго, регулированнаго захвата.

Но процессъ возрастанія населенія общины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и относительное сокращеніе свободныхъ земель продолжается въ прежнемъ направленіи, а потому черезъ нѣкоторое время будетъ вновь нарушенъ все тотъ же принципъ общины, такъ какъ всѣ болѣе удобныя земли будутъ заняты, и хозяйствамъ новаго образованія придется пользоваться уже худшими, выдержанными землями, обработка которыхъ требуетъ удобренія и проч.

или же совсѣмъ отказаться отъ земледѣльческаго труда и искать приложенія своимъ силамъ въ какой-нибудь другой области. Жизнь общины снова становится тревожной, такъ какъ она перестаетъ удовлетворять интересы части своихъ членовъ въ той же степени какъ другихъ; вновь возникаетъ агитація, обостряется борьба между общиной и составляющими ее единицами, которая никогда совершенно не прекращается, такъ какъ община, какъ и всякая общественная организація, стремится въ своихъ интересахъ подавить интересы отдѣльныхъ общинниковъ, какъ тѣ постоянно стремятся преступить устанавливаемыя для нихъ общиной границы, нарушающія ихъ отдѣльные частные интересы. Словомъ, община болѣе дѣятельно начинаетъ вырабатывать новыя формы отношеній, которыя могли бы снова поставить ея членовъ въ равенство условій къ пользованію землею.

Я не могу здѣсь не только входить въ подробное положеніе всѣхъ стадій борьбы и измѣненія формы общины, но даже просто и перечислить всѣ главнѣйшія смѣны, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ много мѣста, не прибавивъ ничего къ выясненію главной моей мысли; достаточно сказать, что въ концѣ концовъ регулируемый срочный захватъ постепенно перейдетъ въ ту форму общины, которая характеризуется періодическими передѣлами земельныхъ угодій по разнообразнымъ входящимъ въ составъ общины и составляющихъ ее хозяйство единицамъ, т. е. въ наиболѣе распространенный въ Европейской Россіи типъ общины. Переходъ этотъ обусловливается все тѣми же измѣненіями числовыхъ отношеній между все возрастающимъ населеніемъ и площадью занимаемыхъ общиною земель.

Отсюда постоянная необходимость въ постепенномъ созданіи такихъ условій, при которыхъ всѣ члены общины постоянно бы находились въ равныхъ къ землѣ отношеніяхъ.

Такова общая схема образованія русской земельной общины, исторія возникновенія и развитія однѣхъ, упадка и разложенія другихъ ея формъ. Собранный въ Сибири матеріалъ позволяетъ во всѣхъ деталяхъ прослѣдить этотъ процессъ. Онъ будетъ въ своей основѣ однимъ и тѣмъ же, станемъ ли мы разсматривать простую общину, т. е. не выходящую за предѣлы одного селенія, или сложную, т. е. охватывающую болѣе одного селенія. Вся разница будетъ наблюдаться въ томъ, что при составной общинѣ взаимныя отношенія составляющихъ ее элементовъ нѣсколько сложнѣе, такъ какъ самихъ борющихся элементовъ больше: хозяйство борется за возможную свободу въ проявленіи своей дѣятельности не только съ общиной въ ея цѣломъ, но и съ тою ея частью, которая совпадаетъ съ деревней, гдѣ группа домохозяевъ объединена, кромѣ общихъ интересовъ, еще интересами своей деревни, которыя не всегда совпадаютъ съ частными интересами отдѣльныхъ хозяйствъ. Точно также и деревня, какъ составная часть

сложной общины, ведетъ борьбу за свои интересы не только съ цѣлымъ, съ самой общиной, но и съ тѣми элементами, на которые она сама распадается—съ отдѣльными хозяйствами. Характеръ же борьбы, ея направленіе, какъ и направленія въ производимыхъ ею измѣненіяхъ общинныхъ порядковъ здѣсь тѣ же, что и въ общинѣ простой, однодеревенской, и это понятно, такъ какъ и въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ одной и той же категоріей отношеній—съ землепользованіемъ общины, тогда какъ ея землевладѣніе остается неизмѣннымъ. Но борьба, происходящая внутри сложной общины, нерѣдко приводитъ къ ея дробленію на болѣе мелкія общины, что измѣняетъ въ сторону сокращенія и размѣры ея землевладѣнія. Аналогичнаго случая въ однодеревенской общинѣ, т. е. чтобы она распалась на болѣе мелкія общинныя же единицы,—я не знаю, если не имѣть въ виду образованія тѣхъ такъ называемыхъ раздѣльныхъ общинъ, составляющихъ только часть селенія, которыя образовались путемъ внѣшняго воздѣйствія, не вытекающаго изъ жизни самой общины,—вмѣшательства помѣщичьей власти, административнаго усмотрѣнія и т. п.

Вся жизнь общины протекаетъ въ извѣстной общественно-исторической атмосферѣ, которая не можетъ не влiять на нее, не можетъ не класть на нее своего отпечатка, не рѣдко грубаго и уродливаго. Таково именно было воздѣйствіе на общину крѣпостныхъ отношеній, подчиненія ея государству въ цѣляхъ фиска, ограниченія ея землевладѣнія черезъ установленіе опредѣленнаго семейнаго надѣла, до такъ называемаго „нищенскаго" включительно, и т. д. Суровая дѣйствительность не скупилась на этого рода вліянія и воздѣйствія, ставившія подъчасъ передъ общиной почти неразрѣшимыя задачи, но всѣ они не вытекали изъ существа самой общины, развитія и смѣны ея формъ, будучи продуктомъ внѣ ея лежащихъ условій. Все это должно было нарушать очерченный выше постепенный процессъ развитія общинныхъ формъ, часто вводило ихъ въ искусственныя, притомъ весьма тѣсныя рамки, и община должна была къ нимъ приспособляться. Въ своемъ изложеніи я умышленно избѣгалъ касаться всѣхъ такихъ внѣшнихъ воздѣйствій и вліяній, какъ затемняющихъ основныя черты общины. Но эти внѣшнія вліянія всегда необходимо имѣть въ виду, когда заходитъ рѣчь объ общинѣ и ея судьбахъ.

Конечная форма русской земельной формы есть та, которая практикуетъ передѣлы и при ихъ помощи уравниваетъ права своихъ членовъ на землю. Здѣсь также наблюдаются время отъ времени нарушенія основнаго принципа общины — равенства всѣхъ передъ землею, производимыя все тѣмъ же главнѣйшимъ факторомъ эволюціи общины—измѣняющимся числовымъ отношеніемъ между возрастающимъ населеніемъ общины и остающеюся неизмѣнною площадью ея землевладѣнія. Обычно борется она съ этими

нарушеніями двумя мѣрами: установленіемъ все болѣе мелкой разверсточной единицы при передѣлахъ, во 1-хъ, и болѣе частыхъ сроковъ самыхъ передѣловъ, во 2 хъ. И община Европейской Россіи довела технику передѣла до высшей, мѣстами прямо изумительной точности, обезпечивающей возможную степень ненарушимости принципа равенства всѣхъ передъ землей. Но именно здѣсь то, повидимому, община и достигла предѣла въ измѣненіи своихъ формъ, и дальнѣйшая ея эволюція, при данныхъ общихъ условіяхъ, врядъ ли возможна и во всякомъ случаѣ сопряжена съ большими затрудненіями. Я имѣю здѣсь въ виду ту дробность землепользованія общины, дальше которой идти, кажется, некуда.

Общинное населеніе во многихъ мѣстностяхъ настолько возрасло по отношенію имѣющагося въ его распоряженіи количества земли, что дальнѣйшія занятія земледѣльческимъ промысломъ становятся для него уже невыгодными. Неуклонное проведеніе принципа поравненія должно было привести къ такой дробности душевыхъ земельныхъ долей, которая исключаетъ возможность веденія доходнаго хозяйства при томъ уровнѣ земледѣльческой техники, какая характеризуетъ нашу деревню. Общинѣ приходится заботиться не только уже о томъ, чтобы никто изъ ея членовъ въ пользованіи землей не могъ создать для себя привиллегированное по отношенію другихъ положеніе, но и бороться съ малоземельемъ, съ быстро идущимъ обнищаніемъ деревенской Россіи, съ хроническими голодовками и т. п. неблагопріятными явленіями, выросшими не на почвѣ общины, а внѣ ея, но ежеминутно дающими себя чувствовать. При такихъ условіяхъ неудивительно, что община изъ органа, обезпечивающаго своимъ членамъ равномѣрность владѣнія и пользованія землею, постепенно превращается въ органъ уравнительнаго распредѣленія между своими членами всѣхъ внѣшнихъ невзгодъ, въ своего рода регуляторъ голодныхъ ртовъ.

Выйти изъ этого критическаго положенія община могла бы при помощи расширенія площади ея землевладѣнія и усиленнаго повышенія техники земледѣлія, что дѣлало бы продуктивнымъ занятіе промысломъ, во 1-хъ, а во 2-хъ, при помощи какого нибудь другого принципа, посредствомъ котораго могло бы осуществляться равенство каждаго на землю даже и тогда, когда дальнѣйшіе передѣлы, дальнѣйшее дробленіе участковъ становится невозможнымъ.

С. П. Швецовъ.

Телеграммы и письма,

полученныя послѣ кончины Н. К. Михайловскаго его семьей и редакціей «Русскаго Богатства».

Изъ *Томска*: „Выражаемъ глубокую скорбь по поводу смерти Николая Константиновича Михайловскаго и искреннее сочувствіе редакціи „Русскаго Богатства". *Аполлонъ и Любовь Цвѣтаевы.*

Изъ *Козельца*: „Группа евреевъ-почитателей безвременно угасшаго на „славномъ посту" талантливаго публициста-писателя Николая Константиновича Михайловскаго, — ярко освѣщавшаго неотразимымъ свѣтомъ своихъ произведеній потемки нашей жизни,— глубоко потрясенная и опечаленная его смертью,—шлетъ редакціи „Русскаго Богатства" выраженіе искренняго соболѣзнованія и участія въ постигшемъ ее горѣ. Смерть Николая Константиновича глубокой болью отзовется въ сердцахъ всѣхъ, кто, какъ мы, преклоняясь предъ силою его глубокаго ума и благороднаго сердца,—чутко внимали каждому слову его, пробуждавшему общественное самосознаніе и призывавшему къ воплощенію въ жизнь идеаловъ добра и правды. Особенно тяжело сознаніе, что въ настоящій переживаемый нами тяжелый моментъ, когда темныя силы нашей литературы грозно встаютъ и призываютъ къ человѣконенавистничеству и насилію, возбуждая племенную рознь и грубые инстинкты,—въ этотъ моментъ не раздастся болѣе мощный голосъ Николая Константиновича, всегда сѣявшаго въ русскомъ обществѣ своимъ честнымъ словомъ сѣмена терпимости и любви къ ближнему" (*17 подписей*).

Изъ *Суткова*: „Много лѣтъ съ такимъ нетерпѣніемъ мы въ нашей деревенской глуши поджидали, бывало, книжекъ „Русскаго Богатства"; тѣснымъ кружкомъ, по окончаніи работъ въ больницѣ, школѣ, собирались почитать о томъ, какъ борются... въ защиту человѣческой личности. Вопросы мѣнялись, противники мѣнялись, а Н. К. Михайловскій, то въ кругу друзей, то почти одиноко оставался все тѣмъ же горячимъ, прямымъ борцомъ за великую двуединую правду, и казалось, что тамъ, на далекомъ сѣверѣ, есть такой непоколебимый оплотъ для всего честнаго, свѣтлаго, и когда чувствовалъ усталость, спѣшилъ къ этому оплоту и черпалъ въ немъ новыя силы, отдыхалъ сердцемъ и умомъ.

Телеграфъ давно принесъ вѣсть объ этой невознаградимой утратѣ, тяжело было, но всетаки съ какой-то... надеждой ждалъ книжку журнала. Вотъ и 2-я книжка за текущій годъ, и въ ней, вмѣсто завѣтнаго отдѣла, только портретъ человѣка, который почти полстолѣтія, какъ писатель и гражданинъ, всей силою

своего таланта, знаній, своей свѣтлой честной мысли откликался на больные вопросы нашей жизни... портретъ да полныя глубокой скорби строки друзей, соработниковъ и читателей. Въ тяжелую для Россіи минуту умолкъ Николай Константиновичъ, новая могила прибавилась въ рядахъ дорогихъ, великихъ могилъ; она, въ счастью, не затерялась гдѣ-нибудь, на далекихъ окраинахъ („нужны намъ великія могилы!..") и будетъ напоминать петербуржцамъ его идеалы, его вѣрованія, его могучія усилія разсѣять тьму и мракъ, а мы, разбросанные по отдаленнымъ уголкамъ Россіи, сохранимъ въ памяти его свѣтлый образъ, постараемся проводить въ жизнь его двуединую правду, его великую любовь къ народу и къ „человѣку", — въ тяжелыя же минуты будемъ черпать энергію, силу и ясность въ его прошлыхъ, вѣчно правдивыхъ трудахъ, какъ черпали ихъ въ его живой рѣчи, со страницъ руководимаго имъ журнала, который, мы глубоко убѣждены, останется и впредь вѣренъ своему направленію.

Свое искреннее глубокое горе присоединяемъ къ скорби сотрудниковъ и другихъ читателей-почитателей Н. К. Михайловскаго". Женщина-врачъ *С. Огузъ*, учительница сельской школы *Ю. Ярошевичъ*, фельдшерица *Л. Бѣляцкая*.

Изъ *Лозовой-Павловки:* „Тяжелое впечатлѣніе, оставленное вѣстью о смерти Н. К. Михайловскаго, становится еще тяжелѣе при взглядѣ на послѣднюю траурную книжку „Русскаго Богатства". Невольно сильнѣе чувствуется, какъ велика потеря, понесенная редакціей дорогого журнала, а вмѣстѣ съ нимъ и извѣстной частью русской читающей публики, какъ невознаградима она. Твердо надѣемся, что духъ Николая Константиновича все-же будетъ витать надъ журналомъ еще долго, долго"... (*16 подписей*).

Изъ *Василькова:* „Къ числу немногихъ дорогихъ для мыслящаго человѣка, свѣтлыхъ, святыхъ именъ принадлежатъ и имя высокочтимаго Николая Константиновича Михайловскаго, который въ теченіе 40 лѣтъ проповѣдывалъ просвѣщеніе, „создавая его, расчищая путь для свободнаго развитія цивилизаціи".

Выражая свою глубокую скорбь, по поводу незамѣнимой утраты, шлю осиротѣвшей редакціи „Русскаго Богатства" свое искреннее сочувствіе". Подписчикъ *И. А. Ставискій*.

Изъ *Баку:* „Собравшійся кружокъ осиротѣвшей интеллигенціи шлетъ свое запоздалое прощальное слово на могилу великаго идейнаго вождя своего, Николая Константиновича Михайловскаго

„Какой свѣтильникъ разума угасъ,
„Какое сердце биться перестало!"

„Не говорите мнѣ: онъ умеръ!.."
„Онъ живетъ!.."

Онъ живетъ въ ученіи, которое оставилъ намъ, какъ „памятникъ нерукотворный." (*26 подписей*).

Изъ *Могилева*: „Не стало великаго учителя многихъ поколѣній! Со смертью Михайловскаго сошелъ въ могилу писатель, среди „смуты" послѣднихъ 20-ти лѣтъ не перестававшій напоминать русскому обществу „забытыя слова" и указывавшій ему, что не „новыхъ словъ" нужно искать, а нужно использовать и осуществить завѣщанное намъ великими мучениками нашей литературы. Это былъ единственный авторитетный голосъ, тщательно оберегавшій завѣты 60-хъ годовъ, призывавшій общество къ ихъ усвоенію и дававшій отпоръ всякимъ Подхалимовымъ и „патріотамъ своего отечества". Онъ, какъ Салтыковъ, Некрасовъ и др., названъ былъ „спасителями" отечества „разбойникомъ печати"! Время уже показало, кто явился и является разрушителемъ: эти ли корифеи нашей литературы, призывавшіе общество къ гуманности и справедливымъ общественнымъ отношеніямъ, или эти „спасители отечества", вливавшіе и вливающіе въ общественное сознаніе человѣконенавистническія идеи и желающіе возстановленія „добраго" стараго времени. Онъ могъ гордиться той ненавистью, которую питали къ нему эти „спасители", ибо онъ всегда выступалъ безпощаднымъ обличителемъ ихъ сокровенныхъ вожделѣній, носившихъ явно домостроевскій характеръ. Страхъ беретъ, что съ уходомъ его со „славнаго поста" всевозможные гады нашей литературы, при немъ терявшіе свою развязность, еще болѣе поднимутъ свои головы и опять усилятъ ту „смуту" умственную, которая въ послѣдніе годы начала было уже отчасти разсѣиваться! Но всетаки хочется вѣрить, что духъ его не умеръ и не умретъ! Какой свѣтильникъ разума угасъ, какое сердце биться перестало!" *Д-ръ И. Л. Хаританскій.*

Изъ *Вологды*: „Въ концѣ января 1904 года русская литература и русское общество понесли тяжелую потерю въ лицѣ скончавшагося Николая Константиновича Михайловскаго.

Помимо блестящихъ заслугъ въ области публицистики и критики, покойный писатель всю свою многолѣтнюю жизнь горячо, талантливо и съ удивительною настойчивостью ратовалъ за широкое развитіе общественнаго просвѣщенія и самодѣятельности.

Вологодское просвѣтительное общество „Помощь", посильно работающее для этихъ же самыхъ дорогихъ и насущныхъ интересовъ родины, не можетъ, конечно, безразлично отнестись къ понесенной утратѣ: оно выражаетъ сочувствіе тѣмъ идеямъ, которымъ служилъ покойный писатель, а также пожеланіе, чтобы идеи эти возможно скорѣе и возможно полнѣе воплотились въ жизнь."

Изъ *Вѣны*: „Въ лицѣ Николая Константиновича Михайловскаго Россія потеряла одного изъ своихъ славныхъ сыновъ, неустанно въ теченіе своей 40-лѣтней литературной дѣятельности будившаго ея мысль и призывавшаго ея гражданъ къ служенію идеаламъ добра и правды, которые всегда составляли пред-

метъ и цѣль его писаній. Неутомимый и страстный искатель правды-истины и правды-справедливости, онъ жилъ и до конца дней своихъ стоялъ на „славномъ посту“, съ котораго раздавалась его мужественная рѣчь, и намъ больно сознавать, что страницы „Русскаго Богатства“ уже никогда не будутъ украшаться статьями любимаго писателя.

Желая увѣковѣчить память Николая Константиновича, русская учащаяся молодежь г. Вѣны, собравшись на открытіе новой русской читальни, постановила назвать ее именемъ покойнаго. По постановленію общаго собранія члены комитета (*3 подписи*).

Изъ *Сарапула*: „Что-то необычайно дорогое, родное и великое унесла съ собою неожиданная смерть Николая Константиновича Михайловскаго. Въ каждомъ читателѣ это извѣстіе отозвалось большимъ неподдѣльнымъ горемъ... Пусть труды славнаго преемника Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго опередили время, въ которое онъ жилъ, на десятки лѣтъ; пусть въ его словахъ сокрыта нестарѣющая истина, которую будутъ повторять потомъ другіе съ успѣхомъ,—но отъ всего этого не легче теперь. Именно теперь тяжело, когда не видишь въ разныхъ теченіяхъ русской мысли того великаго ума, который помогалъ своимъ несравненнымъ анализомъ русскому обществу и литературѣ разбираться въ сложныхъ явленіяхъ современной смуты. Досадно во всемъ этомъ то, что такіе умы носятъ въ себѣ способность къ безконечному духовному развитію, это неистощимые родники мысли и вдохновенія, и потому всякая ихъ смерть, хотя бы и естественная и нормальная, является въ сущности какимъ-то насиліемъ, неправдою, которую не побѣдилъ самъ великій борецъ за правду, теперь великій покойникъ. И передъ этой загадкой жизни становишься въ тупикъ съ неотвязнымъ и злымъ вопросомъ: зачѣмъ судьба не позволяетъ генію высказать все, что онъ могъ, что хотѣлъ? Грустно вообще жить, а безъ Михайловскаго—невыносимо“. *С. Миловскій.*

Изъ *Коканда*: „Зачѣмъ унесла безпощадная смерть этого милаго и дорогого человѣка! Мы такъ нуждаемся въ вождяхъ, въ хорошемъ словѣ и примѣрѣ: въ людяхъ еще столько дикости, жестокости и, порою, безпредметной злобы!.. Кто будетъ направлять ихъ на правый путь?.. Недугъ, который свелъ Николая Константиновича въ могилу, всѣмъ хорошо знакомъ, и можно только удивляться, какъ могъ столько работать, умственно, покойный при своей болѣзни. Богъ берегъ намъ его, только и могу сказать, но зачѣмъ Онъ не продлилъ намъ Своихъ милостей!“ *Евг. Бѣльская.*

Изъ *улуса Бо-Ханъ*: „Изъ далекой Сибири почитатели-буряты выражаютъ свое искреннее соболѣзнованіе, раздѣляя скорбь осиротѣлаго „Русскаго Богатства“, пожелавъ силъ и бодрости въ

продолженіи тяжелой работы службы обществу, твердо храня завѣты славнаго борца“. *Сократъ Пирожковъ.*

Изъ *Якутска*: „Поздно получили горькую вѣсть о кончинѣ Николая Константиновича Михайловскаго. Преданные идеаламъ геніальнаго мыслителя и великаго публициста гражданина, шлемъ редакціи „Русскаго Богатства“ наше горячее соболѣзнованіе“ (*21 подпись*).

Изъ *Кіева*: „Глубоко скорблю по поводу неожиданной кончины Николая Константиновича. Въ его лицѣ русское общество и литература несомнѣнно понесли тяжелую потерю. Я считаю своимъ долгомъ выразить редакціи „Русскаго Богатства“ свое искреннее сочувствіе въ постигшемъ ее горѣ, лишившейся столь дорогого и любимаго писателя“. *З. Пергаменщикъ.*

Изъ *с. Шилинскаго*: „Только теперь, къ великому сожалѣнію, мы можемъ выразить нашу глубокую скорбь по поводу кончины Николая Константиновича. Учитель и вождь, онъ ушелъ отъ насъ въ особенно нужное, особенно знаменательное время. Но, смиряясь передъ неизбѣжными ударами судьбы, пусть знаетъ каждый, что на „Литераторскихъ Мосткахъ“ похоронено только мертвое тѣло того, кому суждена вѣчная жизнь въ благодарной памяти народа. Съ именемъ Михайловскаго не умретъ воспоминаніе о талантливой и убѣжденной проповѣди всесторонняго развитія человѣческой личности, какъ единственной и мощной основы общаго блага. „Русскому Богатству“ шлемъ скорбное сочувствіе друзей-читателей“. *Аркадій Бродовиковъ. Іосифъ Домбровскій.*

Изъ *Уфы*: „Позвольте и мнѣ—позднимъ числомъ—выразить свою безпредѣльную душевную скорбь о кончинѣ нашего великаго учителя-вождя, незабвеннаго Николая Константиновича Михайловскаго. Онъ умеръ, но живы идеи его! Вѣчная память почившему! Вѣчная слава его великимъ завѣтамъ“. *В. В. Леоновичъ.*

Изъ *м. Олевска*: „Съ прискорбіемъ сожалѣемъ о незамѣнимой утратѣ глубокоуважаемаго Николая Константиновича Михайловскаго. Угасъ еще одинъ изъ свѣточей шестидесятниковъ! Но тѣ идеи правды, истины и человѣчности, за которыя онъ всю жизнь такъ энергично боролся, сохранятъ его доброе имя для будущихъ поколѣній, расцвѣтутъ пышными цвѣтами и принесутъ обильные плоды нашему дорогому русскому народу“. Помощникъ лѣсничаго *А. Педзвѣдскій.* Народные учителя: *А. Григоровичъ, А. Блохинъ.*

Изъ *Харькова*: „Глубоко сожалѣю по поводу тяжелой потери, понесенной редакціей „Русскаго Богатства“ въ лицѣ внезапно скончавшагося Н. К. Михайловскаго. Смерть талантливаго ученаго, публициста и критика, горячо отстаивавшаго права личности, непреклоннаго борца за созданіе условій, благопріятству-

ющихъ развитію ея,—громадная потеря для всей Россіи, печальный ударъ безсмысленной судьбы.

Одно утѣшеніе въ невознаградимой утратѣ: не умеръ и не можетъ умереть благородный духъ Н. К. Михайловскаго! Во всѣхъ углахъ Россіи нашелъ онъ откликъ, и надъ безвременной могилой сошлись тысячи пораженныхъ скорбью людей, чтобъ, отдать послѣдній долгъ своему вождю, „властителю думъ". *К. Щ.*

Кружокъ читателей-друзей „Русскаго Богатства" выражаетъ редакціи журнала глубокое сочувствіе по поводу понесенной имъ потери въ лицѣ умершаго Николая Константиновича Михайловскаго. Раздѣляя эту скорбь вмѣстѣ со всѣми друзьями народа и народнаго дѣла, мы отъ всей души желаемъ сотрудникамъ „Русскаго Богатства", въ виду свѣжей могилы своего бывшаго руководителя, тѣснѣе сплотиться около журнала и найти въ себѣ достаточно силъ, чтобы продолжать дѣло, которому служилъ покойный Михайловскій, т. е. борьбѣ за правду - истину и справедливость.

Вѣрьте, что вы не одиноки. Многочисленныя выраженія сочувствія, полученныя вами и получаемыя до сихъ поръ, говорятъ вамъ, кто ваши единомышленники и сколько ихъ. Благоговѣйно склоняясь передъ могилой Николая Константиновича, мы просимъ редакцію „Русскаго Богатства" принять это письмо, какъ знакъ нашей солидарности съ вами—насъ читателей съ вами руководителями.

Пусть въ этомъ союзѣ каждый изъ насъ будетъ почерпать силы для борьбы и увѣренность въ ея успѣхѣ...

Можетъ быть, мы близки къ цѣли (*18 подписей*).

КОНЕЦЪ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На сооруженіе памятника на могилѣ **Николая Константиновича Михайловскаго** поступило:

Черезъ С. С. Зака отъ 21 лица изъ Одессы—59 р.; М. М. Тагера—5 р.; Г. Шеффера, изъ Петровскаго завода—3 р.; Г. Теръ-Погосова, изъ Балаханъ—2 р.; подписчика И. Н., изъ Житоміра—10 р.; С. Ратнера—1 р.; черезъ Л. М. Мельникова отъ 3 лицъ, изъ Ейска—2 р.; А. Трояновскаго, изъ Кіева—2 р.; Д. Ризова, изъ Софіи—10 р.; А. Ратнера, изъ Одессы—3 р.; по желанію Н. А. Карышева, перечислено его пожертвованіе изъ капитала имени Н. К. Михайловскаго при „Литературномъ Фондѣ"—70 р. 32 к.

Итого . . . 167 р. 32 к.

А всего съ прежде поступившими 1.946 р. 04 к.

На стипендію имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Черезъ А. Я. Макарона отъ 3 лицъ, изъ д. Пинчуги—1 р. 50 к.; черезъ В. К. отъ Рябинина—20 р.; студента Института Гражданскихъ Инженеровъ Д.—2 р.

Итого . . . 23 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 773 р. 65 к.

Въ капиталъ имени **Николая Константиновича Михайловскаго** при „Литературномъ Фондѣ":

Отъ подписчика „Русскаго Богатства" № 1821—1 р. 50 к.; студентовъ Московскаго техническаго училища—28 р. 45 к.; черезъ контору газеты „Восточное Обозрѣніе" отъ неизвѣстнаго—9 р. 85 к.

Итого . . . 39 р. 80 к.

А всего съ прежде поступившими, за исключеніемъ перечисленнаго пожертвованія Н. А. Карышева 70 р. 32 к. въ капиталъ на сооруженіе памятника на могилѣ Н. К. Михайловскаго . . . . 170 р. 48 к.

На устройство народной школы имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

От М. М. Тагера—5 р.; студента Института Гражданскихъ Инженеровъ Д.—2 р.

Итого . . . 7 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 53 р. 50 к.

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябрицахъ, Новгородской губ.:

Отъ студента Института Гражданскихъ Инженеровъ Д.—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 3.541 р. 76 к. *)

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова:**

Черезъ П. Н. Скульскаго отъ 3 лицъ, изъ Ярославля 4 р.

Итого . . . 4 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 301 р. 85 к.

На образованіе стипендіи имени **Влад. Гал. Короленко:**

Отъ студента Института Гражданскихъ Инженеровъ Д.—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 77 р. 50 к.

---

*) Изъ этой суммы 3.509 р. 26 к. 20 февраля 1904 г. за № 6201 переведены черезъ Государственный Банкъ въ Новгородскую Губернскую Земскую Управу.

Редакторъ-Издатель: *Вл. Г. Короленко.*

Дозв. ценз. Спб., 26 мая 1904 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO
3 8198 322 280 320

